ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1961

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

18

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восемнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с марта 1872 по апрель 1875 года.

Парижская Коммуна стала рубежом нового периода всемирной истории. Изменения в мировом хозяйстве и мировой политике, обусловленные начавшимся перерастанием «свободного» капитализма в империализм, наметившийся упадок буржуазной демократии и поворот в сторону реакции создали новую обстановку для дальнейшего развития рабочего движения и выдвинули перед ним новые задачи. После Коммуны в истории международного рабочего движения начинается период развития марксизма вширь, кристаллизации и сплочения сил пролетариата, «период образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава» (В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 263).

В начале 70-х годов уже выявлялись характерные черты нового этапа развития в международном рабочем движении. Значительно расширились масштабы пропаганды теории научного коммунизма. Организации Первого Интернационала, существовавшие почти во всех странах Европы, в Северной и Южной Америке, в Австралии, Новой Зеландии, Индии, способствовали продвижению теории в более широкие массы пролетариата, в ряде стран закладывались основы самостоятельных пролетарских партий. В Германии вела борьбу первая марксистская партия — Социал-демократическая рабочая партия, во главе которой стояли соратники Маркса и Энгельса Бебель и Либкнехт. Был сделан еще один шаг к отделению рабочего

бочего

класса от мелкобуржуазной демократии: на политическую сцену выходило молодое рабочее движение России, Италии, Испании и других стран. Рост классового сознания пролетариата нашел свое отражение в том организованном отпоре, который давали передовые рабочие, объединенные в Интернационале, разгулу реакции, последовавшему за поражением Парижской Коммуны.

Гениальная прозорливость основоположников научного коммунизма проявилась в том, что они в самом начале этого крутого исторического поворота сумели правильно оценить объективную обстановку и в упорной борьбе с различного рода мелкобуржуазными течениями, в первую очередь анархизмом, наметить задачи и тактику революционной партии пролетариата в конкретных условиях, сложившихся в начале 70-х годов. Понимая, что на очередь дня встала задача тщательной идейно-политической и организационной подготовки рабочих масс к будущим пролетарским революциям, Маркс и Энгельс продолжали неустанно работать над соединением революционной теории с революционной практикой, обучали рабочих вести свою самостоятельную, независимую от буржуазии политику. Разработка Марксом и Энгельсом в эти годы важнейших программных, тактических и организационных вопросов поднимала международное рабочее движение на новый, более высокий уровень и закладывала фундамент для образования в дальнейшем в отдельных странах массовых социалистических, пролетарских партий.

Маркс продолжал в эти годы гигантский труд по завершению «Капитала», развивая дальше свое экономическое учение. В то же время Маркс систематически работает над тем, чтобы учение, изложенное в «Капитале», стало как можно скорее достоянием широких масс рабочего класса различных стран. В конце марта 1872 г. в Петербурге выходит в свет русское издание I тома «Капитала», явившееся первым переводом на иностранный язык этого основополагающего произведения научного коммунизма. Летом 1872 г. в Гамбурге вышло второе немецкое издание I тома «Капитала», а с 1872 по 1875 г. отдельными выпусками издается также и французский перевод. На страницах германской, английской, испанской рабочей печати публикуются отдельные главы и разделы программных произведений марксизма — «Манифеста Коммунистической партии» и I тома «Капитала». Огромный труд, проделанный Марксом по подготовке изданий I тома «Капитала» на ряде европейских языков, сыграл большую роль в идейно-теоретическом воспитании революционного пролетариата Европы. Энгельс в эти

годы создает ряд произведений, посвященных важнейшим вопросам теории государства и революции, начинает работать над философскими проблемами естествознания, что приведет в дальнейшем к созданию его выдающихся трудов — «Диалектики природы» и «Анти-Дюринга».

В центре внимания Маркса и Энгельса все эти годы остается изучение и теоретическое обобщение исторического опыта Парижской Коммуны, который они широко пропагандируют, стремясь сделать его достоянием трудящихся масс. Маркс и Энгельс обращают внимание пролетариата на один из главнейших уроков, который следует извлечь из опыта героической борьбы парижских коммунаров: необходимость слома старой государственной машины и замены ее государством нового типа — типа Парижской Коммуны. Практический опыт коммунаров дал возможность дополнить вывод, который был сделан Марксом на опыте революций 1848—1849 гг. в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Коммуна явилась не только первой попыткой пролетариата разбить буржуазную государственную машину, но она в то же время показала, чем можно заменить эту разбитую машину. Придавая исключительное значение этому историческому уроку, Маркс и Энгельс в 1872 г. сочли необходимым внести в связи с этим дополнение к «Манифесту Коммунистической партии». В предисловии к новому немецкому изданию они писали: «Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»» (см. настоящий том, стр. 90).

Глубоко научная оценка всемирно-исторического значения Парижской Коммуны являлась для Маркса и Энгельса средством революционного воспитания рабочих, пропаганды и внедрения в сознание пролетарских масс идеи диктатуры пролетариата. Они неустанно разъясняли рабочему классу историческую сущность Парижской Коммуны. В этой связи большой интерес представляют краткие резолюции, написанные Марксом для массового митинга членов Интернационала и коммунаров-эмигрантов в Лондоне, отмечавших первую годовщину Парижской Коммуны. Пролетариат будет рассматривать Парижскую Коммуну, писал Маркс, «как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества» (см. настоящий том, стр. 51).

В эти годы творческая мысль Маркса и Энгельса, отправляясь от опыта Парижской Коммуны, постоянно обращается к учению о государстве, к разработке вопроса о политическом

господстве рабочего класса, об условиях завоевания власти, о функциях пролетарского государства. В неразрывной связи с этими проблемами находятся вопросы политики, тактики и организации рабочего движения, вопросы о характере и задачах пролетарских партий. Оценка Парижской Коммуны стала тем пробным камнем, на котором проверялась классовая природа, выявлялся подлинный характер того или иного течения социалистической мысли. Именно по этим главным вопросам революционной теории и практики, определявшим судьбы пролетариата и его партии, была одержана теоретическая победа марксизма в рабочем движении над непролетарскими формами социализма (прудонизмом, лассальянством, бакунизмом и т. п.). В обострившейся в эти годы борьбе против реформистов и анархистских сектантов Маркс и Энгельс продолжали отстаивать и развивать идеи пролетарской революции и диктатуры пролетариата как исторически-закономерного пути ликвидации эксплуататорского капиталистического способа производства и построения социализма.

Огромное теоретическое значение имеет публикуемая в томе работа Ф. Энгельса «К жилищному вопросу», которая является одним из основных произведений марксизма. Написанная в живой, полемической форме, эта работа направлена против буржуазных и мелкобуржуазных социал-реформаторов, пытающихся кое-как замазать язвы буржуазного общества, свято оберегая его капиталистическую основу. Утопическим и реакционным проектам прудониста Мюльбергера и буржуа-филантропа Закса Энгельс противопоставляет подлинно социалистическую программу революционного пролетариата, ставящего себе целью коренную перестройку общества на началах коллективной собственности. Жилищная нужда, говорит Энгельс, является закономерным следствием всей капиталистической системы, она неизбежно приобретает все большую остроту с развитием капитализма, и только победивший пролетариат, разрешая коренные проблемы построения социалистического общества, разрешит и жилищный вопрос.

Жилищная нужда — лишь одно из проявлений эксплуататорской сущности капитализма. Но именно потому, что эта сущность проявляется здесь в наиболее затуманенной форме, что от жилищной нужды страдают не только рабочие, но и другие слои населения, буржуазные социологи выдвигают жилищный вопрос на первый план, стремясь отвлечь таким образом пролетариат от классовой борьбы против основ буржуазного общества. Раскрывая характер сделки между съемщиком и домовладельцем как обычной торговой сделки, Энгельс показывает,

что эта сделка коренным образом отличается от сделки между наемным рабочим и капиталистом; при этом Энгельс в доступной для рабочего читателя форме излагает важнейшие положения I тома «Капитала», выступая здесь, как и в ряде других работ, неутомимым пропагандистом экономического учения Маркса.

Работа Энгельса, написанная в связи с попытками насаждения в немецком рабочем движении мелкобуржуазного социализма прудоновского толка, имела огромное значение для идейного воспитания немецкой социал-демократии в духе революционного марксизма. Подвергнув уничтожающей критике статьи Мюльбергера, Энгельс завершил теоретический разгром прудонизма, осуществленный Марксом в 1847 г. в работе «Нищета философии».

Особый интерес представляют высказанные Энгельсом в работе «К жилищному вопросу» мысли о социалистическом преобразовании деревни. Оспаривая тезис Мюльбергера о том, что противоположность между городом и деревней является будто чем-то «естественным», а стремление уничтожить ее относится к области «утопий», Энгельс доказывает, что с уничтожением эксплуататорских классов в результате социалистической революции будет навсегда покончено с этой противоположностью. В социалистическом обществе тесная внутренняя связь промышленного и сельскохозяйственного производства вырвет сельское население из изолированности и отупения, в котором оно пребывало в течение тысячелетий.

Проблемы, связанные с социалистическим преобразованием деревни, раскрыты также в работе Маркса «Национализация земли», являющейся одним из важнейших документов марксизма по аграрному вопросу. Маркс рассматривает решение этой великой, по его словам, проблемы в неразрывной связи с задачами пролетарской революции и социалистического преобразования всего общества. Маркс показывает, что экономическое развитие общества, рост и концентрация населения с естественной необходимостью потребуют в будущем применения в сельском хозяйстве коллективного, организованного на социалистических началах труда. Неуклонный рост сельскохозяйственного производства может быть обеспечен лишь на основе широкого использования достижений современной науки и техники. Но, подчеркивает Маркс, «Научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе» (см. настоящий том, стр. 55).

Отмечая историческое значение национализации земли, Маркс исходил из анализа особенностей аграрного строя той или иной страны. Для Англии, при отсутствии крестьянской собственности на землю, при наличии крупного землевладения, национализация земли стала, по выражению Маркса, «общественной необходимостью». В то же время Маркс разоблачает буржуазно-реформистские идеи о возможности окончательного решения аграрного вопроса путем национализации земли в рамках капиталистического общества. «Национализация земли и передача ее мелкими участками отдельным лицам или товариществам рабочих, когда власть находится в руках буржуазии, только породила бы беспощадную конкуренцию между ними и, в результате, привела бы к увеличивающемуся росту ренты, а это в свою очередь принесло бы новые выгоды землевладельцам, живущим за счет производителей» (см. настоящий том, стр. 56).

Окончательное решение аграрного вопроса возможно только в таком государстве, где у власти стоит рабочий класс. Тогда «сельское хозяйство, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее целесообразным образом. *Национальная централизация средств производства* станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану» (см. настоящий том, стр. 57).

Развивая свои идеи по аграрному вопросу, Маркс отмечает, что пути решения этой проблемы зависят от конкретных социально-экономических условий того или иного государства, особенностей аграрного строя, положения крестьянства, исторических традиций и т. д. Для такой страны, как Франция, с ее крестьянской парцеллой, путь к социалистическому преобразованию может быть иным. В замечаниях к книге Бакунина «Государственность и анархия» Маркс отмечал, что для того, чтобы обеспечить поддержку рабочей революции со стороны масс трудового крестьянства, пролетариат «должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной...» (см. настоящий том, стр. 612).

Неустанно отстаивая идею пролетарской революции и диктатуры пролетариата, Маркс показал образец творческого

подхода к решению вопроса о формах перехода различных стран от капитализма к социализму в зависимости от конкретных исторических условий, расстановки и соотношения классовых сил. На основе анализа социально-экономических и политических условий начала 70-х годов XIX века Маркс сделал важный вклад в теорию пролетарской революции. В речи, произнесенной 8 сентября 1872 г. на митинге членов Интернационала (см. настоящий том, стр. 153—155) в Амстердаме, им был выдвинут и обоснован тезис о том, что наряду с революционным насилием — неизбежным в тех условиях средством установления и сохранения диктатуры пролетариата в подавляющем большинстве стран, — в некоторых странах: в Англии, США, Голландии, в силу определенных исторических условий, сложившихся в них (отсутствие в то время развитого чиновничье-бюрократического и милитаристского аппарата), пролетариат мог бы добиться своего господства «мирными средствами». Эта мысль, высказанная Марксом еще в 50-х годах применительно к Англии, нашла здесь свое дальнейшее развитие. Это положение было направлено и против анархистских сектантов, проповедовавших немедленную «отмену государства» путем «революционного взрыва», и против реформистов, утверждавших, что единственный путь рабочего класса к власти лежит только через парламентскую борьбу.

В. И. Ленин разоблачил попытки оппортунистов трактовать этот вывод Маркса в духе ревизионистского отказа от идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата (см. В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 217—218). Вывод Маркса о том, что наряду с насильственными средствами завоевания диктатуры пролетариата возможны и «мирные средства», свидетельствовал, что марксистская теория, чуждая всякого догматизма, требует не только понимания общих закономерностей развития пролетарской революции и диктатуры пролетариата, но и учета того особого, своеобразного, что проистекает из конкретных, экономических и политических условий той или иной страны.

Важнейшие мысли о государстве, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, о путях осуществления союза рабочего класса с крестьянством сформулированы Марксом в его критических замечаниях к книге Бакунина «Государственность и анархия». Конспектируя в 1874 г. эту своего рода библию бакунизма, Маркс делает ряд обстоятельных замечаний, в которых нашло отражение дальнейшее развитие, в процессе борьбы с анархизмом, основных положений научного коммунизма. В противовес субъективистским и волюнтаристским

рассуждениям Бакунина о возможности «социальной революции» в любое время и в любом месте, о необходимости начать революцию с «отмены государства», Маркс четко формулирует непосредственную связь пролетарской революции с определенными историческими условиями экономического развития и классовой борьбы пролетариата. Маркс обосновывает неизбежность и необходимость диктатуры пролетариата для устранения или преобразования тех экономических условий, «на которых основывается классовая борьба и существование классов» (см. настоящий том, стр. 611). В то же время Маркс подчеркивает временный, преходящий характер революционного насилия: *«Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов» (см. настоящий том, стр. 617—618). Маркс блестяще опровергает анархистскую критику диктатуры пролетариата, которая велась якобы с позиции защиты «демократии», и доказывает, что только рабочий класс, придя к власти, осуществит подлинную демократию для подавляющего большинства населения.

Значительную часть настоящего тома составляют статьи и документы, связанные с непосредственной деятельностью Маркса и Энгельса в последний период существования Первого Интернационала. Эти документы отражают повседневное руководство со стороны Маркса и Энгельса всей разносторонней жизнью Интернационала, а также их непримиримую борьбу против враждебных научному коммунизму течений и групп, в первую очередь против анархистов, пытавшихся захватить в своп руки руководство международным рабочим движением. Документы Интернационала, написанные Марксом и Энгельсом и входящие в настоящий том, показывают, что борьба с анархизмом шла по всем узловым вопросам теории и практики революционной борьбы пролетариата, поставленным во весь рост Парижской Коммуной. Эта борьба особенно обострилась после Лондонской конференции 1871 года, которая своими решениями о необходимости завоевания политической власти рабочим классом в целях построения бесклассового социалистического общества и необходимости создания в связи с этим самостоятельных рабочих партий нанесла сильнейший удар по сектантским элементам, положила четкую грань между целями и задачами Интернационала и анархистскими принципами. В циркуляре, принятом съездом анархистов в Сонвилье, в ноябре 1871 г., в противовес идее революционной диктатуры пролетариата выдвигалась бакунинская доктрина воздержания рабочих

от политической деятельности, в противовес пролетарской партийности — отрицание дисциплины и принцип «автономии». Осуществление этих требований анархистов означало бы развал и дезорганизацию рабочих объединений, разоружение рабочего класса перед лицом буржуазии, подчинение его буржуазной политике и идеологии. Несовместимость бакунинских идей с целями Интернационала ставила в качестве неотложной задачи, в период начавшегося собирания сил рабочего класса для будущих пролетарских революций, идейный и организационный разгром анархизма в рабочем движении.

Сокрушительным ударом по бакунизму явился написанный Марксом и Энгельсом циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале». Значение этой работы заключается в том, что Маркс и Энгельс разоблачили в ней бакунизм — как одно из проявлений враждебного массовому рабочему движению сектантства — и вскрыли социальные корни сектантства в целом, заключающиеся в воздействии на рабочий класс мелкобуржуазной среды. Маркс и Энгельс отмечают, что в период зарождения и становления рабочего движения возникновение сект имело свою историческую закономерность; но по мере роста рабочего движения и осознания пролетариатом как классом своего особого положения и своих особых задач секты, с их фантастическими проектами решения социальных противоречий, превращаются в помеху, препятствующую дальнейшему развитию массового пролетарского движения. Сектантство это — «детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади» (см. настоящий том, стр. 30).

Маркс и Энгельс выявили характерные черты бакунинского сектантства: теоретическую отсталость и оторванность от массового революционного движения, догматизм и «революционный» авантюризм. В противовес сектам, подчеркивали Маркс и Энгельс, рабочий класс должен иметь свою массовую революционную организацию. Такой организацией является Интернационал, подлинная и боевая организация пролетариата всех стран, «объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство» (см. настоящий том, стр. 31).

Прослеживая историю борьбы Интернационала с бакунинской организацией — Альянсом социалистической демократии, — Маркс и Энгельс показали, что программа, которую Альянс пытался навязать Товариществу, «представляет собой

лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, прикрытых звонкими фразами» (см. настоящий том, стр. 31). Разоблачая дезорганизаторскую деятельность Альянса внутри Интернационала, Маркс и Энгельс раскрыли смысл его нападок на Генеральный Совет Товарищества, как на руководящий орган, призванный обеспечивать единство и общность действий организаций Интернационала в различных странах. Осуществление требования бакунистов: свести функции Генерального Совета к роли простого корреспондентского и статистического бюро — означало бы отказ пролетариата от создания своей дисциплинированной организации, единой в идейном отношении. Борьба Маркса и Энгельса по вопросу о функциях Генерального Совета являлась по существу борьбой за организационные принципы пролетарской партии.

В ряде документов, примыкающих к «Мнимым расколам в Интернационале», отражена напряженная борьба Маркса и Энгельса против анархистов накануне созыва Гаагского конгресса. Летом 1872 г. эта борьба внутри Интернационала вступила в новую фазу. К бакунистам, укрепившимся внутри организаций Интернационала в Италии, Швейцарии и особенно в Испании, примкнули бельгийские прудонисты, выступавшие против пролетарской партийности, буржуазные реформаторы в США, английские тред-юнионисты; с бакунистами блокировались в своих нападках на Интернационал и лассальянцы.

Главной ареной борьбы против анархизма летом 1872 г. стала Испания, в которой наиболее глубоко пустил корни тайный бакунинский Альянс. Отсталость Испании в экономическом развитии вела к тому, что значительная часть испанского рабочего класса не могла еще решительно порвать с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами. «Революционные» фразы анархистов находили отклик у разоряющейся мелкой буржуазии, пополнявшей ряды испанского пролетариата. Энгельс отмечал в «Отчете Генеральному Совету о положении Товарищества в Испании, Португалии и Италии», что в секциях, основанных бакунистами, «специфические доктрины Альянса — немедленная отмена государства, анархия, антиавторитаризм, воздержание от всякого политического действия и т. д. — проповедовались в Испании как *учение* Интернационала» (см. настоящий том, стр. 176). Являясь секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Испании, Энгельс сплотил вокруг себя лучшую часть испанских членов Интернационала и с их помощью разоблачил двурушничество бакунистов. «Те самые люди, — писал он, — которые обвиняют Генеральный Совет

в «авторитарности», хотя они ни разу не смогли указать на какой-нибудь авторитарный акт с его стороны, которые при всяком удобном случае твердят об «автономии секций», о «свободной федерации групп», которые упрекают Генеральный Совет в желании навязать Интернационалу «свою официальную и ортодоксальную доктрину» и превратить Интернационал в товарищество с «иерархической» организацией, — эти же самые люди на деле организованы в тайное общество, построенное «иерархически», с порядками не только авторитарными, но и в полном смысле слова диктаторскими; они попирают ногами всякую автономию секций и федераций; при помощи этой тайной организации они стремятся навязать Интернационалу собственную и ортодоксальную доктрину г-на Бакунина» (см. настоящий том, стр. 111). Перед всеми членами Интернационала было раскрыто существование внутри Интернационала тайного общества со своей особой программой, враждебной задачам и целям Интернационала (см. К. Маркс и Ф. Энгельс «Испанским секциям Международного Товарищества Рабочих», Ф. Энгельс «Доклад об Альянсе социалистической демократии, представленный Гаагскому конгрессу от имени Генерального Совета»). «Впервые в истории борьбы рабочего класса, — писал Энгельс, — мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу» (см. настоящий том, стр. 114).

Огромная работа, проведенная Энгельсом по сплочению революционных сил в испанском рабочем движении и их воспитанию, по разоблачению сущности анархизма, заложила фундамент для создания в дальнейшем самостоятельной рабочей партии Испании.

Одновременно с разоблачением враждебной пролетариату деятельности бакунистов, Марксу и Энгельсу и их соратникам приходилось вести борьбу за очищение организаций Интернационала от мелкобуржуазных и буржуазно-реформаторских элементов, пытавшихся использовать Международное Товарищество Рабочих в своих целях. Эта борьба нашла отражение в написанных Марксом резолюциях Генерального Совета от 5 и 12 марта 1872 г. по поводу раскола в Североамериканской федерации Интернационала (см. настоящий том, стр. 47—49) и в статье Энгельса «Интернационал в Америке», а также в документе Генерального Совета, написанном в связи с попытками группы английских деятелей и мелкобуржуазных французских эмигрантов использовать в своих целях имя и авторитет Генерального Совета (см. К. Маркс

«Заявление Генерального Совета по поводу Всемирного федералистского совета»).

Борьбу внутри Интернационала Марксу и Энгельсу приходилось вести в условиях непрерывных атак извне со стороны буржуазных политических деятелей, продажных журналистов и т. п., пытавшихся исказить и извратить характер и значение Международного Товарищества Рабочих, дискредитировать его руководителей. В ходе этой работы, которая стала составной частью идеологической борьбы между пролетариатом и буржуазией, Маркс и Энгельс разоблачали методы буржуазной политики, пропагандировали на страницах печати идеи Интернационала и его значение. В заявлении Генерального Совета, написанном Марксом в связи с клеветническим выступлением в палате общин члена парламента Кокрена, Маркс с едкой иронией разоблачал объединенные усилия реакционеров всех стран, направленные к тому, чтобы любыми средствами уничтожить организацию пролетариата. «Подвиги» французской и испанской реакции, замечает Маркс, «пробудили благородный дух соревнования в сердцах представителей аристократии в британской палате общин» (см. настоящий том, стр. 61). В статье в итальянскую демократическую газету «Gazzettino Rosa» «Еще раз Стефанони и Интернационал» Маркс вскрыл приемы буржуазных журналистов, не брезговавших никакими грязными средствами, чтобы оклеветать руководителей пролетариата.

Гневную отповедь дал Маркс вульгарному экономисту Брентано, пытавшемуся «уличить» Маркса в фальсификации использованного при составлении «Учредительного Манифеста» материала. В статьях «Ответ на статью Брентано» и «Ответ на вторую статью Брентано» Маркс раскрыл истинную подоплеку этого очередного клеветнического вымысла.

Группа документов, включенных в настоящий том, отражает большую систематическую и повседневную работу Маркса и Энгельса по руководству национальными организациями Интернационала. В качестве секретарей-корреспондентов Генерального Совета для ряда стран Маркс и Энгельс являлись авторами многочисленных официальных писем и документов, направляемых секциям Интернационала и отдельным его деятелям. В официальных письмах (см. К. Маркс «К бастующим горнорабочим Рура» и Ф. Энгельс «Испанскому федеральному совету», «Гражданам-делегатам национального испанского съезда, собравшегося в Сарагосе», «Феррарскому обществу рабочих», «Комитету для освобождения рабочих классов в Парму» и др.) Маркс и Энгельс разъясняли организационную структуру Интернационала и пропагандировали его решения.

Важнейшей частью идейной и организационной работы Маркса и Энгельса в Интернационале была их публицистическая деятельность, направленная на воспитание и сплочение революционных сил в международном рабочем движении. Документы и статьи, посланные Марксом и Энгельсом, печатались в немецких газетах «Volksstaat» и издававшейся в США «Arbeiter-Zeitung», английских «Eastern Post» и «International Herald», испанской «Emancipacion», португальской «Pensamento Social», итальянских «Plebe» и «Gazzettino Rosa» и других.

Большое значение для становления итальянского рабочего движения имело регулярное сотрудничество Энгельса в течение 1872 г. в социалистической газете «Plebe». Статьи Энгельса о забастовке английских сельскохозяйственных рабочих (см. настоящий том, стр. 69—71), о выступлениях ирландских членов Интернационала в защиту арестованных фениев (см. настоящий том, стр. 183—185), о положении в Испании (см. настоящий том, стр. 186—188) и другие, публиковавшиеся под общим названием «Письма из Лондона», знакомили итальянских рабочих с рабочим движением других стран, способствовали укреплению интернациональных связей рабочего класса Италии, искоренению анархистского влияния.

Один из важнейших разделов тома составляют документы и статьи, связанные с Гаагским конгрессом Интернационала. Маркс и Энгельс в течение лета 1872 г. вели огромную работу по подготовке очередного конгресса Интернационала, на котором должен был окончательно решаться вопрос борьбы с бакунистами. По предложению Маркса и Энгельса была принята повестка дня, намечен срок созыва конгресса (см. Ф. Энгельс «Резолюция Генерального Совета о созыве и порядке дня конгресса в Гааге»).

Гаагский конгресс, состоявшийся 2—7 сентября 1872 г., стал, как и Лондонская конференция 1871 г., важнейшим этапом в борьбе Маркса и Энгельса за идейные и организационные основы пролетарской партии. Гаагский конгресс Интернационала, работа которого проходила под непосредственным руководством Маркса и Энгельса и при самом активном их участии, знаменовал собой крупнейшую победу марксизма над мелкобуржуазным мировоззрением анархистов. В центре внимания конгресса стояли два неразрывно связанных между собой вопроса: открытое признание в качестве программного положения Интернационала основной идеи научного коммунизма — идеи диктатуры пролетариата как орудия и средства построения бесклассового общества и провозглашение в качестве

руководящего принципа развития международного рабочего движения — образование независимых от буржуазии массовых политических партий пролетариата. Решение этих вопросов получило свое отражение в резолюциях конгресса.

Маркс выступил на конгрессе от имени- Генерального Совета с отчетом о деятельности Интернационала (см. настоящий том, стр. 123—131); в отчете дан глубокий анализ обстановки, в которой действовал Интернационал после Парижской Коммуны, и качественных изменений, происшедших в рабочем движении.

Придавая большое значение разъяснению своих взглядов и добиваясь сплочения революционно-пролетарских сил и изоляции анархистов, Маркс и Энгельс выступали на конгрессе почти по всем обсуждавшимся вопросам. Публикуемые в «Приложениях» записи некоторых речей Маркса и Энгельса отражают их настойчивую борьбу за укрепление политических и организационных принципов Интернационала и очищение его рядов от мелкобуржуазных элементов.

В томе публикуются резолюции Гаагского конгресса. Большая часть их была написана Марксом и Энгельсом; в основу остальных легли предложения, с которыми Маркс и Энгельс выступали на заседаниях Генерального Совета в процессе подготовки конгресса. По поручению конгресса Маркс и Энгельс отредактировали все резолюции и подготовили их к публикации. Огромное значение имело включение в Общий Устав Интернационала основного содержания резолюции Лондонской конференции 1871 г. о политическом действии рабочего класса (см. настоящий том, стр. 143), а также включение в Организационный регламент статьи о расширении полномочий Генерального Совета. Итог борьбы Маркса и Энгельса и их сторонников против анархистов был подведен в резолюции об исключении лидеров бакунистов из Интернационала. По предложению Маркса и Энгельса, исходивших из реальной исторической обстановки, сложившейся в Европе в начале 70-х годов, была принята резолюция о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк (см. настоящий том, стр. 150—151). В публикуемой речи Энгельса содержится обоснование этого предложения (см. настоящий том, стр. 645—646).

В своей совокупности решения конгресса определяли задачи и перспективы рабочего движения в новых исторических условиях. Они закладывали фундамент для формирования в ближайшем будущем массовых пролетарских партий в рамках национальных государств.

С документами Гаагского конгресса непосредственно связана большая группа статей, написанных Марксом и Энгельсом

с целью пропаганды в рабочем движении его важнейших решений. К ним относятся речь Маркса об итогах конгресса на митинге членов Интернационала в Амстердаме («О Гаагском конгрессе; корреспондентская запись речи»), статьи Энгельса «Конгресс в Гааге (письмо к Биньями)» и «Еще о Гаагском конгрессе» («Письма из Лондона». II), опубликованные в итальянской газете «Plebe». В органе Новой мадридской федерации — газете «Emancipacion» была опубликована статья «Императивные мандаты на Гаагском конгрессе», в которой Энгельс, разоблачая поведение бакунистских делегатов на конгрессе в Гааге, еще раз показал, что псевдореволюционные фразы об автономии, свободной федерации общин и т. п. неизбежно ведут к развалу рабочих организаций.

Итоги борьбы с бакунистами были подведены Марксом и Энгельсом в написанном ими по поручению конгресса докладе для всех членов Интернационала, вышедшем в 1873 г. под названием «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Эта работа, основанная на большом количестве конкретно-исторических фактов, должна была служить задаче окончательного разгрома бакунистов в Интернационале. В ней на основании многочисленных документов, частью исходящих от самих бакунистов, было полностью доказано существование внутри Интернационала тайной организации анархистов — Альянса социалистической демократии, раскрыта прямая противоположность ее организационных и идейных принципов целям и задачам рабочего движения. В этом произведении Маркс и Энгельс проследили разлагающую работу бакунистов в европейских странах и раскрыли прямую связь их дезорганизаторской деятельности внутри Товарищества с атаками на него извне, со стороны реакции. Маркс и Энгельс показали, какой огромный вред наносят рабочему движению анархистские сектанты. В главе «Альянс в России» была предана гласности и подверглась суровому осуждению деятельность агентов Бакунина в России; были разоблачены методы обмана и лжи, с помощью которых действовал близкий к Бакунину Нечаев, показан тот вред, который причинила авантюристическая деятельность Бакунина и Нечаева русскому революционному движению.

Добившись разоблачения подрывной деятельности бакунистов и исключения их лидеров из Интернационала, Маркс и Энгельс продолжали вести против них теоретическую борьбу по таким коренным вопросам марксизма, как вопрос о завоевании пролетариатом политической власти и о роли диктатуры пролетариата.

В работе «Политический индифферентизм» Маркс вскрыл всю теоретическую несостоятельность и политическую вредность проповедуемой бакунистами прудоновской доктрины отказа рабочего класса от политической борьбы и анархистской идеи немедленной «отмены государства», показал, что эти идеи на деле обезоруживают рабочих перед лицом капиталистического общества и обрекают их на роль его покорных слуг. Критикуя эти анархистские взгляды, Маркс обосновывает историческую необходимость революционной диктатуры пролетариата.

Ленин, разрабатывая накануне Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о государстве, революции и диктатуре пролетариата, разоблачая ревизионистскую фальсификацию марксистского учения, раскрыл теоретическое содержание и историческое значение выступлений Маркса и Энгельса против анархистов по этим вопросам. «Маркс, — писал Ленин, — нарочно подчеркивает — чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом — «революционную и *преходящую* форму» государства, необходимого для пролетариата» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 407).

Глубокая критика взглядов так называемых антиавторитаристов и обоснование марксистских взглядов по вопросу об отношении пролетарской революции к государству дана в работе Энгельса «Об авторитете», которая также была широко использована В. И. Лениным в борьбе против оппортунизма. Энгельс разоблачил антинаучную и антиреволюционную сущность анархистской идеи «отмены государства» еще до того, как будут отменены те социальные отношения, которые его породили. Он подверг жестокой критике путанные и отсталые взгляды анархистов, призывавших к уничтожению всякого авторитета. «Революция, — писал Энгельс, — есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие... Итак: или — или. Или антиавторитаристы сами не знают, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (см. настоящий том, стр. 305).

Ленин, анализируя эту работу Энгельса, подчеркнул все принципиальное отличие критики анархизма, данной Марксом и Энгельсом, от той критики, с помощью которой ревизионисты

из II Интернационала прикрывали свою измену марксизму, свое стремление затушевать классовую сущность буржуазного государства и увековечить его существование. «Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, — писал Ленин, — миллионы раз спорили с 1873-го года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно,* — вот как ставил вопрос Энгельс» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 410).

В своем большом произведении «Бакунисты за работой» Энгельс дополнил критический анализ порочных теоретических доктрин анархистов не менее глубокой критикой их авантюристической тактики. Статья Энгельса, написанная в связи с полным провалом попыток бакунистов осуществить на практике свои доктрины в ходе испанской буржуазно-демократической революции 1873 г., является образцом строго научного подхода к определению задач рабочего класса в зависимости от конкретно-исторических особенностей развития страны, от сложившихся в ней политических и экономических условий, уровня развития самого пролетариата. Статья Энгельса «Бакунисты за работой» явилась серьезным вкладом в разработку марксистского учения о тактике пролетариата в буржуазно-демократической революции, о вооруженном восстании как искусстве, об использовании пролетариатом революционной власти, о дополнении революционных действий масс «снизу» действиями революционного правительства «сверху». Энгельс указывает, что тактика пролетариата в такой отсталой в социально-экономическом отношении стране, какой является Испания, должна определяться прежде всего необходимостью доведения до конца буржуазно-демократической революции. Игнорирование бакунистами задач буржуазно-демократической революции составляет, как указывал Энгельс, одну из главных порочных сторон их тактики. Энгельс раскрывает, как бакунисты, за которыми в то время шла значительная часть испанского пролетариата, стремясь осуществить свои доктрины, неизбежно должны были на практике, несмотря на все свое «революционное фразерство», пойти на поводу у буржуазии. «Бакунисты, — заключает Энгельс, — дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию» (см. настоящий том, стр. 474).

Часть документов, публикуемых в данном томе, связана с непосредственным участием Маркса и Энгельса в эти годы в английском рабочем движении. Позиция Интернационала, открыто солидаризировавшегося с Парижской Коммуной,

а также решения Лондонской конференции 1871 г., привели к окончательному разрыву Генерального Совета Интернационала с оппортунистическими лидерами крупных тред-юнионов. Опорным пунктом в борьбе за широкие массы английского рабочего класса для Маркса и Энгельса стал в 1871—1873 гг. Британский федеральный совет, созданный в октябре 1871 г. по решению Лондонской конференции. Борьба против оппортунистов за Британский федеральный совет являлась частью их борьбы за усиление революционного направления в английском рабочем движении, против либерального тред-юнионизма. Маркс и Энгельс помогали Британскому совету укреплять связи с рабочими массами, вели через его членов пропаганду идей научного коммунизма, руководили борьбой против реформистских элементов, проникших в состав совета.

Маркс и Энгельс всемерно помогали вовлечь в Интернационал молодое ирландское рабочее движение. Они поддерживали идею создания массовой самостоятельной ирландской организации Интернационала, рассматривая ее как основу для образования в будущем ирландской рабочей партии, не зависимой от буржуазных националистов. Маркс и Энгельс настойчиво и последовательно боролись за преодоление искусственно разжигаемой английской буржуазией вражды между английскими и ирландскими рабочими, против шовинистических взглядов, проповедуемых английскими реформистскими лидерами. Эта борьба Маркса и Энгельса за воспитание английских рабочих в духе пролетарского интернационализма отражена в публикуемой впервые большой речи Энгельса на заседании Генерального Совета Интернационала 14 мая 1872 года. Речь Энгельса, которую он произнес во время дискуссии о взаимоотношениях между Британским федеральным советом и ирландскими секциями в Англии, является блестящим примером разоблачения великодержавного шовинизма и защиты принципов пролетарского интернационализма. «Если члены Интернационала, — утверждал Энгельс, — принадлежащие к господствующей нации, призывают нацию, завоеванную и продолжающую оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, «отбросить национальные разногласия» и т. д., то это не интернационализм, а не что иное, как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма... В случае подобном ирландскому подлинный интернационализм должен, безусловно, основываться на самостоятельной национальной организации» (см. настоящий том, стр. 75). В своей речи Энгельс опирается на важнейшее положение теории научного

коммунизма о неразрывной связи освободительной борьбы рабочего класса метрополий с национально-освободительным движением угнетенных народов.

Неустанная работа Маркса и Энгельса в Интернационале по воспитанию английских и ирландских рабочих в духе пролетарского интернационализма давала свои плоды. В статье, опубликованной в итальянской газете «Plebe» в ноябре 1872 г. о совместном митинге ирландских и английских членов Интернационала, требовавших освобождения ирландских политических заключенных, Энгельс мог заявить: «Это первый случай дружеского единения английских и ирландских элементов нашего населения. Две части рабочего класса, взаимная вражда которых так хорошо служила интересам правительства и богатых классов, теперь протягивают друг другу руку; этот отрадный факт есть прежде всего результат влияния прежнего Генерального Совета Интернационала, который всегда направлял все усилия на то, чтобы подготовить союз рабочих обеих наций на основе полного равенства» (см. настоящий том, стр. 184—185).

Решение Гаагского конгресса, включенное в Устав Интернационала, о создании независимых рабочих партий наносило тяжелый удар по оппортунистическим элементам. В связи с этим обострилась борьба с реформистскими элементами, которые в декабре 1872 г. раскололи Британский федеральный совет. Ряд документов, написанных Марксом и Энгельсом, отражает их борьбу по сплочению революционных сил в Британской федерации. Написанные Марксом от имени совета «Обращение Британского федерального совета к секциям, отделениям, присоединившимся обществам и членам Британской федерации Интернационала» и «Ответ на новый циркуляр мнимого большинства Британского федерального совета», а также вышедшее из-под пера Энгельса обращение «Манчестерская иностранная секция — всем секциям и членам Британской федерации» разоблачали действия реформистов, изгнанных из Интернационала. Маркс и Энгельс содействовали закреплению победы над реформистами на Манчестерском съезде английских секций, состоявшемся в июне 1873 года. С их помощью авангард английского пролетариата завоевал исходные позиции для дальнейшей борьбы за распространение теории научного коммунизма в английском рабочем движении (см. настоящий том, стр. 453-454).

Отдавая должное успехам революционного направления английского рабочего движения, Маркс и Энгельс в то же время вскрывали общую тенденцию развития движения, обусловленную социально-экономическим положением Англии. Глубокий

анализ социальных истоков оппортунизма, временно упрочившегося в руководстве рабочим классом Англии, содержит статья Энгельса «Английские выборы», написанная им в феврале 1874 года. «В Англии больше не существует особой политической рабочей партии, — писал Энгельс. — Да-это и понятно в такой стране, где рабочий класс больше, чем где бы то ни было, получал свою долю выгоды от огромного роста крупной промышленности, а при господстве Англии на мировом рынке иначе и не могло быть» (см. настоящий том, стр. 477). Энгельс отмечал, что в своей массе английские рабочие в последнее время участвуют в политической борьбе «почти исключительно как крайнее левое крыло «великой либеральной партии»». Энгельс подчеркивал, что перед английским пролетариатом стоит неотложная задача организации сильной самостоятельной рабочей партии.

Конгресс в Гааге фактически явился последним конгрессом Интернационала. Новая обстановка и специфические особенности рабочего движения в различных странах требовали новых форм организации рабочего класса. Первый Интернационал, как организационная форма объединения боевых сил пролетариата, перестал соответствовать растущему вширь международному рабочему движению. Жизнь поставила в качестве важнейшей задачи формирование и укрепление пролетарских партий в каждой стране, предпосылки для основания которых были созданы Первым Интернационалом.

Продолжавшееся наступление реакции в европейских странах, временное подчинение английского рабочего движения политике либеральной буржуазии и дезорганизаторские действия бакунистов, которым удалось отколоть от Международного Товарищества Рабочих часть его организаций, — все это также делало невозможным активную деятельность Интернационала в его прежней форме.

Марксу и Энгельсу всегда был чужд доктринерский подход к вопросу о формах организации движения рабочего класса. Для них становилось ясным, что Интернационал как организационная форма исторически себя изжил и исчерпал свои возможности.

Этот глубокий и трезвый анализ сложившихся условий отражен в письмах Маркса и Энгельса к своим соратникам в 1873— 1874 годах. В письмах Маркса и Энгельса к Зорге, Бебелю, Либкнехту и др. содержится не только анализ обстановки, но и намечены пути к созданию новых форм организации, отвечающих задачам рабочего движения на новом этапе его развития. Мысль о необходимости отказаться от сложившихся форм орга-

низации Интернационала Маркс высказывает в письме к Зорге 27 сентября 1873 г., в котором он подчеркивает, что отказ от такой организационной формы, как Интернационал, не означает прекращения международного пролетарского сотрудничества. Итоги деятельности Интернационала подвел Энгельс в своем письме к Зорге 12—17 сентября 1874 года: *«старый* Интернационал, — писал он, — полностью завершил свое существование... в старой форме он себя пережил»; будущий Интернационал, предсказывает Энгельс, будет союзом пролетарских партий всех стран. Энгельс выражает твердую уверенность, что настанет время, когда будет создан коммунистический Интернационал, безоговорочно выдвигающий принципы марксизма.

Первый Интернационал сыграл крупнейшую историческую роль в развитии международного рабочего движения. Впервые в истории рабочий класс имел возможность почувствовать силу своих организованных действий в борьбе против класса капиталистов. Под руководством Маркса и Энгельса, в упорной борьбе, был нанесен сокрушительный удар по всем формам домарксовского, непролетарского социализма. Первый Интернационал явился школой, в которой авангард международного пролетариата приобщался к идеям научного коммунизма, учился пролетарскому интернационализму. В Интернационале Маркс и Энгельс воспитывали пролетарские кадры, необходимые для создания в будущем национальных рабочих партий. Первый Интернационал под руководством Маркса и Энгельса заложил фундамент пролетарской международной борьбы за социализм. В. И. Ленин отмечал, что «деятельность первого Интернационала оказала великие услуги рабочему движению всех стран и оставила прочные следы» (В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 66).

В своей неустанной деятельности по руководству международным рабочим движением основоположники марксизма уделяли особое внимание немецкому рабочему классу, считая, что ему принадлежит на ближайшее время роль авангарда мирового пролетариата. Эта роль определялась прежде всего наличием в Германии первой массовой марксистской партии национального масштаба. С руководителями немецкой Социал-демократической рабочей партии, Бебелем, Либкнехтом и другими, Маркс и Энгельс находились в постоянном контакте, помогали им преодолевать ошибки оппортунистического и примиренческого характера. Социал-демократическая рабочая партия служила им опорой в борьбе за сплочение революционных сил международного пролетариата.

В томе публикуются многочисленные статьи, написанные Энгельсом специально для центрального органа немецкой Социал-демократической партии, газеты «Volksstaat». К этому времени все больше определяется то разделение труда между Марксом и Энгельсом, о котором писал сам Энгельс: «на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе, — в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами, — для того, чтобы сберечь Марксу время для работы над его великим главным трудом» (Предисловие к «К жилищному вопросу» 1887 года). Именно в «Volksstaat» были впервые напечатаны блестящие публицистические произведения, вышедшие из-под пера Энгельса в 1872—1875 гг. («К жилищному вопросу», «Бакунисты за работой», «Эмигрантская литература» и другие).

В томе публикуется написанное в 1874 г. добавление к предисловию 1870 года к «Крестьянской войне в Германии», которое содержит важнейшие замечания Энгельса о значении теории в социалистическом и рабочем движении. Эти замечания Ленин характеризовал как «напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342). Энгельс формулирует здесь глубочайшую мысль о том, что пролетарская партия может выполнить свою историческую задачу только будучи вооружена революционной теорией. Он видит обязанность руководителей партии в постоянном изучении теории, в преодолении мелкобуржуазного влияния. «Социализм, — писал Энгельс, — с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов» (см. настоящий том, стр. 499). Энгельс особо отмечает необходимость воспитания масс в духе пролетарского интернационализма.

В добавлении к предисловию содержатся важнейшие теоретические указания о характере, задачах и формах борьбы рабочего класса и его партии. Энгельс определяет три неразрывно связанных между собой направления, в которых должна вестись борьба рабочего класса: в теоретической, политической и практически-экономической области (см. настоящий том, стр. 499). Маркс и Энгельс в качестве первоочередной задачи немецкой рабочей партии выдвигают задачу завоевания на свою сторону широких масс трудящихся и в связи с этим необходимость полного преодоления влияния лассальянского сектантства.

Выступая сторонниками преодоления раскола в немецком рабочем движении и объединения социалистов в единую партию, Маркс и Энгельс в то же время неустанно подчеркивали, что объединение должно произойти только на принципиальной основе, без каких бы то ни было идейных уступок лассальянству, мелкобуржуазную сущность которых они продолжали разоблачать. Критике позиции лассальянцев по отношению к Интернационалу, разоблачению их клеветнических выступлений в адрес Гаагского конгресса и нового состава Генерального Совета посвящены два документа Энгельса: «По поводу статей в «Neuer Social-Demokrat» (Из письма А. Гепнеру)» и «Интернационал и «Neuer»».

Статьи Энгельса «Имперский военный закон», «Официозный вой о войне» и другие имели большое значение для разъяснения немецким рабочим реакционной сущности агрессивной, созданной в 1871 г. под гегемонией Пруссии Германской империи. Энгельс, являясь неутомимым борцом против милитаризма, обличает «германскую империю прусской нации» как истинную представительницу милитаризма, разоблачает трусливое и раболепное поведение немецкой буржуазии по отношению к правительству Бисмарка (см. статью ««Кризис» в Пруссии»). Энгельс объясняет, что господствующим принципом политики буржуазии является страх перед пролетариатом.

В добавлении к предисловию 1870 года к «Крестьянской войне в Германии» и в работе «К жилищному вопросу» Энгельс дает глубокий анализ бонапартистского характера Германской империи и отмечает своеобразную задачу, поставленную перед Германией ее историческим развитием — «завершить в конце этого столетия в приятной форме бонапартизма свою буржуазную революцию, начавшуюся в 1808—1813 гг...» (см. настоящий том, стр. 496). Энгельс на примере прусско-бисмарковского варианта бонапартизма раскрывает ряд особенностей бонапартистской монархии.

К этим работам Энгельса примыкают публикуемые в отделе рукописного наследства «Заметки о Германии». В них в сжатом виде изложена марксистская концепция германской истории с конца средних веков до начала XIX века. Энгельс вскрывает причины исторической раздробленности Германии, причины ее политической и экономической отсталости. Авантюристическая, антинародная политика правящих классов германских государств, в особенности юнкерской Пруссии, неспособность немецкой буржуазии по-революционному решать вопросы борьбы с феодализмом привели к тому, что Германия вплоть до середины XIX века не завершила буржуазных преобразований.

Ряд статей, помещенных в настоящем томе, отражает постоянное и неослабное внимание, с каким Маркс и Энгельс относились к России и русскому революционному движению. Основоположники научного коммунизма тщательно следили за всеми проявлениями революционного движения в России, отмечая каждый его шаг, прозорливо предсказывая русской революции великую будущность.

Маркс и Энгельс отдавали много времени изучению экономики, аграрного строя и общественных отношений пореформенной России, новой складывавшейся там расстановки классов. Они изучают русскую культуру и русский язык, который, по словам Энгельса, «всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы» (см. настоящий том, стр. 526).

В серии статей «Эмигрантская литература», в которых дана характеристика новым тенденциям демократического и рабочего движения, Энгельс отмечает решающие факторы, определяющие нарастание революционной обстановки в России: выход на политическую арену русского рабочего класса и неизбежный рост массового крестьянского движения, являющегося ответом на ограбление крестьянства после падения крепостного права. Глубину и силу русского революционного движения, подчеркивает Энгельс, характеризуют «два социалистических Лессинга» — Чернышевский и Добролюбов, выдающиеся деятели революционной России. В этих статьях отражена вера основоположников научного коммунизма в. неизбежную победу русской революции. В работе «Эмигрантская литература», ч. III, IV и особенно V — «О социальном вопросе в России», подвергнуты критике основные направления русского народничества начала 70-х годов в лице таких его идеологов как П. Лавров и П. Ткачев. Энгельс раскрывает свойственный народникам идеалистический, волюнтаристский взгляд на историю, непонимание ими материалистических основ общественного развития. Общий анализ социальных отношений в России после 1861 г. приводит Энгельса к выводу о все большем развитии капитализма в этой стране и о разложении в связи с этим общинной собственности в деревне. Он подвергает резкой критике идеализацию крестьянской общины народниками, высмеивает игнорирование ими тесной связи между царским абсолютизмом и материальными интересами помещиков и капиталистов.

Эти критические замечания Энгельса положили начало той всесторонней критике русского народничества в марксистской литературе, которая была завершена В. И. Лениным в 90-х годах

XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества.

В непосредственной связи с задачами и перспективами русской революции Энгельс рассматривает и вопросы о будущем Польши. В работе «Эмигрантская литература» и в речах Маркса и Энгельса на митинге в честь годовщины польского восстания 1863 г. (см. настоящий том, стр. 553—556) содержится постановка важнейшего вопроса о связи борьбы рабочего класса против эксплуататорского общества с борьбой угнетенных народов за свое национальное освобождение. В работе «Эмигрантская литература» Энгельс вновь формулирует важнейшее положение научного коммунизма: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (см. настоящий том, стр. 509). Освобождение польского народа от социального и национального угнетения Маркс и Энгельс связывали с борьбой русских народных масс против царского самодержавия.

Произведения, документы и материалы, вошедшие в восемнадцатый том, характеризуют основное направление теоретической и политической деятельности Маркса и Энгельса с начала 1872 по апрель 1875 года; они раскрывают процесс творческой разработки Марксом и Энгельсом коренных вопросов теории и практики революционной борьбы пролетариата применительно к новым историческим условиям. В ходе борьбы против оппортунизма и анархистского сектантства Маркс и Энгельс учили пролетарский авангард сочетать в своей деятельности революционную принципиальность и трезвую оценку складывающихся исторических условий, вооружали быстро растущее рабочее движение пониманием его революционных задач и перспектив.

* * *

В состав настоящего тома включено 29 работ и документов, не вошедших в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. К ним относятся написанные Марксом «Резолюции митинга в честь годовщины Парижской Коммуны», ряд документов Интернационала, связанных с английским рабочим движением, статьи Энгельса в итальянской газете «Plebe» его речь «О взаимоотношениях между ирландскими секциями и Британским федеральным советом», статья «Имперский военный закон», записи речей Маркса и Энгельса и др. Из вновь включаемых работ 27 печатаются на русском языке впервые, из них 6 работ вообще публикуются впервые.

В раздел «Из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса» вошли конспект Маркса книги Бакунина «Государственность и анархия», рукопись Энгельса «Заметки о Германии».

В раздел: «Приложения» входят документы, в составлении или редактировании которых участвовали Маркс и Энгельс, протокольные записи их речей на заседаниях Генерального Совета и Гаагского конгресса, документы Генерального Совета, раскрывающие деятельность Маркса и Энгельса по руководству Интернационалом.

При работе над текстами публикуемых в томе произведений и документов использованы различные сохранившиеся печатные и рукописные варианты и прижизненные оригинальные и переводные издания; важнейшие из разночтений отражены в подстрочных примечаниях. Опечатки и описки в именах собственных, географических названиях, датах и т. д. исправлены на основании проверки фактов. Заглавия статей даны в соответствии с оригиналами. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

март 1872—апрель 1875

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

МНИМЫЕ РАСКОЛЫ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ЗАКРЫТЫЙ ЦИРКУЛЯР ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [1]

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между серединой января — 5 марта 1872 г.

Напечатано в виде брошюры в Женеве в 1872 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с французского

LES

PRÉTENDUES SCISSIONS

DANS

L'INTERNATIONALE

CIRCULAIRE PRIVÉE

DU

CONSEIL GÉNÉRAL

DE

L'ASSOCIATION INTERNATIONALE DES TRAVAILLEURS

GENÈVE
IMPRIMERIE COOPÉRATIVE, RUE DU CONSEIL-GÉNÉRAL, 8
—
1872

Титульный лист брошюры К. Маркса и Ф. Энгельса
«Мнимые расколы в Интернационале»

До сих пор Генеральный Совет считал нужным полностью воздерживаться от каких-либо выступлений по поводу внутренней борьбы в Интернационале и никогда не отвечал публично на открытые нападки, которым он подвергается вот уже более двух лет со стороны некоторых членов Товарищества.

Но если можно было и дальше хранить молчание, пока дело ограничивалось происками нескольких интриганов, намеренно стремившихся вызвать путаницу между Интернационалом и некиим обществом*, которое с самого своего возникновения было ему враждебным, то теперь, когда в скандалах, вызываемых этим обществом, находит себе опору европейская реакция, в момент, когда Интернационал переживает кризис, какого он не испытывал с самого своего основания, Генеральный Совет вынужден дать исторический обзор всех этих интриг.

I

Первым шагом, предпринятым Генеральным Советом после падения Парижской Коммуны, было опубликование воззвания о гражданской войне во Франции[2], в котором он выражал свою солидарность со всеми действиями Коммуны в тот самый момент, когда эти действия служили буржуазии, печати и европейским правительствам поводом, чтобы обрушить на побежденных парижан потоки самой гнусной клеветы. Даже часть рабочего класса не понимала, что поражение было нанесено ею

* — Международным альянсом социалистической демократии. *Ред.*

собственному делу. Одним из доказательств этого для Совета послужил выход из его состава двух членов, граждан Оджера и Лекрафта, которые полностью отреклись от какой бы то ни было солидарности с этим воззванием. Можно сказать, что его опубликование во всех цивилизованных странах мира положило начало единству взглядов рабочего класса на события в Париже.

С другой стороны, Интернационал нашел весьма могучее средство пропаганды в буржуазной прессе, в особенности в большой английской прессе, вынудив ее этим воззванием вступить в полемику, которая поддерживалась ответами Генерального Совета[3].

Прибытие в Лондон многочисленных эмигрантов Коммуны заставило Генеральный Совет превратиться в комитет помощи и выполнять эту, совершенно не входящую в его обычные обязанности, функцию в течение восьми с лишним месяцев[4]. Само собой разумеется, что побежденные и изгнанные коммунары не могли рассчитывать на помощь буржуазии. Что касается рабочего класса, то требование о помощи поступило в тяжелый момент. В Швейцарию и Бельгию уже прибыли значительные группы эмигрантов, которым нужно было либо оказывать поддержку, либо помочь перебраться в Лондон. Суммы, собранные в Германии, Австрии и Испании, направлялись в Швейцарию. В Англии напряженная борьба за девятичасовой рабочий день, решающим моментом которой были события в Ньюкасле[5], исчерпала как индивидуальные взносы рабочих, так и фонды тред-юнионов, которые, кстати сказать, согласно уставам, могут расходоваться только для целей профессиональной борьбы. Однако благодаря неустанной деятельности и переписке Совету удавалось собирать небольшие суммы денег, которые он распределял еженедельно. Американские рабочие более широко откликнулись на его призыв. Вот если бы Совет мог реализовать те миллионы, которыми так щедро наделило кассу Интернационала перепуганное воображение буржуазии!

После мая 1871 г. группа эмигрантов Коммуны была введена в состав Совета взамен выбывших вследствие войны французских представителей. Среди кооптированных были и давнишние члены Интернационала, а также несколько лиц, известных своей революционной энергией, избрание которых явилось данью уважения Парижской Коммуне.

Наряду со всеми этими заботами, Совет должен был вести подготовительную работу к созываемой им конференции[6].

Жестокие репрессии бонапартистского правительства против Интернационала помешали предусмотренному постановлением

Базельского конгресса созыву конгресса в Париже. Генеральный Совет, воспользовавшись правом, предоставленным ему статьей 4 Устава, объявил циркуляром от 12 июля 1870 г. о созыве конгресса в Майнце[7]. В письмах, направленных одновременно с этим различным федерациям, он предлагал перенести местопребывание Генерального Совета из Англии в какую-либо другую страну и просил по этому вопросу снабдить делегатов императивными мандатами; федерации единодушно высказались за оставление Совета в Лондоне[8]. Вспыхнувшая несколько дней спустя франко-прусская война сделала созыв конгресса вообще невозможным. И тогда запрошенные нами федерации дали нам полномочия назначить срок созыва очередного конгресса в зависимости от хода событий.

Как только позволила политическая обстановка, Генеральный Совет созвал закрытую конференцию, опираясь на прецеденты конференции 1865 г.[9] и закрытых заседаний по организационным вопросам, происходивших во время каждого конгресса. Созыв открытого конгресса в тот момент, когда европейская реакция справляла свои оргии; когда Жюль Фавр требовал от всех правительств, даже от английского, выдачи эмигрантов как уголовных преступников; когда Дюфор предлагал помещичьей палате закон, ставивший Интернационал вне закона[10], закон, лицемерную подделку которого Малу впоследствии преподнес бельгийцам; когда в Швейцарии один из эмигрантов Коммуны в связи с требованием о его выдаче был подвергнут предварительному аресту еще до решения федерального правительства; когда травля членов Интернационала послужила явной основой союза между Бёйстом и Бисмарком, причем к пункту соглашения, направленного против Интернационала, поспешил присоединиться и Виктор-Эммануил; когда испанское правительство, предоставив себя всецело в распоряжение версальских палачей, заставило Федеральный совет, находившийся в Мадриде, искать себе убежища в Португалии[11]; наконец, когда первой обязанностью Интернационала было сплотить свою организацию и принять вызов, брошенный ему правительствами, — в такой момент созыв открытого конгресса был невозможен, он мог привести лишь к тому, что выдал бы делегатов континента в руки правительств.

Все секции, поддерживавшие регулярную связь с Генеральным Советом, были своевременно приглашены на конференцию, подготовка которой, хотя речь шла не об открытом конгрессе, все же столкнулась с серьезными затруднениями. Само собой разумеется, что Франция при том положении, в котором она находилась, не могла избрать делегатов. В Италии единственной

организованной секцией тогда была неаполитанская секция; к моменту выборов делегата она была разогнана вооруженной силой. В Австрии и Венгрии наиболее активные члены Интернационала были заключены в тюрьму. В Германии несколько наиболее известных его членов подвергались преследованиям по обвинению в государственной измене, другие находились в тюрьме, и денежные средства партии целиком уходили на помощь их семьям[12]. Американцы употребили средства, предназначенные для посылки делегации, на поддержку эмигрантов, направив на имя конференции подробный отчет о положении Интернационала в их стране[13]. Впрочем, все федерации признали необходимость заменить открытый конгресс закрытой конференцией.

Конференция, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., по окончании своей работы поручила Генеральному Совету опубликовать принятые ею резолюции, свести воедино Организационный регламент и опубликовать его на трех языках вместе с пересмотренным и исправленным Общим Уставом, выполнить решение о замене членских карточек марками, реорганизовать Интернационал в Англии[14] и, наконец, изыскать необходимые средства для выполнения этих различных работ.

Как только были опубликованы материалы конференции, реакционная печать от Парижа до Москвы и от Лондона до Нью-Йорка объявила резолюцию о политике рабочего класса[15] настолько крамольной — «Times» обвинял ее в «хладнокровно обдуманной дерзости», — что Интернационал необходимо немедленно поставить вне закона. С другой стороны, резолюция, осуждавшая самозванные сектантские секции[16], дала международной полиции долгожданный повод поднять шум якобы в защиту свободной автономии рабочих, опекаемых ею против унизительного деспотизма Генерального Совета и конференции. Рабочий класс чувствовал себя столь «тяжко угнетенным» Генеральным Советом, что последний получал из Европы, Америки, Австралии и даже из Индии заявления о вступлении в Интернационал и извещения об образовании новых секций.

II

Клеветнические обвинения буржуазной прессы и жалобы международной полиции находили сочувственный отклик даже в нашем Товариществе. Интриги, с виду направленные против Генерального Совета, а на деле против всего Товарищества, были затеяны внутри него. За этими интригами неизменно стоит *Международный альянс социалистической демократии,* детище

русского — Михаила Бакунина. Вернувшись из Сибири, Бакунин на страницах герценовского «Колокола» стал проповедовать, как плод своего долголетнего опыта, панславизм и войну рас[17]. Позднее, во время пребывания в Швейцарии, он был избран в руководящий комитет Лиги мира и свободы, основанной в противовес Интернационалу[18]. Поскольку дела этого буржуазного общества шли все хуже и хуже, его президент, г-н Г. Фогт, по совету Бакунина, предложил конгрессу Интернационала, собравшемуся в Брюсселе в сентябре 1868 г., заключить союз с Лигой. Конгресс единогласно заявил, что одно из двух: либо Лига преследует те же цели, что и Интернационал, — тогда нет никакого смысла в ее существовании, либо ее цели являются иными, — в таком случае союз невозможен. На конгрессе Лиги, происходившем в Берне несколько дней спустя, совершилось обращение Бакунина. Он предложил там наспех состряпанную программу, о научной ценности которой можно судить уже по одной следующей фразе: *«экономическое и социальное уравнение классов»*[19]. Поддержанный ничтожным меньшинством, он порвал с Лигой, чтобы вступить в Интернационал с намерением заменить Общий Устав Интернационала своей случайной, отвергнутой Лигой, программой, а Генеральный Совет своей личной диктатурой. Для достижения этой цели он создал себе специальное орудие — *Международный альянс социалистической демократии,* предназначенный стать Интернационалом в Интернационале.

Необходимые элементы для образования этого общества Бакунин нашел среди тех, с кем он завязал связи во время своего пребывания в Италии, и среди небольшой группы русских эмигрантов; они служили ему эмиссарами и вербовщиками членов Интернационала в Швейцарии, Франции и Испании. Однако только после повторных отказов со стороны Бельгийского и Парижского федеральных советов признать Альянс Бакунин решился внести на одобрение Генерального Совета устав своего нового общества, который представлял собой не что иное, как точное воспроизведение «непонятой» бернской программы. Совет ответил следующим циркуляром от 22 декабря 1868 года[20]:

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — МЕЖДУНАРОДНОМУ АЛЬЯНСУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Около месяца тому назад несколько граждан образовали в Женеве *центральный инициативный комитет* нового международного общества под названием *Международный альянс*

социалистической демократии, объявившего своей *«особой миссией* изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа *равенства* и т. д.».

Программа и устав, напечатанные этим инициативным комитетом, были сообщены Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих лишь 15 декабря 1868 года. Согласно этим документам, вышеупомянутый Альянс «целиком растворяется в Интернационале» и в то же самое время учреждается целиком вне этого Товарищества. Наряду с Генеральным Советом *Интернационала,* избранным последовательно на Женевском, Лозаннском и Брюссельском конгрессах, согласно уставу инициаторов будет существовать другой, сам себя назначивший генеральный совет в Женеве. Наряду с местными группами *Интернационала* будут существовать местные группы *Альянса,* которые через свои национальные бюро, функционирующие вне национальных бюро *Интернационала, «будут обращаться к центральному бюро Альянса с просьбой об их приеме в Интернационал»;* тем самым центральный комитет *Альянса* присваивает себе право приема в *Интернационал.* Наконец, и *общий конгресс Международного Товарищества Рабочих* будет иметь двойника — *общий конгресс Альянса,* так как, согласно регламенту инициаторов, во время ежегодного конгресса рабочих делегация Международного альянса социалистической демократии в качестве отделения Международного Товарищества *Рабочих «будет проводить свои открытые заседания в отдельном помещении».*

Принимая во внимание,

что наличие второй международной организации, функционирующей внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, послужило бы вернейшим средством для его дезорганизации;

что всякая другая группа лиц в любом месте была бы вправе последовать примеру женевской инициативной группы и под более или менее благовидными предлогами вводить в Международное Товарищество Рабочих другие международные товарищества с иной особой миссией;

что таким образом Международное Товарищество Рабочих вскоре превратилось бы в игрушку в руках интриганов любой национальности и любой партии;

что, кроме того, согласно Уставу Международного Товарищества Рабочих, в его ряды допускаются лишь местные и национальные секции (см. статьи I и VI Устава);

что секциям Международного Товарищества Рабочих запрещено принимать уставы и организационные регламенты, про-

тиворечащие Общему Уставу и Организационному регламенту Международного Товарищества Рабочих (см. статью XII Организационного регламента);

что Устав и Организационный регламент Международного Товарищества Рабочих могут быть пересмотрены лишь общим конгрессом при условии, если за пересмотр выскажутся две трети присутствующих делегатов (см, статью XIII Организационного регламента);

что этот вопрос был предрешен резолюциями против *Лиги мира,* единогласно принятыми на общем конгрессе в Брюсселе;

что в этих резолюциях конгресс заявил, что существование *Лиги мира* ничем не оправдано, поскольку, согласно ее недавним заявлениям, ее цель и принципы тождественны с целью и принципами Международного Товарищества Рабочих;

что некоторые члены инициативной группы Альянса в качестве делегатов на Брюссельском конгрессе голосовали за эти резолюции;

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) Все статьи устава Международного альянса социалистической демократии, определяющие его отношения с Международным Товариществом Рабочих, объявляются аннулированными и недействительными.

2) Международный альянс социалистической демократии не принимается в Международное Товарищество Рабочих в качестве секции.

Председатель заседания — ***Дж. Оджер***

Генеральный секретарь — ***Р. Шо***

Лондон, 22 декабря 1868 г.

Несколько месяцев спустя Альянс снова обратился к Генеральному Совету, запросив его, признает ли он, *да или нет, принципы* Альянса? В случае утвердительного ответа Альянс заявлял о своей готовности раствориться в секциях Интернационала. В ответ он получил следующий циркуляр от 9 марта 1869 года[21]:

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ЦЕНТРАЛЬНОМУ БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Согласно статье I нашего Устава в Товарищество принимаются все рабочие общества, стремящиеся к одной и той же цели, а именно: *к взаимной защите, развитию и полному освобождению рабочего класса.*

Поскольку различные отряды рабочего класса в каждой стране находятся в различных условиях развития, то неизбежным образом их теоретические взгляды, являющиеся отражением действительного движения, также отличаются друг от друга.

Однако общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы.

Таким образом, в функции Генерального Совета не входит *критическое рассмотрение программы Альянса.* Не наша задача — исследовать, является ли эта программа адекватным выражением пролетарского движения или нет. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Товарищества, то есть *полному освобождению рабочего класса.* В вашей программе есть одна фраза, которая не удовлетворяет этому требованию. Статья 2 гласит:

«Он» (Альянс) «прежде всего добивается политического, экономического и социального уравнения классов».

Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к *гармонии капитала и труда,* столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. *Не уравнение классов* — бессмыслица, на деле неосуществимая, — а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью *Международного Товарищества Рабочих.*

Если, однако, иметь в виду контекст, в котором находится эта фраза, — *уравнение классов,* — то она кажется вкравшейся туда простой опиской. Генеральный Совет не сомневается в том, что вы не откажетесь устранить из вашей программы фразу, дающую повод к столь опасным недоразумениям. Наше Товарищество, в соответствии со своими принципами, предоставляет каждой секции свободно формулировать ее теоретическую программу, за исключением тех случаев, когда нарушается общая тенденция Товарищества.

Нет, следовательно, никаких препятствий к *превращению* секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

Если вопрос о *роспуске Альянса и о вступлении его секций в Интернационал* будет окончательно решен, то согласно нашему Регламенту необходимо будет *сообщить Совету о местонахождении и численности каждой новой секции.*

Заседание Генерального Совета
от 9 марта 1869 года

Поскольку Альянс согласился на эти условия, Генеральный Совет, введенный в заблуждение некоторыми подписями под бакунинской программой, принял его в Интернационал, предполагая, что Альянс был признан Романским федеральным комитетом в Женеве, тогда как последний, напротив, все время избегал иметь с ним дело. Альянс достиг своей ближайшей цели: добиться представительства на Базельском конгрессе. Несмотря на нечестные приемы, к которым прибегли его приверженцы, приемы, никогда не применявшиеся кроме этого случая на конгрессах Интернационала, Бакунин обманулся в своих расчетах, что конгресс перенесет местопребывание Генерального Совета в Женеву и официально санкционирует сен-симонистский хлам о немедленной отмене права наследования — меру, которую Бакунин выдвигал как практический исходный пункт социализма. Это послужило сигналом к открытой и непрерывной войне Альянса не только против Генерального Совета, но и против всех секций Интернационала, которые отказались-принять программу этой сектантской клики и в особенности ее доктрину о полном воздержании в области политики.

Еще до Базельского конгресса, когда Нечаев приехал в Женеву, Бакунин связался с ним и основал в России тайное общество среди студентов. Постоянно скрывая свою собственную персону под именем всяких «революционных комитетов», он добивался неограниченной власти, опирающейся на всевозможные обманы и мистификации времен Калиостро. Главный способ пропаганды этого общества заключался в том, что оно ставило под подозрение русской полиции ни в чем не повинных людей, посылая на их имя из Женевы письма в желтых конвертах, с внешним штампом на русском языке: «Тайный революционный комитет». Опубликованные отчеты о нечаевском процессе свидетельствуют о гнусном злоупотреблении именем *Интернационала*[*].

В это время Альянс начал открытую полемику против Генерального Совета, сперва в издававшейся в Локле газете «Progrès»[23], затем в женевской газете «Égalité»[24], официальном органе Романской федерации, в которую вслед за Бакуниным проникло несколько членов Альянса. Генеральный Совет, который пренебрегал выпадами «Progrès» — личного органа Бакунина — не мог игнорировать нападки «Égalité», полагая, что они производились с согласия Романского федерального комитета. Совет

[*] В скором времени будут опубликованы выдержки из нечаевского процесса[22]. Читатель найдет в них образец нелепых и в то же время гнусных правил, ответственность за которые друзья Бакунина возлагали на *Интернационал.*

опубликовал тогда циркуляр от 1 января 1870 г.[25], в котором сказано:

«В «Egalite» от 11 декабря 1869 г. мы читаем:

«Несомненно, что Генеральный Совет пренебрегает делами крайне важными. Мы ему напоминаем о его обязанностях, указанных в первой статье Регламента: Генеральный Совет *обязан* выполнять постановления конгресса и т. д. Мы могли бы задать Генеральному Совету достаточно вопросов, ответы на которые составили бы довольно пространный документ. Мы это сделаем позднее... А пока и т. д.»

Генеральный Совет не знает ни в Уставе, ни в Регламенте такой статьи, которая обязывала бы его вступать в переписку или в полемику с «Egalite» или давать «ответы на вопросы» газет. Представителем секций Романской Швейцарии перед Генеральным Советом является только Федеральный комитет, находящийся в Женеве. Если Романский федеральный комитет обратится к нам единственно законным путем, то есть через своего секретаря, с запросами или обвинениями, то Генеральный Совет всегда готов будет ему ответить. Но Романский федеральный комитет не имеет права ни отказываться от своих функций в пользу редакторов «Egalite» и «Progres», ни позволять этим газетам узурпировать его функции. Вообще говоря, опубликование переписки Генерального Совета с национальными и местными комитетами по организационным вопросам неизбежно принесло бы большой вред общим интересам Товарищества. В самом деле, если бы другие органы Интернационала стали подражать «Progres» и «Egalite», то Генеральный Совет был бы поставлен перед альтернативой — либо дискредитировать себя в глазах общества своим молчанием, либо нарушить свои обязанности, отвечая публично. «Egalite» совместно с «Progres» *предложили* парижской газете «Travail»[26] со своей стороны обрушиться на Генеральный Совет. Чем это не Лига общественного блага[27]!»

Между тем еще до ознакомления с этим циркуляром Романский федеральный комитет уже удалил сторонников Альянса из редакции «Egalite».

Циркуляр от 1 января 1870 г. так же, как циркуляры от 22 декабря 1868 г. и от 9 марта 1869 г., был одобрен всеми секциями Интернационала.

Само собой разумеется, что ни одно из условий, принятых Альянсом, не было им выполнено. Его мнимые секции оставались тайной для Генерального Совета. Бакунин старался удержать под своим личным руководством несколько разрозненных групп в Испании и Италии и неаполитанскую секцию, которая под его влиянием откололась от Интернационала.

В других итальянских городах он поддерживал связь с небольшими группами, состоявшими не из рабочих, а из адвокатов, журналистов и прочих буржуазных доктринеров. В Барселоне его влияние поддерживали некоторые его друзья. В некоторых городах на юге Франции Альянс пытался основать сепаратистские секции под руководством Альбера Ришара и Гаспара Блана из Лиона, о которых еще будет речь впереди. Короче говоря, международное общество внутри Интернационала продолжало действовать.

Решительный удар — попытку захватить руководство секциями Романской Швейцарии — Альянс предполагал нанести на съезде в Шо-де-Фоне, открывшемся 4 апреля 1870 года.

Борьба началась по вопросу о праве делегатов Альянса участвовать в съезде, праве, которое оспаривалось делегатами Женевской федерации и секций Шо-де-Фона.

Хотя сторонники Альянса, по их собственному подсчету, являлись представителями только одной пятой части членов федерации, им удалось, повторив базельские махинации, обеспечить себе фиктивное большинство в один или в два голоса. Это большинство, по словам их собственного органа (см. «Solidarité»[28] от 7 мая 1870 г.), представляло лишь *пятнадцать* секций, тогда как в одной Женеве их было тридцать! В результате голосования романский съезд раскололся на две части, которые продолжали заседать порознь. Приверженцы Альянса, считая себя законными представителями всей федерации, перенесли местопребывание Романского федерального комитета в Шо-де-Фон и основали в Невшателе свой официальный орган «Solidarité» под редакцией гражданина Гильома. Специальная миссия этого молодого писателя состояла в том, чтобы клеветать на рабочих «фабрики» в Женеве[29], этих ненавистных «буржуа», вести войну с органом Романской федерации «Égalité» и проповедовать полное воздержание в области политики. Авторами наиболее значительных статей на эту тему были в Марселе — Бастелика и в Лионе — два великих столпа Альянса Альбер Ришар и Гаспар Блан.

После своего возвращения женевские делегаты созвали общее собрание своих секций, которое одобрило их действия на съезде в Шо-де-Фоне несмотря на противодействие Бакунина и его друзей. Спустя некоторое время Бакунин и его наиболее активные приспешники были исключены из старой Романской федерации.

Едва успел закрыться романский съезд, как новый комитет в Шо-де-Фоне потребовал вмешательства Генерального Совета, обратившись к нему с письмом, подписанным в качестве

секретаря Ф. Робером, а в качестве председателя Анри Шевале, которого спустя два месяца орган комитета «Solidarite» от 9 июля обвинил в *воровстве.* Рассмотрев документы, представленные обеими сторонами, Генеральный Совет 28 июня 1870 г. постановил сохранить за Федеральным комитетом в Женеве его прежние функции и предложить новому федеральному комитету в Шо-де-Фоне принять какое-нибудь местное наименование[30]. Комитет в Шо-де-Фоне, обманутый в своих надеждах этим решением, поднял крик по поводу *авторитарности* Генерального Совета, забывая, что он первый потребовал его вмешательства. Смута, в которую этот комитет втянул швейцарскую федерацию своим упорным стремлением узурпировать звание Романского федерального комитета, заставила Генеральный Совет прекратить с ним всякие официальные сношения.

Незадолго перед этим Луи Бонапарт со своей армией капитулировал при Седане. Со всех сторон стали раздаваться протесты членов Интернационала против продолжения войны. В своем воззвании от 9 сентября Генеральный Совет, разоблачая завоевательные планы Пруссии, указал, насколько опасна ее победа для дела пролетариата, и предупредил немецких рабочих, что они первые станут жертвами этой победы[31]. В Англии Генеральный Совет созвал *митинги,* на которых был дан отпор пруссофильским тенденциям английского двора. В Германии рабочие — члены Интернационала устраивали демонстрации с требованием признания республики и «почетного мира для Франции»...

Между тем, воинственная натура пылкого Гильома (из Невшателя) подсказала ему блестящую идею выпустить *анонимный* манифест, опубликовав его в приложении к официальному органу «Solidarite» и под ее заголовком; манифест требовал формирования швейцарских волонтерских отрядов для войны с пруссаками; самому Гильому без сомнения помешали воевать его абстенционистские убеждения[32].

Вспыхнуло восстание в Лионе[33]. Бакунин бросился туда и, при поддержке Альбера Ришара, Гаспара Блана и Бастелика, водворился 28 сентября в городской ратуше, но *воздержался* от того, чтобы выставить кругом охрану, считая это политическим актом. Он был позорно изгнан оттуда несколькими национальными гвардейцами в тот самый момент, когда после тяжелых родовых мук появился, наконец, на свет его декрет об *отмене государства.*

В октябре 1870 г. Генеральный Совет, ввиду отсутствия его французских членов, кооптировал гражданина Поля Робена, эмигранта из Бреста, одного из наиболее известных сторонников

Альянса, и к тому же автора нападок на Генеральный Совет в «Egalite». С этого времени Робен непрерывно выполнял в Совете функции официозного корреспондента комитета в Шо-де-Фоне. 14 марта 1871 г. он предложил созвать закрытую конференцию Интернационала для разрешения швейцарского конфликта. Генеральный Совет, предвидя, что в Париже назревают крупные события, наотрез отказался. Робен несколько раз возвращался к этому вопросу и даже предлагал Совету принять окончательное решение по поводу конфликта. 25 июля Генеральный Совет постановил включить это дело в число вопросов, подлежащих разрешению конференции, созываемой в сентябре 1871 года.

10 августа Альянс, отнюдь не желавший, чтобы его происки расследовались на конференции, объявил себя распущенным с 6-го числа того же месяца[34]. Но 15 сентября он вновь появляется и просит Совет принять его под названием *секции атеистов-социалистов.* Согласно резолюции V Базельского конгресса по организационным вопросам[35], Совет не имел права принять эту секцию, не запросив мнения женевского Федерального комитета, который в течение двух лет нес бремя борьбы с сектантскими секциями. К тому же Совет уже объявил раньше английским христианским рабочим обществам (Young men's Christian Association*), что Интернационал не признает теологических секций.

6 августа, в день роспуска Альянса, федеральный комитет в Шо-де-Фоне, возобновив свою просьбу о вступлении в официальные сношения с Советом, заявил ему, что он будет по-прежнему игнорировать решение от 28 июня и продолжать считать себя в отношении Женевы романским федеральным комитетом и «что разрешить этот вопрос надлежит общему конгрессу». 4 сентября тот же комитет послал протест, оспаривая компетентность конференции, хотя он первый поднял вопрос об ее созыве. Конференция могла бы, в свою очередь, спросить, какова компетенция Парижского федерального совета, к которому комитет в Шо-де-Фоне обратился перед началом осады Парижа с просьбой вынести решение по вопросу о швейцарском конфликте[36]? Но конференция ограничилась тем, что подтвердила постановление Генерального Совета от 28 июня 1870 г. (мотивировку см. в женевской «Egalite» от 21 октября 1871 года[37]).

III

Присутствие в Швейцарии нескольких французских эмигрантов, нашедших там убежище, привело к некоторому оживлению Альянса.

* — Союз христианской молодежи. *Ред.*

Женевские члены Интернационала сделали для эмигрантов все, что было в их силах. Они с первых дней обеспечили им помощь и, развернув широкую агитацию, помешали швейцарским властям согласиться на выдачу эмигрантов, как того требовало версальское правительство. А те, кто отправлялся во Францию, чтобы помочь беглецам перейти границу, подвергались большой опасности. Каково же было изумление женевских рабочих, когда они узнали, что некоторые заправилы, такие как Б. Малон*, тотчас же установили связь с господами из Альянса и с помощью бывшего секретаря Альянса Н. Жуковского попытались основать в Женеве, вне Романской федерации, новую «секцию пропаганды и революционного социалистического действия»[39]. В первом пункте своего устава эта секция заявляет, что она

«принимает Общий Устав Международного Товарищества Рабочих, *оставляя за собой полную свободу действия* и инициативы, являющейся логическим следствием принципа автономии и федерации, который признан Уставом и *конгрессами* Товарищества».

Иными словами, она оставляет за собой полную свободу продолжать дело Альянса.

20 октября 1871 г. Малон отправил Генеральному Совету письмо, в котором эта новая секция в третий раз просила принять ее в Интернационал. Согласно резолюции V Базельского конгресса, Совет запросил мнение женевского Федерального комитета, который горячо запротестовал против признания Советом этого нового «очага интриг и раздоров». Совет действительно оказался в достаточной мере «авторитарным», чтобы не пожелать навязывать всей федерации волю Б. Малона и Н. Жуковского, бывшего секретаря Альянса.

Так как газета «Solidarite» прекратила свое существование, то новые приверженцы Альянса основали «Revolution Sociale»[40] под верховным руководством госпожи Андре Лео, неза-

* Знают ли друзья Б. Малона, вот уже три месяца по шаблону рекламирующие его как *основателя Интернационала,* и объявляющие его книгу[38] *единственной объективной работой о Коммуне,* знают ли они о позиции, занятой этим помощником мэра Батиньоля накануне февральских выборов? Б. Малон, не предвидевший еще в то время Коммуны и думавший о том, чтобы добиться своего избрания в Национальное собрание, пускал в ход интриги, чтобы попасть в список четырех избирательных комитетов в качестве члена Интернационала. В этих целях он нагло отрицал существование Парижского федерального совета и представил комитетам список, составленный основанной им в Батиньоле секцией, выдавая его за список, исходящий от всего Товарищества. — Позднее, 19 марта, в официальном документе он поносил руководителей совершившейся накануне великой революции. Теперь этот анархист до мозга костей печатает или позволяет печатать то, что он еще год тому назад говорил четырем комитетам: «Интернационал — это я!» Б. Малон умудрился пародировать одновременно и Людовика XIV и шоколадного фабриканта Перрона. Разве последний не заявлял, что *только* его шоколад ... съедобен!

долго перед тем заявившей на Лозаннском конгрессе Лиги мира:

«Рауль Риго и Ферре были двумя зловещими фигурами Коммуны, которые до этого» (до казни заложников) «не переставая требовали — правда, всегда безуспешно — кровавых мер»[41].

С первого же номера газета поспешила стать на один уровень с «Figaro», «Gaulois», «Paris-Journal»[42] и другими грязными листками, перепечатывая их гнусные выпады против Генерального Совета. Она сочла момент подходящим для того, чтобы даже в самом Интернационале разжечь пламя национальной ненависти. По ее словам, Генеральный Совет является немецким комитетом, которым руководит человек бисмарковского склада*.

Твердо установив, что некоторые члены Генерального Совета не могут похвастаться тем, что они *«галлы прежде всего»,* «Révolution Sociale» не нашла ничего лучшего, как подхватить второй лозунг, пущенный в ход европейской полицией, и возвестить об *авторитарности* Совета.

Каковы же те факты, которыми пытались оправдать этот ребяческий вздор? Генеральный Совет предоставил Альянсу умереть естественной смертью и в согласии с Федеральным комитетом в Женеве не дал ему воскреснуть. Кроме того, он предложил комитету в Шо-де-Фоне принять такое наименование, которое позволило бы ему жить в мире с подавляющим большинством членов Интернационала в Романской Швейцарии.

Как же еще, помимо этих «авторитарных» действий, использовал Генеральный Совет в период с октября 1869 по октябрь 1871 г. те достаточно широкие полномочия, которые были предоставлены ему Базельским конгрессом?

1) 8 февраля 1870 г. парижское «общество пролетариев-позитивистов» обратилось в Генеральный Совет с просьбой о приеме. Совет ответил ему, что изложенные в особом уставе общества позитивистские принципы в части, касающейся капитала, находятся в явном противоречии с вводной частью Общего Устава, что надо, следовательно, эти принципы отбросить и вступить в Интернационал не в качестве «позитивистов», а в качестве «пролетариев», оставляя за собой право свободно согласовать свои теоретические взгляды с общими принципами Товарищества. Признав правильность этого решения, секция вступила в Интернационал.

---

* Вот каков национальный состав этого Совета: 20 англичан, 15 французов, 7 немцев (из них 5 основателей Интернационала), 2 швейцарца, 2 венгра, 1 поляк, 1 бельгиец, 1 ирландец, 1 датчанин и 1 итальянец.

2) В Лионе произошел разрыв между секцией 1865 г. и недавно образованной секцией, в которую наряду с честными рабочими входили представители Альянса Альбер Ришар и Гаспар Блан. Как водится в подобных случаях, решение образованного в Швейцарии третейского суда не было признано. 15 февраля 1870 г. новая секция не только потребовала от Генерального Совета, чтобы он, на основании резолюции VII Базельского конгресса, вынес решение по поводу этого конфликта, но послала ему готовое решение, в котором предлагала заклеймить позором и исключить из Интернационала членов секции 1865 года. Это решение Генеральному Совету предлагалось подписать и вернуть с *обратной почтой.* Совет осудил этот неслыханный образ действий и потребовал предъявления соответствующих документов. Секция 1865 г. в ответ на такой же запрос ответила, что обвинительными документами против Альбера Ришара, которые были представлены третейскому суду, завладел Бакунин и отказывается их вернуть; ввиду этого она не в состоянии полностью удовлетворить желание Генерального Совета. Вынесенное по этому вопросу 8 марта решение Совета не вызвало никаких возражений ни с той, ни с другой стороны.

3) Французская секция в Лондоне, принявшая в свои ряды более чем сомнительные элементы, мало-помалу превратилась в своеобразное товарищество на паях, в котором бесконтрольно хозяйничал г-н Феликс Пиа. Он использовал ее для организации компрометирующих демонстраций с требованием убийства Л. Бонапарта и т. п. и для распространения во Франции своих нелепых манифестов от имени Интернационала. Генеральный Совет ограничился заявлением в органах Товарищества, что г-н Пиа не является членом Интернационала и последний не может нести ответственность за его поступки и выходки[43]. Тогда Французская секция объявила, что она не признает ни Генерального Совета, ни конгрессов; она расклеила на стенах Лондона плакаты, в которых сообщалось, что весь Интернационал, кроме нее, является антиреволюционным обществом. Аресты французских членов Интернационала накануне плебисцита под предлогом, что они участвуют в заговоре, который на деле был состряпан полицией, но которому манифесты пиатистов придавали видимость правдоподобия, заставили Генеральный Совет опубликовать в «Marseillaise» и в «Reveil» свою резолюцию от 10 мая 1870 г., в которой заявлялось, что так называемая Французская секция уже более двух лет не принадлежит к Интернационалу, а ее выступления — дело агентов полиции[44]. Необходимость этого шага была подтверждена заявлением

Парижского федерального совета в тех же газетах, а также заявлением парижских членов Интернационала во время их процесса; оба заявления ссылались на резолюцию Совета. Французская секция распалась в начале войны, но так же, как и Альянс в Швейцарии, она снова появилась в Лондоне с новыми союзниками и под другим именем.

В последние дни конференции в Лондоне из эмигрантов Коммуны образовалась некая Французская секция 1871 года, в состав которой входило около 35 членов. Первым «авторитарным» актом Генерального Совета было публичное разоблачение секретаря этой секции Гюстава Дюрана как шпиона французской полиции[45]. Имеющиеся в наших руках документы показывают, что полиция намеревалась добиться сначала присутствия Дюрана на конференции, а затем его введения в состав Генерального Совета. Так как устав новой секции предписывал ее членам «не принимать никакого назначения в Генеральный Совет, кроме как от своей секции», граждане Тейс и Бастелика вышли из состава Совета.

17 октября секция направила в Совет двух своих членов, снабдив их императивными мандатами; одним из них был не кто иной, как г-н Шотар, бывший член артиллерийского комитета. Совет отказался принять их в свой состав, до того как будет рассмотрен устав секции 1871 года[*]. Достаточно напомнить здесь главные пункты спора, который был вызван этим уставом.

Статья 2 гласит:

«Чтобы быть принятым в члены секции, необходимо представить сведения о своих средствах существования, гарантии нравственности и т. д.»

В резолюции от 17 октября 1871 г.[46] Совет предложил выбросить слова; *«представить сведения о своих средствах существования».*

«В сомнительных случаях, — заявил Совет, — секция сможет навести справки о средствах существования как «гарантии нравственности», хотя в ряде других случаев, — например, когда речь идет об эмигрантах, бастующих рабочих и т. д., — отсутствие средств существования вполне может служить гарантией нравственности. Но требовать от кандидатов в качестве общего условия приема в Интернационал представление сведений о своих средствах существования было бы буржуазным

[*] Спустя некоторое время этот Шотар, которого хотели навязать Генеральному Совету, был изгнан из своей секции как полицейский агент Тьера. Он был разоблачен теми самыми людьми, которые считали, что он больше всех достоин быть их представителем в Генеральном Совете.

нововведением, противоречащим букве и духу Общего Устава». Секция ответила,

«что Общий Устав возлагает на секции ответственность за нравственность их членов и, следовательно, признает за ними право требовать таких гарантий, *которые они считают нужными»*.

На это Генеральный Совет возразил 7 ноября[47]:

«С этой точки зрения секция Интернационала, основанная teetotalers (членами обществ трезвости), могла бы включить в свой местный устав статью такого рода: «для того, чтобы быть принятым в число членов секции, необходимо принести присягу в воздержании от всяких алкогольных напитков». Одним словом, секции в своих местных уставах могли бы оговорить прием в Интернационал самыми нелепыми и самыми разнообразными условиями, под тем предлогом, что таким путем они могут быть уверены в нравственности своих членов... «Источником средств существования стачечников,—добавляет Французская секция 1871 года, — является стачечная касса». На это можно возразить прежде всего, что стачечная касса часто является фиктивной... К тому же, официальные английские обследования показали, что большинство английских рабочих... вынуждено — то ли в результате стачек и безработицы, то ли вследствие недостаточных размеров заработной платы и наступления сроков платежей, и еще по многим другим причинам — постоянно прибегать к ломбарду и к *долгам*. Это такие средства существования, сведений о которых нельзя требовать без недопустимого вмешательства в частную жизнь граждан. Итак, одно из двух: либо секция, добиваясь представления сведений о средствах существования ищет только гарантий нравственности, но тогда этой цели отвечает предложение Генерального Совета... Либо секция в статье 2 своего устава намеренно говорила о предоставлении сведений относительно средств существования как об условии приема *помимо* гарантий нравственности... и в том случае Совет утверждает, что это буржуазное нововведение, противоречащее букве и духу Общего Устава».

В статье 11 их устава сказано:

«Один или несколько делегатов будут посылаться в Генеральный Совет».

Совет потребовал, чтобы эта статья была вычеркнута, «так как Общий Устав Интернационала не признает за секциями права посылать делегатов в Генеральный Совет». «Общий Устав, — добавлял он, — признает только два способа выборов

членов Генерального Совета: либо их выбирает конгресс, либо их кооптирует Генеральный Совет...»

Правда, различным секциям, существовавшим в Лондоне, в свое время было предложено послать своих делегатов в Генеральный Совет, который, чтобы не нарушать Общего Устава, поступал всегда следующим образом: предварительно определял число делегатов от каждой секции, оставляя за собой право включать или не включать их в свой состав, в зависимости от того, считал ли он их способными выполнять возлагаемые на них функции общего руководства. Эти делегаты становились членами Генерального Совета не в силу того, что были делегированы своими секциями, а в силу предоставленного Совету Общим Уставом права кооптации новых членов. До решения, принятого последней конференцией, лондонский Совет функционировал и как Генеральный Совет Международного Товарищества и как центральный совет для Англии, поэтому он считал целесообразным принимать в свой состав, помимо членов, которых он непосредственно кооптировал сам, также и тех членов, кандидатуры которых сначала выдвигались соответствующими секциями. Было бы большой ошибкой отождествлять порядок избрания Генерального Совета с выборами Парижского федерального совета, который не был даже национальным советом, избранным национальным съездом, как, например, Брюссельский или Мадридский федеральные советы. Парижский федеральный совет состоял просто из делегатов парижских секций... Порядок выборов Генерального Совета определен Общим Уставом, и для его членов не существует иных императивных мандатов, кроме Общего Устава и Регламента... Если принять во внимание предшествующую статью, то ясно, что смысл статьи 11 заключается в том, чтобы полностью изменить состав Генерального Совета и, вопреки статье 3 Общего Устава, превратить его в собрание делегатов от лондонских секций, в котором влияние всего Международного Товарищества Рабочих подменялось бы влиянием местных групп. Наконец, Генеральный Совет, первая обязанность которого заключается в том, чтобы выполнять постановления конгрессов (см. статью I Организационного регламента, принятого Женевским конгрессом), заявил, что «высказанные Французской секцией 1871 года взгляды о радикальных изменениях, которые должны быть внесены в статьи Общего Устава, касающиеся состава Генерального Совета, не имеют никакого отношения к вопросу, который ему надлежит обсудить».

Впрочем, Совет заявил, что он допустит в свой состав двух делегатов от секции на тех же условиях, что и делегатов других лондонских секций.

Секция 1871 года, неудовлетворенная таким ответом, опубликовала 14 декабря декларацию[48], подписанную всеми ее членами, в том числе и новым секретарем, который был вскоре изгнан из среды эмигрантов, так как оказался негодяем. В этой декларации Генеральный Совет, отказавшийся присвоить себе законодательные функции, объявлялся повинным в «грубейшем извращении социальной идеи».

Приведем несколько образцов добросовестности, проявленной при выработке этого документа.

Лондонская конференция одобрила поведение немецких рабочих во время войны[49]. Совершенно ясно, что эта резолюция, предложенная швейцарским делегатом*, поддержанная бельгийским делегатом и единогласно принятая, имела в виду только немецких членов Интернационала, которые за свое антишовинистическое поведение во время войны поплатились тюремным заключением и до сих пор находятся в тюрьме. Более того, чтобы предотвратить всякое недоброжелательное толкование, секретарь Генерального Совета для Франции** в письме, опубликованном в «Qui Vive!»[50], «Constitution», «Radical», «Emancipation», «Europe» и т. д. только что разъяснил подлинный смысл этой резолюции. Тем не менее неделю спустя, 20 ноября 1871 г., пятнадцать членов Французской секции 1871 года поместили в «Qui Vive!» «протест», полный оскорблений по адресу немецких рабочих, и объявили резолюцию конференции неоспоримым доказательством того, что в Генеральном Совете господствует «пангерманистская идея». Вся феодальная, либеральная и полицейская пресса Германии, со своей стороны, с жадностью ухватилась за этот инцидент, чтобы доказать немецким рабочим тщетность их интернациональных чаяний. В конце концов вся секция 1871 года в целом поддержала протест от 20 ноября, включив его в свою декларацию от 14 декабря.

Чтобы показать, что «Генеральный Совет катится по наклонной плоскости авторитарности», декларация ссылается на то, что *«Генеральный Совет* опубликовал *официальное* издание Общего Устава, *пересмотренного им самим».*

Достаточно взглянуть на новое издание Устава, чтобы убедиться, что по поводу каждой статьи в приложении имеется ссылка на источники, устанавливающая ее аутентичность[51]! Что же касается слов *«официальное* издание», то первый конгресс Интернационала постановил, что *«официальный и обязательный* текст Общего Устава и Регламента будет опубликован Генераль-

* — Н. Утиным. *Ред.*
** — О. Серрайе. *Ред.*

ным Советом» (см. «Рабочий конгресс Международного Товарищества Рабочих, заседавший в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 г., стр. 27, примечание»[52]).

Само собой разумеется, что секция 1871 года находилась в постоянных сношениях с раскольниками из Женевы и Невшателя. Один из ее членов, Шален, проявивший в борьбе с Генеральным Советом такую энергию, какой он никогда не проявлял в защиту Коммуны, был совершенно неожиданно реабилитирован Б. Малоном, выдвигавшим против него еще недавно в письме к одному из членов Совета очень тяжелые обвинения. Не успела, впрочем, Французская секция 1871 года выпустить свою декларацию, как в ее рядах вспыхнула гражданская война. Прежде всего из нее ушли Тейс, Авриаль и Камелина. После этого она раскололась на несколько мелких групп, одной из которых руководит г-н Пьер Везинье, исключенный из состава Генерального Совета за клевету на Варлена и других, а позднее изгнанный из Интернационала бельгийской комиссией, избранной Брюссельским конгрессом 1868 года. Другая из этих групп создана Б. Ландеком, который лишь благодаря неожиданному бегству 4 сентября префекта полиции Пьетри освободился от своего обязательства,

«добросовестно им выполнявшегося, а именно — больше не заниматься *политикой* и делами Интернационала во Франции» (см. «Третий процесс Международного Товарищества Рабочих в Париже», 1870, стр. 4[53]).

С другой стороны, основная масса французских эмигрантов в Лондоне образовала секцию, действующую в полном согласии с Генеральным Советом.

IV

Господа из Альянса, скрывавшиеся за спиной федерального комитета в Невшателе, желая совершить новую попытку дезорганизации Интернационала в более широком масштабе, созвали 12 ноября 1871 г. в Сонвилье съезд своих секций. — Мэтр Гильом в двух письмах к своему другу Робену еще в июле угрожал Генеральному Совету подобной кампанией в случае, если он откажется признать их правоту «в отношении женевских бандитов».

Съезд в Сонвилье состоял из шестнадцати делегатов, претендовавших на представительство от девяти секций, в том числе и от новой «секции пропаганды и революционного социалистического действия» в Женеве.

Шестнадцать начали с анархистского декрета, объявлявшего Романскую федерацию распущенной. Федерация поспешила

вернуть альянсистам их «автономию», изгнав их из всех секций. Впрочем, Совет должен признать, что они обнаружили проблеск здравого смысла, приняв наименование Юрской федерации, которое было им дано Лондонской конференцией[54].

Вслед за тем съезд шестнадцати приступил к «реорганизации Интернационала», выпустив циркуляр ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих, направленный против конференции и Генерального Совета.

Авторы циркуляра обвиняют Генеральный Совет прежде всего в том, что в 1871 г. он вместо конгресса созвал конференцию. Из данных выше объяснений видно, что эти нападки направлены непосредственно против всего Интернационала, единогласно согласившегося на созыв конференции, на которой, кстати сказать, Альянс был надлежащим образом представлен гражданами Робеном и Бастелика.

Генеральный Совет имел своих делегатов на каждом конгрессе; на Базельском конгрессе, например, их было шесть. А шестнадцать утверждают, что

> «большинство конференции было заранее подтасовано благодаря допущению шести делегатов Генерального Совета с правом решающего голоса».

В действительности же из числа делегатов Генерального Совета, присутствовавших на конференции, французские эмигранты являлись представителями Парижской Коммуны, а английские и швейцарские его члены только в редких случаях могли участвовать в заседаниях, как это видно из протоколов, которые будут представлены следующему конгрессу. Один из делегатов Совета имел мандат от национальной федерации. Мандат другому члену Совета, как показывает письмо, адресованное конференции, не был послан ввиду того, что в газетах появилось извещение о его смерти*. Остается один делегат. Таким образом, число представителей одной только Бельгии относилось к числу представителей Совета, как 6 к 1.

Международная полиция, которую в лице Гюстава Дюрана не допустили на конференцию, горько жаловалась на то, что созыв «тайной» конференции является нарушением Общего Устава. Она не была еще достаточно знакома с нашим общим Регламентом и не знала, что заседания конгрессов по организационным вопросам *обязательно* бывают *закрытыми.*

Тем не менее ее жалобы нашли сочувственный отклик у шестнадцати в Сонвилье, которые подняли крик:

* Речь идет о Марксе. *Ред.*

«И в довершение всего конференция постановила, что Генеральный Совет сам назначит время и место созыва будущего конгресса или *конференции, которая его заменит;* таким образом, мы стоим перед угрозой упразднения общих конгрессов, этих великих публичных заседаний Интернационала».

Шестнадцать не захотели понять того, что этим постановлением Интернационал лишь подтверждал перед лицом всех правительств свое непоколебимое решение, невзирая на все репрессии, проводить тем или иным путем свои общие собрания.

На общем собрании женевских секций 2 декабря 1871 г., на котором гражданам Малону и Лефрансе был оказан плохой прием, последние внесли предложение одобрить постановления, принятые шестнадцатью в Сонвилье, а также вынести порицание Генеральному Совету и дезавуировать конференцию[55]. — Конференция постановила, что «резолюции конференции, не предназначенные для опубликования, *будут* сообщены *федеральным советам различных стран через* секретарей-корреспондентов *Генерального Совета».*

Это решение, полностью соответствующее Общему Уставу и Регламенту, было фальсифицировано Б. Малоном и его друзьями следующим образом:

«*Часть* резолюций конференции *будет* сообщена *только* федеральным советам *и* секретарям-корреспондентам».

Они, кроме того, обвиняют Генеральный Совет в том, что он «нарушил *принцип искренности»,* отказавшись предоставить в руки полиции, *«предав их гласности»,* те решения, единственной целью которых является реорганизация Интернационала в странах, где он запрещен.

Граждане Малон и Лефрансе жалуются далее на то, что

«конференция посягнула на свободу мысли и ее выражения... предоставив Генеральному Совету право разоблачать и дезавуировать всякий печатный орган секций и федераций, в котором обсуждаются либо принципы, на которых покоится Товарищество, либо взаимные интересы секций и федераций, либо, наконец, общие интересы Товарищества в целом (см. «Egalite» от 21 октября)».

Что же приведено в «Egalite» от 21 октября? Резолюция конференции, в которой она «предупреждает, что Генеральный Совет впредь будет обязан публично разоблачать и дезавуировать все газеты, называющие себя органами Интернационала, которые, по примеру «Progres» и «Solidarite», стали бы на своих страницах обсуждать перед буржуазной публикой такие вопросы, которые подлежат обсуждению исключительно на заседаниях местных и федеральных комитетов и Генерального Совета

или же на закрытых заседаниях федеральных или общих конгрессов по организационным вопросам»[56].

Чтобы по достоинству оценить кисло-сладкие сетования Б. Малона, надо иметь в виду, что эта резолюция раз навсегда кладет конец попыткам некоторых журналистов, жаждущих заменить собой ответственные комитеты Интернационала и играть в нем ту же роль, которую играет журналистская богема в буржуазном мире. Именно в результате такой попытки официальный орган Романской федерации, газета «Egalite», на глазах у женевского Федерального комитета редактировалась членами *Альянса* в духе, совершенно враждебном федерации.

Впрочем, Генеральный Совет и без Лондонской конференции мог «публично разоблачать и дезавуировать» злоупотребления журналистов, так как Базельский конгресс постановил (резолюция II), что:

«Все издания, содержащие нападки на Товарищество, должны немедленно пересылаться секциями Генеральному Совету».

«Очевидно», — говорит Романский федеральный комитет в своей декларации от 20 декабря 1871 г. («Egalite» от 24 декабря), — «что этот пункт был принят не для того, чтобы Генеральный Совет хранил в своих архивах издания, содержащие нападки на Товарищество, а чтобы он отвечал и в случае надобности уничтожал пагубное действие клеветы и злостных нападок. Очевидно также, что этот пункт относится ко всем изданиям вообще, и если мы не хотим оставлять без ответа нападки буржуазных газет, то мы тем более обязаны дезавуировать через посредство нашего центрального представительства, через Генеральный Совет, те издания, которые свои нападки на нас прикрывают именем нашего Товарищества».

Заметим, между прочим, что «Times», этот левиафан капиталистической прессы, «Progres», газета либеральной буржуазии, издаваемая в Лионе, и ультрареакционная газета «Journal de Geneve» обрушили на конференцию те же упреки, почти в тех же выражениях, что и граждане Малон и Лефрансе.

Выступив сначала против созыва конференции, затем против ее состава и якобы тайного характера, циркуляр шестнадцати обрушивается затем и на самые ее постановления.

Констатировав прежде всего, что Базельский конгресс отрекся от своих прав,

«предоставив Генеральному Совету право принимать или отказывать в приеме в Интернационал и временно исключать секции Интернационала»,

циркуляр, далее, приписывает конференции следующее преступление:

«Эта конференция... приняла решения... тенденция которых — превратить Интернационал, свободную федерацию автономных секций, в иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, всецело подчиненных Генеральному Совету, который может по своему усмотрению отказать им в приеме или приостановить их деятельность!!»

Далее, циркуляр возвращается к Базельскому конгрессу, якобы «извратившему функции Генерального Совета».

Все эти противоречия циркуляра шестнадцати сводятся к следующему: конференция 1871 г. ответственна за решения Базельского конгресса 1869 г., а Генеральный Совет виновен в том, что соблюдал Устав, предписывающий ему выполнять постановления конгрессов.

В действительности подлинная причина всех этих нападок на конференцию носит более сокровенный характер. Прежде всего конференция своими постановлениями воспрепятствовала интригам господ из *Альянса* в Швейцарии. Кроме того, в Италии, Испании, части Швейцарии и Бельгии вожаки Альянса создавали и поддерживали с необычайным упорством заведомую путаницу между *программой Международного Товарищества Рабочих и наспех состряпанной программой Бакунина.*

Конференция двумя своими резолюциями о политике пролетариата и о сектантских секциях обратила внимание на это умышленно создаваемое недоразумение. Первая резолюция, покончившая с проповедуемым в программе Бакунина воздержанием от политики, получила полное обоснование в своей вводной части, опирающейся на Общий Устав, на постановление Лозаннского конгресса и на другие прецеденты*.

---

* Вот резолюция конференции *о политическом действии рабочего класса*:

«Принимая во внимание,

что во введении к первоначальному Уставу сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»;

что Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих (1864 г.) гласит: «Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»;

что на Лозаннском конгрессе (1867 г.) была принята следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»;

что в заявлении Генерального Совета по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала накануне плебисцита (1870 г.) сказано: «По смыслу нашего Устава особая задача наших секций в Англии, на европейском континенте и в Америке бесспорно заключается не только в том, чтобы служить организационными центрами борьбы рабочего класса, но также и в том, чтобы поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — экономического освобождения рабочего класса»;

Перейдем теперь к сектантским группам:

Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители, подвергая критике социальные противоречия, предлагают фантастические решения этих противоречий, а массе рабочих остается только принимать, пропагандировать и осуществлять их. Секты, созданные этими зачинателями, по самой своей природе являются абстенционистскими: чуждыми всякой реальной деятельности, политике, стачкам, союзам, — одним словом, всякому коллективному движению. Пролетариат в массе своей всегда остается безразличным или даже враждебным их пропаганде. Рабочие Парижа и Лиона не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарийцев, так же как английские чартисты и тред-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастет их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет являлись помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали простым орудием в руках полиции. В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади.

В противоположность фантазирующим и соперничающим сектантским организациям, Интернационал является подлинной и боевой организацией пролетариата всех стран, объединенного

что искаженные переводы первоначального Устава дали повод к ложным толкованиям, которые нанесли вред развитию и деятельности Международного Товарищества Рабочих;

перед лицом необузданной реакции, жестоко подавляющей всякую попытку к освобождению со стороны рабочих и стремящейся путем грубого насилия сохранить классовые различия и порождаемое ими политическое господство имущих классов;

принимая во внимание:

что против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов;

что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти крупных землевладельцев и капиталистов, —

конференция напоминает членам *Интернационала,*

что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой».

в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство. Поэтому в Уставе Интернационала говорится просто о «рабочих обществах», преследующих одинаковую цель и признающих одну и ту же программу, которая ограничивается тем, что намечает основные линии пролетарского движения, тогда как теоретическая разработка их осуществляется под воздействием потребностей практической борьбы и в результате обмена мнениями в секциях, в их органах и на их съездах, где допускаются все без различия оттенки социалистических убеждений.

Подобно тому, как на каждом новом историческом этапе воскресают на короткое время старые ошибки, чтобы потом вскоре исчезнуть, так и в недрах Интернационала возродились сектантские группы, хотя и в слабо выраженной форме.

Альянс, полагающий, что воскрешение сект — огромный шаг вперед, сам служит убедительным доказательством того, что их время прошло. Ибо если при своем возникновении они представляли элемент прогресса, то программа Альянса, идущего на поводу у «Магомета без корана», представляет собой лишь беспорядочное нагромождение давно погребенных идей, прикрытых звонкими фразами, способными запугать лишь буржуазных кретинов или служить уликой против членов Интернационала в глазах бонапартовских или иных прокуроров[*].

Конференция, на которой были представлены все оттенки социалистических взглядов, единогласно одобрила резолюцию против сектантских секций, в полном убеждении, что эта резолюция, вновь подчеркнув подлинный характер Интернационала, будет означать новый этап в его развитии. Сторонники Альянса, которым эта резолюция наносила смертельный удар, усмотрели в ней только победу Генерального Совета над Интернационалом, победу, благодаря которой, как гласит их циркуляр, Генеральный Совет обеспечил «господство особой программы» нескольких его членов, «их личной доктрины», «ортодоксальной доктрины», «официальной теории, которая одна только имеет права гражданства в Товариществе». Впрочем — это была не вина этих членов, а необходимое следствие, «развращающее действие» того факта, что они входили в состав Генерального Совета, так как

[*] Появившиеся в печати, в последнее время полицейские писания об *Интернационале.* в том числе циркуляр Жюля Фавра к иностранным державам и доклад депутата помещичьей палаты Саказа по поводу проекта Дюфора, кишат цитатами из напыщенных манифестов Альянса[57]. Фразеология этих сектантов, весь радикализм которых заключается в громких фразах, наилучшим образом служит замыслам реакции.

«абсолютно невозможно, чтобы человек, имеющий власть» (!) «над себе подобными, оставался нравственным человеком. Генеральный Совет становится очагом интриг».

По мнению шестнадцати, Общий Устав Интернационала заслуживает сурового упрека уже за одно то, что он предоставляет Генеральному Совету право кооптировать новых членов. Облеченный этой властью, говорят они,

«Совет мог бы в дальнейшем кооптировать такую значительную группу лиц, которая полностью изменила бы большинство Совета и его тенденции».

Они, по-видимому, считают, что достаточно быть членом Генерального Совета, чтобы не только потерять *моральный облик,* но и лишиться здравого смысла. Можно ли иначе предположить, что большинство путем добровольной кооптации само себя превратит в меньшинство?

Впрочем, сами шестнадцать, по-видимому, не очень-то убеждены во всем этом, так как далее они жалуются на то, что Генеральный Совет

«пять лет подряд состоял из одних и тех же лиц, постоянно переизбираемых»,

но тотчас же вслед за этим заявляют:

«большинство из них не является нашими законными уполномоченными, так как *не были избраны на конгрессе».*

В действительности личный состав Генерального Совета постоянно менялся, хотя некоторые из учредителей продолжали оставаться в нем, так же как и в Бельгийском, Романском и других федеральных советах.

Генеральный Совет должен отвечать трем существенным условиям, чтобы выполнить свои полномочия. Прежде всего он должен иметь достаточное число членов, чтобы выполнять возложенную на него многообразную работу; далее, в его состав должны входить «рабочие, принадлежащие к различным нациям, представленным в Международном Товариществе», и, наконец, в нем должен преобладать рабочий элемент. Но как же может Генеральный Совет сочетать все эти необходимые условия без права кооптации, если зависимость рабочего от возможности получить работу приводит к постоянной смене личного состава Генерального Совета? И все же Совет считает необходимым более точно определить это право; такое пожелание он выразил на последней конференции.

Переизбрание Генерального Совета в его первоначальном составе на ряде следовавших друг за другом конгрессов, на ко-

торых Англия была представлена очень слабо, доказывает, казалось бы, что Генеральный Совет в пределах своих возможностей выполнял свой долг. Шестнадцать, наоборот, видят в этом лишь доказательство «слепого доверия конгрессов», доверия, доведенного в Базеле

«до своего рода добровольного отречения в пользу Генерального Совета».

По их мнению, «нормальная роль» Совета должна сводиться к роли «простого корреспондентского и статистического бюро». Это толкование они подкрепляют несколькими статьями, взятыми из искаженного перевода Устава.

В противоположность уставам всех буржуазных обществ, Общий Устав Интернационала лишь слегка затрагивает вопросы его организационной структуры. Развитие организационной структуры он предоставляет практике, а ее оформление — будущим конгрессам. Но ввиду того, что только единство и общность действий могут придать секциям различных стран подлинно интернациональный характер, Устав уделяет Генеральному Совету больше внимания, чем другим звеньям организации.

Статья 5 первоначального Устава[58] гласит:

«Генеральный Совет служит *международным органом* различных национальных и местных групп»

и затем приводит несколько примеров того, каким образом должен действовать Генеральный Совет. Среди этих примеров имеется инструкция Совету добиться,

«чтобы тогда, когда требуются немедленные практические шаги, например, в случае международных конфликтов, общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и согласованно».

Далее в статье говорится:

«Во всех надлежащих случаях Генеральный Совет берет на себя инициативу внесения предложений в различные национальные или местные общества».

Кроме того, Устав определяет роль Совета в деле подготовки и созыва конгрессов и поручает ему разработку определенных вопросов, которые он обязан представлять на их рассмотрение. В первоначальном Уставе самостоятельная деятельность групп столь мало противопоставляется единству действий Товарищества в целом, что статья 6 гласит:

«Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, деятельность Генерального Совета будет более

эффективна... члены Интернационала должны, каждый в своей стране, приложить все усилия для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные центральными органами».

Первая резолюция Женевского конгресса по организационным вопросам (статья I) гласит:

«На обязанности Генерального Совета *лежит, выполнение* постановлений конгрессов».

Эта резолюция легализовала то положение, которое занял Генеральный Совет с самого начала: положение *исполнительного органа* Товарищества. Было бы трудно выполнять решения, не имея морального «авторитета», при отсутствии иного «добровольно признаваемого авторитета». В то же время Женевский конгресс поручил Генеральному Совету опубликовать «официальный и обязательный текст Устава».

Тот же конгресс постановил (резолюция Женевского конгресса по организационным вопросам, статья 14):

«Каждая секция имеет право выработать свой местный устав и регламент применительно к местным условиям и законам своей страны. Но они не должны содержать ничего противоречащего Общему Уставу и Регламенту».

Заметим прежде всего, что здесь нет ни малейшего намека ни на особые декларации принципов, ни на специальные задачи, которые та или иная секция могла бы взять на себя помимо общей цели, преследуемой всеми группами Интернационала. Речь идет только о праве секций приспособлять Общий Устав и Регламент «к местным условиям и законам своей страны».

Во-вторых, кто должен устанавливать, согласуются ли местные уставы с Общим Уставом? Очевидно, что, если бы не было «авторитета», на который была возложена эта функция, резолюция оказалась бы недействительной. Тогда не только могли бы возникать полицейские или враждебные секции, но проникновение в Товарищество деклассированных сектантов и буржуазных филантропов могло бы исказить его характер, и эти элементы своей численностью на конгрессах подавили бы рабочих.

Национальные и местные федерации с самого начала присвоили себе в своих странах право принимать или отказывать в приеме новым секциям, в зависимости от того, соответствуют или нет уставы этих секций Общему Уставу. Выполнение подобной же функции Генеральным Советом предусмотрено статьей 6 Общего Устава, оставляющей *за местными независимыми обществами,* то есть обществами, образовавшимися вне федеральных объединений соответствующих стран, право всту-

пать в непосредственные отношения с Генеральным Советом. *Альянс* не пренебрег этим правом, стремясь поставить себя в условия, дававшие ему возможность послать делегатов на Базельский конгресс.

Статья 6 Устава предусматривает также препятствия законодательного порядка, мешающие в некоторых странах образованию национальных федераций, вследствие чего Генеральный Совет призван выполнять там функции федерального совета (см. «Протоколы Лозаннского конгресса и т. д., 1867 г.», стр. 13[59]).

Со времени падения Коммуны эти препятствия законодательного порядка в разных странах все возрастают и делают там еще более необходимой деятельность Генерального Совета, направленную на то, чтобы не допустить проникновение подозрительных элементов в ряды Товарищества. Так, например, недавно некоторые комитеты во Франции просили вмешательства Генерального Совета, чтобы избавиться от полицейских шпионов, а члены Интернационала другой крупной страны* потребовали, чтобы Генеральный Совет признавал только те секции, которые были основаны его непосредственными уполномоченными или ими самими. Они мотивировали свою просьбу необходимостью избавиться таким путем от провокаторов, рвение которых проявлялось с таким шумом в скоропалительном создании секций, невиданных по своему радикализму. С другой стороны, так называемые антиавторитарные секции не задумываясь взывают к Совету, как только в их среде возникает конфликт, и даже требуют от него самой суровой расправы с их крагами, как это имело место во время лионского конфликта. Совсем недавно, уже после конференции, Рабочая федерация в Турине постановила объявить себя секцией Интернационала. После происшедшего в ней раскола меньшинство основало общество Освобождение пролетария[60]. Это общество присоединилось к Интернационалу и начало с того, что приняло резолюцию в пользу юрцев. Его газета «Proletario» кишит исполненными возмущения фразами против всякой авторитарности. Посылая членские взносы общества, его секретарь** предупредил Генеральный Совет, что старая федерация, по всей вероятности, также пошлет свои взносы. Далее он пишет;

«Вы, вероятно, читали в «Proletario», что общество Освобождение пролетария... заявило... об отказе от всякой солидарности с буржуазией, которая под маской рабочих создает *Рабочую федерацию»,*

* — Австрии. *Ред.*
** — К. Терцаги. *Ред.*

и он просит Генеральный Совет

«сообщить эту резолюцию всем секциям и не принимать 10-сантимовых взносов, если таковые будут ему присланы»*.

Как и все организации Интернационала Генеральный Совет обязан вести пропаганду. Эту обязанность он выполнял при помощи своих воззваний и через своих уполномоченных, которые заложили основу первых организаций Интернационала в Северной Америке, в Германии и во многих городах Франции.

Другая обязанность Генерального Совета состоит в том, чтобы помогать бастующим, обеспечивая им поддержку всего Интернационала (см. отчеты Генерального Совета различным конгрессам). Следующий факт между прочим показывает, какое значение имело его вмешательство в стачечную борьбу. Общество сопротивления английских литейщиков само по себе является международным тред-юнионом, имеющим отделения в других странах, в частности в Соединенных Штатах. Тем не менее американские литейщики во время стачки сочли необходимым обратиться к заступничеству Генерального Совета, чтобы предотвратить привоз английских литейщиков в их страну.

Развитие Интернационала возложило на Генеральный Совет, равно как и на федеральные советы, функцию арбитра.

Брюссельский конгресс постановил:

«Федеральные советы обязаны каждые три месяца посылать Генеральному Совету отчет об *организационной работе* и *финансовом состоянии* находящихся в их ведении секций» (Резолюция 3 по организационным вопросам[61]).

Наконец, Базельский конгресс, который вызывает у шестнадцати приступы желчного гнева, лишь оформил те отношения, которые складывались в области организационной работы в ходе развития Товарищества. Если он чрезмерно расширил границы полномочий Генерального Совета, то кто же виноват, как не Бакунин, Швицгебель, Ф. Робер, Гильом и другие делегаты Альянса, которые так добивались этого? Уж не станут ли они обвинять себя в «слепом доверии» к лондонскому Генеральному Совету?

Вот две резолюции Базельского конгресса:

«IV. Каждая вновь образованная секция или общество, желающие вступить в Интернационал, обязаны немедленно сообщить о своем присоединении Генеральному Совету»

* Таковыми в то время *казались* взгляды общества Освобождение пролетария, представителем которого был его секретарь-корреспондент, друг Бакунина. На самом деле стремления этой секции были совсем иные. Изгнав этого вдвойне вероломного представителя за расхищение фондов, а также за дружественные связи с начальником туринской полиции, это общество представило объяснения, положившие конец недоразумениям между ним и Генеральным Советом.

и «V. Генеральный Совет имеет право принимать новые общества и группы или отказывать им в приеме, оставляя за ними право обжаловать это решение на очередном конгрессе».

Что касается местных независимых обществ, образующихся вне федеральных объединений, то эти статьи лишь подтверждают практику, установившуюся с момента возникновения Интернационала и сохранение которой является для Товарищества вопросом жизни и смерти. Однако кое-кто заходит слитком далеко, обобщая эту практику и применяя ее ко всем без различия вновь образующимся секциям или обществам. Эти пункты действительно дают Генеральному Совету право вмешиваться во внутреннюю жизнь федераций, но Генеральный Совет никогда их в этом смысле не применял. Генеральный Совет утверждает, что шестнадцать не смогут указать ни одного случая, когда бы он вмешался в дела новых секций, готовых присоединиться к уже существующим группам или федерациям.

Приведенные нами выше резолюции относятся к вновь образуемым секциям; следующие резолюции — к секциям уже признанным:

«VI. Генеральный Совет имеет также право временно исключить секцию Интернационала впредь до очередного конгресса».

«VII. Генеральный Совет имеет право разрешать конфликты, возникающие между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами; за сторонами остается право обжаловать это решение на очередном конгрессе, где должно быть вынесено окончательное решение».

Эти две статьи необходимы на крайний случай, однако до сих пор Генеральный Совет никогда их не применял. Приведенный выше исторический обзор свидетельствует о том, что Генеральный Совет ни разу не прибегал к временному исключению секции и что в случае конфликтов он действовал только в качестве арбитра, призванного обеими сторонами.

Мы подходим, наконец, к той функции, которая была возложена на Генеральный Совет потребностями самой борьбы. Пусть это покажется обидным сторонникам Альянса, но это несомненный факт: Генеральный Совет стал во главе всех борцов за Международное Товарищество Рабочих именно потому, что он подвергается ожесточенным нападкам со стороны всех врагов пролетарского движения.

V

Расправившись с Интернационалом, каков он есть, шестнадцать говорят нам о том, каким он должен быть.

Прежде всего Генеральный Совет должен был бы формально стать простым корреспондентским и статистическим бюро.

С прекращением организационных функций его переписка неизбежно свелась бы к воспроизведению сведений, уже опубликованных в органах Товарищества. Таким образом было бы устранено и корреспондентское бюро. Что касается статистики, то эта работа невыполнима без крепкой организации, и в особенности, — что специально отмечено в первоначальном Уставе, — без общего руководства. Но так как все это сильно отдает «авторитарностью», то бюро, возможно, и было бы, но уж статистики не было бы никакой. Одним словом, Генеральный Совет исчезает. В силу той же логики уничтожаются федеральные советы, местные комитеты и другие «авторитарные» центры. Остаются одни автономные секции.

Каково же назначение этих «автономных секций», свободно федерированных и счастливо избавившихся от всякой власти, «даже и от власти, избранной и установленной рабочими».

Здесь становится необходимым дополнить циркуляр докладом, который был представлен Юрским федеральным комитетом съезду шестнадцати.

«Чтобы превратить рабочий класс в подлинного представителя новых интересов человечества», — необходимо, чтобы его организация «руководствовалась той идеей, которая должна восторжествовать. *Вывести* эту идею из потребностей нашей эпохи, из сокровенных стремлений человечества путем последовательного изучения явлений социальной жизни, *добиться затем внедрения* этой идеи в наши рабочие организации, — такова должна быть цель и т. д.». Наконец, надо создать «среди нашего рабочего населения подлинную социалистическую революционную *школу»*.

Таким образом, автономные рабочие секции превращаются вдруг в *школы,* а наставниками в них будут господа из Альянса. Путем «последовательного изучения», которое не оставляет решительно никакого следа, они *выводят идею.* Они ее «затем *внедряют* в наши рабочие организации». Для них рабочий класс — это сырой материал, хаос, для которого, чтобы он принял форму, необходимо дуновение их святого духа.

Все это лишь перепев старой программы Альянса[62], начинающейся словами:

«Социалистическое меньшинство Лиги мира и свободы, отделившись от этой Лиги», намеревается основать «новый Альянс социалистической демократии... взяв на себя *специальную миссию* изучения политических и философских вопросов...»

Такова *идея,* которая из нее *«выводится»!*

«Подобное начинание... даст искренним социалистическим демократам Европы и Америки *средство* найти общий язык и утвердить *свои идеи»*[*].

[*] Господа из Альянса, которые не перестают упрекать Генеральный Совет за созыв закрытой конференции в такой момент, когда созыв открытого конгресса был бы верхом предательства или глупости, эти безусловные сторонники шумихи и гласности организовали внутри Интернационала, вопреки нашему Уставу, настоящее

Итак, меньшинство одного буржуазного общества, по его собственному признанию, пробралось в Интернационал незадолго до Базельского конгресса с исключительной целью использовать его *как средство* для того, чтобы предстать перед рабочими массами в качестве жрецов тайной науки — науки, которая укладывается в четыре фразы и кульминационным пунктом которой является «экономическое и социальное уравнение классов».

Помимо этой «теоретической миссии», предложенная Интернационалу новая организация имеет и свою практическую сторону.

«Будущее общество», — гласит циркуляр шестнадцати, — «должно быть не чем иным, как универсальным применением той организации, которую Интернационал установит для самого себя. Мы должны поэтому позаботиться о том, чтобы по возможности приблизить эту организацию к нашему идеалу».

«Возможно ли, чтобы из авторитарной организации вышло общество, основанное на равенстве и свободе? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации».

Иными словами, подобно тому как средневековые монастыри являли собой картину небесной жизни, так Интернационал должен быть прообразом нового Иерусалима, «зародыш» которого Альянс носит в своем чреве. Разумеется, парижские коммунары не потерпели бы поражения, если бы, понимая, что Коммуна является «зародышем будущего человеческого общества», они отбросили бы всякую дисциплину и всякое оружие — вещи, которые должны исчезнуть, только тогда, когда не будет больше войн!

Но чтобы лучше доказать, что, несмотря на «последовательное изучение», не шестнадцать высидели этот милый проект дезорганизации и разоружения Интернационала в момент, когда Интернационал борется за свое существование, Бакунин опубликовал недавно его подлинный текст в своей записке об организации Интернационала (см. «Almanach du Peuple pour 1872», Женева)[63].

тайное общество, направленное против самого Интернационала и ставящее себе целью подчинить ничего не подозревающие секции Интернационала руководству верховного жреца — Бакунина.

Генеральный Совет намерен потребовать на очередном конгрессе расследования деятельности этой тайной организации и ее вдохновителей в некоторых странах, например в Испании.

VI

Теперь прочтите доклад, представленный Юрским комитетом съезду шестнадцати.

«Чтение его», — заявляет их официальный орган «Revolution Sociale» (16 ноября), — «дает *точное представление о* том, чего можно ожидать в смысле самоотверженности и практического разума от приверженцев Юрской федерации».

Доклад начинается с того, что приписывает «этим ужасным событиям» — франко-прусской войне и гражданской войне во Франции — влияние «до известной степени *деморализующее...* на состояние секций Интернационала».

Если верно, что франко-прусская война, мобилизовав огромное количество рабочих в обе армии, должна была способствовать *дезорганизации* секций, то не менее верно и то, что падение империи и открытое провозглашение Бисмарком завоевательной войны вызвали в Германии и в Англии ожесточенную борьбу между буржуазией, принявшей сторону пруссаков, и пролетариатом, сильнее, чем когда-либо, выразившим свои интернациональные чувства. Уже в силу одного этого влияние Интернационала в обеих этих странах должно было возрасти. В Америке те же события вызвали раскол среди многочисленной немецкой рабочей эмиграции; интернационалистская часть ее резко отделилась от шовинистической части.

С другой стороны, провозглашение Парижской Коммуны дало невиданный доселе толчок росту Интернационала вширь и энергичному отстаиванию его принципов секциями всех национальностей, за исключением, однако, юрских секций, доклад которых далее гласит: «Начало гигантской борьбы наводит на размышление... Одни отходят, чтобы скрыть свое бессилие... Для многих создавшееся положение» (в их собственных рядах) «служит признаком распада», но «как раз наоборот... эта *ситуация способна совершенно преобразовать Интернационал»...* по их образу и подобию. Сие скромное желание станет понятным после более глубокого рассмотрения этой столь благоприятной ситуации.

Если не считать распущенный Альянс, который заменила потом секция Малона, комитет должен был представить отчет о положении дел в двадцати секциях. Семь из них попросту от него отвернулись; вот что об этом сказано в докладе:

«Секция *футлярщиков,* а также секция *граверов и узорщиков* в Бьенне не ответили ни *на одно* из наших обращений к ним».

«Профессиональные секции *Невшателя — столяры, футлярщики, граверы и узорщики* — ни разу *не* дали *никакого* ответа федеральному комитету».

«Мы не смогли добиться *никаких* сведений от секции *Валь-де-Рюз».*

«Секция граверов и узорщиков Локля не дала *никакого* ответа на обращение федерального комитета».

Вот что называется *свободным* общением автономных секций со своим федеральным комитетом. Другая секция, а именно секция

«граверов и узорщиков округа *Куртелари,* после трех лет упорства и настойчивости... в настоящий момент... организуется в общество сопротивления» —

вне Интернационала, что нисколько не помешало ей послать двух делегатов на съезд шестнадцати.

Затем следуют четыре совершенно мертвые секции:

«Центральная секция в Бьенне в настоящий момент *распалась;* один из ее преданных членов, однако, написал нам недавно, что еще *не вся надежда потеряна* на возрождение Интернационала в Бьенне».

«Секция в *Сен-Блез распалась».*

«Секция в Катеба после блестящего существования *вынуждена была отступить* в связи с интригами, которые велись хозяевами» (!) «этой местности с целью добиться роспуска этой *отважной»* (!) «секции».

«Наконец, секция в Коржемоне также *стала жертвой* интриг со стороны хозяев».

Затем идет *центральная секция округа Куртелари*, которая

«прибегла к благоразумной мере: *временно прекратила* свою деятельность», —

что не помешало ей послать двух делегатов на съезд шестнадцати.

Затем следуют четыре секции, существование которых более чем проблематично.

«Секция *Гранж* свелась к *небольшому ядру* рабочих-социалистов... Их местная деятельность парализована их малочисленностью».

«Центральная секция в Невшателе сильно пострадала в результате событий, и если бы не самоотверженность и активность отдельных ее членов, *гибель ее была бы неминуема».*

«Центральная секция в Локле, в течение нескольких месяцев находившаяся *между жизнью и смертью,* в конце концов *распалась.* Совсем недавно она вновь организовалась» —

явно, с единственной целью послать двух делегатов на съезд шестнадцати.

«Секция социалистической пропаганды в Шо-де-Фоне находится в *критическом состоянии...* Ее положение не только не улучшается, а *скорее ухудшается».*

Затем следуют две секции — *просветительные кружки* в *Сент-Имье и Сонвилье,* о которых упомянуто только вскользь и о положении которых не сказано ни одного слова.

Остается образцовая секция, которая, судя по ее названию *центральной* секции, сама по себе является лишь осколком других исчезнувших секций.

«Центральная секция в *Мутье* пострадала, несомненно, меньше других... Ее комитет находился в постоянной связи с федеральным комитетом... *Секции еще не основаны...»*

Это объясняется следующим:

«Деятельность секции в Мутье находится в особо *благоприятных* условиях ввиду *прекрасного расположения* рабочего населения... сохранившего народные нравы; мы хотели бы, чтобы рабочий класс этой местности держался еще более независимо от всяких политических элементов».

Итак, этот доклад в самом деле

«дает *точное представление о* том, чего можно ожидать в смысле самоотверженности и *практического разума* от приверженцев Юрской федерации».

Они могли бы дополнить его, прибавив, что рабочие Шо-де-Фона, первоначального местопребывания их комитета, всегда отказывались от всяких сношений с ними. Совсем недавно, на общем собрании 18 января 1872 г., эти рабочие ответили единогласно на циркуляр шестнадцати тем, что подтвердили постановления Лондонской конференции, а также и постановление романского съезда в мае 1871 г., которое гласит:

«Изгнать навсегда из Интернационала Бакунина, Гильома и их приверженцев».

Надо ли добавлять хоть одно слово о значении этого так называемого съезда в Сонвилье, который, по словам его участников, «вызвал войну, открытую войну внутри Интернационала?»

Конечно, люди эти, шумевшие тем больше, чем мельче они были сами, имели бесспорный успех. Вся либеральная и полицейская пресса открыто встала на их сторону; их клевета на Генеральный Совет, их беззубые нападки на Интернационал встретили поддержку со стороны мнимых реформаторов во всех странах. В Англии их поддержали буржуазные республиканцы, интриги которых были расстроены Генеральным Советом. В Италии — свободомыслящие догматики, основавшие недавно под знаменем Стефанони «Универсальное общество рационалистов» с обязательным местопребыванием в Риме, организацию «авторитарную» и «иерархическую», монастыри для атеистических монахов и монахинь, по уставу которой в зале заседаний устанавливается мраморный бюст каждого буржуа, пожертвовавшего десять тысяч франков[64], Наконец, в Германии они

встретили поддержку со стороны бисмарковских социалистов, которые, не говоря уже об издаваемой ими полицейской газете «Neuer Social-Demokrat»[65], выполняют роль белорубашечников[66] прусско-германской империи.

Конклав в Сонвилье обратился ко всем секциям Интернационала с патетическим призывом настаивать на немедленном созыве конгресса, «чтобы пресечь», — как выражаются граждане Малон и Лефрансе, — «систематическую узурпацию прав Лондонским советом», а в действительности же, чтобы подменить Интернационал Альянсом. Этот призыв встретил столь ободряющий отклик, что им немедленно же пришлось заняться фальсификацией решения последнего бельгийского съезда. В своем официальном органе («Revolution Sociale» от 4 января 1872 г.) они заявляют:

«Наконец, что более важно, бельгийские секция на своем съезде в Брюсселе 24 и 25 декабря единогласно вынесли постановления, совпадающие с решением съезда в Сонвилье, о необходимости срочного созыва общего конгресса».

Необходимо констатировать, что бельгийский съезд принял прямо противоположное решение. Он поручил ближайшему бельгийскому съезду, который состоится не раньше июня, выработать проект нового Общего Устава для рассмотрения его на *очередном конгрессе* Интернационала[67].

С согласия огромного большинства членов Интернационала Генеральный Совет созовет ежегодный конгресс только в сентябре 1872 года.

VII

Спустя несколько недель после конференции в Лондон прибыли гг. Альбер Ришар и Гаспар Блан, наиболее влиятельные и рьяные члены *Альянса,* с поручением завербовать из французских эмигрантов помощников, готовых работать для реставрации империи, что, по их мнению, является единственным средством избавиться от Тьера, да и самим не остаться с пустыми карманами. Генеральный Совет предупредил заинтересованных лиц, и в том числе и Брюссельский федеральный совет, об их бонапартистских происках.

В январе 1872 г. они сбросили маску, опубликовав брошюру:

«Империя и новая Франция. Призыв народа и молодежи к совести французов». Сочинение Альбера Ришара и Гаспара Блана. Брюссель. 1872[68].

С присущей шарлатанам из Альянса скромностью они провозглашают:

«Мы, организовавшие великую армию французского пролетариата... мы, самые влиятельные вожди Интернационала во Франции*, мы, к счастью, не расстреляны, и мы находимся здесь, чтобы перед лицом их *(тщеславных парламентариев, сытых республиканцев, мнимых демократов всякого рода)* водрузить знамя, под сенью которого мы сражаемся, и, невзирая на ожидающие нас клевету, угрозы и всякого рода нападки, бросить изумленной Европе клич, исходящий из глубины нашего сознания, клич, который скоро найдет отклик в сердцах всех французов: *«Да здравствует император!»*

«Опозоренному и оплеванному Наполеону III нужна блестящая реабилитация», —

и гг. Альбер Ришар и Гаспар Блан, оплачиваемые из секретных фондов Нашествия III, получили специальное задание реабилитировать его.

Впрочем, они признаются, что

«сторонниками империи сделал нас естественный ход развития наших идей».

Вот признание, которое должно приятно ласкать слух их единоверцев из *Альянса.* Как и в лучшие дни «Solidarité», А. Ришар и Г. Блан декламируют свои старые фразы о «политическом воздержании», которое, по данным «естественного хода развития», осуществимо лишь при самом абсолютном деспотизме, когда рабочие воздерживаются от какого бы то ни было участия в политике, как узник воздерживается от прогулки в солнечную погоду.

«Время революционеров», — заявляют они, — «прошло... коммунизм водворен в Германию и Англию, в первую очередь в Германию. Именно там, кстати, он издавна серьезно разрабатывался, чтобы затем распространиться во всем Интернационале, и эти, внушающие тревогу успехи *немецкого влияния* в Товариществе немало способствовали тому, чтобы задержать его развитие или, вернее, придать ему новое направле-

* В «Égalité» (издающейся в Женеве) от 15 февраля 1872 г. под заголовком *«К позорному столбу»* читаем: «Еще не настало время описывать историю поражения движения за Коммуну на юге Франции, но уже сейчас мы, в большинстве своем бывшие свидетели прискорбного поражения лионского восстания 30 апреля, можем заявить, что одной из причин, вызвавших поражение этого восстания, является трусость, предательство и воровство Г. Блана, который втирался повсюду, выполняя приказания державшегося в тени А. Ришара.

Своими заранее обдуманными махинациями эти негодяи умышленно скомпрометировали многих из тех, кто принимал участие в подготовительной работе повстанческих комитетов.

Более того, этим предателям удалось до такой степени дискредитировать Интернационал в Лионе, что в момент парижской революции лионские рабочие относились к Интернационалу с величайшим недоверием. Отсюда полное отсутствие организованности, отсюда поражение восстания, поражение, которое неминуемо должно было повлечь за собой падение Коммуны, предоставленной своим собственным силам. Лишь после этого кровавого урока нам удалось путем пропаганды сплотить лионских рабочих вокруг знамени Интернационала.

Альбер Ришар был любимчиком и пророком Бакунина и его братии».

ние в секциях центра и юга Франции, которые никогда не получали ни одного лозунга ни от одного немца».

Уж не слышим ли мы здесь голос самого великого иерофанта*, который со времени возникновения Альянса взял на себя, в качестве русского, специальную миссию представлять *латинские расы?* Или это голос «истинных миссионеров» из «Révolution Sociale» (2 ноября 1871 г.), возвещающих

«о попятном движении, которое пытаются навязать Интернационалу немецкие и бисмарковские умы»?

К счастью, однако, истинные традиции Интернационала сохранены, — гг. Альбер Ришар и Гаспар Блан не расстреляны! Следовательно, их личная «работа» состоит в том, «чтобы дать новое направление» Интернационалу в центре и на юге Франции — попыткой создания бонапартистских секций, уже в силу одного этого являющихся «автономными».

Что касается конституирования пролетариата в политическую партию, что было предложено Лондонской конференцией, то *«после реставрации империи мы»* — Ришар и Блан —

«быстро покончим не только с социалистическими теориями, но и с попытками их осуществления, которые находят свое выражение в революционной организации масс». Одним словом, используя великий «принцип автономии секций», «составляющий подлинную силу Интернационала... особенно в странах *латинской расы»...* («Révolution Sociale» от 4 января), —

эти господа делают ставку на анархию в Интернационале.

Анархия — вот боевой конь их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос навыворот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией. Международной

* — М. Бакунина. *Ред.*

полиции ничего больше и не требуется для того, чтобы увековечить республику Тьера, прикрыв ее императорской мантией*,

Генеральный Совет:

Р. Аплгарт, Антуан Арно, М. Т. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Ф. Курне, Делаэ, Эжен Дюпон, У. Хейлз, Хурлиман, Жюлъ Жоаннар, Харриет Ло, Ф. Лесснер, Лохнер, Маргерит, Констан Мартен, Зеви Морис, Генри Мейо, Джордж Милнер, Чарлз Марри, Пфендер, Витале Реджис, Ю. Розвадовский, Джон Роч, Рюль, Г. Ранвье, Садлер, Кауэлл Степни, Альф, Тейлор, У. Таунсенд, Эд. Вайян, Джон Уэстон, Ф. Дж. Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Карл Маркс — для Германии и России; ***Лео Франкель*** — для Австрии и Венгрии; ***А. Эрман*** — для Бельгии; ***Т. Моттерсхед*** — для Дании; ***И. Г. Эккариус*** — для Соединенных Штатов; ***Ле Муссю*** — для французских секций в Соединенных Штатах; ***Ог. Серрайе*** — для Франции; ***Шарль Роша*** — для Голландии; ***Дж. П. Мак-Доннел*** — для Ирландии; ***Фр. Энгельс*** — для Италии и Испании; ***Валерий Врублевский*** — для Польши; ***Г. Юнг*** — для Швейцарии.

Шарль Лонге — председатель заседания
Герман Юнг — казначей
Джон Хейлз — генеральный секретарь.

Лондон, 5 марта 1872 г.
33, Ратбон-плейс.

* В докладе о законе Дюфора депутат помещичьей палаты Саказ прежде всего нападает на «организацию» Интернационала. Эта организация ему ненавистна. Констатировав «поступательное движение этого грозного Товарищества», он продолжает: «Это Товарищество отвергает... тайную деятельность предшествовавших ему сект. Его организация создавалась и видоизменялась на глазах у всех. Благодаря могуществу этой организации... все больше расширяется сфера его деятельности и влияния. Оно проникает во все страны». Затем Саказ дает «краткое описание» организации и в заключение говорит: «Таков в своем мудром единстве... план этой обширной организации. Ее сила в самом ее замысле. Ее сила также в массе ее приверженцев, связанных общей деятельностью, и, наконец, в том непреодолимом стимуле, который приводит их в движение».

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИИ О РАСКОЛЕ В ФЕДЕРАЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ПРИНЯТЫЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 5 И 12 МАРТА 1872 ГОДА [69]

I

О ДВУХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СОВЕТАХ

Статья 1. — Принимая во внимание, что центральные советы были учреждены только лишь для того, чтобы обеспечить в каждой стране «силу единения и организации рабочего движения» (статья 7 Общего Устава); что, следовательно, существование двух соперничающих центральных советов в одной и той же федерации является явным нарушением Общего Устава;

Генеральный Совет призывает оба временных федеральных совета в Нью-Йорке снова объединиться и действовать, до созыва ближайшего американского общего съезда, как единый Временный федеральный совет для Соединенных Штатов.

Статья 2. — Принимая во внимание, что работоспособность этого Временного федерального совета будет ослаблена, если в его составе окажется слишком много членов, только совсем недавно вступивших в Международное Товарищество Рабочих, Генеральный Совет рекомендует недавно образовавшимся и немногочисленным секциям объединиться для назначения нескольких общих делегатов.

II

ОБЩИЙ СЪЕЗД ФЕДЕРАЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Статья 1. — Генеральный Совет рекомендует созвать 1 июля 1872 г. общий съезд делегатов от секций и присоединившихся обществ в Соединенных Штатах.

Статья 2. — Этому съезду надлежит избрать Федеральный совет Соединенных Штатов. Он может, если это будет сочтено

желательным, предоставить избранному таким путем Федеральному совету право кооптировать в свой состав некоторое, ограниченное число членов.

Статья 3. — Этому съезду принадлежит исключительное право выработки местного устава и регламента для организации Международного Товарищества Рабочих в Соединенных Штатах, но этот местный устав и регламент не должны содержать в себе ничего противоречащего Общему Уставу и Регламенту Товарищества (Организационный регламент, V, статья 1).

III

СЕКЦИИ*

Статья 1. — Принимая во внимание, что секция № 12 в Нью-Йорке не только официально приняла резолюцию, по которой «каждая секция» имеет «право самостоятельно» истолковывать, как ей вздумается, «постановления отдельных конгрессов» и «Общий Устав и Регламент»; но, более того, что она полностью проводила в жизнь этот принцип, который, если бы он был принят всеми, привел бы к тому, что от Международного Товарищества Рабочих не осталось бы ничего, кроме его названия;

что эта же секция постоянно использовала Международное Товарищество Рабочих для осуществления целей, чуждых или прямо противоположных задачам и стремлениям Интернационала;

на этом основании Генеральный Совет считает своим долгом применить резолюцию VI Базельского конгресса по организационным вопросам[70] и *временно исключить* секцию № 12 до созыва очередного общего конгресса Международного Товарищества Рабочих, который должен состояться в сентябре 1872 года.

Статья 2. — Принимая во внимание, что Международное Товарищество Рабочих, согласно Общему Уставу, должно состоять исключительно «из рабочих обществ» (см. статьи 1, 7 и 11 Общего Устава);

что, следовательно, статья 9 Общего Устава, которая гласит, что «членом Международного Товарищества Рабочих может стать каждый, кто признает и защищает его принципы», хотя и предоставляет активным сторонникам *Интернационала,* не являющимся рабочими**, право в индивидуальном порядке

* В газете «Woodhull and Claflin's Weekly» этот раздел озаглавлен «12-я секция». *Ред.*

** В газете «Woodhull and Claflin's Weekly» слова «не являющимся рабочими» опущены. *Ред.*

вступать непосредственно в Интернационал или быть принятым в его секции, состоящие из рабочих, но ни в коем случае не узаконивает образования секций, состоящих исключительно или преимущественно из членов, не принадлежащих к рабочему классу;

что по этой именно причине Генеральный Совет несколько месяцев назад вынужден был отказать в признании славянской секции, состоящей исключительно из студентов[71];

что, согласно разделу V, статье 1 Организационного регламента, Общий Устав и Регламент могут быть приспособлены «к местным условиям каждой страны»;

что социальные условия Соединенных Штатов, хотя они во многих других отношениях и являются весьма благоприятными для успехов рабочего движения, особенно облегчают проникновение в *Интернационал* лжереформаторов, буржуазных шарлатанов и продажных политиканов;

на этом основании Генеральный Совет рекомендует впредь не принимать в Товарищество новые* американские секции, если они не насчитывают в своем составе по крайней мере двух третей наемных рабочих.

Статья 3. — Генеральный Совет обращает внимание Американской федерации на статью 3 резолюции II Лондонской конференции относительно «сектантских»** секций или «сепаратистских организаций, претендующих на выполнение особых задач», отличных от общей цели Товарищества, а именно: освобождения трудящихся от «экономического подчинения монополисту средств труда», «лежащего в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости» (см. введение к Общему Уставу).

Написано К. Марксом
около 5 марта 1872 г.

Напечатано в газетах «La Emancipation» № 43, 6 апреля 1872 г., «Woodhull and Claflin's Weekly» № 103, 4 мая 1872 г. и «Der Volksstaat» № 37, 8 мая 1872 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газет

Перевод с английского

* В газете «Woodhull and Claflin's Weekly» слово «новые» опущено. *Ред.*
** В газете «Woodhull and Claflin's Weekly» слово «сектантских» опущено. *Ред.*

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «LA LIBERTE» [72]

Лондон, 12 марта 1872 г.

Г-н редактор?

В книге гражданина Г. Лефрансе «О коммуналистском движении», с которой я познакомился только несколько дней тому назад, на стр. 92 я обнаружил следующие строки:

«Письмо, написанное позднее гражданину Серрайе Карлом Марксом, главным вдохновителем немецкой секции Интернационала, по поводу выборов 8 февраля, в котором он с некоторой горечью критикует участие французской секции в этих выборах, в достаточной мере свидетельствует о том, что Интернационал, правильно это было или нет, тогда был мало расположен вмешиваться в активную политику»[73].

Немедленно после появления в печати письма, якобы написанного мной к Серрайе, я заявил в «Times», в «Courrier de l'Europe», в берлинской «Zukunft» и т. д., что это письмо было сфабриковано «Paris-Journal». Со своей стороны, Серрайе публично разоблачил полицейского журналиста, который был подлинным автором этого письма. Так как почти все органы Интернационала и даже некоторые парижские газеты напечатали наши заявления, я искренне удивлен тем, что гражданин Лефрансе решился публично заверить своей подписью подложный документ, сфабрикованный Анри де Пеном[74].

Остаюсь, милостивый государь, с совершенным почтением

Карл Маркс

Напечатано в газете «La Liberte» № 11, 17 марта 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИИ МИТИНГА В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ[75]

Митинг, созванный по случаю годовщины 18 марта 1871 **г.**, принял следующие резолюции:

I

Он рассматривает героическое движение 18 марта как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества.

II

Он заявляет, что глупость и преступления буржуазных классов, объединенных во всей Европе своей ненавистью к рабочим, приговорили к смерти старое общество, каковы бы ни были его формы правления — монархические или республиканские.

III

Он заявляет, что крестовый поход всех правительств против Интернационала и террор как версальских убийц, так и их прусских победителей, являются свидетельством несостоятельности их успехов и доказательством того, что за героическим авангардом, уничтоженным совместными усилиями Тьера и Вильгельма, стоит грозная армия мирового пролетариата.

Написано К. Марксом между 13 и 18 марта. 1872 г.

Напечатано в газетах «La Liberte» № 12, 24 марта 1872 г. и «The International Herald» № 3, 30 марта 1872 г.

Печатается по рукописи, переписанной дочерью Маркса Женни Маркс и выправленной автором

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ

Мы получили ваше письмо от 15 марта и очень вам благодарны за подробное сообщение о действительном положении нашего Товарищества в Испании, положении, весьма удовлетворительном для момента, который мы переживаем. Наиболее важное из вашего сообщения мы опубликуем. Мы пришлем вам письмо для Сарагосского съезда, а также позднее, — телеграмму*. Телеграмма будет послана от имени Генерального Совета и Британского федерального совета. Что касается Франции, то из-за закона Дюфора против Интернационала, существование федерального совета там невозможно; однако мы напишем в Париж, чтобы секция Ферре[76] послала вам письмо для съезда, — именных подписей на этом письме не будет, но если вы найдете на нем подпись секции Ферре, все будет в порядке. В Германии недавние процессы временно дезорганизовали Товарищество, и, как вы уже знаете, Либкнехт и Бебель присуждены к двум годам тюрьмы главным образом за деятельность в духе Интернационала; посылка телеграммы оттуда будет поэтому в настоящий момент делом неосуществимым, все же мы отослали ваше письмо в Германию.

Относительно марок нет никаких затруднений. Затребуйте столько марок, сколько, по вашему мнению, вы сможете использовать, и передайте нам взносы или часть взносов, *полученных* до 1 июля; не позднее чем за три недели до общего конгресса, пришлете нам остальное вместе с неиспользованными марками. У нас их много, и не будет беды, если ваши делегаты на съезде возвратят нам какую-нибудь тысячу.

---

* См. настоящий том, стр. 58—60. *Ред.*

Вчера вечером казначей Юнг не был на заседании Совета, я послал ему расписку, чтобы он подписал ее; как только получу, перешлю ее вам вместе с письмом для Сарагосского съезда.

Надеемся, что вы представите на одобрение своего съезда резолюции Лондонской конференции. Пока что эти резолюции признаны следующими федерациями: германской, романской, швейцарско-немецкой (Цюрих), английской, голландской и американской, а также французскими и ирландскими секциями.

Написано Ф. Энгельсом 27 марта 1872 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по черновику письма

Перевод с испанского

К. МАРКС

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ [77]

Земельная собственность, первоначальный источник всякого богатства, стала великой проблемой, от решения которой зависит будущее рабочего класса[*].

Не ставя себе задачей обсудить здесь все доводы, приводимые защитниками частной собственности на землю — юристами, философами и экономистами, я лишь отмечу здесь, во-первых, что они приложили немало усилий, чтобы прикрыть первоначальный факт завоевания *«естественным правом»*. Если завоевание создало естественное право для меньшинства, то большинству остается только собрать достаточные силы и приобрести таким образом естественное право на завоевание того, что было у него отнято.

В ходе истории завоеватели сочли удобным придать своему первоначальному праву, вытекавшему из грубой силы, некоторую общественную устойчивость[**] посредством законов, продиктованных ими самими.

Затем появляется философ и доказывает, что эти законы подразумевают и выражают всеобщее согласие человечества[***]. Если в самом деле частная собственность на землю основана на таком всеобщем согласии, то она, очевидно, должна перестать существовать в тот момент, когда большинство общества не пожелает более сохранять ее.

Однако, оставляя в стороне так называемые «права» собственности, я утверждаю, что экономическое развитие общества,

[*] В черновой рукописи перед этой фразой помечено: «К пункту 1». *Ред.*
[**] В черновой рукописи вместо слова «устойчивость» написано: «санкцию». *Ред.*
[***] В черновой рукописи вместо слова «человечества» написано: «общества». *Ред.*

рост и концентрация населения — те условия, которые заставляют фермера-капиталиста применять в сельском хозяйстве коллективный и организованный труд и прибегать к помощи машин и подобных изобретений — будут все более и более делать национализацию земли *«общественной необходимостью»,* против которой бессильны всякие рассуждения о правах собственности. Настоятельные потребности общества должны быть и будут удовлетворены, изменения, продиктованные общественной необходимостью, сами проложат себе путь и рано или поздно приспособят законодательство к своим интересам.

Мы нуждаемся в ежедневно увеличивающемся производстве, и его потребности не могут быть удовлетворены при таком положении, когда кучка людей может регулировать это производство соответственно своим прихотям и частным интересам или невежественно истощать почву. Все современные методы, такие как орошение, дренаж, паровой плуг, химические продукты и т. п., должны широко применяться в сельском хозяйстве. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе.

Если обработка земли в крупном масштабе (даже современным капиталистическим методом, низводящим самого производителя до уровня простого вьючного животного) оказывается настолько более выгодной с экономической точки зрения[*], чем ведение хозяйства на мелких и раздробленных участках, то разве ведение хозяйства в национальном масштабе не дало бы еще больший толчок развитию производства?

Непрерывно растущие потребности населения, с одной стороны, и постоянный рост цен на сельскохозяйственные продукты — с другой, неопровержимо доказывают, что национализация земли стала общественной необходимостью.

Уменьшение сельскохозяйственной продукции в результате произвола отдельных лиц станет, разумеется, невозможным, когда возделывание земли будет вестись под контролем нации[**] и для ее блага.

Все граждане, которых я здесь слышал во время обсуждения этого вопроса, защищали национализацию земли, но они придерживались весьма различных точек зрения[***].

---

[*] В черновой рукописи слова *«с* экономической точки зрения» отсутствуют. *Ред.*
[**] В черновой рукописи далее следует: «за ее счет и в ее интересах». *Ред.*
[***] В черновой рукописи эта фраза отсутствует; она, по-видимому, принадлежит Дюпону. *Ред.*

Неоднократно ссылались на Францию; но со своей *крестьянской собственностью* она гораздо дальше от национализации земли, чем Англия со своим лендлордизмом*. Во Франции, правда, земля доступна каждому, кто в состоянии ее купить, но именно эта доступность привела к раздроблению земли на мелкие участки, которые обрабатываются людьми, располагающими небольшими средствами и рассчитывающими преимущественно на свой личный труд и труд своих семейств. Эта форма земельной собственности и обусловленная ею обработка земли мелкими участками, исключая всякое применение современных усовершенствований в сельском хозяйстве, в то же время превращает самого земледельца в решительного противника всякого социального прогресса и, в особенности, национализации земли. Он прикован к земле, к которой должен приложить все свои жизненные силы для получения сравнительно ничтожного дохода, он вынужден отдавать большую часть своего продукта государству — в виде налогов, судебной клике — в виде судебных издержек и ростовщику — в виде процентов; он абсолютно ничего не знает о социальном движении вне своего ограниченного поля деятельности и все же он с фанатической привязанностью цепляется за свой клочок земли и за свое чисто номинальное право собственности на него. Таким путем французский крестьянин был вовлечен в роковой антагонизм с промышленным рабочим классом.

Поскольку крестьянская собственность является самым большим препятствием для национализации земли, Франция, в ее современном состоянии, безусловно, не является той страной, где мы должны искать решение этой великой проблемы.

Национализация земли и передача ее мелкими участками отдельным лицам или товариществам рабочих, когда власть находится в руках буржуазии, только породила бы беспощадную конкуренцию между ними, и в результате привела бы к увеличивающемуся росту ренты, а это в свою очередь принесло бы новые выгоды землевладельцам, живущим за счет производителей.

На конгрессе Интернационала в Брюсселе в 1868 г. один из наших товарищей сказал:

«Мелкая частная собственность на землю осуждена наукой, а крупная земельная собственность — справедливостью. Остается, таким образом, только одно из двух: земля должна стать либо собственностью сельских товариществ, либо собственностью всей нации. Будущее решит этот вопрос»[78].

* В черновой рукописи перед этой фразой помечено: «К пункту 5». *Ред.*

Я же говорю наоборот:* социальное движение приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей.

Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, и в конечном счете, совершенно уничтожит капиталистический способ производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с той экономической основой, на которой они покоятся**. Жизнь за счет чужого труда канет в прошлое. Не будет больше правительства или государства, отделенных от самого общества! Сельское хозяйство, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее целесообразным образом. *Национальная централизация средств производства* станет национальной*** основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану. Такова та гуманная**** цель, к которой ведет великое экономическое движение XIX столетия.

Написано К. Марксом в марте — апреле 1872 г.

Напечатано в газете «The International Herald» № 11, 15 июня 1872 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с английского

---

* В черновой рукописи вместо последующих слов написано: «будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью». *Ред.*

** В черновой рукописи вместо слов «на которой они покоятся» написано: «из которой они произошли, и общество превратится в объединение свободных производителей». *Ред.*

*** В черновой рукописи вместо слова «национальной» написано: «естественной». *Ред.*

**** В черновой рукописи слово «гуманная» зачеркнуто. *Рвд.*

NO MAS DEBERES SIN DRRECHOS: NO MAS DERECHOS SDIN BBERES.

LA EMANCIPACION.

PERIODICO SOCIALISTA.

SE PUBLICA TODOS LOS SABADOS.

Año II.	Precio de suscricion: 4 rs. trimestre. Administracion: San Pedro, 16, 3.°	Madrid 13 de abril de 1872.	Para suscriciones dirigirse á la librería de San Martin, Puerta del Sol.	Núm. 44.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГРАЖДАНАМ — ДЕЛЕГАТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСПАНСКОГО СЪЕЗДА, СОБРАВШЕГОСЯ В САРАГОСЕ [79]

Лондон, 3 апреля 1872 г.

Граждане!

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих поручил мне передать вам его приветствия по случаю созыва второго съезда испанских секций. В самом деле, вы можете поздравить себя с результатами, достигнутыми за столь короткий срок. Интернационал, основанный в Испании менее трех лет назад, охватывает теперь всю страну своими секциями и федерациями; он имеет организации во всех городах и проникает в настоящее время в деревню. Благодаря вашей деятельности, а также вследствие бессмысленных и глупых преследований со стороны сменявших друг друга правительств кашей страны, вы смогли добиться больших результатов и достигли того, что Интернационал сделался в Испании действительной силой. Но вместе с тем не следует забывать, что эти результаты стали возможны только благодаря той особой организационной структуре нашего Товарищества, которая предоставляет каждой национальной или местной федерации полную свободу действий, а центральным его органам предоставляет полномочия лишь в пределах, безусловно необходимых для того, чтобы позволить этим органам успешно бороться за единство программы и общие интересы, и не дать Товари-

ществу превратиться в игрушку буржуазных или полицейских интриг*.

На вас еще обрушится, вероятно, немало преследований. Вспомните тогда, что есть другие страны — как Франция, Германия, Австрия, Венгрия, — где члены Интернационала подвергаются еще более свирепым правительственным репрессиям и все-таки не склоняют головы: они знают, как знаете и вы, что преследования являются лучшим средством пропаганды для нашего Товарищества и что нет такой силы в мире, которая была бы достаточно могущественной, чтобы искоренить постоянно возрождающееся революционное движение современного пролетариата. Чтобы уничтожить Интернационал, надо уничтожить почву, которая естественно его порождает, то есть само современное общество.

Привет и братство.

По поручению Генерального Совета

Секретарь для Испании,

Фридрих Энгельс

Напечатано в газетах «La Emancipation» № 44, 13 апреля 1872 г., «La Liberte» № 17, 28 апреля 1872 г. и «Der Volksstaat» № 36, 4 мая 1872 г.

Печатается по тексту газеты «La Emancipation», сверенному с черновиком, письма

Перевод с испанского

* В черновике письма далее следует: «Ни одна буржуазная организация не могла бы просуществовать в подобных условиях; величайшая заслуга современного пролетариата состоит в том, что он создал для совместной борьбы Товарищество, охватывающее все цивилизованные страны и в то же время ни в чем не нарушающее автономию каждой отдельной федерации». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СЪЕЗДУ В САРАГОСЕ

Лондон, 6 апреля 1872 г.

Генеральный совет и Британский федеральный совет приветствуют съезд в Сарагосе.

Да здравствует освобождение пролетариата!

Энгельс

Напечатано в газете «La Emancipacion» № 44 13 апреля 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с испанского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В СВЯЗИ С ВЫСТУПЛЕНИЕМ КОКРЕНА В ПАЛАТЕ ОБЩИН [80]

Подвиги версальской помещичьей палаты и испанских кортесов, поставивших своей целью уничтожить Интернационал, как нельзя более кстати пробудили благородный дух соревнования в сердцах представителей аристократии в британской палате общин. И вот 12 апреля 1872 г. г-н Б. Кокрен — один из ярких представителей того типа, по которому можно судить об умственном уровне высших классов, — обратил внимание палаты на слова и дела этого ужасного общества. Будучи человеком к чтению не особенно склонным, он, чтобы подготовиться к этому вопросу, предпринял минувшей осенью поездку с целью ознакомления с некоторыми континентальными штабами Интернационала; вернувшись из этой поездки, он поспешил письмом в «Times» закрепить за собой своего рода приоритет в данном вопросе. Его речь в парламенте в устах любого другого человека рассматривалась бы как умышленное и преднамеренное игнорирование предмета, о котором идет речь. Многочисленные официальные издания Интернационала, за одним исключением, ему неизвестны; вместо них он цитирует набор отрывков из вышедших в Швейцарии мелких изданий частных лиц, за которые Интернационал, как организация, в такой же мере несет ответственность, в какой британский кабинет министров несет ответственность за речь г-на Кокрена. По его словам,

«огромное большинство людей, вступивших в Англии в Товарищество, — а их насчитывается 180000 человек, — было совершенно не осведомлено о тех принципах, которые собирались проводить в жизнь, и которые от них тщательно скрывались в момент их вступления».

Но те принципы, которые собирался проводить в жизнь Интернационал, изложены в введении к Общему Уставу, и г-н Кокрен пребывает в счастливом неведении относительно того, что никто не может вступить в Товарищество, не выразив ясно своего согласия с этими принципами. Далее:

«общество, когда оно первоначально создавалось, основывалось на принципах тред-юнионизма, и в то время ему не придавалось никакого политического характера».

Не только вводная часть к первоначальному Общему Уставу обладает резко выраженным политическим характером, но политические тенденции Товарищества весьма полно изложены в Учредительном Манифесте, опубликованном в 1864 г. одновременно с этим Уставом[81]. Другое изумительное открытие, заключающееся в том, что Бакунину было «поручено» ответить от имени Интернационала на нападки Мадзини, просто является неправдой. Приведя цитату из брошюры Бакунина[82], он продолжает:

«Подобная напыщенная бессмыслица могла бы вызвать улыбку с нашей стороны, но когда такие документы исходят из Лондона» (а они из него *не* исходят), «то что же удивительного в том, что иностранные правительства забили тревогу?»

А что удивительного в том, что г-н Кокрен стал их глашатаем в Англии? Следующее обвинение, — что Интернационал недавно начал издавать «газету» в Лондоне, — также является неправдой. Однако г-н Кокрен может утешиться: у Интернационала есть множество своих собственных органов в Европе и в Америке и на языках почти всех цивилизованных народов.

Но суть всей речи изложена в следующих словах:

«Он *мог бы, показать,* что Коммуна и Международное Товарищество в действительности одно и то же и что Международное общество, находящееся» (?) «в Лондоне, отдало Коммуне приказ сжечь Париж и убить архиепископа этого города».

Перейдем же теперь к доказательствам. Эжен Дюпон в качестве председателя Брюссельского конгресса, происходившего в сентябре 1868 г., действительно утверждал, что Интернационал стремится к социальной революции. Но в чем же заключается таинственная связь между утверждением Эжена Дюпона в 1868 г. и действиями Коммуны в 1871 году? Она заключается в том, что

«только на прошлой неделе Эжен Дюпон был арестован в Париже, куда он тайно отправился из Англии. Но этот г-н Эжен Дюпон был членом Коммуны, а также в членом Международного общества».

К несчастью для этого весьма убедительного способа аргументации, А. Дюпон, член Коммуны, арестованный в Париже, не был членом Интернационала, а Э. Дюпон, член Интернационала, не был членом Коммуны. Второе доказательство —

«Бакунин в Женеве в июле 1869 г. на конгрессе, который заседал под его председательством, сказал: «Интернационал объявляет себя атеистическим»».

Но в июле 1869 г. в Женеве не было никакого конгресса; ни разу Бакунин не председательствовал ни на одном из конгрессов Интернационала, и ему никогда не поручалось делать заявления от их имени. Третье доказательство: «Volksstimme», орган Интернационала в Вене[83], писал:

«Красный флаг есть символ всеобщей любви, но пусть наши враги остерегаются того, чтобы он не стал символом всеобщего террора».

Более того, та же газета неоднократно заявляла, что лондонский Генеральный Совет является в действительности Генеральным Советом Интернационала, то есть его центральным руководящим органом. Четвертое доказательство: на одном из процессов Интернационала во Франции Толен высмеял утверждение прокурора, будто

«достаточно было бы президенту Интернационала» (какового не существует) «поднять палец, чтобы призвать к повиновению весь земной шар».

Путаная голова г-на Кокрена превращает это отрицание Толена в утверждение. Пятое доказательство: воззвание Генерального Совета о гражданской войне во Франции, из которого г-н Кокрен цитирует пункт о необходимости репрессий в отношении заложников и о применении огня как метода ведения войны, необходимого при соответствующих обстоятельствах. Однако из того, что г-н Кокрен одобряет избиения, произведенные версальцами, разве должны мы сделать вывод, что это он *приказал* произвести их, хотя в действительности он неповинен ни в каком убийстве, кроме убийства дичи? Шестое доказательство:

«Перед тем как поджечь Париж, состоялось собрание вождей Интернационала и Коммуны».

Это так же верно, как обошедшее недавно итальянскую прессу сообщение о том, что Генеральный Совет Интернационала направил в целях инспекции на континент своего верного и возлюбленного сына Александера Бейли Кокрена, который представил в высшей степени удовлетворительный доклад

о цветущем состоянии организации и сообщил, что в ней состоит семнадцать миллионов членов. Наконец, решающее доказательство:

«В декрете Коммуны, который содержит приказ разрушить колонну на Вандомской площади, отмечено одобрение Интернационала».

В этом декрете ничего подобного не сказано, хотя Коммуна, несомненно, вполне сознавала, что весь Интернационал во всем мире одобрил бы это решение.

Итак, вот каковы, согласно газете «Times», неопровержимые доказательства утверждения г-на Кокрена, будто архиепископ парижский был убит, а Париж сожжен- по прямому приказу Генерального Совета Интернационала, находящегося в Лондоне. Сравните этот бессвязный вздор с докладом г-на Саказа в Версале о законе против Интернационала и вы получите представление о разнице, все еще существующей между французским депутатом помещичьей палаты и британским Догберри.

О *fidus Achates*[*] г-на Кокрена, г-не Истуике, мы сказали бы словами Данте: «Взгляни на него и пройди мимо», если бы не его нелепое утверждение, будто Интернационал ответственен за «Pere Duchene»[84] Вермерша, которого ученый г-н Кокрен именует Вермутом.

Если иметь такого противника, как г-н Кокрен, — сплошное удовольствие, то подвергаться какому бы то ни было покровительству со стороны г-на Фосетта — прямо-таки стихийное бедствие. Если он и достаточно смел, чтобы защищать Интернационал от тех репрессивных мер, которые британское правительство и не решается и не находит нужным принимать, то в то же самое время он обладает чувством долга и высокой моральной отвагой, которые побуждают его выразить Интернационалу свое высочайшее профессорское порицание. К несчастью, мнимые доктрины Интернационала, на которые он нападает, являются не чем иным, как порождением его собственного скудоумия.

«Государство», — говорит он, — «должно выполнять то-то и то-то и изыскивать деньги для осуществления всех проектов Интернационала. Первый пункт программы гласит, что государство должно скупить всю землю и все орудия производства и сдавать их в аренду населению по справедливой и умеренной цене»[85].

Что касается скупки земли государством при известных обстоятельствах и сдачи ее в аренду населению по справедливой и умеренной цене, то пусть уж г-н Фосетт сам разрешает этот вопрос вместе со своим учителем в вопросах теории г-ном Джо-

[*] *— верном приспешнике. Ред.*

ном Стюартом Миллем и со своим политическим вождем г-ном Джоном Брайтом. Второй пункт «предлагает, чтобы государство регулировало продолжительность рабочего дня». Историческая эрудиция нашего профессора обнаруживается в полном блеске, когда он превращает Интернационал в автора английских фабричных законов, а его ученость в вопросах экономики выступает в не менее выгодном свете при оценке самих этих законов. Третий пункт:

«Государство должно обеспечить бесплатное обучение».

Общеизвестны факты о существовании бесплатного обучения в Соединенных Штатах и Швейцарии и о его благотворных результатах, — но что значат они по сравнению с мрачными пророчествами профессора Фосетта? Четвертый пункт:

«Государство должно давать в ссуду капитал кооперативным обществам».

Здесь небольшая ошибка: г-н Фосетт смешивает требования, выдвинутые Лассалем, умершим еще до основания Интернационала, с принципами Интернационала. Кстати, Лассаль ссылался на прецедент, — на те государственные займы, которые, под предлогом улучшений в сельском хозяйстве, британские землевладельцы при посредстве парламента столь великодушно дарили себе сами. Пятый пункт:

«в качестве последнего слова, — требуется, чтобы вся доходная часть бюджета страны пополнялась путем прогрессивного обложения земельной собственности».

Вот это уж совсем никуда не годится, чтобы требования г-на Роберта Гладстона и его сторонников, ливерпульских буржуазных финансовых реформаторов, выдавались за «последнее слово» программы Интернационала!

Великий знаток политической экономии, г-н Фосетт, притязания которого на научную славу покоятся всецело на предназначенном для школьников упрощенном пересказе краткого курса политической экономии г-на Джона Стюарта Милля, признается в том, что «смелые утверждения» (сторонников свободы торговли), «высказанные двадцать пять лет тому назад, опровергнуты фактами».

А в то же время он уверен в своей способности укротить гигантское пролетарское движение наших дней, непрерывно повторяя, в еще более разжиженном виде, те самые избитые фразы, на которые двадцать пять лет назад опирались эти лживые предсказания. Можно надеяться, что его притворная защита Интернационала, представляющая на деле униженное раскаяние в его прежнем мнимом сочувствии рабочему классу,

раскроет глаза тем английским рабочим, которых все еще вводит в заблуждение та сентиментальность, при помощи которой г-н Фосетт до сих пор пытался прикрыть свое научное ничтожество.

Если г-н Б. Кокрен представляет политический разум, а г-н Фосетт — экономическую науку британской палаты общин, то можно ли сравнить этот «самый приятный из всех лондонских клубов» с американской палатой представителей, которая 13 декабря 1871 г. приняла закон об учреждении отдела статистики труда[86] и заявила, что этот закон принят согласно настоятельному желанию Международного Товарищества Рабочих, признаваемому палатой одним из важнейших явлений современности.

Генеральный Совет:

Р. Аплгарт, А. Арно, М. Барри, М. Т. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Багптери, Ф. Курне, Э. Делаэ, Эжен Дюпон, У. Хейлз, Хурлиман, Жюль Жоаннар, Ч. Кин, Харриет Ло, Ф. Лесснер, Лохнер, Ш. Лонге, Маргерит, К. Мартен, Зева Морис, Г. Мейо, Д. Милнер, Ч. Марри, Пфендер, Ю. Розвадовский, В. Реджис, Дж. Роч, Рюль, Г. Ранвье, Садлер, Кауэлл Степни, А. Тейлор, У. Таунсенд, Э. Вайан, Дж. Уэстон, Де Вольферс, Ф. Дж. Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; ***А. Эрман*** — для Бельгии; ***Г. Моттерсхед*** — для Дании; ***О. Серрайе*** — для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и России; ***Ш. Роша*** — для Голландии; ***Дж. П. Мак-Доннел*** — для Ирландии; ***Ф. Энгельс*** — для Италии и Испании; ***Валерий Врублевский*** — для Польши; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***И. Г. Эккараус*** — для Соединенных Штатов; ***Ле Муссю*** — для французских секций Соединенных Штатов;

Дж. Хейлз — генеральный секретарь.

Написано К. Марксом между 13 и 16 апреля 1872 г.

Напечатано в виде листовки и в газетах «The Eastern Post» № 186, 20 апреля 1872 г., «La Emancipacion» № 49, 18 мая 1872 г., «O Pensamento Social» № 14, май 1872 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФЕРРАРСКОМУ ОБЩЕСТВУ РАБОЧИХ [87]

Граждане!

В ответ на ваше любезное письмо от 3 марта благодарю вас от имени Генерального Совета за ваше присоединение к Международному Товариществу Рабочих; в то же время я должен сообщить вам, что, прежде чем утвердить его, Совет должен получить разъяснения о смысле оговорки, сделанной относительно вашей «автономии».

Когда образуется какое-либо общество, то в первую очередь должен быть выработан устав и организационный регламент; такие документы имеются и у вас самих, имеются они также и у Интернационала. Возможно, что с последними вы не знакомы, поэтому прилагаю один экземпляр на французском языке. Прошу вас представить его вашему обществу и, в случае согласия с ним, поставить меня в известность. Этот Общий Устав и Организационный регламент являются единственными законами, которые имеются в нашем Товариществе и которые могли бы ограничить вашу автономию. Но вы сами понимаете, что Интернационал не может иметь секции двух категорий: одни, которые принимают общие законы, и другие, которые их отвергают*. Я надеюсь, впрочем, что у вас не возникнет никаких возражений против принятия этих законов, созданных рабочими всей Европы, выработанных на их ежегодных конгрессах в течение семи лет и признанных всеми.

Организационный регламент, раздел V, статья 1, гласит, что «каждая секция имеет право выработать свой местный устав

* Далее в черновике письма зачеркнуто: «и спасают свою автономию». *Ред.*

и регламент применительно к местным условиям и законам своей страны». Но этот устав и этот регламент не должны содержать ничего противоречащего Общему Уставу и Регламенту*.

Организационный регламент, раздел II, статья 5, предоставляя Генеральному Совету право принять или отказать в приеме всякой новой секции, возлагает на него обязанность проверять, соответствуют ли этой статье уставы и регламенты этих новых секций; вследствие этого я прошу переслать Совету экземпляр вашего устава, чтобы иметь возможность выполнить эту формальность.

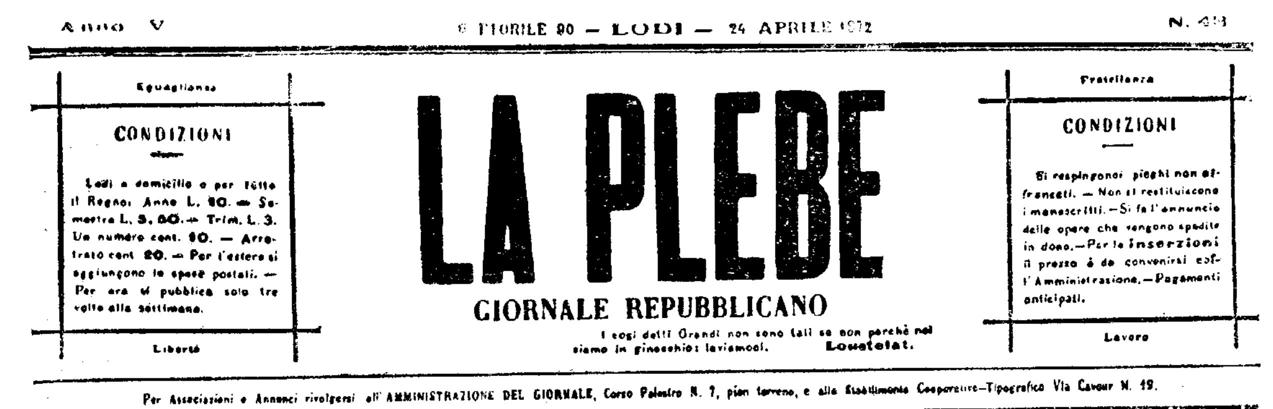
Написано Ф. Энгельсом 16 апреля 1872 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по черновику письма

Перевод с итальянского

* Далее в черновике письма зачеркнуто: «Так как в Италии до сих пор нет постоянного федерального совета, то за Генеральным Советом сохраняется обязанность проверки уставов и регламентов итальянских секций». *Ред.*

Anno V — 6 FIORILE 80 — LODI — 24 APRILE 1872 — N. 48

Eguaglianza

CONDIZIONI

Lodi a domicilio e per tutto il Regno: Anno L. 10. — Semestre L. 5. 50. — Trim. L. 3. Un numero cent. 10. — Arretrato cent. 20. — Per l'estero si aggiungono le spese postali. — Per ora si pubblica solo tre volte alla settimana.

Libertà

LA PLEBE

GIORNALE REPUBBLICANO

I così detti Grandi non sono tali se non perchè noi siamo in ginocchio: leviamoci. Loustalot.

Fratellanza

CONDIZIONI

Si respingono i pieghi non affrancati. — Non si restituiscono i manoscritti. — Si fa l'annuncio delle opere che vengono spedite in dono. — Per le Inserzioni il prezzo è da convenirsi coll'Amministrazione. — Pagamenti anticipati.

Lavoro

Per Associazioni e Annunci rivolgersi all'AMMINISTRAZIONE DEL GIORNALE, Corso Palestro N. 7, pian terreno, e allo Stabilimento Cooperativo-Tipografico Via Cavour N. 49.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА[88]

I

* ЗАБАСТОВКА АНГЛИЙСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ

Лондон, 20 апреля 1872 г.

Рабочее движение в Англии за последнее время сделало громадный шаг вперед: оно проникло, и весьма основательно, в среду сельскохозяйственных рабочих. Известно, что в Великобритании вся земля принадлежит ограниченному числу крупных собственников, из которых самые бедные получают в виде арендной платы годовой доход в 100000 лир, а самые богатые — много миллионов. Маркиз Вестминстерский имеет годовой доход, превышающий десять миллионов.

Земля разделена на крупные участки, которые возделываются с применением машин немногочисленным сельским населением, работающим на фермера-арендатора. Здесь нет мелких хозяев; число сельскохозяйственных рабочих, которое и так невелико по отношению к той площади, которую они обрабатывают, с каждым годом сокращается вследствие введения новых машин; и, таким образом, английские сельскохозяйственные рабочие, невежественные, прикованные к земле как никогда и в то же время являющиеся жертвами конкуренции, составляют самый низкооплачиваемый класс населения. Несколько раз они восставали против своей тяжелой участи: в 1831 г. на юге Англии они сжигали принадлежащие фермерам стога сена и скирды хлеба[89], несколько лет назад то же самое происходило

в графстве Йорк; время от времени предпринимались попытки образовать среди них общества сопротивления, но без серьезных результатов. Нынешнее же движение за несколько недель приняло такой размах, который обеспечивает ему огромный успех. Это движение началось среди работников графства Уорик, которые потребовали увеличения заработной платы с 11—12 шиллингов (13—14 франков) в неделю до 16 шиллингов (19 франков); а чтобы добиться этого, они организовали общество сопротивления и немедленно начали забастовку[90]. Ужас охватил землевладельцев, фермеров-арендаторов, консерваторов графства: сельскохозяйственные рабочие, рабы телом и душой, впервые за тысячелетие осмелились взбунтоваться против власти господ! И они действительно подняли бунт, устроили забастовку, и так успешно, что в течение двух или трех недель движение охватило не только Уорикшир, но и всех сельскохозяйственных рабочих восьми соседних графств. Для перепуганных землевладельцев и фермеров Союз сельскохозяйственных рабочих стал тем же, чем для реакционных правительств Европы является *Интернационал,* — пугалом, одно имя которого внушает им ужас. Они вступили в борьбу с ним, но тщетно; Союз, которому помогали советом и опытом общества сопротивления промышленных рабочих, укреплялся и рос с каждым днем, при поддержке даже буржуазного общественного мнения. Буржуазия, несмотря на свой политический союз с аристократией, постоянно ведет с ней нечто вроде малой экономической войны; и, поскольку в данный момент имеет место большой промышленный подъем, во время которого требуется много рабочих, почти все бастующие крестьяне были перевезены в города и поступили на работу за гораздо лучшую плату, чем они могли бы иметь в сельском хозяйстве. Таким образом, забастовка оказалась настолько успешной, что по всей Англии землевладельцы и фермеры по собственной инициативе повышают заработную плату своих рабочих на 25%—30%. Эта первая большая победа откроет новую эпоху в интеллектуальной и общественной жизни сельского пролетариата, массы которого вступили в движение городских пролетариев против тирании капитала.

На прошлой неделе английский парламент занимался вопросом об *Интернационале.* Г-н Кокрен, ярый реакционер, обвинил эту ужасную рабочую организацию в том, что она дала приказ Парижской Коммуне убить архиепископа и поджечь город! Затем он потребовал репрессивных мер против Генерального Совета, в данное время находящегося в Лондоне. Разумеется, правительство ему ответило, что члены Интер-

национала, как и все жители Англии, ответственны только перед законом и что, поскольку до сих пор они не нарушали его, нет оснований для свирепых мер против них[91]. Надо полагать, что Генеральный Совет Товарищества ответит на лживые измышления г-на Кокрена[*].

Написано Ф. Энгельсом 20 апреля, 1872 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 48, 24 апреля 1872 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

[*] См. настоящий том, стр. 61—66. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЧЛЕНА ИНТЕРНАЦИОНАЛА ТЕОДОРА КУНО [92]

С некоторых пор стало известно, что правительства Германии, Австрии и Италии заключили между собой тайное соглашение для преследования членов Интернационала. Как действует это соглашение, явствует из следующих фактов: видный член Интернационала, живущий в Милане, гражданин Теодор Куно, уроженец Пруссии, инженер, лишившийся своей должности в крупном машиностроительном предприятии, был арестован 25 февраля, и все его документы и имевшиеся у него фотографии (включая портрет его отца и т. д.) были конфискованы. Он был перевезен в кандалах в Верону, где его в течение почти месяца держали в тюрьме вместе с ворами и убийцами; с ним обращались совершенно так же, как с ними, а его документы были посланы в Рим для просмотра. 29 марта его, прикованного к одной цепи с уголовным преступником, доставили на границу и передали австрийским властям. Здесь впервые он смог узнать причину, вызвавшую все это. Каково же было его удивление, когда он прочел, что его арестовали потому, что

«в Милане он был человеком без определенных занятий, бродягой, не имел никаких средств к существованию и, кроме того, являлся опасным агентом международной социалистической партии; по всем этим причинам его выслали из Итальянского королевства»!

В действительности он отнюдь не был человеком без определенных занятий, а 1 марта должен был занять в Комо очень хорошо оплачиваемую должность директора фабрики; что же касается отсутствия средств к существованию, то итальянские власти, расставаясь с ним, вынуждены были вручить ему свыше 111 франков его же собственных денег! Австрийцы не могли

выпутаться из этого противоречия, но вместо того, чтобы отпустить его на свободу, отправили его на баварскую границу под конвоем полицейского, который должен был сопровождать Куно за его собственный счет. Таким образом, Куно пришлось не только провести еще одну неделю в тюрьме, но и истратить большую часть своих денег. На баварской границе, без сомнения, благодаря отсутствию надлежащих инструкций, а также благодаря природной тупости баварской полиции, он добился, чтобы его родственникам была послана телеграмма, и по получении удовлетворительного ответа он был, наконец, выпущен на свободу. Таким образом, похоже на то, что полицейская лига, созданная в Европе против Интернационала, есть нечто реальное. Куно могли отправить на швейцарскую границу и там отпустить на свободу, но вместо этого его передают австрийцам, а те передают его баварцам, переправляют его из одной тюрьмы в другую, как уголовного преступника. Таков либерализм «свободных» конституционных монархий.

Написано Ф. Энгельсом 22—23 апреля 1872 г.

Напечатано в газетах «The Eastern Post» № 187, 27 апреля 1872 г. и «Gazzettino Rosa» № 127, 7 мая 1872 г.

Печатается по тексту газеты «The Eastern Post»

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

*О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ИРЛАНДСКИМИ СЕКЦИЯМИ И БРИТАНСКИМ ФЕДЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ [93]

АВТОРСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 14 МАЯ 1872 ГОДА

Гражданин Энгельс сказал, что действительная цель данного предложения заключается в том, чтобы подчинить ирландские секции юрисдикции Британского федерального совета — положение, с которым ирландские секции никогда не согласятся и которое Генеральный Совет не имеет ни права, ни власти навязывать им. Согласно Уставу и Регламенту, Генеральный Совет не имеет права заставить какую-либо секцию или отделение признать юрисдикцию какого бы то ни было федерального совета. Несомненно, прежде чем принять или отказать в приеме какой-либо новой секции, находящейся в юрисдикции любого федерального совета, Генеральный Совет обязательно должен выслушать мнение этого совета. Энгельс утверждает, что ирландские секции в Англии относятся к юрисдикции Британского федерального совета не больше, чем находящиеся здесь французские, немецкие или итальянские секции*. Ирландцы составляют во всех отношениях свою самостоятельную нацию, а тот факт, что они пользуются английским языком, не может лишить их общего для всех права иметь самостоятельную национальную организацию внутри Интернационала.

Гражданин Хейлз говорил об отношениях между Англией и Ирландией так, как если бы они носили самый идиллический характер, нечто вроде тех отношений, какие существовали между Англией и Францией во время Крымской войны, когда правящие классы этих двух стран без устали расхваливали друг

* В протокольной книге Генерального Совета далее следует: «и польские секции». *Ред.*

друга и все дышало полнейшей гармонией. Но здесь дело обстоит совершенно иначе. Налицо факт английского завоевания и 700-летнего угнетения Ирландии, и пока это угнетение существует, было бы оскорблением для ирландских рабочих требовать от них подчинения Британскому федеральному совету. Положение Ирландии в отношении Англии не является равноправным: оно аналогично положению Польши по отношению к России. Что сказали бы, если бы Генеральный Совет призвал польские секции признать руководство русского федерального совета в Петербурге, а секции, находящиеся в Прусской Польше, в Северном Шлезвиге или Эльзасе — федерального совета и Берлине? Ведь это требование в отношении ирландских секций по существу означает то же самое. Если члены Интернационала, принадлежащие к господствующей нации, призывают нацию, завоеванную и продолжающую оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, «отбросить национальные разногласия» и т. д., то это не интернационализм, а не что иное, как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма. Это только укрепило бы и так слишком распространенное среди английских рабочих представление о том, что они — существа высшего порядка по сравнению с ирландцами и в такой же мере являются аристократией, в какой самые опустившиеся белые в рабовладельческих штатах считают себя аристократами по отношению к неграм.

В случае подобном ирландскому подлинный интернационализм должен, безусловно, основываться на самостоятельной национальной организации. Ирландцы, так же как и другие угнетенные нации, могут входить в Товарищество только как равноправные с представителями господствующей нации и протестуя против порабощения. Поэтому существование ирландских секций не только оправдано, но они даже обязаны заявить в введении к своему уставу, что их первый и наиболее насущный долг как ирландцев заключается в том, чтобы добиться своей национальной независимости. Антагонизм между ирландскими и английскими рабочими в Англии всегда был одним из наиболее могущественных средств, благодаря которому поддерживалось классовое господство в Англии. Он припоминает время, когда видел изгнание Фергюса О'Коннора и английских чартистов ирландцами из Холл оф Сайенс в Манчестере[94]. Теперь впервые для английских и ирландских рабочих создалась возможность совместно и согласованно добиваться своего общего освобождения — таких результатов не достигало еще до сих пор ни одно движение в Англии. И не успели этого достигнуть, как

нас призывают диктовать ирландцам и заявить им, что они не должны развивать собственное движение, а должны подчиняться руководству английского совета! Ведь это значило бы ввести и в Интернационале угнетение ирландцев англичанами.

Если авторы данного предложения настолько преисполнены духом подлинного интернационализма, то пусть докажут это, перенеся местонахождение Британского федерального совета в Дублин, и подчинятся совету, составленному из ирландцев.

Что же касается так называемых столкновений между ирландскими и английскими секциями, то они были вызваны попытками членов Британского федерального совета вмешаться в дела ирландских секций, заставить их отказаться от своего специфически национального характера и признать руководство Британского совета.

Кроме того, ирландские секции в Англии нельзя отделять от ирландских секций в Ирландии; нельзя же допустить, чтобы некоторыми ирландцами руководил бы лондонский Федеральный совет, а другими — дублинский. Ирландские секции в Англии являются нашими опорными пунктами для работы с ирландскими рабочими в Ирландии. Будучи поставлены в более благоприятные условия, они сделали большие успехи, и пропаганда и организация движения в Ирландии может осуществляться только через них. Неужели же надо сознательно разрушить собственные опорные пункты и уничтожить единственное средство, благодаря которому влияние Интернационала может укрепиться во всей Ирландии? Ведь не следует забывать о том, что ирландские секции, и это вполне справедливо, никогда не согласились бы отказаться от своей особой национальной организации и подчиниться Британскому совету. Таким образом, вопрос заключается в следующем: дать ли ирландцам свободу действий или оттолкнуть их от Товарищества? Если бы внесенное предложение было принято Советом, то ему пришлось бы заявить ирландским рабочим буквально следующее: после господства над Ирландией английской аристократии, после господства над Ирландией английской буржуазии они теперь должны быть готовы к установлению над Ирландией господства английского рабочего класса.

Написано Ф. Энгельсом около 14 мая 1872 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи, сверенной с записью в протокольной книге

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ВСЕМИРНОГО ФЕДЕРАЛИСТСКОГО СОВЕТА [95]

Несколько недель назад появилась брошюра под названием «Всемирный федералистский совет Международного Товарищества Рабочих и примыкающих республиканских социалистических обществ». Эта брошюра претендует ни более, ни менее как на *coup d'etat*[*] в Интернационале. Она извещает о создании второго генерального совета и выступает с обвинениями против всей организации Интернационала в целом и против руководства его Генерального Совета. Но кто же члены этого нового, самозванного совета и авторы этих обвинений? Среди подписей, помещенных под этим документом, мы находим, во-первых, подпись гражданина Джона Уэстона, члена Генерального Совета и его бывшего казначея, который в письме к Совету заявляет, что его подпись была поставлена без его согласия. Во-вторых, — подписи шести делегатов Всеобщей республиканской лиги[96] — общества, абсолютно чуждого Интернационалу. В-третьих, — двух делегатов от «Международной республиканской федералистской секции», существование которой совершенно неизвестно Интернационалу. В-четвертых, — двух делегатов Лиги земли и труда[97], общества, вовсе не входящего в состав Интернационала. В-пятых, — подписи двух самозванных делегатов Просветительного общества немецких рабочих, в действительности же представителей небольшой группы немцев, исключенных из этого общества вследствие их открытой вражды к Интернационалу[98]. Наконец, — подписи четырех делегатов от двух французских обществ, насчитывающих

[*] — государственный переворот. *Ред.*

вместе менее дюжины членов, — обществ, которые Генеральный Совет отказался признать в качестве секций; среди них мы находим г-на Везинье, исключенного из Интернационала комиссией, назначенной Брюссельским конгрессом 1868 г.[99], и г-на Ландека, который благодаря поспешному бегству луи-бонапартовского префекта полиции 4 сентября 1870 г. оказался свободным от данного им этому чиновнику добровольного и «добросовестно выполнявшегося обязательства — не заниматься больше во Франции ни политикой, ни делами Интернационала» (см. опубликованный отчет о третьем процессе Интернационала в Париже[100]) и который совсем недавно был изгнан из общества эмигрантов-коммунаров в Лондоне.

Должно быть ясно даже и для подписавшихся под этим документом, что синклит, состоящий из таких совершенно чуждых Интернационалу лиц, с таким же правом может вмешиваться в дела его организации и объявлять себя его генеральным советом, с каким сам Генеральный Совет Интернационала может вмешиваться в дела Большой Северной железной дороги и провозглашать себя ее правлением.

Неудивительно, что эти люди решительно ничего не знают ни об истории Интернационала, ни об его организационной структуре. Откуда им знать, что, согласно нашему Уставу, Генеральный Совет должен представлять свои отчеты вовсе не им, а общим конгрессам? Или то, что когда вспыхнувшая в 1870 г. война помешала созыву конгресса, все федерации единогласно постановили продлить полномочия Генерального Совета до тех пор, пока политическая обстановка не позволит созвать открытый конгресс? Что же касается фонда, собранного Генеральным Советом в помощь эмигрантам, то общая сумма поступлений периодически сообщалась в публикуемых отчетах о заседаниях Совета, и наш казначей, гражданин Юнг, — Чарлз-стрит 4, Нортгемптон-Сквер, Кларкенуэлл, — хранит расписки на каждый израсходованный фартинг; эти расписки, так же как и отчеты, могут быть в любой момент проверены каждым из жертвователей. Такая проверка покажет, что Совет не только уделял значительную часть своего времени этому делу, совершенно не входящему в его обычные функции, но что и сам он, как организация, равно как и отдельные его члены, делали взносы в фонд эмигрантов в меру своих возможностей.

С тех пор как Интернационал достиг своего нынешнего разлития и могущества, единственный путь борьбы с ним, дающий враждебным и соперничающим организациям некоторые шансы на успех, заключается в узурпации его имени для подрыва его мощи. Вся презренная пресса, купленная правительствами

и господствующими классами, настолько хорошо понимает это, что те самые газеты, — начиная с полицейских и кончая так называемыми демократическими и республиканскими, — которые тщательно замалчивают любое официальное заявление Генерального Совета, всегда спешат осведомить всю Европу о ничтожных и нелепых выступлениях, подобных выступлению «Всемирного федералистского совета».

Генеральный Совет:

Р. Аплгарт, А. Арно, М. Барри, М. Т. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Э. Делаэ, Эжен Дюпон, И. Г. Эккариус, У. Хейлз, Хурлиман, Жюль Жоаннар, Ч. Кин, Харриет Ло, Ф. Лесснер, Лохнер, Ш. Лонге, Маргерит, К. Мартен, Зеви Морис, Г. Мейо, Д. Милнер, Т. Моттерсхед, Пфендер, Ю. Розвадовский, В. Реджис, Дж. Роч, Рюлъ, Г. Ранвье, Садлер, Дж. Секстон, Кауэлл Степни, А. Тейлор, У. Таунсенд, Э. Вайян, Дж, Уэстон, Де Вольферс, Ф. Дж. Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; ***А. Эрман*** — для Бельгии; ***Ф. Курне*** — для Дании; ***О. Серрайе*** — для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и России; ***Ш. Роша —*** для Голландии; ***Дж. П. Мак-Доннел —*** для Ирландии; ***Ф. Энгельс*** — для Италии и Испании; ***Валерий Врублевский*** — для Польши; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***Ле Муссю*** — для французских секций Соединенных Штатов.

Ч. Марри, председатель.

Г. Юнг, казначей.

Джон Хейлз, генеральный секретарь.

33, Ратбон-плейс,
Лондон, 20 мая 1872 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в газетах «The Eastern Post» № 191, 26 мая 1872 г.; «The International Herald» № 9, 1 июня 1872 г.; «Der Volksstaat» № 44, 1 июня 1872 г.; «La Liberte» № 22, 2 июня 1872 г.; «La Emancipacion» № 52, 8 июня 1872 г.; «O Pensamento Social» № 16, июнь 1872 г.; «L'Egalite» № 13, 23 июня 1872 г.

Печатается по тексту газеты «The Eastern Post»

Перевод с английского

К. МАРКС

ЕЩЕ РАЗ СТЕФАНОНИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «GAZZETTINO ROSA»)[101]

Лондон, 23 мая 1872 г.

Господин редактор!

В номере «Libero Pensiero» от 28 марта г-н Стефанони с полным основанием предвидел, что хотя ему не повезло с Либкнехтом[102], я и впредь буду отвечать молчанием на его непрекращающуюся клевету. Если я сейчас нарушаю это молчание, то только потому, что г-н Карл Фогт, человек в Германии политически и морально убитый моей книгой «Господин Фогт», оказывается вдохновителем заявлений своего единомышленника Стефанони.

Г-н Стефанони извлекает из книги Фогта и цитирует направленную против меня и против германской коммунистической партии вообще басню о моих взаимоотношениях со шпионом Шервалем, но предусмотрительно умалчивает о письме И. Ф. Беккера (Женева), где в юмористическом тоне разоблачаются грубые выдумки Фогта (см. «Господин Фогт», стр. 21[103]).

Эта клевета, как и прочие подобные клеветнические утверждения, которыми Фогт заполнил свою гнусную книжку, были через несколько дней после их опубликования воспроизведены в берлинской «National Zeitung»[104]. Я немедленно возбудил из Лондона против нее процесс о клевете. Однако согласно прусскому законодательству мне пришлось прежде всего пройти предварительную процедуру, а именно — получить от судебных органов разрешение на преследование редактора «National Zeitung». Я принужден был, таким образом, пройти целый ряд судебных инстанций, от следователя до верховного суда, для того чтобы в конечном счете ровно ничего не добиться. Короче говоря, мне не дали начать процесс, столь же компрометирующий г-на Фогта (кстати сказать, в своих «Политических исследованиях»[105] предлагавшего Пруссии силой оружия завладеть остальной частью Германии), как и газету, которая, выступая под маской мнимой оппозиции, в действительности играла на руку правительству, а впоследствии проявила себя

как самое раболепное орудие Бисмарка, — не дали начать процесс, который дал бы полное удовлетворение человеку, в то время подвергавшемуся по приказу свыше яростным нападкам всей продажной прессы Германии.

Все перипетии моей борьбы с прусскими судами, вместе с оправдательными документами, которые я им представлял, опубликованы в моей книге «Господин Фогт» и, следовательно, должны быть известны доблестному г-ну Стефанони.

Г-н Стефанони цитирует также мои «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (1853 г.)[106], чтобы доказать (что же именно?), что я поддерживаю связь с германскими коммунистами. Я горжусь этим.

Впрочем, истинная цель вышеупомянутой работы — доказать, что Союз коммунистов не был тайным обществом в том смысле, который имеется в виду в уголовном кодексе, и что именно в силу этого прусскому правительству пришлось заставить гнусного Штибера и его сообщников сфабриковать ряд подложных документов, которые были приписаны мне и обвиняемым. Сейчас в Германии не найдется никого, даже среди сторонников Бисмарка, кто посмел бы отрицать этот факт. То обстоятельство, что г-н Стефанони выступает заодно не только с Фогтом, но также и со Штибером, это чересчур даже и для esprit fort* такого закала, как Стефанони.

В своем листке от 18 апреля г-н Стефанони возобновляет атаку. Я достаточно убедительно доказал в своей книге, что г-н Фогт в 1859 г. продался Бонапарту, взявшись быть его главным агентом в Германии и Швейцарии. Десять лет спустя нескромность его друзей — Жюля Фавра и К° — дала возможность подтвердить это документально[107].

Абсолютно неверно, что я, якобы из-за германских интересов, выступал в защиту Австрии против г-на Фогта, этого доблестного защитника Италии. В 1848—1849 гг. в «Новой Рейнской газете» я защищал дело Италии против большинства германского парламента и германской печати[108]. Позднее, в 1853 г. и в другое время, я выступал в «New-York Tribune» в защиту человека, с которым я постоянно расходился по принципиальным вопросам — Мадзини[109]. Словом, я всегда был на стороне революционной Италии против Австрии.

Но война 1859 г. — это совершенно другое дело. Я разоблачал ее как войну, призванную продлить еще на десяток лет существование бонапартовской империи, подчинить Германию режиму прусской военщины и превратить Италию в то, чем она

* — вольнодумца, свободомыслящего. *Ред.*

является ныне[110]. Мадзини, в виде исключения, стоял на моей точке зрения (см. «Pensiero ed Azione» 2—15 мая 1859 года[111]). Он, как и я, подвергался в то время атакам со стороны того же вездесущего г-на Фогта.

Хотя я всегда был готов разоблачать г-на Фогта как бонапартистского агента, тем не менее я должен был отречься от авторства анонимной листовки, выпущенной против него г-ном Карлом Блиндом. Г-н Стефанони цитирует — со слов Фогта — те заявления владельца типографии и наборщиков, которые Фогт раздобыл с целью доказать, что Блинд не был автором листовки и что листовка не была напечатана указанным владельцем типографии.

Однако, если бы г-н Стефанони прочел, как он утверждает, мою книгу, то он нашел бы воспроизведенные на страницах 186—187[112] *заявления, сделанные под присягой английскому суду* упомянутым наборщиком и одним из его коллег, которые утверждают, что автором анонимной листовки был именно Карл Блинд!

От Фогта г-н Стефанони переходит к Герцену. Прежде всего он заставляет Герцена присутствовать на собрании, на котором был учрежден Интернационал, и относит создание Товарищества к 1867 году. Каждый знает, что Интернационал был учрежден в сентябре 1864 г. на собрании, происходившем на Лонг-Эйкр, и что Герцена там не было. Евангелист рационализма г-н Стефанони обращается с хронологией и топографией совершенно так же, как восемнадцать столетий тому назад обращались с ними его предшественники по Новому завету. Еще примерно за десять лет до образования Интернационала я отказался выступить с одной трибуны с русским панславистом г-ном Герценом во время публичного митинга.

Сам Герцен в книге, изданной после его смерти его сыном[113], книге, полной неверных утверждений, касающихся меня, не осмеливается утверждать, что я его когда-либо называл *русским шпионом,* как это заявляет поклонник истины, г-н Стефанони. Впрочем, людям, жаждущим выяснить, какого отношения к себе заслуживает социалист-дилетант Герцен, достаточно будет прочесть книжку Серно-Соловьевича «Наши домашние дела»[114].

Имею честь, г-н редактор, оставаться

Преданный вам ***Карл Маркс***

Написано 23 мая 1872 г.

Напечатано в «Gazzettino Rosa» № 148, 28 мая 1872 г. и в журнале «Il Libero Pensiero» 1 августа 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

К. МАРКС

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ БРЕНТАНО[115]

Один друг прислал мне из Германии «Журнал по рабочему вопросу» «Concordia» № 10 от 7 марта, в котором этот «орган немецкого союза фабрикантов» напечатал передовую статью под заглавием *«Как цитирует Карл Маркс».*

В Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих я, между прочим, привожу одно место из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., которого нет в полуофициальном издании парламентских дебатов Хансарда[116]. Отсюда с простодушием фабрикантской логики «Concordia» прямо заключает: «Этой фразы нет нигде в речи Гладстона», и злорадно выражает свое ликование, печатая жирным шрифтом на фабрикантском немецком языке:

«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу!»

Право, было бы в высшей степени странным, чтобы в напечатанном первоначально на английском языке в Лондоне на глазах у Гладстона Учредительном Манифесте ему приписывалась якобы вставленная мной фраза и чтобы эта фраза, беспрепятственно обойдя всю лондонскую прессу в течение семи с половиной лет, только теперь — наконец-то — была разоблачена «учеными мужами» из немецкого союза фабрикантов в Берлине.

Фраза из Учредительного Манифеста, о которой идет речь, гласит:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property» (p. 6, Inaugural Address etc.). (В переводе на немецкий буквально: *«Это ошеломляющее*

увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами».)

В статье в «Fortnightly Review» (ноябрь 1870 г.), которая произвела большое впечатление и обсуждалась всей лондонской прессой, г-н Бизли, профессор истории в здешнем университете, цитирует на стр. 518:

«*An intoxicating augmentation of wealth and power, as Mr. Gladstone observed, entirely confined to classes of property»*. (В переводе на немецкий: *«Ошеломляющее увеличение богатства и мощи, которое, как заметил г-н Гладстон, всецело ограничивается имущими классами».)*[117]

Но статья профессора Бизли появилась через шесть лет после Учредительного Манифеста! Ну, что же! Обратимся к специальному изданию, исключительно предназначенному для лондонского Сити, появившемуся не только *раньше Учредительного Манифеста,* но еще *до основания Международного Товарищества Рабочих,* под заглавием: «Теория вексельного курса. Банковский закон 1844 года». Лондон, 1864, изд. Т. Котли Ньюби, Уэлбек-стрит, 30[118]. Бюджетная речь Гладстона подвергается в ней основательной критике, и на стр. 134 из нее приведено следующее место:

«This intoxicating augmentation of wealth and power is entirely confined to classes of property». (В переводе на немецкий: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»),*

то есть буквально так, как цитирую я.

Этим уже неопровержимо доказано, что немецкий союз фабрикантов *«формально и по существу солгал»,* ославив эту «фразу» как «мой» фабрикат!

Заметим кстати: добропорядочная «Concordia» перепечатывает жирным шрифтом другое место, в котором Гладстон лепечет что-то о «необыкновенном и беспримерном для всех стран и времен» улучшении положения английского рабочего класса за последние 20 лет. Жирный шрифт должен доказывать, что я скрыл это место. Напротив! В Учредительном Манифесте я как раз особенно подчеркиваю вопиющий контраст этой циничной фразы с «ужасающей статистикой» («appalling statistics»), как ее правильно характеризует профессор Бизли, приводимой в английских официальных отчетах об этом периоде*.

Автор «Теории вексельного курса», подобно мне, цитировал не по Хансарду, а по лондонской газете, которая напечатала бюджетную речь от 16 апреля в номере от 17 апреля. Я тщетно

* С прочим апологетическим вздором из той же речи я уже разделался в своей работе «Капитал» (стр. 638, 639)[119].

пытался разыскать в своем собрании выписок за 1863 г. данную выписку, а также название газеты, из которой она была сделана. Но это не меняет дела. Хотя парламентские отчеты лондонских газет всегда отличаются друг от друга, я все же был уверен, что ни одна из них не могла совершенно опустить это столь поразительное заявление Гладстона. И вот я раскрываю *«Times»* от 17 апреля 1863 г. — тогда, как и теперь, это был орган Гладстона — и нахожу там, на стр. 7, 5-й столбец, в отчете о бюджетной речи:

«That is the state of the case as regards *the wealth of this country.* I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon *this intoxicating augmentation of wealth and power,* if it were my belief that it was confined to *classes who are in easy circumstances.* This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. *The augmentation* I have described, and which is founded, I think,upon accurate returns, is *an augmentation entirely confined to classes of property».*

В переводе на немецкий: «Таково состояние *нашей страны* с точки зрения *богатства.* Я должен признаться, что я почти с тревогой и болью взирал бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами*. Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. *Увеличение, которое я описал»* (которое он только что охарактеризовал как «это *ошеломляющее увеличение богатства и мощи»), «всецело ограничивается имущими классами».*

Итак, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г., г-н Гладстон *«формально и по существу»* заявил 16 апреля 1863 г. в палате общин, что *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»* и что до известной степени ему становится жутко уже при одной мысли, что этим увеличением богатства воспользовалась только часть этих классов, та часть, которая пользуется действительным благосостоянием.

«Italiam, Italiam!»** Наконец, мы добрались и до Хансарда. Г-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера, направленное contra Бебеля[121]. Точное сличение действительно произнесенной Гладстоном речи, как она фигурирует в «Times», с ее текстом, искаженным задним числом самим Гладстоном, дало бы немало забавного материала для характеристики этого елейно-велеречивого, педантичного, строго-религиозного

* Слова «easy classes», «classes in easy circumstances» были впервые введены *Уэйкфилдом* для обозначения богатой части имущего класса[120].

** — «Италия! Италия!» (Вергилий. «Энеида», Книга третья). *Ред.*

буржуазного героя, робко выставляющего напоказ свое благочестие и свои либеральные «attitudes of mind»*.

Моя книга *«Капитал»* вызывает особое раздражение тем, что в ней приведены для характеристики капиталистической системы многочисленные официальные данные, в которых ни один ученый до сих пор не мог найти ошибки. Об этом обстоятельстве прослышали даже господа из немецкого союза фабрикантов. Но они думали:

«И что не дается постигнуть уму, То детскому чувству дано одному»**.

Сказано — сделано. За справкой о кажущейся им подозрительной цитате в Учредительном Манифесте они обращаются к коллеге в Лондоне, к первому встречному, Мунделла, который, будучи сам фабрикантом, поспешно шлет через Ла-Манш черным по белому написанное извлечение из парламентских дебатов Хансарда. Теперь они узнали мой секрет производства. Я не только изготовляю текст, но фабрикую — также и цитаты к нему. И, опьяненные победой, они прокричали на весь мир: *«Как цитирует Карл Маркс!»* Таким образом, мой *товар* раз навсегда лишают кредита, и притом так, как это подобает фабрикантам, обычным деловым путем, без всяких издержек на научное исследование вопроса.

Досадный эпилог покажет, может быть, членам союза фабрикантов, что, как бы хорошо они ни разбирались в фальсификации товаров, они так же мало способны судить о товаре литературном, как осел — играть на лютне.

Карл Маркс

Лондон, 23 мая 1872 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 44, 1 июня 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — настроения. *Ред.*
** Шиллер. «Слова веры». *Ред.*

HERALD.

Official Organ of the British Section of the International Working Men's Association.

No. 13 SATURDAY, JUNE 29, 1872. ONE PENNY.

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О СОЗЫВЕ И ПОРЯДКЕ ДНЯ КОНГРЕССА В ГААГЕ [122]

1. Принимая во внимание решение Базельского конгресса о созыве очередного конгресса в Париже и решение Генерального Совета от 12 июля 1870 г., по которому, ввиду невозможности созвать конгресс в Париже, а также на основании статьи 4 Общего Устава, местом созыва конгресса намечался Майнц; принимая далее во внимание, что и по сей день правительственные преследования, направленные против Интернационала и во Франции, и в Германии, делают созыв конгресса как в Париже, так и в Майнце невозможным;

Генеральный Совет на основании статьи 4 Общего Устава, которая предоставляет ему право изменять в случае необходимости место заседаний конгресса, назначает созыв очередного конгресса Международного Товарищества Рабочих на понедельник, 2 сентября 1872 г. в Гааге, Голландия.

2. Принимая во внимание, что содержание повестки дня конгресса, который должен был состояться в Майнце 5 сентября 1870 г., в настоящее время не отвечает насущным потребностям Интернационала, поскольку эти потребности существенно изменились в связи с происшедшими великими историческими событиями; что многочисленные секции и федерации, принадлежащие к различным странам, предложили, чтобы очередной конгресс занялся пересмотром Общего Устава и Регламента; что в связи с преследованиями, которым Интернационал подвергается в настоящее время почти во всех европейских странах, перед ним стоит задача укрепления своей организации;

Генеральный Совет, оставляя за собой право составить позднее более подробную программу конгресса с учетом предложений секций и федераций, ставит в порядок дня как наиболее важный из вопросов, подлежащих обсуждению Гаагского конгресса — пересмотр Общего Устава и Регламента.

Написано Ф. Энгельсом 18 июня 1872 г.

Напечатано в газетах «The International Herald» № 135, 29 июня 1872 г.; «Der Volksstaat» № 53, 3 июля 1872 г.; «L'Egalite» № 14, 7 июля 1872 г.; «La Emancipacion» № 57, 13 июля 1872 г.; «La Liberte» № 28, 14 июля 1872 г.

Печатается по тексту газеты «The International Herald», сверенному с рукописью на французском языке

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1872 ГОДА [123]

Союз коммунистов, международная рабочая организация, которая при тогдашних условиях, разумеется, могла быть только тайной, на конгрессе, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, поручила нижеподписавшимся выработать предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Так возник нижеследующий «Манифест», рукопись которого была отправлена для напечатают в Лондон за несколько недель до февральской революции. Опубликованный впервые по-немецки, «Манифест» выдержал на этом языке в Германии, Англии и Америке по крайней мере двенадцать различных изданий. На английском языке он впервые появился в 1850 г. в Лондоне в «Red Republican»[124], в переводе мисс Элен Макфарлин, затем в 1871 г. не меньше чем в трех различных переводах в Америке. На французском языке он впервые вышел в Париже незадолго до июньского восстания 1848 г. и недавно — в нью-йоркском «Socialiste»[125]. Подготовляется новый перевод. На польском языке он появился в Лондоне вскоре после первого немецкого издания. На русском — в Женеве в шестидесятых годах[126]. На датский язык он был переведен тоже вскоре после своего выхода в свет.

Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и в настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому

революционным мероприятиям, предложенным в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место во многих отношениях звучало бы иначе. Ввиду огромного развития крупной промышленности за последние двадцать пять лет и сопутствующего ему развития партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих», немецкое издание, стр. 19, где эта мысль развита полнее[127]). Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как она доведена только до 1847 года; так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если они в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же для практического осуществления устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

Однако «Манифест» является историческим документом, изменять который мы уже не считаем себя вправе. Быть может, следующее издание удастся снабдить введением, охватывающим промежуток от 1847 г. до наших дней; настоящее издание было предпринято настолько неожиданно для нас, что у нас не было времени для этой работы.

Карл Маркс Фридрих Энгельс

Лондон, 24 июня 1872 г.

Напечатано в брошюре «Das kommunistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser». Leipzig, 1872

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИНТЕРНАЦИОНАЛ В АМЕРИКЕ [128]

Наши читатели уже знают из наших американских корреспонденций, что в Соединенных Штатах среди членов Интернационала произошел раскол. То, что случилось за последние месяцы в Нью-Йорке, действительно так необычно в истории Интернационала, что заслуживает подробного изложения. В основу нашего сообщения мы положим статью из мадридской «Emancipacion» (от 22 июня), дополняя ее фактами из имеющихся у нас подлинных документов.

Известно, что в Европе буржуазия и правительства сделали из Интернационала страшилище, которым им удалось так запугать всех благонамеренных граждан, что теперь уже можно не бояться, что буржуазные элементы наводнят Интернационал и отвлекут его от первоначальных задач. В Америке дело обстоит совершенно иначе. Вещи, от которых буржуазию и правительства Европы бросает в жар и в холод, там воспринимаются, наоборот, как нечто весьма интересное. Обществу, выросшему на чисто буржуазной основе, без землевладельческой аристократии и без монархии, кажутся смешными ребяческие страхи европейской буржуазии, которая все еще, — даже во Франции, по крайней мере в духовном отношении, — не вышла из-под опеки монархии и дворянства. И поэтому чем страшнее казался Интернационал в Европе, чем чудовищнее изображали его корреспонденты американских газет, а никто не умеет размалевывать так ярко, как эти господа, тем больше в Америке приходили к убеждению, что в настоящее время на Интернационале можно нажить капитал — и денежный, и политический.

Насколько американское общество ушло далеко вперед по сравнению с европейским, убедительно показывает тот факт, что это открытие было впервые сделано двумя американскими *дамами,* которые и попытались использовать его для выгодной аферы. Пока мужи европейской буржуазии дрожали перед Интернационалом, две американские буржуазные дамы — г-жа Виктория Вудхалл и ее сестра Тенни Клафлин (издательницы «Woodhull and Claflin's Weekly»[129]) — выработали план использования этого страшного общества. И замысел их чуть было не удался.

Обе сестры, миллионерши, проповедницы женской эмансипации, и в особенности «свободной любви», отважно вступили в Интернационал. Под руководством г-жи Клафлин образовалась секция № 9, а под руководством г-жи Вудхалл — секция № 12; вслед за этим возникли и другие секции в самых различных частях Америки; все они были созданы поклонниками двух сестер. Согласно существующему положению, каждая секция имела право послать одного делегата в Центральный комитет, заседающий в Нью-Йорке, И в результате этот федеральный совет, состоявший первоначально из немецких, ирландских и французских рабочих, очень скоро был наводнен множеством всякого рода американских буржуазных авантюристов обоего пола. Рабочие были оттеснены на задний план; победа двух сестер-авантюристок казалась неизбежной. Затем выступила на авансцену секция № 12 и разъяснила основателям Интернационала в Америке, в чем, собственно говоря, заключается дело.

30 августа 1871 г. секция № 12 выпустила свой манифест, подписанный секретарем У. Уэстом[130]. В этом манифесте говорится:

«Конечная цель Интернационала проста: освобождение рабочих и работниц путем завоевания политической власти. Это предполагает прежде всего политическое равенство и социальную свободу обоих полов. *Политическое равенство* означает личное участие каждого в подготовке, принятии и осуществлении законов, которым подчиняются все. *Социальная свобода* означает полную гарантию от какого бы то ни было неуместного вмешательства во все вопросы чисто личного характера, каковы, например, религиозные убеждения, *отношения между полами, моды* и пр. Далее, оно включает создание *всеобщего правительства* для всего мира. Само собой разумеется, что в эту программу входит и *уничтожение есех языкоеых различий».*

Чтобы не возникло никакого недоразумения насчет цели, о которой идет речь, выдвигается требование создания такой организации, при которой

«по возможности в каждом избирательном округе существовала бы своя секция для содействия политической деятельности... в каждом

городе — городской комитет соответственно имеющемуся городскому совету; в каждом штате — комитет штата соответственно законодательным органам штата, а в общенациональном масштабе — национальный комитет соответственно конгрессу Соединенных Штатов... Задача Интернационала заключается не в чем ином, как в создании в рамках существующих форм новой формы правления, которая должна заменить старую».

Итак, в соответствии с этим призвание Интернационала состоит не в ниспровержении основ существующего государства, а в его использовании. Поистине, г-н Уэст с полным правом мог провозгласить:

«Издание манифеста секции № 12 явилось началом *новой эры* в истории Интернационала!» («Woodhull and Claflin's Weekly» от 2 марта 1872 года).

Чтобы обеспечить наступление этой «новой эры», нужно было прежде всего сбросить узы Общего Устава Интернационала и решений его конгрессов, имевших до сих пор неоспоримую силу закона. И, действительно, секция № 12 провозгласила («Woodhull and Claflin's Weekly» от 21 октября 1871 года)

«суверенное право каждой секции — свободно толковать решения конгрессов, Устав и постановления Генерального Совета» (то есть Общий Устав Товарищества и Регламент), «поскольку каждая секция ответственна за свои собственные выступления».

Вскоре дело приняло совсем плохой оборот. Вместо рабочих секций возникли секции всевозможных буржуазных шарлатанов, сторонников свободной любви, спиритов, спиритствующих шейкеров[131] и т. д. Тогда секция № 1 (немецкая), первая из возникших в Америке секций Интернационала, выпустила, наконец, воззвание, в котором подчеркнула, в противовес этому шарлатанству, пролетарскую сущность Товарищества. Родоначальница американских секций, секция № 12, не замедлила ответить, В «Woodhull and Claflin's Weekly» от 18 ноября 1871 г. она заявила устами своего секретаря Уэста:

«Распространение гражданского равноправия на женщин должно во всем мире *предшествовать всякому общему изменению отношений между капиталом и трудом...* Секция № 12 должна восстать также против лежащей в основе всего протеста» (секции № 1) «неверной предпосылки, будто Международное Товарищество Рабочих есть *организация рабочего* класса».

25 ноября появился новый протест секции №. 12, в котором говорилось:

«Утверждение» (Общего Устава), «что рабочий класс может освободить себя только сам, правильно, но лишь в том смысле, что *рабочий класс не может быть освобожден против своей собственной воли».*

Дело дошло, наконец, до открытой войны между сторонниками использования государственной власти, карьеристами,

сторонниками свободной любви, спиритами и прочими буржуазными шарлатанами, с одной стороны, и рабочими, с другой, простодушно полагавшими, что Международное Товарищество Рабочих является и в Америке организацией рабочего класса, а не буржуазии. Немецкая секция № 1 потребовала от Центрального комитета удаления секции № 12, а также исключения делегатов всех секций, не состоящих, по крайней мере, на две трети из наемных рабочих. Это требование вызвало раскол в Центральном комитете; часть немцев, ирландцы и несколько французов поддержали секцию № 1, в то время как американцы, а также большинство французских и две немецкие секции (сторонники Швейцера) образовали новый центральный комитет.

Старый комитет (назовем его комитетом № 1) выпустил 4 декабря циркуляр, в котором создавшееся положение изображалось так:

«В Центральном комитете, который должен был бы служить преградой против всякого реформистского шарлатанства, под конец образовалось большинство из почти уже забытых ныне реформаторов и филантропов; в результате люди, проповедующие евангелие свободной любви, в братском единении сидели рядом с людьми, желающими осчастливить мир универсальным языком; дельцы сельскохозяйственной кооперции, спириты, атеисты и деисты — каждый старался оседлать своего конька. В особенности секция № 12 (Вудхалл)... Первый шаг, который надо сделать в интересах нашего движения, это — организоваться и одновременно активизировать революционный момент, заложенный в противоположности интересов рабочего и капиталиста... Делегаты секций №№ 1, 4, 5, 7, 8, 11, 16, 21, 23, 24, 25 и других, убедившись в бесплодности всех попыток положить конец этому безобразию, постановили: после того как старый Центральный комитет приостановил свою деятельность на неопределенный срок (3 декабря 1871 г.) основать новый комитет, *состоящий из подлинных рабочих»*[132].

Между тем, центральный комитет № 2 (Вудхалл) также продолжал функционировать; он пополнился множеством делегатов якобы от новых секций, основанных, главным образом, секциями №№ 9 и 12, но по большей части таких малочисленных, что в них с трудом набиралось достаточно членов для замещения необходимейших должностей (секретаря, казначея и т. д.).

Оба комитета апеллировали к лондонскому Генеральному Совету. Тем временем некоторые секции (например, французская № 10 и все ирландские) в ожидании решения Генерального Совета порвали связь с обоими комитетами.

5 и 12 марта Генеральный Совет принял решения*, уже опубликованные в «Volksstaat» (№ 37). Он временно исключил

* См. настоящий том, стр. 47—49. *Ред.*

секцию № 12, посоветовал обоим комитетам объединиться в ожидании созыва американского съезда, который решит вопрос по существу, и рекомендовал на будущее время отказывать в приеме всем секциям, не состоящим, по крайней мере, на две трети из наемных рабочих. Несмотря на то, что по вполне понятным причинам эти решения даны исключительно только в форме рекомендаций, они имели решающее значение для судьбы Интернационала в Америке. Признав по существу правоту комитета № 1, они лишили буржуа из комитета № 2 возможности злоупотреблять дальше именем Интернационала в своих собственных целях.

С первых же дней раскола комитет № 2, открыто нарушая резолюцию XVII Лондонской конференции, которая требует, чтобы все внутренние дела Товарищества обсуждались только внутри секций и федераций, а никак не публично[133], стал приглашать на все свои заседания репортеров нью-йоркской прессы и позаботился о том, чтобы все это дело стало достоянием буржуазных газет самой дурной репутации. То же самое произошло и теперь, когда этот комитет, вообразив, что он перехитрил Генеральный Совет, ополчился против него. Самым грязным нью-йоркским газеткам, вроде «Herald»[134] и т. п. комитет № 2 дал возможность представить все дело в виде склоки между немцами и французами, между коммунизмом и социализмом и т. п. Враги рабочих в Нью-Йорке ликовали по поводу мнимого развала Интернационала в Америке.

При этом комитет № 2 все время старался убедить всех в том, что Интернационал является не рабочей организацией, а буржуазной. Еще 16 декабря 1871 г. орган комитета «Woodhull and Claflin's Weekly» заявил:

«Нашему комитету нет надобности доказывать, что две трети или еще какая-то там часть данной секции должна состоять *из наемных рабов, слоено быть свободным, это — преступление».*

4 мая 1872 г. он снова заявляет:

«В своем декрете Генеральный Совет не стесняется рекомендовать, чтобы в будущем не принималась ни одна американская секция, не состоящая хотя бы на две трети из *наемных рабов.* Не должны ли члены секций быть и *политическими рабами?* Одно стоит другого. Проникновения «лжереформаторов и филантропов, буржуазных шарлатанов и политических аферистов» больше всего следует опасаться как раз со сторон и того класса граждан, который не имеет других средств к существованию, кроме *платы за свой труд наемных рабов».*

Пожалуй, комитету № 2 дальше этого идти было уже некуда. Оказывается, величайшей глупостью было считать Международное Товарищество Рабочих объединением рабочих; больше того, оно может достигнуть своей цели, только исключив или,

по крайней мере, взяв под подозрение всех рабочих, всех наемных рабов.

Какова же в таком случае цель Международного Товарищества Рабочих (без рабочих) в Америке? И на этот вопрос мы получили теперь ясный ответ. Приближались выборы нового президента Соединенных Штатов.

Вездесущая дамская газета «Woodhull and Claflin's Weekly» опубликовала 2 марта 1872 г. статью под заглавием «Предстоящее объединенное собрание», в которой говорится:

«Представители различных реформаторских элементов страны обсуждают сейчас предложение о проведении здесь в мае большого общего собрания... В самом деле, если это собрание будет действовать умно, кто знает, не появятся ли на свет божий остатки покойной демократической» (то есть настроенной в пользу рабства) «партии и не примут ли они в нем участия... Необходимо, чтобы на собрании были представлены все *радикалы»* и т. д.

Та же газета из недели в неделю публикует воззвания ко всем обновителям мира,

«к реформаторам в области рабочего и аграрного вопроса, ко всем пацифистам и сторонникам трезвенности, к приверженцам Интернационала и поборникам предоставления женщинам права голоса и вообще ко всем тем, кто считает, что настало время осуществить принципы истинной морали и религии (!)».

Эти воззвания подписываются на первом месте Викторией Вудхалл, а затем — Т. Г. Банксом, Р. У. Юмом, Г. Р. Алленом, У. Уэстом, Г. В. Маддосом, Т. Миллотом, словом, главарями комитета № 2. Во всех этих воззваниях прямо указывается, что собрание делегатов должно наметить кандидатов на посты президента и вице-президента Соединенных Штатов.

Это из ряда вон выходящее собрание делегатов состоялось, наконец, 9, 10 и 11 мая в Аполло-холле в Нью-Йорке. Все сумасброды мужского и женского пола, какие только есть в Америке, явились на это собрание. Комитет № 2 присутствовал целиком. *Кандидатом на пост президента Соединенных Штатов, и* причем *от имени Интернационала,* была выставлена *г-жа Виктория Вудхалл!*

Громкий хохот всей Америки был ответом на это. Конечно, это не смутило американских спекулянтов, рассчитывавших поживиться на этой афере. Но иначе реагировали немцы и французы, давшие вовлечь себя в это дело. Секция № 2 (французская) отозвала своего делегата из комитета № 2 и подчинилась решениям Генерального Совета. Секция № 6 (немецкая) также отозвала из комитета № 2 своего делегата, д-ра Гроссе, бывшего одно время личным секретарем Швейцера в Берлине, и вышла

из комитета № 2 впредь до его подчинения решениям Генерального Совета. 20 мая из комитета вышло еще восемь секций (французских и немецких), так что теперь он представляет только те сомнительные американские элементы, которые еще и до своего вступления в Интернационал фактически составляли одно целое: г-жу Викторию Вудхалл и ее окружение. В настоящее время они заявляют, что хотят создать свой особый исключительно американский Интернационал; это они, разумеется, вольны сделать.

Тем временем Генеральный Совет в ответ на запрос немецкой секции из Сент-Луиса и французской из Нового Орлеана объявил, что он признает только комитет № 1 (в настоящее время — Временный федеральный совет Соединенных Штатов)[135]. Так закончился завоевательный поход г-жи Виктории Вудхалл на Интернационал.

«Emancipacion» прибавляет к этому:

«Всякий беспристрастный человек перед лицом этих фактов должен спросить себя: когда и как окончился бы этот скандал, если бы не существовало Генерального Совета, имеющего полномочия охранять основные принципы Интернационала и исключать до очередного конгресса секции и федерации, которые пытаются превратить Товарищество в орудие своих политических или личных целей?»

Написано Ф. Энгельсом около 9 июля 1872 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 57, 17 июля 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОМИТЕТУ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБОЧИХ КЛАССОВ

В ПАРМУ [136]

Из вашего письма от 7 июня, с почтовым штемпелем 9 июня, полученного здесь 13 июля, я должен сделать вывод, что ваше общество желает присоединиться к великому Международному Товариществу Рабочих.

Так как ваш устав не содержит ничего противоречащего Общему Уставу и Регламенту Товарищества, то нет никаких препятствий к вашему присоединению.

Необходимо лишь, чтобы вы признали Общий Устав и Регламент Товарищества, один экземпляр которого на французском языке (поскольку на итальянском языке не существует полного и аутентичного издания) я посылаю вам вместе с письмом. Будьте добры обсудить это предложение и, в случае положительного решения, известить меня, чтобы я мог сделать все необходимое для вашего приема.

Написано Ф. Энгельсом 18 июля 1872 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по черновику письма

Перевод с итальянского

К. МАРКС

К БАСТУЮЩИМ ГОРНОРАБОЧИМ РУРА

Германская капиталистическая пресса предлагает вам отказаться от ваших требований восьмичасового рабочего дня и 25-процентного повышения заработной платы и возобновить работу, для того чтобы германская промышленность не оказалась вынужденной ввозить для себя уголь из Англии и германские деньги таким образом не уплывали за границу вместо того, чтобы оплачивать труд немцев.

Этот жалобный вопль буржуа раздается всякий раз, как только рабочие выступают самостоятельно и пытаются добиться выполнения какого-либо требования. В Англии, где эту старую песню тянут уже около сорока лет, на нее никто больше не обращает внимания. Но в данном случае стоит показать, что капиталистическая пресса сознательно пытается обмануть вас, изображая дело так, будто горнопромышленникам и фабрикантам стоит лишь написать в Англию, чтобы получить столько угля, сколько они пожелают.

В Англии потребление угля с 1869 г. возросло до небывалых прежде размеров благодаря наступившему с тех пор общему подъему английской промышленности, увеличению числа фабрик, возросшему потреблению железных дорог, стремительному росту морского пароходства, главным же образом благодаря колоссальному развитию металлургической промышленности, далеко превзошедшей за последние три года все предыдущие периоды процветания. Вот что говорит по этому поводу либеральная буржуазная газета «Daily News»[137] (в номере от 12 июля сего года):

«Одной из главных причин нынешнего вздорожания угля несомненно является внезапный и беспримерный подъем металлургической промышленности. Север Англии поставляет приблизительно четвертую часть всего добываемого в стране угля. Большая часть его идет в Лондон, в Южную и Восточную Англию; очень много угля потребляется также пароходами; но недавнее развитие металлургических заводов в Кливленде (совсем близко от угольных копей) внезапно создало местный спрос на уголь. Этот рост той отрасли промышленности, которая потребляет в настоящее время не менее *пяти-шести миллионов тонн*[*] ежегодно, вызвал, само собой разумеется, огромный рост добычи угля. К этому присоединилось быстрое развитие района красной железной руды на западном побережье. Доменные печи Камберленда и Ланкашира получают свое топливо почти исключительно из Дургамского угольного бассейна и нуждаются, по скромному подсчету, в *полутора миллионах тонн* в год. Для строящихся новых домен только в Северной Англии потребуется *три четверти миллиона тонн* ежегодно. К этому следует прибавить новые железопрокатные заводы и новые домны на западном побережье. Поэтому неудивительно, что топливный вопрос для всего севера Англии скоро стал вопросом жизни и смерти и цены на уголь, естественно, быстро поднялись. В Южном Стаффордшире, Шотландии, Южном Уэльсе, Дербишире, Западном Йоркшире и других областях те же причины вызвали рост цен на уголь».

При таких обстоятельствах английские горнорабочие поступали так же, как и вы: они требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Английские владельцы угольных копей, всегда далеко превосходившие своих германских конкурентов благоразумием и житейским опытом, не оказали серьезного сопротивления и удовлетворили все требования. Послушайте, что дальше рассказывает «Daily News»:

«Время от времени заработная плата повышалась... Горнорабочие требовали далее систематического сокращения рабочего дня. Специалисты к тому же утверждают, что в настоящее время рабочий добывает всего $^{3}/_{5}$ того количества угля, которое он добывал раньше, когда дела были хуже, а заработная плата ниже. Можно было бы поэтому нанять больше рабочих; но их как раз сейчас нельзя найти. Правда, было доставлено много рабочих из сельскохозяйственных районов; но углекопы нуждаются в длительном сроке обучения, и облегчение здесь может, следовательно, наступить лишь медленно и постепенно. В настоящий момент рабочие *добились* в некоторых районах ограничения рабочего времени *восемью часами в день;* в то же время *заработная плата повсюду так быстро растет,* что, по-видимому, нет другого выхода, как повышать цену на уголь».

К этому присоединяется еще одно обстоятельство. *Верхние угольные пласты почти по всей Англии истощены,* и шахты приходится закладывать на все большей глубине. Послушайте дальше статью «Daily News»:

[*] Английская тонна почти в точности равна 2000 таможенных фунтов или 1000 килограммов.

«Самые лучшие пласты этих ценных угольных залежей в Южном Стаффордшире хищнически использованы. Во многих местах этого некогда богатого углем месторождения копи истощены, и отвалы все чаще снова превращаются в пашни и пастбища, хотя еще тысячи моргенов (отвалов) пустуют. Между тем ресурсы округа еще не исчерпаны. Вокруг старых угольных разработок закладываются более глубокие шахты... Но положение дел таково, что добывать уголь даже при новейших приспособлениях становится все дороже; к тому же копи расположены далеко от металлургических заводов... То, что мы сказали о Южном Стаффордшире, относится и ко многим другим районам. Уголь приходится добывать на все большей глубине и перевозить на дальние расстояния к месту назначения».

В результате цены на уголь при условии приемки на месте, по словам «Daily News», «возросли вдвое», и *наступил настоящий угольный голод,* который стоит в центре внимания всей страны. Другой журнал, главный экономический орган английских капиталистов, «Economist»[138] в номере от 13 июля говорит:

«С начала этого года цены на уголь непрерывно росли, и в настоящее время они на 60% — 100% выше, чем год тому назад... и еще через одну-две недели цена может подняться больше чем на 100%; при этом нет ни одного серьезного признака, что это не будет продолжаться и дальше. Экспорт угля в июне текущего года составлял 1108000 тонн, или на 4% больше, чем в июне прошлого года, но стоил он 758000 фунтов стерлингов, или на 53% дороже. В этом году цена вывезенного в июне угля была в среднем равна 13 шиллингам 9 пенсам» (или 4 талерам $17^1/_2$ грошам) «за тонну и 9 шиллингам 4 пенсам» (или 3 талерам $3^1/_2$ грошам) «в прошлом году».

Третья буржуазная газета, «Spectator»[139] (от 20 июля), тоже отмечает, что в Лондоне цена на хороший уголь для бытовых нужд поднялась с 23 шиллингов, или 7 талеров 20 грошей, до 35 шиллингов, или 11 талеров 20 грошей.

На основании этих фактов вы можете убедиться, как обстоит дело с угрозой горнопромышленников и фабрикантов получать уголь из Англии. *Г-н Альфред Крупп может издавать сколько угодно указов, но за английский уголь ему придется платить дороже, чем за рурский, и еще большой вопрос, получит ли он его вообще.*

В качестве секретаря Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих для Германии я считал своим долгом довести эти факты до вашего сведения.

Карл Маркс

Лондон, 21 июля 1872 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 60, 27 июля 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ОТВЕТ НА ВТОРУЮ СТАТЬЮ БРЕНТАНО [140]

В «Concordia» от 4 июля немецкий союз фабрикантов пытается мне доказать, что его «ученые мужи» так же великолепно разбираются в товарах литературных, как он сам в фальсификации товаров.

По поводу приведенного в Учредительном Манифесте Интернационала места из бюджетной речи Гладстона от 16 апреля 1863 г. орган фабрикантов (№ 10) заявил:

«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».

Он, таким образом, объявил, что эта фраза по форме и по содержанию является моим фабрикатом. Более того, он совершенно точно знал, *как* я ее сфабриковал.

«Маркс пользуется тем фактом», — говорит «Concordia», — «что Гладстон утверждает и т. д., *чтобы приписать Гладстону* и т. д.». Процитировав ту же фразу из сочинения «Теория вексельного курса», появившегося *раньше* Учредительного Манифеста, я изобличил орган фабрикантов в грубой лжи*. После этого, как он сам рассказывает, он выписал из Лондона неизвестную ему ранее книгу и убедился в этом факте. При помощи какой лжи ему теперь выпутаться? Послушаем:

«Говоря, что Маркс присочинил указанную фразу к гладстоновской речи, мы ни формально, ни по существу не утверждали, *что он также сам сфабриковал ее».*

Здесь, очевидно, произошло свойственное фабрикантскому рассудку смешение понятий. Если, например, обманщик-

* См. настоящий том, стр. 83—86. *Ред.*

фабрикант, договорившись со своими деловыми друзьями, распространяет катушки лент, содержащие якобы три дюжины локтей, на самом же деле — только две дюжины, то он действительно *присочинил* одну дюжину именно потому, что он *«не сфабриковал ее».* Почему же не должно произойти с присочиненными фразами то же, что и с присочиненными локтями лент? «Ум огромного большинства людей», — говорит Адам Смит, — «неизбежно развивается на их повседневных делах и исходя из них»[141], следовательно — также и ум фабрикантов.

Благодаря «Volksstaat» я обогатил научный багаж органа фабрикантов не только цитатой из «Теории вексельного курса», но и страницами моей книги «Капитал», которые касаются бюджетной речи Гладстона. И теперь этот орган пытается доказать при помощи мной же доставленного ему материала, что спорное место я цитировал не из «лондонской газеты», а из «Теории вексельного курса». Способ доказательства представляет собой новый пример фабрикантской логики.

Я рассказал журналу фабрикантов, что «Теория вексельного курса» на стр. 134 цитирует точно так же, как цитирую я, а журнал делает открытие, что я цитирую точно так же, как цитирует «Теория вексельного курса» на стр. 134.

Далее!

«И комментарии, которые Маркс дает по поводу содержащегося в этом изложении противоречия, уже имеются в этой книге».

Это просто ложь. Я связываю на стр. 639 «Капитала» мои комментарии со словами речи Гладстона: «В то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились». По этому поводу я замечаю: «Какие жалкие увертки! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался по-прежнему беден. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства»[142]. Этих «комментариев» нет нигде в «Теории вексельного курса».

«И комментарии... уже имеются в этой книге, *а также* и приведенная в примечании 105 на стр. 640 «Капитала» цитата из Мольера».

Таким образом, «а также» я цитирую и Мольера и предоставляю возможность «ученым мужам» из «Concordia» выследить и сообщить публике, что эта цитата взята из «Теории вексельного курса»! На самом же деле в примечании 105, стр. 640 «Капитала»

я прямо говорю, что автор «Теории вексельного курса» *«следующей цитатой из Мольера характеризуете* «постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона». Наконец:

«точно так же на стр. 135 этой книги мы находим цитируемые Марксом данные London Orphan Asylum* о вздорожании средств к жизни, достоверность которых Маркс, однако, подкрепляет ссылкой не на эту книгу, а на ее источники (см. «Капитал», стр. 640, примечание 104)».

«Concordia» благоразумно забывает сказать своим читателям, что «эта книга» не дает *никаких источников.* Что хотела она доказать? Что я заимствовал из «этой книги» место из речи Гладстона, не будучи знаком с ее источником; и чем же она это доказывает? Тем, что действительную цитату из этой книги я проверяю независимо от нее по оригинальным источникам!

По поводу моей цитаты из статьи профессора Бизли в «Fortnightly Review» (ноябрь 1870 г.) «Concordia» замечает:

«Эта статья профессора Бизли касается собственно истории Интернационала и написана, как говорит сам автор во всеуслышание, на основании материала, доставленного ему самим *Марксом».*

Профессор Бизли говорит:

«Никому Товарищество столько не обязано своим успехом, как д-ру Карлу Марксу, который, как я считаю, не имеет себе равного по знанию истории и статистики промышленного движения во всех странах Европы. Я в значительной степени (largely) обязан ему содержащимися в этой статье сведениями»[143].

Весь материал, доставленный мной профессору Бизли, относился исключительно к истории Интернационала и ни одним словом не касался содержания Учредительного Манифеста, который был ему известен со времени его издания. Его вышеприведенное замечание так мало вызывает в этом отношении сомнений, что «Saturday Review», критикуя его статью[144], больше чем намекает, что *он сам* является автором Учредительного Манифеста**.

«Concordia» утверждает, что профессор Бизли не цитирует указанного места из речи Гладстона, а только указывает, *«что Учредительный Манифест содержит эту цитату».* Разберем дело.

Профессор Бизли говорит:

«Манифест представляет, вероятно, самую сильную и блестящую защиту интересов рабочих против буржуазии, которая когда-либо была

* — лондонского сиротского приюта. *Ред.*
** Проф. Бизли письменно обратил мое внимание на это quid pro quo [недоразумение].

изложена на каких-нибудь двенадцати небольших страницах. Я хотел бы иметь место для многочисленных выписок из него».

Упомянув об «ужасающей статистике Синих книг», на которые ссылается Манифест, он продолжает:

«От этой ужасающей статистики Манифест переходит к официальным данным о подоходном налоге, из которых видно, что подлежащий обложению доход страны за восемь лет увеличился на 20%; «ошеломляющее увеличение богатства и мощи», которое, *как заметил г-н Гладстон,* «всецело ограничивается имущими классами»».

Профессор Бизли, ставя слова: «как *заметил г-н Гладстон»* вне кавычек, говорит их от своего имени, и именно это служит для «Concordia» убедительным доказательством того, что бюджетную речь Гладстона он знает... только из цитаты Учредительного Манифеста! Лондонский деловой друг немецкого союза фабрикантов один только знаком с бюджетными речами Глад-стона, точно так же, как только он один знает, что «лица, имеющие меньше 150 ф. ст. дохода, в Англии не платят подоходного налога» (смотри №№ 10 и 27 «Concordia»). А вот английских сборщиков податей преследует навязчивая идея, что налог не взимается только с доходов *ниже* ***100*** фунтов стерлингов.

По поводу спорного места в Учредительном Манифесте журнал фабрикантов писал:

«Этой фразы нигде нет в речи Гладстона». Я доказал обратное, приведя цитаты *из отчета «Times»* от 17 апреля 1863 года. Я привел эту цитату в «Volksstaat» по-английски и по-немецки, потому что утверждение Гладстона, что он «почти с тревогой и болью взирал бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно ограничивается *«classes who are in easy circumstances»»,* — нуждается в комментарии. Ссылаясь на Уэйкфилда, я заметил, что *«classes who are in easy circumstances»* — выражение, которому в немецком языке нет точно соответствующего слова, — означает «собственно богатых», «действительно состоятельную часть» имущих классов. Уэйкфилд даже прямо называет собственно средний класс — *«the uneasy class»,* что приближается к немецкому выражению «не вполне состоятельный класс [die ungemachliche Klasse]»*.

Добропорядочный орган фабрикантов не только замалчивает мое объяснение. Сопровождая цитируемое мной место своими словами: «Маркс цитирует «Times» до сих пор», он дает понять своим читателям, что цитирует по моему переводу, на самом же

* «The middle or uneasy class» [«средний или не вполне состоятельный класс»] (Англия и Америка, Лондон, 1833, т. 1, стр. 185)[145].

деле он переводит «classes who are in easy circumstances», в отличие от меня, не словами «состоятельные классы», а словами «классы, *находящиеся в благоприятных условиях».* Он еще допускает у своих читателей достаточно понимания, чтобы увидеть, что не все составные части имущего класса являются *«состоятельными»,* хотя обладание собственностью всегда, конечно, считается у них «благоприятным условием». Но и в том переводе моей цитаты, который дает «Concordia», г-н Гладстон характеризует описанный им прогресс капиталистического богатства как *«это ошеломляющее увеличение богатства и мощи»* и замечает, что он при этом *«совершенно не принял* во внимание положения рабочего населения»; в заключение же он говорит, что это *«увеличение ограничивается всецело теми классами, которые обладают собственностью».* Приписав г-ну Гладстону в отчете «Times» от 17 апреля 1863 г. «формально и по существу» то же самое, что я ему приписал в Учредительном Манифесте, «ученый муж» из немецкого союза фабрикантов бьет себя в благородную грудь и вопит:

«Но, *несмотря на это, Маркс имеет еще наглость* писать в «Volksstaat» от 1 июня: «Итак, согласно отчету его собственного органа «Times» от 17 апреля 1863 г. г-н Гладстон *«формально и по существу* заявил 16 апреля 1863 г. в палате общин, что *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничивается имущими классами»».*

«Ученый муж» немецкого союза фабрикантов, очевидно, хорошо знает, что он обязан преподносить читающей публике!

Я отмечал уже в «Volksstaat» от 1 июня, что «Concordia» пытается убедить своих читателей, будто в Учредительном Манифесте я не привел фразы Гладстона о повышении жизненного уровня британского рабочего класса, в то время как я там, как раз наоборот, особенно подчеркивал вопиющее противоречие этой декламации с официально установленными фактами. В своем ответе от 4 июля орган фабрикантов повторяет тот же самый маневр.

«Маркс», — говорит он, — «цитирует «Times» до сих пор, мы цитируем его дальше».

Возражая ему, я должен был цитировать в сущности только спорное место. Остановимся, однако, на минуту на том, что следует «дальше».

Пропев свой гимн преумножению капиталистического богатства, Гладстон переходит к рабочему классу. Он отнюдь не говорит, что рабочий класс получил свою долю в *«ошеломляющем увеличении богатства и мощи».*

Напротив, по отчету «Times», следующие слова, произнесенные Гладстоном, таковы:

«Но *увеличение капитала* представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.» Далее он *утешает* себя тем, «что в то время как богатые стали *богаче*, бедные стали *менее бедны»*. Наконец, он уверяет, что он и его разбогатевшие парламентские друзья «так *счастливы* знать» то, о чем парламентские расследования и статистические показания сообщают противоположное, а именно,

«что положение британского рабочего в среднем за последние 20 лет улучшилось в такой необычайной степени, которую мы можем объявить почти беспримерной в истории всех стран и времен».

До г-на Гладстона все его предшественники по должности в своих бюджетных речах бывали *«так счастливы»* дополнить описание роста капиталистического богатства самодовольными речами об улучшении положения рабочего класса. Несмотря на это, он всех их обвиняет во лжи, так как тысячелетнее царство наступило только со времени введения законов о свободе торговли. Здесь, однако, дело не в правильности или неправильности имеющихся у Гладстона оснований утешать себя или поздравлять себя. Здесь речь идет просто о том, что якобы «необычайное» улучшение положения рабочего класса решительно не противоречит, с его точки зрения, «ошеломляющему увеличению богатства и мощи, которое всецело ограничивается имущими классами». Напротив, ортодоксальное учение апологетов капитала, — а одним из его наилучше оплачиваемых апологетов является г-н Гладстон, — и заключается в том, что самой испытанное средство для рабочих *улучшить свое положение* состоит в *обогащении* своих эксплуататоров.

Беззастенчивая пошлость или пошлая беззастенчивость органа фабрикантов доходит до своего апогея в утверждении, что «отчет «Times» дает только в более сжатой форме то, что стенографический отчет Хансарда *приводит дословно»*[*]. Сопоставим оба эти отчета:

I

Из речи Гладстона 16 апреля 1863 г., напечатанной в «Times» 17 апреля 1863 г.

«Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я, со своей стороны, должен сказать, что я почти

II

Из речи Гладстона 16 апреля 1863 г., напечатанной у Хансарда, т. 170, парламентские дебаты с 27 марта по 28 мая 1863 г.

«Таково состояние с точки зрения всеобщего прогресса накопления, но я, со своей стороны, должен

[*] Газета фабрикантов, кажется, в самом деле думает, что большие лондонские газеты не пользуются стенографами для своих парламентских отчетов.

с тревогой и болью взирал бы на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). Здесь совершенно не принято во внимание положение рабочего населения. *Увеличение, которое я только что описал... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами.* Но увеличение капитала представляет косвенную выгоду для рабочих и т. д.».

сказать, что я взирал бы с некоторой болью и со значительной тревогой на этот необычайный и почти ошеломляющий рост, если бы думал, что он ограничивается той категорией лиц, которых можно считать состоятельными (the class of persons who may be described as in easy circumstances). Цифры, которые я приводил, мало или совершенно не принимают во внимание положение тех, которые не платят подоходного налога, или, другими словами, они достаточно точны для установления истины вообще (!), но совершенно не принимают во внимание имущество (!) рабочего населения или (!) рост его дохода. Косвенно же простой рост капитала на деле чрезвычайно выгоден для рабочего класса и т. д.»

Я предоставляю самому читателю сравнить напыщенный, запутанный, сопровождающийся массой оговорок, стиль Circumlocution Office* в издании Хансарда с отчетом «Times».

Здесь достаточно установить тот факт, что слова отчета «Times»: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... увеличение, которое я только что описал... всецело ограничивается имущими классами»,* — у Хансарда отчасти искажены, а отчасти опущены. Их напыщенно «дословный смысл» не ускользнул ни от одного из тех, кто слушал саму речь. Например:

«Morning Star»[146]*, 17 апреля 1863 г. (бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1862 г.).*

«Я, со своей стороны, должен сказать, что смотрел бы с тревогой и болью на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы думал, что оно ограничивается действительно состоятельными классами (classes who are in easy circumstances). *Это огромное увеличение богатства* (this great increase of wealth) совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. *Это увеличение есть увеличение* (the augmentation is an augmentation), *всецело ограничивающееся классами, владеющими собственностью* (entirely confined to the classes possessed of property). Но *это увеличение* (But that augmentation) должно косвенным образом быть выгодно для рабочего населения и т. д.».

«Morning Advertiser»[147]*, 17 апреля 1863 г. (бюджетная речь Гладстона от 16 апреля 1863 г.).*

«Я, со своей стороны, должен сказать, что смотрел бы почти с тревогой и страхом (alarm) на *это ошеломляющее увеличение богатства и мощи,* если бы думал, что оно ограничивается действительно состоятельными

* — министерство околичностей (выражение Диккенса в романе «Крошка Доррит»). *Ред.*

классами (classes who are in easy circumstances). *Этот огромный прирост богатства* совершенно не принимает во внимание положения рабочего населения. *Упомянутое увеличение* (The augmentation stated) *представляет увеличение, всецело ограничивающееся классами, которые обладают собственностью* (classes possessed of property). *Это увеличение* (This augmentation) должно быть косвенным образом выгодно для рабочего класса и т. д.».

Таким образом, Гладстон задним числом утаил в полуофициальном издании Хансарда его речи сказанные им в нижней палате 17 апреля 1863 г, слова: *«Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... есть увеличение, всецело ограничивающееся имущими классами»*. Поэтому «Concordia» не нашла их в извлечении, присланном лондонским деловым другом, и подняла шум:

«Но этой фразы нигде нет в речи Гладстона. ***Маркс формально и по существу присочинил эту фразу***».

Не приходится удивляться, если она теперь поучает меня, что *«в обычае»* критики цитировать парламентские речи так, как их официально сфальсифицировали, а не так, как они были действительно произнесены. Такой «обычай» в самом деле соответствует «всеобщей» берлинской «культуре» и ограниченному прусскому верноподданническому разуму немецкого союза фабрикантов. Недостаток времени заставляет меня раз навсегда прекратить приятное общение с ним, но на прощание я должен, однако, предложить его «ученым мужам» раскусить такой орешек. В какой статье и кто именно сказал по адресу противника, — по меньшей мере равного «Concordia» по положению, — следующие веские слова: «Asinus manebis in secula seculorum»[*]?

Карл Маркс

Лондон, 28 июля 1872 г.

Напечатало в газете «Der Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — Ты останешься ослом во веки веков. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ВСЕМ ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [148]

Граждане!

Генеральный Совет поставлен в необходимость публично разоблачить перед вами интриги, которые уже в течение нескольких лет ведутся внутри Интернационала, но о существовании которых большинство из вас никогда не подозревало.

В нашем закрытом циркуляре от 5 марта 1872 г. «Мнимые расколы в Интернационале»[*] мы вынуждены были обратить ваше внимание на происки сектантов из так называемого *Альянса социалистической демократии,* происки, цель которых — посеять раздоры в наших рядах и тайно передать высшее руководство нашим Товариществом клике, которой в свою очередь руководит Михаил Бакунин.

Альянс социалистической демократии, как вы помните, при своем возникновении напечатал устав, который, если бы мы его утвердили, обеспечил бы Альянсу двойное существование — одновременно внутри и вне Интернационала. В самом деле, Альянс имел бы свои собственные секции, федерации и конгрессы наряду с секциями, федерациями и конгрессами Интернационала, претендуя в то же самое время на то, чтобы быть составной частью Интернационала. Целью его было — заменить наш Общий Устав особой программой г-на Бакунина и навязать нашему Товариществу его личную диктатуру.

Генеральный Совет в своем циркуляре от 22 декабря 1868 г. отклонил эти претензии[149]. Он согласился принять Альянс социалистической демократии в Интернационал лишь при том непременном условии, что Альянс перестанет быть международ-

[*] См. настоящий том, стр. 1—40. *Ред.*

ным объединением, распустит свою организацию и что его секции войдут в Интернационал на правах простых местных секций. Эти условия формально были приняты Альянсом. Но из его так называемых секций только одна, центральная женевская секция, вступила в наше Товарищество. Другие же остались тайной для Генерального Совета, который должен был полагать, что они не существуют.

И вот теперь, три с лишним года спустя, в наших руках оказались документы, неоспоримо доказывающие, что этот же Альянс социалистической демократии, вопреки своему формальному обещанию, все время продолжал и продолжает существовать как международное объединение внутри Интернационала, и притом в виде тайного общества; что им и теперь руководит г-н Бакунин; что цель его остается прежней и что все нападки. направленные за последний год якобы против Лондонской конференции и Генерального Совета, а в действительности против всей нашей организации в целом, исходят от Альянса. Те самые люди, которые обвиняют Генеральный Совет в «авторитарности», хотя они ни разу не смогли указать на какой-нибудь авторитарный акт с его стороны, которые при всяком удобном случае твердят об «автономии секций», о «свободной федерации групп», которые упрекают Генеральный Совет в желании навязать Интернационалу «свою официальную и ортодоксальную доктрину» и превратить Интернационал в товарищество с «иерархической» организацией, — эти же самые люди на деле организованы в тайное общество, построенное «иерархически», с порядками не только авторитарными, но и в полном смысле слова диктаторскими; они попирают ногами всякую автономию секций и федераций; при помощи этой тайной организации они стремятся навязать Интернационалу собственную и ортодоксальную доктрину г-на Бакунина. Они, которые требуют от Интернационала, чтобы он строился «снизу вверх», сами как члены Альянса покорно повинуются команде, подаваемой «сверху вниз».

Существование подобного тайного общества внутри Интернационала, это не приходится доказывать, является явным нарушением нашего Общего Устава. Наш Устав знает только одну категорию членов Интернационала с равными правами и обязанностями; Альянс делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, само существование которой им неизвестно. Интернационал требует от своих членов, чтобы они признавали основой своего поведения истину, справедливость и нравственность; Альянс вменяет своим сторонникам

в качестве первой обязанности ложь, притворство и обман, предписывая им обманывать непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и действий. Программа Интернационала сформулирована в его Уставе и известна всем; программа Альянса всегда утаивалась и по сей день все еще остается неизвестной.

Ядром Альянса является Юрская федерация; от нее исходят лозунги, которые тотчас же подхватываются и повторяются другими секциями и газетами, находящимися в распоряжении тайной организации. В Италии имеется некоторое количество обществ, которыми руководит Альянс. Эти общества, называющие себя секциями Интернационала, никогда не просили о своем приеме, не платили членских взносов и не выполняли ни одного из прочих условий, установленных нашим Регламентом. В Бельгии Альянс имеет несколько довольно влиятельных агентов. На юге Франции у него есть свои корреспонденты; кое-кто из них совмещает эти обязанности с обязанностями секретаря в полицейском управлении. Но лучше всего Альянс организован в Испании, где у него всего больше разветвлений. Ему удалось там, незаметно проникнув с самого начала в ряды Интернационала, почти все время удерживать руководство сменявшимися федеральными советами и съездами. Даже самых преданных членов Интернационала в Испании сумели уверить в том, что эта тайная организация существует внутри нашего Товарищества повсюду и что вступить в нее является чуть ли не долгом каждого. Это заблуждение было рассеяно Лондонской конференцией, на которой испанский делегат*, сам являвшийся членом Альянса, смог убедиться в противном, а также той ложью и бешеными нападками, с которыми верные сподвижники Бакунина немедленно же, по его повелению, набросились на конференцию и на Генеральный Совет. После продолжительной борьбы внутри Альянса те из его испанских членов, для которых Интернационал оказался дороже, чем Альянс, покинули ряды последнего. На них тотчас же обрушились самые ужасные оскорбления и клевета со стороны тех, кто остался верен тайному обществу. Дважды их исключали из местной Мадридской федерации, что было явным нарушением существующего регламента. Когда они захотели организоваться в Новую мадридскую федерацию[150], Испанский федеральный совет не разрешил им этого и возвратил присланные ими членские взносы. Здесь нужно сказать, что, как нам

* — А. Лоренцо. *Ред.*

известно, из восьми членов Федерального совета пятеро являются членами Альянса (Висенте Россель, Перегрин Монторо, Саверино Альбаррасин, Франсиско Томас и Франко Мартинес); возможно даже, что есть и другие. Таким образом, секции и местные испанские федерации, столь гордые своей автономией, сами того не подозревая, повинуются, как стадо баранов, тайным приказам, которые идут из Швейцарии и которые Федеральный совет должен слепо выполнять, если не хочет, чтобы Альянс объявил его вне закона.

Чтобы обеспечить избрание членов Альянса делегатами на конгресс в Гаагу, Испанский федеральный совет разослал секциям и местным федерациям негласный циркуляр от 7 июля, в котором требует от них внеочередных взносов для покрытия расходов делегатов на конгресс и авторитарно предписывает им избирать этих делегатов по общему для всей Испании списку, с тем чтобы именно ему, Федеральному совету, был поручен подсчет бюллетеней. Такой способ выборов должен был обеспечить успех кандидатов Альянса. Более того, Федеральный совет сообщает, что он составит общий императивный мандат, которому эти делегаты должны будут подчиниться. Как только мы узнали об этом проекте — послать на конгресс делегатов Альянса на средства членов Интернационала — и получили доказательство соучастия Испанского федерального совета в происках тайного общества, мы предъявили ему 24 июля следующие требования:

1) сообщить нам список всех членов Альянса в Испании с указанием обязанностей, выполняемых ими в Интернационале;

2) произвести расследование о характере и деятельности Альянса в Испании, а также об его организации и разветвлениях вне страны;

3) прислать нам экземпляр негласного циркуляра от 7 июля;

4) дать нам объяснения по поводу того, каким образом он согласует выполнение своих обязанностей по отношению к Интернационалу с наличием в своем составе по меньшей мере трех заведомых членов Альянса;

5) прислать исчерпывающий ответ с обратной почтой*.

Мы должны были бы получить ответ не позднее 1 августа. Но лишь 5 августа мы получили письмо, помеченное «Валенсия, 1 августа» (почтовый штемпель неразборчив), в котором, под тем предлогом, что члены совета якобы не поняли нашего письма, написанного по-французски, сообщалось, что ответ откладывается, так как требуется время для его перевода. Этот

* См. следующую статью. *Ред.*

же совет в письме от 15 июня просил нас присылать наши издания и т. п. но возможности на французском языке, потому что с этим языком они (члены совета) немного знакомы! Стало быть, предлог ложный: попросту хотят заставить нас потерять драгоценное время.

Мы вынуждены поэтому заявить всем членам Товарищества, и в особенности испанским членам Интернационала, что Испанский федеральный совет *изменил Международному Товариществу Рабочих.* Вместо того чтобы действовать, строго придерживаясь полномочий, которыми его наделили испанские члены Интернационала, он становится органом общества не только чуждого, но даже враждебного Интернационалу. Вместо того чтобы повиноваться Общему Уставу и Регламенту и решениям общих конгрессов и испанских съездов, он повинуется тайным приказам, исходящим от г-на Бакунина. Самое существование Федерального совета, состоящего в большинстве своем из членов тайного общества, чуждого нашему Товариществу, является явным нарушением Общего Устава.

Вот, граждане, те факты, о которых необходимо поставить вас в известность до выборов делегатов на конгресс. Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу. Это заговор, направленный против самого пролетарского движения. Поэтому повсюду, где мы сталкиваемся с ним, мы видим, что он проповедует расслабляющую доктрину абсолютного воздержания от всякой политической деятельности. В то время как обыкновенные, непосвященные в этот заговор члены Интернационала подвергаются преследованиям и арестам почти во всех странах Европы, «доблестные» члены Альянса пользуются совершенно исключительной неприкосновенностью.

Граждане, вы должны сделать выбор. Речь идет в настоящий момент не об автономии секций, не о свободной федерации групп, не об организации «снизу вверх» и не о какой-либо другой столь же претенциозной и звонкой фразе. Вопрос в настоящий момент сводится к следующему: желаете ли вы, чтобы наши центральные органы состояли из людей, которые не признают иных полномочий, кроме полученных от вас, или вы желаете, чтобы они состояли из людей, избранных путем обмана, людей, которые принимают от вас полномочия с твердым намерением вести вас, как стадо баранов, в соответствии с секретными инструкциями, исходящими от некоей таинственной личности в Швейцарии?

Разоблачить существование этого тайного общества обманщиков — значит уничтожить его силу. Господа из Альянса не настолько глупы, чтобы полагать, что широкие массы членов Интернационала сознательно подчинятся подобной организации, когда им станет известно о ее существовании. Не может быть ничего общего между обманщиками и теми, кого они хотят обмануть, между Альянсом и Интернационалом.

Кроме того, нужно раз навсегда положить конец внутренним распрям, которые снова и снова возникают в нашем Товариществе из-за наличия в его среде этой паразитической организации. Эти распри только расточают силы, предназначенные для борьбы против существующего буржуазного строя. Альянс, препятствуя направленной против врагов рабочего класса деятельности Интернационала, превосходно служит буржуазии и правительствам.

Исходя из этого, Генеральный Совет потребует от конгресса в Гааге исключения из Интернационала всех членов Альянса и предоставления Совету необходимых полномочий для предотвращения в дальнейшем подобных заговоров.

Генеральный Совет

Написано Ф. Энгельсом 4—6 августа 1872 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСПАНСКИМ СЕКЦИЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ[151]

Лондон, 8 августа 1872 г.

В связи с интригами, ведущимися против *Международного Товарищества Рабочих* членами тайного общества Альянс, Исполнительный комитет Генерального Совета[152] на своем заседании от 24 июля 1872 г. поручил гражданину Ф. Энгельсу, секретарю для Испании, направить Испанскому федеральному совету в Валенсию следующее письмо:

ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ

Граждане!

У нас имеются доказательства, что внутри Интернационала, и в частности в Испании, существует тайное общество, именующее себя *Альянсом социалистической демократии.* Это общество, центр которого находится в Швейцарии, считает своей специальной миссией направлять наше великое Товарищество в соответствии со своими особыми тенденциями и вести его к целям, совершенно неизвестным огромному большинству членов Интернационала. Более того, мы знаем из севильской «Razon»[153], что по меньшей мере три члена вашего совета принадлежат к Альянсу.

Когда в 1868 г. это общество образовалось как открытое общество, Генеральный Совет вынужден был отказать ему в приеме в Интернационал, пока оно сохраняло свой международный характер, ибо оно претендовало на то, чтобы быть вторым международным объединением, действующим как внутри, так и вне *Международного Товарищества Рабочих.* Альянс смог вступить в Интернационал лишь после того, как

обязался ограничиться положением простой местной секции в Женеве (см. закрытый циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале», стр. 7 и др.*).

Если организация и характер этого общества, когда оно было еще открытым, уже противоречили духу и букве нашего Устава, то его тайное существование внутри Интернационала, вопреки данному обязательству, равносильно прямой измене нашему Товариществу. Интернационал знает лишь одну категорию членов, с равными для всех правами и обязанностями; Альянс же делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, само существование которой им неизвестно. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения истину, справедливость и нравственность; Альянс обязывает своих сторонников скрывать от непосвященных членов Интернационала существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий. Генеральный Совет уже заявил в своем закрытом циркуляре, что потребует на ближайшем конгрессе расследования деятельности этого Альянса, являющейся настоящим заговором против Интернационала. Генеральный Совет осведомлен также о тех мерах, которые были приняты Испанским федеральным советом по настоянию господ из Альянса в интересах их общества, и он твердо решил положить конец этим тайным проискам. С этой целью он требует от вас для докладной записки об Альянсе, которую он должен представить конгрессу в Гааге:

1) сообщить список всех членов Альянса в Испании, с указанием обязанностей, выполняемых ими в Интернационале;

2) произвести расследование о характере и деятельности Альянса, а также об его организации и разветвлениях вне страны;

3) прислать экземпляр вашего *негласного циркуляра от 7 июля 1872 года;*

4) дать объяснение по поводу того, каким образом вы считаете возможным согласовать выполнение своих обязанностей по отношению к Интернационалу с наличием в составе вашего совета по меньшей мере трех заведомых членов Альянса.

Если Генеральный Совет не получит с *обратной почтой категорического и исчерпывающего ответа,* то он будет вынужден открыто объявить как в Испании, так и за ее пределами, что вы нарушили дух и букву Общего Устава и изменили

* См. настоящий том, стр. 9—12. *Ред.*

Интернационалу в интересах тайного общества, которое не только чуждо, но и враждебно ему. Привет и братство

По поручению Генерального Совета

Секретарь для Испании,

Фридрих Энгельс

33, Ратбон-плейс,
Лондон, 24 июля 1872 г.

Испанский федеральный совет в письме, помеченном «Валенсия, 1 августа» и полученном в Лондоне 5 августа, ответил на запросы Генерального Совета следующее:

«Товарищи! Мы получили ваше последнее письмо, но поскольку оно написано по-французски, не смогли ознакомиться с его содержанием, так как нашего обычного переводчика нет в Валенсии. Мы обратились к другому товарищу с просьбой срочно перевести его, чтобы мы могли на него ответить».

Исполнительный комитет Генерального Совета на заседании 8 августа 1872 г. решил, что в ожидании сведений, запрошенных у Испанского федерального совета, необходимо опубликовать настоящее письмо, чтобы побудить все испанские федерации и секции произвести расследование относительно существования, действий и целей тайного общества, называющегося Альянсом.

Исполнительный комитет
Генерального Совета:

Лео Франкель — секретарь-корреспондент для Австрии и Венгрии; ***Дж. П. Мак-Доннел***— для Ирландии; ***Ф. Энгельс*** — для Испании и Италии; ***О. Серрайе*** — для Франции; ***Ле Муссю*** — для Америки; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***Карл Маркс*** — для Германии и России.

Председатель заседания —

Валерий Врублевский, секретарь для Польши.

Секретарь заседания —

Ф. Курне, секретарь для Голландии.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 8 августа 1872 г.

Напечатано в газете «La Emancipacion» № 62, 17 августа 1872 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью на французском языке

Перевод с испанского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — НОВОЙ МАДРИДСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [154]

Исполнительный комитет, на который Генеральный Совет временно возложил ведение всех организационных дел Товарищества,

принимая во внимание письмо Новой мадридской федерации от 5 августа с просьбой о признании ее Генеральным Советом;

принимая во внимание резолюцию Испанского федерального совета от 16 июля, отказавшегося допустить в Интернационал указанную федерацию;

учитывая, что и с формальной стороны было бы нелепостью присоединяться в этом вопросе к точке зрения Федерального совета, который в большинстве своем состоит из членов враждебного Интернационалу тайного общества и против которого Генеральный Совет собирается выступить на конгрессе;

учитывая, что по существу именно учредители Новой мадридской федерации первыми в Испании имели смелость отмежеваться от этого тайного общества, именуемого *Альянсом социалистической демократии,* разоблачить и расстроить его махинации, —

Исполнительный комитет, исходя из вышеизложенных соображений и действуя от имени Генерального Совета,

постановил признать Новую мадридскую федерацию и установить с ней регулярные и непосредственные сношения.

Лондон, 15 августа 1872 г.

От имени Исполнительного комитета

Секретарь для Испании,

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «La Emancipacion» № 63, 24 августа 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с испанского

Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА К ИТАЛЬЯНСКИМ СЕКЦИЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ПО ПОВОДУ КОНФЕРЕНЦИИ В РИМИНИ [155]

33, Ратбон-плейс,
Лондон, 23 августа 1872 г.

Мы получили датированную «Римини, 6 августа» резолюцию конференции некоей итальянской федерации, якобы принадлежащей к Международному Товариществу Рабочих[156], в которой порывается всякая солидарность с Генеральным Советом в Лондоне и *самочинно* созывается[*] антиавторитарный конгресс в Невшателе (Швейцария), куда всем секциям этого направления предлагается послать своих делегатов вместо Гааги, где состоится очередной конгресс Интернационала.

Необходимо констатировать, что из 21 секции, делегаты которых подписали эту резолюцию, *лишь одна* (неаполитанская) принадлежит к Интернационалу. Ни одна из остальных 20 секций не выполнила ни одного из условий, предписанных нашим Общим Уставом и Регламентом для приема новых секций. Следовательно, никакой итальянской федерации Международного Товарищества Рабочих не существует. Те же, кто претендуют на ее создание, образуют свой собственный интернационал вне великого Товарищества Рабочих.

Конгрессу в Гааге предстоит вынести постановление по вопросу о подобной узурпации.

От имени и по распоряжению Генерального Совета

Секретарь для Италии,

Фридрих Энгельс

Напечатано частично в газете «La Plebe» № 95, 28 августа 1872 г. и полностью в газете «Il Popolino» № 20, 29 сентября 1872 г.

Печатается по тексту газеты «IlPopolino», сверенному с черновиком письма

Перевод с итальянского

[*] В черновике письма далее написано: «так называемый». *Ред.*

ГААГСКИЙ КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

2—7 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА [157]

К. МАРКС

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПЯТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОСТОЯВШЕМУСЯ В ГААГЕ

2-7 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА[158]

Граждане![*]

Со времени нашего последнего конгресса в Базеле две великие войны изменили лицо Европы — франко-прусская война и гражданская война во Франции. Третья война предшествовала этим двум войнам, сопровождала их и продолжается и теперь, — это война против Международного Товарищества Рабочих.

Парижские члены[**] Интернационала открыто и ясно предупредили французский народ, что участвовать в плебисците — значит голосовать за деспотизм внутри Франции и за войну вне ее[159]. Накануне плебисцита 23 апреля 1870 г.[160] они были арестованы под тем предлогом, что якобы участвовали в заговоре с целью убийства Луи Бонапарта. Одновременно последовали аресты членов Интернационала в Лионе, Руане, Марселе, Бресте и других городах. В своем заявлении 3 мая 1870 г. Генеральный Совет говорил[161]:

«Очередной заговор займет достойное место рядом с двумя его предшественниками, уже ставшими всеобщим посмешищем. Шумиха и меры насилия против наших французских секций преследуют одну цель — способствовать жульничеству с плебисцитом»[***].

[*] В листовке и в газете «Volksstaat» вместо слова «Граждане» напечатано: «Рабочие». *Ред.*

[**] В газетах «Internationale», «Liberte» и др. эта фраза начинается словами: «Когда империя потребовала, чтобы Франция освятила ее существование новым плебисцитом, то». *Ред.*

[***] В листовке и в газете «Volksstaat» далее следует фраза: «Мы были правы». *Ред.*

И на самом деле, после падения декабрьской империи ее преемники опубликовали документы, свидетельствующие о том, что этот очередной заговор был сфабрикован самой бонапартистской полицией[162] и что накануне плебисцита Оливье в негласном циркуляре прямо предписывал своим подчиненным:

«Руководители Интернационала должны быть арестованы, иначе плебисцит нельзя будет провести удовлетворительным образом».

По окончании этого фарса с плебисцитом, 8 июля, члены Парижского федерального совета были, действительно, осуждены собственными судьями Луи Бонапарта, но все же только лишь за их «преступную» принадлежность к Интернационалу, а не за участие в мнимом заговоре[163]. Таким образом, бонапартистское правительство сочло нужным начать самую пагубную из войн, которая когда-либо выпадала на долю Франции, предварительным походом против французских секций Международного Товарищества Рабочих. Не следует забывать, что французский рабочий класс, как один человек, отверг плебисцит. Не следует также забывать и то, что

«биржи, кабинеты держав, господствующие классы и печать Европы приветствовали плебисцит как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом» (Воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне от 23 июля 1870 года[164]).

Несколько недель спустя после плебисцита, когда бонапартистская пресса начала разжигать во французском народе воинственный пыл, парижские члены Интернационала, невзирая на правительственные преследования, выпустили 12 июля свое обращение «К рабочим всех наций», в котором клеймили затевавшуюся войну как «преступное безумие», а «своим братьям в Германии» говорили:

«Вражда между нами имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна»; «Мы, члены Международного Товарищества Рабочих», — заявляли они, — «не признаем никаких государственных границ»[165].

Этот призыв встретил восторженный отклик в Германии, и поэтому Генеральный Совет мог с полным правом утверждать:

«В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории... показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политиче-

ским безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*

Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих» (воззвание от 23 июля 1870 года).

Вплоть до провозглашения республики члены Парижского федерального совета находились в тюрьме. Остальных же членов Товарищества ежедневно поносили перед толпой как предателей, оплачиваемых Пруссией.

Когда капитуляцией при Седане Вторая империя закончилась, так же как она и началась — пародией, франко-прусская война вступила во вторую свою стадию. Она превратилась в войну против французского народа. После всех неоднократных торжественных заявлений о том, что она взялась за оружие с единственной целью — отразить иностранную агрессию, Пруссия теперь сбросила маску и провозгласила завоевательную войну. С этого момента она вынуждена была бороться не только против республики во Франции, но одновременно и против Интернационала в Германии. Ход этой борьбы мы здесь можем изложить только в общих чертах.

Немедленно после объявления войны большая часть территории Северогерманского союза (Ганновер, Ольденбург, Бремен, Гамбург, Брауншвейг, Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург, Померания и провинция Пруссия) была объявлена на осадном положении и отдана на произвол генерала Фогель фон Фалькенштейна. Это осадное положение, объявленное как мера обороны от грозящего иностранного вторжения, тотчас же превратилось в войну против немецких членов Интернационала.

На другой же день после провозглашения республики в Париже, брауншвейгский Центральный комитет немецкой Социал-демократической рабочей партии, являющейся — с учетом местных законов страны — секцией Интернационала, обратился (5 сентября) с воззванием, призывавшим рабочий класс сопротивляться всеми имеющимися в его распоряжении средствами расчленению Франции, требовать почетного для нее мира и агитировать за признание Французской республики[166]. Воззвание осуждало намеченную аннексию Эльзаса и Лотарингии как преступление, результатом которого будет превращение всей Германии в прусскую казарму и возведение войны в степень постоянной европейской институции. 9 сентября Фогель фон Фалькенштейн приказал арестовать членов брауншвейгского Комитета и отправить их в кандалах за 600 миль

в прусскую крепость Лётцен, расположенную на русской границе, где гнусное обращение с ними должно было явиться ярким контрастом с демонстративным чествованием царственного гостя в Вильгельмсхёэ[167]. Так как, несмотря на аресты, высылку рабочих из одного германского государства в другое, запрещение пролетарской печати, военные репрессии и всевозможные придирки полиции, авангард германского рабочего класса действовал в духе Интернационала и в соответствии с брауншвейгским манифестом, Фогель фон Фалькенштейн указом от 21 сентября* запретил всякие собрания социал-демократической партии. Это запрещение было отменено другим указом от 5 октября, в котором он хитроумно предписывал полицейским шпионам

«доносить ему лично обо всех лицах, которые своими открытыми выступлениями будут поощрять Францию в ее сопротивлении предложенным Германией условиям мира, чтобы он мог обезвредить этих людей на все время, пока будет продолжаться война».

Предоставив заботы о войне за пределами страны Мольтке, прусский король постарался придать новый оборот войне внутри страны. В соответствии с его личным приказом от 17 октября Фогель фон Фалькенштейн должен был отправить своих лётценских узников в распоряжение брауншвейгского окружного суда, которому, в свою очередь, надлежало или найти юридические основания для их заключения или же вернуть их под надежную охрану грозного генерала.

Примеру Фогель фон Фалькенштейна последовали, разумеется, во всей Германии, в то время как Бисмарк в дипломатическом циркуляре издевательски выступил перед лицом Европы как исполненный благородного негодования защитник свободы слова, свободы печати и свободы собраний для партии сторонников мира во Франции. Именно в то самое время, когда он требовал для Франции свободно избранного Национального собрания, в самой Германии он приказал посадить в тюрьму Бебеля и Либкнехта за то, что они выступали против него в германском парламенте от имени Интернационала, и чтобы убрать их с дороги во время предстоявших всеобщих выборов[168].

Его господин, Вильгельм-Завоеватель, поддержал его, послав из Версаля приказ, в котором продлевался срок осадного положения, то есть отмены всех гражданских законов на весь период выборов. А фактически король разрешил снять осадное положение в Германии лишь через два месяца после заключения мира с Францией. Упорство, с которым он настаи-

* — 1870 года. *Ред.*

вал на военном положении внутри страны, и его многократное личное вмешательство в дела его собственных германских пленников, свидетельствуют об ужасе, испытываемом им — среди грома победоносного оружия и неистовых криков одобрения всей германской буржуазии — перед растущей партией пролетариата. Это была невольная дань, которую материальное насилие отдавало моральной силе.

Если война против Интернационала первое время была локализована сначала во Франции — со дня плебисцита до падения империи, затем в Германии — в течение всей борьбы республики против Пруссии, то со дня провозглашения Парижской Коммуны и после ее падения эта война стала повсеместной.

6 июня 1871 г. Жюль Фавр выпустил свой циркуляр к иностранным державам, требуя выдачи эмигрантов* Коммуны как уголовных преступников и призывая к всеобщему крестовому походу против Интернационала — врага семьи, религии, порядка и собственности, столь достойно представленных в лице самого Фавра[169]. Австрия и Венгрия сразу же последовали этому призыву. 13 июня был совершен разбойничий набег на предполагаемых вождей Рабочего союза в Пеште; их бумаги были конфискованы, а сами они арестованы и отданы под суд по обвинению в государственном измене[170]. Некоторые делегаты венской секции Интернационала, оказавшиеся в это время в Пеште, были отправлены в Вену для принятия против них таких же мер. Бёйст потребовал и получил от своего парламента дополнительное ассигнование в 30000 фунтов стерлингов

«для расходов на политическую информацию, которая сделалась более необходимой, чем когда-либо раньше, вследствие опасного распространения Интернационала по всей Европе».

С этого времени в Австрии и Венгрии установилось настоящее господство террора против рабочего класса. Даже в последней предсмертной агонии австрийское правительство все еще судорожно цепляется за свою старую привилегию разыгрывать роль Дон-Кихота европейской реакции.

Через несколько недель после появления циркуляра Жюля Фавра Дюфор предложил своей помещичьей палате проект, ныне получивший силу закона, который карает как преступление простой факт принадлежности к Международному Товариществу Рабочих или признания его принципов. Выступая в качестве свидетеля перед комиссией помещичьей палаты по

* В листовке и в газете «Volksstaat» вместо слова «эмигрантов» напечатано: «членов». *Ред.*

законопроекту Дюфора, Тьер хвастался, что этот закон — порождение его собственной изобретательности, что именно он, якобы, первый открыл эту надежную панацею — расправляться с Интернационалом так, как испанская инквизиция расправлялась с еретиками. Но даже и в этом пункте он не может претендовать на оригинальность. Задолго до его назначения на должность спасителя общества эта истинная юридическая теория, которую правящий класс применяет к членам Интернационала, была сформулирована венскими судами.

26 июля 1870 г. наиболее выдающиеся представители пролетарской партии в Австрии были признаны виновными в государственной измене и присуждены ко многим годам каторжных работ с одним голодным днем в месяц. Формулировка приговора была следующая:

«Заключенные, по собственному признанию, приняли программу немецкого рабочего съезда в Эйзенахе (1869) и действовали в соответствии с ней. Эта программа включает программу Интернационала. Интернационал основан для освобождения рабочего класса от господства имущего класса и от политической зависимости. Такое освобождение несовместимо с существующим устройством австрийского государства. Следовательно, всякий, кто принимает и распространяет основные положения программы Интернационала, совершает действия, подготавливающие ниспровержение австрийского правительства и тем самым виновен в государственной измене».

27 ноября 1871 г. был вынесен приговор членам брауншвейгского Комитета. Они были присуждены к тюремному заключению на разные сроки. Суд совершенно определенно сослался как на прецедент на обоснование приговора, вынесенного в Вене.

В Пеште заключенные, принадлежащие к Рабочему союзу, предстали перед судом 22 апреля 1872 г., после того как они в течение почти целого года подвергались такому же гнусному обращению, какому английское правительство подвергало фениев[171]. И здесь прокурор потребовал применения сформулированной в Вене юридической теории. Однако они были оправданы.

В Лейпциге 27 марта 1872 г. Бебель и Либкнехт были присуждены к двум годам заключения в крепости по обвинению в попытке к государственной измене — на основании того же вынесенного в Вене приговора. Разница заключалась лишь в том, что приговор венских судей был в этом случае санкционирован саксонскими присяжными заседателями.

В Копенгагене три члена Центрального комитета Интернационала, Брикс, Пио и Гелеф, были брошены 5 мая* в тюрьму

* — 1872 года. *Ред.*

за то, что они заявили о своем твердом намерении провести под открытым небом собрание вопреки запрещению полиции. Когда они уже были в тюрьме, им сообщили, что против них выдвигается обвинение более общего характера, а именно, что социалистические идеи сами по себе несовместимы с существованием датского государства и что поэтому уже одна пропаганда этих идей составляет преступление против датской конституции. Опять-таки юридическая теория, сформулированная в Вене! Обвиняемые и теперь еще находятся в тюрьме, ожидая суда.

Бельгийское правительство, отличившееся своим сочувственным ответом на требования Жюля Фавра о выдаче коммунаров, поспешило внести устами Малу законопроект, ханжески копирующий закон Дюфора.

Его святейшество папа Пий IX излил свой гнев в обращении к депутации швейцарских католиков.

«Ваше республиканское правительство», — сказал он, — «считает себя обязанным принести тяжелую жертву тому, что называют свободой. Оно предоставляет право убежища большому числу людей самого низкого пошиба. Оно терпит у себя секту, называемую Интернационалом, которая хотела бы поступить со всей Европой так, как она поступила с Парижем. Этих господ из Интернационала, которые, кстати, отнюдь не господа, следует опасаться, ибо они действуют в интересах вечного врага бога и рода людского. Зачем защищать их? За них нужно молиться».

Сначала повесьте их, а потом уже молитесь за них!

Поддержанные Бисмарком, Бёйстом и Штибером — прусским шефом шпионов, австрийский и германский императоры в начале сентября 1871 г. встретились в Зальцбурге с нескрываемой целью основать священный союз против Международного Товарищества Рабочих.

«В таком европейском союзе», — заявила «Северогерманская газета»[172], являющаяся личным moniteur[*] Бисмарка, — «заключается единственно возможное спасение государства, церкви, собственности, цивилизации, одним словом, всего того, на чем зиждятся европейские государства».

Разумеется, подлинная цель Бисмарка состояла в том, чтобы обеспечить себе союзников в предстоящей войне с Россией, а Интернационалом лишь дразнили Австрию, как дразнят быка куском красной материи.

Ланца запретил Интернационал в Италии простым приказом. Сагаста объявил его вне закона в Испании[173], рассчитывая, вероятно, снискать этим расположение английской фондовой биржи. Русское правительство, вынужденное со

[*] — вестником. *Ред.*

времени отмены крепостного права прибегать к рискованным мерам, — делать сегодня робкие уступки народным требованиям с тем, чтобы назавтра взять их обратно, — нашло во всеобщем призыве к травле Интернационала предлог для нового усиления реакции внутри страны. Действуя за границей с намерением проникнуть в тайны нашего Товарищества, оно убедило швейцарского судью обыскать в присутствии русского шпиона квартиру Утина, русского члена Интернационала и редактора женевской «Egalite», органа нашей Романской федерации[174]. Только агитация швейцарских членов Интернационала помешала республиканскому правительству Швейцарии выдать Тьеру эмигрантов Коммуны.

Наконец, правительство г-на Гладстона, не имея возможности действовать в этом духе в самой Великобритании, доказало, по крайней мере, свою благонамеренность, развязав полицейский террор в Ирландии против формировавшихся там наших секций и приказав своим представителям за границей собирать информацию о Международном Товариществе Рабочих.

Но все репрессивные мероприятия, которые был способен изобрести объединенный разум правительств Европы, меркнут перед клеветнической войной, поднятой силами лжи цивилизованного мира. Апокрифические истории и разоблачение «тайн» Интернационала, бесстыдная подделка официальных документов и частных писем, сенсационные телеграммы — все это быстро следовало одно за другим; все источники клеветы, находившиеся в распоряжении продажной респектабельной прессы, сразу открылись, и хлынул целый поток гнусностей, чтобы потопить ненавистного врага. Эта война, ведущаяся посредством клеветы, не имеет себе равной в истории ни по масштабу военных действий, театр которых охватил все страны, ни по тому единодушию, с которым в ней участвуют представители всех оттенков господствующего класса. Когда произошел большой пожар в Чикаго, телеграф оповестил весь мир о том, что это дьявольская работа Интернационала; нужно только удивляться, как не приписали его же демоническому вмешательству ураган, который опустошил Вест-Индию.

В своих прежних годовых отчетах Генеральный Совет обычно давал обзор успехов Товарищества со времени последнего конгресса. Вы, граждане[*], поймете, конечно, причины, которые на сей раз вынуждают нас уклониться от этого правила.

[*] В листовке и в газете «Volksstaat» вместо слова «граждане» напечатано: «рабочие». *Ред.*

К тому же отчеты делегатов отдельных стран, а они лучше знают, до каких пределов они могут идти в своих сообщениях, до известной степени восполнят этот пробел. Мы ограничимся указаниями, что со времени Базельского конгресса, и в особенности со времени Лондонской конференции в сентябре 1871 г., Интернационал получил распространение среди ирландцев в Англии и в самой Ирландии, в Голландии, Дании, Португалии, что он укрепил свою организацию в Соединенных Штатах и имеет разветвления в Буэнос-Айресе, Австралии и Новой Зеландии.

Различие между рабочим классом, не имеющим международной организации, и рабочим классом, имеющим Интернационал, становится особенно очевидным, если мы обратимся назад к периоду 1848 года. Потребовались долгие годы, пока сам рабочий класс понял, что июньское восстание 1848 г. является делом его собственных передовых борцов. А Парижская Коммуна немедленно же была встречена радостными криками одобрения всего международного пролетариата.

Вы, делегаты рабочего класса, собрались для того, чтобы укрепить боевую организацию общества, цель которого — освободить труд и уничтожить национальную рознь. И почти в это же самое время в Берлине собираются коронованные венценосцы старого мира для того, чтобы ковать новые цепи и замышлять новые войны[175].

Да здравствует Международное Товарищество Рабочих!

Написано К. Марксом в конце августа 1872 г.

Напечатано в виде листовки: «Offizieller Bericht des Londoner Generalrats, verlesen in offentlicher Sitzung des Internationalen Kongress», Braunschweig 1872, а также в газетах «Der Volksstaat» № 75, 18 сентября 1872 г.; «La Liberte» № 39, 29 сентября 1872 г.; «L'Internationale» № 195, 6 октября 1872 г.; «La Emancipacion» №№ 68 и 69, 5 и 13 октября 1872 г.; «The International Herald» №№ 27, 28 и 29, 5, 12 и 19 октября 1872 г.

Печатается по тексту газеты «The International Herald», сверенному с текстом листовки на немецком языке

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОКЛАД ОБ АЛЬЯНСЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ГААГСКОМУ КОНГРЕССУ ОТ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [176]

Альянс социалистической демократии был основан М. Бакуниным к концу 1868 года. Это было международное общество, претендовавшее на то, чтобы действовать одновременно и внутри и вне Международного Товарищества Рабочих. Состоя из членов Товарищества, которые требовали права участвовать во всех собраниях членов Интернационала, это общество, тем не менее, хотело сохранить за собой право иметь свои местные группы, свои национальные федерации, свои конгрессы наряду с конгрессами Интернационала и помимо них. Альянс таким образом с самого начала претендовал на то, чтобы составлять внутри нашего Товарищества своего рода аристократию, касту избранных с собственной программой и особыми привилегиями.

Письма, которыми тогда обменялись центральный комитет Альянса и наш Генеральный Совет, воспроизведены в циркуляре «Мнимые расколы в Интернационале», стр. 7—9[*] (документ № 1). Генеральный Совет отказался принять Альянс, пока тот сохранял обособленный международный характер; он обещал принять его только при условии, если Альянс распустит свою особую международную организацию, если его секции превратятся в простые секции нашего Товарищества и если Совет будет осведомлен о местопребывании и численности каждой новой секции.

Вот что ответил на эти требования 22 июня 1869 г. центральный комитет Альянса, который[**] отныне в своих

[*] См. настоящий том, стр. 9—12. *Ред.*
[**] Далее в рукописи зачеркнуто: «для этого случая изменил свое название». *Ред.*

сношениях с Генеральным Советом стал именоваться «женевской секцией Альянса социалистической демократии»:

«Как было условлено между вашим Советом и центральным комитетом Альянса социалистической демократии, мы поставили перед различными группами Альянса вопрос о роспуске его как организации, обособленной от Международного Товарищества Рабочих... Мы рады сообщить вам, что значительное большинство групп разделяет мнение центрального комитета, который намерен вынести решение о роспуске Международного альянса социалистической демократии. *Сегодня вопрос о роспуске уже решен.* Сообщая об этом решении различным группам Альянса, мы предложили им организоваться по нашему примеру в секции Международного Товарищества Рабочих и добиться признания как таковых либо вами, либо федеральными советами Товарищества в соответствующих странах. Подтверждая получение вашего письма, адресованного бывшему центральному комитету Альянса, мы посылаем вам сегодня на рассмотрение устав нашей секции и просим вас официально признать се секцией Международного Товарищества Рабочих...» (подписано) Временный секретарь Ш. Перрон (документ № 2).

Экземпляр этого устава Альянса находится среди документов за № 3.

Женевская секция оказалась единственной, попросившей принять ее в Интернационал. О других якобы существующих секциях Альянса ничего не было слышно. Тем не менее, несмотря на непрерывные интриги альянсистов, стремившихся навязать свою особую программу всему Интернационалу и захватить руководство нашим Товариществом, можно было предположить, что Альянс сдержал свое слово и распустил себя. Однако* Генеральный Совет получил довольно точные сведения, на основании которых он вынужден был заключить, что Альянс и не думал себя распускать, что вопреки торжественно данному слову он существовал и продолжает существовать в виде тайного общества и что он пользуется этой подпольной организацией, чтобы по-прежнему преследовать свою первоначальную цель — добиться господства. Его существование, особенно в Испании, становилось все более и более очевидным вследствие раздоров внутри самого Альянса, историю которых мы дадим ниже. Здесь достаточно сказать, что циркуляр, составленный членами старого Испанского федерального совета, являвшимися одновременно и членами центрального комитета Альянса в Испании (см. «Emancipacion» № 61, стр. 3, столбец 2, документ № 4[177]), разоблачил существование Альянса**. [Еще раньше] циркуляр от 2 июня 1872 г.

* Далее в рукописи зачеркнуто: «с мая месяца этого года». *Ред.*

** Далее в рукописи зачеркнуто: «Не имея возможности примирить свои обязанности внутри Интернационала со своим положением членов тайного общества внутри него, они 2 июня обратились». *Ред.*

известил все секции Альянса в Испании о том, что подписавшиеся только что распустили себя как секцию Альянса и предлагают другим последовать их примеру[178]. Циркуляр был опубликован в «Emancipacion» (№ 59, документ № 5).

Опубликование этого циркуляра заставило газету Альянса барселонскую «Federacion» (№ 155, 4 августа 1872 г.) опубликовать, со своей стороны, устав Альянса (документ № 6). Существование этого общества, стало быть, вполне установлено.

Сравнивая устав тайного общества с уставом, представленным женевской секцией Альянса Генеральному Совету, мы находим, во-первых, что вводная часть, предпосланная первому документу, тождественна с вводной частью, предпосланной второму. Имеются лишь некоторые редакционные различия, которые заключаются в том, что в тайном уставе особая программа Бакунина выражена более отчетливо.

Вот точная таблица:

Женевский устав						Тайный устав
Ст.	1	буквально	совпадает	с	ст.	5
»	2	в общем	»	»	»	1
»	3	буквально	»	»	»	2
»	4 и 5	в общем	совпадают	»	»	3
»	6	в общем	совпадает	»	»	4

Сам тайный устав основывается на женевском уставе. Так, статья 4 тайного устава буквально соответствует статье 3 женевского устава; статьи 8 и 9 женевского в сокращенном виде соответствуют статье 10 тайного устава, так же как женевские статьи 15—20 — статье 3 тайного устава.

Вопреки теперешней практике альянсистов статья 7 женевского устава проповедует «сильную организацию» Интернационала и обязывает всех членов Альянса «поддерживать... решения конгресса и *полномочия Генерального Совета».* Этой статьи в тайном уставе нет, но она там первоначально фигурировала, доказательством чего служит почти буквальное воспроизведение этой статьи в статье 15 регламента мадридской seccion de oficios varios* (документ № 7), который включает также и программу Альянса.

Таким образом, ясно, что мы имеем дело не с двумя различными обществами, а с одним и тем же обществом. В то время как женевский центральный комитет заверил Генераль-

* — секции, объединяющей различные профессии. *Ред.*

ный Совет в том, что Альянс распущен, и на основании этого заявления был принят в качестве секции Интернационала, — заправилы этого центрального комитета во главе с г-ном Бакуниным усилили организацию этого самого Альянса, преобразовав его в тайное общество и сохранив за ним тот международный характер, от которого они обещали отказаться. Доверие Генерального Совета и всего Интернационала, до сведения которого была доведена переписка, было недостойным образом обмануто. Начав с подобной лжи, эти люди не имели больше никаких причин стесняться в своих махинациях, имевших целью подчинить себе Интернационал или же, в случае неудачи, дезорганизовать его.

Приведем теперь главные статьи тайного устава:

«1) Альянс социалистической демократии *состоит из членов Международного Товарищества Рабочих* и имеет целью пропаганду и развитие принципов *своей* программы, а также изучение всех средств, способных продвинуть вперед непосредственное и *немедленное* освобождение рабочего класса.

2) Чтобы добиться наилучших возможных результатов и не компрометировать развитие социальной организации, Альянс должен быть *совершенно тайным.*

4) Никто не может быть принят в члены, если предварительно не признает полностью и искренне принципы программы и т. д.

5) Альянс будет, по возможности, *оказывать изнутри влияние на местную федерацию рабочих с* тем, чтобы она не встала на реакционный или антиреволюционный путь.

9) Большинство членов *может исключить из Альянса* любого из своих членов *без указания причин».*

Таким образом, Альянс является тайным обществом, созданным внутри самого Интернационала, с особой программой, которая отнюдь не является программой Интернационала, обществом, ставящим целью пропаганду этой программы, которую оно рассматривает как единственно революционную. Общество вменяет в обязанность своим членам действовать внутри их местной федерации Интернационала таким образом, чтобы эта последняя не встала на реакционный или антиреволюционный путь, то есть чтобы она ни в чем не отклонилась от программы Альянса. Это означает, что целью Альянса является навязать свою сектантскую программу всему Интернационалу с помощью своей тайной организации. Наиболее эффективное средство для достижения этого — захватить в свои руки местные и федеральные советы, а также Генеральный Совет, добившись выборов в них членов Альянса и используя для этого силу тайной организации. Так именно и поступал Альянс там, где он считал, что имеет шансы на успех; это мы увидим ниже.

Ясно, что никто не мог быть в претензии на альянсистов, если бы они* пропагандировали свою программу. Интернационал состоит из социалистов самых различных оттенков. Его программа достаточно широка, чтобы охватить все эти оттенки; бакунинская секта была принята на таких же условиях, как и остальные. Упрекают ее именно в нарушении этих условий.

Что же касается тайного характера Альянса, то это уже совсем другое дело. Интернационал не может игнорировать того, что во многих странах, в Польше, во Франции, в Ирландии, тайные организации являются законным средством за щиты против правительственного террора. Но он заявил на Лондонской конференции, что желает оставаться совершенно непричастным к этим обществам и, следовательно, не будет признавать их в качестве секций. А главное — здесь мы имеем перед собой тайное общество, созданное для того, чтобы бороться не против правительств, а против самого Интернационала.

Организация подобного тайного общества является явным нарушением не только обязательства, взятого на себя по отношению к Интернационалу, но также нарушением буквы и духа нашего Общего Устава**. Наш Устав знает только одну категорию членов Интернационала с равными правами и обязанностями для всех. Альянс делит их на две касты: на посвященных и непосвященных, аристократов и плебеев, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, само существование которой им неизвестно. Интернационал требует от своих членов, чтобы они признавали основой своего поведения истину, справедливость и нравственность; Альянс вменяет своим сторонникам в качестве первой обязанности ложь, притворство и обман, предписывая им обманывать непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий. Основатели Альянса отлично знали, что огромная масса непосвященных членов Интернационала никогда бы сознательно не подчинилась подобной организации, как только узнала бы о ее существовании. Вот почему они сделали ее «совершенно тайной». Ибо необходимо подчеркнуть, что тайный характер этого Альянса не имеет целью обмануть бдительность правительств, иначе он не начал бы свое существование

* Далее в рукописи зачеркнуто: «открыто». *Ред.*

** Далее в рукописи зачеркнуто: «и Регламента». *Ред.*

как гласное общество; этот тайный характер* был предназначен единственно для того, чтобы обманывать непосвященных членов Интернационала, как это и доказывает тот недостойный обман, который Альянс допустил по отношению к Генеральному Совету. Таким образом, речь идет о настоящем заговоре против Интернационала. Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а само Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу.

Впрочем, было бы смешно утверждать, что какое-нибудь общество сделалось тайным, чтобы защититься от преследований существующих правительств, когда это самое общество всюду проповедует расслабляющую доктрину полного воздержания от политической деятельности и объявляет в своей программе (статья 3, введение к тайному уставу), что оно

«отвергает всякое революционное действие, которое не имеет своей непосредственной и немедленной целью торжество дела рабочих против капитала».

Какова же была деятельность этого тайного общества внутри Интернационала?

Ответ на этот вопрос отчасти уже содержится в закрытом циркуляре Генерального Совета *«Мнимые расколы и т. д.»*. Но поскольку в то время Генеральный Совет еще не знал размеров тайной организации, а с тех пор произошло много важных событий, этот ответ мог быть лишь весьма неполным.

Прежде всего надо констатировать, что в деятельности Альянса легко различить две фазы. Сначала он полагал, что ему удастся завладеть Генеральным Советом и таким образом захватить высшее руководство в нашем Товариществе. Именно тогда Альянс потребовал от своих сторонников, чтобы они поддержали «сильную организацию» Интернационала и в первую очередь

«*полномочия* Генерального Совета, а также федеральных советов и центральных комитетов»;

именно тогда господа из Альянса на Базельском конгрессе требовали для Генерального Совета тех широких полномочий, которые они позже с таким отвращением отвергли как *авторитарные.*

---

* Далее в рукописи зачеркнуто: «факты это доказали». *Ред.*

Базельский конгресс разрушил, по крайней мере на некоторое время, надежды Альянса*. После этого он затеял интриги, о которых говорится в *«Мнимых расколах»;* в Юрской Швейцарии, в Италии и Испании он не переставал подсовывать вместо программы Интернационала свою особую программу. Лондонская конференция своими резолюциями о политике рабочего класса и о сектантских секциях положила конец этому qui pro quo** в Интернационале. Альянс тотчас же снова зашевелился. Юрская федерация, оплот Альянса в Швейцарии, выпустила против Генерального Совета свой сонвильерский циркуляр, в котором сильная организация, полномочия Генерального Совета, базельские резолюции, предложенные и вотированные самими же подписавшими этот циркуляр лицами, были объявлены *авторитарными,* — определение, по-видимому, достаточное для того, чтобы огульно осудить их; циркуляр, в котором говорилось о «войне, открытой войне, вспыхнувшей в наших рядах», требовал придать Интернационалу форму организации, приспособленной не к нуждам текущей борьбы, а к неведомо какому идеалу будущего общества и т. д. С этого момента тактика изменилась. Приказ был дан. Повсюду, где Альянс имел разветвления, в Италии и в особенности в Испании, авторитарные резолюции Базельского конгресса и Лондонской конференции, равно как и авторитарность Генерального Совета, подверглись яростным нападкам. Только и было разговоров, что об автономии секций, свободных федеративных группах, анархии и т. д. Все это весьма понятно. Влияние тайного общества внутри Интернационала должно было естественно расти по мере ослабления открытой организации Интернационала. Важнейшим препятствием на пути Альянса был Генеральный Совет, и именно он подвергся нападкам в первую очередь, но мы сейчас увидим, что и с федеральными советами поступали таким же образом, если представлялся удобный случай.

Юрский циркуляр нигде не произвел впечатления, за исключением тех стран, где Интернационал более или менее находился под влиянием Альянса — в Италии и в Испании. В последней Альянс и Интернационал были основаны одновременно, сразу же после Базельского конгресса. Даже наиболее преданных членов Интернационала в Испании сумели уверить

* Далее в рукописи зачеркнуто: «деятельность которого свелась к местным интригам. Он оставался довольно спокойным до тех пор пока... Лондонская конференция не подчеркнула своими резолюциями о политике рабочего класса и о сектантских секциях первоначальную программу Интернационала в отличие от программы Альянса». *Ред.*

** — недоразумению. *Ред.*

в том, что программа Альянса тождественна с программой Интернационала, что эта тайная организация существует повсюду и что вступить в нее является чуть ли не долгом каждого. Это заблуждение было рассеяно Лондонской конференцией, на которой испанский делегат*, сам член центрального комитета Альянса в своей стране, смог убедиться в противном, а также и самим юрским циркуляром, чьи яростные нападки и клевета на конференцию и на Генеральный Совет немедленно были подхвачены всеми органами Альянса. Первым следствием юрского циркуляра в Испании явилось возникновение разногласий внутри самого испанского Альянса между теми, кто прежде всего был членом Интернационала, и теми, кто не хотел признавать Интернационал, поскольку он не подчинился Альянсу. Борьба, носившая вначале скрытый характер, вскоре разгорелась открыто на собраниях Интернационала. После того как Федеральный совет, избранный конференцией в Валенсии (в сентябре 1871 г.)[179], своими действиями доказал, что он предпочитает Интернационал Альянсу, большинство его членов было исключено из местной Мадридской федерации, в которой господствовал Альянс[180]. Они были восстановлены Сарагосским съездом, и двое из них**, Мора и Лоренцо, были вновь избраны в новый Федеральный совет***, хотя все члены старого совета заранее заявили, что они не желают их принять****.

Сарагосский съезд[181] внушил заправилам Альянса опасения, как бы Испания не ускользнула из их рук. Альянс немедленно начал кампанию против полномочий Испанского федерального совета, повторяя те же нападки, которые юрский циркуляр направлял против якобы авторитарных полномочий Генерального Совета. В Испании вполне демократическая и в то же время очень четкая форма организации была выработана съездом в Барселоне[182] и конференцией в Валенсии. Благодаря деятельности избранного в Валенсии Федерального совета (деятельности, одобренной специальным голосованием съезда) эта организация добилась тех блестящих результатов, о которых говорилось в общем докладе*****. В Сарагосе

* — А. Лоренцо. *Ред.*

** Далее в рукописи зачеркнуто: «его наиболее активных членов». *Ред.*

*** Далее в рукописи зачеркнуто: «заседающий в Валенсии». *Ред.*

**** Далее в рукописи зачеркнуто: «Съезд выбрал местопребыванием Федерального совета Валенсию в надежде, что она будет нейтральной территорией и что эти раздоры больше не возобновятся. Но из пяти членов нового Федерального совета трое были приспешниками Альянса, а в результате кооптации число их выросло по меньшей мере до пяти». *Ред.*

***** См. настоящий том, стр. 123—131. *Ред.*

Мораго, душа Альянса в Испании, заявил, что полномочия, предоставляемые Федеральному совету в испанской организации, являются *авторитарными,* что их необходимо ограничить, что необходимо лишить совет права принимать новые секции или отказывать им в приеме, права решать, соответствуют ли их уставы уставам федерации, одним словом свести его роль к роли простого корреспондентского и статистического бюро. Съезд, отвергнув предложения Мораго, решил сохранить существующую авторитарную форму организации (см. «Выдержки из документов 2-го рабочего съезда» и т. д., стр. 109 и 110, документ № 8[183]. По этому пункту важным будет свидетельство гражданина Лафарга, делегата Сарагосского съезда).

Чтобы отдалить новый Федеральный совет от возникших в Мадриде разногласий, съезд перевел его в Валенсию. Но причина этих разногласий, антагонизм, начавший развиваться между Альянсом и Интернационалом, не был местного характера. Съезд, не зная даже о существовании Альянса, составил новый совет исключительно из членов этого общества; но двое из них, Мора и Лоренцо, сделались его противниками, и Мора отказался войти в совет. Циркуляр Генерального Совета *«Мнимые расколы»,* явившийся ответом на юрский циркуляр, поставил всех членов Интернационала перед необходимостью объявить себя либо сторонниками Интернационала, либо сторонниками Альянса. Полемика между «Emancipacion», с одной стороны, и альянсистскими газетами, барселонской «Federacion» и севильской «Razon», с другой стороны, обострялась все более и более. Наконец, 2 июня члены прежнего Федерального совета — редакторы «Emancipacion» и члены испанского центрального комитета Альянса — решили обратиться ко всем испанским секциям Альянса с циркуляром, в котором они объявили, что распускают себя как секцию тайного общества, и призвали другие секции последовать их примеру. Месть не заставила себя ждать. Они немедленно, и в явное нарушение действующего регламента, были снова изгнаны из местной Мадридской федерации. Тогда они организовались в Новую мадридскую федерацию и просили Федеральный совет признать их.

Но тем временем альянсистский элемент в совете, укрепленный путем кооптации, добился полного господства, и Лоренцо вышел из него. В ответ на просьбу Новой мадридской федерации последовал решительный отказ со стороны Федерального совета, который уже тогда направлял все усилия на то, чтобы обеспечить избрание альянсистских кандидатов на конгресс в Гаагу. В этих целях он разослал местным федера-

циям негласный циркуляр от 7 июля, в котором, повторяя клевету «Federacion» на Генеральный Совет, предлагает федерациям послать на конгресс одну общую делегацию от всей Испании, избранную большинством всех голосов; список избранных будет определен самим советом. (Документы № 9.) Для всех, кто знаком с тайной организацией, существующей внутри Интернационала в Испании, совершенно очевидно, что это означало бы избрание господ из Альянса для того, чтобы отправить их на конгресс на деньги членов Интернационала. Как только Генеральный Совет, которому циркуляр не был послан, узнал об этих фактах[*], он отправил 24 июля Испанскому федеральному совету письмо, которое приложено к документам[**] (№ 10). Федеральный совет[***] ответил 1 августа, что ему нужно время для перевода нашего письма, написанного по-французски, а 3 августа он написал Генеральному Совету уклончивый ответ, опубликованный в «Federacion» (документ № 11). В этом ответе он становится на сторону Альянса. Генеральный Совет, получив письмо от 1 августа, уже опубликовал эту переписку в «Emancipacion».

Добавим, что как только тайная организация была обнаружена, стали утверждать, что Альянс уже был распущен на съезде в Сарагосе. Однако центральный комитет не был предупрежден об этом (документ № 4).

Новая мадридская федерация отрицает этот факт, а она должна была бы о нем знать. Впрочем, вообще смешно утверждать, чтобы испанская секция такого международного общества, как Альянс, могла распустить себя, не посоветовавшись с другими национальными секциями.

Непосредственно после этого Альянс сделал попытку coup d'etat[****]. Видя, что на конгрессе в Гааге ему не удается обеспечить себе искусственное большинство повторением тех же маневров, как в Базеле и Шо-де-Фоне[184], Альянс воспользовался конференцией самозванной итальянской федерации в Римини, чтобы открыто объявить о расколе. Собравшиеся там делегаты приняли единогласное решение (см. документ № 12). И вот конгресс Альянса противопоставляется конгрессу Интернационала. Однако скоро сообразили, что этот план не сулил успеха. От него отказались, решено было

[*] Далее в рукописи зачеркнуто: «это было именно в то время, когда он получил первые неопровержимые доказательства существования тайной организации». *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 116—118. *Ред.*

[***] Далее в рукописи зачеркнуто: «стремясь выиграть сначала время, заявил якобы». *Ред.*

[****] — государственного переворота. *Ред.*

ехать в Гаагу, и те же самые итальянские секции, среди которых из двадцати одной секции *только одна* принадлежала к нашему Товариществу, после того как они отвергли Гаагский конгресс, имеют бесстыдство направить в Гаагу своих делегатов.

Принимая во внимание:

1) Что основанный и руководимый М. Бакуниным Альянс (главным органом которого является центральный комитет Юрской федерации) представляет собой общество, враждебное Интернационалу, так как он стремится либо подчинить своему господству Интернационал, либо дезорганизовать его.

2) Что вследствие этого Интернационал и Альянс являются несовместимыми.

Конгресс постановляет:

1) М. Бакунин и все нынешние члены Альянса социалистической демократии исключаются из Международного Товарищества Рабочих. Они смогут снова вступить в него, лишь публично отказавшись от всякой связи с этим тайным обществом.

2) Юрская федерация как таковая исключается из Интернационала.

Написано Ф. Энгельсом в конце августа 1872 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по тексту черновой рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЗОЛЮЦИИ ОБЩЕГО КОНГРЕССА, СОСТОЯВШЕГОСЯ В ГААГЕ

2—7 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА[185]

I
РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ УСТАВЕ

После статьи 7 в Устав должна быть включена следующая статья, резюмирующая содержание резолюции IX Лондонской конференции (сентябрь 1871 года).

Статья 7а. В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс. только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата.

Принято 29 голосами против 5; воздержавшихся 8.

Голосовали за: Арно, И. Ф. Беккер, Б. Беккер, Курне, Дерёр, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Эккариус, Энгельс, Фаркаш, Фридлендер, Франкель, Гепнер, Хейм, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лонге, Ле Муссю, Моттерсхед, Пиль, Ранвье, Серрайе, Зорге, Сварм, Вайян, Вильмо, Мак-Доннел.

Голосовали против: Брисме, Кёнен, Герхард, Швицгебель, ван дер Хоут.

Воздержались: ван ден Абеле, Дав, Эберхард, Флюз, Гильом, Эрман, Сова, Марселау.

Конгресс принял официальное постановление признать действительными голоса делегатов, которым работа в комиссиях помешала присутствовать на заседании. Следующие делегаты голосовали за: Куно, Люкен, Маркс, Вишар, Вальтер, Врублевский; всего 6. Против не поступило ни одного голоса*.

II
РЕЗОЛЮЦИИ О РЕГЛАМЕНТЕ

1. Полномочия Генерального Совета.

В разделе II статьи 2 и 6 заменены следующими статьями:

Статья 2. — Генеральный Совет обязан приводить в исполнение постановления конгрессов и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов Общего Устава и Регламента Интернационала.

Статья 6. — Генеральный Совет имеет также право временно исключать отделения, секции, федеральные советы или комитеты и федерации Интернационала до очередного конгресса.

Однако по отношению к секциям, входящим в ту или иную федерацию, он должен применять это право, лишь выслушав предварительно мнение соответствующего федерального совета.

В случае роспуска федерального совета Генеральный Совет должен одновременно предложить секциям федерации избрать не позднее чем в 30-дневный срок новый федеральный совет.

В случае временного исключения целой федерации Генеральный Совет должен немедленно поставить в известность об этом все федерации. Если большинство федераций этого потребует, Генеральный Совет должен не позднее чем через месяц созвать чрезвычайную конференцию, на которой должны присутствовать по одному делегату от каждой национальности и которая вынесет окончательное решение по спорным вопросам.

Само собой разумеется, однако, что страны, где Интернационал запрещен, пользуются теми же правами, что и федерации, существующие легально.

Статья 2 — принята 40 голосами, против 4; воздержавшихся 11.

---

* В рукописи Энгельса далее зачеркнуто: «Так как резолюция собрала более двух третей голосов, то согласно статье 12 Общего Устава она отныне становится частью Общего Устава». *Ред.*

Голосовали за: Арно, Барри, И. Ф. Беккер, Б. Беккер, Курне, Куно, Дерёр, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фар-каш, франкель, Фридлендер, Гепнер, Хейм, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннел, Маркс, Мильке, Пиль, Ранвье, Роч, Сова, Шей, Серрайе, Секстон, Зорге, Сварм, Шумахер, Вайян, Вишар, Вальтер, Врублевский.

Голосовали против: Флюз, Герхард, Спленгар, ван дер Хоут.

Воздержались: Алерини, Кёнен, Дав, Эберхард, Гильом, Эрман, Мораго, Марселау, Фарга Пелисер, Швицгебель, ван ден Абеле.

Статья 6 — принята 36 голосами, против — 6; воздержавшихся — 16.

Голосовали за: Арно, Барри, И. Ф. Беккер, Б. Беккер, Курне, Куно, Дерёр, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркаш, Франкель, Фридлендер, Гепнер, Хейм, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Людвиг, Мак-Доннел, Маркс, Мильке, Пиль, Ранвье, Серрайе, Шумахер, Секстон, Зорге, Сварм, Вайян, Вишар, Вальтер, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Кёнен, Флюз, Эрман, Сова, Спленгар.

Воздержались: Алерини, Сириль, Дав, Дюмон, Эберхард, Гильом, Люкен, Марселау, Мораго, Моттерсхед, Фарга Пелисер, Роч, Швицгебель, ван ден Абеле, ван дер Хоут, Вильмо.

2. О членских взносах, подлежащих уплате Генеральному Совету.

В связи с поступившими заявлениями, с одной стороны, об увеличении, с другой — об уменьшении размера взносов, конгресс должен был решить — изменить ли размер существующего взноса в 10 сантимов в год или сохранить его. Конгресс постановил сохранить взнос в 10 сантимов 17 голосами за, 12 против; воздержавшихся 8.

Голосовали против изменения размера взноса: И. Ф. Беккер, Брисме, Кёнен, Сириль, Дюпон, Дюваль, Эберхард, Эккариус, Фаркаш, Флюз, Герхард, Эрман, Гепнер, Серрайе, Зорге, Сварм, Вильмо.

Голосовали за изменение размера взноса: Дюмон, Энгельс, Франкель, Хейм, Жоаннар, Лафарг, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннел, Пиль, Сова.

Воздержались: Алерини, Дав, Дерёр, Гильом, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Швицгебель.

Следующие делегаты, вынужденные уехать из Гааги до обсуждения этого вопроса, подали свой голос в письменном виде за увеличение взносов: Арно, Курне, Ранвье, Вайян.

III

РЕЗОЛЮЦИИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ОБЩЕСТВАМИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Новому Генеральному Совету дано специальное поручение создать международные профессиональные союзы.

С этой целью в течение одного месяца после конгресса ему надлежит составить обращение, которое должно быть переведено и напечатано на всех языках и разослано всем рабочим обществам, примкнувшим или не примкнувшим к Интернационалу, адреса которых ему известны.

В этом обращении Совет должен призвать все рабочие общества образовать международный союз соответствующей профессии.

Каждому рабочему обществу будет предоставлено самому определить условия, на каких оно может войти в международный союз соответствующей профессии.

Генеральному Совету поручается собрать все условия, выдвинутые обществами, которые разделяют идею создания международного союза, и составить общий проект, который будет предложено временно принять обществам, желающим войти в международные профессиональные союзы.

Ближайший конгресс утвердит окончательный устав международных союзов.

Принято единогласно, за исключением нескольких воздержавшихся, число которых не было занесено в протокол.

IV

РЕЗОЛЮЦИИ О ПРИЕМЕ И ИСКЛЮЧЕНИИ СЕКЦИЙ

Комиссия по проверке мандатов была составлена следующим образом: Герхард (50 голосов), Ранвье (44), Роч (41), Маркс (41), Мак-Доннел (39), Дерёр (36), Франкель (22).

1. *Секция № 2* (Нью-Йорк, французская) *Североамериканской федерации.* — Эта секция была исключена американским Федеральным советом. Генеральный Совет также не признал ее в качестве независимой секции. Конгресс не допустил секцию. Против приема голосовало 38, за — 9, воздержавшихся — 11.

2. *Секция № 12* (Нью-Йорк, американская) *Североамериканской* федерации, временно исключенная Генеральным Советом*.

* См. настоящий том, стр. 48. *Ред.*

В ходе обсуждения вопроса о мандате секции № 12 было принято голосами 47 делегатов, против — никого, при 9 воздержавшихся следующее предложение:

«Международное Товарищество Рабочих, основывающееся на принципе уничтожения классов, не может принимать никаких буржуазных секций».

Голосовали за: Арно, И. Ф. Беккер, Барри, Брисме, Курне, Куно, Кёнен, Дав, Дерёр, Дицген, Дюпон, Дюваль, Эберхард, Флюз, Фаркаш, Франкель, Фридлендер, Гильом, Герхард, Хейм, Гепнер, Эрман, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лесснер, Люкен, Маркс, Мильке, Моттерсхед, Пиль, Ранвье, Сова, Шей, Шумахер, Серрайе, Секстон, Зорге, Спленгар, Сварм, Вайян, Вишар, Вильмо, Врублевский, Вальтер, ван ден Абеле.

Воздержались: Алерини, Эккариус, Харкорт, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Роч, Швицгебель, ван дер Хоут.

Секция № 12 исключена 49 голосами, против — никого, воздержавшихся — 9.

Голосовали за исключение: Арно, Барри, И. Ф. Беккер, Брисме, Курне, Кёнен, Куно, Дав, Дерёр, Дицген, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Эберхард, Флюз, Фаркаш, Франкель, Фридлендер, Герхард, Хейм, Гепнер, Эрман, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лесснер, Люкен, Мак-Доннел, Маркс, Мильке, Пиль, Ранвье, Роч, Сова, Шей, Шумахер, Серрайе, Секстон, Зорге, Спленгар, Сварм, Вайян, ван ден Абеле, ван дер Хоут, Вишар, Вильмо, Врублевский, Вальтер.

Воздержались: Алерини, Эккариус, Гильом, Харкорт, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Моттерсхед, Швицгебель.

3. *Марсельская секция.* — Эта секция, совершенно неизвестная Генеральному Совету и находящимся в переписке с ним французским секциям, не допущена. Против приема голосовало 38, за — никого, воздержавшихся — 14.

4. *Женевская секция пропаганды и революционного действия.* — Эта секция, которая являлась не чем иным, как возрождением женевской секции *Альянса* социалистической демократии (открытого), распущенного в августе 1871 г., не была признана ни Романским федеральным советом, ни Генеральным Советом, который вернул ей взносы, посланные ему Юрским федеральным комитетом. Конгресс решил временно исключить ее до окончания обсуждения вопроса о тайном *Альянсе*[*]. Временное исключение вотировано единогласно

[*] В рукописи Энгельса далее зачеркнуто: «Вынужденный закончить свою работу сейчас же после этого обсуждения, конгресс не решил этого вопроса». *Ред.*

при нескольких воздержавшихся, число которых не было зафиксировано.

5. *Новая мадридская федерация.* — Новая мадридская федерация, образованная членами прежнего Испанского федерального совета, исключенными из старой Мадридской федерации с явным нарушением действующего регламента в связи с разоблачением ими заговора тайного Альянса против Международного Товарищества Рабочих, обратилась сначала к Испанскому федеральному совету, который отказал ей в приеме. Тогда она обратилась к Генеральному Совету*. Генеральный Совет признал ее под свою ответственность**, без согласования с Испанским федеральным советом, так как из восьми членов Испанского федерального совета не менее пяти принадлежат к тайному Альянсу.

Конгресс принял эту федерацию 40 голосами за, против — никого, при нескольких воздержавшихся, число которых не было зафиксировано.

V

ПРОВЕРКА ФИНАНСОВОГО ОТЧЕТА ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА

В комиссию, избранную конгрессом для проверки финансового отчета Генерального Совета (за 1871—1872 гг.), вошли граждане: Дюмон от Франции; Алерини от Испании; Фаркаш от Австрии и Венгрии; Брисме от Бельгии; Лафарг от Новой мадридской федерации и от Португалии; Пиль от Дании; И. Ф. Беккер от немецкой Швейцарии; Дюваль от Романской федерации (Швейцария); Швицгебель от Юрской федерации (Швейцария); Дав от Голландии; Дерёр от Америки; Куно от Германии.

Финансовый отчет, представленный этой комиссии, был утвержден и подписан всеми ее членами, за исключением отсутствовавшего Дава.

После оглашения финансового отчета он был утвержден конгрессом единогласно.

---

* В рукописи Энгельса далее зачерпнуто: «который признал ее, не запросив предварительно Испанский федеральный совет, как это предписывает Организационный регламент. В данном случае Генеральный Совет действовал под свою ответственность, вопреки Регламенту, потому что Испанский федеральный совет насчитывал из 8 своих членов по меньшей мере 5 членов тайного Альянса. Именно за разоблачение этого заговора против Международного Товарищества Рабочих они и хотели исключить Новую мадридскую федерацию». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 119. *Ред.*

VI
ПОЛНОМОЧИЯ, ДАННЫЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ И ФЕДЕРАЛЬНЫМИ СОВЕТАМИ

Конгресс решил «аннулировать все полномочия, данные как Генеральным Советом, так и федеральными советами членам Интернационала в тех странах, где Интернационал запрещен, и предоставить новому Генеральному Совету исключительное право назначать в этих странах уполномоченных Международного Товарищества Рабочих».

Принято единогласно при нескольких воздержавшихся, число которых не зафиксировано.

VII
РЕЗОЛЮЦИИ ОБ АЛЬЯНСЕ

Комиссия, которой было поручено расследование деятельности Альянса социалистической демократии (тайного), состояла из граждан: Куно (33 голоса), Люкена (24), Спленгара (31), Вишара (30), Вальтера (29).

В своем докладе конгрессу большинство этой комиссии заявило, что «тайный Альянс был создан на основе устава, совершенно противоположного Уставу Интернационала», и предложило:

исключить из Интернационала Михаила Бакунина как основателя Альянса, а также за личный проступок;

исключить Гильома и Швицгебеля как членов Альянса;

исключить Б. Малона, Буске* (секретаря полицейского управления в Безье, во Франции) и Луи Маршана, уличенных в действиях, имеющих целью дезорганизацию Международного Товарищества Рабочих;

считать непричастными к делу Алерини, Марселау, Мораго, Фарга Пелисера и Жуковского, в связи с их официальными заявлениями о том, что они больше не принадлежат к Альянсу.

Уполномочить комиссию опубликовать документы, на которых она основывала свои заключения.

Конгресс постановил:

1. Исключить Михаила Бакунина. Голосовали за — 27; против — 6; воздержавшихся — 7.

Голосовали за: И. Ф. Беккер, Куно, Дерёр, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркаш, Франкель, Хейм, Гепнер, Жоаннар,

* Комиссии не знала, что г-н Буске уже был исключен по требованию своей секции официальным постановлением Генерального Совета.

Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннел, Маркс, Пиль, Серрайе, Зорге, Сварм, Вишар, Вильмо, Вальтер, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Дав, Флюз, Эрман, Кёнен, ван ден Абеле.

Воздержались: Алерини, Гильом, Марселау, Мораго, Сова, Спленгар, Швицгебель.

2. Исключить Гильома — 25 за; 9 — против; 8 — воздержавшихся.

Голосовали за: И. Ф. Беккер, Куно, Дюмон, Дюпон, Дюваль, Энгельс, Фаркаш, Франкель, Хейм, Гепнер, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Маркс, Пиль, Серрайе, Зорге, Сварм, Вишар, Вальтер, Вильмо, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Сириль, Дав, Флюз, Эрман, Кёнен, Сова, Спленгар, ван ден Абеле.

Воздержались: Алерини, Дерёр, Фридлендер, Мак-Доннел, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Швицгебель.

3. Не исключать Швицгебеля. За исключение — 15; против — 16; воздержавшихся — 7.

Голосовали за исключение: И. Ф. Беккер, Куно, Дюмон, Энгельс, Фаркаш, Хейм, Гепнер, Кугельман, Ле Муссю, Маркс, Пиль, Спленгар, Вальтер, Вишар, Врублевский.

Голосовали против: Брисме, Кёнен, Сириль, Дав, Дерёр, Дюпон, Флюз, Франкель, Эрман, Жоаннар, Лонге, Сова, Серрайе, Сварм, Вильмо, ван ден Абеле.

Воздержались: Дюваль, Лафарг, Люкен, Мак-Доннел, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер.

4. Не ставить на голосование других предложений комиссии об исключениях. Принято единогласно при нескольких воздержавшихся.

5. Опубликовать документы, относящиеся к Альянсу. Принято единогласно при нескольких воздержавшихся.

Необходимо отметить, что это голосование об Альянсе имело место после вынужденного отъезда большого числа французских* и немецких делегатов.

VIII
МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ И СОСТАВ БУДУЩЕГО ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА

1. Голосование по вопросу об изменении местопребывания Генерального Совета. За изменение — 26; против — 23; воздержавшихся — 9.

---

* В рукописи Энгельса далее следует: «английских». *Ред.*

Голосовали за: Барри, И. Ф. Беккер, Брисме, Куно, Дав, Дюмон, Дюпон, Энгельс, Харкорт, Жоаннар, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Мак-Доннел, Маркс, Роч, Сова, Серрайе, Секстон, Зорге, Сварм, Вишар, ван ден Абеле, Врублевский.

Голосовали против: Арно, Б. Беккер, Курне, Дерёр, Дюваль, Фаркаш, Франкель, Фридлендер, Герхард, Хейм, Гепнер, Эрман, Люкен, Людвиг, Мильке, Пиль, Ранвье, Шумахер, Спленгар, Вайян, Вильмо, Вальтер, ван дер Хоут.

Воздержались: Сириль, Эберхард, Флюз, Гильом, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Швицгебель, Алерини.

2. Местопребывание Генерального Совета перенесено в Нью-Йорк 30 голосами, против — 14, поданных за Лондон, и 12 воздержавшихся.

Голосовали за Нью-Йорк: И. Ф. Беккер, Б. Беккер, Брисме, Куно, Кёнен, Дав, Дюмон, Дюпон, Энгельс, Фаркаш, Флюз, Фридлендер, Эрман, Кугельман, Лафарг, Лесснер, Ле Муссю, Лонге, Люкен, Мак-Доннел, Маркс, Пиль, Роч, Серрайе, Секстон, Спленгар, Сварм, Вишар, ван ден Абеле, Врублевский.

Голосовали за Лондон: Арно, Курне, Дерёр, Дюваль, Франкель, Хейм, Гепнер, Людвиг, Мильке, Ранвье, Шумахер, Вайян, Вильмо, Вальтер.

Воздержались: Сириль, Эберхард, Герхард, Гильом, Жоаннар, Алерини, Марселау, Мораго, Фарга Пелисер, Зорге, Швицгебель, ван дер Хоут.

3. Конгресс постановил избрать двенадцать членов Генерального Совета, с местопребыванием в Нью-Йорке, предоставив ему право кооптации еще трех членов.

Были избраны:

Бертран, немец	— 29	голосов	Карл, немец	— 28	голосов
Больте, »	— 29	»	Давид, француз	— 26	»
Лорель, швед	— 29	»	Дерёр »	— 26	»
Каванах, ирландец	— 29	»	Форначчиери, итальянец	— 25	»
Сен-Клер, »	— 29	»	Шпейер, немец	— 23	голоса
Левьель, француз	— 28	»	Уорд, американец	— 22	»

IX
МЕСТО СОЗЫВА СЛЕДУЮЩЕГО КОНГРЕССА

В связи с поступившим предложением о том, чтобы следующий конгресс был созван в Швейцарии и чтобы новый Генеральный Совет точно определил место, произошло следующее голосование: за Швейцарию — 15, за Лондон — 5, за Чикаго — 1 и за Испанию — 1.

X

КОМИССИЯ ДЛЯ РЕДАКТИРОВАНИЯ ПРОТОКОЛОВ

Избраны единогласно: Дюпон, Энгельс, Франкель, Ле Муссю, Маркс, Серрайе.

Лондон, 21 октября 1872 г.

Комиссия:

Э. Дюпон, Ф. Энгельс, Лео Франкель, Ле Муссю, Карл Маркс, Огюст Серрайе.

Составлено К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в виде брошюры «Resolutions du congres general tenu a la Haye du 2 au 7 septembre 1872», Londres, 1872, а также в газетах «La Emancipacion» № 72, 2 ноября 1872 г. и «The International Herald» № 37, 14 декабря 1872 г.

Печатается по тексту брошюры, сверенному с рукописью Энгельса

Перевод с французского

К. МАРКС

О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ

КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА МИТИНГЕ В АМСТЕРДАМЕ 8 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА [186]

В XVIII веке, — говорит оратор, — короли и сильные мира сего имели обыкновение собираться в Гааге для обсуждения интересов своих династий.

Именно там, вопреки всем запугиваниям, мы решили созвать конгресс рабочих. В среде самого реакционного населения мы хотели подтвердить жизнеспособность, распространение и надежды на будущее нашего великого Товарищества.

Когда наше решение стало известным, то заговорили об эмиссарах, которых мы якобы послали для подготовки почвы. Да, мы не отрицаем, что у нас повсюду имеются эмиссары, но в большинстве случаев они нам неизвестны. Нашими эмиссарами в Гааге были рабочие, труд которых так тяжел; и в Амстердаме это тоже были рабочие, те самые, которые работают по 16 часов в день. Вот наши эмиссары, других у нас нет; и во всех странах, где бы мы ни появились, они всегда готовы дружески нас встретить, так как они очень быстро понимают, что улучшение их положения является нашей целью.

Гаагский конгресс успешно выполнил три важных дела:

Он провозгласил необходимость для рабочего класса вести в области политической такую же борьбу со старым, разрушающимся обществом, как и в области социальной; и мы можем поздравить себя с тем, что эта резолюция Лондонской конференции теперь включена в наш Устав*.

Некая группа, сформировавшаяся в нашей среде, провозгласила воздержание рабочих от политической деятельности.

* См. настоящий том, стр. 143. *Ред.*

Мы сочли своим долгом заявить, насколько опасными и пагубными являются эти принципы для нашего дела. Рабочий должен со временем захватить в свои руки политическую власть, чтобы установить новую организацию труда; он должен будет ниспровергнуть старую политику, поддерживающую устаревшие институты, если не хочет, подобно первым христианам, пренебрегавшим и отвергавшим политику, лишиться навсегда своего царства на земле.

Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами.

Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда*.

Гаагский конгресс установил новые и еще более широкие полномочия для Генерального Совета. В самом деле, в тот момент, когда в Берлине собираются коронованные особы, и на этом собрании могущественных представителей феодализма и прошлой эпохи должны быть приняты против нас новые и более суровые репрессивные меры; в тот момент, когда организуются преследования, Гаагский конгресс счел благоразумным и необходимым усилить полномочия своего Генерального Совета и централизовать для предстоящей борьбы деятельность, которую разобщенность сделала бы бесплодной. Да и кому, кроме наших врагов, могут внушить тревогу полномочия Генерального Совета? Разве у него есть бюрократический аппарат или вооруженная полиция, для того чтобы заставить повиноваться себе? Разве его авторитет не является чисто моральным? И разве он не сообщает федерациям свои постановления, выполнение которых на них же и возложено? Поставленные в такие условия, без армии, без полиции, без чиновничества, коронованные особы, если бы они должны были строить свою власть исключительно на моральном влиянии и моральном авторитете, оказались бы слабым препятствием на пути революции.

* В газете «Volksstaat» вместо этой фразы напечатано; «Однако не во всех странах дело обстоит именно так». *Ред.*

И, наконец, Гаагский конгресс перенес местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк. Многие, даже из числа наших друзей, были, по-видимому, удивлены таким решением. Они, очевидно, забывают, что Америка становится по преимуществу миром рабочих, что ежегодно на этот второй континент переселяется полмиллиона рабочих и что на этой почве, на которой рабочий преобладает, необходимо, чтобы Интернационал пустил глубокие корни. Кроме того, постановление конгресса дает Генеральному Совету право кооптировать в свой состав тех членов, которых он признает нужными и полезными для общего дела. Положимся же на его благоразумие и будем надеяться, что он сумеет избрать людей, стоящих на высоте своих задач, которые смогут высоко держать в Европе знамя нашего Товарищества.

Граждане, вспомним об основном принципе Интернационала: о солидарности. Мы добьемся великой цели, к которой стремимся, если мы прочно укрепим среди всех рабочих во всех странах этот животворный принцип. Революция должна быть солидарной, и этому учит нас великий опыт Парижской Коммуны, которая пала потому, что* во всех главных центрах, в Берлине, Мадриде и других, одновременно не вспыхнуло великое революционное движение, соответствующее высокому уровню борьбы парижского пролетариата.

Что касается меня, то я буду продолжать свое дело и неустанно работать над созданием этой, столь плодотворной для будущего, солидарности всех рабочих. Нет, я не ухожу из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире.

Напечатано в газетах «La Liberte» № 37, 15 сентября 1872 г., «Der Volksstaat» № 79, 2 октября 1872 г.

Печатается по тексту газеты «La Liberte», сверенному с текстом газеты «Der Volksstaat»

Перевод с французского

* В газете «Volksstaat» далее следует: «не было проявлено солидарности рабочими других стран». *Ред.*

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «CORSAIRE»[187]

Милостивый государь!

В газете «Figaro» от 11 сентября воспроизведен разговор, который якобы состоялся у меня с корреспондентом газеты «Soir»[188]. Печатные органы типа «Figaro» могут себе позволить любую клевету и никто не возьмет на себя труд ее опровергнуть; но если продажное воображение какого-то корреспондента доходит до того, что он вкладывает мне в уста тяжкие обвинения против моих друзей из прежнего Генерального Совета, то я не могу не заявить, что когда он осмеливается утверждать, будто обменялся со мной хотя бы одним словом, в его словах нет ни капли правды.

Пользуюсь случаем, чтобы заявить нашим друзьям и врагам, что я никогда не помышлял об уходе из Интернационала и что перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк было предложено мной и некоторыми другими членами прежнего Генерального Совета.

Ложью является сообщение о том, что Бакунин и его приспешник Гильом были исключены как вожди так называемой федералистской партии. Исключение Бакунина и Гильома было мотивировано созданием внутри нашего Товарищества тайного общества — *Альянса социалистической демократии,* — которое претендовало руководить Интернационалом в целях, прямо противоположных его принципам.

Резолюция Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса была одобрена огромным большинством

конгресса, которое проголосовало за ее включение в Общий Устав.

Рабочие Гааги и Амстердама отнеслись к конгрессу весьма сочувственно.

Вот чего стоят сообщения реакционной печати.

Имею честь кланяться

Карл Маркс

Гаага, 12 сентября 1872 г.

Напечатано в газетах «Le Corsaire», 15 сентября 1872 г. и «La Emancipation» № 66, 21 сентября 1872 г.

Печатается по тексту газеты «Le Corsaire»

Перевод с французского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS»

Милостивый государь!

Возвратившись из Гааги, я узнал, что Ваша газета приписывает мне намерение переехать в Нью-Йорк вслед за Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих. Разрешите мне в ответ на это заявить, что я намерен и всегда намеревался оставаться в Лондоне. Много месяцев тому назад я сообщил своим лондонским друзьям и своим корреспондентам на континенте о своем твердом решении не оставаться больше членом Генерального Совета или вообще какого-либо руководящего органа, так как моя научная работа больше не позволяет мне этого. Что же касается появившихся в печати искаженных отчетов о заседаниях Гаагского конгресса, то предстоящее опубликование официальных протоколов конгресса внесет ясность в это дело[189].

Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Модена-виллас, Мейтленд-парк
17 сентября

Напечатано в газете «The Daily News», 18 сентября 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОНГРЕСС В ГААГЕ

(ПИСЬМО К БИНЬЯМИ)

Лондон, 1 октября 1872 г.

Дорогой Биньями!

Со 2 по 7 сентября в Гааге заседали 64 делегата Международного Товарищества Рабочих. Из этих делегатов 16 представляли Францию, 10 — Германию, 7 — Бельгию, 5 — Англию, 5 — Америку, 4 — Голландию, 4 — Испанию, 3 — Романскую федерацию (Швейцария), 2 — Юрскую федерацию (Швейцария), 1 — Ирландию, 1 — Австрию, 1 — Венгрию, 1 — Польшу, 1 — Португалию, 1 — Австралию и 2 — Данию. По национальному составу было 20 французов, 16 немцев, 8 бельгийцев, 6 англичан, 1 поляк, 1 ирландец, 1 корсиканец и 1 датчанин[190].

Проверка мандатов заняла более двух дней. В этой форме были подвергнуты рассмотрению все внутренние вопросы, которыми Интернационал занимался со времени последнего конгресса, и почти в каждом случае речь шла о деятельности Генерального Совета.

Из трех мандатов гражданина Лафарга, представителя Португалии и двух испанских местных федераций, мандат одной из них, Новой мадридской федерации, оспаривался другими испанскими делегатами. Новая мадридская федерация, — образованная членами Интернационала, исключенными произвольно и в нарушение Устава из старой федерации, — не была признана Испанским федеральным советом; тогда она обратилась к лондонскому Генеральному Совету, который признал ее[*].

[*] См. настоящий том, стр. 119. *Ред.*

Конгресс единогласно утвердил это решение.

Шесть делегатов, которых Генеральный Совет послал, опираясь на прецедент предыдущих конгрессов, и которые, впрочем, за исключением одного, были снабжены также и другими мандатами, были допущены на конгресс. Мандат делегата женевской секции пропаганды и революционного социалистического действия, секции, не признанной Генеральным Советом, был объявлен недействительным для участия в заседаниях данного конгресса, а сама секция не была признана*. Четверо делегатов Испанской федерации были допущены только после уплаты Генеральному Совету взносов за 1871—1872 годы. Наконец, делегат нью-йоркской секции № 12, временно исключенной Генеральным Советом, не был допущен к участию в конгрессе, несмотря на свою речь, продолжавшуюся более часа. Все эти решения, утвержденные большинством в три четверти голосов, явились одновременно выражением доверия Генеральному Совету, чьи «авторитарные» (как кое-кому угодно их называть) действия были полностью одобрены огромным большинством конгресса.

После этих дискуссий, разрешивших многие возникшие внутри Интернационала разногласия, и, следовательно, оказавшихся отнюдь не бесполезными, сразу же перешли к вопросу о самом Генеральном Совете. Следует ли его упразднить? А если следует его сохранить, то оставить ли за ним его полномочия, или же низвести его до уровня простого корреспондентского и статистического бюро, так сказать, *boite aux lettres*** ?* Ответ конгресса не оставил на этот счет никаких сомнений. Статья 2 раздела II Организационного регламента сформулирована следующим образом:

«Генеральный Совет обязан приводить в исполнение постановления конгрессов».

Гаагский конгресс добавил к этому:

«и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов Общего Устава и Регламента Интернационала»*** (40 делегатов голосовали за такое добавление, 5 против него и 11 воздержались).

Статья 6 того же раздела, предоставлявшая Генеральному Совету право временно исключать ту или иную секцию, была сформулирована следующим образом:

«Статья 6. — Генеральный Совет имеет также право временно исключать отделения, секции, федеральные советы или комитеты и федерации Интернационала до очередного конгресса.

* См. настоящий том, стр. 147—148. *Ред.*
** — почтового ящика. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 144. *Ред.*

Однако по отношению к секциям, входящим в ту или иную федерацию, он должен применять это право, лишь выслушав предварительно мнение соответствующего федерального совета...

В случае временного исключения целой федерации Генеральный Совет должен немедленно поставить в известность об этом все федерации. Если большинство федераций этого потребует, Генеральный Совет должен не позднее чем через месяц созвать чрезвычайную конференцию, на которой должны присутствовать по одному делегату от каждой национальности и которая вынесет окончательное решение по спорным вопросам.

Само собой разумеется, однако, что страны, где Интернационал запрещен, пользуются теми же правами, что и федерации, существующие легально»*.

Ясно, что эта новая статья Регламента, определяющая с большей ясностью полномочия Генерального Совета, сопровождает их гарантиями, необходимыми для того, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям.

Конгресс выразил пожелание, чтобы Генеральный Совет обладал властью, но властью ответственной. Эта статья была принята большинством 36 голосов против 11, при 9 воздержавшихся.

Затем следовал вопрос о новом Генеральном Совете. Если бы Генеральный Совет, полномочия которого истекали, пожелал быть снова избранным целиком или частично, ему была бы обеспечена почти единодушная поддержка, так как в этом вопросе бельгийцы и голландцы отошли от меньшинства и голосовали за Лондон. Доказательством того, что Маркс, Энгельс, Серрайе, Врублевский, Дюпон и остальные члены прежнего Совета вовсе не для себя лично требовали более широких и более определенных полномочий Генерального Совета, является их предложение перевести Генеральный Совет в Нью-Йорк как в единственное, кроме Лондона, место, где были бы обеспечены два основных условия: безопасность архивов и международный характер состава Совета. Из всех предложений, сделанных. прежним Советом, это было единственным, встретившим некоторые затруднения, так как все, за исключением представителей Юрской федерации и испанцев, были единодушны в желании оставить руководство Интернационала в тех руках, в которых оно находилось до сих пор. Только после официального заявления наиболее активных и известных членов прежнего Сонета о том, что они отказываются от нового мандата, перевод

* См. настоящий том, стр. 144. *Ред.*

в Нью-Йорк был принят абсолютным большинством голосов. Конгресс перешел к избранию нового Совета, в состав которого вошли 2 ирландца, 1 швед, 1 итальянец, 3 француза, 1 американец и 4 немца, с правом включения в Совет еще трех членов.

Известно, что резолюция IX Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.) о политическом действии рабочего класса подверглась ожесточенным нападкам со стороны представителей Юрской федерации, некоторых испанцев и большинства итальянцев как якобы противоречащая принципам Интернационала. Тем не менее это решение включено сейчас в Общий Устав Интернационала в качестве статьи 7а, которая сформулирована следующим образом:

«*Статья 7а.* В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата».

Эта резолюция была принята большинством в 28 голосов против 13 (считая и воздержавшихся), и, поскольку большинство превышает две трети, резолюция эта вошла в Общий Устав. К этому большинству надо добавить еще голоса 6 германских и 4 французских делегатов, которые были вынуждены покинуть Гаагу и подали свои голоса за резолюцию в письменной форме; таким образом, воздержание от политики было осуждено большинством в три четверти голосов против одной четверти. Оставался еще один важный вопрос. Генеральный Совет разоблачил перед конгрессом существование внутри Интернационала тайного общества, направленного не против существующих правительств, а против нашего же Товарищества. Члены этого тайного общества, возглавляемого его основателем Михаилом Бакуниным, разбиты на три категории по степени их посвя-

щенности. Своей целью оно ставило захватить центральное руководство Интернационалом, а если это окажется невозможным, то дезорганизовать его, чтобы таким путем лучше обеспечить свое влияние. С этой целью распространялись лозунги об *автономии* секций, о *сопротивлении,* «авторитарным» тенденциям Генерального Совета. Конгресс создал комиссию по расследованию вопроса об этом обществе, и отчет ее был оглашен на заключительном заседании. Отчет содержал доказательство существования этого тайного общества и его враждебного характера. Заканчивался отчет предложением об исключении из Интернационала Бакунина, Гильома, Швицгебеля, Малона и еще двух других.

Выводы из этого отчета, в части, касающейся Альянса, были приняты конгрессом; что же касается отдельных лиц, то были исключены Бакунин и Гильом; Швицгебеля спасло несколько голосов; остальные были амнистированы.

Таковы решения Гаагского конгресса, они носят достаточно определенный характер и в то же время крайне умеренны. Генеральный Совет, поддержанный большинством в три четверти голосов конгресса против одной четверти, приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить новому Совету ясное и вполне определенное положение, со всей ясностью провозгласить политическую программу Интернационала, взятую под сомнение сектантским меньшинством, и уничтожить то тайное общество, которое вместо того, чтобы бороться против существующих правительств, устраивает заговор против самого Интернационала. Затем Генеральный Совет отказался от переизбрания, и ему пришлось употребить величайшие усилия, чтобы добиться принятия своей отставки.

Большинство конгресса состояло в основном из французских, германских, венгерских, датских, польских, португальских, ирландских, австралийских и американских делегатов, а также делегатов Романской Швейцарии; меньшинство составляли бельгийцы, голландцы, испанцы, делегаты Юрской федерации и один американец. Англичане раскололись и голосовали по-разному. Ни разу меньшинство (считая и воздержавшихся) не превышало 20 голосов на 64 делегата, обычно же колебалось в пределах от 12 до 16.

Присутствовал один итальянский делегат*, председатель созданной в Римини федерации, но он не предъявил своего мандата; все равно конгресс безусловно не принял бы его. Он присутствовал на заседаниях в качестве гостя.

* — К. Кафьеро. *Ред.*

По возвращении из Гааги я нашел в «Favilla»[191], выходящей в Мантуе, статью за подписью Атеист*, в которой оспаривается справедливость утверждения, что из 21 секции, делегаты которых подписали резолюцию в Римини, только одна (неаполитанская) принадлежит к *Интернационалу.*

«Утверждая, далее, что только неаполитанская секция является правомочной, Генеральный Совет говорит неправду. Миланский рабочий кружок, общество в Джирдженти, общество в Равенне, Риме, туринская секция, явившаяся инициатором, давно уже уплатили 10 чентезими, предписанные Общим Уставом».

Чтобы убедиться в том, кто говорит неправду, Генеральный Совет или г-н Атеист, достаточно лишь сказать, что ни миланская, ни туринская секции, ни секция в Джирдженти не фигурируют в числе подписавших резолюцию в Римини и что римская секция обратилась к Генеральному Совету только после этой конференции (и я думаю, что вообще это не та секция, которая была представлена в Римини).

Итальянские члены Интернационала могут быть уверены, что, поскольку будет существовать *Интернационал, конгресс, Генеральный Совет, Общий Устав и Регламент,* ни одна секция не будет принята ни конгрессом, ни Советом, пока она не признает одинаковых для всех условий, установленных в Общем Уставе и Регламенте.

Фридрих Энгельс

Написано 1 октября 1872 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 106, 5 октября 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

* — К. Терцаги. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИМПЕРАТИВНЫЕ МАНДАТЫ НА ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ [192]

Из-за измен, совершенных в последнее время многими депутатами парламента по отношению к своим избирателям, снова вошли в моду старинные императивные мандаты средневековья, упраздненные революцией 1789 года. Мы не станем вдаваться здесь в принципиальное обсуждение такого рода мандатов. Отметим только, что если бы все избиратели давали своим делегатам императивные мандаты по всем пунктам, стоящим в порядке дня, то собрание делегатов и их прения стали бы излишними. Достаточно было бы посылать мандаты в какое-нибудь центральное счетное учреждение, которое производило бы подсчет голосов и объявляло результаты голосования. Это обошлось бы гораздо дешевле.

Нам важно лишь показать то совершенно необычайное положение, в которое императивные мандаты поставили своих обладателей на Гаагском конгрессе, положение, которое может послужить прекрасным уроком для восторженных поклонников таких мандатов.

Делегаты Испанской федерации, избранные, как всем нам известно, под давлением Федерального совета*, получили императивный мандат, предписывавший им требовать,

«чтобы подсчет голосов производился по количеству членов организаций, представляемых делегатами с императивными мандатами, а голоса членов, представленных делегатами, не получившими императивных мандатов, считались только после того, как секции или федерации, представителями которых они являются, обсудят и примут решение по

* См. настоящий том, стр. 113. *Ред.*

вопросам, обсуждающимся на конгрессе... Если же конгресс будет упорно придерживаться традиционной системы голосования, то наши делегаты примут участие в прениях, но воздержатся от голосования»*.

Следовательно, этот мандат требует, чтобы конгресс, прежде чем приступить к обсуждению какого-либо вопроса, вынес следующие три решения:

1. Изменить статьи Регламента, касающиеся метода голосования.

2. Постановить, что делегаты, не обладающие императивными мандатами, не имеют права голосовать.

3. Заявить, что эти изменения войдут в силу немедленно, на данном конгрессе.

Делегатам Испанский федерации было тотчас же заявлено, что даже если бы конгресс принял их первое и второе требования, то третье безусловно явилось бы неприемлемым. Гаагский конгресс был созван на основе определенных организационных уставных положений Товарищества. Он, конечно, имел право их изменить; но если бы он изменил их, он тем самым лишил бы себя права на существование и сам поставил бы себя перед абсолютной необходимостью немедленно же самораспуститься, назначив созыв нового конгресса, делегаты которого были бы выбраны на основе новых организационных уставных положений. Применить же эти новые принципы к данному конгрессу значило бы придать им обратную силу и нарушить всякий принцип справедливости. Следовательно, принял бы конгресс или не принял первое и второе предложения, он ни в коем случае не мог бы принять третьего. И если испанские делегаты получили и приняли крайне противоречивый мандат, который лишил их возможности принимать участие в голосовании на всех заседаниях конгресса, то кто же в этом виноват?

Вопрос был так ясен, что ни меньшинство, ни даже делегаты Испании не могли ни единым словом его оспаривать. В результате они остались на конгрессе, не принимая участия в голосовании. Это, в конце концов, так возмутило голландцев, что один из них спросил:

«Почему же вы не остались дома, если ваш мандат запрещает вам голосовать и отнимает у меньшинства 4 голоса при каждом голосовании?»

* Юрский «Bulletin»[193], являющийся, как известно, органом лидеров Альянса, в своем последнем номере опубликовал краткий отчет о заседаниях Гаагского конгресса, о достоверности которого можно судить по следующим словам, приводимым нами дословно: «Испанцы, поддержанные бельгийцами и горцами, требовали, чтобы голосование проводилось не в индивидуальном порядке, а *по федерациям.* Разве это требование фигурировало в мандате Испанской федерации?

Но в качестве истинно альянсистского мандата и альянсистского метода его использования бесподобным образцом является мандат *Юрской* федерации.

Вот мандат ее делегатов:

«Делегаты Юрской федерации получают императивный мандат отстаивать на Гаагском конгрессе следующие принципы как основу организации Интернационала:

Полноправной секцией Интернационала является любая группа трудящихся, признающая программу Интернационала так, как она сформулирована во введении к Общему Уставу, принятому на Женевском конгрессе, и обязующаяся соблюдать экономическую солидарность в отношении всех рабочих и групп рабочих в борьбе против монополии капитала»[194].

Итак, здесь Общий Устав и Регламент уже упразднены. Если же оставлена в силе мотивировочная часть, то лишь потому, что, поскольку из нее не делается никаких выводов, она лишается всякого смысла.

«Поскольку основой организации Интернационала», — читаем мы далее, — «является федеративный принцип, то секции свободно объединяются между собой, равно как и федерации свободно объединяются между собой, пользуясь полной автономней и создавая соответственно своим потребностям все органы связи, статистические бюро и т. д., которые они сочтут нужными.

Исходя из вышеизложенных принципов Юрская федерация высказывается за упразднение Генерального Совета и за упразднение всякого авторитета в Интернационале».

Таким образом, подлежат упразднению Генеральный Совет, федеральные советы, местные советы и различные уставы и регламенты, обладающие «авторитетом». Каждый будет действовать как ему заблагорассудится, «в полной автономии».

«Делегаты Юры должны действовать в полной солидарности с испанскими, итальянскими, французскими и всеми теми делегатами, которые открыто протестуют против авторитарного принципа. В силу этого отказ допустить кого-либо из делегатов этих федераций должен будет повлечь за собой *немедленный уход* делегатов Юры. Равным образом, если конгресс не признает приведенные выше основы организации Интернационала, делегаты должны будут *покинуть* конгресс совместно с делегатами антиавторитарных федераций».

Посмотрим теперь, как использовали делегаты Юры этот императивный мандат. Прежде всего на конгрессе не было антиавторитарных французских делегатов, за исключением одного сумасшедшего, который действительно несколько раз с шумом «уходил», но каждый раз снова возвращался, не будучи в состоянии увлечь за собою ни одного другого антиавторитарного делегата. Мандат Сова из нью-йоркской секции № 2 (антиавторитарной) был аннулирован[*], а *юрцы* все же остались

[*] См. настоящий том, стр. 146—147. *Ред.*

на конгрессе. Мандат женевской секции *пропаганды и революционного социалистического действия,* секции, принадлежащей непосредственно к Юрской федерации, был объявлен недействительным до окончания конгресса*, а юрцы вели себя так, как будто ничего не случилось. Мандат нью-йоркской секции № 12, которую они сами поощряли к борьбе с Генеральным Советом, был аннулирован**, и юрцы оставались невозмутимыми. Что касается мандата присутствовавшего итальянского делегата***, то они не посмели даже его предъявить.

А были ли приняты конгрессом основы организации или, вернее, дезорганизации, предложенные юрскими делегатами? Нет. Как раз наоборот: конгресс решил укрепить организацию, то есть по их терминологии — авторитет. Ушли ли они после этого? Ничуть не бывало: они только заявили, что впредь будут воздерживаться от голосования.

Вот, стало быть, настоящий метод использования императивного мандата. Делегат подчиняется ему, если считает для себя удобным, а если нет, то ссылается на непредвиденные обстоятельства и, в конечном счете, делает то, что ему выгодно. В конце концов, разве не является долгом для антиавторитаристов пренебрегать *авторитетом* императивных мандатов, как и всяким другим? Сугубо альянсистский дух, столь наглядно продемонстрированный императивным мандатом юрцев, нашел свое дополнение в подлинно анархистской манере делегатов игнорировать свой мандат. Не вытекает ли из этого, что эти делегаты принадлежат в Альянсе к более высокой степени посвящения, чем их испанские коллеги?

Юрский мандат дает повод еще и к другим размышлениям. Этот мандат вскрывает в целом положение, сложившееся в Альянсе, где в противовес всем фразам *об анархии, автономии, свободной федерации* и т. п. в действительности существуют только *авторитет* и *повиновение.* За несколько недель до того, как Швицгебель и Гильом сами сочинили себе мандат, упразднявший Общий Устав, за исключением мотивировочной части, их друзья, нечлены Интернационала, делегаты конференции в Римини, составили устав самозванной итальянской федерации, состоящий из мотивировочной части Общего Устава Товарищества и из регламента федерации. Таким образом, организация, созданная на конференции в Римини, *отбросила* Общий Устав. Из этого видно, что господа из Альянса в своих действиях неизменно повинуются секретным и едино-

* См. настоящий том, стр. 147—148. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 146—147. *Ред.*
*** — К. Кафьеро. *Ред.*

образным приказам. Этим же секретным приказам несомненно подчинялась барселонская «Federacion»[195], которая неожиданно стала ратовать за дезорганизацию Интернационала. Дело в том, что крепкая организация нашего Товарищества в Испании начала представлять угрозу для тайных руководителей Альянса. Эта организация придает слишком большую силу рабочему классу и тем самым создает затруднения для тайного верховенства господ альянсистов, отлично умеющих ловить рыбку в мутной воде.

Развалите организацию, и у вас будет сколько угодно мутной воды. Ликвидируйте прежде всего профессиональные союзы, объявите войну забастовкам, сведите рабочую солидарность к пустой фразе, и вы получите полную свободу для своих звонких, но пустых и доктринерских фраз. Правда, это возможно лишь в том случае, если испанские рабочие позволят вам уничтожить итог своей четырехлетней работы, свою организацию, являющуюся, без сомнения, лучшей во всем Интернационале.

Возвращаясь к императивным мандатам, мы должны разрешить еще один вопрос: почему альянсисты, заклятые враги принципа авторитета в любом виде, так упорно настаивают на авторитете императивных мандатов? Потому что для такого тайного общества, как их общество, существующего внутри открытой организации, какой является Интернационал, нет ничего более удобного, чем императивный мандат. Все мандаты членов Альянса будут тождественны, а мандаты секций, не находящихся под влиянием альянсистов или выступающих против него, будут расходиться между собой; таким образом, зачастую абсолютное большинство, а уж во всяком случае большинство относительное, будет принадлежать тайному обществу; между тем на конгрессе, где нет императивных мандатов, здравый смысл независимых делегатов быстро объединит их и сплотит против сторонников тайного общества. Императивный мандат — чрезвычайно действенный метод господства, и именно поэтому Альянс отстаивает его авторитет вопреки всему своему *анархизму*.

Прежде чем закончить, отметим, что наиболее удобным для Испанского федерального совета, состоящего из альянсистов, способом действия было создание *коллективного* императивного мандата, что неизбежно могло привести лишь к тому, что этот мандат был мандатом Федерального совета, или, что то же самое, альянсистским мандатом. Все федерации Испании, которые приняли противоречащее Регламенту предложение совета, послали в Валенсию внеочередные взносы для оплаты

поездки делегатов, а вместе со взносами — результаты голосования, а вместе с результатами голосования — императивный мандат своей федерации, чтобы «объединить все мандаты и создать *коллективный императивный мандат».* Мы охотно признаем, что при наличии *лояльного отношения* и *доброй воли* можно было бы поручить Федеральному совету подсчитать голоса всех местных федераций, но чтобы из различных постановлений местных федераций создать одно мнение, надо обладать либо небывалым умом, либо замечательным тиглем, способным сплавить различные императивные мандаты. А что же вышло из этого тигля нового сорта? Только то, что и могло выйти: мнение Испанского федерального совета. Мы бросаем вызов всем альянсистам: пусть они укажут нам тот рецепт избирательной кухни, который мог бы дать другой результат.

Итак, Испанский федеральный совет, столь антиавторитарный, столь анархичный и т. д., *централизовал* в своих руках взносы, чтобы послать делегатов в Гаагу; он сам *провел* выборы этих делегатов с такой ловкостью, что выбраны были только альянсисты, и, в довершение всего, он составил *коллективный императивный мандат,* который, по его словам, отражал волю членов Интернационала в Испании.

Трудно представить себе большее уважение к автономии.

Написано Ф. Энгельсом в начале октября 1872 г.

Напечатано в газете «La Emancipacion» № 69, 13 октября 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с испанского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

II

* ЕЩЕ О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ

Лондон, 5 октября 1872 г.

Я надеюсь, что исход Гаагского конгресса заставит призадуматься наших «автономных» друзей в Италии. Они должны были бы знать, что там, где существует организация, там неизбежно приходится жертвовать частью автономии во имя единства действий. Если они не понимают, что *Интернационал* — это общество, организованное для борьбы, а не для изобретения прекрасных теорий, — очень жаль, но одно можно сказать наверное: великий *Интернационал* предоставит Италии обходиться своими силами, пока она не подчинится общим для всех правилам.

В тайном Альянсе социалистической демократии существуют три степени: интернациональные братья (их немного), национальные братья и простые члены. К.* принадлежит к числу *интернациональных* братьев, равно как и Гильом (глава генерального штаба Бакунина) и один или два испанца.

Из французских делегатов пятеро под вымышленными именами прибыли из Франции, остальные — эмигранты, участники Коммуны. Прилагаю список, в котором не указаны названия французских секций и их местонахождение, для того, чтобы не выдать их полиции[196]. Но наши организации восстановлены более чем в тридцати департаментах Франции, и *Интернационал* там сейчас сильнее и активнее, чем когда бы то ни было.

Радостно было видеть, как в Гааге французы и немцы все время голосовали единодушно: это ясно показывало, что для *Интернационала* не существует ни войн, ни завоеваний, ни

* — К. Кафьеро. *Ред.*

национальной розни. И именно этот союз французов и немцев обеспечил принятие всех без исключения резолюций.

Причиной перевода Генерального Совета в Нью-Йорк явилось: 1. Твердое решение Маркса, Серрайе, Дюпона и Энгельса не принимать новых полномочий. У Маркса и Энгельса есть научные труды, которые нужно завершить, а в течение двух последних лет у них не было для этого времени. 2. Уверенность в том, что в случае их отставки в состав Генерального Совета в Лондоне вошли бы от французов — *бланкисты,* которые своей игрой в заговоры подвели бы под арест большинство наших сторонников во Франции, если бы те вообще пошли за ними; от англичан — подкупленные люди, которые постоянно предают нас либеральной буржуазии и *радикальным* агентам г-на Гладстона; что же касается других национальностей, то они и вовсе не были бы представлены в Совете, потому что Врублевский, Мак-Доннел, Франкель не хотели оставаться в нем без Маркса и других.

Что бы ни говорила буржуазная печать, рабочие Гааги приняли нас хорошо. Как-то раз реакционеры подослали к нам несколько пьяных, которые должны были после окончания заседания запеть национальный королевский гимн Голландии. Мы дали им спеть его и ответили, проходя среди них, *«Марсельезой».* Чтобы разогнать их силой, было бы достаточно даже меньшинства делегатов конгресса. На последнем заседании, в субботу, многочисленная публика неоднократно аплодировала ораторам.

Написано Ф. Энгельсом 5 октября 1872 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 107, 8 октября 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРИТАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

(ПО ПОВОДУ ПОРТУГАЛЬСКИХ СТАЧЕК)

122, Риджентс-парк-род
Лондон, 16 октября 1872 г.

Граждане!

Я имел честь представить вам через гражданина Дюпона на вашем заседании 26 сентября сообщение, присланное мне лиссабонским Федеральным советом, о некоторых делах тамошних секций Интернационала, связанных с экономической борьбой и требующих принятия немедленных мер в Англии[197]. Я видел, что сообщение напечатано в «International Herald», но мне не известно, предпринял ли Федеральный совет какие-либо дальнейшие шаги по этому делу.

Так как я обязан дать отчет моим лиссабонским корреспондентам о том, что я сделал в пользу заинтересованных сторон, то надеюсь, что Федеральный совет не откажется известить меня, было ли что-либо сделано советом в связи с этим делом и что именно.

Остаюсь с братским приветом

ваш ***Ф. Э.***

Написано Ф. Энгельсом

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXVI, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «VOLKSSTAAT»

Передовая статья в № 84 «Volksstaat» — «О Гаагском конгрессе. III» — содержит одну касающуюся меня фактическую ошибку, исправить которую я считаю необходимым только потому, что она проскользнула именно в «Volksstaat». Если бы я задавал себе труд опровергать ложь, клевету, гнусности, да еще и невольные «ошибки» враждебной мне прессы, то у меня не оставалось бы ни одной минуты для действительной работы!

В упомянутой статье говорится:

«Лафарг был так далек от роли «адъютанта» Маркса, что, когда дело шло об исключении Швицгебеля, соратника Гильома, он *воздержался от голосования,* хотя предложение об исключении было внесено Марксом»[198].

Упомянутое предложение внесла назначенная конгрессом следственная комиссия, а не я. Что касается меня, то я предложил конгрессу *исключить Альянс* и назначить комиссию по расследованию его деятельности. Перед этой комиссией я, наряду с другими, фигурировал в качестве свидетеля обвинения. Мои показания были заслушаны лишь к концу следствия, в последний момент, и притом в то время, когда шло одно из заседаний конгресса. До этого один из членов комиссии выразил желание частным образом побеседовать со мной в целях выяснения чисто фактических вопросов. Я отказался от этой встречи, чтобы избежать даже видимости личного влияния на комиссию.

Давая комиссии свои показания, я ни одним словом не упоминал ни о Швицгебеле, ни о его руководителе Гильоме. Я упомянул лишь об *одном* члене Альянса*, находившемся на кон-

---

* — Т. Мораго. *Ред.*

грессе, высказав при этом свое убеждение, что он не является членом «тайного» Альянса или, во всяком случае, уже давно отстранен от участия в нем.

На последнем заседании конгресса я голосовал *за,* исключение Швицгебеля, так как доказательства его принадлежности к «тайному» Альянсу были столь же очевидны, как и в отношении Гилъома. При таких обстоятельствах жалобная покаянная речь Швицгебеля не могла меня переубедить. Между прочим, г-н Гильом заведомо *лжет,* что, впрочем, является обязанностью всякого члена «тайного» общества, когда он в «Bulletin jurassien» уверяет, будто Швицгебель объявил о своей солидарности с ним. Наоборот. Хотя Гильом с большим пафосом заявил, что судьба Швицгебеля неразрывно связана с его судьбой, но Швицгебель остался глух к этому воплю in extremis[*]! В своей покаянной речи он ни одним словом не упомянул о Гильоме, и именно эта покаянная речь подкупила большинство. В качестве члена комиссии по опубликованию документов конгресса я, разумеется, тщательно ознакомился с официальными протоколами конгресса.

Что касается Лафарга, то нужно отметить, что «честный» Бидерман[**] лжет, когда называет его делегатом от Барселоны. Лафарг был делегатом Португальского федерального совета, Новой мадридской федерации, а также еще от одной испанской секции.

Карл Маркс

Лондон, 20 октября 1872 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 86, 26 октября 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] — в смертный час. *Ред.*

[**] Игра слов: «Biedermann» — «честный человек» и Biedermann — фамилия редактора «Deutsche Allgemeine Zeitung». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ О ПОЛОЖЕНИИ ТОВАРИЩЕСТВА В ИСПАНИИ, ПОРТУГАЛИИ, ИТАЛИИ [199]

1. ИСПАНИЯ

В Испании Интернационал был основан сначала в виде простого придатка к бакунинскому тайному обществу *Альянсу,* которому он должен был служить своего рода вербовочной базой и одновременно рычагом для воздействия на все пролетарское движение. Мы увидим, что и теперь Альянс открыто стремится к тому, чтобы вернуть Интернационал в Испании в его прежнее подчиненное положение.

В результате этой зависимости специфические доктрины Альянса — немедленная отмена государства, анархия, антиавторитаризм, воздержание от всякого политического действия и т. д. — проповедовались в Испании как *учение* Интернационала. В то же время каждый видный член Интернационала сразу же зачислялся в тайную организацию и ему внушали, что такая система руководства открытого Товарищества тайным обществом практикуется повсюду и представляет вполне естественное явление.

Все это имело место в 1869 г., и человек, который первый положил в Испании начало Интернационалу, а заодно и Альянсу, итальянец *Фанелли,* вопреки своим абстенционистским убеждениям в настоящее время является членом итальянского парламента. В июне 1870 г. состоялся первый испанский съезд Интернационала в Барселоне; там был принят план организации, который затем был полностью разработан на конференции в Валенсии (сентябрь 1871 года); теперь этот план проведен в жизнь и уже дал самые замечательные результаты.

Участие, которое наше Товарищество принимало (наряду с тем, которое ему приписывалось) в революционных событиях Парижской Коммуны, выдвинуло Интернационал на первый план в Испании, так же как и повсюду в других местах. Это выдающееся положение, вместе с последовавшими непосредственно за этим первыми преследованиями со стороны правительства, значительно расширило наши ряды в Испании. Однако во всей Испании к моменту созыва конференции в Валенсии существовало всего 13 местных федераций, не считая нескольких изолированных секций в различных местностях.

Конференция в Валенсии оставила Федеральный совет в Мадриде, где он находился по решению Барселонского съезда; состав Федерального совета остался почти прежним, однако один виднейший его член Томас Гонсалес Мораго (делегат Гаагского конгресса) не был переизбран. Когда Федеральный совет во время первых правительственных преследований в июне 1871 г. должен был на время искать убежища в Лиссабоне, Мораго покинул свой пост в момент опасности, что и послужило причиной исключения его из состава нового Федерального совета. С тех пор началась скрытая война, закончившаяся открытым расколом.

Непосредственно после конференции в Валенсии состоялась Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.), на которую испанцы прислали своим делегатом Ансельмо Лоренцо. Лоренцо первый привез в Испанию известие о том, что тайный Альянс не только *не* представляет нормального явления в нашем Товариществе, но что, напротив, Генеральный Совет и большинство федераций являются его решительными противниками, поскольку его существование было тогда известно.

Вскоре после этого *Сагаста* начал свои преследования Интернационала, объявив его вне закона. А Мораго, будучи еще тогда членом местного мадридского совета, снова покинул свой пост и подал в отставку. Однако за этими угрозами правительства каких-либо серьезных мер не последовало. Правда, членам Интернационала было отказано в праве устраивать *публичные* собрания, но секции и советы продолжали беспрепятственно проводить свои заседания. Единственным результатом этих правительственных преследований явился огромный рост числа сторонников Интернационала. К Сарагосскому съезду в апреле 1872 г. Товарищество насчитывало 70 организационно оформленных местных федераций, в то-время как в 100 других местностях велась активная организационная и пропагандистская работа. Кроме того, было организовано

восемь профессиональных союзов, охватывавших всю страну и находившихся под руководством Интернационала, и был близок к осуществлению план организации единого большого профессионального союза всех фабричных рабочих Испании (механиков, прядильщиков и ткачей).

Тем временем скрытая война внутри Интернационала продолжалась и стала принимать уже другой и более серьезный оборот. Личная неприязнь Мораго (пользовавшегося в Мадриде, несмотря на его повторное дезертирство, большим влиянием) к избранным на конференции в Валенсии членам нового Федерального совета уже не была единственной движущей силой этой борьбы. Резолюции Лондонской конференции об открытой секции Альянса и о политическом действии рабочего класса привели в бешенство вожаков тайного Альянса и в особенности тех посвященных высших степеней, которые получали свои инструкции непосредственно от Бакунина; а к числу их принадлежал также и Мораго. Это бешенство нашло выражение в сонвильерском циркуляре Юрской федерации, требовавшем немедленного созыва чрезвычайного конгресса. В этом вопросе Испанский федеральный совет, а с ним и многие секции, не решился выступить против Генерального Совета и Лондонской конференции; это было воспринято как новое преступление. Более того, в январе 1872 г. в Мадрид прибыл Поль Лафарг, который установил дружеские отношения с членами Федерального совета и вскоре доказал им многочисленными фактами, что вея юрская афера — основанная на клевете интрига для дезорганизации Интернационала, С этого момента их судьба была предрешена. Так как члены Федерального совета состояли одновременно и редакторами «Emancipacion», то местный совет затеял ссору с этой газетой и добился их исключения из Мадридской местной федерации. На Сарагосском съезде это исключение было отменено, но непосредственная цель — сделать из-за личных склок пребывание Федерального совета в Мадриде невозможным — была уже достигнута. Федеральным совет, действительно, был переведен в Валенсию, и состав его был полностью изменен. Из двух переизбранных членов старого совета Мора немедленно же подал в отставку, а Лоренцо из-за возникших разногласий вскоре тоже сложил свои полномочия. Остальные члены совета были большей частью членами тайного Альянса*.

* Далее в рукописи зачеркнуто: «По мере того, как приближался срок созыва конгресса Интернационала, назначенного на сентябрь 1872 г., маневры Альянса, направленные на то, чтобы обеспечить себе большинство на этом конгрессе, становились более очевидными». *Ред.*

После съезда в Сарагосе раскол между сторонниками Альянса и теми, кто отдавал предпочтение Интернационалу, становился все более очевидным. Наконец, 2 июня 1872 г. члены прежнего Федерального совета (Меса, Мора, Паули, Пахес и др.), составлявшие в то же время большинство мадридской секции Альянса, обратились ко всем секциям этого тайного общества с циркуляром, в котором извещали о роспуске своей секции и призывали другие секции последовать их примеру[200]. На следующий день все они, под ложным предлогом и в явное нарушение Устава, были исключены из местной Мадридской федерации Интернационала. Из 130 членов только 15 человек присутствовало при этом голосовании. Исключенные образовали новую федерацию, которую, однако, Федеральный совет отказался признать. Генеральный Совет, к которому они апеллировали, признал их, не запрашивая Испанский федеральный совет, и его решение было санкционировано Гаагским конгрессом.

Причина, почему прежний Генеральный Совет в данном случае не консультировался с Испанским федеральным советом, заключалась в следующем: получив, наконец, достаточно доказательств существования и деятельности Альянса в Испании, а также того факта, что большинство, если не все члены Испанского федерального совета одновременно состояли членами Альянса, Генеральный Совет обратился к этому совету с письмом, в котором требовал объяснений и информации относительно тайного общества[*]. В своем ответе от 3 августа 1872 г. Испанский совет открыто стал на сторону Альянса, заявив кроме того, что Альянс уже распущен. Консультироваться с советом, который в борьбе между Интернационалом и созданным внутри него тайным обществом уже стал на сторону последнего, очевидно было бы более чем излишним, и Гаагский конгресс полностью санкционировал решение Генерального Совета.

Чтобы обеспечить избрание членов Альянса в качестве делегатов на Гаагский конгресс, Федеральный совет с помощью негласного циркуляра, содержание которого не было доведено до сведения Генерального Совета, пустил в ход различные маневры, которые были раскрыты на конгрессе; если бы не необычайная терпимость, проявленная большинством Гаагского конгресса, этого было бы достаточно, чтобы признать недействительными мандаты четырех делегатов Испанской федерации.

---

[*] См. настоящий том, стр. 116 — 118. *Ред.*

Итак, положение дел в Испании в настоящее время таково:

В Испании существуют только две местные федерации, которые полностью и открыто признают решения Гаагского конгресса и новый Генеральный Совет; это — Новая мадридская федерация и федерация в Алькала-де-Энарес. Если им не удастся привлечь на свою сторону большую часть испанских членов Интернационала, то они образуют ядро новой испанской федерации.

Значительная часть испанских членов Интернационала все еще идет за Альянсом, который господствует как в Федеральном, так и в более значительных местных советах. Однако имеется много признаков, которые показывают, что резолюции конгресса произвели большое впечатление на массы в Испании. Интернационал там пользуется большой популярностью, а его официальное выражение — конгресс — обладает огромным моральным влиянием. Таким образом, господам из Альянса становится все труднее убеждать массы в своей правоте. Оппозиция начинает становиться серьезной. Это движение возглавляют фабричные рабочие Каталонии с профессиональным союзом, насчитывающим 40000 человек; они требуют созыва чрезвычайного съезда испанской организации, чтобы заслушать отчеты делегатов Гаагского конгресса и расследовать поведение Федерального совета. Орган Новой мадридской федерации «Emancipacion», пожалуй, лучшая из газет, которыми теперь располагает Интернационал, каждую неделю разоблачает Альянс. По тем номерам, которые я послал гражданину Зорге, Генеральный Совет может убедиться в том, как энергично, здраво, с каким пониманием теоретических принципов нашего Товарищества эта газета ведет борьбу. Ее теперешний редактор Хосе Меса, без сомнения, наиболее выдающийся из наших людей в Испании как по своему характеру, так и по таланту и, безусловно, один из лучших наших людей вообще.

Я позволил себе посоветовать нашим испанским друзьям не особенно торопиться с созывом чрезвычайного съезда и основательно к нему подготовиться. Тем временем я послал в «Emancipacion» отчеты о конгрессе, а также и другие статьи*, и буду делать это и впредь, так как Меса — в настоящий момент единственный человек в Мадриде, который способен хорошо писать, — несмотря на свою исключительную энергию, один со

* См. настоящий том, стр. 165—170. *Ред.*

всем справиться не может. Я не сомневаюсь в том, что если наши испанские товарищи получат достаточную поддержку со стороны Генерального Совета, то нам удастся побороть там все препятствия и вырвать из-под влияния шарлатанов из Альянса одну из лучших организаций Интернационала.

Ф. Энгельс,
бывший секретарь для Испании

Лондон, 31 октября 1872 г.

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere», Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБЩЕСТВУ РАБОЧИХ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ НИЖНЕЙ ЛОМБАРДИИ (СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА) В ЛОДИ [201]

Лондон, 13 ноября 1872 г.

Граждане!

С большой радостью я узнал о том, что вы организовались в секцию Интернационала. Я немедленно сообщил об этом новому Генеральному Совету в Нью-Йорк. В конце настоящего письма я указываю вам адрес для переписки непосредственно с Генеральным Советом, в то же время я всегда готов дать вам любую информацию, разъяснение или оказать какую-либо иную услугу, которая будет для вас желательна.

Привет и братство

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «La Plebe» № 117, 17 ноября 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

III

* МИТИНГ В ГАЙД-ПАРКЕ

Лондон, 14 ноября 1872 г.

Либеральное английское правительство держит в настоящее время в своих тюрьмах не менее 42 ирландских политических заключенных, с которыми оно обращается не только так же, как с ворами и убийцами, но гораздо хуже, с совершенно исключительной жестокостью. В славные времена короля-бомбы* глава нынешнего *либерального* кабинета, г-н Гладстон, совершил путешествие в Италию и посетил в Неаполе политических заключенных; вернувшись в Англию, он опубликовал брошюру, в которой заклеймил перед лицом Европы неаполитанское правительство за его недостойное обращение с политическими заключенными[202].

Это не мешает тому же г-ну Гладстону обращаться подобным же образом с ирландскими политическими заключенными, которых он все еще держит под замком. — Ирландские члены Интернационала в Лондоне решили организовать грандиозную демонстрацию в Гайд-парке (самый обширный общественный парк Лондона, где проводятся все большие народные собрания во время политических кампаний) с требованием всеобщей амнистии. Они связались со всеми демократическими организациями Лондона и образовали комитет, в который в числе прочих вошли Мак-Доннел (ирландец), Марри (англичанин) и Лесснер (немец) — члены прежнего Генерального Совета Интернационала.

Возникло одно затруднение. Во время последней сессии парламента правительство провело закон, который дает ему

* — Фердинанда II. *Ред.*

право регламентировать общественные собрания в парках Лондона. Оно воспользовалось этим и приказало расклеить регламент, предписывающий тем, кто желает провести такое общественное собрание, за два дня до его созыва в письменном виде уведомить об этом полицию и указать имена ораторов[203]. Этот регламент, тщательным образом скрытый от лондонской прессы, одним росчерком пера уничтожал одно из прав, которыми больше всего дорожит рабочее население Лондона, — право проводить собрания в парках когда и как ему угодно. Подчиниться этому регламенту значило бы пожертвовать правом народа.

Ирландцы, являющиеся наиболее революционным элементом населения, были не из тех, кто может проявить подобную слабость. Комитет единогласно постановил действовать так, будто ему неизвестно о существовании регламента, и провести собрание вопреки распоряжению правительства.

В прошлое воскресенье около трех часов дня две огромных процессии с оркестрами и знаменами двинулись к Гайд-парку. Оркестры играли ирландские национальные песни и «Марсельезу»; знамена почти все были ирландские (зеленые, с золотой арфой в середине) и красные. У входов в парк было всего несколько полицейских агентов; не встретив никакого сопротивления, колонны демонстрантов проникли в парк, соединились в назначенном месте, и начались речи.

Присутствовало по крайней мере тридцать тысяч зрителей, из которых не менее половины имели в петлице зеленую ленту или зеленый листок в знак принадлежности к ирландской национальности; остальные были англичане, немцы, французы. Толпа была слишком многочисленна, чтобы иметь возможность слушать речи, поэтому рядом с первым организовался второй митинг, где на ту же тему выступали другие ораторы. Были приняты энергичные резолюции, требующие всеобщей амнистии и отмены исключительных законов, которые создают в Ирландии режим постоянного осадного положения. Около пяти часов демонстранты снова построились в колонны, и толпа покинула парк, поправ регламент правительства Гладстона.

Это первый случай ирландской демонстрации в Гайд-парке; она имела большой успех, чего не может отрицать даже буржуазная печать Лондона. Это первый случай дружеского единения английских и ирландских элементов нашего населения. Две части рабочего класса, взаимная вражда которых так хорошо служила интересам правительства и богатых классов, теперь протягивают друг другу руку; этот отрадный факт есть прежде всего результат влияния прежнего Генерального

Совета Интернационала, который всегда направлял все усилия на то, чтобы подготовить союз рабочих обеих наций на основе полного равенства. Собрание, состоявшееся 3 ноября, откроет новую эру в истории лондонского рабочего движения.

Но, спросите вы меня, что же делает правительство? Может быть, оно легко мирится с подобным третированном? Позволит ли оно безнаказанно попирать свой регламент?

Правительство поступило следующим образом: оно поместило около трибуны в Гайдпарке двух полицейских комиссаров с двумя агентами, которые записали имена ораторов. На следующий день эти два комиссара возбудили иск против ораторов перед *мировым судьей*. Судья послал им повестки, и они должны предстать перед ним в ближайшую субботу. Подобный образ действий достаточно ясно доказывает, что против них не хотят затевать большого процесса. По-видимому, правительство признало, что ирландцы или, как здесь говорят, фении, нанесли ему поражение, и поэтому удовлетворится небольшим штрафом. Во всяком случае, прения на суде будут интересными, и я вам о них сообщу в своем ближайшем письме*. Что уже вполне определенно — это то, что ирландцы благодаря своей энергии спасли право лондонского населения устраивать собрания в парках когда и как ему угодно.

Написано Ф. Энгельсом 14 ноября 1872 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 117, 17 ноября 1872 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

---

* См. настоящий том, стр. 186 — 188. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

IV

* МИТИНГ В ГАЙД-ПАРКЕ. — ПОЛОЖЕНИЕ В ИСПАНИИ

Лондон, 11 декабря 1872 г.

Дело, начатое английским правительством против ораторов, выступавших на ирландском митинге в Гайд-парке*, навлекло на его голову жестокую бурю. Правда, мировой судья присудил обвиняемых к штрафу в размере пяти фунтов стерлингов, но судебные прения доказали незаконность со всех точек зрения нового регламента об общественных парках, так что апелляционный суд, куда сейчас передано дело, должен будет оправдать обвиняемых.

Но это еще не все: после того первого митинга не проходит ни одного воскресенья без открытых собраний в Гайд-парке, и правительство не смеет чинить препятствий ни одному оратору. В одном случае имело место собрание в защиту полицейских, объявивших забастовку; в другом случае состоялся митинг просто в подтверждение права устраивать собрания в парках.

Забастовка полицейских? — спросите вы. Да, господа: Англия — страна, одержимая бесом, и стачечное движение там проникает повсюду. Я помню, как пятнадцать лет тому назад полицейские в Манчестере объявили забастовку, требуя повышения заработной платы, и одержали полную победу через каких-нибудь два дня. Несколько недель назад полицейские здешней столицы пригрозили стачкой в связи с тем, что им было отказано в повышении заработной платы, примерно, на 20%. В последнюю минуту правительство сочло целесообразным удовлетворить все их требования; но и порядке репрес-

* См. предыдущую статью. *Ред.*

сии оно подвергло наказанию секретаря *общества сопротивления,* созданного самими полицейскими, и, поскольку он не хотел подчиниться наказанию, его уволили. Тогда в рядах полицейских началось движение протеста и было объявлено о созыве собрания в Гайд-парке. Правительство снова уступило, амнистировав бунтовщиков, за исключением упомянутого выше секретаря, еще до того, как состоялось собрание. Это доказывает, что в Англии, под вполне аристократической оболочкой, буржуазный дух проник повсюду. В самом деле, какая другая нация настолько буржуазна, чтобы позволить себе иметь общества сопротивления и забастовки полицейских?

Поступающие сюда сведения об отношении различных федераций Интернационала к резолюциям конгресса в Гааге как нельзя более удовлетворительны. В Голландии (делегаты этой страны голосовали с меньшинством) на национальном съезде были приняты резолюции, соответствующие истинному духу великого Товарищества[204]. Здесь старались действовать согласно Уставу и Регламенту нью-йоркского Генерального Совета, оставив за собой, впрочем, право сделать нужные оговорки на общем конгрессе, который состоится в сентябре 1873 г., и не признавать ни за каким другим съездом права принимать те или иные решения, затрагивающие общие интересы Товарищества.

В Испании, где руководители меньшинства Гаагского конгресса считали себя полными хозяевами положения, тоже берет верх здравый смысл рабочих. Сторонники *Альянса,* возглавляющие Федеральный совет, назначили на 25 декабря национальный съезд в Кордове[205]. Согласно порядку дня, принятому на предыдущем съезде в Сарагосе, данный съезд должен был бы заняться приведением организационной структуры Испанской федерации в соответствие с решениями, которые примет общий международный конгресс. Вместо этого Федеральный совет поставил в порядок дня вопрос о выборе между резолюциями конгресса Интернационала в Гааге и резолюциями созванного в Сент-Имье конгресса анти-интернационала[206]. Это было явным нарушением Общего Устава. Поэтому Новая мадридская федерация обратилась ко всем федерациям, верным Интернационалу (признающим Общий Устав и решения конгрессов), с призывом избрать новый временный федеральный совет[207]. Этот призыв уже поддержали такие важные федерации и секции, как в Лериде, Бадалоне, Дении, Понт-де-Вилумаре. Кроме того, против нынешнего Федерального совета высказались федерации в Грасии, Толедо, Алькале и большое число федераций в Кадисе и Валенсии.

В Грасии, промышленном пригороде Барселоны, после продолжавшейся три вечера дискуссии с барселонскими *альянсистами* эта федерация (насчитывающая 500 членов) единодушно одобрила все гаагские решения и постановила вынести порицание испанским делегатам за их поведение на последнем общем конгрессе. В Валенсии Федеральный совет почувствовал опасность быть побитым на собрании всей федерации и помешал голосованию, которое могло бы оказаться для него неблагоприятным; этот акт уже вызвал раскол[208]. На этот путь Испания еще только вступила; через несколько недель движение будет уже достаточно сильным, чтобы доказать, что испанские рабочие не желают допустить дезорганизации *Интернационала* в интересах руководителей каких-то тайных обществ.

На Гаагском конгрессе стоял вопрос о некоем Буске*, секретаре полицейского комиссариата в Безье, который втерся в ряды *Интернационала,* но, по требованию своей секции, был уже, впрочем, исключен из него прежним Генеральным Советом. Этот субъект, который позднее был произведен Тьером в чин бригадира полиции в своем городе, нашел защитника в № 21 «Bulletin jurassien»[209]. Этому не приходится особенно удивляться, поскольку из рядов Юрской федерации вышли такие молодцы, как Альбер Ришар и Гаспар Блан, нынешние приспешники Луи-Наполеона.

Написано Ф. Энгельсом 11 декабря 1872 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 122, 14 декабря 1872 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

---

* См. настоящий том, стр. 149. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «INTERNATIONAL HERALD»[210]

Дорогой гражданин!

До сих пор мы считали излишним отвечать на ложь и клевету, которую «автономный» г-н Джон Хейлз неустанно распространял на наш счет. Но, когда подобная клевета пускается в ход от имени и якобы по поручению Британского федерального совета, когда она имеет целью причинить вред Интернационалу в целом, то мы обязаны нарушить свое молчание.

Этот г-н Хейлз, который вдруг выступает как борец за «автономию» секций и федераций, на практике понимает эту автономию как свое личное самодержавие. Он добился своего назначения, во-первых, секретарем для ведения протоколов, во-вторых, секретарем-корреспондентом (внутри Англии и для заграницы); в-третьих, казначеем Британского федерального совета; но так как сам он не в состоянии выполнять одновременно все эти обязанности, то он, в-четвертых, назначает других членов этого совета в качестве своих слуг. И, в-пятых, он пишет письма во все части света от имени Британского федерального совета, но без его ведома и санкции.

Так, например, в № 23 «Bulletin jurassien» мы находим официальное письмо раскольнического Юрского комитета, адресованное Британскому федеральному совету, в ответ на опубликованное там же письмо г-на Джона Хейлза. Существование этого письма, мы в этом уверены, было совершенно неизвестно Британскому федеральному совету.

В этом письме г-н Хейлз утверждает:

«Этот конгресс» (в Гааге) «разоблачил лицемерие деятелей прежнего Генерального Совета, пытавшихся образовать внутри нашего

Товарищества обширное тайное общество под предлогом уничтожения другого тайного общества, существование которого ими было изобретено в своих собственных целях».

У г-на Хейлза замечательная логика. Исключение конгрессом *Альянса* из Интернационала служит ему доказательством лицемерия прежнего Генерального Совета, который не признавал этой организации. Относительно *Альянса,* якобы изобретенного Генеральным Советом, и тайного заговора, им же организованного, лучше, чем кто бы то ни было, может дать все необходимые сведения гражданин Юнг, ныне член Федерального совета. Как бывший секретарь для Швейцарии он знает о подвигах Альянса, а как член Исполнительного комитета прежнего Генерального Совета он знает все о «заговоре», изобретенном Джоном Хейлзом. Подвиги открытого Альянса уже были преданы гласности в циркуляре прежнего Генерального Совета — «Мнимые расколы в Интернационале». Тайная же деятельность этого общества будет выведена на чистую воду подготовляемой в настоящее время публикацией документов, которыми располагает следственная комиссия, назначенная Гаагским конгрессом[*].

Г-н Хейлз сетует:

«Являясь генеральным секретарем Совета, я никогда не знал и никогда не мог получить адресов континентальных федераций».

Когда г-н Хейлз был секретарем и единственным платным должностным лицом Генерального Совета, то никаких других обязанностей, кроме составления протоколов, направления выдержек из них в печать и переписки с английскими секциями и тред-юнионами, он не имел.

Переписка с другими федерациями, континентальными и прочими, была поручена неоплачиваемым секретарям, в деятельность которых ему нечего было вмешиваться. Как он выполнял свои обязанности по той переписке, которая ему была поручена, видно из специально принятой Генеральным Советом резолюции, согласно которой эта обязанность была передана гражданину Милнеру[211].

Далее г-н Хейлз заявляет:

«Однажды Британский федеральный совет получил очень важное письмо от Испанского федерального совета, но автор письма, гражданин Ансельмо Лоренцо, забыл сообщить свой адрес; Британский федеральный совет запросил у гражданина Энгельса, бывшего в то время секретарем-корреспондентом для Испании, адрес Лоренцо; гражданин Энгельс ответил официальным отказом. Недавно он ответил нам таким же отказом по поводу лиссабонского Федерального совета».

[*] См. настоящий том, стр. 323—452. *Ред.*

Гражданину Энгельсу по данному вопросу известно лишь следующее: он получил от гражданина Юнга испанское письмо, о котором идет речь, с единственной просьбой перевести его, что он и сделал. О просьбе Британского федерального совета сообщить адрес Лоренцо ему ничего неизвестно. Он был бы благодарен, если бы ему представили выписку из протокола совета по этому вопросу.

Что касается лиссабонского дела, то Португальский совет обратился к Энгельсу с просьбой о помощи в связи со стачкой; и самое первое, что сделал Энгельс, — обратился за содействием к Британскому федеральному совету; в то же время он предпринял и другие меры, какие были ему доступны. После повторных устных просьб, переданных через членов Федерального совета, и после одного письменного обращения* Энгельс приблизительно месяца два спустя получил письмо от г-на Хейлза, в котором тот сообщил, что совет предпринял некоторые шаги в этом деле, а также просил прислать лиссабонский адрес. Энгельс на это письмо не ответил, хорошо зная, что Хейлзу эти адреса нужны исключительно для личных интриг. О подобной сдержанности в отношении других членов Британского федерального совета никогда не могло быть и речи. Когда Юнг от имени Федерального совета затребовал берлинские, лейпцигские и венские адреса, они тотчас же были ему посланы.

Опубликование выдержек из протоколов прежнего Генерального Совета, составленных большей частью самим же г-ном Хейлзом, вскроет мотивы его озлобления против Совета. Тогда станет ясным, выражаясь словами его собственного письма Юрскому комитету, что

«всякий, кто не был близко знаком с прежним Генеральным Советом, не может даже представить себе, до чего извращаются факты»... г-ном Джоном Хейлзом.

С братским приветом

Ф. Энгельс

Карл Маркс

Написано 20 декабря 1872 г.

Напечатано в газетах «The International Herald» № 38, 21 декабря 1872 г. и «La Emancipacion» № 80, 28 декабря 1872 г.

Печатается по тексту газеты «The International Herald»

Перевод с английского

---

* См. настоящий том, стр. 173. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАНЧЕСТЕРСКАЯ ИНОСТРАННАЯ СЕКЦИЯ — ВСЕМ СЕКЦИЯМ И ЧЛЕНАМ БРИТАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [212]

Товарищи рабочие!

Мы считаем своим долгом обратиться к вам в связи с циркуляром, выпущенным лицами, именующими себя большинством Британского федерального совета, в котором они призывают вас присоединиться к их открытому бунту против основных устоев нашего Товарищества[213].

В этом циркуляре большинство Федерального совета утверждает, будто меньшинство сделало невозможной всякую работу и привело к безвыходному положению тем, что последнее заседание было распущено председателем в разгаре прений якобы для того, чтобы помешать дискуссии.

С первого же взгляда кажется странным, чтобы меньшинство могло поставить большинство в безвыходное положение, когда было бы достаточно простого голосования, чтобы заставить это меньшинство замолчать. До сих пор довольно часто откалывалось *меньшинство.* Это первый случай, когда откалывается *большинство;* и уже одного этого факта достаточно, чтобы заподозрить тут что-то неладное. Что касается претензии, предъявленной к председателю* на одном из заседаний, то, как нам известно из достоверных источников, в данном случае председатель распустил собрание на полчаса позже обычного времени, в 11 час. 30 мин., так как сторонники большинства настаивали на том, чтобы сделать перерыв в обсуждении вопроса[214].

* — С. Викери. *Ред.*

Как указано в циркуляре, Федеральный совет раскололся по вопросу о том, должны ли признаваться действительными или нет резолюции общего конгресса нашего Товарищества, состоявшегося в сентябре в Гааге. Однако для членов Интернационала это отнюдь не является вопросом. Согласно статье 3 Общего Устава Интернационала общий конгресс обязан «принимать меры, необходимые для успешной деятельности нашего Товарищества»[215]. Конгресс является его законодательным органом. Решения конгресса обязательны для всех. Тот, кому они не нравятся, может либо выйти из Товарищества, либо добиваться их отмены на следующем конгрессе. Но ни отдельный член Товарищества, ни какая-либо секция, ни федеральный совет, ни местные или национальные съезды не имеют права объявлять эти резолюции недействительными, претендуя в то же время на то, чтобы оставаться в Интернационале.

Подписавшие циркуляр заявляют, будто Гаагский конгресс не был правомочным и ни в коей мере не представлял большинства членов Товарищества. Конгресс был созван Генеральным Советом в соответствии со статьей 4 Общего Устава на законных основаниях. На нем присутствовало 64 делегата, представлявших 15 различных наций и лично принадлежавших к 12 различным национальностям. Ни один из предыдущих конгрессов не мог похвастаться таким поистине интернациональным составом. Принятые резолюции были проникнуты истинным духом интернационализма, о чем свидетельствует тот факт, что почти все они были приняты большинством в три четверти голосов и что делегаты двух наций, которые недавно были вовлечены в братоубийственную войну друг с другом, — французы и немцы, — почти во всех случаях голосовали за них единодушно. Если Англия по своей собственной вине не была представлена на конгрессе многочисленной делегацией, то разве это является основанием объявлять конгресс неправомочным?

Авторы циркуляра не довольны резолюцией конгресса о политическом действии рабочего класса. Они говорят, что она была принята после того, как большинство делегатов разъехалось. Официальный отчет, опубликованный в № 37 «International Herald» (14 декабря), показывает, что по этому вопросу голосовало 48 делегатов из 64, причем 35 из них голосовало за резолюцию. В числе этих 35 мы находим и имя г-на Моттерсхеда, который подписывает теперь циркуляр, отвергающий резолюцию.

Что же представляет собой эта резолюция? Она по своему содержанию и большей частью также по формулировкам

тождественна резолюции, принятой на общей конференции в Лондоне в сентябре 1871 г. и официально опубликованной вместе с остальными резолюциями 17 октября того же года Генеральным Советом[216]; и на ней фигурируют в числе прочих подписи Джона Хейлза, Т. Моттерсхеда, Г. Юнга, Ф. Брадника, Г. Мейо и Джона Роча! Поскольку Генеральный Совет должен был проводить в жизнь резолюции конференции, то почему же никто из этих граждан не счел тогда уместным подать в отставку, уйти из Генерального Совета и протестовать против этой резолюции, которую теперь они вдруг признают столь опасной?

Циркуляр совершенно извращает смысл этой резолюции, что нетрудно будет обнаружить, ознакомившись с ее текстом, опубликованным в № 37 «International Herald»*. Вопреки тому, что утверждается в циркуляре, резолюция не вменяет в обязанность тред-юнионам и другим политически нейтральным организациям заниматься политической деятельностью. Она просто требует образования в каждой стране самостоятельной партии рабочего класса, которая противостояла бы всем буржуазным партиям. Это означает, что она призывает рабочий класс здесь, в Англии, перестать служить хвостом «великой либеральной партии», и образовать свою собственную независимую партию, как это он сделал в славные дни великого чартистского движения.

Таким образом, утверждения о вероломстве по отношению к тред-юнионам оказываются сущим вымыслом. Но позволительно спросить, *где теперь* те тред-юнионы, которые в свое время примкнули к Интернационалу? Денежный баланс за прошлый год показывает, что почти все они исчезли за время секретарства гражданина Хейлза.

Следующая жалоба заключается в том, что Генеральный Совет был переведен в Нью-Йорк и что в нем нет ни англичан, ни американцев. Новый Генеральный Совет состоит из людей, принадлежащих к пяти различным нациям, и если англичане в Нью-Йорке держатся в стороне от Интернационала, то пусть сами пеняют на себя, что они не представлены в Совете. Пока Совет находился в Лондоне, англичане были всегда представлены в гораздо большем количестве, чем любая другая нация, и очень часто составляли абсолютное большинство; между тем, французы, например, одно время совсем не были в нем представлены. Но англичане не могут претендовать на такой порядок, как на свое неотъемлемое право. Когда Гаагский конгресс, в соответствии с правами и обязанностями, предоставленными

* См. настоящий том, стр. 143. *Ред.*

ему статьей 3 Общего Устава, избирал новый Генеральный Совет, он выбрал наилучшее по своему убеждению место и в этом месте — наилучших людей. Подписавшие циркуляр могут держаться иного мнения, но это не умаляет прав конгресса.

В циркуляре утверждается, будто в результате такого образа действий секции и федерации лишены своего прежнего права решать вопрос о том, какую политику они должны проводить в своих странах. Это опять неверно. Где бы ни находился Генеральный Совет — в Лондоне, Нью-Йорке или где-либо еще — права секций и федераций остаются неизменными. Но, — говорится в циркуляре, — для того чтобы этот пункт не нарушался,

«конгресс вооружил этот Генеральный Совет правом временно исключить любую секцию, федерацию или федеральный совет по его усмотрению без указания причин такого образа действий».

Снова неверно. Право временно исключить любую секцию уже было предоставлено Генеральному Совету Базельским конгрессом (1869). Официальное издание резолюций Гаагского конгресса, резолюция II, статья 1* («International Herald» № 37), показывает, что если полномочия Генерального Совета были расширены или, вернее говоря, более точно определены, то они были зато оговорены определенными условиями, ранее не существовавшими. Например, если Генеральный Совет распускает какой-нибудь федеральный совет, то он обязан *в течение 30 дней* принять меры к избранию нового совета и, следовательно, в конце концов, последнее слово остается за самой федерацией. Если Генеральный Совет временно исключает целую федерацию, то для вынесения окончательного суждения он обязан, если того потребуют остальные федерации, *в месячный срок* представить свое решение конференции делегатов от всех федераций. И вот это в циркуляре называют правом временного исключения без указания причин!

Товарищи рабочие! Одобряете ли вы лично или не одобряете резолюции, принятые в Гааге, в настоящий момент они являются *для Интернационала законом.* Если кто-нибудь из вас их не одобряет, то может обратиться к очередному конгрессу. Но ни одна секция, ни Британский федеральный совет, ни какой бы то ни было созванный им национальный съезд не имеет права отвергать резолюции общего конгресса, созванного на законном основании. Кто пытается это сделать, тот фактически ставит себя вне рядов Интернационала; именно в таком положении

---

* См. настоящий том, стр. 144. *Ред.*

оказались лица, подписавшие циркуляр. Допускать, чтобы подобные действия практиковались в Интернационале, равносильно его роспуску.

Даже в тех странах, делегаты которых составляли в Гааге меньшинство, началось энергичное противодействие раскольническим тенденциям, проявленным этими делегатами. Если в Америке, во Франции, Германии, Польше, Австрии, Венгрии, Португалии и во всей Швейцарии, за исключением горстки в каких-нибудь 200 человек, гаагские резолюции были встречены с радостью, то и голландские члены Интернационала на своем съезде постановили поддерживать нью-йоркский Генеральный Совет и представить те претензии, которые у них могут возникнуть, очередному законному общему конгрессу, созываемому в сентябре 1873 г., и никакому другому[217]. В Испании, где Федеральный совет сделал попытку вызвать раскольническое движение, подобно тому, которое затевается данным циркуляром, сопротивление этому возрастает с каждым днем, и секции одна за другой присоединяются к гаагским резолюциям.

Товарищи рабочие! По всем этим причинам мы протестуем против созыва какого бы то ни было британского съезда, который стал бы выносить суждение о законах Товарищества, установленных делегатами всех представленных в нем наций.

Мы протестуем против созыва какого бы то ни было съезда в такой близкий срок, как 26 января.

Мы настоятельно просим все секции представить вышеизложенное на обсуждение своих членов, помня о том, что будущность нашего Товарищества в Англии зависит от их поведения в настоящем кризисе.

Необходимо признать законными делегатами Федерального совета только тех, кто будет отстаивать авторитет Гаагского конгресса и стараться провести в жизнь вынесенные там резолюции.

Принято на общем собрании Манчестерской иностранной секции, состоявшемся в субботу, 21 декабря 1872 года.

Братский привет всем членам нашего Товарищества.

П. Цюрхер, председатель собрания.
П. Куппер, генеральный секретарь и немецкий секретарь.
О. Висс, французский секретарь.

Написано Ф. Энгельсом около 20 декабря 1872 г.

Напечатано в виде листовки 23 декабря 1872 г. и в «Arbeiter-Zeitung» №№ 5 и 6, 8 и 15 марта 1873 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

К. МАРКС

ОБРАЩЕНИЕ БРИТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО СОВЕТА К СЕКЦИЯМ, ОТДЕЛЕНИЯМ, ПРИСОЕДИНИВШИМСЯ ОБЩЕСТВАМ И ЧЛЕНАМ БРИТАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА[218]

Граждане!

На заседании совета 19 декабря 1872 г. наше внимание было привлечено циркуляром, выпущенным представителями раскольников в Англии. Мы тотчас же решили послать всем секциям уведомление, предлагая им воздержаться от суждения по этому вопросу до тех пор, пока они не получат нашего ответа, который мы обещали выпустить тотчас же. На специальном заседании Британского федерального совета, которое состоялось в понедельник вечером, 23 декабря, был единогласно принят следующий ответ на голословные утверждения, содержащиеся в вышеупомянутом циркуляре:

1. «Безвыходное положение» было вызвано необходимостью беспрерывно заниматься личными делами Хейлза: и он и Моттерсхед своими взаимными обвинениями в коррупции уже пытались создать в Генеральном Совете такое же безвыходное положение. «Безвыходное положение» на упомянутом в циркуляре заседании вызвал Моттерсхед, который, будучи пьян, не переставал повторять оскорбительные обвинения в адрес председателя* и заставил этим распустить собрание в половине двенадцатого; этого роспуска требовал не кто иной, как Хейлз. Члены Британской федерации, вероятно, давно прочитали в «International Herald», что секция Южного Ламбетта отозвала своего делегата, потому что большинство не давало заниматься каким бы то ни было настоящим делом.

* — С. Викери. *Ред.*

2. Истинная причина появления этого циркуляра заключается в следующем: представители раскольнического меньшинства Гаагского конгресса сговорились между собой созвать около рождества во всех странах ряд съездов, чтобы добиться от них одобрения своих раскольнических действий. Так, подобные съезды были назначены в Бельгии и в Испании на 25 декабря (против чего в Испании возникла сильная оппозиция, которая растет с каждым днем). А теперь обманным путем пытаются заставить английские секции, которые не в курсе дела, содействовать этому заговору.

3. Рассматриваемый циркуляр не был представлен Федеральному совету. Насколько его авторы боялись обсуждения, доказывает лучше всего тот факт, что они состряпали его за спиной совета, на тайном заседании. Видали ли когда-нибудь большинство, которое, вместо того чтобы при голосовании получить перевес над меньшинством, откололось от него? Зачем большинству требовать созыва специального съезда, когда простое голосование в совете, в котором они якобы господствуют, решило бы вопрос в их пользу?

4. Все же подписавшие этот циркуляр не осмеливаются полностью солидаризироваться с раскольниками на континенте, которые прямо заявляют, что они отвергают авторитет какого-либо конгресса, за исключением первого, состоявшегося в Женеве. Но в то же время они начинают с того, что оспаривают правомочность Гаагского конгресса, самого интернационального по своему составу и действительно первого настоящего международного конгресса Товарищества, потому что он был первым, на котором большинство не состояло из представителей одной какой-нибудь нации или даже просто из представителей местных групп. Если этот конгресс был незаконно созван, то почему гражданин Роч, бывший членом мандатной комиссии, подписал отчет этой комиссии? А теперь он подписывает циркуляр, протестующий против этого же конгресса.

5. Они говорят, что будут поддерживать Общий Устав в том виде, в каком он существовал до Гаагского конгресса. Статья 3 этого Устава гласит: Конгресс... принимает меры, необходимые для успешной деятельности Товарищества и назначает Генеральный Совет Товарищества. Статья 12: Настоящий Устав может быть пересмотрен на каждом конгрессе при условии, если за пересмотр выскажутся две трети присутствующих делегатов. — Общий Устав не дает права никакому местному или федеральному съезду пересматривать решения какого-либо общего конгресса. Поэтому подписавшие этот циркуляр поднимают открытый бунт не только против конституции Интер-

национала, как она была утверждена Гаагским конгрессом, но также и против того Общего Устава, о поддержке которого они говорят.

Каковы же те решения Гаагского конгресса, которые так неприятны подписавшим циркуляр?

В первую очередь, это резолюция о политическом действии рабочего класса, которая, по их утверждению, была принята после того, как большинство делегатов покинуло конгресс. Это совершенно не соответствует действительности: из 64 делегатов, принимавших участие в работе конгресса, 48 делегатов принимали участие в голосовании этой резолюции и 35 из них, то есть больше чем две трети голосовали за нее, в том числе и гражданин Моттерсхед, который тем не менее подписал циркуляр. Кроме того многие делегаты, уезжая, также оставили председателю письменные заявления, что они поддерживают резолюцию.

Сама эта резолюция является не чем иным, как сжатым изложением резолюции IX Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.), резолюции, опубликованной Генеральным Советом вместе с другими резолюциями 17 октября 1871 года; под ней стоят имена граждан Брадника, Мейо, Моттерсхеда, Юнга, Роча и Хейлза, последнего в качестве генерального секретаря. Эта резолюция конференции ссылается на Общий Устав, на Учредительный Манифест, на резолюцию Лозаннского конгресса и на всю деятельность Генерального Совета с самого начала для доказательства того, что утверждаемое ею является только разъяснением в том же самом смысле, того, что всегда было официально принятой политикой Товарищества. Перед Гаагским конгрессом Генеральный Совет единогласно постановил предложить конгрессу включить эту самую резолюцию в Общий Устав[219]. Гражданин Юнг являлся секретарем в этот вечер, так как Хейлз был временно отстранен от должности. И даже Ноттингемский съезд, на резолюции которого ссылается циркуляр как на прецедент, принял в сущности ту же самую резолюцию[220].

Что же касается того, что эта резолюция якобы отталкивает тред-юнионы, то Гаагский конгресс, напротив, сделал для тред-юнионов гораздо больше, чем Общий Устав или какой-либо из предыдущих конгрессов. Он поручил новому Генеральному Совету организовать международное объединение тред-юнионов, принимать в него даже те тред-юнионы, которые не принадлежат к Интернационалу, предложить каждому тред-юниону самому установить те условия, на которых он захочет вступить в этот союз, и составить общий план, который будет представлен

на предварительное утверждение всех присоединившихся тред-юнионов, прежде чем его окончательно утвердит очередной конгресс.

Следующий предмет жалобы — на перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк. Это просто сводится к утверждению, что Генеральный Совет, в котором не заседают гг. Хейлз, Моттерсхед, Юнг, Брадник, Мейо и Роч, не может претендовать на то, чтобы представлять Интернационал.

Другая жалоба касается расширения полномочий Генерального Совета. Первая резолюция, принятая в Гааге по этому поводу, гласит: «Генеральный Совет обязан приводить в исполнение постановления конгрессов и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов Общего Устава и Организационного регламента Интернационала». Эта резолюция была предложена конгрессу в результате единогласного одобрения ее прежним Генеральным Советом[221]. Разве могла бы она проводиться в жизнь, если бы Генеральный Совет не имел права временно, до очередного конгресса, исключать те организации. которые внутри Интернационала действуют против Интернационала? Кроме того, гаагские резолюции о праве временного исключения секций, федеральных советов и федераций в действительности ограничили полномочия, предоставленные Базельским конгрессом (см. Организационный регламент, II, статьи 6 и 7) и в каждом отдельном случае ставили действия Генерального Совета под особого рода контроль[222].

Повсюду на континенте правительства и буржуазная пресса поддерживают попытки тех людей, которые стремятся вызвать раскол в рядах Товарищества, в то время как те, кто верен Интернационалу, подвергаются арестам, а газеты их преследуются полицией. Хотя раскольники хвастаются тем, что благодаря их усилиям Интернационал находится повсюду в состоянии разложения и бунта против гаагских решений, на самом деле Товарищество является сейчас более сильным, чем когда-либо, и гаагские решения полностью одобрены во Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Португалии, Америке, Дании, Польше и Швейцарии; в последней исключение составляют какие-нибудь 150 раскольников. Хотя делегаты Голландии и голосовали в Гааге с меньшинством, но там состоялся съезд, который постановил остаться верными Генеральному Совету и не признавать иного общего конгресса, кроме очередного конгресса, созываемого в сентябре 1873 г. в Швейцарии. В Испании, где раскольники надеялись добиться всего, потому что на их стороне Федеральный совет, оппозиция против них усиливается с каждым днем. Даже в Италии секции продол-

жают присылать сообщения о своем присоединении к новому Генеральному Совету, и уловка с созывом нового английского съезда является последним средством, к которому вынуждены прибегнуть раскольники.

В ответ на предложения этого циркуляра мы должны объявить следующее:

1. Мы заявляем, что всякий съезд, созванный в Англии для пересмотра решений, принятых на Гаагском конгрессе, является незаконным, потому что каждая федерация имеет право представить свои возражения очередному общему конгрессу. Далее мы объявляем единственным законным съездом Британской федерации тот съезд, который состоится в Манчестере в троицын день, в соответствии с резолюцией, принятой Ноттингемским съездом в июле 1872 года.

2. Предлагаем секциям взять назад полномочия, выданные лицам, подписавшим циркуляр, и направить в Федеральный совет новых делегатов в качестве своих представителей.

3. Предлагаем секциям избрать комитет, которому будут представлены протоколы Федерального совета и который сделает свои собственные выводы относительно того, кто мешает и кто содействует работе Товарищества, и кто действует в интересах врагов рабочего класса.

4. Предлагаем секциям избрать комиссию для выяснения обстоятельств организации секций, числа их членов и даты их основания и в частности числа делегатов, которых они обычно посылали в Федеральный совет.

Поскольку теперь секции располагают обоими документами, мы передаем дело в их руки и только просим, чтобы нам было немедленно сообщено принятое ими решение.

Но мы категорически утверждаем, что действуем в соответствии с Уставом и конституцией Товарищества и в подлинных интересах рабочего класса.

Да здравствует Международное Товарищество Рабочих!

Ф. Харри — секция Южного Ламбетта, председатель.

Э. Хилз — секция Уэст-Энда.

Ф. Лесснер — Ноттингемский съезд, бывший член Генерального Совета, член-основатель Международного Товарищества Рабочих.

У. Х. Райли — Ноттингемский съезд.

Ч. Марри — секция Норменби, бывший член Генерального Совета.

Дж. Милнер — Национальная лига реформы, бывший член Генерального Совета.

Дж. Митчелл — секция Хинкли, Лестершир. ***Г. А. Вейлер*** — Немецкая секция в Лондоне. ***С. Викери*** — секция Биркенхеда. ***Эжен Дюпон*** — Манчестерская секция, бывший член Генерального Совета, член-основатель Международного Товарищества Рабочих.

Все сообщения следует направлять гражданину Райли, редактору «International Herald», 7, Ред Лайон-корт, Флитстрит, Лондон.

Лондон, 23 декабря 1872 г.

Составлено К. Марксом 20 декабря 1872 г.

Напечатало 30—31 декабря 1872 г. в виде листовки

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ[223]

Написано Ф. Энгельсом в мае 1872 — январе 1873 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» №№ 51, 52, 53, 103 и 104; 26 и 29 июня, 3 июля, 25 и 28 декабря 1872 г.; № № 2, 3, 12, 13, 15 и 16; 4 и 8 января, 8, 12, 19 и 22 февраля 1873 г. и в виде трех отдельных выпусков, изданных в Лейпциге в 1872—1873 гг.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту издания 1887 г., сверенному с текстом газеты

Перевод с немецкого

1 April 73.

Laura Lafargue
der Verfasser

Zur Wohnungsfrage.

Von

Friedrich Engels.

Separatabdruck aus dem „Volksstaat".

Leipzig, 1872.

Verlag der Expedition des „Volksstaat".

Титульный лист книги Ф. Энгельса
«К жилищному вопросу» с дарственной
надписью автора Лауре Лафарг

РАЗДЕЛ I
КАК ПРУДОН РАЗРЕШАЕТ ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

В № 10 и в следующих номерах «Volksstaat» помещена серия из шести статей по жилищному вопросу, заслуживающих внимания только потому, что они — если не считать нескольких давно забытых полубеллетристических писаний 40-х годов — являются первой попыткой насаждения школы Прудона в Германии. Это такой огромный шаг назад по отношению ко всему ходу развития немецкого социализма, уже 25 лет назад нанесшего именно прудоновским представлениям решительный удар*. что против этой попытки стоит выступить сейчас же.

Так называемая жилищная нужда, которой в настоящее время уделяется в печати такое большое внимание, заключается не в том, что рабочий класс вообще живет в скверных, перенаселенных, нездоровых жилищах. *Эта* жилищная нужда не является чем-то специфическим для современности; она не является даже одним из страдании, характерных именно для современного пролетариата в отличие от всех прежних угнетенных классов; напротив, она затрагивала почти в равной мере все угнетенные классы всех времен. Чтобы положить конец этой жилищной нужде, есть только *одно* средство: устранить вообще эксплуатацию и угнетение трудящихся классов господствующими классами. — То, что сегодня понимают под жилищной нуждой, это — особое обострение и без того скверных жилищных условий рабочих, создавшееся вследствие внезапного прилива населения в большие города; колоссальное повышение квартирной платы, еще усилившаяся скученность жильцов

* В книге Маркса «Нищета философии», Брюссель и Париж, 1847.[224]

в отдельных домах, невозможность для некоторых вообще найти себе пристанище. И *эта* жилищная нужда только потому заставляет так много говорить о себе, что она не ограничивается рабочим классом, но затрагивает одновременно и мелкую буржуазию .

Жилищная нужда рабочих и части мелкой буржуазии наших современных больших городов представляет собой одно из бесчисленных *более мелких,* второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства. Она вовсе не является прямым следствием эксплуатации капиталистом рабочего *как* рабочего. Эта эксплуатация — вот коренное зло, которое социальная революция стремится уничтожить, уничтожая капиталистический способ производства. Краеугольным камнем капиталистического способа производства является именно тот факт, что наш современный общественный строй предоставляет капиталисту возможность покупать рабочую силу рабочего по ее стоимости, а выколачивать из нее гораздо больше ее стоимости, заставляя рабочего работать дольше, чем необходимо для воспроизводства цены, уплаченной за рабочую силу. Произведенная таким образом прибавочная стоимость распределяется между всем классом капиталистов и землевладельцев вместе с их оплачиваемыми слугами, начиная от папы и императора и кончая ночными сторожами и прочими. Как происходит это распределение, нас тут не интересует; несомненно одно, что все, кто не трудится, могут жить только за счет того, что перепадает им тем или иным способом от этой прибавочной стоимости (сравни *«Капитал» Маркса,* где это разъяснено впервые[225]).

Распределение произведенной рабочим классом и безвозмездно отнятой у него прибавочной стоимости между нетрудящимися классами совершается в ходе весьма поучительной мелочной борьбы и взаимного надувательства: поскольку это распределение осуществляется путем купли и продажи, одним *из* главных его рычагов является обман покупателя продавцом, и этот обман стал теперь в розничной торговле, особенно в больших городах, подлинным условием жизни для продавца. Но если лавочник или булочник обманывает рабочего на цене или на качестве товара, то он обманывает его не в его специфическом качестве рабочего. Напротив, коль скоро в каком-либо месте некоторая средняя мера надувательства становится общественным правилом, она, с течением времени, неизбежно находит свое возмещение в соответствующем повышении заработной платы. Рабочий выступает по отношению к лавочнику как покупатель, то есть как владелец денег или кредита, и, следова-

тельно, вовсе не в качестве рабочего, то есть продавца рабочей силы. Пусть надувательство затрагивает его, как вообще неимущие классы, сильнее, чем более богатые классы общества, но оно не является злом, затрагивающим исключительно рабочего, свойственным только его классу.

Точно так же обстоит дело и с жилищной нуждой. Рост современных больших городов приводит к искусственному, часто колоссальному повышению стоимости земельных участков в некоторых районах, в особенности в центре города; возведенные на этих участках строения, вместо того, чтобы повышать эту стоимость, наоборот, снижают ее, так как уже не соответствуют изменившимся условиям; их сносят и заменяют другими. В первую очередь такая участь постигает расположенные в центре рабочие жилища, наемная плата со сдачи которых, даже при величайшей скученности, никогда не может, или во всяком случае крайне медленно может превысить известный максимум. Их сносят и строят на их месте магазины, склады, общественные здания. Бонапартизм, в лице своего Османа, в колоссальнейших размерах использовал в Париже* эту тенденцию для мошенничества и личного обогащения. Но дух Османа прошелся и по Лондону, Манчестеру, Ливерпулю и, по-видимому, чувствует себя как дома и в Берлине и в Вене. В результате, из городских центров рабочих оттесняют на окраины; жилища для рабочих и вообще маленькие квартиры становятся редкими и дорогими, а зачастую их и вовсе не найти, так как при таких условиях строительная промышленность, для которой дорогие квартиры представляют гораздо более выгодное поле для спекуляции, строит жилища для рабочих лишь в виде исключения.

Эта жилищная нужда, таким образом, несомненно сильнее бьет по рабочему, чем по зажиточным классам, но, подобно надувательству лавочников, она отнюдь не представляет собой бедствие, гнетущее исключительно рабочий класс, и, поскольку она затрагивает рабочий класс, на известном уровне и при известной продолжительности она точно так же неизбежно находит известное экономическое возмещение.

Преимущественно этими-то страданиями, общими у рабочего класса с другими классами, в особенности с мелкой буржуазией, и предпочитает заниматься мелкобуржуазный социализм, к которому принадлежит и Пру дон. И поэтому вовсе не случайно наш немецкий прудонист берется прежде всего за жилищный вопрос, который, как мы видели, никоим образом не является

* Слова «в Париже» добавлены Энгельсом в издании 1887 года. *Ред.*

исключительно рабочим вопросом; не случайно он, напротив, объявляет жилищный вопрос доподлинно, исключительно рабочим вопросом.

«Съемщик по отношению к *домовладельцу* — то же, что *наемный рабочий* по отношению к *капиталисту».*

Это совершенно неверно.

В жилищном вопросе есть две противостоящих друг другу стороны: съемщик и сдающий внаем, или домовладелец. Первый хочет купить у второго временное пользование жилищем; у него есть деньги или кредит, хотя бы он был вынужден покупать этот кредит опять-таки у того же домовладельца по ростовщической цене, в виде надбавки к квартирной плате. Это — простая продажа товара; это не сделка между пролетарием и буржуа, между рабочим и капиталистом. Съемщик — даже если он рабочий — выступает как *человек имущий;* он должен был либо уже заранее продать свойственный ему товар, рабочую силу, чтобы с выручкой от этой продажи иметь возможность выступить в качестве покупателя права пользования жилищем, либо же он должен быть в состоянии представить гарантии того, что эта рабочая сила будет продана. Своеобразные результаты, к которым приводит продажа рабочей силы капиталисту, здесь совершенно отсутствуют. Капиталист заставляет купленную рабочую силу, во-первых, воспроизвести свою стоимость, а во-вторых, производить еще прибавочную стоимость, которая временно и впредь до распределения среди класса капиталистов остается в его руках. Здесь, следовательно, производится избыточная стоимость; общая сумма наличной стоимости увеличивается. Совершенно иначе обстоит дело при сделке найма. Сколько бы ни сорвал сдающий внаем у съемщика, это всегда лишь передача уже *существующей,* ранее *произведенной* стоимости, а общая сумма стоимости, которой обладают съемщик и сдающий внаем *вместе,* остается без изменений. У рабочего всегда вымогают часть продукта его труда, — все равно, оплачивает ли капиталист его труд ниже, выше или по его стоимости; а со съемщиком это бывает лишь в том случае, когда он вынужден оплачивать жилье выше его стоимости. Поэтому попытка отождествить отношение между съемщиком и сдающим внаем с отношением между рабочим и капиталистом является полным извращением этого отношения. Напротив, мы имеем здесь дело с совершенно обычной товарной сделкой между двумя гражданами, и сделка эта совершается согласно экономическим законам, регулирующим продажу товаров вообще и продажу товара «земельное владение» — в частности.

Прежде всего принимаются в расчет расходы по постройке и содержанию дома или данной части дома; во вторую очередь — стоимость земли, обусловленная более или менее благоприятным местоположением дома; наконец, решает дело соотношение между спросом и предложением в данный момент. Это простое экономическое отношение отражается в голове нашего прудониста следующим образом.

«Однажды построенный дом служит *вечным юридическим основанием* для получения определенной доли общественного труда, хотя действительная стоимость дома в более чем достаточной мере давно уже выплачена владельцу в форме квартирной платы. Так получается, что для дома, построенного, например, 50 лет тому назад, первоначальные издержки покрываются за это время 2, 3, 5, 10 и более раз получаемой с него квартирной платой».

Здесь перед нами Прудон весь как на ладони. Во-первых, упускается из виду, что квартирная плата должна покрывать не только проценты на издержки по постройке дома, но также и ремонт, среднюю сумму безнадежных долгов и невыплаченной квартирной платы, равно как и возможные убытки от пустующих квартир; и, наконец, ежегодное погашение соответствующей доли капитала, вложенного при постройке, поскольку дом с течением времени становится негодным для жилья и обесценивается*. Во-вторых, упускается из виду, что квартирная плата должна также покрывать проценты на повышение стоимости земельного участка, на котором стоит дом; что, следовательно, часть ее состоит из земельной ренты. Правда, наш прудонист тотчас же разъясняет, что это повышение стоимости, происходящее помимо участия собственника земли, принадлежит по праву не ему, а обществу; он не замечает, что тем самым по сути дела требует упразднения земельной собственности, но на этом вопросе мы здесь останавливаться не будем, так как это отвлекло бы нас слишком далеко. Наконец, он не замечает, что во всей этой сделке речь идет вовсе не о покупке дома у собственника, а лишь о праве пользования им на известный срок. Прудон, который никогда не задумывался о действительных фактических условиях, при которых происходит какое-либо экономическое явление, не может, конечно, объяснить себе, каким образом первоначальная сумма издержек по постройке дома при известных обстоятельствах может за 50 лет быть выплачена в десятикратном размере в виде платы за наем помещения. Вместо того, чтобы исследовать экономически этот отнюдь не сложный момент и твердо установить, —

* Конец фразы, начиная со слов; «и, наконец,» добавлен Энгельсом в издании 1887 года. *Ред.*

действительно ли и если да, то каким образом он находится в противоречии с экономическими законами, — Прудон спасается смелым прыжком из экономической области в юридическую: «Однажды построенный дом служит *вечным юридическим, основанием»* для определенного ежегодного платежа. Как это происходит, *каким образом* дом *становится* юридическим основанием, об этом Прудон умалчивает. А ведь именно это он и должен был бы объяснить. Исследовав это, он нашел бы, что все юридические основания на свете, как бы вечны они ни были, не могли бы наделить дом такой силой, чтобы за пятьдесят лет сумма издержек на его постройку была выплачена в десятикратном размере в виде квартирной платы, и что это возможно лишь в результате экономических условий (которые могут получить общественное признание под видом юридических оснований). А тут ему снова пришлось бы начинать сначала.

Все учение Прудона покоится на этом спасительном прыжке из экономической действительности в юридическую фразеологию. Там, где храбрый Прудон не улавливает экономическую связь явлении — а это происходит с ним во всяком серьезном вопросе, — он спасается бегством в область права и апеллирует к *вечной справедливости.*

«Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям» «естества» и «сродства»? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «вечной справедливости», «вечной правде», «вечной взаимности» и другим «вечным истинам», то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит «вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божией»?» *(Маркс,* Капитал, стр. 45[226]).

У нашего прудониста дело обстоит не лучше, чем у его учителя:

«Договор о найме является одной из тысячи меновых сделок, которые в жизни современного общества так же необходимы, как кровообращении

в теле животного. Было бы, естественно, в интересах общества, чтобы все эти меновые сделки были проникнуты *правовой идеей,* то есть повсюду проводились бы согласно строгим требованиям справедливости. Одним словом, экономическая жизнь общества должна, как говорит Прудон, подняться до высоты *экономического права.* На самом деле, как известно, происходит как раз обратное».

Можно ли было подумать, что через пять лет после того, как Маркс так кратко и метко обрисовал прудонизм именно с этой решающей стороны, окажется возможным печатать на немецком языке подобный вздор? Что же означает эта галиматья? Ничего иного, кроме того, что практические последствия экономических законов, управляющих современным обществом, оскорбляют правовое чувство автора и что последний питает благочестивое желание, чтобы обстоятельства изменились и зло было исправлено. — Да, если бы у жаб были хвосты, они не были бы жабами! И разве капиталистический способ производства не «проникнут правовой идеей», а именно идеей своего особого права на эксплуатацию рабочих? Если же автор заявляет нам, что это — не *его* правовая идея, то продвинулись ли мы хоть на шаг вперед?

Однако вернемся к жилищному вопросу. Тут наш прудонист дает полную волю своей «правовой идее» и потчует нас следующей трогательной декламацией:

«Мы утверждаем без всяких колебаний, что нет более ужасного издевательства над всей культурой нашего прославленного века, чем тот факт, что в больших городах 90 и более процентов населения лишены крова, который они могли бы назвать своим собственным. Подлинное средоточие нравственного и семейного существования, домашний очаг, уносится социальным вихрем... Мы в этом отношении стоим гораздо ниже дикарей. У троглодита есть своя пещера, у австралийца своя глиняная хижина, у индейца свой собственный очаг, — современный же пролетарий фактически висит в воздухе» и т. д.

В этой иеремиаде прудонизм проявляется во всей своей реакционности. Для создания современного революционного класса, пролетариата, было абсолютно необходимо, чтобы была перерезана пуповина, еще привязывавшая рабочего прежних времен к земле. Ручной ткач, у которого, наряду с его ткацким станком, был свой домик, огородик и клочок поля, при всей нищете и при всем политическом гнете был тихим, довольным человеком, «исполненным благочестия и почтительности», снимал шапку перед богачами, попами и чиновниками и был весь насквозь пропитан рабским духом. Именно современная крупная промышленность, превратившая прикованного к земле рабочего в лишенного всякой собственности, избавленного от

всех унаследованных цепей[*], *поставленного вне закона*[**] пролетария, — именно эта экономическая революция создала условия, при которых только и может быть ниспровергнута эксплуатация трудящегося класса в ее последней форме, в форме капиталистического производства. И вот приходит этот плаксивый прудонист и сокрушается по поводу изгнания рабочих из их домашних очагов, видя в этом большой шаг назад, тогда как именно это изгнание и было первейшим условием их духовного освобождения.

27 лет назад (в книге «Положение рабочего класса в Англии»[227]) я в основных чертах описал как раз этот процесс изгнания рабочих из их домашних очагов, как он происходил в XVIII веке в Англии. Мерзости, совершавшиеся при этом землевладельцами и фабрикантами, вредное материальное и моральное действие, которое неизбежно оказывало это изгнание прежде всего на подвергавшихся ему рабочих, получили там также должное отражение. Но могло ли мне прийти в голову усмотреть в этом совершенно необходимом при данных обстоятельствах историческом процессе развития шаг назад — «ниже дикарей»? Никоим образом. Английский пролетарий 1872 г. стоит бесконечно выше сельского ткача 1772 г. с его «домашним очагом». И разве троглодит со своей пещерой, австралиец со своей глиняной хижиной, индеец со своим собственным очагом совершит когда-либо июньское восстание или осуществит Парижскую Коммуну?

В том, что материальное положение рабочих со времени введения капиталистического производства в крупном масштабе в целом ухудшилось, сомневается только буржуа. Но разве должны мы из-за этого с тоской оглядываться назад на (также очень скудные) горшки с мясом египтян[228], на мелкую сельскую промышленность, воспитывавшую только холопские души, или на «дикарей»? Напротив. Только созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковывали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству. Сельские ткачи прежних времен с домашним очагом никогда не были бы в состоянии сделать это, они никогда

[*] В газете «Volksstaat» вместо слов «от всех унаследованных цепей» напечатано: «от всей унаследованной культуры». *Ред.*

[**] Игра слов: «vogelfrei» — «поставленный вне закона», а также «свободный как птица». *Ред.*

не пришли бы к подобной мысли, а еще менее могли бы желать ее осуществления.

Для Прудона, напротив, вся промышленная революция последних ста лет, сила пара, крупное фабричное производство, заменяющее ручной труд машинами и тысячекратно увеличивающее производительную силу труда, — чрезвычайно неприятное событие, нечто такое, чего бы, собственно, и быть не должно. Мелкий буржуа Прудон стремится к такому миру, в котором каждый изготовляет особый самостоятельный продукт, пригодный к немедленному потреблению и к обмену на рынке; если при этом каждому возмещается полная стоимость продукта его труда в виде другого продукта, то удовлетворена «вечная справедливость», и на земле установлен лучший из миров. Но этот прудоновский лучший из миров раздавлен уже в зародыше ходом прогрессирующего промышленного развития, которое давно уже уничтожило обособленный труд во всех отраслях крупной промышленности и с каждым днем все больше уничтожает его в различных отраслях мелкой и мельчайшей промышленности, заменяя его трудом общественным, опирающимся на машины и на покоренные силы природы, трудом, готовый продукт которого, пригодный к немедленному обмену или потреблению, представляет плод совместного труда многих лиц, через руки которых он должен был пройти. И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такого высокого уровня, что создала возможность — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всеми членами общества и для богатого резервного фонда, но и предоставить каждому достаточно досуга для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре — науке, искусстве, формах общения и т. д., — и не только для восприятия, но и для превращения всего этого из монополии господствующего класса в общее достояние всего общества и для дальнейшего развития этого достояния. В этом-то и заключается решающий пункт. Коль скоро производительная сила человеческого труда развилась до такого высокого уровня, — исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним доводом в защиту классового различия было всегда следующее: нужен класс, избавленный от необходимости повседневно изнурять себя добыванием хлеба насущного, чтобы он мог заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей себе до сих пор немалое историческое оправдание, раз

навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общения. Больших невежд, чем наши современные буржуа, никогда не бывало.

Но до всего этого приятелю Прудону нет никакого дела. Он жаждет «вечной справедливости» и ничего другого. Каждый должен получить в обмен на свой продукт полный доход труда, полную стоимость своего труда. Но вычислить ее в продукте современной промышленности — дело не легкое. Современная промышленность затемняет именно ту особую долю участия каждого отдельного человека в совокупном продукте, которая при прежнем обособленном ручном труде сама собой выражалась в произведенном продукте. Далее, современная промышленность все более и более устраняет единичный обмен, на котором построена вся система Прудона, а именно — непосредственный обмен между двумя производителями, из которых каждый выменивает свой продукт на продукт другого, в целях потребления*. Вот почему всему прудонизму свойственна реакционная черта — отвращение к промышленной революции и то явно, то скрыто выраженное стремление вышвырнуть вон всю современную промышленность, паровые машины, прядильные машины и прочие напасти и вернуться к старому, надежному ручному труду. Что при этом мы потеряем девятьсот девяносто девять тысячных производительной силы, что все человечество обрекается на ужаснейшее трудовое рабство, что голод станет общим правилом, — какое все это имеет значение, если только нам удастся наладить обмен так, чтобы каждый получал «полный доход труда» и чтобы была осуществлена «вечная справедливость»? Fiat justitia, pereat mundus!

Пусть погибнет мир, но да восторжествует справедливость!

И мир погиб бы при этой прудоновской контрреволюции, если бы она вообще была осуществима.

Впрочем, само собой разумеется, что и при общественном производстве, обусловленном современной крупной промышленностью, каждому может быть обеспечен «полный доход его труда», поскольку эта фраза вообще имеет смысл. А смысл эта фраза имеет лишь в том случае, если понимать ее в более широком смысле таким образом, что не каждый отдельный рабочий

* Последняя часть этой фразы, начиная со слов «а именно — непосредственный обмен», добавлена Энгельсом в издании 1887 года. *Ред.*

становится собственником этого «полного дохода своего труда», а что все общество, состоящее из одних рабочих, является собственником совокупного продукта своего труда, продукта, который оно частью распределяет для потребления среди своих сочленов, частью употребляет на возмещение и увеличение своих средств производства, а частью накопляет в качестве резервного фонда производства и потребления*.

* * *

После всего сказанного мы уже заранее можем знать, как наш прудонист разрешит великий жилищный вопрос. С одной стороны, он выдвигает требование, чтобы каждый рабочий имел свое собственное, принадлежащее ему жилище, дабы мы больше не стояли *ниже дикарей.* С другой стороны, он уверяет, что двух-, трех-, пяти- или десятикратная оплата первоначальных издержек по постройке дома в виде квартирной платы, как это происходит на деле, покоится на *правовом основании* и что это правовое основание находится в противоречии с *«вечной справедливостью».* Решается все очень просто: мы отменяем правовое основание и в силу вечной справедливости объявляем выплачиваемую квартирную плату платежом в счет погашения цены самого жилища. Если приняты такие предпосылки, которые уже содержат в себе конечный вывод, то, конечно, достаточно той ловкости, какой обладает любой фокусник, чтобы вытащить из кармана заранее приготовленный результат и кичиться несокрушимостью логики, приведшей к этому заключению.

Так и здесь. Отмена найма жилищ провозглашается необходимостью, и именно в форме требования превратить каждого съемщика в собственника своего жилища. Но как это сделать? Очень просто:

«Наемное жилище выкупается... Прежнему домовладельцу выплачивается стоимость его дома до последнего гроша. Вместо того, чтобы выплачиваемая плата за наем помещения представляла собой, как раньше, дань, которую съемщик платит вечному праву капитала, вместо этого, со дня объявления выкупа наемных жилищ, выплачиваемая съемщиком точно установленная сумма становится ежегодным платежом в счет погашения перешедшего в его владение жилища... Общество... превращается таким путем в совокупность независимых свободных квартировладельцев».

Прудонист видит преступление против вечной справедливости в том, что домовладелец, не трудясь, может выколачивать земельную ренту и проценты со своего вложенного в дом

* Вся последняя фраза, начиная со слов: «А смысл...» добавлена Энгельсом в издании 1887 года. *Ред.*

капитала. Он декретирует, что это надо прекратить, что вложенный в дома капитал не должен больше приносить процентов, а в той мере, в какой этот капитал представляет собой купленный земельный участок, он не должен приносить и земельной ренты. Но мы видели, что капиталистический способ производства, основа современного общества, вовсе не затрагивается этим. Узловой пункт, вокруг которого вращается эксплуатация рабочего, это — продажа рабочей силы капиталисту и то, как использует капиталист эту сделку, заставляя рабочего производить гораздо больше того, что составляет оплаченная стоимость рабочей силы. Эта сделка между капиталистом и рабочим и создает всю ту прибавочную стоимость, которая затем распределяется между различными разновидностями капиталистов и их слуг в виде земельной ренты, торговой прибыли, процентов на капитал, налогов и так далее. И вот является наш прудонист и заявляет, что если бы *одной-единственной разновидности* капиталистов, — и притом таких капиталистов, которые непосредственно вовсе не покупают рабочей силы, следовательно, не заставляют производить прибавочную стоимость, — запретили получать прибыль, или проценты, то это явилось бы шагом вперед! Масса отнятого у рабочего класса неоплаченного труда нисколько не изменилась бы, если бы домовладельцы были завтра лишены возможности заставлять выплачивать себе земельную ренту и проценты; это не мешает, однако, нашему прудонисту заявить:

«Отмена найма жилищ является, таким образом, одним из *самых плодотворных и самых возвышенных стремлений,* зародившихся в лоне революционной идеи, она должна стать для социальной демократии *первостепенным требованием».*

Точь-в-точь как базарные выкрики самого мэтра Прудона, у которого тоже кудахтанье всегда обратно пропорционально величине снесенного яйца.

Но представьте себе великолепное положение вещей, когда каждый рабочий, мелкий буржуа и буржуа принужден будет путем ежегодных платежей стать сначала частично, а затем и полностью собственником своего жилища! В промышленных округах Англии, где промышленность крупная, а дома для рабочих маленькие и где каждый семейный рабочий живет в отдельном домике, — это имело бы еще некоторый смысл. Но мелкая промышленность Парижа, как и большинства крупных городов континента, дополняется большими домами, где живут по десять, двадцать, тридцать семей. В день объявления декрета, несущего миру избавление и возвещающего выкуп наемных жилищ, какой-нибудь Петер работает на машино-

строительной фабрике в Берлине. По истечении года он — собственник, допустим, пятнадцатой части своего жилища, состоящего из одной комнатки на пятом этаже где-нибудь у Гамбургских ворот. Он лишается работы и вскоре оказывается в подобном же жилище, с восхитительным видом во двор, в третьем этаже, в Потгофе, в Ганновере, где он, прожив пять месяцев, приобретает ровно $^{1}/_{36}$ часть собственности, как вдруг стачка перебрасывает его в Мюнхен и принуждает его после одиннадцатимесячного пребывания стать собственником ровно $^{11}/_{180}$ довольно темного подвального помещения за Обер-Ангергассе. Дальнейшие перемещения, столь часто происходящие в наше время у рабочего, навязывают ему далее: $^{7}/_{360}$ не менее приличного жилища в С.-Галлене, $^{23}/_{180}$ другого — в Лидсе и $^{347}/_{56223}$ — вычисленных точно, дабы не была нарушена «вечная справедливость», — еще третьего жилища в Серене. Что же делать нашему Петеру со всеми этими частичками жилищ? Кто даст ему их настоящую стоимость? Где искать ему собственника или собственников остальных частей своих различных прежних жилищ? И как же будет обстоять дело с отношениями собственности в любом большом доме, этажи которого насчитывают, скажем, двадцать квартир и который — с истечением срока выкупа и с отменой сдачи жилищ внаем — принадлежит, может быть, тремстам частичным собственникам, рассеянным по белу свету? Наш прудонист ответит, что к тому времени будет существовать прудоновский меновой банк, который во всякое время будет выплачивать каждому за любой продукт труда полный доход труда, следовательно, будет выплачивать полную стоимость и за каждую долю жилища. Но прудоновский меновой банк нам здесь ни к чему, во-первых, потому что в статьях по жилищному вопросу он нигде даже не упоминается; во-вторых, он покоится на странном заблуждении, что если кто-либо желает продать товар, он всегда непременно найдет и покупателя по полной стоимости; и, в-третьих, прежде чем он был изобретен Прудоном, он успел уже не один раз обанкротиться в Англии под названием Labour Exchange Bazaar[229].

Сама идея о том, что рабочий должен *купить* себе свое жилище, опять-таки покоится на уже отмеченном нами реакционном прудоновском принципе, будто созданные современной крупной промышленностью условия являются болезненными наростами и что необходимо вернуть общество насильно, — то есть наперекор той тенденции, которой оно следует в течение ста лет, — к такому состоянию, при котором общим правилом является старый, косный ручной труд обособленного производителя и которое вообще есть не что иное, как идеализированное

восстановление погибшего и еще погибающего мелкого ремесленного производства. Если бы рабочие были снова отброшены назад в это косное состояние, если бы «социальный вихрь» был благополучно устранен, то рабочий, конечно, мог бы опять пользоваться собственностью на «домашний очаг», и тогда вышеприведенная теория выкупа показалась бы не столь нелепой. Только Прудон забывает, что для осуществления этого ему пришлось бы сначала перевести стрелку часов мировой истории на сто лет назад и тем самым сделать современных рабочих снова такими же ограниченными, пресмыкающимися, угодливыми рабьими душами, какими были их прадеды.

Поскольку же в этом прудоновском разрешении жилищного вопроса имеется рациональное, практически осуществимое содержание, постольку оно уже теперь проводится в жизнь и возникло это не «в лоне революционной идеи», а... в среде самих крупных буржуа. Послушаем, что пишет об этом 16 марта 1872 г. превосходная испанская газета «Emancipacion» в Мадриде:

«Есть и другой способ разрешения жилищного вопроса, предложенный Прудоном, на первый взгляд блестящий, но при ближайшем рассмотрении обнаруживающий свое полное бессилие. Прудон предложил превратить съемщиков в покупателей в рассрочку, с тем, чтобы ежегодно уплачиваемая плата за наем помещения засчитывалась как частичное погашение стоимости жилища, а съемщик по истечении известного времени становился собственником этого жилища. Этот способ, казавшийся Прудону весьма революционным, применяется теперь во всех странах спекулятивными компаниями, которые, таким образом, путем повышения наемной платы заставляют выплачивать себе двойную и тройную стоимость домов. Г-н Дольфус и другие крупные фабриканты Северо-Восточной Франции осуществили эту систему не только для того, чтобы выколачивать деньги, но кроме того еще с политической задней мыслью.

Наиболее искушенные лидеры господствующих классов всегда направляли свои усилия на увеличение числа мелких собственников, чтобы создать себе армию против пролетариата. Буржуазные революции прошлого столетия раздробили крупное землевладение дворянства и церкви на мелкую парцеллярную собственность, — что хотят теперь сделать и испанские республиканцы с еще существующим крупным землевладением, — и создали таким образом класс мелких земельных собственников, ставший с тех пор самым реакционным элементом общества и постоянным препятствием для революционного движения городского пролетариата. Наполеон III намеревался путем выпуска мелких купюр государственных займов создать подобный же класс в городах, а г-н Дольфус и его коллеги, продавая своим рабочим под условием ежегодных платежей маленькие жилища, стремятся подавить у рабочих всякое проявление революционного духа и в то же время приковать их этой земельной собственностью к фабрике, на которой они работают. Таким образом, план Прудона не только не дал рабочему классу никакого облегчения, но обернулся даже прямо против него»*.

* О том, как само собой возникает такое разрешение жилищного вопроса посредством прикрепления рабочих к собственному «дому» вблизи больших или разрастающихся американских городов, свидетельствует следующее место из одного письма Элеоноры Маркс-Эвелинг из Индианополиса от 28 ноября 1886 года; «В Кан-

Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, то есть не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, — именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *«нужде* в жилищах» при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятие квартир современным государством.

* * *

Но наш прудонист еще не удовлетворен своими достижениями в жилищном вопросе. Он должен вознести этот вопрос с грешной земли в область высшего социализма для того, чтобы и там этот вопрос утвердил себя существенной «частью социального вопроса».

«Предположим, что производительность капитала, — как это рано или поздно должно случиться, — действительно взята за рога, например, посредством переходного закона, *твердо устанавливающего размер процента со всех капиталов в один процент,* притом с тенденцией постепенно приблизить и этот размер процента к нулю, так что, в конце концов, ничто больше не будет оплачиваться, кроме *труда, необходимого для оборота капитала.* Разумеется, и дом, и квартира, подобно всем другим

зас-Сити, или вернее близ него, мы видели жалкие маленькие деревянные постройки, в каких-нибудь три комнаты, в совершенно еще дикой местности; участок земли стоил 600 долларов и был как раз таких размеров, чтобы на нем мог уместиться маленький домик; последний сам стоил еще 600 долларов, следовательно, все вместе 4800 марок за несчастную маленькую лачужку, расположенную в часе пути от города, на болотистом пустыре». Таким образом, рабочим приходится брать на себя тяжелые ипотечные долги, только бы получить эти жилища, и тогда-то они становятся действительно рабами своих хозяев; они привязаны к своим домам, они не могут уйти и вынуждены соглашаться на любые предлагаемые им условия труда. *(Примечание Энгельса к изданию 1887 г.)*

продуктам, подлежат действию этого закона... Сам владелец первый постарается продать свой дом, так как иначе он остался бы незанятым, а вложенный в него капитал стал бы просто бесполезным».

Это положение заключает в себе один из главных символов веры прудоновского катехизиса и дает яркий образец господствующей в нем путаницы.

«Производительность капитала», это — бессмыслица, которую Прудон неосмотрительно заимствует у буржуазных экономистов. Правда, буржуазные экономисты тоже начинают с утверждения, что труд есть источник всякого богатства и мера стоимости всех товаров; но они должны также объяснить, каким образом капиталист, вкладывающий капитал в промышленное или ремесленное предприятие, в результате не только возвращает себе вложенный капитал, но получает сверх того еще и прибыль. Они неизбежно поэтому запутываются во всякого рода противоречиях и приписывают известную производительность также и капиталу. Нет лучшего доказательства того, как глубоко еще погряз Прудон в буржуазном способе мышления, чем эта усвоенная им манера говорить о производительности капитала. Мы уже вначале видели, что так называемая «производительность капитала» есть не что иное, как присущая ему способность (при нынешних общественных отношениях, без которых он вовсе не был бы капиталом) присваивать себе неоплаченный труд наемных рабочих.

Но от буржуазных экономистов Прудон отличается тем, что он эту «производительность капитала» не одобряет, а, напротив, открывает в ней нарушение «вечной справедливости». Она-то и препятствует рабочему получать полный доход своего труда. Ее, следовательно, нужно уничтожить. Каким же образом? — Понизив принудительными законами *ставку процента* и сведя ее в конце концов к нулю. Тогда, по мнению нашего прудониста, капитал перестанет быть производительным.

Процент с *денежного* ссудного капитала является только частью прибыли; прибыль с промышленного или с торгового капитала представляет собой лишь часть прибавочной стоимости, отнятой классом капиталистов у рабочего класса в виде неоплаченного труда. Экономические законы, регулирующие ставку процента, настолько независимы от законов, определяющих норму прибавочной стоимости, насколько это вообще возможно для законов одной и той же общественной формации. Что же касается распределения этой прибавочной стоимости между отдельными капиталистами, то ясно, что для промышленников и торговцев, в предприятия которых много капитала вложено другими капиталистами, норма прибыли,

при прочих равных условиях, должна повышаться в той же мере, в какой падает ставка процента. Следовательно, понижение и, наконец, отмена ставки процента в действительности вовсе не «взяла бы за рога» так называемую «производительность капитала», а только установила бы иное распределение между отдельными капиталистами отнятой у рабочего класса неоплаченной прибавочной стоимости и обеспечила бы не преимущество рабочего по отношению к промышленному капиталисту, а преимущество промышленного капиталиста по отношению к рантье.

Прудон со своей юридической точки зрения объясняет ставку процента, как и все экономические явления, не условиями общественного производства, а государственными законами, в которых эти условия находят общее выражение. С этой точки зрения, чуждой какому-либо представлению о связи государственных законов с общественными условиями производства, эти государственные законы неизбежно представляются совершенно произвольными приказами, которые в любой момент с таким же успехом могут быть заменены прямо противоположными. Поэтому для Прудона нет ничего легче, как издать декрет — если бы только он имел для этого власть, — по которому ставка процента снижается до одного процента. Но если все прочие общественные условия останутся прежними, то этот прудоновский декрет будет существовать только на бумаге. Несмотря ни на какие декреты, ставка процента будет по-прежнему регулироваться, экономическими законами, которым она подчинена в настоящее время. Кредитоспособные люди будут, как и прежде, в зависимости от обстоятельств, занимать деньги из 2, 3, 4 и более процентов, с той лишь разницей, что рантье станут весьма осмотрительны и будут давать деньги взаймы лишь таким людям, со стороны которых нечего опасаться судебного процесса. К тому же этот великий план лишить капитал его «производительности» — давнего происхождения; он столь же стар, как *законы о ростовщичестве,* целью которых было не что иное, как ограничение ставки процента, и которые теперь отменены повсюду, потому что на практике их всегда нарушали или обходили, и государство вынуждено было признать свое бессилие по отношению к законам общественного производства. И вот, восстановление этих средневековых невыполнимых законов должно «взять производительность капитала за рога»! Как видит читатель, чем глубже исследуешь прудонизм, тем больше выявляется его реакционность.

И когда ставка процента снижена таким способом до нуля, стало быть, отменен процент на капитал, тогда «ничто более

не будет оплачиваться, кроме труда, необходимого для оборота капитала». Это должно означать, что отмена ставки процента равносильна отмене прибыли и даже прибавочной стоимости. Но если бы и было возможно посредством декрета *действительно* отменить процент, — каков был бы результат этого? Для класса *рантье* не имело бы больше смысла давать свои капиталы взаймы в форме ссуды, но он стал бы вкладывать их на собственный риск в собственные промышленные предприятия или в акционерные компании. Масса прибавочной стоимости, отнятой классом капиталистов у рабочего класса, осталась бы прежней, изменилось бы только ее распределение, да и то незначительно.

На самом деле наш прудонист упускает из виду, что уже теперь при покупке товаров в буржуазном обществе в среднем ничто больше не оплачивается, кроме «труда, необходимого для оборота капитала» (что должно означать: для производства определенного товара). Труд есть мера стоимости всех товаров, и в современном обществе — оставляя в стороне колебания рынка — совершенно невозможно, чтобы в общем и целом товары оплачивались выше труда, необходимого для их изготовления. Нет, нет, любезный прудонист, загвоздка совсем в другом: она заключается в том, что «труд, необходимый для оборота капитала» (употребляя Вашу путаную манеру выражения), просто *не оплачивается полностью!* Как это происходит, Вы можете прочесть у Маркса («Капитал», стр. 128—160[230]).

Но это еще не все. Раз отменяется выплата процентов *на капитал,* отменяется также и выплата *наемной платы*[*]. Ибо «и дом, и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежат действию этого закона». Это вполне в духе того старого майора, который приказал позвать своего вольноопределяющегося: «Послушайте! Вы, говорят, доктор, — заходите же ко мне время от времени; когда имеешь жену и семерых детей, всегда найдется кого полечить».

Вольноопределяющийся: «Виноват, господин майор, я доктор философии!»

Майор: «Это для меня безразлично, доктор есть доктор».

Так и с нашим прудонистом: наемная ли плата или процент на капитал — это для него безразлично, выплата есть выплата, доктор есть доктор.

Мы видели выше, что цена за наем, vulgo[**] называемая наемной платой, составляется: 1) частью из земельной ренты, 2) ча-

[*] Игра слов: Zins — процент, Miethzins (или Miethe) — наемная плата. *Ред.*
[**] — попросту. *Ред.*

стью из процента на строительный капитал, включая прибыль подрядчика по постройке, 3) частью из издержек на ремонт и страхование, 4) частью из ежегодных погашений (амортизации) строительного капитала, включая и прибыль, по мере того как дом постепенно приходит в негодность.

Теперь уже даже слепому должно быть ясно, что «сам владелец первый постарается продать свой дом, так как иначе он остался бы незанятым, а вложенный в него капитал стал бы просто бесполезным». Разумеется. Если отменить процент на ссудный капитал, то ни один домовладелец не сможет больше получить ни одного пфеннига наемной платы за свой дом просто потому, что плату за наем помещения можно назвать также наемной *платой,* и потому, что она содержит в себе часть, представляющую действительный процент на капитал. Доктор есть доктор. Если по отношению к обычному проценту на капитал законы о ростовщичестве можно было сделать недействительными лишь посредством их обхода, то ставок наемной платы они никогда не затрагивали ни в малейшей степени. Только Прудон мог вообразить, что его новый закон о ростовщичестве, невзирая ни на что, будет регулировать и постепенно отменит не только простой процент на капитал, но и сложную наемную плату за жилище[231]. Но зачем же тогда покупать у домовладельца за большие деньги этот «просто бесполезный» дом и почему бы домовладельцу при таких обстоятельствах не приплатить еще денег, чтобы избавиться от «просто бесполезного» дома и больше не затрачивать на него расходов по ремонту, — это остается для нас секретом.

После этого великого достижения в области высшего социализма (супрасоциализма, по выражению мэтра Прудона) наш прудонист считает себя вправе вознестись еще немного выше.

«Теперь остается лишь сделать еще некоторые выводы, чтобы со всех сторон полностью осветить столь важный предмет нашего исследования».

Каковы же эти выводы? Выводы эти так же мало вытекают из предыдущего, как обесценение жилых домов вытекает из отмены ставки процента, и означают, если освободить их от пышной и торжественной фразеологии нашего автора, только то, что в целях лучшего завершения дела выкупа наемных жилищ желательны: 1) точная статистика предмета, 2) хорошая санитарная полиция и 3) товарищества строительных рабочих, которые могли бы взять на себя постройку новых домов; все это, конечно, очень хорошие, прекрасные вещи, но только, несмотря на всю эту базарно-крикливую фразеологию, они

отнюдь не способны пролить «ясный свет» на тьму прудоновской идейной путаницы.

Кто свершил столь великое, тот имеет право обратиться к немецким рабочим с серьезным наставлением:

«Эти и подобные им вопросы, думается нам, вполне достойны внимания социальной демократии... Пусть же она стремится с такой же ясностью, как здесь рассмотрен жилищный вопрос, рассмотреть и другие не менее важные вопросы, как *кредит, государственные долги, частные долги, налоги и пр.»* и так далее.

Таким образом, наш прудонист обещает нам в будущем целый ряд статей по «подобным вопросам», и если он разберет все эти вопросы так же обстоятельно, как и данный «столь важный предмет», то газета «Volksstaat» обеспечена рукописями на целый год. Мы можем, впрочем, предугадать ответы, — все сведется к уже сказанному: процент на капитал будет отменен, тем самым отпадут проценты, выплачиваемые по государственным и частным долгам, кредит станет даровым и так далее. То же магическое слово применяется к любому предмету, и в каждом отдельном случае с неумолимой логикой получается тот изумительный вывод, что если отменены проценты на капитал, то за взятые взаймы деньги не надо больше платить процентов.

Впрочем, хороши и вопросы, которыми угрожает нам наш прудонист. — *Кредит!* Какой кредит нужен рабочему, кроме кредита от получки до получки или кредита ломбарда? Предоставят ли ему такой кредит даром или же под проценты, даже под ростовщические проценты ломбардов, — велика ли для него разница? И если бы рабочий, вообще говоря, и получил от этого выгоду, а, следовательно, издержки производства рабочей силы стали бы дешевле, — то разве не упала бы и цена рабочей силы? — Но для буржуа, и особенно для мелкого буржуа, кредит вопрос важный, а мелкому буржуа в особенности было бы удобно иметь возможность во всякое время получить кредит, да к тому же беспроцентный. — *Государственные долги!* Рабочий класс знает, что не он их сделал, и что, захватив власть, он предоставит расплачиваться за них тем, кто их сделал. — *Частные долги!* — смотри кредит. — *Налоги!* Вещь, которая сильно интересует буржуазию, но рабочих — весьма мало: то, что рабочий платит в качестве налогов, входит в конечном счете в издержки производства рабочей силы и, следовательно, должно быть возмещено капиталистом. Все эти пункты, выдвинутые здесь перед нами в качестве вопросов, в высшей степени важных для рабочего класса, на самом деле представляют существенный интерес только для буржуа, а еще более для мелкого буржуа, и мы утверждаем, вопреки

Прудону, что рабочий класс отнюдь не призван блюсти интересы этих классов.

О великом, действительно касающемся рабочих вопросе, об отношении между капиталистом и наемным рабочим, о том, каким образом капиталист может обогащаться за счет труда своих рабочих, об этом наш прудонист не говорит ни слова. Его учитель, правда, занимался этим вопросом, однако отнюдь не внес в него ясности и даже в последних своих произведениях по существу не пошел в этом отношении дальше «Philosophie de la Misere» («Философии нищеты»)[232], все ничтожество которой было еще в 1847 г. столь блестяще разоблачено Марксом.

Весьма печально, что рабочие, говорящие на романских языках, в течение двадцати пяти лет не имели почти никакой другой социалистической духовной пищи, кроме писаний этого «социалиста Второй империи». Было бы вдвойне печально, если бы прудонистская теория наводнила теперь еще и Германию. Но опасаться этого нечего. Немецкие рабочие в теоретическом отношении лет на пятьдесят ушли вперед от прудонизма, и достаточно показать это на примере *одного* только жилищного вопроса, чтобы избавить себя от дальнейшего труда в этом отношении.

РАЗДЕЛ II
КАК БУРЖУАЗИЯ РАЗРЕШАЕТ ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

I

В разделе, посвященном *прудонистскому* решению жилищного вопроса, было показано, до какой степени мелкая буржуазия непосредственно заинтересована в этом вопросе. Но и для крупной буржуазии он представляет значительный, хотя и косвенный, интерес. Современное естествознание показало, что так называемые «плохие кварталы», в которых скучены рабочие, образуют собой очаги всех тех эпидемий, которые периодически навещают наши города. Холера, тиф и тифозная горячка, оспа и другие опустошительные болезни распространяют свою заразу в загрязненном воздухе и отравленной воде этих рабочих кварталов; там они почти никогда не выводятся, а при подходящих условиях развиваются в повальные эпидемии и выходят тогда за пределы своих очагов в лучше проветриваемые и более здоровые части города, заселенные господами-капиталистами. Господствующий класс капиталистов не может безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия оборачиваются против самих капиталистов, и ангел смерти свирепствует среди них так же беспощадно, как и среди рабочих.

Как только это было научно установлено, человеколюбивые буржуа воспылали благородным соревнованием в заботах о здоровье своих рабочих. Стали учреждать общества, писать книги, составлять проекты, обсуждать и издавать законы, чтобы искоренить источники все возобновляющихся эпидемий. Жилищные условия рабочих стали подвергаться обследованиям, и делались попытки устранить самые вопиющие недостатки. Особенно энергичная деятельность была развита в Англии, где имелось больше всего крупных городов и где, следовательно, крупным буржуа сильнее всего грозила опасность; назначены были правительственные комиссии для обследования санитарных условий жизни рабочего класса; их отчеты, которые вы-

годно отличаются от всех издаваемых на континенте источников точностью, полнотой и беспристрастием, послужили основанием для новых, более или менее радикальных законов. Как ни несовершенны и эти законы, они все же бесконечно превосходят все, что до сих пор сделано в этом направлении на континенте. Несмотря на это, капиталистический общественный строй постоянно воспроизводит язвы, о лечении которых идет речь, с такой необходимостью, что даже в Англии лечение это едва ли продвинулось хоть на шаг вперед.

Германии, по обыкновению, понадобился гораздо более продолжительный срок, пока постоянно существующие и здесь источники эпидемий развились до такой степени остроты, какая была необходима, чтобы расшевелить сонливую крупную буржуазию. Впрочем, тише едешь, дальше будешь, и вот возникла, наконец, и у нас буржуазная литература по общественной санитарии и по жилищному вопросу, — жалкое извлечение из иностранных, главным образом английских, предшественников, которому посредством громких и пышных фраз мошеннически придают видимость высшего понимания. К этой литературе принадлежит книга: *Д-р Эмиль Закс. «Жилищные условия трудящихся классов и их реформа».* Вена, 1869[233].

Я выбрал эту книгу для изложения буржуазных взглядов на жилищный вопрос только потому, что в ней делается попытка охватить по возможности всю буржуазную литературу по этому предмету. Но хороша же и эта литература, служащая «источником» нашему автору! Из английских парламентских отчетов, действительно основных источников, упоминаются только три самых старых; вся книга показывает, что автор *никогда не видел ни одного из них;* зато он приводит целый ряд пошло-буржуазных, благомысляще-мещанских и лицемерно-филантропических писаний: Дюкпесьо, Робертс, Хол, Хубер, труды английского конгресса социальных наук (вернее, социального вздора), журнал прусского Союза попечения о благе трудящихся классов, австрийский официальный отчет о парижской всемирной выставке, официальные бонапартистские отчеты о ней же, «Illustrated London News», «Ueber Land und Meer» и, наконец, «признанный авторитет», человек «острого практического ума», «убедительной проникновенности речи», — а именно... *Юлиус Фаухер!* В этом списке источников не хватает еще разве «Gartenlaube», «Kladderadatsch» и стрелка Кучке[234].

Чтобы не могло возникнуть никаких недоразумений относительно точки зрения г-на Закса, он на стр. 22 заявляет:

«Социальной экономией мы называем учение о народном хозяйстве в его применении к социальным вопросам, точнее выражаясь, —

совокупность средств и способов, которые предлагает нам эта наука, для поднятия, на основе ее «железных» законов, в рамках господствующего ныне общественного строя, так называемых (!) неимущих классов до уровня имущих».

Мы не станем разбирать путаное представление, будто «учение о народном хозяйстве», или политическая экономия, вообще занимается какими-либо другими вопросами, кроме «социальных». Мы сразу займемся главным пунктом. Д-р Закс требует, чтобы «железные законы» буржуазной экономики, «рамки господствующего ныне общественного строя», иными словами — капиталистический способ производства оставался неизменным и чтобы, несмотря на это, положение «так называемых неимущих классов» было поднято «до уровня имущих». Но ведь неизбежной предпосылкой капиталистического способа производства является существование не так называемого, а действительно неимущего класса, у которого для продажи нет ничего, кроме своей рабочей силы, и который вынужден поэтому продавать эту рабочую силу промышленным капиталистам. Задача открытой г-ном Заксом новой науки — «социальной экономии» — состоит, стало быть, в следующем: найти средства и пути к тому, чтобы внутри общественного строя, основанного на противоположности между капиталистами, владельцами всех сырых материалов, орудий производства и жизненных средств, с одной стороны, и неимущими наемными рабочими, обладающими только своей рабочей силой, и ничем больше, с другой, — чтобы в рамках этого общественного строя все наемные рабочие могли превратиться в капиталистов, не переставая быть наемными рабочими. Г-н Закс полагает, что разрешил этот вопрос. Не будет ли он так любезен указать нам, каким образом всех солдат французской армии, из которых ведь каждый со времени Наполеона I носит в своем ранце маршальский жезл, можно превратить в фельдмаршалов с тем, чтобы они не переставали быть простыми солдатами. Или же каким образом все 40 миллионов подданных Германской империи сделать германскими императорами!

Сущность буржуазного социализма как раз и заключается в желании сохранить основу всех бедствий современного общества, устранив в то же время эти бедствия. Буржуазные социалисты, как говорится уже в «Коммунистическом Манифесте», хотят «излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества»; они хотят иметь *«буржуазию без пролетариата»*[235]. Мы видели, что г-н Закс именно так и ставит вопрос. Решение социального вопроса он видит в разрешении жилищного вопроса; он держится того мнения, что

«путем улучшения жилищ трудящихся классов можно было бы с успехом облегчить описанную физическую и духовную нищету, а тем самым» — то есть путем широкого улучшения *одних только* жилищных условий — «преобладающая часть этих классов могла бы быть поднята из болота своего нередко едва достойного человека существования к чистым высотам материального и духовного благосостояния» (стр. 14).

Кстати сказать, в интересах буржуазии затушевывать факт существования пролетариата, созданного буржуазными производственными отношениями и являющегося условием дальнейшего их существования. Поэтому г-н Закс рассказывает нам на стр. 21, что под трудящимися классами следует понимать, наряду с собственно рабочими, все «несостоятельные общественные классы», «вообще мелкий люд — ремесленников, вдов, пенсионеров (!), низших чиновников и т. д.» Буржуазный социализм подает руку мелкобуржуазному.

Откуда же происходит жилищная нужда? Как она возникла? Г-ну Заксу как доброму буржуа не полагается знать, что она представляет собой необходимый продукт буржуазной формы общества; что без жилищной нужды не может существовать такое общество, где огромная масса трудящихся должна жить исключительно на заработную плату, то есть на необходимое для сохранения их жизни и продолжения их рода количество жизненных средств; где новые усовершенствования в машинной технике и т. д. непрерывно лишают работы массы рабочих; где бурные, регулярно повторяющиеся колебания промышленности обусловливают, с одной стороны, наличие многочисленной резервной армии незанятых рабочих, а с другой стороны, выбрасывают время от времени на улицу большую массу рабочих, ставших безработными; где рабочие скопляются массами в больших городах и притом быстрее, чем при существующих условиях создаются для них жилища; где, стало быть, самые мерзкие свиные хлева всегда найдут себе съемщиков; где, наконец, домовладелец, в качестве капиталиста, не только имеет право, но, в силу конкуренции, в известной мере даже обязан беспощадно выколачивать из своего домовладения наиболее высокую по размеру наемную плату. В подобном обществе жилищная нужда вовсе не случайность, она — необходимый институт; она может быть устранена — вместе со всеми своими последствиями для санитарного состояния и т. п. — лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания. Но об этом буржуазному социализму знать не полагается. Он не *смеет* объяснять жилищную нужду существующими условиями. Ему, следовательно, не остается ничего иного, как в нравоучительных

фразах объяснять ее человеческой испорченностью, так сказать, первородным грехом.

«И здесь нельзя не признать, — а следовательно, нельзя отрицать» (какое смелое заключение!), — «что вина... отчасти ложится *на самих рабочих,* предъявляющих спрос на жилища, а отчасти, и в гораздо большей степени, на тех, кто берет на себя удовлетворение этой потребности, или же на тех, кто, имея в своем распоряжении необходимые средства, даже и не берет на себя этой обязанности, — *на имущие, высшие общественные классы.* Вина последних... состоит в том, что они не заботятся об обеспечении достаточного предложения хороших жилищ».

Подобно тому как Прудон переносит нас из экономической области в область юридическую, так здесь наш буржуазный социалист тянет нас от экономической области в область морали. И это вполне естественно. Кто объявляет неприкосновенным капиталистический способ производства, «железные законы» современного буржуазного общества, и хочет, тем не менее, устранить их неприятные, но неизбежные последствия, тому не остается ничего другого, как читать капиталистам нравоучительные проповеди, трогательное воздействие которых тотчас же снова испаряется под влиянием личного интереса, а в случае нужды — под влиянием конкуренции. Эти проповеди вполне соответствуют проповедям курицы на берегу пруда, в котором резво плавают высиженные ею утята. Утята двигаются по воде, хотя в ней нет бревен, а капиталисты устремляются к прибыли, хотя в ней нет души. «В денежных делах нет места сентиментам» — говорил уже старый Ганземан[236], который понимал это лучше г-на Закса.

«Хорошие квартиры так дороги, что большая часть рабочих *совершенно лишена возможности* пользоваться ими. Крупный капитал... боязливо уклоняется от постройки жилищ для трудящихся классов.., так что эти классы при удовлетворении своей потребности в жилье попадают большей частью в сети спекуляции».

Гнусная спекуляция! Крупный капитал, разумеется, никогда не спекулирует! Но не злая воля, а только неведение мешает крупному капиталу спекулировать на рабочих жилищах:

«Домовладельцы вовсе не *знают,* какую большую и важную роль ... играет нормальное удовлетворение потребности в жилье, они *не знают, что они причиняют людям,* столь безответственно предлагая им, как правило, плохие, вредные жилища, и, наконец, они не *знают,* как они вредят этим самим себе» (стр. 27).

Но неведение капиталиста для порождения жилищной нужды должно быть дополнено неведением рабочего. Признав, что «самые низшие слои» рабочих, «чтобы не оставаться вовсе без крова, постоянно вынуждены (!) подыскивать себе ночлег где

попало и в этом отношении совершенно беззащитны и беспомощны», г-н Закс сообщает нам:

«Ведь общеизвестен факт, что многие из них» (рабочих) «из легкомыслия, но преимущественно по неведению, чуть ли не с виртуозностью лишают свой организм условий естественного развития и здорового существования, *не имея ни малейшего понятия* о рациональной гигиене, в особенности же о том, какое огромное значение имеет в этом отношении жилище» (стр. 27).

Но тут-то и высовываются ослиные уши буржуа. В то время как «вина» капиталистов улетучилась в неведении, неведение рабочих служит лишь поводом для признания за ними вины. Послушайте:

«Таким образом, получается» (именно благодаря неведению), «что они, лишь бы сберечь хоть немного на квартирной плате, селятся в темных, сырых, тесных жилищах, короче говоря, в жилищах, представляющих собой издевательство над всеми требованиями гигиены... что часто несколько семей снимают вместе одну квартиру, даже одну только комнату, — все это для того, чтобы поменьше тратить на квартиру, между тем как на *пьянство и всякого рода никчемные удовольствия* они *растрачивают* свой доход *подлинно греховным образом».*

Деньги, которые рабочие «расточают на водку и табак» (стр. 28), «кабацкая жизнь со всеми ее плачевными последствиями, которая, подобно свинцовой гире, все снова и снова тянет в грязь рабочее сословие», — вот что действительно свинцовой гирей застряло в горле у г-на Закса. Что при данных обстоятельствах пьянство среди рабочих — столь же необходимый продукт условий их жизни, как тиф, преступность, паразиты, судебный пристав и прочие общественные болезни, столь необходимый, что можно вычислить заранее среднее число людей, предающихся пьянству, — об этом г-ну Заксу опять-таки знать не полагается. Впрочем, еще мой старый школьный учитель говаривал: «Простой народ ходит в кабак, а господа — в клуб», а так как я бывал и там, и здесь, то я могу это подтвердить.

Вся эта болтовня о «неведении» обеих сторон сводится к избитым фразам о гармонии интересов капитала и труда. Если бы капиталисты понимали своп истинные интересы, они предоставляли бы рабочим хорошие жилища и вообще ставили бы их в лучшие условия; а если бы рабочие сознавали свои истинные интересы, они бы не устраивали стачек, не увлекались бы социал-демократией, не занимались бы политикой, а послушно следовали бы за своими начальниками-капиталистами. Но увы, обе стороны видят свои интересы совсем не в том, что проповедуют г-н Закс и его бесчисленные предшественники.

Евангелие гармонии между капиталом и трудом проповедуется вот уже 50 лет; буржуазной филантропии обошлись уже в копеечку попытки доказать эту гармонию образцовыми учреждениями; а положение дел, как мы увидим ниже, за эти пятьдесят лет ничуть не изменилось.

Наш автор переходит теперь к практическому разрешению вопроса. Как мало революционен был проект Прудона сделать рабочих *собственниками* их жилищ, — видно уже из того, что буржуазный социализм еще до него пытался, да и ныне еще пытается, практически осуществить этот проект. Г-н Закс тоже заявляет, что жилищный вопрос может быть вполне разрешен лишь переходом собственности на жилище в руки рабочих (стр. 58 и 59). Более того, он впадает при этой мысли в лирический восторг и разражается следующей вдохновенной тирадой:

«Есть нечто особенное в присущей человеку тоске по земельной собственности, — в стремлении, которого не могла ослабить даже современная *лихорадочно пульсирующая деляческая жизнь.* Это — неосознанное чувство важности хозяйственного приобретения, которое представляет собой земельная собственность. Вместе с ней человек приобретает прочное положение, он как бы пускает крепкие корни в землю, и каждое хозяйство» (!) «приобретает в ней самое устойчивое основание. Но благословенная сила земельной собственности простирается далеко за пределы этих материальных выгод. Кто имеет счастье назвать участок земли своим, тот *достиг наивысшей из мыслимых ступеней хозяйственной независимости;* он имеет владение, где может *суверенно* распоряжаться, он *сам себе господин,* он располагает определенной властью и *надежным убежищем* на черный день; его самосознание растет, а вместе с тем и его нравственная сила. Отсюда глубокое значение собственности в данном вопросе... Рабочий, ныне беспомощно подверженный превратностям конъюнктуры, находящийся в постоянной зависимости от работодателя, тем самым избавился бы в известной степени от этого шаткого положения; *он стал бы капиталистом* и был бы огражден от опасностей безработицы или нетрудоспособности открывшимся в связи с этим для него кредитом под заклад недвижимого имущества. *Он поднялся бы таким путем из неимущих в класс имущих»* (стр. 63).

Г-н Закс исходит, по-видимому, из предположения, что человек по сущности своей — крестьянин; иначе он не стал бы приписывать рабочим наших крупных городов тоску по земельной собственности, тоску, которой до сих пор никто у них не обнаруживал. Для наших рабочих больших городов свобода передвижения — первое жизненное условие, и земельная собственность может стать для них только оковами. Предоставьте им собственные дома, прикрепите их снова к земле, и вы сломите силу их сопротивления против понижения заработной платы фабрикантами. Отдельный рабочий при случае мог бы, пожалуй, продать свой домик, но при серьезной стачке или при все-

общем промышленном кризисе* на рынок для продажи поступили бы все дома, принадлежащие затронутым этим событием рабочим, и тогда либо вовсе не нашли бы покупателей, либо дома распродавались бы гораздо ниже издержек производства. Если бы даже все они нашли покупателей, — вся великая жилищная реформа г-на Закса опять-таки окончилась бы ничем, и ему пришлось бы вновь начинать сначала. Впрочем, поэты живут в воображаемом мире; так живет и г-н Закс, воображающий, что землевладелец «достиг наивысшей ступени хозяйственной независимости», что он имеет «надежное убежище», что он *«становится капиталистом* и огражден от опасностей безработицы или нетрудоспособности открывшимся в связи с этим для него кредитом под заклад недвижимого имущества» и так далее. Но пусть г-н Закс присмотрится к французским и к нашим рейнским мелким крестьянам; их дома и поля сверх всякой меры обременены ипотеками, их урожай еще на корню принадлежит их кредиторам, а в их «владениях» суверенно распоряжаются по своему усмотрению не они, а ростовщик, адвокат и судебный пристав. Это в самом деле наивысшая из мыслимых ступеней хозяйственной независимости... для ростовщика! А для того, чтобы рабочие как можно скорее передали свои домики в такое суверенное распоряжение ростовщика, доброжелательный г-н Закс заботливо указывает им на открытый для них *кредит под заклад недвижимого имущества,* которым они могут воспользоваться во время безработицы и нетрудоспособности, вместо того, чтобы обременять попечительство о бедных.

Во всяком случае, теперь г-н Закс разрешил поставленный вначале вопрос: рабочий *«становится капиталистом»* путем приобретения собственного домика.

Капитал есть господство над неоплаченным трудом других. Домик рабочего становится, следовательно, капиталом лишь тогда, когда он сдает его в наем третьему лицу и присваивает себе в форме наемной платы часть продукта труда этого третьего лица. Но в силу того, что рабочий сам в нем живет, дом как раз и не может стать капиталом, подобно тому как сюртук перестает быть капиталом в тот самый момент, когда я покупаю его у портного и надеваю на себя. Рабочий, владеющий домиком стоимостью в тысячу талеров, правда, уже не пролетарий, но нужно быть г-ном Заксом, чтобы назвать его капиталистом.

* Слова «или при всеобщем промышленном кризисе» добавлены Энгельсом в издании 1887 года. *Ред.*

Однако капиталистическое обличие нашего рабочего имеет еще и другую сторону. Допустим, что в какой-нибудь промышленной местности стало правилом, что каждый рабочий имеет собственный домик. В таком случае *рабочий класс этой местности пользуется жильем бесплатно;* расходы на квартиру уже не входят в стоимость его рабочей силы. Но всякое понижение издержек производства рабочей силы, то есть всякое длительное понижение цены на продукты, жизненно необходимые для рабочего, равносильно, «на основе железных законов учения о народном хозяйстве», понижению стоимости рабочей силы и поэтому, в конце концов, приводит к соответственному понижению заработной платы. Заработная плата, таким образом, упала бы в среднем на сбереженную среднюю сумму квартирной платы, то есть рабочий платил бы наемную плату за свой собственный дом, но не так, как прежде, в виде денег домохозяину, а в виде неоплаченного труда фабриканту, на которого он работает. Таким образом, вложенные в домик сбережения рабочего действительно стали бы в некотором роде капиталом, но капиталом не для него, а для того капиталиста, на которого он работает.

Таким образом, г-ну Заксу даже на бумаге не удается превратить своего рабочего в капиталиста.

Заметим кстати, что сказанное выше относится ко всем так называемым: социальным реформам, которые сводятся к экономии или к удешевлению жизненных средств рабочего. Либо эти реформы получают всеобщее распространение, и тогда за ними следует соответственное понижение заработной платы, либо они остаются только единичными экспериментами, и тогда самое их существование в качестве отдельных исключений доказывает, что проведение их в жизнь в широких масштабах несовместимо с существующим капиталистическим способом производства. Допустим, что в какой-либо местности удалось путем всеобщего введения потребительских союзов снизить цены на продукты питания для рабочих на 20%; тогда заработная плата с течением времени должна там упасть приблизительно на 20%, то есть в такой же пропорции, в какой расходы на эти продукты входят в бюджет рабочих. Если, например, рабочий тратит в среднем три четверти своей недельной заработной платы на эти продукты, то заработная плата упадет, в конце концов, на $^3/_4$ X 20 = 15%. Короче, как только подобная реформа, дающая рабочему экономию в его расходах, становится всеобщей, рабочий начинает получать заработную плату, уменьшенную в той *же* пропорции, в какой эта экономия позволила ему сократить свои расходы. Дайте *каждому*

рабочему путем экономии самостоятельный доход в 52 талера, и его недельная заработная плата, в конце концов, должна будет снизиться на один талер. Итак: чем больше он экономит, тем меньше он получает заработной платы. Следовательно, он экономит не в своих собственных интересах, а в интересах капиталиста. Что же еще требуется, чтобы «самым решительным образом пробудить в нем... дух бережливости, этой первой хозяйственной добродетели»? (стр. 64).

Впрочем, и г-н Закс вслед за тем говорит нам, что рабочие должны стать домовладельцами не столько в собственных интересах, сколько в интересах капиталистов:

«Ведь не только рабочее сословие, а все общество в целом в высшей степени заинтересовано в том, чтобы как можно больше его членов было привязано» (!) «к земле» (хотел бы я хоть раз взглянуть на г-на Закса в этом положении)...* «Все тайные силы, воспламеняющие горящий у нас под ногами вулкан, именуемый социальным вопросом, — ожесточение пролетариата, ненависть.., опасные заблуждения ума... — все они должны исчезнуть, как туман при восходе солнца, если... рабочие сами перейдут таким путем в класс имущих» (стр. 65).

Другими словами, г-н Закс надеется, что рабочие вместе с изменением своего положения как пролетариев, изменением, которое должно быть вызвано приобретением дома, потеряют также и свой пролетарский характер и снова станут покорными холопами, подобно своим предкам, тоже имевшим собственные дома. Прудонистам следовало бы призадуматься над этим.

Г-н Закс полагает, что разрешил таким образом социальный вопрос:

«Более справедливое распределение благ, — загадка сфинкса, которую уже многие тщетно пытались разрешить, — не представляется ли оно нам теперь осязательным фактом, не выходит ли оно тем самым из сферы идеалов и не вступает ли в область действительности? А если это реализовано, то не достигнута ли тем самым одна из высших целей, в которой даже *социалисты самого крайнего направления видят вершину своих теорий?»* (стр. 66).

Истинное счастье, что мы добрались до этого места. Этот крик ликования представляет как раз «самую вершину» книги г-на Закса, и отсюда автор потихоньку вновь спускается под гору, из «сферы идеалов» к плоской действительности; когда же мы спустимся вниз, мы обнаружим, что там за время нашего отсутствия ничего, ровно ничего не изменилось.

Первый шаг под гору заставляет нас сделать наш наставник, поучая нас, что существуют две системы рабочих жилищ:

* В газете «Volksstaat» цитата приведена более полно, перед словами «Все тайные силы» напечатано: «Земельная собственность... уменьшает число тех, кто борется против господства имущего класса». *Ред.*

система коттеджей, при которой каждая рабочая семья имеет собственный домик, а по возможности и садик, как в Англии, и казарменная система больших зданий с большим числом рабочих квартир, как в Париже, Вене и т. д. Промежуточную систему представляет принятая в Северной Германии. Правда, система коттеджей была бы единственно правильной и *единственной,* при которой рабочий мог бы приобрести право собственности на свой дом; казарменной системе свойственны к тому же весьма большие недостатки с точки зрения здоровья, нравственности и домашнего уюта, — но увы, увы, как раз в центрах жилищной нужды, в крупных городах, система коттеджей неосуществима из-за дороговизны земли, и надо быть довольными, если вместо больших казарм там удается построить дома в 4—6 квартир или же посредством разного рода строительных ухищрений устранить главные недостатки казарменной системы (стр. 71—92).

Не правда ли, мы уже спустились на порядочное расстояние? Превращение рабочих в капиталистов, разрешение социального вопроса, собственный дом у каждого рабочего — все это осталось наверху, в «сфере идеалов»; нам приходится заняться лишь тем, чтобы ввести систему коттеджей в деревне, а в городах по возможности сносно устроить рабочие казармы.

Итак, буржуазное решение жилищного вопроса заведомо потерпело крушение, наткнувшись на *противоположность между городом и деревней.* И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе. Капиталистическое общество не только не способно уничтожить эту противоположность, но вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять. Зато уже первые социалисты-утописты современности — Оуэн и Фурье — правильно поняли это. В их образцовых строениях не существует больше противоположности между городом и деревней. Здесь, стало быть, налицо как раз обратное тому, что утверждает г-н Закс: не решение жилищного вопроса приводит вместе с тем к разрешению социального вопроса, а лишь благодаря решению социального вопроса, то есть благодаря уничтожению капиталистического способа производства, становится вместе с тем возможным разрешение жилищного вопроса. Стремиться решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города, — бессмыслица. Но современные крупные города будут

устранены только с уничтожением капиталистического способа производства, а как только начнется это уничтожение, — вопрос встанет уже не о том, чтобы предоставить каждому рабочему домик в неотъемлемую собственность, а о делах совсем иного рода.

Однако сначала всякая социальная революция должна будет брать вещи такими, какими она их найдет, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи имеющихся налицо средств. И мы уже видели, что помочь устранению жилищной *нужды* можно немедленно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части.

Если же г-н Закс в дальнейшем вновь исходит из наличия больших городов, пространно и долго толкуя о рабочих колониях, которые должны быть заложены *вблизи* городов, если он описывает все прелести таких колоний, с их общим «водопроводом, газовым освещением, воздушным или водяным отоплением, прачечными, сушильнями, банями и т. п.», с «детскими яслями, школой, молельней» (!), «читальней, библиотекой.., винным и пивным погребом, танцевальным и музыкальным залом со всеми удобствами», с паровым двигателем, сила которого передается во все дома и может «в известной мере вновь перенести производство с фабрик в домашние мастерские», — то все это ничуть не меняет дела. Колония, описываемая им, заимствована г-ном Хубером непосредственно у социалистов Оуэна и Фурье, и простым вычеркиванием всего социалистического ей был придан вполне буржуазный характер. Но именно от этого она становится уже совершенно утопической. Ни один капиталист не заинтересован в создании таких колоний, да нигде в мире их и не существует, кроме колонии в Гизе во Франции; но и та основана фурьеристом, не в качестве доходной спекуляции, а в качестве социалистического эксперимента*. С тем же успехом г-н Закс мог бы привести в пользу своего буржуазного прожектерства пример основанной Оуэном в начале 40-х годов в Гэмпшире и давно прекратившей свое существование коммунистической колонии «Harmony Hall»[238].

Все эти разговоры об устройстве колоний представляют собой, однако, лишь жалкую попытку снова взлететь в «сферы идеалов», попытку, за которой тотчас же снова следует падение. Мы опять лихо идем под гору. Простейшее решение состоит в том,

«чтобы работодатели, фабриканты, помогли рабочим получить соответствующие жилища, либо сооружая их на свой счет, либо поощряя

* Но и она в конце концов стала просто местом эксплуатации рабочих. См. парижскую газету «Socialiste» 1886 года[237]. *(Примечание Энгельса к изданию 1887* г.*).*

и поддерживая рабочих в их собственной строительной деятельности, предоставляя им земельные участки, ссужая необходимый для строительства капитал и т. д.» (стр. 106).

Тем самым мы снова оказываемся вне больших городов, где ни о чем подобном не может быть и речи, и снова переносимся в деревню. Тут г-н Закс доказывает, что сами фабриканты заинтересованы в том, чтобы помочь своим рабочим получить сносные жилища, с одной стороны потому, что это является выгодным помещением капитала, а с другой стороны потому, что неизбежно

«вытекающее отсюда улучшение положения рабочих... должно повлечь за собой повышение их физической и умственной трудоспособности, что естественно... не менее... выгодно работодателям. А тем самым установлена и правильная точка зрения относительно участия последних в разрешении жилищного вопроса: участие это является результатом *латентной ассоциации,* результатом скрытых большей частью под покровом гуманных стремлений забот работодателей о физическом и экономическом, духовном и нравственном благополучии их рабочих, забот, которые сами собой вознаграждаются в денежном отношении своими результатами, привлечением и сохранением слоя дельных, искусных, усердных, довольных и *преданных* рабочих» (стр. 108).

Фраза о «латентной ассоциации»[239], посредством которой Хубер пытался придать буржуазно-филантропической стряпне «возвышенный смысл», ничуть не меняет дела. Крупные фабриканты в сельских местностях, особенно в Англии, и без этой фразы давно убедились, что строительство рабочих жилищ не только является необходимостью, частью самого фабричного строительства, но и приносит весьма хороший доход. В Англии таким путем возникли целые селения, часть которых впоследствии развилась в города. Рабочие же, вместо того чтобы быть благодарными человеколюбивым капиталистам, издавна выдвигали против этой «системы коттеджей» очень серьезные возражения. Дело не только в том, что им приходится платить за дома монопольные цены, так как у фабриканта нет конкурентов; при каждой стачке они тотчас же остаются без крова, так как фабрикант без разговоров выбрасывает их на улицу и этим крайне затрудняет их сопротивление. О подробностях можно прочесть в моей книге «Положение рабочего класса в Англии» на стр. 224 и 228[240]. Однако г-н Закс полагает, что подобные аргументы «вряд ли заслуживают опровержения» (стр. 111). И разве не хочет он предоставить рабочему право собственности на свой домик? Разумеется, но так как и «работодатели всегда должны иметь возможность распоряжаться жилищем, чтобы в случае увольнения рабочего иметь помещение для того, кто его заменит», то... конечно же, следует «для таких

случаев предусмотреть путем особого соглашения отменяемость собственности»* (стр. 113).

На этот раз мы неожиданно быстро съехали вниз. Сначала говорилось: право собственности рабочего на свой домик; затем мы узнали, что в городах это невозможно, и может быть осуществлено только в сельской местности; теперь же нам заявляют, что и там это право собственности должно быть «путем особого соглашения *отменяемым»!* Благодаря этому вновь открытому г-ном Заксом виду собственности для рабочих, благодаря превращению рабочих в «путем особого соглашения отменяемых» капиталистов, мы вновь благополучно вернулись на грешную землю и здесь можем исследовать, что же *действительно* сделано капиталистами и прочими филантропами для разрешения жилищного вопроса.

II

Если верить нашему д-ру Заксу, то со стороны господ капиталистов уже и теперь сделано много существенного для облегчения жилищной нужды, и это доказывает, что жилищный вопрос может быть разрешен на основе капиталистического способа производства.

Прежде всего г-н Закс ведет нас... в бонапартистскую Францию! Луи Бонапарт во время парижской всемирной выставки назначил, как известно, комиссию якобы для составления отчета о положении трудящихся классов во Франции, а на самом деле для того, чтобы, к вящей славе империи, изобразить это положение как истинно райское. И вот на отчет *этой-то* комиссии, составленной из самых продажных прислужников бонапартизма, ссылается г-н Закс в особенности потому, что результаты ее трудов, «по *собственным словам* уполномоченной для этого комиссии, являются для Франции достаточно полными»! А каковы эти результаты? Из 89 крупных промышленных предприятий, в том числе и акционерных компаний, давших сведения, 31 *вовсе не* строило рабочих жилищ; в выстроенных

* И в этом отношении английские капиталисты давно уже не только выполнили, но и значительно превзошли все сокровенные желания г-на Закса. В понедельник 14 октября 1872 г. в г. Морпете суду по определению списков избирателей в парламент пришлось вынести решение по поводу ходатайства 2000 горнорабочих о внесении в избирательные списки их имен. Обнаружилось, что большинство этих людей но уставу рудника, где они работали, рассматривались *не как съемщики* занятых ими домиков, а лишь как живущие в них из *милости,* и могли быть в любое время без всякого предупреждения выброшены на улицу (владелец рудников и собственник домов был, конечно, одним и тем же лицом). Судья решил, что эти люди не съемщики, а *слуги* и как таковые не имеют права быть внесенными в списки («Daily News», 15 октября 1872 г.).

жилищах, по собственному расчету г-на Закса, разместилось самое большее 50—60 тысяч человек, а квартиры состоят почти исключительно из двух только комнат на семью!

Само собой разумеется, что всякий капиталист, которого условия его производства — сила воды, расположение угольных копей, залежей железной руды и других рудников и т. п. — приковывают к определенной сельской местности, вынужден строить для своих рабочих жилища, если их нет в наличии. Но чтобы видеть в этом доказательство существования «латентной ассоциации», «явное свидетельство роста понимания вопроса и его высокого значения», «многообещающее начало» (стр. 115), — для этого надо обладать сильно развитой привычкой к самообману. Впрочем, и в этом отношении промышленники различных стран отличаются друг от друга устойчивыми чертами своего национального характера. Например, на стр. 117 г-н Закс нам рассказывает:

«*В Англии лишь в новейшее время* обнаруживается усиленная деятельность работодателей в этом направлении. В частности, в отдаленных поселках в сельской местности... именно то обстоятельство, что рабочие, которые часто вынуждены пройти до фабрики длинный путь даже из ближайшего населенного пункта, приходят туда уже утомленными и работают недостаточно продуктивно, и является *причиной, побуждающей* работодателя *строить* жилища для своих рабочих. Между тем увеличивается и число тех лиц, которые, проявляя более *глубокое понимание* отношений, в большей или меньшей степени связывают с жилищной *реформой* все прочие элементы латентной ассоциации; им-то и обязаны своим возникновением эти цветущие колонии... Имена Аштона в Хайде, Ашуэрта в Тёртоне, Гранта в Бери, Грега в Боллингтоне, Маршалла в Лидсе, Стретта в Бельпере, Солта в Солтере, Акройда в Копли и др. благодаря этому очень популярны в Соединенном королевстве».

Святая простота и еще более святое невежество! Только в «новейшее время» английские фабриканты в сельской местности построили рабочие жилища! Нет, любезный г-н Закс, английские капиталисты действительно крупные промышленники, не только по карману, но и по уму. Задолго до того, как в Германии появилась действительно крупная промышленность, они поняли, что при фабричном производстве в сельской местности затраты на рабочие жилища представляют собой необходимую, прямо и косвенно очень доходную часть всего основного капитала. Задолго до того, как борьба между Бисмарком и немецкими буржуа даровала немецким рабочим свободу коалиций, английские фабриканты, владельцы рудников и горнозаводчики практически убедились, какое давление могут они оказывать на бастующих рабочих, если они одновременно являются домохозяевами этих рабочих. «Цветущие колонии» какого-нибудь Грега, Аштона, Ашуэрта так мало относятся

к «новейшему времени», что уже 40 лет тому назад они восхвалялись буржуазией как образец, и я сам уже 28 лет назад описал это (см. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 228— 230, примечание[241]). Примерно к этому же времени относятся и колонии, основанные Маршаллом и Акройдом (Akroyd — так пишется его фамилия), и еще старше колония Стретта, начало которой восходит к прошлому столетию. А так как в Англии средняя продолжительность существования рабочего жилища определяется в 40 лет, то г-ну Заксу не трудно будет самому по пальцам подсчитать, в каком жалком состоянии находятся теперь эти «цветущие колонии». К тому же большинство этих колоний находится теперь уже не в сельской местности; вследствие колоссального роста промышленности большинство этих колоний оказалось настолько окруженным фабриками и домами, что эти колонии лежат теперь посреди грязных и дымных городов в 20—30 и более тысяч жителей, — что не мешает представленной в лице г-на Закса немецкой буржуазной науке еще и ныне повторять с благоговением старые английские хвалебные песни 1840 г., которые теперь уже совсем не соответствуют действительности.

В особенности же старый Акройд*. Этот бравый человек был, несомненно, филантропом чистейшей воды. Он так сильно любил своих рабочих, а особенно своих работниц, что его менее человеколюбивые конкуренты в Йоркшире говаривали: у него на фабрике работают исключительно его собственные дети! Г-н Закс, впрочем, утверждает, что в этих цветущих колониях «внебрачные рождения становятся все реже» (стр. 118). Совершенно верно, внебрачные рождения *без брака:* хорошенькие девушки в английских фабричных округах очень рано выходят замуж.

В Англии постройка рабочих жилищ близ всякой крупной сельской фабрики и одновременно с фабрикой стала обычным делом за последние 60 и более лет. Как было уже упомянуто, многие из таких фабричных поселков становились ядром, вокруг которого впоследствии образовывался целый фабричный город со всеми теми язвами, которые приносит с собой фабричный город. Эти колонии, стало быть, не разрешили жилищного вопроса, а *впервые создали* его в своей местности.

Наоборот, в странах, которые в области крупной промышленности лишь плелись за Англией и которые собственно только с 1848 г. узнали, что такое крупная промышленность, во Франции

* В газете «Volksstaat» вместо слов «старый Акройд» напечатано; «старый А. — Я не хочу называть имени, он давно умер и погребен». *Ред.*

и особенно в Германии, дело обстоит совершенно иначе. Здесь только гигантские металлургические заводы и фабрики, — как, например, заводы Шнейдера в Крезо и Круппа в Эссене, — после долгих колебаний решились построить некоторое количество жилищ для рабочих. Значительное большинство промышленников в сельской местности предоставляет своим рабочим шагать в зной, вьюгу и под дождем целые мили утром на фабрику, а вечером обратно домой. Это встречается в особенности в гористых местностях — во французских и эльзасских Вогезах, на Вуппере, Зиге, Аггере, Ленне и других рейнско-вестфальских реках. В Рудных горах не лучше. Как у немцев, так и у французов — та же мелкая скаредность.

Г-н Закс отлично знает, что ни многообещающее начало, ни цветущие колонии не имеют ровно никакого значения. Он пытается поэтому теперь доказать капиталистам, какие великолепные доходы они могут извлечь из постройки рабочих жилищ. Иначе говоря, он пытается указать им новый способ надувательства рабочих.

Сначала он приводит им пример целого ряда лондонских строительных обществ, отчасти филантропического, отчасти спекулятивного характера, которые добились от 4% до 6% и более чистого дохода. Что капитал, вложенный в рабочие жилища, приносит хороший доход, — это г-ну Заксу незачем нам доказывать. Причиной того, что в них не вкладывается еще больше, чем теперь, является то обстоятельство, что дорогие квартиры приносят собственникам еще более высокий доход. Увещания, с которыми г-н Закс обращается к капиталистам, сводятся, стало быть, опять-таки к простой нравоучительной проповеди.

Что же касается этих лондонских строительных обществ, блестящие успехи которых так громогласно восхваляет г-н Закс. то они, по его собственному исчислению, — а он включает сюда любую строительную спекуляцию, — дали кров всего-навсего 2132 семьям и 706 одиноким мужчинам, то есть в общем менее чем 15000 человек! И подобные детские забавы в Германии осмеливаются серьезно изображать как крупные успехи, между тем как в одной лишь восточной части Лондона миллион рабочих живет в ужаснейших жилищных условиях! Все эти филантропические потуги на деле так жалки и ничтожны, что в английских парламентских отчетах, посвященных положению рабочих, о них ни разу даже и не упоминается.

Мы не станем уже говорить здесь о смехотворном незнании Лондона, обнаруживающемся во всем этом разделе. Отметим только одно. Г-н Закс полагает, что ночлежный дом для одино-

ких мужчин в Сохо прекратил свое существование потому, что в этой местности «нельзя было рассчитывать на многочисленную клиентуру». Г-н Закс представляет себе, видимо, всю западную часть Лондона как город сплошной роскоши и не знает, что прямо за самыми элегантными улицами лежат грязнейшие рабочие кварталы, одним из которых и является, например, Сохо. Образцовый ночлежный дом в Сохо, о котором упоминает г-н Закс и который был мне известен еще 23 года тому назад, испытывал сначала большой наплыв посетителей, но прекратил свое существование потому, что ни один человек не мог там выдержать. А между тем этот дом был еще одним из лучших.

Ну, а рабочий городок в Мюльхаузене в Эльзасе — разве это не успех?

Для буржуа на континенте мюльхаузенский рабочий городок — такой же предмет гордости и самохвальства, как для английских буржуа — некогда «цветущие колонии» Аштона, Ашуэрта, Грега и компании. К сожалению, городок этот представляет собой продукт не «латентной» ассоциации, а совершенно открытой ассоциации между французской Второй империей и эльзасскими капиталистами. Это был один из социалистических экспериментов Луи Бонапарта, эксперимент, для которого государство отпустило ссуду в размере $^1/_3$ необходимого капитала. За 14 лет (до 1867 г.) построено было 800 маленьких домиков по негодной системе, которая была бы немыслима в Англии, где лучше понимают это дело; эти домики предоставляются в собственность рабочим после ежемесячной выплаты в течение 13—15 лет повышенной квартирной платы. Этот способ приобретения собственности, давно уже введенный, как мы увидим, в английских кооперативных строительных товариществах, отнюдь не пришлось изобретать эльзасским бонапартистам. Надбавки к квартирной плате для выкупа домов — по сравнению с английскими — довольно высоки; выплатив, например, частями в течение 15 лет 4500 франков, рабочий получает дом, стоивший 15 лет назад 3300 франков. Если рабочий захочет переехать или же запоздает с уплатой хотя бы одного-единственного месячного взноса (в этом случае он может быть выселен), то ему засчитывают в качестве годовой наемной платы по $6^2/_3$% первоначальной стоимости дома (например, 17 франков в месяц при 3000 франков стоимости дома) и выплачивают ему остаток, но *без единого гроша процентов.* Легко понять, что общество и без «государственной помощи» набивает себе при этом карман; так же хорошо понятно, что предоставляемые на этих условиях жилища — уже

потому, что они расположены за городом, в полусельской местности, — лучше старых казарменных жилищ в самом городе.

О нескольких жалких экспериментах в Германии, ничтожность которых признает на стр. 157 сам г-н Закс, мы не станем и говорить.

Что же доказывают все эти примеры? Только то, что постройка рабочих жилищ, даже если не попираются ногами все законы санитарии, прибыльное дело для капиталистов. Но это никогда не оспаривалось, это мы все давно знали. *Любое* капиталовложение, удовлетворяющее какую-нибудь потребность, при рациональном ведении дела приносит доход. Весь вопрос только в том, почему же, *несмотря на это,* жилищная нужда продолжает существовать; почему, несмотря на это, капиталисты не заботятся о достаточном количестве здоровых жилищ для рабочих? И тут г-ну Заксу приходится лишь снова обратиться к капиталу с увещеваниями, а ответа он так и не дает. Действительный ответ на этот вопрос нами уже дан выше.

Капитал — это теперь окончательно установлено — не *хочет* устранить жилищную нужду, даже если бы мог это сделать. Остаются лишь два других исхода: самопомощь рабочих и государственная помощь.

Г-н Закс, горячий поклонник самопомощи, умеет и в области жилищного вопроса порассказать о ней чудеса. К сожалению, с самого начала он вынужден признать, что самопомощь может кое-что дать лишь там, где либо существует, либо может быть введена система коттеджей, то есть опять-таки только в сельской местности; в больших же городах, даже в Англии, — лишь в крайне ограниченном масштабе. Затем, вздыхает г-н Закс,

«при ее» (самопомощи) «посредстве реформа может быть осуществлена лишь *окольным путем,* стало быть, *всегда* лишь частично, а именно лишь в той мере, в какой принципу частной собственности свойственна сила, оказывающая воздействие на качество жилища».

Да и это сомнительно; во всяком случае, «принцип частной собственности» ни в коей мере не оказал реформирующего воздействия на «качество» стиля нашего автора. Несмотря на все это, самопомощь в Англии произвела такие чудеса, «что благодаря ей было *далеко превзойдено* все, сделанное там в других направлениях для решения жилищного вопроса». Речь идет об английских «building societies», которыми г-н Закс так подробно занимается в особенности потому, что

«об их сущности и деятельности вообще распространены весьма недостаточные или ошибочные представления. Английские building

societies вовсе не... жилищно-строительные общества или жилищно-строительные товарищества, их следовало бы скорее... назвать на немецком языке «союзами для приобретения домов»; это союзы, ставящие своей целью путем периодических взносов их членов собрать фонд, из которого, по мере накопления средств, членам выдаются ссуды для покупки домов... Building society является, таким образом, для одной части своих членов сберегательной кассой, а для другой — ссудной кассой. Building societies представляют собой, таким образом, учреждения ипотечного кредита, рассчитанные на потребности рабочего, использующие главным образом... сбережения рабочих... для поддержки их товарищей из числа вкладчиков при покупке или постройке дома. Как и следовало бы предполагать, ссуды эти выдаются под залог соответствующей недвижимости и устанавливаются таким образом, что их погашение производится краткосрочными частичными платежами, включающими в себя проценты и амортизацию... Проценты вкладчикам не выплачиваются, а всегда *вписываются в их счета по сложным процентам...* Востребование вкладов вместе с наросшими процентами... допускается в любой момент по предварительному заявлению, сделанному за месяц вперед» (стр. 170—172). «В Англии существует более 2000 таких союзов... собранный в них капитал достигает почти 15000000 фунтов стерлингов, и уже около 100000 *рабочих* семейств приобрели себе таким путем собственный домашний очаг; это — социальное достижение, равного которому найти не легко» (стр. 174).

К сожалению, и здесь плетется вслед за этим неизбежное «но»:

«Полное решение вопроса, однако, этим *отнюдь еще не достигнуто,* хотя бы потому, что приобретение дома... доступно только *лучше оплачиваемым* рабочим... В частности обращается подчас мало внимания на санитарные требования» (стр. 176).

На континенте «подобные союзы... находят лишь очень ограниченную почву для развития». Они предполагают систему коттеджей, которая существует здесь только в сельской местности, а там рабочие еще недостаточно развиты для самопомощи. С другой стороны, в городах, где могли бы возникнуть настоящие жилищно-строительные товарищества, им противостоят «очень значительные и серьезные затруднения различного рода» (стр. 179). Они могли бы строить только коттеджи, а в больших городах это не приемлемо. Словом, «эта форма товарищеской самопомощи» не может «при современных условиях — и едва ли сможет в близком будущем — играть главную роль в решении данного вопроса». Эти жилищно-строительные товарищества находятся еще лишь «в стадии первых, неразвитых начинаний». «Это относится даже к Англии» (стр. 181).

Итак, капиталисты не *хотят,* а рабочие не *могут.* Мы могли бы на этом и закончить настоящий раздел, если бы не было безусловно необходимо дать некоторые разъяснения об английских building societies, которые буржуа шульце-деличевского толка всегда выставляют в качестве образца для наших рабочих.

Эти building societies — вовсе не рабочие общества, и их главная цель — вовсе не предоставление рабочим собственных домов. Напротив, мы увидим, что это происходит лишь в виде редких исключений. По существу эти building societies — организации спекулятивного характера, причем это относится к мелким, какими они являются первоначально, не в меньшей мере, чем к их крупным подражателям. В каком-нибудь трактире, обычно по почину трактирщика, у которого затем происходят еженедельные собрания, некоторое количество завсегдатаев и их друзей, лавочников, приказчиков, коммивояжеров, мелких ремесленников и других мелких буржуа, — а кое-где и какой-нибудь машиностроительный или другой рабочий, принадлежащий к аристократии своего класса, — составляют жилищно-строительное товарищество. Ближайшим поводом бывает обычно то, что трактирщик пронюхал о продаже в окрестностях или еще где-нибудь участка земли за сравнительно недорогую цену. Большинство участников по своим занятиям не связано с какой-нибудь определенной местностью; даже многие из лавочников и ремесленников имеют в городе только свое предприятие, но не имеют квартиры; кто только может, охотнее живет вне стен дымного города. Покупается строительный участок, и на нем возводится возможное количество коттеджей. Кредит более зажиточных членов создает возможность покупки; еженедельные взносы и некоторые небольшие займы покрывают еженедельные расходы по постройке. Те из членов, которые имеют в виду обзавестись собственным домом, получают по жребию готовые коттеджи, и соответствующая надбавка к наемной плате погашает покупную цену. Остальные коттеджи сдаются внаем или распродаются. Жилищно-строительное же общество, если дела его идут хорошо, накапливает более или менее значительное состояние, которое принадлежит участникам до тех пор, пока они уплачивают свои взносы, и которое время от времени или при ликвидации общества распределяется между ними. Такова история девяти десятых английских жилищно-строительных обществ. Остальные же представляют собой более крупные общества, основанные подчас под политическим или филантропическим предлогом, но главная их задача в конце концов всегда сводится к тому, чтобы посредством спекуляции земельной собственностью обеспечить сбережениям *мелкой буржуазии* лучшее вложение, обеспеченное ипотеками, с хорошими процентами и с видами на дивиденды.

На какого рода клиентов рассчитывают эти общества, можно видеть из проспекта одного из самых крупных, если не самого

крупного из них. «Birkbeck Building Society, 29 and 30, Southampton Buildings, Chancery Lane»* в Лондоне, доходы которого за время его существования достигли суммы свыше $10^1/_2$ миллионов ф. ст. (70 миллионов талеров), вклады которого в банк и вложения в государственные бумаги превышают 416000 ф. ст. и которое насчитывает теперь 21441 члена и вкладчика, — это общество рекламирует себя следующим образом:

«Многим известна принятая у фабрикантов фортепиано так называемая трехлетняя система, по которой всякий, кто берет напрокат фортепиано на три года, становится по истечении этого времени собственником фортепиано. До введения этой системы для людей с ограниченным доходом было так же трудно обзавестись хорошими фортепиано, как приобрести собственный дом; люди платили из года в год за прокат фортепиано и тратили вдвое-втрое больше денег, чем стоило фортепиано. Но то, что возможно в отношении фортепиано, возможно и в отношении дома... Но так как дом стоит дороже, чем фортепиано... то для погашения покупной цены посредством наемной платы необходим больший срок. Вследствие этого директора вступили с домовладельцами в различных частях Лондона и в его предместьях в соглашение, в силу которого директора могут предоставлять членам Birkbeck Building Society и другим большой выбор домов в самых различных частях города. Система, которой намерены придерживаться директора, такова: дома сдаются в наем на $12^1/_2$ лет, по истечении которых, если наемная плата вносилась аккуратно, дом становится абсолютной собственностью съемщика без всяких дальнейших платежей... Съемщик может также договориться об уменьшении срока при повышенной плате или об увеличении срока при пониженной плате... *Люди с ограниченными доходами, служащие в лавках и магазинах* и прочие могут тотчас же стать независимыми от всякого домохозяина, вступив в члены Birkbeck Building Society».

Все это достаточно ясно. О рабочих нет и речи, зато говорится о людях с ограниченными доходами, служащих в лавках и магазинах и т. д.; при этом еще предполагается, что клиенты, как правило, *уже имеют фортепиано.* В самом деле, здесь речь идет вовсе не о рабочих, а о мелких буржуа и о таких людях, которые хотят *и могут* стать ими, о людях, доход которых, хотя и в известных границах, в общем мало-помалу возрастает, как, например, у торговых приказчиков и у лиц подобных профессий. Доход же рабочего, номинально остающийся в лучшем случае без изменений, на самом деле падает ввиду увеличения его семьи и роста ее потребностей. На деле лишь немногие рабочие могут, в виде исключения, принять участие в таких обществах. С одной стороны, их доход слишком незначителен, с другой стороны, недостаточно обеспечен, чтобы можно было брать обязательство на $12^1/_2$ лет вперед. Редкие исключения,

* — «Строительное общество Биркбен, 29 и 30, Саутгемптон Биллингз, Ченсери-Лейн». *Ред.*

к которым это не относится, составляют либо наилучше оплачиваемые рабочие, либо фабричные надсмотрщики*.

Впрочем, каждому ясно, что бонапартисты мюльхаузенского рабочего городка являются всего только жалкими подражателями этих мелкобуржуазных английских жилищно-строительных обществ. Разница лишь в том, что бонапартисты, несмотря на оказанную им государственную помощь, надувают своих клиентов гораздо больше, чем эти строительные общества. Их условия в общем менее либеральны, чем средние английские; в то время как в Англии на каждый взнос насчитываются проценты и сложные проценты, и вклады выдаются обратно по заявлению, поданному за месяц вперед, — мюльхаузенские фабриканты кладут к себе в карман как простые, так и сложные проценты и выдают обратно только основной взнос, внесенный звонкой пятифранковой монетой. И никто не будет удивлен по поводу этого различия больше, чем г-н Закс, который включил все это в свою книгу, сам того не зная.

Таким образом, из самопомощи рабочих тоже ничего не получается. Остается государственная помощь. Что может предложить нам г-н Закс в этом отношении? Три вещи:

«Во-первых, государство должно позаботиться о том, чтобы в его законодательстве и управлении было устранено или соответственно улучшено все то, что каким-либо образом ведет к усилению жилищной нужды трудящихся классов» (стр. 187).

Итак: пересмотр законодательства, относящегося к вопросам строительства, и свобода строительного промысла, дабы можно было строить дешевле. Но в Англии это законодательство сведено до минимума, строительные промыслы свободны,

---

* Еще одно маленькое добавление относительно деятельности специально лондонских жилищно-строительных союзов. Как известно, земельная площадь почти всего Лондона принадлежит приблизительно дюжине аристократов, из которых самые знатные — герцоги Вестминстер, Бедфорд, Портленд и другие. Сначала они сдают отдельные строительные участки в аренду на 99 лет и по истечении этого срока вступают во владение земельным участком и всем, что на нем находится. Затем они сдают эти дома внаем на более короткие сроки, например на 39 лет, при условии так называемой repairing lease [аренды с ремонтом], в силу которой съемщик должен привести дом в пригодное для жилья состояние и содержать его в таком виде. По заключении такого контракта землевладелец посылает своего архитектора и инспектора строительного ведомства (surveyor) данного округа для осмотра дома и для установления необходимого ремонта. Ремонт бывает часто очень велик, вплоть до обновления всей фасадной стены, крыши и т. п. Тогда съемщик передает арендный договор под залог строительному союзу и получает от последнего взаймы необходимую сумму — до 1000 ф. ст. и более при годичной плате в 130—150 ф. ст. — для производства строительных работ на *свой* счет. Эти жилищно-строительные союзы стали, таким образом, важным посредствующим звеном в системе, имеющей целью дать возможность крупным земельным аристократам без всякого труда, за счет публики, обновлять и сохранять в пригодном для жилья виде принадлежащие им лондонские дома.

И это называется решением жилищного вопроса для рабочих! *(Примечание Энгельса к изданию 1887 г.)*

как птица в небесах, а жилищная нужда все же существует. К тому же теперь в Англии строят так дешево, что дома сотрясаются, когда проезжает телега, и ежедневно некоторое количество их рушится. Еще вчера, 25 октября 1872 г., в Манчестере рухнуло сразу шесть домов, причем шестеро рабочих были тяжело ранены. Стало быть и это не помогает.

«Во-вторых, государственная власть должна воспрепятствовать тому, чтобы отдельные лица, в своем ограниченном индивидуализме, распространяли или вызывали вновь это бедствие».

Итак: полицейский надзор за рабочими жилищами в санитарном и архитектурно-строительном отношении, предоставление властям права закрывать помещения, представляющие угрозу из-за своего плохого санитарного состояния или в силу своей ветхости, как это имеет место в Англии с 1857 года. Но как это там было осуществлено? Первый закон 1855 г. (Nuisances Removal Act*) остался, как признает сам г-н Закс, «мертвой буквой», равно как и второй закон 1858 г. (Local Government Act**) (стр. 197). Зато г-н Закс полагает, что третий закон (Artisans' Dwellings Act***), распространяющийся только на города с населением свыше 10000 человек, «несомненно является благоприятным свидетельством глубокого понимания, проявляемого английским парламентом в социальных делах» (стр. 199); между тем это утверждение опять-таки является лишь «благоприятным свидетельством» полного незнакомства г-на Закса с английскими «делами». Что Англия вообще в «социальных делах» далеко опередила континент, это само собой понятно; она — родина современной крупной промышленности, в ней наиболее свободно и широко развился капиталистический способ производства, последствия которого выступают здесь наиболее ярко и поэтому раньше находят себе отклик в законодательстве. Лучшим доказательством этому служит фабричное законодательство. Но если г-н Закс полагает, что парламентскому акту достаточно получить силу закона, чтобы тотчас же быть практически осуществленным, то он сильно заблуждается. И ни к одному из парламентских актов (за исключением разве только Workshops' Act****) это не относится в большей мере, чем именно к Local Government Act. Проведение этого закона было поручено городским властям, которые в Англии почти повсюду являются общепризнанным средоточием

* — закон об устранении заразы. *Ред.*
** — закон о местном самоуправлении. *Ред.*
*** — закон о жилищах ремесленников. *Ред.*
**** — закона о мастерских. *Ред.*

всякого рода продажности, кумовства и jobbery*. Агенты этих городских властей, обязанные своими должностями всякого рода семейным связям, либо неспособны, либо не намерены выполнять подобные социальные законы, между тем как именно в Англии правительственные чиновники, на которых возложены подготовка и проведение социального законодательства, большей частью отличаются строгим выполнением своих обязанностей — впрочем, теперь уже в меньшей степени, чем двадцать-тридцать лет назад. Почти повсюду владельцы неблагоустроенных или угрожающих разрушением домов, прямо или косвенно, имеют сильное представительство в муниципалитетах. Выборы членов муниципалитета по небольшим округам ставят избираемых в зависимость от мельчайших местных интересов и влияний; ни один член муниципалитета, желающий быть снова избранным, не рискнет голосовать за применение этого закона в своем избирательном округе. Поэтому понятно, какое сопротивление встретил этот закон со стороны почти всех местных властей; до сих пор он применялся лишь в самых скандальных случаях, да и то лишь в результате уже вспыхнувшей эпидемии, как в прошлом году в Манчестере и Солфорде при эпидемии оспы. Апелляция к министру внутренних дел до сих пор лишь в такого рода случаях оказывала свое действие, ибо ведь принцип всякого *либерального* правительства в Англии состоит в том, чтобы предлагать социальные реформаторские законы лишь под давлением крайней необходимости, а те законы, которые уже существуют, по возможности вовсе не выполнять. Данный закон, подобно многим другим в Англии, имеет лишь то значение, что в руках правительства, управляемого рабочими или находящегося под их давлением, которое, наконец, действительно будет проводить его в жизнь, он станет мощным оружием для того, чтобы пробить брешь в современном социальном строе.

«В-третьих», государственная власть должна, по г-ну Заксу, «применить в широчайших размерах все имеющиеся в ее распоряжении положительные мероприятия для смягчения существующей жилищной нужды».

Это значит, что она должна построить казармы, «поистине образцовые здания», для своих «низших чиновников и служа-

* Jobbery означает использование общественной должности для личных выгод чиновников или его семьи. Если, например, начальник государственного телеграфа какой-либо страны становится тайным компаньоном какой-либо бумажной фабрики, доставляет этой фабрике древесину из своих лесов, а затем передает ей поставку бумаги для телеграфных бюро, то это будет хотя и довольно мелкий, но все же настолько приличный job, что он дает полное представление о принципах jobbery; это, между прочим, при Бисмарке являлось само собой разумеющимся и вполне естественным. [В газете «Volksstaat» слова «это, между прочим» и далее отсутствуют. *Ред*.]

щих» (но ведь это вовсе не рабочие!) и «выдавать ссуды... коммунальным учреждениям, обществам, а также частным лицам в целях улучшения жилищ трудящихся классов» (стр. 203), как это делается в Англии согласно Public Works Loan Act* и как делал Луи Бонапарт в Париже и в Мюльхаузене. Но Public Works Loan Act тоже существует только на бумаге; правительство предоставляет в распоряжение комиссаров максимум 50000 ф. ст., то есть средства для постройки самое большее 400 коттеджей, стало быть за 40 лет — 16000 коттеджей или же жилищ максимум для 80000 человек, — капля в море! Если мы допустим даже, что через 20 лет средства комиссии благодаря возврату ссуд удвоятся, так что за остальные 20 лет будут построены жилища еще для 40000 человек, то все же это останется лишь каплей в море. А так как коттеджи могут в среднем простоять только 40 лет, то через 40 лет придется ежегодно затрачивать 50 или 100 тысяч фунтов наличными на восстановление самых старых, пришедших в ветхость коттеджей. Это-то г-н Закс и называет на стр. 203: проводить принцип практически правильно и «в широчайших размерах»! Этим признанием, что государство даже в Англии «в широчайших размерах» ничего, можно сказать, не сделало, г-н Закс и заканчивает свою книгу, разразившись только еще одной нравоучительной проповедью по адресу всех заинтересованных лиц**.

Ясно, как день, что современное государство и не может и не хочет устранить жилищные бедствия. Государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты (а только о них и идет здесь речь, так как участвующий в этом деле землевладелец тоже выступает прежде всего в качестве капиталиста), того не желает и их государство. Следовательно, если *отдельные* капиталисты, хотя бы и сожалея о жилищной нужде, все же еле пошевеливаются, чтобы хотя бы поверхностно замазать самые ужасные

---

* — закону о ссудах на общественные работы. *Ред.*

** В последнее время в английских парламентских актах, предоставляющих лондонским властям строительного ведомства право экспроприации для проведения новых улиц, начали проявлять некоторое внимание к рабочим, остающимся в связи с этим без крова. Вводится постановление, чтобы вновь воздвигаемые здания были приспособлены для проживания тех категорий населения, которые раньше жили на этом месте. Поэтому на самых дешевых строительных участках строятся пяти-шестиэтажные доходные дома-казармы, предназначенные для рабочих, и таким образом выполняется буква закона. Что выйдет из этого нововведения, непривычного для рабочих и совершенно чуждого условиям старого Лондона, — покажет будущее. Но в лучшем случае в них вряд ли уместится и четвертая часть рабочих, действительно лишенных крова вследствие перепланировки улиц. *(Примечание Энгельса* к *изданию 1887 г.)*

ее последствия, то *совокупный* капиталист, государство, тоже не станет делать большего. В лучшем случае оно позаботится о том, чтобы обычная степень поверхностного замазывания проводилась повсюду равномерно. И мы видели, что это так и происходит.

Но в Германии, могут нам возразить, буржуа еще не господствуют, в Германии государство представляет собой еще в известной мере независимую, парящую над обществом силу, которая именно поэтому и представляет совокупные интересы общества, а не интересы одного только класса. *Подобное* государство может якобы сделать нечто такое, чего не в состоянии сделать буржуазное государство; от него и в социальной области следует ожидать совсем другого.

Это речи реакционеров. В действительности и в Германии государство в том виде, в каком оно там существует, есть необходимый продукт того общественного основания, из которого оно выросло. В Пруссии — а Пруссия играет теперь решающую роль — наряду со все еще сильным крупнопоместным дворянством существует сравнительно молодая и крайне трусливая буржуазия, которая до сих пор не завоевала ни прямой политической власти, как во Франции, ни более или менее косвенной, как в Англии. Но рядом с этими двумя классами существует быстро увеличивающийся, интеллектуально очень развитый и с каждым днем все более и более организующийся пролетариат. Таким образом, наряду с основным условием старой абсолютной монархии — равновесием между земельным дворянством и буржуазией — мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом. Но как и в старой абсолютной монархии, в современной бонапартистской действительная правительственная власть находится в руках особой офицерской и чиновничьей касты, которая в Пруссии пополняется частью из собственной среды, частью из мелкого майоратного дворянства, реже — из высшего дворянства и в самой незначительной части — из буржуазии. Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящей вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу.

Государственная форма, которая с необходимой последовательностью развилась в Пруссии (а по ее примеру и в новом имперском строе Германии) из этих чрезвычайно противоречивых общественных условий, представляет собой мнимый конституционализм; эта государственная форма представляет собой как современную форму разложения старой абсолютной монархии, так и форму существования бонапартистской монархии.

В Пруссии мнимый конституционализм с 1848 по 1866 г. прикрывал и затушевывал лишь медленное гниение абсолютной монархии. Но с 1866 и особенно с 1870 г. переворот в общественных условиях, а тем самым разложение старого государства, происходит у всех на глазах и в колоссально возрастающих размерах. Быстрое развитие промышленности и особенно биржевых махинаций вовлекло все господствующие классы в водоворот спекуляции. Введенная в 1870 г. из Франции коррупция развивается в широком масштабе и с неслыханной быстротой. Штрусберг и Перейр протягивают друг другу руки. Министры, генералы, князья и графы состязаются в биржевой игре с самыми продувными биржевиками-евреями, а государство признает их равенство, целыми пачками возводя евреев-биржевиков в баронское достоинство. Сельское дворянство, с давних пор занимавшееся промышленностью в качестве сахарозаводчиков и винокуров, давно уже позабыло о добрых старых временах и украшает своими именами списки директоров всяких солидных и несолидных акционерных обществ. Бюрократия относится все более и более пренебрежительно к растратам, как к единственному средству увеличения оклада; она оставляет государственные посты и охотится за гораздо более доходными постами по управлению промышленными предприятиями; те, кто остается еще на государственной службе, следуют примеру своих начальников, спекулируют на акциях или принимают «участие» в железнодорожных и тому подобных предприятиях. Можно даже с полным основанием предполагать, что и лейтенанты не прочь поживиться на некоторых спекуляциях. Словом, разложение всех элементов старого государства, переход абсолютной монархии в бонапартистскую в полном ходу, и при ближайшем крупном торгово-промышленном кризисе рухнет не только современное мошенничество, но и старое прусское государство*.

И это государство, небуржуазные элементы которого с каждым днем все более обуржуазиваются, призвано разрешить «социальный вопрос» или хотя бы только жилищный вопрос? — Напротив. Во всех экономических вопросах прусское государство все более и более подпадает под влияние буржуазии. И если с 1866 г. законодательство в экономической области не было в еще большей степени приспособлено к интересам

* И теперь, в 1886 г., только страх перед пролетариатом, гигантски выросшим с 1872 г. как по численности, так и по классовому самосознанию, поддерживает и объединяет еще прусское государство и его основу — союз крупного землевладения с промышленным капиталом, союз, закрепленный покровительственными таможенными пошлинами. *(Примечание Энгельса к изданию 1887 г.)*

буржуазии, чем это оказалось на деле, то кто в этом виноват? Главным образом сама буржуазия, которая, во-первых, слишком труслива, чтобы энергично защищать свои требования, и которая, во-вторых, сопротивляется всякой уступке, если только эта уступка дает в то же время новое оружие в руки угрожающего ей пролетариата. И если государственная власть, то есть Бисмарк, пытается организовать себе собственный лейб-пролетариат, чтобы с его помощью держать в узде политическую деятельность буржуазии, то что же это, как не необходимая и хорошо известная бонапартистская уловка, которая по отношению к рабочим не обязывает ни к чему, кроме нескольких благожелательных фраз и, в крайнем случае, минимальной государственной помощи строительным обществам a la[*] Луи Бонапарт.

Самым лучшим показателем того, чего могут ждать рабочие от прусского государства, служит использование французских миллиардов[242], давших новую кратковременную отсрочку самостоятельности прусской государственной машины по отношению к обществу. Разве хоть один талер из этих миллиардов был употреблен на то, чтобы обеспечить кровом выброшенные на улицу семьи берлинских рабочих? Ничуть не бывало. С наступлением осени государство распорядилось снести даже те несколько жалких бараков, которые летом служили им единственным убежищем. Эти пять миллиардов довольно быстро уходят по проторенному пути на крепости, пушки и солдат; и вопреки благоглупостям Вагнера[243], несмотря на штиберовские конференции с Австрией[244], немецким рабочим не будет уделено из этих миллиардов даже того, что уделил Луи Бонапарт французским из миллионов, украденных им у Франции.

III

В действительности у буржуазии есть только один метод решения жилищного вопроса на *свой* лад, а именно — решать его так, что решение каждый раз выдвигает вопрос заново. Этот метод носит имя *«Осман»*.

Под «Османом» я разумею здесь не только специфически бонапартистскую манеру парижского Османа, прорезать длинные, прямые и широкие улицы сквозь тесно застроенные рабочие кварталы, обрамляя эти улицы по обеим сторонам большими роскошными зданиями, при чем имелось в виду, наряду со стратегической целью — затруднить баррикадную борьбу,

[*] — на манер. *Ред.*

образовать зависящий от правительства специфически-бонапартистский строительный пролетариат, а также превратить Париж в город роскоши по преимуществу. Я разумею под «Османом» ставшую общепринятой практику прорезывания рабочих кварталов, в особенности расположенных в центре наших крупных городов, что бы ни служило для этого поводом: общественная ли санитария или украшение, спрос ли на крупные торговые помещения в центре города или потребности сообщения, вроде прокладки железных дорог, улиц и т. п. Результат везде один и тот же, как бы ни были различны поводы: безобразнейшие переулки и закоулки исчезают при огромном самохвальстве буржуазии по поводу этого чрезвычайного успеха, но... они тотчас же возникают где-либо в другом месте, часто даже в непосредственной близости.

В «Положении рабочего класса в Англии» я дал описание Манчестера, как он выглядел в 1843—1844 годах. С тех пор благодаря железным дорогам, проходящим через город, прокладке новых улиц, постройке больших общественных и частных зданий, — некоторые из самых скверных описанных мною кварталов прорезаны, расчищены и улучшены, а другие совсем исчезли, хотя еще многие из них, несмотря на усилившийся с тех пор санитарно-полицейский надзор, находятся все в том же или даже в еще худшем состоянии. Но зато благодаря огромному расширению города, население которого с тех пор увеличилось более чем наполовину, те кварталы, которые в то время были еще просторны и чисты, теперь так же застроены, так же грязны и переполнены жителями, как некогда пользовавшиеся самой дурной славой части города. Приведу здесь только один пример. В моей книге, на стр. 80 и ел., я описал расположенную в долине реки Медлок группу домов, которая под названием Малой Ирландии (Little Ireland) давно уже представляла собой позорное пятно Манчестера[245]. Малая Ирландия давно исчезла; на ее месте, на высоком фундаменте, возвышается теперь вокзал; буржуазия хвастливо указывала на благополучное завершение сноса Малой Ирландии как на великий триумф. Но вот прошлым летом происходит ужасное наводнение, так как вообще по вполне понятным причинам запруженные реки в наших больших городах вызывают из года в год все более сильные наводнения. Тут-то и обнаруживается, что Малая Ирландия вовсе не уничтожена, а только перенесена с южной стороны Оксфорд-род на северную сторону и процветает по-прежнему. Вот что пишет об этом орган радикальных буржуа Манчестера, манчестерская «Weekly Times»), от 20 июля 1872 года:

«Несчастье, постигшее в прошлую субботу жителей долины Медлок, повлечет за собой, надеемся, *одно* хорошее последствие: общественное внимание будет обращено на явное издевательство над всеми законами санитарии, которое так долго терпели там под носом у городских чиновников и городской санитарной комиссии. Резкая статья во вчерашнем дневном выпуске нашей газеты еще недостаточно разоблачила позорное состояние некоторых застигнутых наводнением подвальных помещений на Чарлз-стрит и Брук-стрит. Тщательное обследование одного из указанных в этой статье дворов дает нам право подтвердить все приведенные там данные и заявить, что подвальные помещения на этом дворе давно следовало бы закрыть; вернее, их никогда не следовало терпеть в качестве человеческого жилья. Скуайрз-корт, на углу Чарлз-стрит и Брук-стрит, состоит из семи или восьми жилых домов, над которыми, в самом низком месте Брук-стрит, под железнодорожной аркой человек может проходить изо дня в день, не подозревая, что в глубине под ним живут в норах человеческие существа. Двор, скрытый от постороннего взора, доступен лишь тем, кого нужда заставляет искать пристанища в его могильном заточении. Даже тогда, когда обычно стоячие, скованные плотинами воды Медлока не подымаются выше своего обычного уровня, даже тогда пол этих жилищ едва лишь на каких-нибудь несколько дюймов выше уровня воды; любой сильный ливень может погнать вверх отвратительную загнившую воду из выгребных ям или сточных труб и отравить жилища ядовитыми газами — знак памяти, оставляемый после себя каждым наводнением... Скуайрз-корт лежит еще ниже, чем нежилые подвалы домов, расположенных на Брук-стрит... на двадцать футов ниже улицы, и зараженная вода, поднявшаяся в субботу из выгребных ям, достигала до крыш. Мы знали это и ожидали поэтому найти двор необитаемым или же встретить там лишь служащих санитарного комитета, занятых очисткой и дезинфекцией вонючих стен. Вместо этого мы увидели человека, который в подвальном помещении одного цирюльника занимался... накладыванием лопатой на тачку кучи гниющих нечистот, лежавших в углу. Цирюльник, подвал которого был уже в известной мере вычищен, направил нас еще дальше вниз, к ряду жилищ, о которых он сказал, что если бы он умел писать, то написал бы в газету и настаивал бы на их закрытии. Так мы достигли наконец Скуайрз-корта, где нашли красивую, здоровую на вид ирландку, занятую стиркой целой кучи белья. Она и ее муж, ночной сторож на частной службе, прожили шесть лет в этом дворе, у них большая семья... В доме, который они только что покинули, вода дошла до самой крыши, окна были разбиты, мебель превращена в щепки. По словам жильца, он мог избавляться в этом доме от невыносимого запаха лишь тем, что каждые два месяца белил стены известью... Во внутреннем дворе, куда нашему репортеру лишь теперь удалось проникнуть, он нашел три дома, пристроенных к задней стене вышеописанных домов; в двух из них были жильцы. Вонь была там так ужасна, что самый здоровый человек через несколько минут должен был бы заболеть морской болезнью... В этой отвратительной дыре жила семья из семи человек, которые в четверг вечером (день начала наводнения) все спали дома. Вернее, как поправила себя женщина, они не спали, так как ее и ее мужа большую часть ночи тошнило от вони. В субботу они были вынуждены, по грудь в воде, выносить своих детей. Она тоже того мнения, что дыра эта не пригодна даже для свиньи, но ввиду дешевой платы — полтора шиллинга в неделю, она сняла ее, так как муж ее в последнее время из-за болезни часто оставался без заработка. Этот двор и погребенные в нем, как в преждевременной могиле, жильцы производят впечатление самой безысходной нужды. Мы должны, впрочем, сказать, что по нашим наблюдениям Скуайрз-

корт является только копией — может быть, несколько преувеличенной — множества других помещений этого района, существование которых наша санитарная комиссия ничем не может оправдать. И если будут допускать, чтобы эти помещения заселялись и дальше, то не приходится и говорить о всей тяжести ответственности, которая ляжет на комиссию, и о той опасности заразных эпидемий, которые угрожают всей округе».

Вот яркий пример того, как буржуазия решает жилищный вопрос на практике. Очаги заразы, позорнейшие норы и ямы, в которые капиталистический способ производства загоняет каждую ночь наших рабочих, — их не уничтожают, их только... *переносят подальше!* Та же экономическая необходимость, которая создала их в одном месте, создает их и в другом. И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельности жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении всех жизненных средств и средств труда самим рабочим классом.

РАЗДЕЛ III
ЕЩЕ РАЗ О ПРУДОНЕ И ЖИЛИЩНОМ ВОПРОСЕ

I

В № 86 «Volksstaat» А. Мюльбергер объявляет себя автором статей, подвергнутых мною критике в № 51 и следующих номерах этой газеты*. В своем ответе он забрасывает меня такой массой упреков и до такой степени искажает при этом все точки зрения, о которых идет речь, что я волей-неволей должен на это ответить. Своему возражению — которое, к сожалению, должно большей частью касаться предписанной мне Мюльбергером области личной полемики — я попытаюсь придать общий интерес тем, что еще раз и по возможности отчетливее, чем прежде, разовью самые важные положения, хотя бы мне снова грозили упреки Мюльбергера в том, что все это «в сущности не содержит ничего нового ни для него, ни для прочих читателей «Volksstaat»».

Мюльбергер жалуется на форму и содержание моей критики. Что касается формы, то достаточно будет возразить, что я в то время вовсе не знал, кому принадлежат разбираемые статьи. О личной «предвзятости» против автора не могло быть, следовательно, и речи; а против изложенного в этих статьях решения жилищного вопроса у меня, конечно, была «предвзятость» постольку, поскольку это решение было мне давно знакомо по Прудону и мой взгляд на него был твердо установлен.

О «тоне» моей критики я не стану спорить с любезным Мюльбергером. Когда участвуешь в движении так давно, как я, то приобретаешь довольно толстую кожу по отношению к нападкам и потому легко предполагаешь наличие таковой и у других. Чтобы удовлетворить Мюльбергера, я попытаюсь на этот раз соразмерить свой «тон» с чувствительностью его эпидермиса (верхнего слоя кожи).

* См. настоящий том, стр. 203—227. *Ред.*

Мюльбергер особенно горько жалуется на то, что я назвал его прудонистом, и уверяет, будто бы он им вовсе не является. Мне приходится, конечно, верить ему, но все-таки я приведу доказательства того, что в разбираемых статьях — а только о них и шла речь — не содержится ничего, кроме чистого прудонизма.

Но и Прудона, по мнению Мюльбергера, я критикую «легкомысленно» и совершенно несправедливо:

«Теория о мелком буржуа Прудоне стала у нас в Германии установившейся догмой, которую многие исповедуют, даже не прочитав ни одной строчки из его произведений».

На мое сожаление о том, что рабочие, говорящие на романских языках, в течение двадцати лет не имели никакой другой духовной пищи, кроме произведений Прудона, Мюльбергер отвечает, что у романских рабочих «принципы, формулированные Пру доном, почти повсюду образуют живую душу движения». С этим я не могу согласиться. Во-первых, «живая душа» рабочего движения нигде не заключается в «принципах», а везде — в развитии крупной промышленности и его последствиях: накоплении и концентрации капитала, с одной стороны, и пролетариата — с другой. Во-вторых, неверно, что так называемые прудоновские «принципы» играют у романских рабочих ту решающую роль, которую приписывает им Мюльбергер, что «принципы анархии, Organisation des forces economiques, Liquidation sociale[*] и т. п. стали там... истинными носителями революционного движения». Не говоря уже об Испании и Италии, где прудонистские панацеи от всех зол приобрели кое-какое влияние лишь в еще ухудшенном Бакуниным варианте, — всякому, кто знаком с международным рабочим движением, хорошо известен тот факт, что во Франции прудонисты образуют малочисленную секту, между тем как рабочие массы знать ничего не хотят о предложенном Прудоном плане общественных реформ, известном под названием Liquidation sociale и Organisation des forces economiques. Это выявилось, между прочим, в Коммуне. Хотя прудонисты были в ней сильно представлены, все же не сделано было ни малейшей попытки на основе проектов Прудона ликвидировать старое общество или организовать экономические силы. Напротив. К величайшей чести Коммуны, «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность. Вот почему эти мероприятия — отмена ночного труда пекарей,

[*] — организации экономических сил, социальной ликвидации. *Ред.*

запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма. Единственным социальным мероприятием, проведенным прудонистами, был *отказ* от конфискации Французского банка, и отчасти из-за этого Коммуна погибла. Точно так же и так называемые бланкисты, лишь только они сделали попытку из чисто политических революционеров превратиться в социалистическую рабочую фракцию с определенной программой, — как, например, в выпущенном в Лондоне бланкистами-эмигрантами манифесте «Интернационал и Революция»[246], — то провозгласили не «принципы» прудоновского плана спасения общества, а воззрения, и притом почти буквально, немецкого научного социализма о необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства, как было сказано об этом еще в «Коммунистическом Манифесте» и с тех пор повторялось бесчисленное количество раз. И если Мюльбергер из неуважения немцев к Прудону делает вывод о недостаточном понимании ими романского движения, «вплоть до Парижской Коммуны», то пусть бы он в доказательство этого непонимания назвал такое произведение романской литературы, в котором хотя бы приблизительно так правильно была понята и изображена Коммуна, как в воззвании Генерального Совета Интернационала о гражданской войне во Франции, написанном немцем Марксом.

Единственная страна, в которой рабочее движение находится непосредственно под влиянием прудоновских «принципов», это — Бельгия, и именно поэтому бельгийское рабочее движение и идет, по выражению Гегеля, «от ничего через ничто к ничему»[247].

Если я считаю несчастьем, что романские рабочие, прямо или косвенно, в течение двадцати лет духовно питались только Прудоном, то несчастье это я нахожу не в совершенно мифическом господстве прудоновского рецепта реформ, который Мюльбергер называет «принципами», а в том, что их экономическая критика существующего общества была заражена совершенно ложными прудоновскими взглядами, а их политическая деятельность была испорчена прудонистским влиянием. На вопрос же о том, кто «больше пребывает в революции», «прудонизированные романские рабочие» или же немецкие рабочие, которые во всяком случае бесконечно лучше понимают научный немецкий социализм, чем романцы своего Прудона, — на этот вопрос мы сможем ответить лишь тогда, когда будем знать,

что значит *«пребывать* в революции». Говорили о людях, что они «пребывают в христианстве, в истинной вере, в милости божьей» и т. п. Но «пребывать» в революции, в насильственнейшем движении! Да разве «революция» — догматическая религия, в которую надо верить?

Далее Мюльбергер упрекает меня в том, что я, вопреки тому, что буквально сказано в его статье, утверждал, будто он объявляет жилищный вопрос исключительно рабочим вопросом.

На этот раз Мюльбергер действительно прав. Я пропустил соответствующее место. Пропустил непростительным образом, так как место это одно из наиболее характерных для всей тенденции его рассуждений. Мюльбергер действительно говорит буквально следующее:

«Так как нам часто и много раз бросали *смехотворный* упрек, будто мы ведем *классовую политику,* стремимся к *классовому господству* и т. п., то прежде всего мы решительно подчеркиваем, что жилищный вопрос вовсе не исключительно касается пролетариата, а, *напротив,* интересует *в высшей степени собственно среднее сословие,* мелких ремесленников, мелкую буржуазию, все чиновничество... Жилищный вопрос — это как раз тот пункт социальных реформ, который, по-видимому, более, чем все другие, способен вскрыть *абсолютное внутреннее тождество интересов пролетариата,* с одной стороны, и *собственно средних классов* общества — с другой. Средние классы страдают так же сильно, *может быть еще сильнее,* чем пролетариат, от гнетущих оков наемного жилища... Собственно средние классы общества стоят теперь перед вопросом, найдут ли они в себе... достаточно сил... чтобы в союзе с полной юношеских сил и энергии рабочей партией принять участие в процессе преобразования общества, преобразования, *благодетельные результаты которого принесут пользу в первую очередь им».*

Итак, любезный Мюльбергер констатирует здесь следующее:

1) «Мы» не ведем «классовой политики» и не стремимся к «классовому господству». Между тем, немецкая Социал-демократическая рабочая партия именно *потому,* что она *рабочая партия,* необходимым образом ведет «классовую политику», политику рабочего класса. Так как всякая политическая партия стремится достичь господства в государстве, то и немецкая Социал-демократическая рабочая партия неизбежно добивается *своего* господства, господства рабочего класса, то есть «классового господства». Впрочем, *всякая* действительно пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата. Объявляя это «смехотворным», Мюльбергер ставит себя вне пролетарского

движения и оказывается в рядах мелкобуржуазного социализма.

2) Жилищный вопрос имеет то преимущество, что он не представляет собой исключительно рабочего вопроса, а «в высшей степени интересует мелкую буржуазию», так как «собственно средние классы так же сильно, пожалуй, даже сильнее» страдают от жилищной нужды, чем пролетариат. Кто заявляет, что мелкая буржуазия, хотя бы в одном-единственном отношении, страдает, «пожалуй, даже сильнее, чем пролетариат», тот уж никак не может жаловаться, если его причисляют к мелкобуржуазным социалистам. Итак, есть ли у Мюльбергера основание для недовольства, когда я говорю:

«Преимущественно этими-то страданиями, общими у рабочего класса с другими классами, в особенности с мелкой буржуазией, и предпочитает заниматься мелкобуржуазный социализм, к которому принадлежит и Прудон. И поэтому вовсе не случайно наш немецкий прудонист берется прежде всего за жилищный вопрос, который, как мы видели, никоим образом не является исключительно рабочим вопросом»[*].

3) Между интересами «собственно средних классов общества» и интересами пролетариата существует «абсолютное внутреннее тождество», и не пролетариату, а именно этим собственно средним классам «благодетельные результаты» предстоящего процесса преобразования общества «принесут пользу в первую очередь».

Таким образом, рабочие совершат предстоящую социальную революцию «прежде всего» в интересах мелких буржуа. И далее, существует «абсолютное внутреннее тождество» между интересами мелких буржуа и интересами пролетариата. Если интересы мелких буржуа внутренне тождественны с интересами рабочих, то и интересы рабочих тождественны с интересами мелких буржуа. Следовательно, мелкобуржуазная точка зрения в движении так же правомерна, как и пролетарская. А утверждение такого равноправия и есть то, что называют мелкобуржуазным социализмом.

Поэтому вполне последовательно со стороны Мюльбергера, если он на стр. 25 своей брошюры[248] превозносит «мелкое производство» как «подлинный *оплот* общества», «потому что оно по самой своей природе соединяет в себе три фактора: труд — приобретение — владение, и потому что соединением этих трех факторов оно не ставит никаких преград способности индивида к развитию», и если он упрекает современную про-

---

[*] См. настоящий том, стр. 209—210. *Ред.*

мышленность особенно за то, что она уничтожает этот рассадник нормальных людей и «превратила полный жизненных сил, постоянно себя воспроизводящий *класс* в бессознательную *толпу* людей, не знающую, куда обратить свой боязливый взор». Итак, мелкий буржуа для Мюльбергера — образцовый человек, а мелкое ремесло для Мюльбергера — образцовый способ производства. Разве же я оклеветал его, причислив его к мелкобуржуазным социалистам?

Так как Мюльбергер отклоняет от себя всякую ответственность за Прудона, то было бы излишне показывать здесь дальше, что прудоновские планы реформы имеют целью превращение всех членов общества в мелких буржуа и мелких крестьян. Так же излишне было бы останавливаться на мнимом тождестве интересов мелких буржуа с интересами рабочих. Все необходимое уже сказано в «Коммунистическом Манифесте» (лейпцигское издание 1872, стр. 12 и 21)[249].

Итак, результат нашего исследования сводится к тому, что рядом с «легендой о мелком буржуа Прудоне» выступает быль о мелком буржуа Мюльбергере.

II

Переходим теперь к главному пункту. Я упрекнул статьи Мюльбергера в том, что экономические отношения по-прудоновски фальсифицируются в них переводом на юридический способ выражения. В качестве примера я взял следующее положение Мюльбергера:

«Однажды построенный дом служит *вечным юридическим основанием* для получения определенной доли общественного труда, хотя действительная стоимость дома в более чем достаточной мере давно уже выплачена владельцу в форме квартирной платы. *Так получается,* что для дома, построенного, например, 50 лет тому назад, первоначальные издержки покрываются за это время 2, 3, 5, 10 и более раз получаемой с него квартирной платой»).

Мюльбергер жалуется на это следующим образом:

«Это *простое, трезвое констатирование факта* дает Энгельсу повод делать мне внушение о том, что мне следовало бы объяснить, *каким образом* дом становится «юридическим основанием», — что совершенно не входило в круг моих задач... Одно дело — *изображение,* другое дело — *объяснение.* Если я говорю вслед за Прудоном, что экономическая жизнь общества должна быть проникнута *правовой идеей,* то я тем самым *изображаю* современное общество как такое, в котором отсутствует если не всякая правовая идея, то *правовая идея революции,* — факт, с которым согласится сам Энгельс».

Прежде всего остановимся на однажды построенном доме. Дом, сданный внаем, приносит своему застройщику в виде

наемной платы земельную ренту, средства на ремонт и процент на вложенный при строительстве капитал, включая и прибыль с него; уплачиваемая наемная плата, смотря по обстоятельствам, может постепенно составить сумму, в два, три, пять, десять раз превышающую первоначальные издержки на постройку дома. Это, милейший Мюльбергер, есть «простое, трезвое констатирование» «факта», который имеет *экономический* характер; и если мы хотим знать, как же это «так получается», что факт этот существует, то мы должны производить исследование в экономической области. Рассмотрим же этот факт поближе, так, чтобы он стал понятен каждому ребенку. Продажа товара состоит, как известно, в том, что владелец отдает его потребительную стоимость и получает его меновую стоимость. Потребительные стоимости товаров различаются друг от друга, между прочим, и тем, что их потребление осуществляется в различные сроки. Каравай хлеба съедается в один день, пара брюк изнашивается в один год, дом, скажем, — в сто лет. По отношению к товарам с длительным периодом изнашивания представляется, стало быть, возможность продавать их потребительную стоимость по частям, каждый раз на определенный срок, то есть *отдавать ее внаем.* Продажа по частям реализует, следовательно, меновую стоимость лишь постепенно, за этот отказ от немедленного получения обратно авансированного капитала и полагающейся с него прибыли продавец вознаграждается надбавкой к цене, начислением процентов, ставка которых определяется отнюдь не произвольно, а законами политической экономии. По истечении ста лет дом потреблен, изношен, негоден для жилья. Если мы после этого вычтем из всей уплаченной суммы наемной платы: 1) земельную ренту вместе с некоторым повышением, которое она претерпела за это время, 2) расходы на текущий ремонт, — то мы найдем, что остаток в среднем составляется: 1) из первоначального капитала, вложенного в строительство дома, 2) из прибыли с него и 3) из процентов на постепенно погашаемый капитал и на прибыль. Правда, по истечении этого времени у съемщика нет дома, но нет его и у владельца. У последнего есть лишь участок земли (если он принадлежит именно ему) и находящиеся на нем строительные материалы, которые, однако, уже перестали быть домом. И если для дома тем временем «первоначальные издержки покрываются 5 или 10 раз», то мы увидим, что это произошло просто вследствие роста земельной ренты; это ни для кого не секрет в таких местах, как Лондон, где землевладелец и домовладелец — большей частью два разных лица. Такой колоссальный рост наемной платы происходит в быстро растущих горо-

дах[*], но не где-нибудь в деревне, где земельная рента со строительных участков остается почти неизменной. Общеизвестно, что за вычетом повышений земельной ренты квартирная плата в среднем приносит домовладельцу ежегодно не свыше 7% вложенного капитала (включая прибыль), причем из этой суммы нужно еще покрывать издержки на ремонт и тому подобное. Словом, договор о найме — это самая обыкновенная товарная сделка, теоретически представляющая для рабочего не больший и не меньший интерес, чем всякая другая товарная сделка, за исключением той, где дело идет о купле-продаже рабочей силы; практически же этот договор о найме выступает перед ним как одна из тысячи форм буржуазного надувательства, о которых я говорю на стр. 4 отдельного издания[**] и которая, как я там указал, тоже подвержена известному экономическому регулированию.

Мюльбергер, напротив, не видит в договоре о найме ничего, кроме чистого «произвола» (стр. 19 его работы), а когда я доказываю ему обратное, — он жалуется, что я говорю ему «сплошь такие вещи, которые, к сожалению, он сам уже знал».

Однако никакие экономические исследования о квартирной плате не приведут нас к тому, чтобы превратить отмену сдачи квартир внаем в «одно из самых плодотворных и самых возвышенных стремлений, зародившихся в лоне революционной идеи». Чтобы добиться этого, необходимо перевести этот простой факт из области трезвой политической экономии в гораздо более идеологическую область юриспруденции. «Дом служит вечным юридическим основанием» платы за наем помещения; — *«так получается»,* что стоимость дома может быть покрыта наемной платой 2, 3, 5 и 10 раз. Чтобы узнать, как же это «так получается», «юридическое основание» не поможет нам ни на грош; поэтому я и говорил, что только путем исследования того, каким образом дом становится юридическим основанием, Мюльбергер мог бы узнать, *как* это «так получается». Мы узнаем это лишь тогда, когда исследуем, как я и сделал, *экономическую* природу квартирной платы, вместо того чтобы возмущаться тем юридическим выражением, в котором санкционирует ее господствующий класс. — Тот, кто предлагает экономические меры для отмены квартирной платы, обязан ведь знать о квартирной плате несколько больше чем то, что она представляет собой «дань, которой съемщик оплачивает вечное право капитала». На это

[*] В газете «Volksstaat» напечатано: «в быстро растущих крупных городах». *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 208—209. *Ред.*

Мюльбергер отвечает: «Одно дело — изображение, другое дело — объяснение».

Итак, стало быть, дом, хотя он отнюдь не вечен, превращен в вечное юридическое основание квартирной платы. Безразлично, как это «так получается», но мы обнаруживаем, что в силу этого юридического основания дом приносит в виде квартирной платы доход, во много раз превышающий его стоимость. Благодаря переводу на юридический язык мы благополучно удалились от экономической области достаточно далеко, чтобы видеть лишь то явление, что валовая сумма арендной платы мало-помалу может многократно оплатить стоимость дома. Так как мы мыслим и говорим юридически, то и к этому явлению мы прилагаем масштаб права, справедливости и находим, что явление это *несправедливо,* что оно не соответствует «правовой идее революции», — что бы эта штука ни означала, — и что поэтому юридическое основание никуда не годится. Далее мы обнаруживаем, что то же самое относится к приносящему проценты капиталу и к сданной в аренду пахотной земле; это дает нам повод выделить и эти разряды собственности из других и подвергнуть их особому рассмотрению. Последнее приводит к требованию: 1) лишить собственника права отказа от договора, права востребования своей собственности, 2) передать безвозмездно съемщику, должнику или арендатору пользование сданным ему, но не принадлежащим ему предметом и 3) выплатить собственнику его достояние мелкими долями без процентов. Этим мы и исчерпали прудоновские «принципы» в этой области. Это и есть прудоновская «общественная ликвидация».

Кстати, совершенно ясно, что весь этот план реформ должен пойти на пользу почти исключительно мелким буржуа и мелким крестьянам, *закрепляя* их положение как мелких буржуа и мелких крестьян. Легендарный, по Мюльбергеру, образ «мелкого буржуа Прудона», таким образом, приобретает здесь вдруг весьма осязаемую историческую реальность.

Мюльбергер продолжает:

«Если я говорю вслед за Прудоном, что экономическая жизнь общества должна быть проникнута *правовой идеей,* то я тем самым *изображаю* современное общество, как такое, в котором отсутствует если не всякая правовая идея, то правовая идея революции, — факт, с которым согласится сам Энгельс».

К сожалению, я лишен возможности доставить Мюльбергеру это удовольствие. Мюльбергер выставляет требование, что общество *должно* быть проникнуто правовой идеей, и называет

это изображением. Если суд посылает мне через судебного исполнителя предписание уплатить долг, то, по Мюльбергеру, суд не совершает ничего иного, как только *изображает* меня человеком, не платящим своих долгов! Одно дело — изображение, другое дело — требование. В этом именно и состоит главное отличие немецкого научного социализма от Прудона. Мы изображаем, — а всякое подлинное изображение, вопреки Мюльбергеру, есть в то же время объяснение предмета, — мы изображаем экономические отношения, как они существуют и как они развиваются, и доказываем строго экономически, что это их развитие есть в то же время развитие элементов социальной революции: развитие, с одной стороны, пролетариата, класса, условия жизни которого неизбежно толкают его к социальной революции, а с другой стороны — производительных сил, которые, перерастая рамки капиталистического общества, должны неизбежно разорвать их и которые в то же время создают возможность устранения раз навсегда классовых различий в интересах самого общественного прогресса. Прудон, наоборот, предъявляет современному обществу требование преобразоваться не в соответствии с законами своего собственного экономического развития, а согласно предписаниям справедливости («правовая *идея»* принадлежит не ему, а Мюльбергеру). Там, где мы доказываем, там Прудон, а за ним и Мюльбергер, *проповедует* и плачется.

Что за штука «правовая идея революции», — я абсолютно не в состоянии разгадать. Правда, Прудон превращает «Революцию» в своего рода богиню, олицетворяющую и осуществляющую его «справедливость»; при этом он впадает в странное заблуждение, смешивая в одно буржуазную революцию 1789— 1794 гг. и грядущую пролетарскую революцию. Он проделывает это почти во всех своих произведениях, особенно после 1848 года; в качестве примера я приведу только «Общую идею революции», издание 1868 г., стр. 39—40[250]. Но так как Мюльбергер снимает с себя какую-либо ответственность за Прудона, то мне не позволено обращаться к Прудону за объяснением «правовой идеи революции», и я продолжаю пребывать во тьме египетской.

Далее Мюльбергер говорит:

«Но ни Прудон, ни я не апеллируем к «вечной справедливости» для *объяснения* существующих несправедливых условий, ни, тем более, как приписывает мне Энгельс, не ждем улучшения этих условий от апелляции к этой справедливости».

Мюльбергер, по-видимому, полагается на то, что «Прудон почти вовсе неизвестен в Германии». Во всех своих сочинениях

Прудон мерит все общественные, правовые, политические, религиозные положения* мерилом «справедливости», отвергая их или признавая в зависимости от того, согласуются ли они или не согласуются с тем, что он называет «справедливостью». В «Экономических противоречиях»[251] эта справедливость называется еще «вечной справедливостью», justice éternelle. Позднее вечность уже не упоминается, но по существу сохраняется. Например, в работе «О справедливости в революции и в церкви», издание 1858 г.[252], следующий отрывок выражает содержание всей этой трехтомной проповеди (том 1, стр. 42):

«Каков основополагающий принцип, органический, управляющий, суверенный принцип обществ, который, подчиняя себе все остальные, правит, защищает, оттесняет, карает, в случае нужды даже подавляет все мятежные элементы? Что это? — религия, идеал, *интерес?..* Этим принципом, на мой взгляд, является *справедливость.* — Что такое справедливость? *Сущность самого человечества.* — Чем она была со времени возникновения мира? Ничем. — Чем она должна стать? Всем».

Справедливость, которая составляет сущность самого человечества, — что же это еще, если не *вечная* справедливость? Справедливость, которая является органическим, управляющим, суверенным основополагающим принципом обществ, справедливость, которая, тем не менее, до сих пор была ничем, но должна стать всем, — что же это, если не мерило, которым должны измеряться все дела человеческие, к которому надлежит апеллировать как к высшему судье при всяком затруднительном случае? А разве я утверждал что-либо другое, кроме того, что Прудон прикрывает свое невежество и свою беспомощность в области политической экономии тем, что судит об экономических отношениях не по экономическим законам, а по тому, согласуются они или не согласуются с его представлением об этой вечной справедливости? И чем же Мюльбергер отличается от Прудона, когда он требует, чтобы «все изменения в жизни современного общества... были проникнуты *правовой идеей,* то есть проводились везде в соответствии *со строгими требованиями справедливости»?* Либо я не умею читать, либо Мюльбергер писать не умеет.

Далее Мюльбергер говорит:

«Прудон знает не хуже Маркса и Энгельса, что подлинным двигателем человеческого общества являются экономические, а не юридические отношения; он знает также, что правовые идеи народа в каждый данный

* В газете «Volksstaat» вместо слов «все общественные, правовые, политические, религиозные положения» напечатано: «все общественные, правовые, политические условия, все теоретические, философские, религиозные положения». *Ред.*

момент являются лишь выражением, отражением, продуктом экономических, — в особенности производственных отношений... Одним словом, право для Прудона есть исторически сложившийся экономический продукт».

Если Прудон все это (я оставляю в стороне неясный способ выражения Мюльбергера и довольствуюсь его благими намерениями) «знает не хуже Маркса и Энгельса», — о чем же нам тогда спорить? Но в том-то и дело, что насчет знаний Прудона дело обстоит несколько иначе. Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы.* А Прудон в только что цитированном главном своем произведении пишет черным по белому, что «управляющий, органический, суверенный основополагающий принцип обществ, подчиняющий себе все остальные» принципы, это — не *интерес,* а *справедливость.* И он повторяет то же самое во всех своих сочинениях во всех решающих местах. Все это не мешает Мюльбергеру продолжать:

«... идея экономического права, глубже всего развитая Прудоном в «Войне и мире», вполне совпадает с теми основными мыслями Лассаля, которые так хорошо изложены в его предисловии к «Системе приобретенных прав»».

«Война и мир»[253] — пожалуй, самое ученическое из многочисленных ученических произведений Прудона, и я никак не мог ожидать, что оно будет приведено в доказательство мнимого усвоения Прудоном немецкого материалистического понимания истории, объясняющего все исторические события и представления, всю политику, философию, религию материальными, экономическими условиями жизни данного исторического периода. Эта книга так мало материалистична, что даже свою концепцию войны не может выразить, не призвав на помощь *творца:*

«Между тем творец, избравший для нас этот образ жизни, имел свои цели» (т. II, стр. 100, издание 1869 г.).

На какие исторические познания опирается эта книга, видно из того, что в ней высказано убеждение в историческом существовании золотого века:

«Вначале, когда человечество было еще редко рассеяно по земному шару, природа без труда удовлетворяла потребности человека. Это был золотой век, век изобилия и покоя» (там же, стр. 102).

Экономическая позиция Прудона представляет собой позицию самого грубого мальтузианства:

«Если удваивается производство, то тотчас же удвоится и население» (стр. 106).

В чем же тогда состоит материализм этой книги? В том, что в ней утверждается, будто причиной войны всегда был и поныне остается «пауперизм» (например, стр. 143). Дядюшка Бресиг был таким же ловким материалистом, когда в своей речи в 1848 г. изрек великие слова: «Причиной великой нищеты является великая pauvretе»*.

В «Системе приобретенных прав»[254] Лассаль находится в плену всех иллюзий не только юриста, но и старогегельянца. На стр. VII Лассаль определенно заявляет, что и в *«экономике* понятие приобретенного права представляет собой исходный пункт, приводящий в движение все дальнейшее развитие»; он хочет показать (стр. XI), что «право есть разумный, *из самого себя»* (стало быть, не из экономических предпосылок) «развивающийся организм»; для него задача состоит в том, чтобы вывести право не из экономических отношений, а из «самого понятия воли, развитием и отображением которого только и является философия права» (стр. XII). Но при чем же здесь эта книга? Различие между Прудоном и Лассалем состоит лишь в том, что Лассаль был действительно юристом и гегельянцем, а Прудон и в юриспруденции и в философии, как и во всем прочем, был всего только дилетантом.

Что Прудон, который, как известно, постоянно сам себе противоречит, подчас делает кое-где и такие замечания, которые как будто обнаруживают стремление объяснять идеи исходя из фактов, — это я отлично знаю. Однако значение подобных высказываний совершенно ничтожно по сравнению с основным направлением его мысли, а там, где они встречаются, они к тому же в высшей степени путаны и непоследовательны.

На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом.* Вместе с законом необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение, — публичная власть, государство. В ходе дальнейшего общественного развития закон разрастается в более или менее обширное законодательство. Чем сложнее становится это законодательство, тем более

* — бедность. *Ред.*

отличается способ его выражения от того способа, в котором выражаются обычные экономические условия жизни общества. Законодательство представляется как бы самодовлеющим элементом, который находит оправдание своему существованию и обоснование своему дальнейшему развитию не в экономических отношениях, а в собственных внутренних основах, хотя бы, скажем, в «понятии воли». Люди забывают о происхождении своего права из экономических условий своей жизни, подобно тому как они забыли о своем собственном происхождении из животного царства. По мере того как законодательство разрастается в сложное, обширное целое, выступает необходимость в новом общественном разделении труда: образуется сословие профессиональных правоведов, а вместе с ними возникает и наука права. Последняя в своем дальнейшем развитии сравнивает между собой правовые системы различных народов и различных эпох не как отражения соответствующих экономических отношений, а как системы, заключающие свое обоснование в самих себе. Сравнение предполагает нечто общее: это общее обнаруживается в том, что все, более или менее одинаково свойственное всем этим правовым системам, юристы соединяют под названием *естественного права.* А мерилом, которым определяется, что относится к естественному праву и что к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права — *справедливость.* И с этого момента в глазах юристов и тех, кто верит им на слово, развитие права состоит лишь в стремлении все больше приблизить условия человеческой жизни, поскольку они находят юридическое выражение, к идеалу справедливости, к *вечной* справедливости. А эта справедливость всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым. Для прусских юнкеров даже жалкий закон об округах является нарушением вечной справедливости. Представление о вечной справедливости изменяется, таким образом, не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми, как правильно замечает Мюльбергер, «каждый разумеет нечто другое». Если в обыденной жизни, при простоте отношений, с которыми там приходится иметь дело, такими выражениями, как справедливо, несправедливо, справедливость, чувство права, пользуются даже по отношению к общественным явле-

ниям без особых недоразумений, то в научных исследованиях экономических отношений эти выражения, как мы видели, приводят к такой же беспросветной путанице, какая возникла бы, например, в современной химии, если бы там попытались сохранить терминологию теории флогистона. Еще хуже бывает эта путаница, когда верят, подобно Прудону, в социальный флогистон, в «справедливость», или же когда уверяют, подобно Мюльбергеру, что теория флогистона не менее правильна, чем теория кислорода*.

III

Мюльбергер жалуется далее на то, что я называю реакционной иеремиадой его «напыщенные» излияния по поводу того, что

«нет более ужасного издевательства над всей культурой нашего прославленного века, чем тот факт, что в больших городах 90 и более процентов населения лишены крова, который они могли бы назвать своим собственным».

Разумеется, если бы Мюльбергер ограничился, как он сам утверждает, изображением «ужасов современности», то я, разумеется, не сказал бы ни одного худого слова «о нем и о его скромных писаниях». Но он делает нечто совершенно другое. Он изображает эти «ужасы» *следствием* того, что рабочие *пне имеют пристанища, которое они могли бы назвать своим собственным».* Жалуются ли на «ужасы современности», объясняя их отменой права собственности рабочего на его жилище, или, как это делают юнкеры, отменой феодализма и цехов, — в обоих случаях не может получиться ничего, кроме реакционной иеремиады, скорбной песни о вторжении неизбежного, исторически необходимого. Реакционность состоит именно в том, что Мюльбергер хочет восстановить индивидуальную собственность рабочего на жилище — дело, с которым история давным-давно покончила; в том, что он не может иначе пред-

* До открытия кислорода химики для объяснения горения тел в атмосферном воздухе предполагали существование особого горючего вещества, флогистона, улетучивающегося при горении. Так как они обнаруживали, что сгоревшие простые тела после сгорания имеют больший вес, чем прежде, то они объявили, что флогистон имеет отрицательный вес, так что тело без своего флогистона весит больше, чем с ним. Таким образом, флогистону постепенно приписали все важнейшие свойства кислорода, но все — в *обратном смысле.* Когда было открыто, что горение состоит в соединении горящих тел с другим телом, кислородом, и кислород был получен в чистом виде, это предположение — после долгого, однако, сопротивления со стороны старых химиков — совершенно утратило свое значение.

ставить себе освобождение рабочих, как только в виде превращения каждого снова в собственника своего жилища. — Далее:

«Я утверждаю самым решительным образом: борьба идет собственно против капиталистического способа производства, и только *исходя из его преобразования* можно ожидать улучшения жилищных условий. Энгельс ничего этого не замечает... Я предполагаю полное решение социального вопроса, прежде чем приступить к выкупу наемных жилищ».

К сожалению, я и теперь еще ничего этого не замечаю. Не мог же я знать, что предполагает в потаенном уголке своего мозга некто, чье имя даже было мне неизвестно. Я могу придерживаться только печатных статей Мюльбергера. А там я и теперь еще нахожу (на стр. 15 и 16 брошюры), что в качестве предпосылки для отмены наемного жилища Мюльбергер не предполагает ничего, кроме... самого наемного жилища. Лишь на стр. 17 он берет «производительность капитала за рога», к чему мы еще вернемся. И даже в своем ответе он это подтверждает, говоря:

«Дело шло скорее о том, чтобы показать, как, *исходя из существующих условий,* могло бы быть произведено полное преобразование в области жилищного вопроса».

«Исходя из существующих условий» и «исходя из преобразования» (что должно бы означать: уничтожения) «капиталистического способа производства» — ведь это вещи совершенно противоположные.

Не удивительно, если Мюльбергер сетует на то, что в филантропических стремлениях г-на Дольфуса и других фабрикантов помочь рабочим обзавестись собственным домом я вижу единственно возможное практическое осуществление его прудонистских проектов. Будь Мюльбергеру понятно, что прудоновский план спасения общества есть фантазия, всецело остающаяся на почве *буржуазного* общества, то он, разумеется, не уверовал бы в этот план. Да я никогда и не сомневался в его благих намерениях. Но почему же в таком случае он восхваляет д-ра Решауэра за то, что последний предлагает венскому городскому управлению подражать проектам г-на Дольфуса?

Далее Мюльбергер заявляет:

«Что касается, в частности, противоположности между городом и деревней, то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта естественная, вернее говоря, исторически возникшая... Дело не в том, чтобы *уничтожить* эту противоположность,

а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы *безвредна,* даже *плодотворна.* Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравновешения интересов».

Итак, уничтожение противоположности между городом и деревней — утопия, *потому что* эта противоположность — естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Применим эту логику к другим противоречиям современного общества и посмотрим, куда это нас приведет. Например:

«Что касается в частности противоположности между» капиталистами и наемными рабочими, «то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Дело не в том, чтобы *уничтожить* эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы *безвредна,* даже *плодотворна.* Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравновешения интересов».

Тем самым мы опять пришли к Шульце-Деличу.

Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либих в своих сочинениях по агрохимии, в которых он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывается, что этому препятствует лишь существование городов, в особенности крупных городов. Когда видишь, как здесь, в одном только Лондоне, изо дня в день с затратой огромных средств выбрасывается в море большая масса навоза, чем производится во всем королевстве Саксонии, и когда видишь, какие колоссальные сооружения необходимы для того, чтобы этот навоз не отравил весь Лондон, — то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней находит замечательное обоснование в практике. Даже сравнительно небольшой Берлин вот уж по крайней мере тридцать лет задыхается в своих собственных нечистотах. С другой стороны, было бы чистейшей утопией желать, подобно Прудону, произвести переворот в современном буржуазном обществе, сохраняя крестьянина как такового. Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду

с необходимым для этого расширением средств сообщения, — конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства, — в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. Утверждать, что освобождение людей от цепей, выкованных их историческим прошлым, будет полным лишь тогда, когда будет уничтожена противоположность между городом и деревней, — вовсе не является утопией; утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, «исходя из существующих отношений», предуказать *форму,* в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу. А именно это и делает Мюльбергер, принимая прудоновскую формулу решения жилищного вопроса.

Далее Мюльбергер жалуется, что я в известной степени считаю и его ответственным за «чудовищные воззрения Прудона на капитал и процент», и заявляет:

«Изменение производственных отношений я предполагаю *как данное уже заранее,* а переходный закон, регулирующий ставку процента, касается не производственных отношений, а общественного оборота, отношений обращения... Изменение производственных отношений, или, как точнее формулирует немецкая школа, уничтожение капиталистического способа производства, происходит, конечно, не вследствие переходного закона, упраздняющего процент, как *приписывает* мне это Энгельс, а вследствие *фактического овладения всеми орудиями труда,* всей промышленностью со стороны трудящегося народа. Будет ли при этом трудящийся народ поклонником» (!) «выкупа или же немедленной экспроприации, — этого не решить ни Энгельсу, ни мне».

Я с изумлением протираю глаза. Я снова перечитываю сочинение Мюльбергера от начала до конца, чтобы отыскать то место, где он заявляет, что его выкуп наемных жилищ заранее предполагает «фактическое овладение всеми орудиями труда, всей промышленностью со стороны трудящегося народа». Этого места я не нахожу. Его не существует. О «фактическом овладении» и т. д. нигде нет речи. Зато на стр. 17 сказано:

«Предположим, что производительность капитала, — как это рано или поздно должно случиться, — *действительно взята за рога,* например, *посредством переходного закона, твердо устанавливающего размер процента со всех капиталов в один процент,* притом с тенденцией постепенно приблизить и этот размер процента к нулю... Разумеется, и дом, и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежат действию этого закона... Мы видим, таким образом, что и с этой стороны выкуп наемных квартир *является необходимым следствием уничтожения производительности капитала вообще».*

В полную противоположность новейшему повороту Мюльбергера здесь, стало быть, сказано без обиняков, что производительность капитала — а под этой путаной фразой он заведомо разумеет капиталистический способ производства — в самом деле «была бы взята за рога» посредством закона об отмене процента и что именно в результате этого закона «выкуп наемных жилищ является необходимым следствием уничтожения производительности капитала вообще». Ни в коем случае, заявляет теперь Мюльбергер. Этот переходный закон «касается не *производственных* отношений, а отношений *обращения».* При таком полнейшем противоречии, говоря словами Гёте, «одинаково таинственном для мудрецов и для глупцов»[255], остается только предположить, что я имею дело с двумя различными Мюльбергерами, из которых один справедливо выражает недовольство, если я «приписываю» ему то, что напечатал другой.

Что трудящийся народ не станет спрашивать ни меня, ни Мюльбергера, будет ли он при фактическом овладении «поклонником выкупа или же немедленной экспроприации», — это совершенно верно. В высшей степени вероятно, что он вообще предпочтет не быть «поклонником». Но ведь о фактическом овладении всеми орудиями труда трудящимся народом вовсе не было речи; речь шла только об утверждении Мюльбергера (стр. 17), что «все содержание решения жилищного вопроса дано в слове *выкуп».* Если теперь он признает этот выкуп крайне сомнительным, — зачем же тогда напрасно утруждать и нас обоих и читателей?

Впрочем, необходимо констатировать, что «фактическое овладение» всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем *отдельный рабочий* становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение земельной собственности не предполагает уничтожения земельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем.

Вообще вопрос вовсе не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и

жизненные средства путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это, или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Пытаться ответить на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим.

IV

Вот сколько пришлось исписать бумаги, чтобы сквозь всевозможные оговорки и увертки Мюльбергера добраться, наконец, до самой сути дела, которой Мюльбергер в своем ответе старательно избегает касаться.

Что положительного сказал Мюльбергер в своей статье?

Во-первых, — что «разница между первоначальными издержками по постройке дома, на строительный участок и т. д. и его теперешней стоимостью» по праву принадлежит обществу. Эта разница называется на экономическом языке земельной рентой. Прудон тоже хочет передать ее обществу, как можно прочитать в его «Общей идее революции», издание 1868 г., стр. 219.

Во-вторых, — что решение жилищного вопроса состоит в том, что каждый съемщик становится собственником своей квартиры.

В-третьих, — что это решение проводится в жизнь посредством закона, превращающего платежи по найму в платежи по покрытию покупной цены жилища. — Оба эти пункта, второй и третий, заимствованы у Прудона, как всякий может увидеть в «Общей идее революции», стр. 199 и сл., а на стр. 203 там даже имеется в готовой редакции соответствующий проект закона.

В-четвертых, — что производительность капитала берется за рога посредством переходного закона, согласно которому ставка процента снижается сначала до 1%, имея в виду затем дальнейшее понижение. Это точно так же заимствовано у Прудона, о чем подробно можно прочитать в «Общей идее», стр. 182—186.

По каждому из этих пунктов я процитировал то место у Прудона, где находится оригинал мюльбергерской копии, и вот я спрашиваю, был ли я вправе или нет назвать прудонистом автора насквозь прудонистской статьи, не содержащей ничего кроме прудонистских воззрений? И все же Мюлъбергер ни на что так горько не жалуется, как на то, что я его называю

прудонистом, называю якобы потому, что я «наткнулся на некоторые *обороты речи,* свойственные Прудону». Напротив, все *«обороты речи»* принадлежат Мюльбергеру, *содержание* же принадлежит Прудону. И когда я дополняю прудонистскую статью Прудоном, то Мюльбергер жалуется, что я подсовываю ему «чудовищные воззрения» Прудона.

В чем же заключались мои возражения против этого прудонистского плана?

Во-первых, — что передача земельной ренты государству равносильна уничтожению индивидуальной земельной собственности.

Во-вторых, — что выкуп наемного жилища и передача собственности на жилище его бывшему съемщику вовсе не затрагивает капиталистического способа производства.

В-третьих, — что это предложение при современном развитии крупной промышленности и городов так же нелепо, как и реакционно, и что восстановление индивидуальной собственности каждого отдельного лица на его жилище было бы шагом назад.

В-четвертых, — что принудительное понижение процента на капитал никоим образом не посягает на капиталистический способ производства и, напротив того, как это доказывают законы против ростовщичества, является требованием весьма старым и в то же время невыполнимым.

В-пятых, — что с уничтожением процента на капитал вовсе не уничтожается плата за наем помещения.

С пунктами вторым и четвертым Мюльбергер теперь согласился. Против остальных пунктов он не возражает ни слова. А ведь это как раз те пункты, о которых идет спор. Но ответ Мюльбергера не является возражением; в нем старательно обходятся все экономические пункты, которые ведь являются решающими; этот ответ — личная жалоба, и ничего больше. Так, он жалуется на то, что я предвосхищаю обещанное им решение других вопросов, например о государственных долгах, частных долгах, кредите, и говорю, что решение везде будет такое же, как и в жилищном вопросе, — процент отменяется, платежи процентов превращаются в платежи по погашению капитала, а кредит объявляется даровым. И все же я готов и теперь биться об заклад, что когда эти статьи Мюльбергера увидят свет, их содержание по существу будет так же соответствовать «Общей идее» Прудона (кредит — стр. 182, государственные долги — стр. 186, частные долги — стр. 196), как статьи о жилищном вопросе соответствуют цитированным местам той же книги.

Мюльбергер поучает меня по этому поводу, что эти вопросы — о налогах, государственных и частных долгах, кредите, да вдобавок еще вопрос об автономии общины — в высшей степени важны для крестьянина и для пропаганды в деревне. В значительной мере согласен, но 1) о крестьянах до сих пор вовсе не было речи и 2) прудоновское «решение» всех этих вопросов так же экономически нелепо и так же по существу буржуазно, как и его решение жилищного вопроса. Против намека Мюльбергера, будто я не признаю необходимым вовлечь крестьян в движение, мне защищаться не приходится. Однако я все же считаю глупостью рекомендовать с этой целью крестьянам прудоновское знахарство. В Германии еще очень много крупных имений. По прудоновской теории следовало бы все это раздробить на маленькие крестьянские дворы, что, при нынешнем уровне сельскохозяйственной науки и после опыта Франции и Западной Германии в области парцелльного землевладения, было бы прямо реакционным шагом. Напротив, существующее еще крупное землевладение предоставит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т. п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации. Датские социалисты, опередившие в этом отношении всех других, давно уже осознали это[256].

Точно так же мне нет нужды защищать себя от упрека, будто ужасные современные жилищные условия рабочих показались мне «не имеющим значения пустяком». Я, насколько мне известно, первый в немецкой литературе изобразил эти условия в той классически развитой форме, в какой они существуют в Англии; и это не потому, как полагает Мюльбергер, что они «оскорбляют мое *правовое чувство»,* — много хлопот было бы у того, кто вздумал бы превращать в книги все факты, оскорбляющие его правовое чувство, — а, как указано в предисловии к моей книге[257], для того, чтобы дать тогда лишь возникавшему немецкому социализму, вращавшемуся в кругу пустых фраз, фундамент фактов путем описания общественных условий, созданных современной крупной промышленностью. Но мне, в самом деле, и в голову не приходит разрешать так называемый жилищный *вопрос,* точно так же, как я не стал бы заниматься деталями разрешения еще более важного *продовольственного вопроса.* Меня вполне удовлетворяет, если я могу сказать, что производство нашего современного общества достаточно велико, чтобы прокормить всех членов общества, и что

имеется достаточно домов, чтобы уже теперь можно было предоставить трудящимся массам вместительное и здоровое пристанище. А мудрствования о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведут прямо в область *утопии.* Самое большее, что мы можем утверждать, исходя из изучения основных условий всех предыдущих способов производства, это то, что с падением капиталистического производства известные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможными. Даже переходные мероприятия должны будут повсюду сообразоваться с существующими в данный момент отношениями; в странах мелкого землевладения они будут существенно иными, чем в странах крупного землевладения, и так далее. Что получается в результате попыток решать поодиночке эти так называемые практические вопросы, как жилищный вопрос и т. д., лучше всего показывает пример самого Мюльбергера, который сперва на 28 страницах обстоятельно разъясняет, что «все содержание решения жилищного вопроса дано в слове *выкуп»,* а затем, когда его прижали к стене, начинает смущенно бормотать, что в сущности еще очень большой вопрос, «будет ли трудящийся народ поклонником выкупа» при фактическом овладении домами или какой-либо другой формы экспроприации.

Мюльбергер требует, чтобы мы стали *практичны,* чтобы мы «действительным практическим отношениям» не «противопоставляли одни лишь мертвые, абстрактные формулы», чтобы мы «от абстрактного социализма подошли к *определенным, конкретным общественным отношениям».* Если бы Мюльбергер так поступил, то он, может быть, приобрел бы большие заслуги перед движением. Ведь первый шаг при подходе к определенным конкретным общественным отношениям состоит в том, что их изучают, что исследуют их действительную экономическую связь. А что мы находим у Мюльбергера? Целых два положения, а именно:

1) «Съемщик по отношению к домовладельцу — то же, что наемный рабочий по отношению к капиталисту».

Я показал выше, на стр. 6* отдельного издания, что это совершенно неверно и Мюльбергеру нечего возразить на это...

2) «Тем быком, которого» (при социальной реформе) «надо взять за рога, является так называемая в либеральной школе политической экономии *производительность капитала, на самом деле не существующая,*

* См. настоящий том, стр. 210. *Ред.*

но мнимым своим существованием служащая покровом всякого неравенства, тяготеющего над современным обществом».

Итак, бык, которого надо взять за рога, *«на самом деле не»* существует, стало быть, не имеет и «рогов». Все зло не в нем, а в его *мнимом существовании.* Тем не менее, «так называемая производительность (капитала) в состоянии чудесным образом воздвигать на земле дома и города», существование которых уж отнюдь не «мнимо» (стр. 12). И человек, который, несмотря на то, что «Капитал» Маркса «и ему хорошо знаком», так безнадежно-путано лепечет что-то об отношении между капиталом и трудом, берет на себя смелость указывать немецким рабочим новый и лучший путь и выдает себя за «зодчего», которому «по крайней мере в общем и целом ясна архитектоника будущего общества»!

Никто ближе не «подошел к определенным, конкретным общественным отношениям», чем сделал это Маркс в *«Капитале».* Двадцать пять лет употребил он на то, чтобы всесторонне исследовать их, и результаты его критики повсюду содержат также и зародыши так называемых решений, поскольку последние вообще возможны в настоящее время. Но любезному Мюльбергеру этого мало. Все это абстрактный социализм, мертвые абстрактные формулы. Вместо того чтобы изучать «определенные конкретные общественные отношения», любезный Мюльбергер довольствуется чтением нескольких томов Пруд она, которые ровно ничего не говорят ему об определенных конкретных общественных отношениях, но зато дают ему очень определенные конкретные чудодейственные рецепты от всех общественных зол; и этот готовый план социального спасения, эту прудоновскую *систему* он преподносит немецким рабочим под тем предлогом, что *он* хочет «распрощаться с *системами»,* между тем как я, дескать, «избираю противоположный путь»! Чтобы уразуметь это, я должен предположить, что я слеп, а Мюльбергер глух, так что мы никак не можем объясниться друг с другом.

Довольно. Если полемика эта не сослужит никакой другой службы, то она во всяком случае полезна уж тем, что показала, как обстоит дело с практикой этих называющих себя «практическими» социалистов. Эти практические предложения для устранения всех социальных зол, эти социальные панацеи всегда и повсюду изготовлялись основателями сект, выступавших в те времена, когда пролетарское движение было еще в младенческом возрасте. К их числу относится и Прудон. Развитие пролетариата отбрасывает в сторону эти детские пеленки и воспитывает в самом рабочем классе понимание того,

что нет ничего менее практичного, чем эти заранее вымышленные, пригодные к любому случаю «практические решения», и что, напротив, практический социализм заключается в правильном понимании различных сторон капиталистического способа производства. Для рабочего класса, обладающего таким пониманием, *никогда* не представит трудности в каждом данном случае решить, против каких социальных учреждений и каким образом следует направить свои главные удары.

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

Мое внимание привлекла заметка в сегодняшнем номере «Times», озаглавленная: «Карл Маркс и Интернационал». В этой заметке утверждается, что Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, предлагая различным федерациям и секциям самим выдвигать кандидатуры уполномоченных для утверждения их Генеральным Советом, объявил

> «настоятельно необходимым, чтобы точная копия была одновременно послана Карлу Марксу в Лондон. Смысл этого заключается в том, что полномочия получат только лица, приемлемые для Карла Маркса в Лондоне и одобренные им. Так как эти агенты, само собой разумеется, будут поддерживать с ним постоянную связь, то фактически он явится единоличным руководителем движения».

Циркуляр, о котором идет речь, опубликован, в числе прочих, и лейпцигской газетой «Volksstaat» от 25 декабря[258]. В нем предлагается членам Товарищества в Германии послать копию своих предложений бывшему секретарю-корреспонденту для Германии (то есть мне) для установления подлинности документа. Ясно, что новый Генеральный Совет не может знать ни самих людей, ни их почерка. Моя роль в данном вопросе представлялась нью-йоркскому Генеральному Совету настолько само собой разумеющейся, что меня даже предварительно не известили. Что касается «агентов» для других стран, где свободная организация Интернационала встречает препятствия со стороны законодательства, я к удостоверению их личности не имею никакого отношения.

Далее заметка сообщает:

«Во Франции эти агенты исключают членов, не выслушав их, по своему усмотрению распускают секции, комитеты и федерации».

Вашему корреспонденту придется объяснить, каким образом эти «агенты» могут совершать все эти ужасы, когда ни один из них еще не был назначен. Если во Франции и были исключены из Интернационала некоторые лица, то они были исключены местными секциями, а вовсе не нью-йоркским Генеральным Советом.

Остаюсь, милостивый государь, вашим покорным слугой

Карл Маркс

2 января

Напечатано в газете «Times» № 27577, 3 января 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

«КРИЗИС» В ПРУССИИ

Действительно, французская «великая нация» справедливо оттеснена на задний план германской «великой нацией». В Версале возникает политический кризис, потому что французские захолустные юнкеры замышляют заменить существующую республику монархией; а в это самое время в Берлине разражается кризис, потому что прусские захолустные юнкеры не желают пожертвовать все еще сохраняющейся у них, спустя восемьдесят лет после французской революции, старофеодальной помещичьей полицией. Можно ли теперь еще сомневаться в превосходстве немецкой «культуры» над французской цивилизацией? Французы с обычным для них легкомыслием препираются о пустой *форме:* республика или монархия. Основательные пруссаки докапываются до корня вещей и наконец-то, в 1872 г., последними в Европе, если не считать Мекленбурга и России, решают вопрос, будет ли крестьянская спина, эта основа общества, ограждена от помещичьего кнута — или же нет!

Ничто так не характерно для жалкого поведения прусской буржуазии, как весь этот фарс с положением об округах[259]. В 1848 г. в Пруссии была революция; власть была в руках у буржуазии; если бы только войско присягнуло конституции, — все равно какой, — буржуазия удержала бы власть. Испуг феодалов и бюрократов был так велик, что уничтожение еще сохранившихся остатков феодализма казалось тогда само собой разумеющимся. И в самом деле, первые проекты конституции 1848 и даже 1849 г. заключали в себе, хотя и в обычной убогой форме, все существенное в этом направлении. Самого

незначительного сопротивления буржуазии было бы достаточно, чтобы восстановление феодальных прав стало невозможным; кроме нескольких захолустных юнкеров, да разве еще романтика Фридриха-Вильгельма IV, никто в них не был больше заинтересован. Но едва лишь европейская реакция одержала победу, как прусская буржуазия поползла к ногам Мантёйфеля, отвечая на каждый удар его плетки исполненным благодарности вилянием хвоста. Она не только возвратила ост-эльбским юнкерам вотчинную полицию и всякий прочий феодальный хлам; она даже сама себя покарала за свой греховный либерализм, собственноручно уничтожив установленную в 1808 г. свободу промышленности и восстановив в середине XIX столетия цехи[260].

Буржуазия — класс, в лучшем случае лишенный героизма. Даже наиболее блестящие ее достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не были ею самой завоеваны для себя, а их завоевали для нее плебейские народные массы, рабочие и крестьяне. В той же Франции буржуазия, спасаясь от ужасов июньских дней 1848 г., бросилась к ногам комедианта; в той же Англии после 1848 г. наступил долгий период реакции; по в обеих этих странах реакция действовала под предлогом защиты основ *буржуазного* общества от напора пролетариата. В Пруссии в результате революции смогли, наконец, получить удовлетворение средневековые чаяния романтика Фридриха-Вильгельма IV благодаря тому, что победоносная реакция смела множество антиромантических учреждений, контрабандой проникших в прусское государство за время от Фридриха II до Штейна и Гарденберга. Под предлогом защиты буржуазного общества от пролетариата это общество вновь подчинили господству феодализма. Ни одна буржуазия в мире не может похвастаться таким позорным периодом, как тот, через который прусская буржуазия прошла при Мантёйфеле. В какой другой стране было бы возможно чествование Хинкельдея как поборника и мученика свободы[261]?

Наконец, в результате сложных дворцовых интриг, наступает *новая эра*[262]. Старолиберальное министерство нежданно-негаданно сваливается в руки буржуазии. И вот она, не ударившая пальцем о палец, чтобы вызвать его к жизни, она, трусливейшая буржуазия в мире, вдруг вообразила, что она уже у кормила власти, что старое прусское военно-полицейское государство исчезло, что она может назначать и смещать министров и предписывать двору свою волю. Если мантёйфелевский период показал ее трусость, то новая эра вскрыла ее политическую несостоятельность.

Платой за допущение старолиберального министерства была реорганизация армии. Итальянская война[263] дала желанный повод потребовать ее от ландтага. С одной стороны, мобилизация 1859 г. показала, что старая организация армии полностью себя изжила. С другой стороны, равнодушие, с каким была встречена во Франции аннексия Савойи и Ниццы, показало, что французский шовинизм можно серьезно разжечь только перспективой завоеваний на Рейне, то есть войной против Пруссии. Итак, становилось очевидным, что как только империя Луи Бонапарта, вследствие внутренних событий во Франции, снова подвергнется опасности, — единственной возможностью избежать этой опасности будет война против Пруссии, война, в которой старую прусскую армию, при отсутствии союзников, неизбежно ожидало поражение. С другой стороны, сама Пруссия, хотя и была по существу военным государством, не создала необходимых предпосылок для организации современной большой армии. Для этого она была слишком слаба. Но уклониться от того, что было на континенте всеобщей необходимостью, она не могла, тем более, что ее двусмысленная «политика свободных рук» отрезала ей путь к заключению сколько-нибудь надежных союзов. Наконец, как бы ни смотреть на реорганизацию армии, прусская буржуазия должна была знать, что не *ей* этому воспрепятствовать. Следовательно, единственно правильный план действий мог для нее состоять лишь в том, чтобы за согласие на неизбежную реорганизацию выторговать для себя как можно больше политических уступок. Но прусская буржуазия, вся еще в синяках от пинков мантёйфельского сапога, теперь внезапно распетушилась. Она вдруг возомнила себя решающей силой в государстве; она отвергла реорганизацию армии. Тут-то и пришел конец иллюзиям. Бисмарк разъяснил ей, что ее бумажная конституция и парламентские голосования не стоят медного гроша, что Пруссией управляет король, а палаты существуют только для того, чтобы соглашаться. Реорганизация армии была проведена вопреки конституции, а с депутатами опять обошлись по-мантёйфелевски. После непродолжительного показного сопротивления, которое утомило ее самое гораздо скорее, чем ее противника Бисмарка, буржуазия нашла в Датской войне[264] первый предлог для стыдливых попыток к примирению; после Садовы[265] она перестала стесняться, восторженно пала к ногам Бисмарка и с тех пор фигурировала лишь в его свите; после французской войны[266] восторг ее уже не знал границ, отныне она принадлежала Бисмарку душой и телом, она буквально таяла перед ним.

Но есть в мире нечто, открытое Гегелем и названное им «иронией истории». Эта ирония истории играла людьми и покрупнее Бисмарка; в ее власти оказалось также и прусское государство вместе с Бисмарком. С того момента, как одна за другой были осуществлены вожделенные цели прусской политики, с этого же момента стали колебаться основы прусского государства. Старая Пруссия опирается, в сущности, на юнкерство, из рядов которого главным образом пополняются офицерство и бюрократия. Юнкерство существует во всей красе только в шести восточных провинциях и, при ограниченных большей частью размерах юнкерского землевладения, нуждается для своего существования в известном количестве феодальных привилегий; без них большинство юнкеров быстро опустилось бы до уровня простых землевладельцев. Пока юнкерству противостояли только две западные провинции, ему не угрожало никакой опасности. Но уже аннексии 1866 г.[267] в огромной степени усилили буржуазный и крестьянский элементы в государстве. Не пустой легитимистский вздор, а в гораздо большей степени правильное понимание угрозы, которую это представляло для нее, вызвало со стороны партии Шталя — Герлаха[268] сопротивление этим аннексиям. Включение мелких государств в Северогерманский союз[269], передача этому Союзу решающих государственных функций, связанная с этим медиатизация прусской палаты господ, окончательное присоединение южногерманских государств — все это наносило тяжелые удары юнкерству, которое становилось в империи лишь исчезающим меньшинством. Мало этого. Всякое правительство, даже самое деспотическое, вынуждено считаться в своей деятельности с существующими условиями, иначе оно сломит себе шею. Пруссия могла подчинить себе Малую Германию, но она не могла навязать свое юнкерство двадцати пяти миллионам немцев, живущих к западу от Эльбы. Напротив, юнкерство, в котором нуждалась старая Пруссия, стало для «империи» обузой. Подобно тому как Бисмарк был вынужден, вопреки своим прежним взглядам, ввести свободу промышленности, свободу передвижения из одного немецкого государства в другое и прочие буржуазные реформы, — правда, в бюрократически изуродованном виде, — точно так же Бисмарк, этот юнкер par excellence*, иронией истории был осужден на то, чтобы ущемить юнкерство положением об округах.

Это положение об округах — один из самых жалких законов, когда-либо издававшихся. Его содержание можно передать

* — по преимуществу. *Ред.*

в двух словах. Он отнимает у *отдельного* юнкера принадлежащую ему в силу феодальной привилегии власть, чтобы под видом самоуправления округов вернуть эту власть *классу* юнкеров. Крупнейшее и крупное землевладение по-прежнему будет господствовать в земледельческих районах восточных провинций; власть юнкерства даже возрастет вследствие перехода в его руки таких полномочий, которые принадлежали до сих пор государству. Но каждый отдельный юнкер теряет то исключительное положение, которое он занимал в качестве феодального господина. Он опускается до уровня обычного современного крупного землевладельца и тем самым перестает быть юнкером. Но это вместе с тем подрывает основы старой Пруссии, и поэтому палата господ была со своей точки зрения вполне права, оказывая сопротивление положению об округах. С введением положения об округах приходит конец юнкерству, а без юнкерства нет больше специфической Пруссии.

Прусская буржуазия оставалась в этом деле достойной самой себя. Сначала говорилось, что положение об округах — мол, только первый шаг к самоуправлению, что следует на это пойти, так как в данный момент нельзя достичь ничего лучшего, что это, мол, компромисс с правительством, но что дальше уже нельзя уступать ни на йоту. Палата господ проваливает положение об округах. Правительство, хотя и связанное уже компромиссным соглашением с палатой депутатов, требует от нее новых уступок. Палата достаточно мужественна, чтобы безоговорочно на них согласиться; за это буржуазии обещают назначение новых пэров и подают надежду на реформу палаты господ. Назначение новых пэров осуществляется: назначено двадцать пять генералов и бюрократов; палата господ их принимает. Компромисс спасен, но... реформа палаты господ откладывается. Утешают себя, однако, тем, что положение об округах является все же огромным шагом вперед... но тут приходит известие о министерском кризисе. Роон, Зельхов, Иценплитц хотят подать в отставку; либералы побеждают по всей линии; становится неизбежным — либеральное? нет, вовсе нет, — *объединенное* министерство! Наши буржуа так непритязательны! Они довольствуются даже еще меньшим. Бисмарк уходит с поста министра-президента, его замещает Роон, противник положения об округах, в министерство вступает еще один генерал, Зельхов и Иценплитц остаются на местах, объединенное министерство оказывается менее объединенным, чем когда бы то ни было, феодальные элементы в нем усиливаются, — а буржуа спокойно продолжает пить свою кружку пивав гордом сознании, что душой всего остается все же в конце концов Бисмарк.

Этот пример отчетливо характеризует позицию прусской буржуазии. Если историческое положение, к которому Бисмарк привел Пруссию, и промышленный прогресс последних двадцати лет вынуждают его, Бисмарка, делать то, чего сама она из трусости не посмела осуществить в 1848—1850 гг., то прусская буржуазия ставит это себе в заслугу. У нее не хватает мужества даже на то, чтобы заставить своего Бисмарка провести эти мелкие реформы просто, на откровенно буржуазный лад, без государственно-полицейских извращений; она громко ликует по поводу того, что Бисмарк вынужден теперь выхолостить ее собственные требования 1846 года[270]; к тому же, — это надо иметь в виду, — одни лишь экономические требования, то есть такие, выполнению которых не могла бы воспрепятствовать и тысяча Бисмарков, даже если бы они этого желали. О *политических* требованиях, о передаче политической власти буржуазии, если еще и говорится, то только ради приличия. Прусская буржуазия *не хочет* политической власти; прогнившая, не успев созреть, как официальная Россия еще во времена Вольтера, она, так и не побывав у власти, докатилась уже до той ступени вырождения, какой французская буржуазия достигла после восьмидесяти лет борьбы и после долгого господства. Panem et circenses! — хлеба и зрелищ! — требовал опустившийся римский плебс от своих императоров; panem et circenses! — спекулятивных прибылей и дикой роскоши! — требует от своих императоров не прусский народ, а прусская буржуазия. Римские плебеи вместе с их императорами были сметены германскими варварами; за спиной прусских буржуа грозно поднимаются германские рабочие.

Написано Ф. Энгельсом в начале января 1873 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 5, 15 января 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ОТВЕТ НА НОВЫЙ ЦИРКУЛЯР МНИМОГО БОЛЬШИНСТВА БРИТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [271]

Новый циркуляр мнимого большинства Британского федерального совета якобы призван служить ответом на два обращения: Британского федерального совета и Манчестерской иностранной секции*. В действительности же он не опровергает ни единого пункта этих обращений. Он только пытается личными сплетнями, клеветой и ложью пустить читателям пыль в глаза, полагаясь на неизбежное у недавно организованных секций недостаточное знакомство с историей Интернационала.

Весьма характерно, что из шести членов исполнительной комиссии, подписи которых фигурируют под этим циркуляром, двое — гг. Юнг и Пейп, — не имеют больше locus standi** в Британском федеральном совете. Они были делегатами: первый от Мидлсборо, второй — от Ноттингема, но одна из упомянутых секций аннулировала мандат, в то время как другая единогласно отвергла циркуляр. Мы приведем только несколько примеров наглых утверждений, характерных для документа, о котором идет речь.

Относительно так называемого «официального отчета» там сказано:

«Хотя в обращениях и говорится о «64» делегатах Гаагского конгресса, но в нем не приведено никакого списка».

Упомянутый здесь «отчет» является просто официальным изданием *резолюций, принятых конгрессом*[272], в котором список делегатов, уже опубликованный в Гааге и перепечатанный

* См. настоящий том, стр. 192—201. *Ред.*
** — законного места. *Ред.*

большинством континентальных газет, как в органах Интернационала, так и в буржуазной прессе, был бы неуместен. Кроме того, в отчете о каждом голосовании приводится число голосовавших, а там, где имело место разделение голосов, приводятся также и фамилии.

«Резолюции замалчивались или подделывались. Например, резолюция относительно взносов Генеральному Совету требовала повышения взноса Генеральному Совету до 1 шиллинга в год для каждого члена Товарищества, включая тред-юнионы».

Пункт 2 официального отчета под заголовком «Взносы, подлежащие уплате Генеральному Совету» сообщает: в связи с требованием, с одной стороны, повысить, с другой, — понизить размер взноса, конгресс постановил 17 голосами против 12, при 8 воздержавшихся, сохранить размер взноса в 1 пенни[*]. Что же тут замалчивается?

Что касается «подделки» резолюций, то пусть они посмеют указать хотя бы одну резолюцию в отчете, которая бы не совпадала полностью с протоколами.

К чему, с другой стороны, способны сами авторы этого циркуляра по части «подделки», показывают их утверждения, касающиеся резолюции конгресса о политическом действии. Прежде всего фраза: «Завоевание политической власти стало великой обязанностью рабочего класса» дословно перенесена в резолюцию IX Лондонской конференции из Учредительного Манифеста Интернационала (1864), хотя они заявляют, что она была сочинена Гаагским конгрессом.

Во-вторых, авторы циркуляра утверждают, что неправильно переводить французское «*doit* servir» английским «*ought* to serve»[**]. Если бы и была сделана ошибка, то она была бы сделана прежним Генеральным Советом в официальном английском переводе первоначального французского текста резолюций конференции. Но здесь нет ошибки. Так как авторы циркуляра, по-видимому, не очень в ладу ни с английским, ни с французским языком, то мы должны отослать их к любому англофранцузскому словарю, например, «Англо-французский словарь Бойе, Париж, Бодри, 1854», где под словом *«ought»* сказано: «Ought to be so — cela doit etre ainsi»[***].

Для того, чтобы опровергнуть утверждение, что гаагские резолюции полностью одобрены во Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Португалии, Америке, Дании, Польше и

[*] См. настоящий том, стр. 145. *Ред.*
[**] — «должен служить». *Ред.*
[***] — «должно быть так». *Ред.*

Швейцарии, циркуляр Джона Хейлза требует адреса секретарей этих стран. В отношении Германии ему достаточно посмотреть газету «Volksstaat» и полдюжины других рабочих газет; в отношении Австрии и Венгрии следует обратиться к «Volkswille»[273]; в отношении Португалии — к «Pensamento Social»; в отношении Дании — к «Socialisten»; в отношении Испании — к «Emancipacion»; в отношении Голландии — к «De Werkman»; в отношении Италии — к «Plebe»; в отношении Швейцарии — к «Egalite» и «Tagwacht»[274]. Что касается Америки, то единственная существующая там федерация рабочих избрала в прошлом году в свой Федеральный совет тех самых людей, которые теперь входят в состав Генерального Совета. Что касается Польши и Франции, то адреса соответствующих корреспондентов, конечно, нельзя доверить таким людям, как Джон Хейлз и К°.

По поводу «стихийного» характера раскольнического движения достаточно будет привести такой факт: раскольнический конгресс, созванный в сентябре прошлого года в Сент-Имье в противовес Гаагскому конгрессу Интернационала, принял официальное решение организовать это движение повсюду, «войдя в немедленное соглашение со всеми секциями и федерациями», которые благоприятно относятся к расколу, чтобы иметь возможность созвать раскольнический «международный конгресс не позже, чем через шесть месяцев».

Написано К. Марксом в середине января 1873 г.

Напечатано в газете «The International Herald» № 43, 25 января 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ [275]

«Рабочий класс не должен организовываться в политическую партию; он ни под каким предлогом не должен заниматься политикой, ибо вести борьбу с государством значит признавать государство, а это противоречит вечным принципам! Рабочие не должны устраивать стачек, ибо тратить свои силы на то, чтобы добиваться повышения заработной платы или препятствовать ее понижению, значило бы признавать *систему наемного труда,* а это противоречит вечным принципам освобождения рабочего класса!

«Если в политической борьбе против буржуазного государства рабочим удается добиться только отдельных уступок, значит они идут на компромисс; а это противоречит вечным принципам. Поэтому всякое мирное движение наподобие того, в котором имеют скверную привычку участвовать английские и американские рабочие, должно быть отвергнуто. Рабочие не должны делать усилий, чтобы добиться законодательного ограничения рабочего дня, ибо это означало бы компромисс с предпринимателями, которые вместо 14 или 16 часов могли бы тогда эксплуатировать их только 10 или 12 часов. Они не должны также тратить свои силы на то, чтобы добиваться законодательного запрещения фабричного труда девочек моложе десяти лет, ибо таким путем они не положат конец эксплуатации мальчиков моложе десяти лет: они идут лишь на новый компромисс, нарушающий чистоту вечных принципов!

«Еще менее рабочие должны добиваться того, чтобы государство, *бюджет* которого составляется за счет рабочих, обязано

было, как в американской республике, давать детям рабочих начальное образование, ибо начальное образование не является полным образованием. Пусть лучше рабочие и работницы не умеют ни читать, ни писать, ни считать, чем получать образование от учителя в казенной школе. Пусть лучше невежество и 16 часов ежедневного труда продолжают отуплять рабочий класс, лишь бы не были осквернены вечные принципы!

«Если политическая борьба рабочего класса принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство. Рабочие не должны создавать профессиональных союзов, ибо таким путем они увековечивают общественное разделение труда, как оно существует в буржуазном обществе, а ведь именно это разделение труда разъединяет рабочих и является подлинной основой их современного рабства.

«Одним словом, рабочие должны скрестить руки на груди и не тратить своего времени на участие в политическом и экономическом движении. Такого рода деятельность может дать им только непосредственные результаты. Как истинно верующие, они должны восклицать, презирая свои повседневные нужды: «Пусть класс наш будет распят, пусть погибнет наше племя, но вечные принципы пусть останутся незапятнанными!» Как благочестивые христиане, они должны верить словам попов, отказываться от всех земных благ и думать только о том, чтобы заслужить рай. — Подставьте на место рая *социальную ликвидацию,* которая в один прекрасный день совершится неведомо где, неведомо как, неведомо кем, — и обнаружится тот же обман.

«В ожидании этой пресловутой социальной ликвидации рабочий класс должен вести себя прилично, как стадо сытых овец; оставить в покое правительство, бояться полиции, уважать законы, безропотно поставлять пушечное мясо.

«В повседневной практической жизни рабочие должны быть покорнейшими слугами государства, но в сердце своем они должны энергично протестовать против его существования и доказывать свое глубокое теоретическое презрение к нему посредством покупки и чтения литературных трактатов об уничтожении государства; капиталистическому строю они ни

в коем случае не должны оказывать иного сопротивления, кроме декламации о будущем обществе, в котором этот ненавистный строй перестанет существовать!»

Не подлежит никакому сомнению, что если бы апостолы политического индифферентизма выражались так ясно, то рабочий класс послал бы их ко всем чертям; он воспринял бы это как оскорбление со стороны буржуазных доктринеров и выбитых из колеи дворян, которые настолько глупы или настолько наивны, что запрещают ему использовать всякое реальное средство борьбы, под тем предлогом, что оружие, чтобы сражаться, приходится брать в современном обществе и что неизбежные условия этой борьбы к сожалению не соответствуют идеалистическим фантазиям, которые эти доктора *социальных наук* обожествили под названием *Свободы, Автономии, Анархии.* Но движение рабочего класса в настоящее время настолько могущественно, что эти филантропические сектанты уже не осмеливаются больше повторять относительно экономической борьбы те *великие истины,* которые они неустанно проповедуют относительно борьбы политической. Они слишком трусливы, чтобы применять эти истины к стачкам, коалициям, к профессиональным союзам, к законам о женском и детском труде, об ограничении рабочего дня и т. д. и т. д.

Посмотрим теперь, в какой степени они могут ссылаться на старые традиции, на честность, на добросовестность и вечные принципы.

Первые социалисты (Фурье, Оуэн, Сен-Симон и др.) должны были неизбежно, — поскольку общественные отношения не были еще достаточно развиты, чтобы позволить рабочему классу организоваться в борющийся класс, — ограничиваться мечтами об *образцовом обществе* будущего и осуждать все попытки рабочего класса, такие как стачки, союзы и политические выступления, направленные хотя бы на некоторое улучшение его участи. Но если мы не должны отрекаться от этих патриархов социализма, как современные химики не могут отречься от своих родоначальников — алхимиков, то мы должны во всяком случае стараться не впасть в их ошибки, так как с нашей стороны они были бы непростительны.

Однако и позднее, в 1839 г., когда политическая и экономическая борьба рабочего класса приняла в Англии уже достаточно отчетливый характер, Брей, один из учеников Оуэна и один из тех, кто задолго до Прудона изобрел *мютюэлизм,* издал книгу под заглавием «Labour's Wrongs and Labour's Remedy» («Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению»)[276].

В этой книге, в главе о тщетности *всех частичных улучшений, которых хотят добиться рабочие своей нынешней борьбой,* он подвергает ядовитой критике все политические и экономические выступления английских рабочих; он осуждает политическое движение, стачки, ограничение рабочего времени, регулирование женского и детского фабричного труда, потому что все это, по его мнению, не только не поможет покончить с настоящим положением общества, но, напротив, укрепит его и приведет к еще большему обострению противоречий.

Перейдем теперь к оракулу этих докторов социальных наук, к Прудону. Хотя учитель имел мужество энергично высказаться против всякого экономического движения (против коалиций, стачек и пр.), противоречившего спасительным теориям его *мютюэлизма,* сам он поощрял своими сочинениями и личным участием политическое движение рабочего класса, а его же ученики не решаются открыто высказаться против этого движения. Еще в 1847 г., когда появился главный труд учителя: «Система экономических противоречий», я опроверг его софистические доводы против рабочего движения*. Однако в 1864 г., после принятия закона Оливье, предоставившего французским рабочим, правда, в весьма ограниченных размерах, право коалиций, Прудон снова вернулся к изложению своих взглядов в книге «О политической дееспособности рабочего класса», вышедшей в свет вскоре после его смерти.

Атаки учителя так пришлись по вкусу буржуазии, что по случаю большой забастовки портных в Лондоне в 1866 г. газета «Times» удостоила Прудона перевода, осудив бастующих его собственными словами. Вот некоторые образчики.

Углекопы в Рив-де-Жье объявили забастовку; чтобы научить их уму-разуму, туда послали солдат.

«Власть», — восклицает Прудон, — «которая расстреливала в Рив-де-Жье углекопов, была поставлена в весьма тяжкое положение. Но она действовала, как римлянин Брут, который вынужден был выбирать между любовью к детям и своим долгом консула: надо было пожертвовать сыновьями, чтобы спасти республику. Брут не поколебался, и потомство не решается осудить его»**.

Ни один рабочий не припомнит такого капиталиста, который поколебался бы принести в жертву своих рабочих, чтобы спасти собственные интересы. Что за Бруты эти буржуа!

---

* См. в работе «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (Париж, 1847, изд. Франка), гл. II, § V; «Стачки и коалиции рабочих»[277].

** *Прудон*. «О политической дееспособности рабочего класса». Париж, 1868, изд. Лакруа и К°[278], стр. 327.

«Итак, — нет права коалиций, как нет права на обман и на воровство, как нет права на кровосмешение и прелюбодеяние»*.

Зато, надо признаться, наверное существует право *на глупость.*

В чем же заключаются те вечные принципы, во имя которых учитель изрекает свои бессмысленные проклятия?

Первый вечный принцип:

«Размеры заработной платы определяют цены товаров».

Даже тем, кто не имеет никакого понятия о политической экономии и не знает, что великий буржуазный экономист Рикардо в своей книге *«Начала политической экономии»,* опубликованной в 1817 г.[279], раз навсегда опроверг эту традиционную ошибку, даже им все же известна замечательная особенность английской промышленности, позволяющая ей сбывать свои товары по гораздо более низким ценам, чем промышленности всякой другой страны, между тем как заработная плата в Англии относительно выше, чем в любой другой европейской стране.

Второй вечный принцип:

«Закон, разрешающий коалиции, есть закон в высшей степени антиюридический и антиэкономический, противоречащий всякому обществу и порядку».

Одним словом, он «противоречит экономическому *праву* свободной конкуренции».

Если бы учитель не был таким chauvin**, он спросил бы себя, как объяснить, что закон, столь противоречащий *экономическому праву свободной конкуренции,* мог быть издан в Англии еще сорок лет назад, и почему по мере развития промышленности, а вместе с ней и *свободной конкуренции,* этот закон, столь противоречащий *всякому обществу и порядку,* вынуждены принять как некую необходимость даже сами буржуазные государства. Он тогда, быть может, убедился бы, что пресловутое *Право* (с прописной П) существует только в *экономических учебниках,* которые пишутся невежественной братией буржуазных экономистов, — в тех самых учебниках, где находятся и такие перлы экономической премудрости как: *собственность есть плод труда... других,* — забывают они прибавить.

Третий вечный принцип:

«Итак, под предлогом, что хотят поднять рабочий класс из так называемого низшего общественного положения, сначала порочат целый класс

---

* *Прудон*. «О политической дееспособности рабочего класса». Париж, 1868, изд. Лакруа и К°, стр. 333.
** — шовинистом. *Ред.*

граждан: класс господ, предпринимателей, хозяев и буржуа; возбуждают в рабочей демократии презрение и ненависть к этим недостойным представителям среднего класса; а легальным средствам сопротивления предпочитают торговую и промышленную войну, государственной полиции — борьбу классов»*.

Учитель, чтобы помешать рабочему классу выйти из его так называемого *низшего общественного положения,* осуждает коалиции, превращающие рабочий класс в класс, враждебный уважаемой *категории хозяев, предпринимателей, буржуа,* которые, конечно, как и Прудон, предпочитают *борьбе классов государственную полицию.* Для того чтобы избавить этот почтенный класс от всяких неприятностей, добрый Прудон (разумеется, до наступления *царства мютюэлизма)* рекомендует всем рабочим «свободу или конкуренцию, нашу единственную гарантию» (несмотря на связанные с ними большие неудобства)**.

Учитель проповедовал экономический индифферентизм, *чтобы оградить свободу, или буржуазную конкуренцию,* нашу единственную гарантию. Ученики проповедуют политический индифферентизм, чтобы оградить буржуазную свободу, их единственную гарантию. Если первые христиане, тоже проповедовавшие политический индифферентизм, нуждались в помощи императора, чтобы из гонимых превратиться в гонителей, то современные апостолы политического индифферентизма отнюдь не думают, что их вечные принципы делают для них обязательным воздержание от мирских удовольствий и преходящих привилегий буржуазного общества. Тем не менее нужно признать, что они с истинно христианским стоицизмом переносят 14 или 16 часов труда, когда этот труд взваливается на фабричных рабочих!

Лондон, январь 1873 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в декабре 1873 г. в сборнике «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874»

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту сборника

Перевод с итальянского

* *Прудон*. «О политической дееспособности рабочего класса». Париж, 1868, изд. Лакруа и К°, стр. 337—338.

** *Прудон*. «О политической дееспособности рабочего класса». Париж, 1868. изд. Лакруа и К°, стр. 334.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБ АВТОРИТЕТЕ [280]

Некоторые социалисты начали в последнее время настоящий крестовый поход против того, что они называют *принципом авторитета.* Достаточно им заявить, что тот или иной акт *авторитарен,* чтобы осудить его. Этим упрощенным приемом стали злоупотреблять до такой степени, что необходимо рассмотреть вопрос несколько подробнее. Авторитет в том смысле, о котором здесь идет речь, означает навязывание нам чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение. Но поскольку оба эти выражения звучат неприятно и выражаемое ими отношение тягостно для подчиненной стороны, спрашивается, нельзя ли обойтись без этого отношения, не можем ли мы — при существующих в современном обществе условиях — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется беспредметным и, следовательно, должен будет исчезнуть. Рассматривая экономические, промышленные и аграрные отношения, лежащие в основе современного буржуазного общества, мы обнаруживаем, что они имеют тенденцию все больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей. Вместо небольших мастерских разрозненных производителей появилась современная промышленность с ее огромными фабриками и заводами, в которых сотни рабочих управляют сложными машинами, приводимыми в движение паром; дилижансы и повозки на больших дорогах вытеснены железнодорожными поездами, так же как маленькие парусные шхуны и фелюги — пароходами. Даже в земледелии все больше начинают господствовать машина и пар, медленно, но неуклонно заменяющие мелких собственников

крупными капиталистами, которые обрабатывают с помощью наемных рабочих большие площади земли. Таким образом, комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?

Предположим, что социальная революция свергла капиталистов, авторитету которых подчиняются в настоящее время производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью тех рабочих, которые их используют. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму? Посмотрим.

Возьмем в качестве примера бумагопрядильню. Хлопок должен подвергнуться по крайней мере шести последовательным операциям, прежде чем он превратится в нить, и эти операции производятся по большей части в разных помещениях. Далее, для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механики для ежедневного ремонта и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое и так далее. Все эти рабочие — мужчины, женщины и дети — вынуждены начинать и кончать работу в часы, определяемые авторитетом пара, которому дела нет до личной автономии. Итак, рабочие прежде всего должны условиться относительно часов труда; а как только эти часы установлены, они уж обязательны для всех без исключения. Затем в каждом помещении ежеминутно возникают частные вопросы, касающиеся процесса производства, распределения материалов и т. д., которые требуется разрешать сейчас же, во избежание немедленного прекращения всего производства. И как бы ни разрешались эти вопросы, решением ли делегата, поставленного во главе каждой отрасли труда, или, если это возможно, большинством голосов, воля отдельных лиц всегда должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно. Механический автомат большой фабрики оказывается гораздо более деспотичным, чем были когда-либо мелкие капиталисты, на которых работают рабочие. По крайней мере, что касается часов труда, то над воротами этих фабрик можно написать: *Оставьте всякую автономию, вы, входящие сюда!*[281] Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими, настоящему деспотизму, независимо от какой-либо социальной

организации. Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке.

Возьмем другой пример — железную дорогу. Здесь также сотрудничество бесчисленного множества лиц безусловно необходимо; это сотрудничество должно осуществляться в точно установленные часы во избежание несчастных случаев. И здесь первым условием дела является господствующая воля, решающая всякий подчиненный вопрос, — представлена ли эта воля одним делегатом или целым комитетом, которому поручено выполнять постановления большинства заинтересованных лиц. И в том и в другом случае налицо резко выраженный авторитет. Мало того: что стало бы с первым же отправляемым поездом, если бы был уничтожен авторитет железнодорожных служащих по отношению к господам пассажирам?

Но как нельзя более очевидна необходимость авторитета — и притом авторитета самого властного — на судне в открытом море. Там в момент опасности жизнь всех зависит от немедленного и беспрекословного подчинения всех воле одного.

Если я выдвигаю эти аргументы против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, *а об известном поручении».* Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя. Эти глубокие мыслители просто-напросто смеются над нами.

Итак, мы видели, что, с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, независимо от какой бы то ни было общественной организации, обязательны для нас при тех материальных условиях, в которых происходит производство и обращение продуктов.

С другой стороны, мы видели, что с развитием крупной промышленности и крупного земледелия материальные условия производства и обращения неизбежно усложняются и стремятся ко все большему расширению сферы этого авторитета. Нелепо поэтому изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития. Если бы автономисты хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями

производства, тогда с ними можно было бы столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?

Итак: или — или. Или антиавторитаристы сами не знают, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции.

Написано Ф. Энгельсом в октябре 1872 — марте 1873 г.

Напечатано в декабре 1873 г. в сборнике «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874»

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту сборника

Перевод с итальянского

Ф. ЭНГЕЛЬС
* СООБЩЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА КОНТИНЕНТЕ [282]

I

Мы получили с континента следующую информацию:

Орган Интернационала в Италии «Plebe» сообщает, что итальянское правительство, нигде не препятствующее деятельности раскольнических секций, открыло кампанию жестоких преследований против секции в Лоди, которая признала новый Генеральный Совет и присоединилась к гаагским резолюциям. Секция была распущена, и издан приказ об аресте всех членов комитета; из них трое действительно брошены в тюрьму, а остальные шесть скрылись. Среди арестованных находится Биньями, редактор «Plebe». Номер этой газеты, содержащий обращение Генерального Совета (опубликованное в № 34 «International Herald»)[283] был конфискован на этом основании, между тем как самые неистовые манифесты раскольников распространяются совершенно свободно. Арестованные предстанут перед судом по обвинению в государственной измене.

Наша мадридская газета «Emancipacion» констатирует, что противодействие раскольнической деятельности Испанского федерального совета усиливается с каждым днем. Как только этот совет решил созвать 26 декабря съезд в Кордове[284], чтобы принять или отвергнуть гаагские резолюции, Новая мадридская федерация объявила, что этим актом совет поставил себя вне рядов Интернационала, и обратилась ко всем секциям и местным федерациям с призывом не посылать делегатов на раскольнический съезд, а избрать временно новый Федеральный совет[285]. К этому предложению уже присоединились местные федерации в Лериде, Толедо, Сарагосе, Витории, Алькала-де-Энарес, а также Новая кадисская федерация и влиятельные

секции в Валенсии, Дении, Понт-де-Вилумаре и других местностях. Кроме того, федерация Грасии (фабричного предместья Барселоны) присоединилась к гаагским резолюциям и осудила поведение испанских делегатов на Гаагском конгрессе, а федерация Гранады решила послать делегата на раскольнический съезд в Кордову, но избрала для этой цели стойкого противника раскола[286]. Без сомнения Испанский федеральный совет добьется своего в Кордове, но это только ускорит кризис.

Из письма, полученного из Португалии, видно, что рабочее движение, организованное Интернационалом, достигает там необычайных масштабов. Только в Лиссабоне и прилегающих районах свыше пятнадцати тысяч рабочих организовались в профессиональные союзы, и организация распространяется на Опорто и на север. Все эти общества были основаны Интернационалом и продолжают находиться под его непосредственным влиянием. Однако сам Интернационал, в силу действующих в стране законов, лишен возможности свободно организоваться. Газета Интернационала «Pensamento Social» сейчас окупает себя сама. Мы можем еще добавить, что в Португалии нет раскольников. Гаагские резолюции не только были единогласно одобрены, но и приняты с энтузиазмом. В № 25 «Pensamento» помещена статья, в которой заявляется, что Гаагский конгресс— самый важный из всех конгрессов с момента основания Интернационала, а резолюции его означают огромный шаг вперед в развитии Товарищества[287].

Из вышеприведенных сообщений видно, что бывшее большинство Британского федерального совета в своей деятельности буквально повторяло деятельность испанского раскольнического совета. Отсюда ясно, что раскольники действовали по одному и тому же плану и в Англии, и в Испании и что ими руководили одни и те же интриганы. К сожалению, в Испании силы многих подлинных членов Интернационала были поглощены участием в последнем восстании, и это сможет дать раскольникам временное преимущество[288].

II

Полученное от Испанского федерального совета письмо обратило наше внимание на то, что в Испании происходит стачка машинистов и кочегаров и что железнодорожные компании вербуют в Англии, Бельгии и других странах людей, чтобы сорвать попытки занятых у них рабочих улучшить свое положение[289]. Наш совет назначил комиссию, поручив ей составить

заметку с сообщением об этом деле и послать ее в газеты. Комиссия выполнила возложенные на нее обязанности, о чем свидетельствует появление заметки в газетах, вышедших в субботу. Были приняты и другие меры для того, чтобы ознакомить английских машинистов и кочегаров со стачкой в Испании.

III

Известия, полученные нами с континента, весьма интересны.

Сообщения из Германии принесли весть о большой победе. Член Интернационала, депутат германского рейхстага Бебель, приговоренный саксонским судом к девятимесячному тюремному заключению и к лишению всех депутатских прав за «оскорбления», содержащиеся в одной из его речей, только что, 20 января, снова был избран большинством в 10470 голосов против 4420 голосов, полученных правительственным кандидатом. Вот уже третий раз как Бебель избирается в своем округе, и сейчас он получил на 2500 голосов больше, чем в какие-либо предыдущие выборы. Итак, Бисмарку снова придется столкнуться с единственным человеком, который в теперешнем рейхстаге осмеливается открыто выступать против него в защиту интересов рабочего класса, и с единственным человеком, который действительно внушает ему страх. Все было сделано, чтобы воспрепятствовать переизбранию Бебеля: запугивание, разгон избирательных собраний полицией и т. д.; кандидат, которого противопоставили Бебелю, был одним из самых приличных людей, какого могли найти, но несмотря на все эти усилия, рабочие Глаухау и окрестностей отдали Бебелю почти три голоса из каждых поданных четырех, и при этом там не было никаких Самюэлов Морли, чтобы оплачивать расходы.

Получены дальнейшие подробности о раскольническом съезде в Испании. По-видимому, это во всех отношениях был съезд меньшинства. Из 101 местной федерации, насчитывающих 398 секций, на нем были представлены только 41 местная федерация, или 57 секций; таким образом решения, принятые на этом съезде, были проведены голосами делегатов, представлявших меньше одной шестой существующих в Испании секций. Эти цифры взяты из раскольнической газеты «Federacion», и их не будут оспаривать. Действовать внезапно и добиваться вотума какого-нибудь меньшинства, чтобы санкционировать свои действия — такова повсюду политика раскольников. Это еще одно доказательство того, что они повсюду действуют по одним и тем же тайным инструкциям.

Во Франции произошли многочисленные аресты предполагаемых членов Интернационала почти во всех больших городах. Конечно, нельзя знать, были ли обнаружены настоящие члены Товарищества, и даже если бы это было известно, то в интересах самих арестованных этого нельзя было бы предать гласности, ибо теперь во Франции принадлежность к Интернационалу наказуема. Известно только, что немногие раскольники, имеющиеся во Франции, не подверглись преследованиям. Наоборот, они находятся в таких прекрасных отношениях с правительством г-на Тьера, что, например, в Безье они представлены старшим полицейским офицером, некиим Буске, за честность которого самым восторженным образом ручалось недавно евангелие раскольнической партии, «Bulletin jurassien».

IV

По сведениям, полученным нами из Португалии, Португальская федерация, узнав, что самозванный испанский съезд в Кордове высказался за раскол, немедленно письменно сообщила Новой мадридской федерации (верной Интернационалу), что в Португалии все до одного стоят за Товарищество, против раскольников, что были сделаны попытки протащить в их ряды тайный Альянс и что сам Бакунин написал одному из них, убеждая их поддерживать это тайное общество, но что все члены федерации единогласно постановили выразить Бакунину официальное осуждение действий Альянса. Это письмо к Новой мадридской федерации написано и подписано секретарем Франса по поручению и от имени делегатов секций и напечатано в мадридской «Emancipacion» 1 февраля. Португальская федерация насчитывает сейчас больше 15000 человек; в одном только Лиссабоне имеется 48 профессиональных секций, каждая из которых образует профессиональный союз. Вот как обстоит дело с утверждением раскольников, что все организованные секции на их стороне!

Написано Ф. Энгельсом в январе —
середине февраля 1873 г.

Напечатано в газете «The International Herald»
№№ 41. 44, 45 и 46, 11 января,
1, 8 и 15 февраля 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [290]

1) Надеюсь, что «International Herald» и «Emancipacion», которые регулярно высылались, получены.

2) Шайка Хейлза 26 января действительно собрала свой съезд, целых 10 человек. Они не осмеливаются даже сказать, за представителей каких секций они себя выдают. Жалкое фиаско. Конечно, постановлено не признавать ни гаагских решений, ни Генерального Совета. Отчет — первая половина — в «Eastern Post» от 1 февраля, а в сегодняшнем номере — никакого продолжения нет! Федеральный совет вышлет вам эти материалы официально. Эти господа лишились почти всех своих приверженцев, за исключением личных прихвостней Хейлза в лондонском Ист-Энде. Один из подписавших первый хейлзовский циркуляр, Беннет, вернулся к нашим товарищам со строгим приказом своей секции (Галифакс) держаться нашей стороны и lawful* Товарищества. Его приняли вновь только после отчаянного eating humble pie** (см. сегодняшний «International Herald»),

3) В *Лоди* «Plebe» держится храбро, хотя открыто с другими не порывает; впрочем, пока она и не могла бы этого сделать. Но те сами обостряют положение. Они созывают на 15 марта итальянский съезд, но хотят допустить только те секции, которые признали резолюции Римини[291] или признают их к определенному сроку! Это называется автономией и свободной федерацией. Устав Интернационала можно попирать ногами, но резолюции Римини священны.

---

* — законного. *Ред.*
** — слезного покаяния. *Ред.*

4) К нашему большому сожалению Генеральный Совет, который мог просто констатировать как факт, что юрцы *вышли из организации,* отказавшись признать гаагские решения и основав свой особый союз, вместо этого лишь временно исключил их[292]. Во-первых, всегда могут потребовать созыва конференции. Во-вторых, вопрос этот встанет на конгрессе в совсем иной форме: их делегаты должны быть допущены, пока не будет голосования о правомочности их мандатов. В-третьих, Генеральному Совету придется так же поступить и по отношению к бельгийцам и испанцам, ditto* по отношению к шайке Хейлза, а эти следующие одно за другим исключения произведут гораздо худшее впечатление, чем если бы Генеральный Совет, подождав еще несколько недель, пока он не узнает результатов бельгийского и испанского съездов, потом объявил бы об этом в одной-единственной декларации, в которой наряду с формальными основаниями было бы ясно сказано, что нельзя одновременно быть и в Интернационале и вне его, что нельзя говорить о своей принадлежности к нему и в то же время объявлять его законы недействительными, и в которой констатировалось бы, таким образом, purement et simplement**, что те-то и те-то сами поставили себя вне Интернационала.

5) Надеюсь, что соответствующая резолюция была послана вами в Сонвилье и в Женеву, так как я не получил никакой инструкции на этот счет. Что касается Серрайе, то в данный момент, когда аресты следуют один за другим и вся переписка с Францией прервана, он туда ничего посылать не может.

6) Ваш уполномоченный *Ларрок* сам достал себе здесь полномочия — как эмигрант. Отсюда он отправился в Сен-Себастьен, где опять наладит дело.

7) В *Португалии* все идет хорошо, как видно из посланной сегодня «Emancipacion». Нами получены оттуда и частные письма; товарищи ведут огромную работу в профессиональных союзах.

8) В Лоди остался еще только Биньями. Гамбургский комитет партии послал им 20 талеров и Обервиндер из Вены 50 гульденов, что не преминуло произвести эффект.

9) Маневр Куно выступить под именем Капестро уже раскрыт в брюссельской «Internationale»[293].

10) Если Генеральный Совет еще не получает газет отколовшихся секций, то надо будет выписать их на какое-нибудь неизвестное имя. Мы раздобываем себе здесь с величайшим

* — также. *Ред.*
** — просто-напросто. *Ред.*

трудом и окольными путями по *одному* экземпляру каждой газеты — и то не всегда: у нас до сих пор нет трех последних номеров «Bulletin jurassien», поэтому при всем желании мы не можем их послать. Это, впрочем, относится лишь к «Internationale» (Брюссель), «Bulletin de la Federation jurassienne» (Сонвилье) и «Federacion» (Барселона).

11) Я говорил относительно марок с Ле Муссю, который, как и в прошлом году, взял это на себя[294]. Но все-таки смешно, чтобы этого нельзя было сделать в Нью-Йорке.

12) Что случилось с Мак-Доннелом? Он давно уже должен был быть там. О нем ни слуху, ни духу.

Почта закрывается.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс

Лондон, 8 февраля 1873 г.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Лондон, 15 апреля 1873 г.
122, Риджентс-парк-род

Граждане!

Я получил ваше письмо от 21 марта вместе с векселем на 8 фунтов 6 пенсов для Лоди. В то же время я получил от Биньями письмо, в котором он сообщает, что опять скрывается, дабы избежать назначенного ему по приговору тюремного заключения, — он предпочитает отбыть его позднее, после того, как поправит свое здоровье. Поэтому деньги пришли как нельзя более кстати. Я обменял их на 200 франков (в *французских* банкнотах), которые послал ему немедленно.

Ле Муссю взял на себя заботу о марках, и я не раз напоминал ему об этом, но, насколько я знаю, дело еще мало подвинулось вперед.

«Arbeiter-Zeitung»[295] приходит регулярно.

Расходы по печатанию Устава на английском и французском языках составляли приблизительно по 15 ф. ст. за каждое издание, печатание на немецком языке обошлось гораздо дешевле, так как Устав сначала был напечатан в «Volksstaat» и за набор платить не пришлось, а только за бумагу, печатание и брошюровку[296]. Теперь повторить это, конечно, будет невозможно.

В настоящее время составляется доклад об Альянсе*; Лафарг и я работаем над ним изо дня в день — времени терять нельзя. Люкен продержал документы в Брюсселе до рождества, а некоторые еще и сейчас у него.

Немецкое издание Устава здесь еще имеется — несколько сотен экземпляров, которые находятся в распоряжении совета**.

---

* См. настоящий том, стр. 323—452. *Ред.*
** Имеется в виду Британский федеральный совет. *Ред.*

Английского — ни одного. Французское издание было целиком послано в Париж, но не дошло туда. Может быть, мы сможем кое-что получить обратно. Мы делаем такие попытки.

Как только «Альянс» будет закончен, мы примемся за протоколы конгресса.

Мадридская «Emancipacion» умирает, если уже не умерла. Мы послали туда 15 ф. ст., но так как почти никто не платил за полученные экземпляры, то поддержать существование газеты оказывается невозможным. Я веду переписку с Меса относительно основания другой газеты, но не могу сказать, каков будет результат.

«Pensamento Social» в Лиссабоне — превосходная газета, которая в своем последнем номере очень хорошо ответила Испанской федеральной комиссии в Алькое по вопросу об Альянсе[297], — тоже должна будет временно приостановить свое издание, но затем будет выходить снова.

Как вы, вероятно, заметили, «International Herald» тоже находится при последнем издыхании. Мы, быть может, попытаемся еще поддержать эту газету до ближайшего английского съезда (на троицыной неделе)[298], после чего нам, возможно, удастся начать другое издание. «Herald» немногого стоит; он имеет значение лишь как орган для печатания материалов Британского федерального совета, но, как таковой, он в данный момент почти незаменим.

Из французских газет вы, вероятно, знаете, что Вальтер (Хеддегем), оказывается, просто-напросто шпион. Говорят, что он был полицейским агентом еще при Бонапарте. В Тулузе Сварм (Дантрег) вел себя немногим лучше, но так как полного отчета я не читал, то не могу утверждать этого с уверенностью; во всяком случае раньше агентом он не был, но, по-видимому, это слабый и неустойчивый человек.

С братским приветом

Ф. Энгельс

Пока что я никаких денег для Генерального Совета не получал. Из Италии также нет никаких известий, кроме того, что выход «Plebe», по-видимому, тоже временно прекращен. Арест альянсистов в Болонье и Мирандоле не будет длительным, их скоро освободят; если кое-кого из них время от времени и арестовывают по ошибке, то серьезно они никогда не страдают.

Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями на языке оригинала в книге «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becher, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906

Печатается по рукописи

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ В «NEUER SOCIAL-DEMOKRAT»

(ИЗ ПИСЬМА А. ГЕПНЕРУ)[299]

В связи с пресловутой статьей в «Neuer» и в целях дальнейшей вашей информации обращаем ваше внимание — отчасти повторно — на следующее: а) Абсурдно утверждать, будто Бакунин против заговоров, тогда как он внутри Интернационала затеял всеобщий заговор — Альянс, но не против правительства, конечно, а против самого Интернационала. б) Во Франции после закона Дюфора Интернационал вообще не может существовать *иначе,* «как тайно», но тайное пропагандистское общество и заговор — две разные вещи. в) Гаагский конгресс так энергично высказался против бланкистов, желавших сделать Интернационал орудием заговоров, что те ушли из Интернационала и открыто высказались против него, ибо ему, мол, не хватает «революционной энергии». г) Хеддегема (Вальтера), этого тихого долговязого рыжеволосого мужчину в Гааге, сопровождаемого маленькой, одетой в траур мнимой «женой» с лицом Марии Магдалины, — и разоблаченного теперь, как старого полицейского агента, — Серрайе предложил прежнему составу Генерального Совета принять, вместе с его секцией, лишь после того, как Хеддегем сослался на члена Генерального Совета бланкиста *Ранвье* и был этим последним признан *безусловно заслуживающим доверия.* д) Как Хеддегем, так и Дантрег имели законные мандаты от своих секций и, следовательно, *должны* были быть допущены на конгресс, пока против них не было выдвинуто никаких обвинений, что не пришло в голову сделать ни одному человеку из меньшинства. е) «Neuer» как нельзя лучше проявляет себя в качестве полицейского органа, подхватывая клевету, пущенную

полицейскими и бонапартистскими агентами, вроде Фогта и К°, будто Маркс стремится выступать в качестве «международного вождя заговорщиков» и имел уже «дюжину коммунистических процессов», между тем как именно выступление Гаагского конгресса, с большинством которого отождествляют Маркса, против бланкистов доказывает обратное, а полицейская ложь об *одном* процессе коммунистов 1852 г. давно раскрыта Марксом в его «Разоблачениях о Кёльнском процессе коммунистов»[300].) Если теперь кто-нибудь из «Neuer Social-Demokrat» будет приговорен к тюремному заключению, то уж известно, как себя надо вести, после того как сам «Neuer» обратил внимание на полицейский маневр — осуждать также и полицейских, обеспечивая им, однако, в тюрьме более удобную жизнь. *«Пусть рабочие всегда будут начеку!»*

Впрочем, Дантрег был не шпионом, а просто опустившимся субъектом, который стал доносчиком только в тюрьме, и после этого вскоре целиком перешел на службу полиции. Хеддегем, напротив, уже при Бонапарте был шпионом, и за него мы должны быть благодарны *только* бланкистам. Но «великий старый борец за свободу» Бакунин постоянно имел в своих рядах полицейских шпионов, например Альбера Ришара, который с 1868 г., с учреждения Альянса, был его правой рукой во Франции. А так как юрцы утверждают, что они *тоже* имеют тайные секции во Франции (процессы доказывают обратное), то в чем же тогда разница, придуманная «Neuer»?

Что же касается статьи в № 45[301], то в противовес содержащимся в ней утверждениям нужно сказать еще следующее. Против Гаагского конгресса высказались: 1) Самозванная итальянская федерация, которая *никогда* не принадлежала к Интернационалу, потому что она не желает признать Общий Устав и, стало быть, пока не подчинится, никак не может принадлежать к Интернационалу. — Напротив, целый ряд подлинных итальянских секций признали Устав и поддерживают регулярную связь с Генеральным Советом. 2) Юрская федерация, 150 человек, против 4000—5000 человек в одной лишь Французской Швейцарии; федерация поэтому временно исключена. 3) Бельгийцы. 4) Часть испанцев, в то время как другая часть основала в Валенсии Федеральный совет, находящийся в регулярной связи с Генеральным Советом в Нью-Йорке. 5) В Англии — целых десять человек, которые не имеют за собой ни одной действительной секции, в то время как Британский федеральный совет, опираясь на многочисленные секции, многие из которых насчитывают по 500 и более человек и которые растут из недели в неделю, считает признание гаагских

постановлений основным условием приема в Интернационал. 6) Во Франции, *«поскольку там еще существует организация»,* она примыкает к Гааге и к Генеральному Совету, что доказано *как раз* теми процессами, которые послужили поводом для статьи, напечатанной в № 49. *«Эмигранты Коммуны»* ни в целом, ни в «большинстве» никогда не «выступали энергично против... и т. д.», ибо такой группировки никогда не существовало. Бланкисты же, в числе пяти человек, из которых четверо — члены Коммуны, ушли по той причине, что Интернационал не захотел стать *орудием* их заговорщической деятельности. Кроме этого не произошло *абсолютно ничего,* что могло бы дать хотя бы самый отдаленный повод для этой лжи.

Написано Ф. Энгельсом в конце апреля 1873 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 37, 7 мая 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИНТЕРНАЦИОНАЛ И «NEUER»

Лондон, 2 мая 1873 г.

В № 49 газеты «Neuer Social-Demokrat» напечатана посвященная последним процессам Интернационала во Франции лживая статья, автор которой, очевидно, удостоился особо щедрого вознаграждения из фонда рептильной прессы[302] — так сильно пропитана она ложью. В отношении процесса в Тулузе «Neuer» опирается на статью из брюссельской газеты «Internationale»; статья эта в свою очередь заимствована из «Liberte»[303] и исходит от г-на Жюля Геда, французского эмигранта, который с момента своего прибытия в Женеву вместе с другими кандидатами в «великие мужи» тамошней эмиграции громко трубит в бакунинские трубы и на съезде юрцев в Сонвилье (ноябрь 1871 г.) подписал известный циркуляр Юрской федерации, в котором тайный Альянс г-на Бакунина объявил войну Интернационалу. Какую роль играл г-н Гед в деятельности Интернационала во Франции, мы сейчас увидим. Статья называет г-на Дантрега, который на этом процессе выдал как членов Интернационала своих товарищей по скамье подсудимых, генеральным уполномоченным Маркса и хочет приписать Марксу, а также Генеральному Совету и «авторитарной сверху донизу организации» вину за это предательство и за последовавшие обвинительные приговоры.

А факты таковы.

Г-н Дантрег, чертежник железнодорожного бюро в Пезенас (департамент Эро) обратился 24 декабря 1871 г. в Генеральный Совет с заявлением, что один радикально-демократический комитет, представляющий семь профессиональных союзов, председателем которого он является, требует приема

в Интернационал. 4 января секретарь для Франции написал в Пезенас Каласу (осужденному теперь на один год), который пользовался полным доверием благодаря поручительству входящего в Интернационал социал-демократического комитета в Безье (Эро); члены этого комитета, также осужденные, были к тому же известны многим членам Коммуны, находящимся в Лондоне, как люди, заслуживающие доверия. 14 января Калас дал Дантрегу рекомендацию и сообщил, что он с ним договорился о том, что «они будут работать рука об руку». В марте Дантрег переехал в Тулузу; он, следовательно, действовал там до момента своего ареста полных девять месяцев, и тулузские члены Интернационала, не имевшие и малейшего повода жаловаться на него, жили с ним в полном согласии и подтвердили это, *единогласно* избрав его 18 августа делегатом на конгресс в Гааге во всех четырех, значительных по численности, секциях. На четырех мандатах, подписанных только членами комитета и руководителями групп, стоит 67 подписей. Таким образом, если Генеральный Совет назначил этого человека своим уполномоченным для Тулузы и ее окрестностей, то этим он только выразил желание самих находящихся там членов Интернационала.

Теперь перейдем к г-ну Геду.

18 августа 1872 г. секция Монпелье сообщила Генеральному Совету, что г-н Поль Брусе, корреспондент и друг г-на Геда, пытается вызвать раскол в местной секции; он требовал, чтобы члены не платили заранее установленных взносов на покрытие расходов по поездке тулузского делегата и вообще ничего не предпринимали, пока Гаагский конгресс не выскажется. За это секция исключила г-на Брусса из своих рядов и потребовала, чтобы Генеральный Совет исключил его из Интернационала. Письмо было подписано Каласом и тремя другими лицами. Генеральный Совет знал о том, что г-н Брусе интригует там в пользу раскольников из Юрской федерации, но счел излишним придавать особое значение этому молодому человеку — он был студентом-медиком — и оставил это дело без внимания. Г-н Гед, находясь в то время в Риме, написал в октябре корреспонденцию в «Liberte», в которой назвал совершенно понятные действия секций Монпелье «авторитарными»; при этом своего друга Брусса он обозначил только инициалами, а фамилию «Каласа в Монпелье» *напечатал полностью.* Французская полиция не заставила повторять себе это дважды. Письмо, посланное к этому времени Каласу секретарем Генерального Совета, в котором подробно говорилось о Дантреге, перехватывается на почте, — Дантрег был немедленно арестован, а вслед за ним и Калас.

Кто же явился доносчиком — Дантрег или Гед? Если г-н Гед далее заявляет, что посылка missi dominici* Генерального Совета, что прибытие и отъезд делегатов извне, приметы которых хорошо известны полиции, являются лучшим средством для провала Интернационала во Франции, то он забывает:

1) Что три уполномоченных Генерального Совета во Франции не были прибывшими извне случайными благодетелями, а людьми, постоянно проживающими в тех местах, где они являются уполномоченными, и пользующимися доверием самих секций.

2) Что единственные интернациональные «делегаты извне», фигурировавшие на юге Франции прошлой осенью и зимой, были посланы не Генеральным Советом, а раскольниками из Юрской федерации. Эти господа незадолго до арестов так шумно вели себя в кафе Тулузы и т. д., что этим самым привлекли внимание полиции к нашему Товариществу; но, как повсюду и всегда, арестованы были действительные члены Интернационала, в то время как анархистские крикуны пользуются особым покровительством высших полицейских чинов.

Если г-н Дантрег по личным мотивам и по слабости сделал некоторые разоблачения, то имеется достаточно фактов, доказывающих, что до своего осуждения он не был полицейским шпионом. Господа из Альянса, одним из основателей которого был теперешний бонапартистский агент Альбер Ришар из Лиона, не имеют ни малейшего права бросать в других камень, и менее всего имеет на это право «Neuer», полицейское прошлое и настоящее которого является величайшим позором для немецкого рабочего движения.

Что касается парижского процесса[304], то теперь уже установлено, что Хеддегем был полицейским шпионом. Этот человек, назначенный своей секцией в Париже на пост секретаря, сослался на члена Коммуны и члена Генерального Совета *Ранвье,* который дал ему блестящий отзыв как в отношении благонадежности, так и в отношении его деятельности; на основании этого отзыва Хеддегем и был утвержден. Следовательно, как в первом случае, так и на сей раз Генеральный Совет принял все возможные меры предосторожности.

Новым является утверждение, будто Бакунин был исключен в Гааге за то, что он «хочет положить конец вредной практике тайных заговоров». Комиссия Гаагского конгресса по делу Альянса, которой были предъявлены статуты этого

* — посланцев. *Ред.*

бакунинского тайного заговора, направленного не против правительств, а против Интернационала, пришла к совершенно другому выводу.

Таким же новым является утверждение, будто Маркс пережил «больше дюжины коммунистических процессов своих последователей». История знает только один процесс коммунистов в Кёльне в 1852 году; но ведь «Neuer» не за то получает деньги, чтобы говорить правду. Во всяком случае мы не забудем его заключительного предупреждения:

«Маневр полицейских властей состоит в том, чтобы в тех случаях, когда они провоцируют тенденциозный процесс, формально осуждать также и своих тайных агентов, которым впоследствии в тюрьме создаются удобные условия жизни».

Этот эпизод, выхваченный из жизни г-на фон Швейцера, заслуживает всяческого внимания.

«Пусть же рабочие всегда будут начеку», если когда-нибудь случайно господа из «Neuer» окажутся «формально осужденными»!

Написано Ф. Энгельсом 2 мая 1873 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 38, 10 мая 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Лондон, 14 июня 1873 г.
122, Риджентс-парк-род

Граждане!

Я должен ответить на два ваши письма — от 11 апреля и 14 мая[305]. Как я уже сообщал раньше, вся посланная для Лоди сумма (200 фр.) была отправлена мною 10 апреля Биньями, расписка которого у меня есть. — Дней десять тому назад «Plebe» стала снова выходить и поместила ваше обращение к испанцам, а также, на очень видном месте, ваше заявление о самоисключении секций, отколовшихся от нашего Товарищества[306].

Соответствующие документы были посланы Испанскому федеральному совету.

Мой экземпляр изменений в Уставе, предназначенный для бывшего Генерального Совета, затерялся, но мне обещали прислать другой, который я и перешлю вам немедленно по его получении.

Так как «Plebe» снова ожила, то в своей первой корреспонденции в эту газету я напишу об итальянской эмиграции, о стачке рабочих газового завода и т. д. Я не мог сделать этого раньше, так как мой единственный корреспондент — Биньями — недосягаем, а другого адреса он мне не дал.

О марках я Ле Муссю напоминал.

4 ф. ст. 3 пенса получены и будут посланы и использованы по назначению, как только будет найден надежный адрес в Париже.

С братским приветом ваш

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

ДОКЛАД И ДОКУМЕНТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ГААГСКОГО КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА[307]

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом при участии П. Лафарга в апреле—июле 1873 г.

Напечатано в виде брошюры в Лондоне и Гамбурге в августе 1873 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с французского

L'ALLIANCE

DE LA

DÉMOCRATIE SOCIALISTE

ET

L'ASSOCIATION INTERNATIONALE DES TRAVAILLEURS.

RAPPORT ET DOCUMENTS PUBLIÉS PAR ORDRE DU CONGRÈS INTERNATIONAL DE LA HAYE.

LONDRES:
A. DARSON, SUCCESSEUR DE FOUCAULT,
46B, RATHBONE PLACE, OXFORD ST.
HAMBOURG:
EN VENTE CHEZ OTTO MEISSNER.

1873.

Титульный лист брошюры К. Маркса и Ф. Энгельса
«Альянс социалистической демократии
и Международное Товарищество Рабочих»

I
ВВЕДЕНИЕ

Международное Товарищество Рабочих, поставив себе целью сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и стать, таким образом, живым выразителем общности интересов, объединяющей рабочих, неизбежно должно было открыть доступ социалистам всех оттенков. Его основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового света, утвердившие на международных конгрессах Общий Устав Товарищества, упустили из виду, что сама широта его программы позволит деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри него тайные организации, усилия которых будут направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло с *Альянсом социалистической демократии.*

На Гаагском конгрессе Генеральный Совет потребовал расследования по поводу этой тайной организации. Конгресс поручил это расследование комиссии из пяти членов (гражданам Куно, Люкену, Сплентару, Вишару и Вальтеру: последний вышел из ее состава), которая сделала доклад на заседании 7 сентября. Конгресс постановил:

1. Исключить из Интернационала Михаила Бакунина как основателя Альянса, а также и за личный проступок;

2. Исключить Джемса Гильома как члена Альянса;

3. Опубликовать документы, касающиеся Альянса. Так как комиссия по расследованию деятельности Альянса была лишена возможности опубликовать документы, положенные в основу ее доклада, из-за того, что члены ее разъехались по разным странам, то гражданин Вишар, единственный из

ее членов, проживающий в Лондоне, передал их протокольной комиссии[308], которая и воспроизводит их ныне под свою ответственность в нижеследующем докладе.

Дело об Альянсе было настолько объемисто, что комиссия, заседавшая во время конгресса, успела лишь ознакомиться с наиболее важными документами, необходимыми для того, чтобы сделать практический вывод; так, большая часть русских документов не могла быть ею рассмотрена; а доклад, представленный комиссией конгрессу, охватывающий только часть вопроса, в настоящее время уже не может считаться достаточным. Поэтому, для того чтобы читатель мог понять смысл и значение этих документов, мы были вынуждены изложить историю Альянса.

Публикуемые нами документы относятся к нескольким категориям. Некоторые из них уже были опубликованы самостоятельно, преимущественно на французском языке, но, чтобы правильно уловить дух Альянса, их надо сопоставить с другими, ибо при таком сопоставлении они предстают в новом свете. К числу таких документов относится программа открытого Альянса. Другие являются документами Интернационала и печатаются впервые; часть из них — документы испанской секции тайного Альянса, существование которой было публично разоблачено отдельными членами Альянса весной 1871 года. Тот, кто следил за испанским движением этого времени, найдет в них лишь более точные данные о фактах, ставших уже в большей или меньшей мере достоянием гласности. Значение этих документов заключается не в том, что они публикуются впервые, а в том, что они впервые сопоставляются друг с другом таким образом, что вскрывается общая тайная деятельность, обусловившая их появление, и особенно в том, что мы сопоставляем их с двумя нижеследующими категориями документов. Первая состоит из документов, опубликованных по-русски и разоблачающих подлинную программу и метод действий Альянса. Эти документы из-за русского языка, делавшего их недоступными, оставались до сих пор неизвестными Западу, и это обстоятельство позволило авторам дать в них полную волю своей фантазии и способу выражения. Приводимый нами точный их перевод позволит читателю оценить по достоинству умственный, моральный, политический и политико-экономический уровень главарей Альянса.

Ко второй категории относится только один документ: тайные статуты Альянса; это — единственный более или менее крупный по размерам документ, впервые публикуемый в этом докладе. Может возникнуть вопрос, допустимо ли для рево-

люционеров предавать гласности документы тайного общества, замышляемого заговора. Прежде всего отметим, что эти тайные статуты были прямо указаны в числе документов, опубликования которых потребовала на Гаагском конгрессе комиссия по делу об Альянсе, и ни один из делегатов, даже тот из членов комиссии, который представлял в ней меньшинство, не голосовал против этого. Таким образом, опубликование этих документов категорически было предписано конгрессом, указания которого мы обязаны выполнять. По существу же необходимо сказать следующее:

Перед нами общество, под маской самого крайнего анархизма направляющее свои удары не против существующих правительств, а против тех революционеров, которые не приемлют его догм и руководства. Основанное меньшинством некоего буржуазного конгресса, оно втирается в ряды международной организации рабочего класса и пытается сначала захватить руководство ею, а когда этот план не удается, стремится ее дезорганизовать. Это общество нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества: оно организует внутри открыто существующих секций Интернационала свои маленькие тайные секции, которые повинуются единым директивам и которым поэтому путем заранее согласованных действий нередко удается забрать секции Интернационала в свои руки; в своих газетах оно открыто обрушивается на всех, кто отказывается подчиняться его воле; и, по его собственным словам, разжигает открытую войну в наших рядах. Для достижения своих целей это общество не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере. Наконец, в России это общество полностью подменяет собой Интернационал и, прикрываясь его именем, совершает уголовные преступления, мошенничества, убийство, ответственность за которые правительственная и буржуазная пресса возлагает на наше Товарищество. И обо всех этих фактах Интернационал должен молчать, потому что общество, виновное во всем этом, является тайным! В руках Интернационала имеются статуты этого общества, его смертельного врага; статуты, в которых оно открыто провозглашает себя современным иезуитским орденом и объявляет своим правом и обязанностью применять на практике все иезуитские методы; статуты, дающие сразу же объяснение всем тем враждебным действиям, которым подвергался Интернационал со стороны этого общества; но воспользоваться

этими документами Интернационал не может: ведь это значило бы выдать тайное общество!

Против всех этих интриг есть только одно средство, обладающее, однако, сокрушительной силой, это — полнейшая гласность. Разоблачить эти интриги во всей их совокупности — значит лишить их всякой силы. Покрывать их своим молчанием было бы с нашей стороны не только наивностью, над которой вожаки Альянса первые стали бы издеваться, но и трусостью. Более того, это было бы актом предательства по отношению к тем испанским членам Интернационала, которые, будучи членами тайного Альянса, не поколебались разоблачить существование этого общества и его метод действий, как только оно заняло позицию, открыто враждебную Интернационалу. Вдобавок все, что содержится в тайных статутах, имеется уже, и притом в еще более четко выраженной форме, в документах, опубликованных на русском языке самими Бакуниным и Нечаевым. Статуты являются лишь их подтверждением.

Пусть вожаки Альянса кричат о предательстве. Мы предаем их презрению рабочих и благосклонности правительств, которым они оказали неоценимую услугу, дезорганизуя рабочее движение. Цюрихская газета «Tagwacht», отвечая Бакунину, имела полное право заявить:

«Если Вы не являетесь платным агентом, то во всяком случае ясно одно, что никакой платный агент не смог бы причинить больше вреда, чем причинили его Вы»[309].

II
ТАЙНЫЙ АЛЬЯНС

Альянс социалистической демократии чисто буржуазного происхождения. Он возник не из Интернационала; он является отпрыском Лиги мира и свободы, мертворожденного общества буржуазных республиканцев. Интернационал уже пустил крепкие корни, когда Михаилу Бакунину взбрело в голову выступить в роли освободителя пролетариата. Интернационал предоставлял ему лишь общее для всех своих членов поле деятельности. Чтобы выдвинуться в Интернационале, ему пришлось бы сначала заслужить себе шпоры упорной и самоотверженной работой; но он решил, что на стороне буржуа из Лиги ему представится больше шансов и более легкий путь.

Итак, в сентябре 1867 г. он добился избрания в члены постоянного комитета Лиги мира и принял свою роль всерьез. Можно даже сказать, что вместе с Барни, теперешним депутатом в Версале, он был душой этого комитета. Претендуя на роль теоретика Лиги, Бакунин собирался напечатать под ее покровительством работу под названием «Федерализм, социализм и анти-теологизм»[*]. Вскоре, однако, он убедился в том, что Лига остается незначительным обществом и что входящие в ее состав либералы видят в ее конгрессах лишь средство сочетать увеселительную поездку с высокопарными речами, между тем как Интернационал, наоборот, растет с каждым днем. Тогда он стал мечтать о том, чтобы привить Лигу к Интернационалу. Для осуществления этого плана Бакунин добился того, что по рекомендации Элпидина был принят в июле 1868 г. в члены женевской Центральной секции[**]; с другой стороны, он провел в комитете Лиги решение об обращении к Брюссельскому конгрессу Интернационала с предложением заключить

[*] Печатание этой библии *измов* прекратилось на третьем же листе из-за отсутствия дальнейшей части рукописи[310].

[**] — Интернационала. *Ред.*

между обоими обществами наступательный и оборонительный союз. Для того же, чтобы конгресс Лиги санкционировал эту пылкую инициативу, Бакунин составил, а затем уговорил комитет принять и разослать тайный циркуляр «господам» из Лиги[311]. В нем он откровенно признает, что Лига, являвшаяся до сих пор жалким фарсом, сможет приобрести значение, лишь противопоставив союзу угнетателей

«союз народов, союз рабочих... мы можем стать чем-нибудь лишь в том случае, если захотим сделаться искренними и действительными представителями миллионов рабочих».

Провиденциальная миссия священной Лиги состояла в том, чтобы одарить рабочий класс самозванным буржуазным парламентом, которому он доверил бы заботу о своем политическом руководстве.

«Чтобы стать благотворной и реальной силой», — гласит в заключение циркуляр, — «наша Лига должна стать *чистым политическим выражением* великих экономических и социальных интересов и принципов, которые ныне столь победоносно развиваются и распространяются великим Международным Товариществом Рабочих Европы и Америки».

Брюссельский конгресс осмелился отклонить предложение Лиги. Велики были разочарование и гнев Бакунина. С одной стороны, Интернационал ускользал из-под его опеки. С другой стороны, президент Лиги профессор Густав Фогт, как следует отчитал его.

«Либо ты не был уверен», — писал он Бакунину, — «в успехе нашего приглашения, в таком случае ты скомпрометировал нашу Лигу; либо ты знал, какой сюрприз готовят нам твои друзья из Интернационала, и в таком случае ты нас обманул недостойным образом. Я спрашиваю тебя, что же мы скажем нашему конгрессу...»

Бакунин ответил ему письмом, которое давал читать всем желающим.

«Я не мог предвидеть», — писал он, — «что конгресс Интернационала ответит нам столь грубым и претенциозным оскорблением, но это было вызвано интригами некоей клики из немцев, ненавидящей русских» (устно он разъяснял своим слушателям, что речь шла о «клике» Маркса). «Ты спрашиваешь меня, что мы будем делать? Я буду добиваться чести ответить на это грубое оскорбление от имени комитета с трибуны нашего конгресса».

Вместо того чтобы выполнить обещание, Бакунин сменил свое одеяние. Он предложил Бернскому конгрессу Лиги программу фантастического социализма, в которой требовал уравнения классов и индивидуумов, желая перещеголять дам из этой Лиги, требовавших пока лишь уравнения полов. Снова

потерпев поражение, он в сопровождении ничтожного меньшинства покинул конгресс и отправился в Женеву*.

Союз между буржуа и рабочими, о котором мечтал Бакунин, не должен был ограничиваться открытым союзом. Тайные статуты Альянса социалистической демократии (см. «Документы», № 1**) содержат указания на то, что уже в недрах Лиги Бакунин заложил основы тайного общества, которое должно было ею руководить. Не только названия руководящих органов совпадают с названиями органов Лиги (постоянный центральный комитет, центральное бюро, национальные комитеты), но и в тайных статутах объявляется, что «большинство членов-основателей Альянса», это — «бывшие участники Бернского конгресса». Чтобы заставить признать себя вождем Интернационала, надо было предстать в качестве вождя другой армии, абсолютная преданность которой его особе должна была быть обеспечена тайной организацией. Собираясь открыто влить свое общество в Интернационал, он рассчитывал распространить разветвления этого общества во всех секциях и таким путем захватить в свои руки неограниченное руководство им. С этой целью он основал в Женеве Альянс социалистической демократии (открытый). С виду это было просто открытое общество, которое хотя и растворялось целиком в Интернационале, но вместе с тем должно было иметь особую международную организацию, центральный комитет, национальные бюро и секции, независимые от нашего Товарищества; наряду с нашим ежегодным конгрессом Альянс должен был открыто созывать свой конгресс. Но за этим открытым Альянсом скрывался другой Альянс, который в свою очередь находился под руководством еще более тайного Альянса интернациональных братьев, лейб-гвардии диктатора Бакунина.

Тайный устав «организации Альянса интернациональных братьев» указывает, что в этом Альянсе имеются «три степени: I. *Интернациональные братья;* II. *Национальные братья;* III. Полутайная, полуоткрытая организация *Международного альянса социалистической демократии».*

I. Интернациональные братья, число которых ограничено «сотней», образуют священную коллегию кардиналов. Они подчиняются центральному комитету и национальным комитетам,

* Среди отколовшихся мы встречаем имена Альбера Ришара из Лиона, ныне агента бонапартовской полиции, Гамбуцци — неаполитанского адвоката (см. главу об Италии), Жуковского — впоследствии секретаря открытого Альянса, и некоего Бутнера, женевского жестянщика, который принадлежит в настоящее время к ультрареакционной партии.

** См. настоящий том, стр. 442. *Ред.*

организованным в исполнительные бюро и наблюдательные комитеты. Сами эти комитеты ответственны перед «конституантой», или общим собранием, состоящим, по крайней мере, из двух третей интернациональных братьев. Эти альянсистские братья

«не имеют иного отечества, кроме всемирной революции, иной чужбины и иных врагов, кроме реакции. Они отвергают всякую политику соглашательства и уступок и считают реакционным всякое политическое движение, которое не имеет непосредственной и прямой целью торжество их принципов».

Но так как этот параграф откладывает политическое действие «сотни» до греческих календ и так как эти непримиримые не намерены отказываться от выгод, связанных с общественной службой, то параграф 8 гласит:

«Ни один брат не может занять общественного поста без согласия комитета, к которому он принадлежит».

Когда у нас пойдет речь об Испании и Италии, мы увидим, как главари Альянса поспешили применить этот параграф на практике. Интернациональные братья

«суть братья... каждый должен быть священным для всех остальных, более священным, чем брат по рождению; каждый брат должен получать помощь и защиту от всех остальных до *пределов возможного».*

Дело Нечаева покажет нам, что означает этот таинственный предел возможного.

«Все интернациональные братья знают друг друга. *Между ними никогда не должно быть политических секретов.* Ни одни из них не может участвовать в каком-либо тайном обществе без определенного согласия своего комитета, а в случае надобности, когда последний этого потребует, без согласия центрального комитета. И он сможет участвовать в таком тайном обществе лишь при условии, что он будет раскрывать перед ними все тайны, которые могут их прямо или косвенно интересовать».

Пьетри и Штиберы используют в качестве шпионов только людей низких и падших. Альянс же, посылая в тайные общества своих лжебратьев, чтобы те выдавали тайны этих обществ, навязывает роль шпионов тем самым людям, которые, по его плану, должны стать во главе «всемирной революции». — Впрочем, революционный паяц завершает подлость фарсом.

«Интернациональным братом может стать только тот, кто искренне примет всю программу, со всеми вытекающими из нее теоретическими и практическими последствиями, тот, в ком ум, энергия, честность» (!) «и сдержанность соединяются с революционной страстностью, тот, *в ком сам черт сидит».*

II. Национальные братья организованы в каждой стране в национальное товарищество интернациональными братьями

и по тому же самому плану, но они ни в коем случае не должны даже подозревать о существовании интернациональной организации.

III. Тайный Международный альянс социалистической демократии, члены которого вербуются повсюду, располагает законодательным органом в лице *постоянного центрального комитета,* который, собравшись в полном составе, принимает название общего тайного собрания Альянса. Это собрание происходит раз в год во время конгресса Интернационала или в чрезвычайных случаях по созыву центрального бюро либо женевской центральной секции.

Женевская центральная секция является «постоянной делегацией постоянного центрального комитета» и «исполнительным советом Альянса»; она подразделяется на *центральное бюро* и *наблюдательный комитет.* Центральное бюро, состоящее из 3—7 членов, является действительной исполнительной властью Альянса:

«оно получает указания от женевской центральной секции и посылает свои сообщения, *чтобы не сказать свои тайные приказы,* всем национальным комитетам, от которых получает секретные отчеты не реже одного раза в месяц».

Это центральное бюро умудряется быть одновременно и мясом и рыбой, и тайным и открытым; ибо в качестве части

«тайной центральной секции центральное бюро является тайной организацией... в качестве исполнительной власти открытого Альянса оно является открытой организацией».

Итак, мы видим, что Бакунин заранее создал все это тайное и открытое руководство своим «дорогим Альянсом» еще до его возникновения и что члены, которые принимали затем участие в каких-либо выборах, являлись простыми марионетками в разыгрываемом им фарсе. Впрочем, как мы скоро увидим, он нисколько не стесняется заявлять об этом; женевская центральная секция, задача которой состояла в том, чтобы давать указания центральному бюро, была сама лишь бутафорской секцией, так как ее решения, даже принятые большинством, являются обязательными для бюро только в том случае, если большинство членов бюро не пожелает апеллировать против них к общему собранию, которое оно обязано созвать в трехнедельный срок.

«Созванное таким образом общее собрание правомочно только в том случае, если оно состоит из двух третей всех своих членов».

Как мы видим, центральное бюро окружило себя всеми конституционными гарантиями, чтобы обеспечить свою независимость.

Можно было бы по наивности вообразить, что это автономное центральное бюро, по крайней мере, было свободно избрано женевской центральной секцией. Ничуть не бывало: временное центральное бюро было

«представлено женевской инициативной группе как временно избранное всеми членами-основателями Альянса, большинство которых, в прошлом участники Бернского конгресса, разъехались по своим странам» (за исключением Бакунина), *«передав свои полномочия гражданину Б.».*

Таким образом, члены-основатели Альянса — это всего лишь несколько буржуа, отколовшихся от Лиги мира.

Итак, постоянный центральный комитет, присвоивший себе учредительную и законодательную власть над всем Альянсом, назначил себя сам. Постоянная исполнительная делегация этого постоянного центрального комитета, женевская центральная секция, получила свое назначение от самой себя, а не от этого комитета. Центральное исполнительное бюро этой женевской центральной секции вместо того, чтобы быть ею избрано, было навязано ей группой лиц, которые все «передали свои полномочия гражданину Б.».

Таким образом, «гражданин Б.» — вот основной стержень Альянса. Чтобы сохранить за ним эту главную роль, в тайном уставе Альянса сказано буквально следующее:

«Внешне его правление будет соответствовать президентству в федеративной республике», —

президентству, до установления которого уже существовал президент — перманентный* «гражданин Б.».

Так как Альянс является международным обществом, то в каждой стране будет существовать национальный комитет, созданный

«из всех членов постоянного центрального комитета, принадлежащих к одной нации».

Для образования национального комитета достаточно трех членов. Чтобы обеспечить точное соблюдение иерархической связи,

«национальные комитеты будут служить *единственными* посредниками между центральным бюро и всеми местными группами своей страны».

Национальные комитеты

«должны обеспечить организацию Альянса в своих странах таким образом, чтобы члены постоянного центрального комитета *всегда господствовали в нем* и представляли его на конгрессах».

* В оригинале «permanent» — «перманентный», «постоянно действующий». *Ред.*

Вот что на языке альянсистов называется построением организации снизу вверх. Эти местные группы не имеют иных прав, кроме права направлять в национальные комитеты свои программы и уставы для представления их

«на утверждение центрального бюро, без чего местные группы не могут принадлежать к Альянсу».

После того, как эта деспотическая и иерархическая тайная организация была бы привита к Интернационалу, оставалось только в довершение дезорганизовать его. Для этого достаточно было бы сделать его секции анархическими и автономными и превратить его центральные органы в простые почтовые ящики, в «корреспондентские и статистические бюро», как это действительно впоследствии и попытались сделать.

Список революционных заслуг перманентного «гражданина Б.» не был настолько славен, чтобы он мог рассчитывать на увековечение в тайном, а тем более в открытом Альянсе присвоенной им постоянной диктатуры. Надо было, следовательно, прикрыть ее демократическим краснобайством, Поэтому тайные статуты предписывают, чтобы временное центральное бюро (читайте: перманентный гражданин) функционировало до первого открытого общего собрания Альянса, которое и назначит членов нового постоянного центрального бюро. Но

«так как настоятельно необходимо, чтобы центральное бюро всегда состояло из членов постоянного центрального комитета, то последний должен при посредстве своих национальных комитетов обеспечить такую организацию всех местных групп и такое *руководство* ими, чтобы они *послали делегатами* на это собрание *только членов постоянного центрального комитета* или, за неимением таковых, людей, *абсолютно преданных руководству* своих национальных комитетов, дабы постоянный центральный комитет *всегда держал в своих руках* всю организацию Альянса».

Эти инструкции даются не бонапартовским министром или префектом накануне выборов, а воплощенным антиавторитаристом, неограниченным анархистом, апостолом организации снизу вверх, Баяром автономии секций и свободной федерации автономных групп, святым Михаилом Бакуниным, в целях сохранения своей перманентности.

Мы проанализировали тайную организацию, предназначенную увековечить диктатуру «гражданина Б.»; перейдем теперь к его программе.

«Объединение интернациональных братьев стремится к всеобщей революции, — одновременно социальной, философской, экономической и политической, — чтобы от современного порядка вещей, Основанного на собственности, эксплуатации, принципе авторитета, — религиозного,

метафизического и буржуазно-доктринерского или даже якобинско-революционного, — не осталось камня на камне, сначала во всей Европе, а затем и в остальном мире; бросая клич: мир трудящимся, свобода всем угнетенным, смерть угнетателям, эксплуататорам и всякого рода попечителям, мы стремимся разрушить все государства и все церкви, со всеми их учреждениями и законами, религиозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и социальными, с тем, чтобы миллионы несчастных человеческих существ, обманутых, порабощенных, измученных, эксплуатируемых, вздохнули, наконец, вполне свободно, освободившись от всех своих официальных и официозных, коллективных и индивидуальных наставников и благодетелей».

Вот она революционная революционность! Первое условие для достижения этой ошеломляющей цели состоит в том, чтобы не бороться с существующими государствами и правительствами обычными средствами простых революционеров, а, напротив, обрушиваться с громкими и нравоучительными фразами на

«институт государства, а также на его следствие и в то же время основу — частную собственность».

Дело, следовательно, заключается в том, чтобы низвергнуть не бонапартовское, прусское или русское государство, а государство абстрактное, государство как таковое, государство, которое нигде не существует. Но если интернациональные братья в своей ожесточенной борьбе с этим витающим в облаках государством умеют избегать полицейских дубинок, тюрем и пуль, которые реальные государства применяют по отношению к простым революционерам, то, с другой стороны, мы видим, что они сохраняют за собой право, ограниченное только получением папского разрешения, пользоваться всеми преимуществами, предоставляемыми этими реальными буржуазными государствами. Примеры Фанелли — итальянского депутата, Сориано — чиновника правительства Амадея Савойского и, пожалуй, Альбера Ришара и Гаспара Блана — агентов бопапартовской полиции — показывают, до какой степени папа в этом отношении сговорчив... Вот почему полицию ничуть не тревожит «Альянс или, скажем прямо, заговор» гражданина Б. против абстрактной идеи государства.

Итак, первым актом революции должен быть декрет об отмене государства, как это и сделал Бакунин 28 сентября в Лионе, несмотря на то, что эта отмена государства неизбежно является авторитарным актом. Под государством он разумеет всякую политическую власть, революционную или реакционную,

«ибо для нас неважно, называется ли этот авторитет церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой. Мы их всех в равной мере ненавидим и отвергаем как неизбежный источник эксплуатации и деспотизма».

И он заявляет, что все революционеры, которые на следующий день после революции хотят «строить революционное государство», гораздо опаснее всех существующих правительств и что

«мы, — интернациональные братья, — естественные враги этих революционеров», —

ибо дезорганизация революции есть первый долг интернациональных братьев.

Ответ на эти фанфаронады о немедленной отмене государства и установлении анархии уже дан в закрытом циркуляре Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале», март 1872 г., стр. 37*. «Анархия — вот боевой конь их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает и правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос навыворот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменит свою организацию анархией».

Проследим, однако, к каким же выводам приводит анархистское евангелие; предположим, что государство отменено декретом. Согласно статье 6**, следствиями этого акта явятся: государственное банкротство, прекращение государственного вмешательства во взыскание частных долгов, прекращение уплаты всяких налогов и податей, роспуск армии, судебного ведомства, чиновничества, полиции и духовенства (!); отмена официальной юстиции, сопровождаемая аутодафе всех документов на право собственности и всего юридического и гражданского хлама, конфискация всех производственных капиталов и орудий труда в пользу рабочих товариществ и объединение этих товариществ, которое «образует коммуну». Эта коммуна снабдит индивидуумов, лишенных таким образом собственности,

* См. настоящий том, стр. 45. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 447. *Ред.*

самым необходимым, предоставив им свободу зарабатывать больше собственным трудом.

Лионские события показали, что одного декрета об отмене государства далеко не достаточно для выполнения всех этих прекрасных обещаний. Но зато двух рот буржуазной национальной гвардии оказалось достаточно, чтобы разбить эту блестящую мечту и заставить Бакунина с его чудотворным декретом в кармане спешно направить свои стопы в Женеву. Конечно, он не считал своих последователей настолько глупыми, чтобы не видеть необходимости дать им какой-либо план организации, который обеспечивал бы практическое осуществление его декрета. Вот этот план:

«Для организации коммуны — федерация перманентно действующих баррикад и учреждение совета революционной коммуны путем делегирования одного или двух депутатов от каждой баррикады, одного от каждой улицы или квартала — депутатов, снабженных императивными мандатами, во всех отношениях ответственных и в любое время сменяемых» (странные же эти баррикады Альянса, на которых, вместо того чтобы драться, сочиняют мандаты). «Организованный таким путем *совет коммуны* сможет выбрать из своей среды *исполнительные комитеты,* особые для каждой отрасли революционного управления коммуны».

Восставшая столица, организованная таким образом в коммуну, объявляет тогда другим коммунам страны о том, что она отказывается от всяких притязаний на управление ими; она призывает их реорганизоваться по-революционному, а затем делегировать в условленное место встречи своих депутатов, ответственных, сменяемых и снабженных императивными мандатами, для образования федерации восставших ассоциаций, коммун и провинций и для организации революционной *силы,* способной одержать победу над реакцией. Эта организация не ограничится коммунами восставшей страны; к ней смогут примкнуть и другие провинции или страны, тогда как

«провинции, коммуны, ассоциации и лица, которые станут на сторону реакции, *не будут в нее допускаться».*

Таким образом, отмена границ идет здесь рука об руку с благодушнейшей терпимостью по отношению к реакционным провинциям, которые не замедлят возобновить гражданскую войну.

Итак, в этой анархистской организации баррикад-трибун имеется прежде всего совет коммуны, затем исполнительные комитеты, которые для того, чтобы исполнять что бы то ни было, обязательно должны быть облечены какой-то властью и опираться на силу общественного принуждения; далее имеется целый федеральный *парламент,* главной задачей

которого должна быть организация этой *силы общественного принуждения.* Этот парламент, так же как и совет коммуны, должен будет передать *исполнительную власть* одному или нескольким *комитетам,* последние в силу одного этого факта приобретают авторитарный характер, который в процессе борьбы должен все более и более усиливаться. Таким образом, постепенно восстанавливаются все элементы «авторитарного государства»; и то, что мы называем эту машину «революционной коммуной, организованной снизу вверх», имеет мало значения. Название дела не меняет; организация снизу вверх существует во всякой буржуазной республике, а императивные мандаты известны были еще в средние века. Впрочем, Бакунин и сам это признает, когда (в статье 8*) дает своей организации название «нового революционного государства».

О практической же ценности этого плана революции, согласно которому, вместо того чтобы драться, дискутируют, и говорить не стоит.

А теперь раскроем секрет всех этих альянсистских ящиков с двойным и тройным дном. Для того чтобы ортодоксальная программа выполнялась, а анархия пошла по правильному пути,

«необходимо, чтобы среди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, единство революционной мысли и действия нашло свое воплощение в некоем органе. Этим органом должно быть тайное и всемирное объединение интернациональных братьев.

Это объединение исходит из убеждения, что революции никогда не совершаются ни личностями, ни тайными обществами. Они совершаются как бы сами собой, вызванные силой вещей, ходом событий и фактов. Они долгое время подготовляются в глубине инстинктивного сознания народных масс, а затем разражаются... Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, это, прежде всего, помочь рождению революции, распространяя в массах идеи, соответствующие инстинктам масс, и организовать не армию революции — армией должен быть всегда народ» (пушечное мясо), — «но революционный главный штаб, состоящий из лиц преданных, энергичных, умных и, главное, искренних, — а не честолюбивых и тщеславных, — друзей народа, способных служить посредниками между революционной идеей» (монополизированной ими) «и народными инстинктами».

«Число этих лиц не должно, следовательно, быть чрезмерно велико. Для международной организации во всей Европе достаточно сотни серьезно и крепко сплоченных революционеров. Двух-трех сотен революционеров будет достаточно для организации самой большой страны».

Итак, все меняется. Анархии, «разнуздания народной жизни», «дурных страстей» и прочего уже недостаточно. Для обеспечения успеха революции необходимо *единство мысли*

* См. настоящий том, стр. 448. *Ред.*

и действия. Члены Интернационала стараются создать это единство путем пропаганды, дискуссий и открытой организации пролетариат, — Бакунину же требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей *революционной идеи,* находящийся в резерве генеральный штаб, сам себя назначивший и состоящий под командой перманентного «гражданина Б.». Единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. Perinde ac cadaver*. Перед нами настоящий иезуитский орден.

Сказать, что сто интернациональных братьев должны «служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами», значит вырыть непроходимую пропасть между альянсистской революционной идеей и пролетарскими массами, значит признать невозможным навербовать эту сотню гвардейцев иначе, как из среды привилегированных классов.

* — Будь подобен трупу. (Так был сформулирован Лойолой один из принципов иезуитов, предписывавший беспрекословное повиновение младших членов ордена старшим). *Рвд.*

III
АЛЬЯНС В ШВЕЙЦАРИИ

Альянс подобен Фальстафу, он «находит, что спокойствие и осторожность — наилучшее проявление храбрости»*. Поэтому «сидящий в них черт» нисколько не мешает интернациональным братьям смиренно преклоняться перед властью существующих государств, не переставая в то же время энергично протестовать против института абстрактного государства; однако удары их этот «черт» направляет исключительно против Интернационала. Сначала они хотели завладеть Интернационалом, а когда это им не удалось, они попытались его дезорганизовать. Покажем теперь их работу в различных странах.

Интернациональные братья были не чем; иным, как находящимся в резерве генеральным штабом; им не хватало армии. Они решили, что Интернационал как раз и создан для этой цели. Чтобы быть допущенным к командованию этой армией, нужно было протащить в Интернационал открытый Альянс. Опасаясь, что они унизят Альянс, если обратятся *с* просьбой о своем приеме в Генеральный Совет, полномочия которого тем самым были бы ими признаны, они с этой целью несколько раз тщетно обращались к Бельгийскому и Парижскому федеральным советам. Эти повторные отказы принудили Альянс 15 декаоря 1868 г. с просьбой о приеме обратиться к Генеральному Совету. Альянс прислал свой устав и свою программу, в которых открыто провозглашалось его намерение («Документы», № 2**). Заявляя о своем «полном растворении в Интернационале», Альянс одновременно претендовал на то, чтобы составлять внутри Интернационала вторую международную организацию. Наряду с Генеральным Советом Интернационала, избираемым конгрессами, должен был существовать сам себя

* Шекспир, «Король Генрих IV», часть 1, акт V, сцена четвертая. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 449—450. *Ред.*

назначивший центральный комитет Альянса, находящийся в Женеве; наряду с местными группами Интернационала — местные группы Альянса, которые при посредстве своих национальных бюро, функционирующих помимо национальных бюро Интернационала, «будут обращаться к центральному бюро Альянса с просьбой о приеме их в Интернационал». Таким образом, центральное бюро Альянса присваивало себе право приема в Интернационал. Наряду с конгрессами Интернационала должны были происходить конгрессы Альянса, так как «делегация Альянса на ежегодных конгрессах рабочих» претендовала на проведение «своих открытых заседаний в отдельном помещении».

22 декабря Генеральный Совет (в письме, опубликованном в его циркуляре *«Мнимые расколы в Интернационале»,* стр. 7*) заявил, что эти притязания находятся в явном противоречии с Уставом Интернационала, и категорически отказал Альянсу в приеме. Несколько месяцев спустя Альянс снова обратился к Генеральному Совету, запросив его, признает ли он или нет принципы Альянса. В случае утвердительного ответа Альянс заявлял о своей готовности распустить себя, преобразовавшись в простые секции Интернационала. Генеральный Совет 9 марта 1869 г. (см. *«Мнимые расколы в Интернационале»,* стр. 8**) ответил, что выносить суждение о научной ценности программы Альянса значило бы для него выходить за пределы своих функций и что если вместо «уравнения классов» будет поставлено «уничтожение классов», то не будет препятствий к превращению секций Альянса в секции Интернационала. Генеральный Совет добавлял: «Если *вопрос о роспуске Альянса и о вступлении его секций в Интернационал* будет окончательно решен, то согласно нашему Регламенту необходимо будет *сообщить Совету о местонахождении и численности каждой новой секции».*

22 июня 1869 г. женевская секция Альянса сообщила Генеральному Совету, как о совершившемся факте, о роспуске Международного альянса социалистической демократии, всем секциям которого якобы было предложено «превратиться в секции Интернационала». После такого категорического заявления Генеральный Совет, введенный в заблуждение некоторыми подписями под программой, заставлявшими предполагать, что Альянс признан Романским федеральным комитетом, принял его. Прибавим, что ни одно из поставленных условий никогда не было выполнено. Напротив, именно с этого момента тайная

* См. настоящий том, стр. 9—11. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 11—12. *Ред.*

организация, скрывавшаяся за открытым Альянсом, заработала вовсю. За секцией Интернационала в Женеве скрывалось центральное бюро тайного Альянса; за секциями Интернационала в Неаполе, Барселоне, Лионе, Юре — тайные секции Альянса. Опираясь на эту франкмасонскую организацию, о существовании которой ни рядовые члены Интернационала, ни их руководящие центры даже не подозревали, Бакунин рассчитывал, что ему удастся на Базельском конгрессе в сентябре 1869 г. захватить в свои руки руководство Интернационалом. На этом конгрессе тайный Альянс благодаря пущенным им в ход нечестным приемам был представлен по меньшей мере десятью делегатами, среди которых находились пресловутый Альбер Ришар и сам Бакунин. Делегация привезла с собой множество незаполненных мандатов, которые она не смогла использовать за отсутствием надежных людей, хотя и предлагала их базельским членам Интернационала. Однако имевшегося количества делегатов Альянса оказалось недостаточно даже для того, чтобы заставить конгресс санкционировать отмену права наследования — старый сен-симонистский хлам, — которую Бакунин хотел сделать практическим исходным пунктом социализма[312]; еще меньше успеха имела попытка навязать конгрессу перенесение местопребывания Генерального Совета из Лондона в Женеву, о чем мечтал Бакунин.

Тем временем в Женеве шла открытая война между Романским федеральным комитетом, поддерживаемым почти всеми женевскими членами Интернационала, и Альянсом. Союзниками последнего в этой войне были локльская газета «Progres», редактируемая Джемсом Гильомом, и женевская «Egalite», являвшаяся официальным органом Романского федерального комитета, большинство редакции которого, однако, составляли альянсисты, по всякому поводу нападавшие на Романский федеральный комитет. Не упуская из виду главной цели — перенесение местопребывания Генерального Совета в Женеву, — редакция «Egalite» открыла кампанию против существующего Генерального Совета и призывала парижскую газету «Travail» поддержать ее. Генеральный Совет в своем циркуляре от 1 января 1870 г. заявил, что не считает нужным вступать в полемику с газетами[313]. Тем временем Романский федеральный комитет устранил из редакции «Egalite» людей Альянса.

Тогда эта секта не рядилась еще в антиавторитарные одежды. Полагая, что ей удастся овладеть Генеральным Советом, она первая на Базельском конгрессе потребовала принятия и предложила текст постановлений по организационным

вопросам, предоставлявших Генеральному Совету «авторитарные полномочия», на которые она с такой яростью обрушилась два года спустя. Ничто не дает лучшего представления о ее тогдашних взглядах на авторитарную роль Генерального Совета, как следующая выдержка из локльской газеты «Progrès» (4 декабря 1869 г.), редактировавшейся Джемсом Гильомом, по поводу конфликта между «Social-Demokrat»[314] и «Volksstaat».

«Нам кажется, что Генеральный Совет нашего Товарищества *обязан был бы вмешаться* и начать расследование того, что происходит в Германии, *вынести решение* по поводу спора между Швейцером и Либкнехтом, *положив тем самым конец той неопределенности,* в которой мы очутились благодаря этому странному положению».

Можно ли поверить, что это тог самый Гильом, который 12 ноября 1871 г. в сонвильерском циркуляре обвинял тот же некогда недостаточно авторитарный Генеральный Совет в «желании внести в Интернационал *принцип авторитарности»?*

Газеты Альянса с момента своего появления на свет не только вели пропаганду его особой программы, чего никто не мог бы поставить им в вину, но и настойчиво создавали и поддерживали умышленную путаницу между его программой и программой Интернационала. Это повторялось всюду, где Альянс располагал какой-либо газетой или сотрудничал в ней — в Испании, в Швейцарии, в Италии; но совершенства эта система достигла в русских изданиях Альянса.

Секта дала решительный бой на съезде Романской федерации в Шо-де-Фоне (4 апреля 1870 г.). Дело заключалось в том, чтобы заставить женевские секции признать женевский открытый Альянс частью федерации и перенести Федеральный комитет и его орган в какую-либо местность Юры, где тайный Альянс оказался бы хозяином положения.

При открытии съезда два делегата «секции Альянса» потребовали, чтобы их допустили на съезд. Женевские делегаты предложили отложить этот вопрос на конец съезда и немедленно приступить к более важному делу — к обсуждению программы. Они заявили, что их императивный мандат предписывает им скорее покинуть съезд, чем допустить в свою группу эту секцию

«ввиду интриг и властолюбивых стремлений людей из Альянса, и что голосовать за прием Альянса значит голосовать за раскол Романской федерации».

Но Альянс не хотел упустить такого случая. Соседство его маленьких юрских секций позволило ему добиться ничтожного

фиктивного большинства, так как Женева и крупные центры Интернационала были представлены крайне слабо. По настоянию Гильома и Швицгебеля секция была принята спорным большинством в один или два голоса. Женевские делегаты получили от всех секций, запрошенных немедленно по телеграфу, приказ покинуть съезд. Так как члены Интернационала в Шо-де-Фоне поддерживали женевцев, то альянсисты были вынуждены оставить помещение съезда, принадлежавшее местным секциям. Несмотря на то, что, по словам их собственного органа (см. «Solidarite» от 7 мая 1870 г.), они представляли лишь пятнадцать секций, тогда как в одной Женеве их было тридцать, они присвоили себе звание романского съезда, назначили новый федеральный комитет для Романской Швейцарии, в котором блистали Шевале и Коньон[*], и провозгласили газету Гильома «Solidarite» органом Романской федерации. Специальная миссия этого молодого школьного учителя заключалась в том, чтобы клеветать на рабочих «фабрики»[315] в Женеве — этих ненавистных «буржуа» — вести войну с органом Романской федерации «Egalite» и проповедовать полное воздержание в области политики. Авторами наиболее значительных статей на эту тему были в Марселе — Бастелика и в Лионе — два столпа Альянса: Альбер Ришар и Гаспар Блан.

Кстати, случайное и фиктивное большинство съезда в Шо-де-Фоне допустило явное нарушение устава Романской федерации, на представительство которой оно претендовало, причем следует заметить, что главари Альянса принимали большое участие в составлении этого устава[316]. Согласно параграфам 53 и 55, всякое важное постановление съезда, чтобы получить силу закона, должно быть санкционировано двумя третями входящих в федерацию секций. Между тем женевские и шодефонские секции, высказавшиеся против Альянса, составляли одни более двух третей общего числа секций. На двух больших общих собраниях женевские члены Интернационала, несмотря на противодействие Бакунина и его друзей, почти единогласно одобрили поведение своих делегатов, которые при общих аплодисментах предложили Альянсу не соваться куда не следует и не претендовать на то, чтобы входить в Романскую федерацию; при этом условии могло бы состояться примирение. Впоследствии несколько утративших иллюзии членов Альянса предложили его распустить, но Бакунин и его приспешники

[*] Через два месяца орган этого же комитета («Solidarite» от 9 июля) объявил обоих этих субъектов *ворами.* Они действительно доказали свою анархистскую революционность, обокрав кооперативное товарищество портных в Шо-де-Фоне.

всеми силами воспротивились этому. Вопреки всему, Альянс продолжал настаивать на том, что он входит в Романскую федерацию; это вынудило тогда Романскую федерацию принять решение об исключении из своих рядов Бакунина и других главных зачинщиков.

Таким образом, в Романской Швейцарии оказалось два федеральных комитета — один в Женеве, другой в Шо-де-Фоне. Огромное большинство секций осталось верным первому, тогда как за другим последовали лишь пятнадцать секций, многие из которых, как мы увидим дальше, одна за другой прекратили свое существование.

Едва успел закрыться романский съезд, как новый комитет в Шо-де-фоне потребовал вмешательства Генерального Совета, обратившись к нему с письмом, подписанным в качестве секретаря Ф. Робером, а в качестве председателя Анри Шевале (см. примечание к предыдущей странице). Рассмотрев документы, представленные обеими сторонами, Генеральный Совет 28 июня 1870 г. постановил сохранить за женевским комитетом его прежние функции и предложить новому федеральному комитету в Шо-де-фоне принять какое-нибудь местное наименование[317]. Комитет в Шо-де-Фоне, обманутый в своих надеждах этим решением, поднял крик по поводу авторитарности Генерального Совета, забывая, что он первый потребовал его вмешательства. Смута, в которую этот комитет втянул швейцарскую федерацию своим упорным стремлением узурпировать название романского федерального комитета, заставила Генеральный Совет прекратить с ним всякие официальные сношения.

4 сентября 1870 г. в Париже была провозглашена республика. Альянс решил, что пробил час «спустить с цепи революционную гидру в Швейцарии» (стиль Гильома). «Solidarite» выпустила манифест, призывавший к формированию швейцарских волонтерских отрядов против пруссаков. Этот манифест, если верить педагогу Гильому, хоть и не был «ни в коей мере *анонимным»,* все же «не был и подписан». К сожалению, весь воинственный пыл Альянса испарился, как только газета и манифест были конфискованы. Но я, — воскликнул кипучий Гильом, сгоравший желанием «рисковать собственной шкурой», — «я остался на своем посту... в типографии газеты» («Bulletin jurassien», 15 июня 1872 года).

Вспыхнуло революционное движение в Лионе. Бакунин поспешил присоединиться к своему лейтенанту Альберу Ришару и к своим унтер-офицерам Бастелика и Гаспару Блану. 28 сентября, в день его приезда, народ завладел городской ратушей. Бакунин водворился в ней; и вот наступил критический

момент, которого ждали столько лет, момент, когда Бакунин получил возможность совершить самый революционный акт, какой когда-либо видел мир, — он декретировал *Отмену Государства,* Но государство в образе двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забыли поставить охрану, очистило зал и заставило Бакунина поспешно ретироваться в Женеву.

В тот самый момент, когда воинственный Гильом «на своем посту» защищал сентябрьскую республику, его верный Ахат — Робен бежал от этой республики и укрылся в Лондоне. Хотя Генеральному Совету было известно, что Робен является одним из самых ярых сторонников Альянса и, к тому же, автором нападок на Генеральный Совет в газете «Egalite», он, несмотря на сообщения брестских секций о далеко не мужественном поведении Робена, включил его в свой состав ввиду отсутствия французских членов Совета. С этого момента Робен непрерывно выполнял в Совете функции официозного корреспондента комитета в Шо-де-Фоне. 14 марта 1871 г. он предложил созвать закрытую конференцию Интернационала для разрешения швейцарского конфликта. Совет, предвидя, что в Париже назревают крупные события, наотрез отказался. Робен несколько раз возвращался к этому вопросу и даже предлагал Совету принять окончательное решение по поводу конфликта. 25 июля Генеральный Совет постановил включить это дело в число вопросов, подлежащих разрешению конференции, созываемой в сентябре 1871 года.

10 августа Альянс, отнюдь не желая, чтобы его происки расследовались на конференции, объявил себя распущенным с 6-го числа того же месяца. Вскоре, однако, получив подкрепление в лице нескольких французских эмигрантов, он появился вновь, выступая под другими названиями, например: секция атеистов-социалистов и секция пропаганды и революционного социалистического действия. Основываясь на резолюции V Базельского конгресса[318], Генеральный Совет, в полном согласии с Романским федеральным комитетом, отказался признать эти секции — новые очаги интриг.

Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.) подтвердила постановление Генерального Совета от 28 июня 1870 г. относительно юрских раскольников.

Так как «Solidarite» прекратила свое существование, то новые приверженцы Альянса основали газету «Revolution Sociale», в которой сотрудничала г-жа Андре Лео, заявившая на конгрессе Лиги мира в Лозанне, как раз в то время, когда Ферре в тюрьме ожидал своей отправки в Сатори, что

«Рауль Риго и Ферре были двумя зловещими фигурами Коммуны, которые до этого» (до казни заложников) «не переставая требовали, — правда, всегда безуспешно — кровавых мер».

С первого же номера газета поспешила стать на один уровень с «Figaro», «Gaulois», «Paris-Journal» и другими грязными листками, перепечатывая их гнусные выпады против Генерального Совета. Она сочла момент подходящим для того, чтобы даже в самом Интернационале разжечь пламя национальной ненависти. По ее словам, Генеральный Совет является немецким комитетом и им руководит человек бисмарковского склада.

Тремя своими резолюциями: о швейцарском конфликте, о политическом действии рабочего класса и о публичном дезавуировании Нечаева, конференция нанесла Альянсу удар в самое сердце[319]. Первая из этих резолюций выносила прямое порицание псевдороманскому комитету в Шо-де-Фоне и одобряла действия Генерального Совета. Она рекомендовала юрским секциям присоединиться к Романской федерации, а в случае невозможности такого объединения конференция предлагала горным секциям принять наименование Юрской федерации. Она заявила, что если их комитет будет продолжать газетную войну перед лицом буржуазной публики, то эти газеты будут дезавуированы Генеральным Советом. — Вторая резолюция, о политическом действии рабочего класса, окончательно положила конец той путанице, которую Бакунин хотел создать в Интернационале, включив в свою программу доктрину об абсолютном воздержании в области политики. — Третья резолюция, относительно Нечаева, представляла непосредственную угрозу Бакунину. Мы увидим дальше, когда будем говорить о России, насколько Бакунин был лично заинтересован в том, чтобы скрыть гнусности Альянса от Западной Европы.

Альянс справедливо усмотрел в этом объявление войны и немедленно открыл военные действия. Юрские секции, поддерживавшие псевдороманский комитет, собрались 12 ноября 1871 г. на съезде в Сонвилье. Там присутствовало шестнадцать делегатов, якобы представлявших девять секций. Согласно отчету Федерального комитета, секция Куртелари, представленная двумя делегатами, «прекратила свою деятельность»; центральная секция Локля «в конце концов распалась», но затем была временно восстановлена, чтобы послать двух делегатов на съезд шестнадцати; секция граверов и узорщиков Куртелари (два делегата) «организовалась в общество сопротивления», не входящее в Интернационал; секция пропаганды в Шо-де-Фоне (один делегат) «находится в критическом состоянии; ее положение не только не улучшается, а скорее ухуд-

шается»; центральная секция Невшателя (два делегата, в том числе Гильом) «сильно пострадала, и, если бы не самоотверженность отдельных ее членов, гибель ее была бы неминуема». Два кружка по изучению социального вопроса в Сонвилье и Сент-Имье (четыре делегата) в округе Куртелари были созданы, согласно отчету, в результате роспуска центральной секции в Куртелари; таким образом, несколько членов этого округа трижды представлены шестью делегатами! Секция в Мутье (один делегат) состоит, по-видимому, только из своего комитета. Итак, из шестнадцати делегатов четырнадцать представляли мертвые или умирающие секции. Чтобы составить себе, однако, представление о том развале, к которому привела проповедь анархии в этой федерации, следует продолжить немного чтение этого отчета. Из двадцати двух секций только девять были представлены на съезде; семь секций ни разу не ответили ни на одно из обращений комитета, а четыре были объявлены мертвыми. Вот какова федерация, считавшая себя призванной потрясти самые основы организации Интернационала!

Съезд в Сонвилье начал, однако, с того, что подчинился Лондонской конференции, предложившей созвавшим его организациям принять название Юрской федерации; но в то же время, чтобы доказать свой анархизм, он объявил вею Романскую федерацию распущенной (последняя вернула горцам их автономию, изгнав их из всех секций). Вслед за тем съезд выпустил крикливый циркуляр, основной целью которого было опротестовать законность конференции и апеллировать к общему конгрессу, немедленного созыва которого он требовал.

Циркуляр обвиняет Интернационал в том, что он изменил своему духу, который заключается именно «в грандиозном протесте против авторитета». До Брюссельского конгресса все шло как нельзя лучше в этом лучшем из обществ, но в Базеле делегаты потеряли голову и, охваченные «слепым доверием», «нарушили и дух и букву Общего Устава», в котором так ясно провозглашалась автономия каждой секции и каждой группы секций. Итак, Интернационал написал на своем знамени — авторитарность, а Юрская федерация, эта марионетка Альянса, — автономию секций. Мы уже видели, каким образом Альянс собирается осуществлять эту автономию.

Но грехи Базельского конгресса бледнеют перед грехами Лондонской конференции, резолюции которой

«стремятся превратить Интернационал из свободной федерации автономных секций в иерархическую и авторитарную организацию дисциплинированных секций, находящихся всецело в руках Генерального Совета,

который может по своему усмотрению отказать им в приеме или приостановить их деятельность».

Очевидно писавшие этот циркуляр альянсисты забыли, что их тайный устав составлен исключительно с целью упрочить «иерархическую и авторитарную организацию», возглавляемую персоной перманентного «гражданина Б.», и содержит указания, как «дисциплинировать» секции и как отдать их не просто «в руки», но даже «под *высокую* руку» этого самого «гражданина».

Если грехи конференции уже являются смертными грехами, то грех из всех грехов — грех против святого духа был совершен Генеральным Советом. В нем имеется «несколько личностей», которые рассматривают свой

«мандат» (членов Совета) «как личное достояние, а Лондон представляется им неизменной столицей нашего Товарищества... Некоторые люди дошли до того... что захотели обеспечить господство в Интернационале их особой программы, их собственной доктрины... в качестве официальной теории, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе... таким образом мало-помалу образовалась ортодоксия, центром которой является Лондон, а представителями — члены Генерального Совета».

Одним словом, они захотели обеспечить единство Интернационала путем «централизации и диктатуры». — В этом же самом циркуляре Альянс претендует на то, чтобы «обеспечить преобладание в Интернационале своей особой программы», — называя ее «грандиозным протестом против авторитета» и заявляя, что освобождение рабочих усилиями самих рабочих должно произойти «без какого бы то ни было авторитарного руководства, даже и такого, которое избрано и санкционировано рабочими». Мы увидим, что всюду, где Альянс пользовался влиянием, он делал именно то, в чем он ложно упрекает Генеральный Совет, — пытался навязать свое нелепое подобие теории в качестве «официальной теории, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе»*. — Все это относится лишь к публичной, открытой деятельности Альянса; что касается его тайной деятельности, то «дух и буква» тайных

* Так, например, Мадзини возлагал на весь Интернационал ответственность за нелепые измышления папы Бакунина. Генеральный Совет счел себя вынужденным публично заявить в итальянских газетах, что он «всегда выступал против неоднократных попыток подменить широкую, доступную для понимания, программу Интернационала (открывавшую доступ в его ряды и приверженцам Бакунина) узкой и сектантской программой Бакунина, принятие которой сразу повлекло бы за собой исключение огромного большинства членов Интернационала»[320]). Циркуляр Жюля Фавра, доклад депутата помещичьей палаты Саказа по поводу нашего Товарищества, реакционные речи во время прений по вопросу об Интернационале в испанских кортесах[321], да и все направленные против него публичные нападки, кишат цитатами из ультра-анархистских фраз, исходящих из бакунистского лагеря.

статутов уже показали нам, до какой степени «ортодоксия», «собственная доктрина», «централизация» и «диктатура» господствуют в этой «свободной федерации автономных групп». Нам вполне понятно, что Альянсу хотелось бы помешать рабочему классу создать себе общее руководство, поскольку бакунистское провидение уже позаботилось об этом, образовав свой *Альянс* в качестве генерального штаба революции.

Генеральный Совет не только не намеревался навязывать Интернационалу какую бы то ни было ортодоксию, но, напротив, предложил Лондонской конференции отменить сектантские названия некоторых секций, причем это предложение было принято единогласно*.

Вот что писал Генеральный Совет о сектах в своем закрытом циркуляре («Мнимые расколы», стр. 24**).

«Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители, подвергая критике социальные противоречия, предлагают фантастические решения этих противоречий, а массе рабочих остается только принимать, пропагандировать и осуществлять их. Секты, созданные этими зачинателями, по самой своей природе являются абстенционистскими: чуждыми всякой реальной деятельности, политике, стачкам, союзам, — одним словом, всякому коллективному движению. Пролетариат в массе своей всегда остается безразличным или даже враждебным их пропаганде. Рабочие Парижа и Лиона не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарийцев, так же как английские чартисты и тред-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастет их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет являлись помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали простым орудием в руках полиции. В общем это — детство пролетарского

* Вторая резолюция конференции, пункт 2; «Все местные отделения, секции, группы и их комитеты впредь именуются и конституируются исключительно как отделения, секции, группы и комитеты Международного Товарищества Рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей». Пункт 3: «Ввиду этого всем отделениям, секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. п., или создавать сепаратистские организации под названием «секций пропаганды» и т. п., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества».

** См. настоящий том, стр. 30. *Ред.*

движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади.

В противоположность фантазирующим и соперничающим сектантским организациям, Интернационал является подлинной и боевой организацией пролетариата всех стран, объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство. Поэтому в Уставе Интернационала говорится просто о рабочих обществах, преследующих одинаковую цель и признающих одну и ту же программу, которая ограничивается тем, что намечает основные линии пролетарского движения, тогда как теоретическая разработка их осуществляется под воздействием потребностей практической борьбы и в результате обмена мнениями в секциях, в их органах и на съездах, где допускаются все без различия оттенки социалистических убеждений».

Альянс не хотел, чтобы Интернационал был боевой организацией; в циркуляре требовалось, чтобы Интернационал был верным прообразом будущего общества:

«Мы должны поэтому добиться того, чтобы по возможности больше приблизить эту организацию к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен отбросить всякое начало, ведущее к авторитарности, к диктатуре».

Если бы Юрской федерации удалось осуществить свой план и превратить Интернационал в верное отображение еще не существующего общества, лишить его всякой возможности согласованных действий с тайной целью подчинить его «власти и диктатуре» Альянса и его перманентного диктатора «гражданина Б.», то тем самым были бы полностью исполнены желания европейской полиции, которой больше ничего не надо, как только то, чтобы Интернационал сошел со сцены.

Господа из Альянса, чтобы доказать своим бывшим коллегам из Лиги мира и радикальной буржуазии, что открытая ими кампания направлена против Интернационала, а не против буржуазии, разослали свой циркуляр всем радикальным газетам. «Republique francaise» г-на Гамбетты в статье, полной поощрений по адресу юрцев и нападок на Лондонскую конференцию, поспешила признать их заслуги[322]. «Bulletin jurassien», обрадовавшись такой поддержке со стороны буржуазной прессы, воспроизвел эту статью *in extenso*[*] в своем № 3, показав, таким

[*] — полностью. *Ред.*

образом, что самое сердечное согласие объединяет ультрареволюционных членов Альянса и версальских гамбеттистов. Для того чтобы шире распространить среди буржуазии приятную весть о нарождающемся расколе в Интернационале, сонвильерский циркуляр продавался в базарный день на улицах ряда французских городов, в частности в Монпелье. Как известно, во Франции для продажи на улице печатных произведений требуется разрешение полиции*.

Этот циркуляр рассылался кипами повсюду, где Альянс рассчитывал навербовать себе друзей и недовольных Генеральным Советом. Результат оказался почти равным нулю. Испанские члены Альянса высказались против созыва конгресса, которого требовал циркуляр, и осмелились даже дать отповедь папе[324]. В Италии один только Терцаги некоторое время поддерживал созыв конгресса. В Бельгии, где не было пользующихся известностью членов Альянса, но где все движение Интернационала запуталось в буржуазных разглагольствованиях о политическом воздержании, об автономии, свободе, федерации, децентрализации и погрязло в узких местных интересах, циркуляр имел некоторый успех. Хотя Бельгийский федеральный совет воздержался от присоединения к требованию созыва чрезвычайного общего конгресса — что, впрочем, было бы абсурдом, так как Бельгия была представлена на конференции шестью делегатами, — но он выработал проект общего устава, в котором Генеральный Совет просто-напросто упразднялся. Когда это предложение обсуждалось на бельгийском съезде, делегат от Лодленсара заметил, что для рабочих наилучшим критерием служит настроение их хозяев. Уже по той радости, которую вызвала у хозяев идея упразднить Генеральный Совет, можно утверждать, что нельзя было бы

«совершить более крупную ошибку, чем декретировать такое упразднение».

Поэтому предложение было отвергнуто. В Швейцарии Романская федерация выразила энергичный протест против циркуляра[325], во всех же других странах он был встречен просто презрительным молчанием.

Генеральный Совет ответил на сонвильерский циркуляр и на бесконечные происки Альянса закрытым циркуляром «Мнимые расколы в Интернационале», от 5 марта 1872 года. Краткое изложение значительной части этого циркуляра было дано выше. Гаагский конгресс должным образом расправился с этими интригами и этими интриганами.

* Тулузский процесс[323]; см. «Reforme» (тулузскую) от 18 марта 1873 года.

Конечно, люди эти, шумевшие тем больше, чем мельче они были сами, имели бесспорный успех. Вся либеральная и полицейская пресса открыто встала на их сторону; их клевета на отдельных членов Генерального Совета, их беззубые нападки на Интернационал встретили поддержку со стороны мнимых реформаторов во всех странах. В Англии их поддержали буржуазные республиканцы, интриги которых были расстроены Генеральным Советом. В Италии — свободомыслящие догматики, предложившие основать под знаменем Стефанони «универсальное общество рационалистов» с обязательным местопребыванием в Риме, организацию «авторитарную» и «иерархическую», монастыри для атеистических монахов и монахинь и т. п., организацию, по уставу которой в зале заседаний устанавливается мраморный бюст каждого буржуа, пожертвовавшего десять тысяч франков. Наконец, в Германии они встретили поддержку со стороны бисмарковских социалистов, которые, не говоря уже об издаваемой ими полицейской газете «Neuer Social-Demokrat», выполняют роль белорубашечников[326] прусско-германской империи.

Так как «Révolution Sociale» прекратила свое существование, то Альянс сделал своим официальным печатным органом «Bulletin jurassien», который под предлогом защиты автономных секций от авторитарности Генерального Совета и от узурпаторских действий Лондонской конференции старался дезорганизовать Интернационал. В номере от 20 марта 1872 г. «Bulletin» открыто признал, что

«под Интернационалом он разумеет не ту или иную организацию, охватывающую в настоящее время часть пролетариата. Организации — дело второстепенное и преходящее... Интернационал, в более общем смысле, есть то чувство солидарности эксплуатируемых, которое господствует и современном мире».

Интернационал, сведенный к простому «чувству солидарности», был бы еще более платоничен, чем христианская любовь. Чтобы показать, к каким честным приемам прибегает «Bulletin», мы приведем следующую выдержку из письма Токажевича, главного редактора польской газеты «Wolnosc» в Цюрихе:

«В № 13 «Bulletin jurassien» напечатана *программа польского социалистического общества в Цюрихе,* которое через несколько дней начнет выпускать свою газету «Wolnosc». Мы уполномочиваем Вас заявить Генеральному Совету Интернационала через три дня после получения этого письма, что эта программа является *фальшивой»*[327].

Номер «Bulletin» от 15 июня содержит ответы членов Альянса (Бакунина, Малона, Клариса, Гильома и т. д.) на закрытый циркуляр Генерального Совета. Эти ответы не отвечают ни на

одно из обвинений, которые Генеральный Совет выдвинул против Альянса и его вожаков. Папа за отсутствием доводов решил закончить спор, обозвав циркуляр «ушатом помоев».

«Впрочем», — заявил он, — «я всегда оставлял за собой право привлечь всех клеветников к суду чести, в создании которого очередной конгресс мне, без сомнения, не откажет. *И коль скоро этот суд* предоставит мне *все гарантии беспристрастного и серьезного приговора,* я смогу изложить ему со всеми необходимыми подробностями все факты как политического, так и личного характера, не страшась неприятностей и опасностей, связанных с нескромной оглаской».

И, конечно, гражданин Б., как обычно, не щадил своей жизни — он просто не явился в Гаагу.

Приближался конгресс, а Альянс знал, что до начала конгресса должен быть опубликован доклад о деле Нечаева, составление которого конференция поручила гражданину Утину. Для Альянса было чрезвычайно важно, чтобы доклад этот не был опубликован до конгресса и делегаты не могли получить полную информацию об этом деле. Гражданин Утин отправился в Цюрих для выполнения своей задачи. Лишь только он там поселился, как сделался жертвой покушения, которое мы без колебаний относим за счет Альянса. В Цюрихе у Утина не было других врагов, кроме нескольких славянских членов Альянса, находившихся «под высокой рукой» Бакунина. К тому же организация засад и убийств — одно из признанных и применяемых этим обществом средств борьбы; другие примеры этого мы увидим в Испании и в России. Восемь человек, говоривших на одном из славянских языков, подстерегли Утина в пустынном месте у канала; когда он приблизился к ним, они напали на него сзади, нанесли удары тяжелыми камнями по голове, опасно ранили в глаз и после избиения убили бы и бросили бы его в канал, если бы не подоспели четыре немецких студента. При виде их убийцы разбежались. Это покушение не помешало гражданину Утину закончить свою работу и послать ее конгрессу.

IV
АЛЬЯНС В ИСПАНИИ

После конгресса *Лиги мира,* состоявшегося в сентябре 1868 г. в Берне, один из основателей Альянса и член итальянского парламента Фанелли отправился в Мадрид. Бакунин снабдил его рекомендательными письмами к депутату кортесов Гарридо, который связал его с республиканскими кругами как буржуазными, так и рабочими. Вскоре после этого, в ноябре того же года, из Женевы были присланы членские билеты Альянса для Мораго, Кордова-и-Лопеса (республиканца, мечтавшего стать депутатом, и редактора буржуазной газеты «Combate»[328]), а также для Рубау Донадеу (неудачливого барселонского кандидата, основателя какой-то псевдосоциалистической партии). Известие о присылке этих билетов внесло дезорганизацию в молодую мадридскую секцию Интернационала; ее председатель, Хальво, вышел из нее, не желая принадлежать к товариществу, которое терпит в своей среде тайное общество, состоящее из буржуа и подчиняющееся его руководству.

Уже на Базельском конгрессе испанские организации Интернационала были представлены двумя членами Альянса — Фарга Пелисером и Сентиньоном, — последний из них фигурирует в официальном списке делегатов в качестве «делегата Альянса». После съезда испанских организаций Интернационала в Барселоне (в июле 1870 г.) Альянс обосновался в Пальме, Валенсии, Малаге и Кадисе. В 1871 г. были основаны секции в Севилье и Кордове. В начале 1871 г. Мораго и Виньяс, делегаты Альянса от Барселоны, предложили членам Федерального совета (Франсиско Мора, Анхелю Мора, Ансельмо Лоренцо, Боррелю и др.)... основать секцию Альянса в Мадриде; но последние воспротивились этому, заявив, что Альянс опасен, если он существует как тайное общество, и бесполезен, если он существует открыто. И на этот раз одного упоминания этого названия оказалось достаточно для того, чтобы было брошено семя раз-

дора в среду Федерального совета. Боррель даже произнес пророческие слова:

«Отныне всякое доверие между нами пропало».

Но когда правительственные преследования заставили членов Федерального совета эмигрировать в Португалию, Мораго удалось убедить их в полезности этого тайного общества, и по их инициативе в Мадриде была основана секция Альянса. В Лиссабоне Мораго вовлек в Альянс несколько португальцев, членов Интернационала. Считая, однако, что эти новички не дают ему достаточных гарантий, он без их ведома основал другую альянсистскую группу из наихудших буржуазных и рабочих элементов, навербованных в рядах франкмасонов. Эта новая группа, в которую входил бывший кюре Бонанса, попыталась организовать Интернационал в виде секций, по десять человек в каждой, которые должны были под ее руководством служить планам графа де Пенише и которых этому политическому интригану удалось вовлечь в рискованное предприятие, имевшее единственной целью поставить его у власти. Ввиду интриг Альянса в Португалии и Испании, португальские члены Интернационала вышли из этого тайного общества и на Гаагском конгрессе потребовали в интересах общего дела исключения его из Интернационала.

На конференции испанских секций Интернационала в Валенсии (в сентябре 1871 г.) делегаты Альянса, бывшие как всегда и делегатами Интернационала, окончательно оформили организацию своего тайного общества на Иберийском полуострове. Большинство из них, полагая, что программа Альянса тождественна с программой Интернационала, что эта тайная организация существует повсюду, что вступление в нее является чуть ли не долгом и что Альянс добивается дальнейшего развития Интернационала, а не подчинения его себе, постановило, что все члены Федерального совета должны быть в него посвящены. Как только Мораго, не осмеливавшийся до тех пор вернуться в Испанию, узнал об этом факте, он поспешно приехал в Мадрид и обвинил Мора в «желании подчинить Альянс Интернационалу», что противоречило целям Альянса. Чтобы придать вес этому мнению, он дал Меса в январе следующего года прочитать письмо Бакунина, в котором тот развивал макиавеллиевский план господства над рабочим классом. План этот заключался в следующем:

«Альянс должен с виду существовать внутри Интернационала, в действительности же стоять несколько в стороне от него, чтобы лучше наблюдать за ним и руководить им. По этим соображениям члены, входящие

в советы и комитеты секций Интернационала, *должны в секциях Альянса быть всегда в меньшинстве»* (заявление Хосе Меса от 1 сентября 1872 г., поданное на имя Гаагского конгресса)[329].

На одном собрании Альянса Мораго обвинил Меса в том, что тот предал общество Бакунина, посвятив в него всех членов Федерального совета, что давало им большинство в секции Альянса и фактически устанавливало преобладание Интернационала над Альянсом. Именно во избежание такого преобладания тайные инструкции и предписывают, чтобы в советы или комитеты Интернационала проникали только один или два члена Альянса, и чтобы руководили ими по указаниям и при поддержке секции Альянса, где заранее вырабатывались бы все решения, которые надлежало принять Интернационалу. С этого момента Мораго объявил Федеральному совету войну и, так же как и в Португалии, основал новую секцию Альянса, остававшуюся неизвестной для тех, кого он считал ненадежными. Посвященные члены Альянса в различных пунктах Испании поддержали его и начали обвинять Федеральный совет в пренебрежении своими обязанностями по отношению к Альянсу; об этом свидетельствует циркуляр секции Альянса в Валенсии (30 января 1872 г.), подписанный Дамоном — альянсистский псевдоним Монторо[330].

Получив сонвильерский циркуляр, испанский Альянс отнюдь не стал на сторону Юры. Даже барселонская секция-родоначальница в официальном письме от 14 ноября 1871 г. весьма резко и самым еретическим образом отзывается о папе Михаиле, которого она заподозрила в личном соперничестве с Карлом Марксом[*].

Федеральный совет присоединился к этому письму, что показывает, насколько слабо было тогда влияние швейцарского

[*] Копии этого письма, которое Алерини направил «от имени барселонской группы» Альянса «моему дорогому Бастелика и дорогим друзьям», были разосланы всем испанским секциям Альянса. Приводим несколько выдержек из него:

«Нынешний Генеральный Совет просуществует только до конгресса в будущем году, и его пагубная деятельность может быть только временной... Напротив, открытый разрыв нанес бы нашему делу такой удар, от которого оно с трудом оправилось бы, если бы вообще его выдержало. Поэтому мы ни в коем случае не можем одобрить ваши *сепаратистские тенденции...* Некоторые из нас задавали себе вопрос: нет ли во всем этом, или наряду со всем этим, помимо вопросов принципиальных, также и *вопросов личных, например, соперничества между нашим другом Михаилом и Карлом Марксом, между членами старого А. и Генеральным Советом...* Мы с огорчением прочли в «Revolution Sociale» нападки на Генеральный Совет и на Карла Маркса... Когда мы узнаем мнение наших друзей на полуострове, *оказывающих влияние на местные советы, то* это мнение может изменить нашу позицию в сторону общего решения, с которым мы будем сообразовываться во всех отношениях, и пр. и пр.».

Старый А. — это открытый Альянс, уничтоженный в зародыше Генеральным Советом. Экземпляр письма, из которого мы привели эту выдержку, написан рукой Алерини.

центра в Испании. Но вскоре после этого можно было заметить, что благодать снизошла на строптивые сердца. На собрании Мадридской федерации Интернационала (7 января 1872 г.), на котором обсуждался сонвильерский циркуляр, новая группа, руководимая Мораго, помешала оглашению контрциркуляра Романской федерации и сорвала обсуждение. 24 февраля Рафар (альянсистский псевдоним Рафаэля Фарга) писал мадридской секции Альянса:

«Необходимо уничтожить реакционное влияние и авторитарные тенденции Генерального Совета».

Пока что только в Пальме, на Майорке, Альянс добился публичного присоединения членов Интернационала к юрскому циркуляру. Так церковная дисциплина начала ломать последние попытки сопротивления признанию непогрешимости папы.

Перед лицом этой подпольной работы Испанский федеральный совет понял, что необходимо срочно избавиться от Альянса. Правительственные преследования представили ему для этого повод. Он предложил образовать на случай роспуска Интернационала тайные группы «защитников Интернационала», в которых должны были незаметно раствориться секции Альянса. Включение большого числа членов неизбежно должно было изменить их характер, и они окончательно исчезли бы вместе с этими группами, как только прекратились бы гонения. Но Альянс, разгадав скрытую цель этого плана, провалил его, хотя отсутствие такой организации ставило под угрозу существование Интернационала в Испании, если бы правительство осуществило свои угрозы. Альянс в противовес этому предложил следующее:

«Было бы целесообразно, в том случае если нас поставят вне закона, придать Интернационалу внешне такую форму, которая *могла бы быть допущена правительством;* местные же советы должны были бы стать тайными центрами, которые, находясь под влиянием Альянса, придавали бы секциям вполне революционное направление» (циркуляр севильскои секции Альянса от 25 октября 1871 года[331]).

Трусливый на деле, отважный на словах — таков Альянс в Испании, как и повсюду.

Резолюция Лондонской конференции о политике рабочего класса заставила Альянс открыто выступить против Интернационала, а Федеральному совету она дала повод констатировать его полное единодушие с огромным большинством членов Интернационала. Кроме того, она подала ему мысль создать в Испании широкую рабочую партию. Для достижения этой цели необходимо было прежде всего полностью оторвать рабочий

класс от всех буржуазных партий, в особенности от республиканской партии, вербовавшей среди рабочих главную массу своих избирателей и сторонников. Федеральный совет рекомендовал воздерживаться от участия во всех выборах депутатов, как монархических, так и республиканских. Чтобы рассеять иллюзии, порождаемые в народе псевдосоциалистической фразеологией республиканцев, редакторы «Emancipacion», являвшиеся в то же время членами Федерального совета, обратились к собравшимся на съезд в Мадриде представителям республиканско-федералистской партии с письмом, в котором требовали от них практических мероприятий и предлагали им высказаться по поводу программы Интернационала[332]. Это значило нанести страшный удар республиканской партии; Альянс взялся ослабить этот удар, так как он, наоборот, был связан с республиканцами[333]. В Мадриде он основал газету «Condenado»[334], выставившую в качестве программы три основных добродетели Альянса: *Атеизм, Анархию, Коллективизм,* но в то же время рекомендовавшую рабочим не добиваться сокращения рабочего дня. Наряду с «братом» Мораго в ней сотрудничал Эстеванес, один из трех членов руководящего комитета республиканской партии, недавний губернатор Мадрида и военный министр. В Малаге — Пино, член федеральной комиссии псевдоинтернационала, в Мадриде — Фелипе Мартин, ныне коммивояжер Альянса, служили республиканской партии в качестве агентов по избирательным кампаниям. А для того чтобы тоже иметь своего Фанелли в испанских кортесах, Альянс намеревался выставить кандидатуру Мораго.

Альянс уже не мог простить Федеральному совету две вещи: 1) что тот воздержался по юрскому вопросу; 2) что тот покушался на его неприкосновенность. После того как совет занял в отношении республиканской партии такую позицию, которая срывала все планы Альянса, последний решил расправиться с ним. Письмо к республиканскому съезду было воспринято Альянсом как объявление войны. Самый влиятельный орган партии, «Igualdad»[335], яростно напал на редакторов «Emancipacion», обвиняя их в том, что они продались Сагасте. Газета «Condenado» поддержала это гнусное обвинение своим упорным молчанием. Альянс сделал для республиканской партии и нечто большее. В связи с этим письмом он добился исключения из Мадридской федерации Интернационала, в которой Альянс пользовался преобладающим влиянием, редакторов «Emancipacion».

Несмотря на правительственные преследования, Федеральный совет за свою шестимесячную деятельность со времени

конференции в Валенсии увеличил число местных федерации с 13 до 70; в 100 других местностях он подготовил создание новых федераций, организовал рабочих восьми профессий в общества сопротивления национального масштаба. Кроме того, при его поддержке образовался крупный союз каталонских фабричных рабочих. Эти заслуги создали членам совета такое моральное влияние, что Бакунин почувствовал необходимость вернуть их на путь истины, послав 5 апреля 1872 г. длинное отеческое увещевание на имя генерального секретаря совета Мора (см. «Документы», № 3*). Съезд в Сарагосе (4— 11 апреля 1872 г.), несмотря на все усилия Альянса, представленного на нем по меньшей мере двенадцатью делегатами, аннулировал исключение и ввел двух из исключенных в новый Федеральный совет, вопреки их повторным отказам дать согласие на выдвижение своих кандидатур.

Одновременно со съездом в Сарагосе, как и всегда, происходили тайные сборища Альянса. Члены Федерального совета внесли на них предложение распустить Альянс. Чтобы не отклонить этого предложения, его ловко обошли. Два месяца спустя, 2 июня, те же граждане в качестве руководителей Альянса в Испании и от имени его мадридской секции разослали всем другим секциям циркуляр, в котором они возобновляли свое предложение, обосновывая его следующим образом:

«Альянс уклонился с того пути, по которому, по нашему мнению, он должен был следовать в нашей стране; он исказил идею, которая вызвала его к жизни, и вместо того чтобы быть составной частью нашего великого Товарищества, активным элементом, который толкает вперед различные организации Интернационала, помогая им и способствуя их развитию, Альянс совершенно отделился от остальной части Товарищества и превратился в обособленную, как бы высшую организацию, стремящуюся все себе подчинить; тем самым он внес недоверие, раздоры и раскол в нашу среду... В Сарагосе, вместо того чтобы вносить предложения и помогать решать вопросы, Альянс, напротив, лишь чинил препятствия важной работе съезда».

Из всех секций Альянса в Испании одна только секция в Кадисе ответила на этот циркуляр, сообщив о своем роспуске. На следующий же день Альянс снова добился исключения из Мадридской федерации Интернационала лиц, подписавших циркуляр от 2 июня. В качестве предлога была использована статья в «Emancipacion» от 1 июня, которая требовала произвести расследование

* См. настоящий том, стр. 451—452. *Ред.*

«об источниках богатства министров, генералов, административных чиновников, должностных лиц, мэров и т. д... а также всех тех политических деятелей, которые, не занимая государственных постов, жили под крылышком правительств, поддерживая их в кортесах и прикрывая их беззакония маской мнимой оппозиции... Конфискация имущества этих лиц должна быть первой мерой, которая будет проведена на другой день после революции»[336].

Альянс, увидевший в этой статье прямое нападение на своих друзей из республиканской партии, обвинил редакторов «Emancipacion» в измене делу пролетариата под тем предлогом, что, требуя конфискации имущества расхитителей государственного достояния, они признают тем самым частную собственность. Не может быть лучшего доказательства реакционности, которая кроется за революционным шарлатанством Альянса и которую он хотел бы привить рабочему классу. И не может быть лучшего свидетельства недобросовестности альянсистов, чем исключение как защитников частной собственности тех самых людей, которых они предавали анафеме за их коммунистические идеи.

Это новое исключение было нарушением существующего устава, предписывающего образование суда чести, в состав которого обвиняемый вводит от себя двух присяжных из семи и чье решение он может обжаловать на общем собрании секции. Вместо этого Альянс, не желая быть стесненным в своей автономии, декретировал исключение на том же собрании, на котором выдвинул обвинение. Из 130 членов, входивших в состав секции, присутствовало только 15 столковавшихся между собой лиц. Исключенные апеллировали к Федеральному совету.

Этот совет в результате махинаций Альянса был переведен в Валенсию. — Из двух членов бывшего Федерального совета, переизбранных на съезде в Сарагосе, Мора не принял избрания, а Лоренцо почти сразу подал в отставку. С этого момента Федеральный совет был и душой и телом предан Альянсу. Поэтому на апелляцию исключенных он ответил заявлением о своей некомпетентности, хотя статья 7 устава Испанской федерации вменяла ему в обязанность временно исключать всякую местную федерацию, которая нарушит устав, оставляя за ней право обжаловать это решение на очередном съезде. После этого исключенные образовали «Новую федерацию» и потребовали у совета ее признания, но совет, основываясь на автономии секций, категорически отказал им в этом. Новая мадридская федерация обратилась тогда к Генеральному Совету, который принял ее на основании раздела II, статьи 7 и раздела IV, статьи 4 Организационного регламента[337]. Общий конгресс в Гааге

одобрил это решение и *единогласно* признал действительным мандат делегата Новой мадридской федерации*.

Альянс понял все значение этого первого движения протеста; он понял, что если не задушить его в самом зародыше, то Интернационал в Испании, до тех пор столь послушный, ускользнет из его рук; он пустил в ход все свои средства, честные и бесчестные. Он начал с клеветы. Имена исключенных (Анхель и Франсиско Мора, Хосе Меса, Виктор Пахес, Иглесиас, Саенс, Кальеха, Паули и Лафарг), снабженные эпитетом предателей, печатались в газетах и вывешивались в помещениях секций. Мора, который бросил свою работу, чтобы выполнять обязанности генерального секретаря, и в течение многих месяцев получал поддержку от брата, так как не было средств, из которых можно было бы выплачивать ему содержание, был обвинен в том, что он якобы жил за счет Интернационала. Про Меса, который, чтобы заработать на жизнь, редактирует журнал мод и только что перевел статью для одного иллюстрированного журнала, говорили, что он продался буржуазии. Лафарга обвинили как в смертном грехе в том, что он при помощи обеда, достойного Гаргантюа, подверг искушению св. Антония слабую плоть двух членов нового альянсистского Федерального совета, Мартинеса и Монторо, как будто совесть помещалась у них в чреве. Мы говорим здесь только о публичной клевете, появившейся в печати. Так как эти меры не произвели желаемого действия, то перешли к запугиванию. В Валенсии Мора завлекли в засаду, устроенную членами Федерального совета, которые поджидали его там с дубинками в руках. Его выручили члены местной федерации, которым знакомы приемы этих господ и которые утверждают, что Лоренцо подал в отставку под влиянием таких же сногсшибательных аргументов. Вскоре после этого подобное же покушение было совершено в Мадриде на Иглесиаса. Альянсистская конгрегация, включив газету «Emancipacion» в список запрещенных книг, подвергла ее осуждению всех правоверных; в Кадисе, чтобы вселить спасительный страх в души грешников, было объявлено, что каждый продающий «Emancipacion» будет изгнан из Интернационала как предатель. Альянсистская анархия находит свое осуществление в инквизиторской практике.

Альянс, по своему обыкновению, стал добиваться того, чтобы вся делегация от испанских организаций Интернационала на Гаагский конгресс состояла из членов Альянса. С этой целью Федеральный совет разослал секциям негласный циркуляр,

* — П. Лафарга. *Ред.*

существование которого он тщательно скрывал от Новой мадридской федерации. В этом циркуляре предлагалось послать на конгресс общую делегацию, избранную голосами всех членов Интернационала, и произвести поголовный сбор в 25 сантимов с человека для покрытия расходов. Так как местные федерации не имели времени договориться между собой относительно кандидатур, то было ясно, как это в действительности и оказалось, что избраны будут официальные кандидаты Альянса, которых пошлют на конгресс за счет Интернационала. Этот циркуляр попал все же в руки Новой мадридской федерации и был переслан Генеральному Совету, который, зная, что Федеральный совет находится в подчинении у Альянса, решил, что пришло время действовать, и обратился к Испанскому федеральному совету с письмом, в котором было сказано:

«Граждане! У нас имеются доказательства, что внутри Интернационала, и в частности в Испании, существует тайное общество, называющее себя Альянсом социалистической демократии. Это общество, центр которого находится в Швейцарии, считает своей специальной миссией направлять наше великое Товарищество в соответствии со своими особыми тенденциями и вести его к целям, совершенно неизвестным огромному большинству членов Интернационала. Более того, мы знаем из севильской «Razon», что по меньшей мере три члена вашего совета принадлежат к Альянсу...

Если организация и характер этого общества, когда оно было еще открытым, уже противоречили духу и букве нашего Устава, то его тайное существование внутри Интернационала, вопреки данному обязательству, равносильно прямой измене нашему Товариществу. Интернационал знает лишь одну категорию членов, с равными для всех правами и обязанностями; Альянс же делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, само существование которой им неизвестно. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения *истину, справедливость и нравственность;* Альянс обязывает своих сторонников скрывать от непосвященных членов Интернационала существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий»[*].

Генеральный Совет затребовал у них, кроме того, некоторые материалы для расследования об Альянсе, которые он собирался

[*] См. настоящий том, стр. 116—117. *Ред.*

представить Гаагскому конгрессу, а также объяснения по поводу того, каким образом они согласуют со своими обязанностями по отношению к Интернационалу наличие в составе Федерального совета по меньшей мере трех заведомых членов Альянса.

Федеральный совет ответил уклончивым письмом, в котором, тем не менее, признал существование Альянса.

Так как махинации, о которых мы говорили, казались недостаточными для обеспечения успеха на выборах, Альянс пошел на то, чтобы в своих газетах выставить официальные кандидатуры Фарга, Алерини, Сориано, Марселау, Мендеса, Мораго. В результате голосования Марселау получил 3568 голосов, Мораго — 3442, Мендес — 2850, Сориано — 2751 голос. Из других кандидатов Лостау получил 2430 голосов в четырех каталонских городах, которые, очевидно, не были еще достаточно дисциплинированы; Фустер — 1053 голоса в Сансе, в Каталонии. Ни один из остальных кандидатов не собрал более 250 голосов. Чтобы обеспечить избрание Фарга и Алерини, Федеральный совет предоставил городу Барселоне, где Альянс господствовал, привилегию непосредственно избрать своих делегатов, которыми естественно оказались Алерини и Фарга. — Тот же официальный циркуляр констатирует, что четыре каталонских города, которые выдвинули Лостау и Фустера и отвергли, таким образом, официальных кандидатов Альянса, уплатили 2654 реала (663 фр. 50 сант.) на покрытие расходов делегации, тогда как другие города Испании, где Альянс смог провести своих кандидатов из-за того, что рабочие не привыкли сами вести свои собственные дела, внесли всего лишь 2799 реалов (699 фр. 75 сант.). Новая мадридская федерация имела полное основание утверждать, что на деньги членов Интернационала в Гаагу посылались делегаты Альянса. Помимо всего этого, альянсистский федеральный совет не уплатил полностью членских взносов, которые надлежало внести Генеральному Совету.

Всего этого Альянсу было еще мало. Он хотел, чтобы его делегаты имели альянсистский императивный мандат; вот каким образом он его раздобыл. В циркуляре от 7 июля Федеральный совет потребовал и получил разрешение свести в один общий мандат все императивные мандаты, данные местными федерациями. Этот маневр, худший, чем бонапартовский плебисцит[338], позволил Альянсу составить для своей делегации мандат, который он намеревался навязать конгрессу, запретив своим делегатам участвовать в голосовании, если не будет немедленно изменен способ голосования, предписанный Интернационалу

его Организационным регламентом. Это была только мистификация, доказательством чего служит тот факт, что на конгрессе в Сент-Имье испанские делегаты, вопреки своему мандату, участвовали в голосованиях, которые проводились по федерациям, способ голосования, столь восхваляемый Кастеларом и практикуемый Лигой мира*.

* *Сентиньон* — барселонский врач, личный друг Бакунина и один из основателей Альянса в Испании, задолго до Гаагского конгресса советовал членам Интернационала не платить членских взносов Генеральному Совету потому, что тот затратит их на покупку оружия. Он пытался помешать Интернационалу в Испании выступить в защиту дела побежденной Коммуны; посаженный в тюрьму за нарушение закона о печати, он выпустил манифест, в котором храбро отрекался от преследуемого в то время Интернационала; в связи с этим все рабочие Барселоны от него отвернулись, но он тем не менее продолжал оставаться одним из тайных вождей Альянса; это видно из того, что 14 августа 1871 г., через три месяца после падения Коммуны, член Альянса Монторо в письме к одному члену Альянса ссылается на Сентиньона как на человека, который может рекомендовать его и подтвердить его принадлежность к Альянсу.

Виньяс — студент-медик, которого Сентиньон в письме от 26 января 1872 г. рекомендовал Либкнехту как «душу Интернационала в Барселоне», вышел из Интернационала в период преследований против него, чтобы не компрометировать своей семьи, хотя полиция даже не потрудилась посадить его в тюрьму.

Фарга Пелисер — также один из главарей Альянса, в том же письме Сентиньона обвиняется в том, что во время преследований он удрал, предоставив другим отвечать перед судом за его статьи. Заячья храбрость альянсистов всегда и повсюду отважно отстаивает свою антиавторитарную автономию. Их протест против авторитарной власти буржуазного государства выражается в том, что они обращаются в бегство.

Сориано — другой главарь, профессор... тайных наук, вышел из Интернационала в разгар преследований. На съезде в Сарагосе он имел печальное мужество воспротивиться открытому ведению заседаний, которого требовал Лафарг и другие делегаты, потому что считал неблагоразумным вызывать гнев властей. В последнее время, при Амадее, Сориано принял от правительства должность.

Мораго — лавочник и завсегдатай кабаков, сохраняет свою автономию профессионального игрока за счет труда своей жены и подмастерьев. Когда Федеральный совет эмигрировал в Лиссабон, он дезертировал с поста члена совета и предложил выбросить бумаги Интернационала в море. Когда Сагаста объявил Интернационал вне закона, Мораго снова дезертировал с поста члена Мадридского местного совета и укрылся от бури в гавани Альянса. Не имея Христа, Альянс изобилует св. Петрами.

Клементе Бове — председатель союза фабричных рабочих Каталонии (las tres clases de vapor[339]) был смещен и изгнан со своего поста за слишком автономное обращение с кассой.

Дионисио Гарсиа Фрайле, которого орган Альянса «Federacion» в номере от 28 июля 1872 г., где он опубликовал длинное письмо, полное нападок на Новую мадридскую федерацию, величает «нашим дорогим коллегой», служил в полиции в Сан-Себастьяне и обокрал кассу секции Интернационала.

V

АЛЬЯНС В ИТАЛИИ

В Италии Альянс предшествовал Интернационалу. Папа Михаил жил здесь и установил многочисленные связи среди радикальной буржуазной молодежи. Первая секция Интернационала в Италии — секция в Неаполе — с самого своего основания находилась под руководством этих буржуазных и альянсистски-х элементов. Один из основателей Альянса, адвокат Гамбуцци* провел в президенты секции своего «образцового рабочего» Капоруссо. На Базельском конгрессе Бакунин рука об руку со своим верным Капоруссо представлял неаполитанских членов Интернационала, в то время как Фанелли**, этот Антонелли Альянса, делегат рабочих ассоциаций, организованных вне Интернационала, задержался в пути из-за болезни.

Близость к святейшему отцу вскружила голову нашему бравому Капоруссо. Вернувшись в Неаполь, он возомнил себя выше всех остальных альянсистов; в секции он держался хозяином.

* «Одним из самых горячих сторонников Капоруссо был адвокат Карло Гамбуцци, который считал, что нашел в его лице образцового президента секции Интернационала. Гамбуцци дал ему необходимые средства для поездки на Базельский конгресс. А когда на общем собрании секции было решено исключить Капоруссо, Гамбуцци решительно воспротивился тому, чтобы этот факт был опубликован в бюллетене, и убедил своих друзей не настаивать на опубликовании также и другого позорного факта: присвоения 300 франков» (письмо Кафьеро, 12 июля 1871 г.)[340].

** Фанелли уже давно является членом итальянского парламента. Запрошенный по этому поводу Гамбуцци заявил, что быть депутатом — превосходная вещь; это делает вас неприкосновенным для полиции и позволяет бесплатно разъезжать по всем итальянским железным дорогам. Альянс запрещает рабочим всякое политическое выступление, так как требовать от какого-нибудь государства ограничения рабочего времени женщин и детей значило бы признать государство и преклониться перед началом зла; но буржуазные руководители Альянса получают папское отпущение, позволяющее им заседать в парламенте и пользоваться привилегиями, которые предоставляют им буржуазные государства. Атеистическая и анархическая деятельность Фанелли в итальянском парламенте ограничивалась до сих пор высокопарным восхвалением авторитариста Мадзини, девиз которого «Dio e Popolo» [«Бог и народ»].

«Поездка в Базель совершенно изменила Капоруссо... Он вернулся с конгресса со странными идеями и претензиями, резко противоречащими принципам нашей ассоциации. Сперва вполголоса, а затем открыто, властным тоном он заговорил о полномочиях, которых он не имел и не мог иметь; он утверждал, что Генеральный Совет доверяет только ему одному и что в случае, если секция не будет его слушаться, он уполномочен распустить ее и основать новую» (официальный отчет неаполитанской секции Генеральному Совету в июле 1871 г., составленный и подписанный альянсистским адвокатом Кармело Палладино).

Полномочия Капоруссо исходили, очевидно, от центрального комитета Альянса, так как Интернационал таких полномочий не давал никогда. Бравый Капоруссо, который видел в Интернационале только источник личной наживы, назначил своего зятя, бывшего иезуита и бывшего священника,

«профессором Интернационала и заставил несчастных рабочих выслушивать его тирады об уважении к собственности и прочие благоглупости буржуазной политической экономии» (письмо Кафьеро)*.

После этого он продался капиталистам, которых беспокоили успехи Интернационала в Неаполе. По их приказанию он вовлек в совершенно безнадежную стачку неаполитанских скорняков. Посаженный в тюрьму вместе с тремя другими членами секции, он присвоил себе 300 фр., посланных секцией на содержание четырех заключенных. Эти славные подвиги привели к его исключению из секции, которая продолжала существовать, пока не была разогнана силой (20 августа 1871 года). Но Альянс, ускользнув от преследований полиции, воспользовался этим для того, чтобы занять место Интернационала. Посылая официальный-отчет, выдержки из которого приводились выше, Кармело Палладино 13 ноября 1871 г. протестовал против Лондонской конференции в тех же выражениях и приводя те же аргументы, которые мы находим в датированном днем раньше сонвильерском циркуляре.

В ноябре 1871 г. в Милане образовалась секция, состоявшая из самых различных элементов[342]. Наряду с рабочими, главным образом, механиками, привлеченными Куно, в ней были студенты, журналисты мелких газет, мелкие служащие, находив-

* Получив отпор в Неаполе, Капоруссо два года спустя имел бесстыдство навязывать этого самого субъекта Генеральному Совету, рекламируя его следующим образом: «Гражданин президент Интернационала! Великая проблема труда и капитала, обсуждавшаяся на рабочем конгрессе в Базеле и занимающая ныне умы всех классов, в настоящее время разрешена. Человек, посвятивший себя изучению сложной проблемы социального вопроса, — мой зять, муж моей дочери; изучив постановления названного конгресса и призвав на помощь науку, он нашел нить запутанного узла, что дает возможность установить полное равновесие между рабочей семьей и буржуазией в соответствии с правами каждой» и т. д. (подписано: Стефано Капоруссо)[341].

шиеся всецело под влиянием Альянса. Куно, вследствие своего германского происхождения, не был посвящен в тайны Альянса; тем не менее, он имел возможность убедиться, что после паломничества в Локарно, в этот Рим альянсистов, эта буржуазная молодежь организовалась в секцию тайного общества. Вскоре после этого (февраль 1872 г.) Куно был арестован и выслан итальянской полицией; благодаря этой помощи свыше Альянс получил свободу действий и понемногу подчинил себе миланскую секцию Интернационала.

8 октября 1871 г. в Турине образовалась Рабочая федерация[343]; она обратилась к Генеральному Совету с просьбой о приеме в Интернационал. Ее секретарь Карло Терцаги писал дословно: «Attendiamo i vostri ordini» — ждем ваших *распоряжений.* В подтверждение того, что Интернационал в Италии с первых же шагов должен был пройти через бюрократические инстанции Альянса, он сообщал, что

«Совет получит через Бакунина письмо от рабочего Товарищества в Равенне, которое объявляет себя секцией Интернационала».

4 декабря Карло Терцаги сообщил Генеральному Совету, что Рабочая федерация раскололась, так как большинство ее оказалось мадзинистским, и что меньшинство образовало секцию под названием Освобождение пролетария. Он пользовался случаем, чтобы попросить у Совета денег для своей газеты «Proletario». В задачи Генерального Совета не входила денежная поддержка печати; но в Лондоне существовал комитет, занимавшийся сбором средств для оказания помощи прессе Интернационала. Комитет уже собирался послать субсидию в размере 150 фр., когда «Gazzettino Rosa» сообщила, что туринская секция открыто встала на сторону юрцев и решила послать делегата на всемирный конгресс, созываемый Юрской федерацией. Спустя два месяца, Терцаги хвастался перед Реджисом, что он провел это решение после того, как лично получил в Локарно инструкции от Бакунина. Ввиду такого враждебного отношения к Интернационалу комитет денег не послал.

Хотя Терцаги и был в Турине правой рукой Альянса, но настоящим папским легатом там был некий Якоби, выдававший себя за польского врача. Чтобы объяснить ненависть, которую он питал к мнимому пангерманизму Генерального Совета, этот альянсистский доктор обвинял его

«в нерадивости и бездеятельности во время франко-прусской войны; Совет повинен в гибели Коммуны потому, что он не сумел использовать своей огромной силы для поддержки движения в Париже; а его германофильские тенденции бросаются в глаза, если вспомнить о том, что под

стенами Парижа, в германской армии, находилось 40000 членов Интернационала» (!), «а Генеральный Совет не смог или не захотел использовать свое влияние для того, чтобы воспрепятствовать продолжению войны» (!! — доклад Реджиса Генеральному Совету от 1 марта 1872 года[344]).

Смешивая Генеральный Совет с комитетом помощи печати, он обвинял Совет в том, что, отказывая в 150 фр. альянсисту Терцаги, он «следует теории продажных и подкупающих правительств». В доказательство того, что эта жалоба исходит из глубины души Альянса, Гильом счел своим долгом повторить ее на Гаагском конгрессе.

В то время как в своей газете Терцаги публично бил в антиавторитарный барабан Альянса, он же тайком писал Генеральному Совету, требуя, чтобы тот авторитарно отказался принять взносы от Рабочей федерации Турина и по всем правилам исключил бы журналиста Бегелли, который даже не был членом Интернационала. Тот же Терцаги, «приятель (amicone) туринского префекта полиции, угощавшего его при встречах вермутом» (официальный отчет федерального совета в Турине, 5 апреля 1872 г.), выдал на открытом собрании присутствие эмигранта Реджиса, посланного в Турин Генеральным Советом. Получив такие указания, полиция немедленно бросилась по следам Реджиса, которому удалось перебраться через границу только благодаря помощи секции.

Свою альянсистскую миссию Терцаги в Турине завершил следующим образом. Когда против него были выставлены тяжкие обвинения, «он пригрозил сжечь книги секции, если его не переизберут секретарем и если секция не будет подчиняться ему и признавать его авторитет или вынесет ему порицание. Во всех этих случаях он угрожал отомстить, став агентом полиции (questurino)» (отчет федерального совета в Турине, цитированный выше). Терцаги имел все основания попытаться запугать секцию. В качестве кассира и секретаря он произвел в кассе слишком значительные альянсистские хищения. Несмотря на категорическое запрещение Совета, он установил себе жалованье в 90 франков; он внес как выплаченные в бухгалтерские книги такие суммы, которые не были уплачены, а исчезли из кассы. Составленный им самим отчетный баланс показывал кассовую наличность в 56 фр., которых на деле не обнаружили и возместить которые он отказался, равно как и оплатить полученные от Генерального Совета 200 марок для сбора членских взносов. Общее собрание единогласно изгнало (scaccio) его (цитированный выше отчет). Альянс, всегда уважающий автономию секций, утвердил это исключение, немедленно добившись избрания Терцаги почетным членом флорен-

тийской секции, а несколько позднее делегатом этой секции на конференции в Римини.

Несколько дней спустя в письме от 10 марта Терцаги следующим образом объясняет Генеральному Совету свое исключение: он отказался от членства и от поста секретаря этой секции негодяев и шпионов (canaglia et mardocheria), потому что она «состояла из правительственных агентов и мадзинистов» и потому что ему пытались вынести порицание «знаете за что? — за то, что я проповедовал войну против капитала!» (которую он осуществлял в кассе секции). Этим письмом он хотел доказать, что Генеральный Совет был странным образом введен в заблуждение в оценке бравого Терцаги, не желающего ничего другого, как стать его покорным слугой. Разве он «не заявлял всегда, что для того, чтобы быть членом Интернационала, необходимо уплачивать членские взносы Генеральному Совету», — вопреки тайным распоряжениям Альянса.

«Если мы примкнули к юрскому съезду, то не для того, чтобы объявить вам войну, дорогие друзья, мы просто плыли по течению; мы стремились внести примирение и разрешить конфликт. Что касается централизации секций, без лишения их, однако, некоторой присущей им автономии, то я нахожу ее чрезвычайно полезной». — «Я надеюсь, что высший Совет откажет в приеме мадзинистской Рабочей федерации; будьте уверены, что никто не посмеет обвинить вас в авторитарности; я принимаю на себя всю ответственность за это... Я хотел бы получить, если возможно, точную биографию Карла Маркса; у нас в Италии нет его аутентичной биографии, и я хотел бы первый удостоиться этой чести».

Что же означает все это угодничество?

«Не ради меня, а ради дела, чтобы не уступить место моим многочисленным врагам, чтобы доказать им, что Интернационал сплочен, я настоятельно прошу вас, если еще не поздно, прислать мне субсидию и 150 фр., которую высший Совет мне назначил».

Уверенный в своей безнаказанности Терцаги новыми проделками, по-видимому, поставил себя во Флоренции в такое невозможное положение, что даже Fascio Operaio* был вынужден от него отречься. Будем надеяться, что Юрский комитет сумеет лучше оценить его заслуги.

Если в лице Терцаги Альянс нашел своего истинного представителя, то самую подходящую для себя почву он нашел в Романье. Альянс основал там свою группу секций, выдававших себя за секции Интернационала; их первым правилом было — не подчиняться Общему Уставу, не сообщать о своем возникновении и не платить взносов Генеральному Совету. Это были подлинно автономные секции. Они приняли название «Рабочий

* — Рабочий союз. *Ред.*

союз» и служили центрами объединения для различных рабочих обществ. На вопрос:

«Следует ли в общих интересах и для обеспечения полной автономии «Рабочего союза» подчинить его руководству лондонского Генерального комитета или Юрского комитета или же надо сохранить полную независимость, поддерживая сношения с обоими комитетами?» —

их первый съезд, состоявшийся в Болонье 17 марта 1872 г., ответил следующей резолюцией:

«Съезд рассматривает лондонский Генеральный Совет и Юрский комитет только лишь как простые корреспондентские и статистические бюро; он поручает своему местному представительству в Болонье связаться с ними обоими и о результатах сообщить секциям».

«Рабочий союз» совершил колоссальную оплошность, раскрыв перед непосвященными таинственное существование секретного центра Альянса. Юрский комитет оказался вынужденным публично отрицать свою тайную деятельность. — Что касается Генерального Совета, то болонское представительство ни разу не давало ему о себе знать.

Как только Альянс узнал о созыве конгресса в Гааге, он выдвинул на авансцену свой «Рабочий союз», который во имя своего автономного авторитета или авторитарной автономии присвоил себе титул итальянской федерации и созвал на 5 августа конференцию в Римини. Из 21 секции, представленных в Римини, только одна неаполитанская в свое время входила в Интернационал, тогда как ни одна из действительно активных секций Интернационала, даже миланская секция, не была там представлена. Эта конференция раскрыла намеченный Альянсом план кампании в следующей резолюции:

«Принимая во внимание, что Лондонская конференция (сентябрь 1871 г.) своей резолюцией IX пыталась навязать всему Международному Товариществу Рабочих авторитарную доктрину, являющуюся доктриной *немецкой коммунистической партии;*

что Генеральный Совет является вдохновителем и защитником этого;

что доктрина *авторитарных коммунистов* является отрицанием революционного чувства итальянского пролетариата;

что Генеральный Совет использовал самые недостойные приемы, вроде клеветы и обмана, с единственной целью навязать всему Международному Товариществу свою особую *авторитарно-коммунистическую* доктрину;

что Генеральный Совет дошел до пределов в своем недостойном поведении, выпустив в Лондоне закрытый циркуляр от 5 марта 1872 г., в котором, продолжая свое дело клеветы и обмана, он обнаруживает всю свою жажду власти, особенно в следующих двух примечательных местах:

«было бы трудно выполнять решения, не имея «морального» авторитета, при отсутствии иного добровольно признаваемого авторитета» («Закрытый циркуляр», стр. 27[*]);

[*] См. настоящий том, стр. 34. *Ред.*

«Генеральный Совет намерен потребовать на очередном конгрессе расследования деятельности этой тайной организации и ее вдохновителей в некоторых странах, например, в Испании» (стр. 31*);

что реакционный дух Генерального Совета вызвал революционное возмущение бельгийцев, французов, испанцев, славян, итальянцев и части швейцарцев и вызвал предложение упразднить Совет и пересмотреть Общий Устав;

что Генеральный Совет не случайно созвал общий конгресс в Гааге, в пункте, наиболее отдаленном от этих революционных стран.

На основании всего этого

конференция торжественно заявляет перед лицом рабочих всего мира, что с этого момента итальянская федерация Международного Товарищества Рабочих порывает всякую солидарность с лондонским Генеральным Советом, одновременно подтверждая экономическую солидарность со всеми рабочими и предлагая всем секциям, не разделяющим авторитарных принципов Генерального Совета, прислать 2 сентября 1872 г. своих представителей не в Гаагу, а в Невшатель (Швейцария), чтобы открыть в тот же день общий антиавторитарный конгресс.

Римини, 6 августа 1872 года. От имени конференции; председатель — Карло Кафьеро, секретарь — Андреа Коста».

Попытка поставить «Рабочий союз» на место Генерального Совета потерпела полный крах. Даже Испанский федеральный совет, простой филиал Альянса, не посмел поставить на голосование испанских членов Интернационала принятую в Римини резолюцию. Тогда, чтобы исправить свой промах, Альянс, не отказываясь все же от созыва своего антиавторитарного конгресса в Сент-Имье, отправился и на Гаагский конгресс.

Италия стала обетованной землей Альянса лишь вследствие особой благодати. Папа Михаил раскрывает нам эту тайну в своем письме к Мора («Документы», № 3):

«В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, *совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода,* молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, в нравственном и умственном отношении не изношена до такой степени, как буржуазная молодежь остальных стран. Теперь она очертя голову бросается в революционный социализм, принимая *всю нашу программу,* программу Альянса. Мадзини, наш *гениальный» (sic)* «и могучий противник, умер, мадзинистская партия совершенно дезорганизована, а Гарибальди все более поддается влиянию той молодежи, которая носит его имя, но которая идет, или вернее бежит, бесконечно дальше его»**.

* См. настоящий том, стр. 39. *Ред.*

** Вот что говорит об этом сам Гарибальди: «Мой дорогой Крешио, сердечное спасибо за «Avvenire Sociale», которую Вы прислали мне и которую я с интересом прочту. Вы хотите в своей газете вести войну против лжи и рабства; это прекрасная программа. Но я полагаю, что борьба с принципом авторитета является одной из тех ошибок Интернационала, которые мешают его успехам. Парижская Коммуна пала потому, что в Париже не было никакой авторитетной власти, а лишь одна анархия. Испания и Франция страдают от того же зла. Желаю успеха «Avvenire» и остаюсь Вашим Дж. Гарибальди».

Святой отец прав. В Италии Альянс является не «рабочим союзом», а сбродом деклассированных элементов. Всеми этими мнимыми секциями Интернационала в Италии руководят адвокаты без, клиентуры, врачи без пациентов и без знаний, студенты из биллиардных, коммивояжеры и другие торговые служащие, а главным образом журналисты мелких газет с более или менее сомнительной репутацией. Италия — единственная страна, в которой пресса Интернационала, или называющая себя так, приобрела характер, свойственный газете «Figaro». Достаточно взглянуть на почерк секретарей этих мнимых секций, чтобы убедиться, что он всегда выдает либо конторского служащего, либо профессионала пера. Завладев, таким образом, всеми официальными постами в секциях, Альянс смог принудить итальянских рабочих, всякий раз когда они желали вступить в сношения друг с другом или с другими советами Интернационала, прибегать к услугам деклассированных членов Альянса, которые нашли в Интернационале и «карьеру» и «выход».

VI
АЛЬЯНС ВО ФРАНЦИИ

Члены Альянса здесь были немногочисленны, но весьма усердны. В Лионе Альянсом руководили Альбер Ришар и Гаспар Блан, в Марселе — Бастелика, все трое активные сотрудники газет, редактируемых Гильомом. Именно благодаря им Альянсу удалось в сентябре 1870 г. дезорганизовать лионское движение; в их глазах это движение имело лишь то значение, что оно давало возможность Бакунину выпустить своп достопамятный декрет об отмене государства. — Деятельность Альянса после поражения лионского восстания прекрасно охарактеризована в следующей выдержке из письма Бастелика (Марсель, 13 декабря 1870 года):

> «Наша действительная сила среди рабочих огромна; но наша секция со времени последних преследований еще не реорганизована. Мы не решаемся этого сделать из-за опасения, чтобы в *отсутствие руководителей люди не разложились*. Мы выжидаем».

Тот факт, что Бастелика был зачислен в маршевый полк и в любой момент мог быть удален из Марселя, служил для него достаточным основанием к тому, чтобы не допускать реорганизации секции Интернационала: настолько необходимым для ее автономии считал он присутствие альянсистских руководителей. — Наиболее очевидным результатом деятельности Альянса была дискредитация в глазах лионских и марсельских рабочих того Интернационала, представителем которого он как всегда и повсюду якобы являлся.

Конец Ришара и Блана известен. Осенью 1870 г. они появились в Лондоне и пытались вербовать среди французских эмигрантов пособников для бонапартистской реставрации. В январе 1872 г. они опубликовали брошюру: Альбер Ришар и Гаспар Блан. *«Империя и новая Франция. Призыв народа и молодежи, к совести французов»*. Брюссель, 1872[345].

С присущей шарлатанам из Альянса скромностью они провозглашают:

«Мы, организовавшие великую армию французского пролетариата... мы, самые влиятельные вожди Интернационала во Франции... мы, к счастью, не расстреляны, и мы находимся здесь, чтобы перед лицом их *(тщеславных парламентариев, сытых республиканцев, мнимых демократов всякого рода)* водрузить знамя, под сенью которого мы сражаемся, и, невзирая на ожидающие нас клевету, угрозы и всякого рода нападки, бросить изумленной Европе клич, исходящий из глубины нашего сознания, клич, который скоро найдет отклик в сердцах всех французов: ***Да здравствует император!»***

Мы не будем рассматривать вопроса о том, действительно ли эти два члена Альянса, ставшие сторонниками империи вследствие «естественного развития своих идей», являются просто «негодяями», как их назвал в Гааге их бывший друг Гильом, или же они получили от альянсистского папы специальное поручение вступить в ряды бонапартистских агентов. Документы русского Альянса, которые в соответствии с тайным уставом разоблачают тайну тайн этого таинственного общества и которые мы приводим ниже в отдельных выдержках, прямо говорят о том, что интернациональные братья должны проникать всюду и могут даже получить приказание поступить на службу в полицию. Впрочем, преклонение этих двух братьев перед своим крестьянским императором не превосходит преклонения Бакунина в 1862 г. перед его крестьянским царем.

В тех городах Франции, куда члены Альянса не проникли, Интернационал со времени падения Коммуны развивался быстро. На конгрессе в Гааге секретарь для Франции[*] смог сообщить, что Интернационал имеет свои организации более чем в тридцати департаментах. Два главных корреспондента Альянса для Франции — Бенуа Малон и Жюль Гед (подпись последнего стоит под сонвильерским циркуляром), знавшие об этом быстром развитии нашего Товарищества, пытались дезорганизовать его в интересах Альянса. Когда их письма не оказали желаемого действия, были посланы эмиссары, в том числе какой-то русский по фамилии Мечников; но их попытки кончились ничем. Те же самые люди, которые нагло обвиняли Генеральный Совет в том, что он мешает рабочим

«организоваться в каждой стране свободно, стихийно, сообразно особенностям своего духа и местным обычаям» (письмо Геда от 22 сентября 1872 г.)[346], —

говорили рабочим, — как только те начинали организовываться свободно, стихийно и т. д., но в полном согласии с Генераль-

[*] — О. Серрайе. *Ред.*

ным Советом, — что сидящие в Совете немцы их угнетают и что вне их ортодоксальной антиавторитарной церкви нет спасения. Французские рабочие, которые чувствовали на себе только гнет версальцев, пересылали эти письма Генеральному Совету, спрашивая его, что все это значит.

Эта деятельность Альянса во Франции служит лучшим доказательством того, что, как только он терял надежду подчинить себе Интернационал, то начинал против него бороться. Всякая секция, не подчинившаяся его руководству, рассматривалась им как враг, даже больший враг, чем буржуазия. *Кто не с нами, тот против нас,* — таково правило, которое Альянс открыто провозглашает в своих русских манифестах. Успехи общего движения для него несчастье, если это движение не склоняется смиренно под его сектантским ярмом. И как раз в тот момент, когда французский рабочий класс нуждался прежде всего в организации в любой форме, Альянс пришел на помощь Тьеру и помещичьей палате, объявив войну Интернационалу.

Теперь посмотрим, кто были агенты Альянса в его кампании в пользу версальцев.

В Монпелье доверенным лицом г-на Геда был некий Поль Брусс, студент медицинского факультета, который старался вести альянсистскую пропаганду по всему департаменту Эро, где Гед прежде редактировал газету «Droits de l'Homme»[347]. Незадолго до Гаагского конгресса, когда члены Интернационала юга Франции сговорились устроить складчину для посылки общего делегата на конгресс, Брусе пытался уговорить секцию Монпелье не вносить своей доли и не высказываться до тех пор, пока конгресс не решит спорных вопросов. Комитет юга Франции — секция Монпелье, решил потребовать от конгресса исключения Брусса из Интернационала за то, что он «действовал нелояльно, вызвав раскол в секции». Его друг Гед заклеймил это авторитарное покушение на Брусса в корреспонденции, посланной в октябре из Рима в брюссельскую «Liberte»[348], и прямо назвал в ней в качестве подстрекателя Каласа из Монпелье, в то время как Брусса обозначил одними инициалами. Полиция, воспользовавшись этим доносом, установила слежку за Каласом и сейчас же после этого перехватила на почте письмо Serraйе к Каласу, в котором много говорилось о Дантреге из Тулузы. 24 декабря Дантрег был арестован.

Наиболее активными пособниками Альянса в Нарбонне были: Гондрес, разоблаченный как шпион; Бакав, который исполнял в Нарбонне и в Перпиньяне обязанности полицейского агента; де Сен-Мартен — адвокат, корреспондент Малона.

Г-н де Сен-Мартен в 1866 г. хлопотал о месте в министерстве императорского двора и изящных искусств. Когда в 1869 г. он был присужден к штрафу в 800 фр. за нарушение закона о печати, республиканцы сложились, чтобы уплатить за него штраф; но Сен-Мартен вместо того, чтобы употребить эти деньги для уплаты штрафа, потратил их на небольшую экскурсию в Париж за счет рабочих, которые во избежание скандала, должны были провести вторично сбор денег. Вскоре после майских дней 1871 г. тот же Сен-Мартен добивался у версальского правительства должности супрефекта.

Вот и другой агент Альянса: в ноябре 1871 г. Калас писал Серрайе:

«Вы можете рассчитывать на совершенную преданность гражданина Абеля Буске общественному делу, он... председатель социалистического комитета в Безье».

Через два дня, 13 ноября, Серрайе получил следующее заявление:

«Убедившись... что наш общий друг, гражданин Калас, был обманут в своем доверии к г-ну Буске, председателю избирательного комитета в Безье, который совершенно недостоин этого доверия, так как является секретарем главного полицейского комиссара в Безье... в согласии с гражданином Каласом, признавшим ошибку, жертвой которой он стал, мы просим гражданина Серрайе считать недействительным последнее, недавно посланное ему письмо гражданина Каласа и, кроме того, просим его, если это возможно, добиться исключения г-на Буске из Интернационала. По поручению социалистической демократии Безье и Пезенаса» (следуют подписи).

Основываясь на этом заявлении, Серрайе разоблачил в тулузской газете «Emancipation» (19 декабря 1871 г.) этого г-на Буске как агента полиции. — В письме, помеченном: «Нарбонна, 24 июля 1872 г.», указывается, что г-н Буске

«совмещает функции старшего бригадира полиции с функциями разъездного агента женевских раскольников».

Вполне естественно поэтому, что «Bulletin jurassieu» выступил 10 ноября 1872 г. в его защиту[349].

VII
АЛЬЯНС ПОСЛЕ ГААГСКОГО КОНГРЕССА

Как известно, на последнем заседании Гаагского конгресса четырнадцать делегатов, принадлежавших к меньшинству, внесли декларацию протеста против принятых решений. Это меньшинство состояло из следующих делегатов: четырех испанцев, пяти бельгийцев, двух юрцев, двух голландцев и одного американца.

Сговорившись в Брюсселе с бельгийцами относительно основ общего выступления против нового Генерального Совета, юрцы и испанцы выехали в Сент-Имье, Швейцария, на антиавторитарный конгресс, созванный Альянсом с помощью своих приспешников из Римини.

Этому конгрессу предшествовал съезд Юрской федерации, который отверг гаагские решения и в частности резолюцию об исключении Бакунина и Гильома. Вследствие этого федерация была временно исключена Генеральным Советом.

На антиавторитарном конгрессе Альянс был в полном сборе. Наряду с испанцами и юрцами там присутствовало шесть делегатов, представлявших Италию, в их числе Коста, Кафьеро, Фанелли и сам Бакунин. Два делегата претендовали на представительство от «нескольких французских секций», а один — от двух американских секций. Всего было пятнадцать членов Альянса. Этот конгресс предоставил, наконец, Бакунину «все гарантии беспристрастного и серьезного приговора»; на нем царило, конечно, полное единодушие. Эти люди, из которых добрая половина не принадлежала к Интернационалу, присвоили себе звание верховного судилища, призванного вынести окончательный приговор над действиями общего конгресса нашего Товарищества. Они заявили, что решительно отвергают все резолюции Гаагского конгресса и ни в коей мере не признают полномочий избранного им нового Генерального Совета. Наконец, они заключили от имени своих федераций,

не имея на то никаких полномочий, наступательный и оборонительный союз — «Пакт дружбы, солидарности и взаимной защиты»[350] — против Генерального Совета и всех тех, кто признает гаагские решения. Своему абстенционистскому анархизму они дали определение в следующей резолюции, представляющей прямое осуждение Парижской Коммуны:

«Конгресс заявляет, 1) что первой обязанностью пролетариата является разрушение всякой политической власти; 2) что *всякая организация политической власти, якобы временной и революционной, имеющей целью осуществление этого разрушения, явилась бы лишь новым обманом* и была бы так же опасна для пролетариата, как и *все* ныне существующие правительства».

В заключение было постановлено призвать другие автономистские федерации присоединиться к новому *пакту* и созвать через полгода второй антиавторитарный конгресс.

Итак, раскол в Интернационале был провозглашен. С этого момента Юрский комитет открыто взял в свои руки руководство делами раскольников. Та часть Интернационала, которая последовала за ним, представляла собой не что иное, как прежний открытый Альянс, вновь восстановленный и служивший прикрытием и орудием тайного Альянса.

По возвращении в Испанию четверо Эмоновых сыновей испанского Альянса опубликовали манифест, начиненный клеветой на Гаагский конгресс и похвалами в адрес конгресса в Сент-Имье. Федеральный совет поддержал этот пасквиль и по распоряжению швейцарского центра созвал в Кордове на 25 декабря 1872 г. испанский съезд, который должен был бы состояться лишь в апреле 1873 года. Со своей стороны, швейцарский центр поспешил продемонстрировать перед всеми подчиненное положение, занимаемое по отношению к нему этим советом: Юрский комитет через голову Испанского совета разослал всем местным федерациям в Испании резолюции, принятые в Сент-Имье.

На съезде в Кордове из 101 федерации (официальная цифра, приводимая Федеральным советом) представлено было только 36; этот съезд, следовательно, являлся самым настоящим съездом меньшинства. Недавно образованные федерации были представлены многочисленными делегатами; от Алькоя было шесть делегатов, между тем эта федерация никогда раньше не была представлена на испанском съезде; даже во время Гаагского конгресса она еще не существовала, так как не дала испанской делегации ни одного голоса и ни одного сантима. Такие крупные и активные федерации, как Грасия (500 членов), Бадалона (500 членов), Сабадель (125), Санс (1061), блистали своим от-

сутствием. В списке сорока восьми делегатов мы находим имена четырнадцати заведомых членов Альянса; десять из них представляли федерации, членами которых они не состояли и которым они, вероятно, не были известны. Уверенный в сфабрикованном им большинстве, Альянс дал себе там полную волю. Устав Испанской федерации, выработанный в Валенсии и санкционированный в Сарагосе, был отвергнут, Испанская федерация обезглавлена, а ее Федеральный совет заменен простой корреспондентской и статистической комиссией, за которой не оставили даже функций передачи Генеральному Совету взносов от испанских организаций; наконец, с Интернационалом порвали, отвергнув гаагские решения и присоединившись к пакту в Сент-Имье. Анархизм был доведен до того, что за ранее отвергли очередной общий конгресс и заменили его новым *антиавторитарным* конгрессом

«на случай, если первый не восстановит достоинства и независимости Интернационала, отказавшись от признания Гаагского конгресса».

В Гааге Альянс хотел с помощью испанского императивного мандата навязать такой способ голосования, который в тот момент был для него наиболее выгоден; а в Кордове он уже предписывает за девять месяцев вперед, какие решения должен будет принять очередной общий конгресс. Надо признать, что по части автономии секций и федераций дальше идти некуда.

Изгнав из Интернационала Альянс и его вожаков, Гаагский конгресс придал новые силы антиальянсистскому движению в Испании. Кампанию, начатую Новой мадридской федерацией, поддержали федерации Сарагосы, Витории, Алькала-де-Энарес, Грасии, Лериды, Дении, Понт-де-Вилумара, Толедо, Валенсии, новая федерация в Кадисе и т. д. Циркуляр Федерального совета о созыве съезда в Кордове требовал, чтобы съезд взял на себя роль судьи над постановлениями общего конгресса в Гааге. Это было вопиющим нарушением не только Общего Устава, но и местного испанского устава, параграф 13 которого гласит:

«Федеральный совет будет проводить и побуждать других проводить в жизнь решения национальных съездов и *международных* конгрессов».

Новая мадридская федерация ответила на это циркуляром, обращенным к другим местным федерациям, в котором она заявляла, что своим поступком Федеральный совет поставил себя вне Интернационала, и требовала, чтобы они заменили его новым временным советом, обязав его строго соблюдать Устав,

а не пассивно повиноваться приказам Альянса. Это предложение было принято; был назначен новый Федеральный совет с местопребыванием в Валенсии. В своем первом циркуляре (2 февраля 1873 г.) он объявляет себя «верным хранителем Устава Интернационала, выработанного и утвержденного на международных конгрессах и национальных съездах», и решительно протестует против тех, кто хочет сеять «анархию в рядах Интернационала, анархию до революции, разоружение до победы! Какая радость для буржуазии!»[351].

Одновременно с испанцами созвали свой съезд бельгийцы и тоже отвергли гаагские решения. Генеральный Совет ответил им, а также и испанским раскольникам, резолюцией от 26 января 1873 г.[*], в которой заявлял, что «все общества и лица, отказывающиеся признать решения конгресса или сознательно уклоняющиеся от выполнения налагаемых на них Общим Уставом и Регламентом обязанностей, ставят себя тем самым вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами». 30 мая он дополнил это заявление следующей резолюцией[**]:

«Принимая во внимание, что съезд Бельгийской федерации, состоявшийся 25 и 26 декабря 1872 г. в Брюсселе, постановил признать недействительными решения пятого общего конгресса;

что съезд части Испанской федерации, состоявшийся в Кордове с 25 декабря 1872 г. по 2 января 1873 г., постановил не признавать решений пятого общего конгресса и присоединиться к резолюциям собрания, враждебного Интернационалу;

что собрание, состоявшееся в Лондоне 26 января 1873 г., постановило отвергнуть решения пятого общего конгресса;

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, на основании Устава и Организационного регламента, и в соответствии со своей резолюцией от 26 января 1873 г., объявляет:

Все национальные или местные федерации, секции и отдельные лица, принявшие участие в упомянутых выше съездах и собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне или признавшие их решения, *сами поставили себя вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами»*.

Вместе с тем Генеральный Совет снова заявил о том, что не существует никакой итальянской национальной федерации Интернационала, поскольку ни одна из организаций, присваивающих себе это звание, никогда не выполняла ни одного из условий приема и присоединения к Интернационалу, предписанных Уставом и Организационным регламентом; однако

[*] См. настоящий том, стр. 651—652. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 653. *Ред.*

в различных частях Италии существуют секции, выполняющие свои обязательства в отношении Генерального Совета и поддерживающие с ним связь[*].

Со своей стороны, юрцы созвали 27—28 апреля новый съезд в Невшателе. На нем присутствовало девятнадцать делегатов от десяти швейцарских секций и от одной мнимой секции в Эльзасе; две швейцарские секции и одна французская не прислали делегатов. Таким образом, Юрская федерация насчитывала в Швейцарии двенадцать секций. Но делегат от Мутье заявил, что он явился лишь для того, чтобы высказаться за примирение с Интернационалом, и что он имеет императивный мандат, предписывающий ему не принимать участия в работе съезда. Действительно, секция Мутье еще со времени конгресса в Сент-Имье отошла от Юрской федерации. Остается *одиннадцать* секций. Тот факт, что отчет комитета старательно избегает каких-либо данных о внутреннем положении и численности этих секций, дает нам право предположить, что они обладают не большей жизнеспособностью, чем ко времени съезда в Сонвилье. Зато отчет выстраивает в боевом порядке внешние силы юрцев — тех союзников, которых Альянс приобрел после Гаагского конгресса. Это, по словам отчета, почти все федерации Интернационала:

«Италия» — но мы видели, что никакой итальянской федерации не существует.

«Испания» — хотя большинство испанских членов Интернационала и перешло в лагерь раскольников, мы видели выше, что Испанская федерация все еще существует и поддерживает регулярную связь с Генеральным Советом.

«Франция — то, что в ней серьезно организовано», — то есть «французская секция», принесшая извинения съезду в Невшателе за то, что не прислала своего делегата. Мы отнюдь не намерены раскрыть юрцам, что еще сохранилось «серьезно организованного» во Франции вопреки последним преследованиям, которые достаточно ясно показали, на чьей стороне находится серьезная организация, и, как всегда, заботливо обошли тех немногих членов Альянса, которые имеются во Франции.

«Вся Бельгия» — одураченная Альянсом, принципов которого она далеко не разделяет.

«Голландия, за исключением одной секции», — на самом деле *обе* голландские секции присоединились не к пакту Сент-Имье, а к «антисепаратистской» декларации гаагского меньшинства.

[*] См. настоящий том, стр. 654. *Ред.*

«Англия, не считая нескольких раскольников!» — «Раскольники», то есть огромное большинство английских секций Интернационала, созвали 1 и 2 июня свой съезд в Манчестере, на котором присутствовало двадцать шесть делегатов, представлявших двадцать три секции[352]; тогда как «Англия» юрцев не имеет ни секций, ни федерального совета и, конечно, у нее не было и съезда.

«Америка, не считая нескольких раскольников!» — Американская федерация Интернационала существует и действует нормально в полном согласии с Генеральным Советом. Она имеет свой Федеральный совет и свои съезды. «Америка» Юрского комитета — это те самые буржуа, спекулирующие на свободной любви, на бумажных деньгах, на общественных должностях и подкупах, которых на Гаагском конгрессе г-н Уэст представлял так великолепно, что за него не посмели ни высказываться, ни голосовать даже юрские делегаты.

«Славяне», — то есть «славянская секция в Цюрихе», которая, как всегда, претендует на представительство целой нации. Члены Интернационала поляки, русские, славяне, живущие в Австрии и Венгрии, — все открытые противники раскольников, совершенно не принимаются в расчет.

Вот что представляют собой союзники Альянса. Если одиннадцать юрских секций существуют так же реально, как большинство этих союзников, то их комитет имеет полное основание умалчивать о них.

В этом боевом строю Альянса бросается в глаза отсутствие Швейцарии. На то имелись серьезные причины. Месяцем позже, 1—2 июня, в Ольтене состоялся всеобщий швейцарский рабочий съезд для организации сопротивления и стачек[353]. Пятеро юрцев проповедовали на нем евангелие абсолютной автономии секций; они отняли у съезда больше половины его времени. В конце концов пришлось все же перейти к голосованию; в результате — из 80 делегатов 75 голосовало против пяти юрцев, которым ничего другого не осталось, как покинуть зал.

Между тем сам Альянс на своих тайных сборищах, по-видимому, не разделяет тех иллюзий, которые ему хотелось бы внушить публике относительно своих реальных сил. На том же съезде в Невшателе он добился принятия следующей резолюции:

«Принимая во внимание, что, согласно предоставленному Общим Уставом праву, общий конгресс Интернационала собирается ежегодно без специального созыва со стороны Генерального Совета, Юрская федерация предлагает всем федерациям Интернационала собраться на общий конгресс в понедельник, 1 сентября, в одном из швейцарских городов».

А чтобы этот конгресс не повторил «пагубных гаагских ошибок», делегаты от Альянса и их союзники собираются 28 августа на антиавторитарный конгресс. Из прений по поводу этого предложения вытекает,

«что общим конгрессом Интернационала мы будем считать лишь тот, который будет созван непосредственно самими федерациями, а не тот, *который, возможно, попытается созвать так называемый нью-йоркский Генеральный Совет»*.

Итак, перед нами доведенный до конца раскол со всеми вытекающими из этого последствиями. Члены Интернационала соберутся на тот конгресс, который, по поручению предыдущего конгресса, будет созван Генеральным Советом в одном из швейцарских городов по его усмотрению. Альянсисты же со своей свитой одураченных ими людей соберутся на конгресс, который в силу своей автономии они созывают сами. Скатертью дорога.

VIII
АЛЬЯНС В РОССИИ

1. НЕЧАЕВСКИЙ ПРОЦЕСС

О деятельности Альянса в России мы узнали из политического процесса, известного под названием нечаевского дела, которое слушалось в июле 1871 г. в судебной палате в Петербурге. Впервые в России политический процесс слушался перед судом присяжных и при открытых дверях. За немногими исключениями все подсудимые, более восьмидесяти человек, мужчины и женщины, принадлежали к учащейся молодежи. Они просидели в казематах Петропавловской крепости с ноября 1869 по июль 1871 г. в предварительном заключении, к результате которого двое из них умерло, а несколько других сошло с ума. Они вышли из тюрьмы лишь для того, чтобы выслушать приговор, присуждавший их к работам в сибирских рудниках, к каторге и к тюремному заключению на пятнадцать, двенадцать, десять, семь лет и на два года. А те, кто был гласным судом оправдан, были затем сосланы «в административном порядке».

Преступление их заключалось в том, что они принадлежали к тайному обществу, которое узурпировало имя Международного Товарищества Рабочих и в которое они были вовлечены эмиссаром международного революционного комитета, имевшим мандаты якобы с печатью Интернационала. Этот эмиссар заставил их совершить ряд мошенничеств и принудил некоторых из них оказать ему помощь в совершении убийства; это убийство и навело полицию на след тайного общества, но, как обычно бывает, сам эмиссар уже скрылся. В своих розысках полиция обнаружила такую проницательность, что можно предположить наличие подробного доноса. Во всем этом деле роль эмиссара была весьма двусмысленной. Этим эмиссаром был Нечаев, имевший на руках удостоверение-мандат следующего содержания:

«Податель сего является одним из доверенных представителей русского отделения Всемирного революционного альянса, — № 2771».

На этом удостоверении имеются: 1) печать на французском языке: «Европейский революционный альянс, Генеральный комитет»; 2) дата 12 мая 1869 года; 3) подпись: *Михаил Бакунин*[*].

В 1861 г. в ответ на фискальные меры, имевшие целью не допустить неимущую молодежь к высшему образованию, и на дисциплинарные мероприятия, стремившиеся подчинить ее произволу полиции, студенты выразили энергичный и единодушный протест, который с их собраний был вынесен на улицу и вылился во внушительные манифестации. Санкт-Петербургский университет после этого на некоторое время закрыли, а студенты были заключены в тюрьму или сосланы. Такое поведение правительства толкнуло молодежь в тайные общества, что для значительного числа их членов окончилось, разумеется, тюрьмой, изгнанием, ссылкой в Сибирь. Другие, чтобы обеспечить неимущим студентам средства для продолжения образования, основали кассы взаимопомощи. Наиболее серьезные из них решили не давать больше правительству никакого повода к закрытию этих касс, организация которых допускала для решения деловых вопросов проведение небольших собраний. Эти деловые собрания заодно давали возможность обсуждать политические и социальные вопросы. Русская учащаяся молодежь, состоящая большей частью из детей крестьян и прочего неимущего люда, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что мечтала уже о немедленном их осуществлении. С каждым днем это движение все больше разрасталось в учебных заведениях и вливало в русское общество массу неимущей, вышедшей из простого народа, образованной и проникнутой социалистическими идеями молодежи. Идейным вдохновителем этого движения был Чернышевский, в настоящее время находящийся в Сибири[355]. Вот тогда-то Нечаев, используя престиж Интернационала и пыл этой молодежи, попытался убедить студентов в том, что не время больше заниматься такими пустяками, когда существует огромное, входящее в Интернационал тайное общество, разжигающее пламя всемирной революции и готовое к немедленным действиям в России. Ему удалось обмануть нескольких молодых людей и вовлечь их в уголовные преступления, которые дали полиции повод разгромить все это движение учащихся, столь опасное для официальной России.

---

[*] «С.-Петербургские ведомости»[354] №№ 180, 181, 187 и следующие, 1871.

В марте 1869 г. в Женеву приехал молодой русский, который пытался войти в доверие ко всем русским эмигрантам, выдавая себя за делегата петербургских студентов. Он представлялся под разными фамилиями. Некоторые эмигранты достоверно знали, что никакого делегата из Петербурга не посылали; другие после разговора с мнимым делегатом приняли его за шпиона. В конце концов он назвал свою настоящую фамилию: Нечаев. Он рассказывал, что бежал из санкт-петербургской крепости, куда был заключен как один из главных зачинщиков беспорядков, вспыхнувших в январе 1869 г. в учебных заведениях столицы. Некоторые из эмигрантов, отбывшие продолжительное заключение в этой крепости, по опыту знали, что бежать оттуда невозможно; они поэтому понимали, что в этом вопросе Нечаев врал; с другой стороны, поскольку в получаемых ими газетах и письмах, где указывались имена студентов, подвергавшихся преследованию, ни разу не упоминалось о Нечаеве, то они считали рассказы о его мнимой революционной деятельности басней. Но Бакунин с большим шумом стал на сторону Нечаева. Он повсюду заявлял, что тот является «чрезвычайным посланцем большой тайной организации, существующей и действующей в России». Тогда Бакунина стали умолять не сообщать этому человеку имена своих знакомых, которых тот мог бы скомпрометировать. Бакунин обещал; материалы процесса покажут, как он сдержал свое слово.

Во время беседы, которой Нечаев добился от одного эмигранта, он вынужден был признать, что не был делегирован никакой тайной организацией, но, заявил он, у него есть товарищи и знакомые, которых он намерен организовать; он прибавил, что необходимо прибрать к рукам старых эмигрантов, чтобы использовать их авторитет для влияния на молодежь и воспользоваться их типографией и деньгами. Через некоторое время появились «Слова» Нечаева и Бакунина, обращенные к студентам[356]. Нечаев повторяет в них басню о своем побеге и призывает молодежь отдаться революционной борьбе. Бакунин открывает в студенческих волнениях «противогосударственный всеразрушительный дух ... коренящийся в самых глубинах народной жизни»[*]; он поздравляет «своих молодых братьев с их революционными стремлениями... Значит приходит конец этой подлой империи всея Руси!» Его анархизм служит ему предлогом для того, чтобы лягнуть поляков ослиным копытом, обвинив их в том, что они работают только

[*] Надо заметить, что эти «Слова» были опубликованы как раз в момент преследований и приговоров, когда молодежь делала все возможное, чтобы преуменьшить размеры своего движения, которое полиции так выгодно было раздуть.

«над восстановлением своего исторического государства» (!!). — «Они, следовательно, мечтают о новом рабстве для своего народа», и если бы им это удалось, то «они сделались бы столько же нашими врагами, сколько и угнетателями своего собственного народа. Мы стали бы войной против них, во имя социальной революции и общенародной свободы».

Итак, Бакунин вполне согласен с царем, что надо во что бы то ни стало помешать полякам устраивать свои внутренние дела по своему разумению. Во время всех польских восстаний официальная русская пресса всегда обвиняла восставших поляков в том, что они являются «угнетателями своего народа». Трогательное согласие между органами третьего отделения* и локарнским архианархистом!

Положение, в котором находится сейчас русский народ, продолжает Бакунин, похоже на то, которое заставило его поднять восстание при царе Алексее, отце Петра Великого. Тогда во главе народа стал разбойничий атаман, казак Стенька Разин, и указал ему «путь» к «воле». Чтобы подняться сейчас, народ ждет только нового Стеньку Разина; но на этот раз его

«заменит легион бессословной молодежи, живущей уже теперь народной жизнью... Стенька Разин, на этот раз не одинокий, а коллективным» (!) «и тем самым непобедимый герой у нее за плечами. Таким героем является вся эта чудесная молодежь, над которой уже витает его дух».

Чтобы успешно выполнить роль такого коллективного Стеньки Разина, молодежь должна готовить себя невежеством:

«Итак, бросайте же скорее этот мир, обреченный на гибель. Бросайте эти университеты, академии и школы... ступайте в народ», чтобы стать «повивальной бабкой самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Не хлопочите в настоящий момент о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить... Таково убеждение лучших людей на Западе... Рабочий мир в Европе и в Америке зовет вас на братский союз».

В своем тайном уставе Альянс для членов третьей степени указывает, что «принципы этой организации... будут еще яснее изложены в программе русской социалистической демократии». Здесь перед нами начало выполнения этого обещания. Помимо обычных анархистских фраз и шовинистической ненависти к полякам, которую гражданин Б. никогда не умел скрывать, он впервые превозносит здесь русского разбойника как тип подлинного революционера и проповедует русской молодежи культ невежества под тем предлогом, что современная наука — это не что иное, как наука официальная (можно ли представить себе официальную математику, физику или химию?), и что

* Третье отделение императорской канцелярии представляет собой центральное управление тайной политической полиции в России.

таково мнение лучших людей на Западе. И в заключение своей листовки он дает понять, что Интернационал через его посредничество предлагает союз этой молодежи, которой он запрещает даже *науку* невежествующих братьев[357].

Это евангельское «Слово» сыграло большую роль в заговоре Нечаева. Оно таинственно прочитывалось каждому новообращенному перед его посвящением.

Одновременно с этим «Словом» (1869 г.) были выпущены русские анонимные издания: 1) «Постановка революционного вопроса»; 2) «Начала революции»; 3) «Издания общества «Народной расправы»» («Narodnaia rasprava») № 1, лето 1869 г., Москва[358]. — Все эти сочинения печатались в Женеве; это видно из того, что они напечатаны тем же типографским шрифтом, что и другие русские издания в Женеве, — впрочем, факт этот широко известен всей русской эмиграции. Однако это не помешало поставить на первой странице штамп: «Напечатано в России — Gedruckt in Russland», чтобы внушить русским студентам, что тайное общество располагает большими возможностями действовать в самой России.

«Постановка революционного вопроса» сразу же выдает своих авторов. Это — те же фразы, те же выражения, которые употребляли Бакунин и Нечаев в своих «Словах»:

«Нужно уничтожить не только государство, но и кабинетных революционеров-государственников. Мы, разумеется, стоим за народ».

Бакунин, по закону анархистской ассимиляции, ассимилирует себя с учащейся молодежью.

«Само правительство указывает нам путь, по которому *мы* должны идти, чтобы достигнуть *своей,* то есть народной цели. Оно гонит *нас* из университетов, из академий, из школ. Спасибо ему за то, что оно поставило нас на такую славную и крепкую почву. Теперь у нас есть почва под ногами, мы можем действовать. Что же станем мы делать? Учить народ? Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо» (сравните тайный устав, приписывающий массам «народные инстинкты», а посвященным — «революционную идею»). «Мы должны народ не учить, а бунтовать». До сих пор «бунтовал он всегда бесплодно, потому что бунтовал врознь... Мы можем оказать ему чрезвычайно важную помощь: мы можем дать ему то, чего у него до сих пор недоставало и недостаток чего был главной причиной всех его поражений — единство повсеместного движения посредством сплочения его же собственных сил».

Как видим, доктрина Альянса, — анархия снизу, а дисциплина сверху, — предстает здесь во всей своей чистоте. Сначала путем мятежа «разнуздание того, что ныне называется дурными страстями», но «необходимо, чтобы посреди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, был орган, выражающий единство революционной

мысли и действия». Этим органом и будет русская секция всемирного Альянса — *общество Народная расправа.*

Но одной молодежи Бакунину мало. Он зовет под знамя русской секции своего Альянса всех разбойников.

«Разбой — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Разбойник — это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всякого общественного и гражданского строя, установленного государством; боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации... Кто не понимает разбоя, тот ничего не поймет в русской народной истории. Кто не сочувствует ему, тот не может сочувствовать русской народной жизни, и нет в нем сердца для вековых неизмеримых страданий народных. Тот принадлежит к лагерю врагов — к лагерю сторонников государства... Лишь в разбое доказательство жизненности, страсти и силы народа... Разбойник и России настоящий и единственный революционер, — революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый и неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не политический и не сословный... Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один, нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции. В нем, и в нем только одном, существует издавна настоящая революционерная конспирация. Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен идти в этот мир... Следуя пути, указываемому нам ныне правительством, изгоняющим нас из академий, университетов и школ, бросимся, братцы, дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский и, храня Верную крепкую дружбу между собой, сплотим в единую массу все разрозненные мужицкие» (крестьянские) «взрывы. *Превратим* их в народную революцию, осмысленную, но беспощадную»*.

Во второй листовке, «Начала революции», мы находим в развернутой форме отданный в тайных статутах приказ добиться того, чтобы «не осталось... камня на камне». Нужно все разрушить, чтобы достигнуть «совершенной аморфности», ибо если будет сохранена хотя бы «одна старая форма», то она станет «зародышем», из которого возродятся все остальные старые социальные формы. Листовка обвиняет политических революционеров, не берущих всерьез этой аморфности, в обмане народа. Она обвиняет их в том, что они воздвигли

«новые виселицы и эшафоты, на которых казнили уцелевших братьев революционеров... Таким образом, настоящей революции не было еще у народов... Для настоящей революции нужны не личности, стоящие во

* Чтобы одурачить своих читателей, Бакунин смешивает в одну кучу вождей народных восстаний XVII и XVIII веков с современными русскими разбойниками и грабителями. Что касается последних, то чтение книги Флеровского «Положение рабочего класса в России»[359] рассеяло бы иллюзии самых романтических душ насчет этих бедняг, из которых Бакунин собирается сформировать священную фалангу русской революции. Единственная форма разбоя, если не считать, разумеется, разбоя правящих сфер, которая практикуется еще в крупном масштабе в России, это конокрадство, поставленное на коммерческую ногу капиталистами, а «революционеры без фраз» являются в их руках простыми орудиями и жертвами.

главе толпы и ею повелевающие, а скрытые незаметно в самой толпе и незаметно связывающие собой одну толпу с другой, дающие таким образом незаметно одно и то же направление, один дух и характер движению. Такой только смысл имеет введение тайной подготовительной организации и лишь настолько она необходима».

Итак, русской публике и русской полиции выдается существование *интернациональных братьев,* которое так тщательно скрывается на Западе. Далее листовка проповедует систематические убийства и заявляет, что для людей практического дела революции всякие рассуждения о будущем являются

«преступными, потому что они мешают *чистому разрушению,* задерживают ход начала революции. Мы верим только тем, кто фактами заявляет о своей преданности делу революции, не боясь ни пыток, ни заключений, потому мы отрицаем все те слова, за которыми немедленно не следует дело. Бесцельная пропаганда, не задавшаяся определенно временем и местом для осуществления целей революции, нам более не нужна. Мало того, она мешает нам, и мы будем веема силами ей противодействовать... Всех говорунов, кто не захочет понять этого, мы заставим замолчать силой».

Эти угрозы были направлены по адресу тех русских эмигрантов, которые не склонили голову перед папским саном Бакунина и которых он обзывал доктринерами.

«Мы разрываем связь со всеми политическими эмигрантами, которые не захотят вернуться на родину, чтобы стать в наши ряды; а пока эти ряды еще не стали явными, со всеми, которые не будут содействовать **их** открытому выступлению на сцену русской жизни. *Мы делаем исключения для тех эмигрантов, которые уже заявили о себе как о работниках европейской революции.* Дальнейших повторений и воззваний от нас не будет... Имеющий очи и уши увидит и услышит людей дела и если не примкнет к ним, не наша вина в его гибели, как не наша вина, если все, что будет прятаться за кулисами, будет уничтожено хладнокровно, безжалостно имеете с кулисами, которые их скрывают».

Бакунин здесь виден насквозь. Тогда как эмигрантам он предписывает под страхом смерти вернуться в Россию в качестве агентов его тайного общества, — он следует тут примеру русских шпионов, которые предлагали им паспорта и деньги для поездки туда с заговорщическими целями, — самому себе он выдает папское разрешение оставаться преспокойно в Швейцарии в качестве «работника европейской революции» и трудиться там над сочинением манифестов, компрометирующих несчастных студентов, которых полиция держит в своих тюрьмах.

«Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что формы, в которых должна проявляться эта деятельность, могут быть чрезвычайно разнообразны. Яд, нож, петля и т. и. Революция все равно освящает. Итак, поле открыто!.. Пусть же

все здоровые, молодые головы принимаются немедленно за святое дело истребления зла, очищения и просвещения русской земли огнем и мечом, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе».

Прибавим, что в этой возвышенной прокламации неизбежный разбойник фигурирует в лице мелодраматического Карла Моора (из шиллеровских «Разбойников») и что № 2 «Народной расправы»[360], цитируя отрывок из этой листовки, называет ее прямо *«прокламацией Бакунина».*

№ 1 «Изданий общества «Народная расправа»[*]» начинается с заявления, что всенародное восстание русского люда неминуемо и близко.

«Мы, то есть та часть народной молодежи, которой удалось, так или иначе, получить развитие, должны расчистить ему дорогу, то есть устранить все мешающие его продвижению препятствия и приготовить все благоприятные условия... Ввиду этой неминуемости и близости мятежа, мы находим необходимым соединить в одно неразрывное дело все разрозненные революционные усилия в России; вследствие чего постановили издать *от имени революционного центра* листки, из которых каждый из наших единомышленников, разбросанных по разным углам России, всякий из работников святого дела Революции, хотя и неизвестный нам, всегда будет видеть, чего мы хотим и куда мы идем».

Далее листок заявляет:

«Для нас мысль дорога только, поскольку она может служить великому делу *радикального и повсюдного всеразрушения.* Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником... Мы потеряли всякую веру в слова; слово для нас имеет значение только, когда за ним непосредственно следует дело. Но далеко не все, что ныне называется делом, есть дело. Например, скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ без всяких внешних практических проявлений в наших глазах не более как мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению... Не щадя живота и не останавливаясь ни перед какими угрозами, трудностями и опасностями и т. д., мы должны рядом смелых, да, дерзких попыток ворваться в народную жизнь и, возбудив в народе веру в нас и себя, веру в его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его к торжественному совершению его же собственного дела».

Но внезапно революционные фразы «Расправы» превращаются в нападки на «Народное дело» — русский журнал, издававшийся в Женеве и защищавший программу и организацию Интернационала[361]. Для альянсистской пропаганды Бакунина в России, которая велась от имени Интернационала,

[*] Бакунин и Нечаев переводят всегда это выражение как «justice populaire» [«народное правосудие»], но русское слово *«rasprava»* означает не правосудие, а суд, или даже скорее: месть, расплата.

было, как видно, в высшей степени важно заставить замолчать журнал, разоблачавший его обман.

«Если упомянутый журнал будет следовать тому же пути, мы не преминем высказать и выказать к нему свое отношение... Мы уверены, что истинные люди дела отстранят теперь в сторону всякую теорию, тем более доктринерство. Распространению же произведений, хотя и искренних, но прямо противоположных нашему знамени, *мы можем помешать разными практическими способами, которые в наших руках».*

После этих угроз по адресу своего опасного соперника «Народная расправа» продолжает:

«В числе листков, вышедших за последнее время за границей, рекомендуем мы почти безусловно *воззвание Бакунина к учащейся бессословной молодежи...* Бакунин прав, уговаривая вас бросить академии, университеты и школы и идти в народ».

Бакунин, как это видно, никогда не упускает случая воскурить фимиам самому себе.

Вторая статья озаглавлена: «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание *дела».* Выше мы видели, как Бакунин и Нечаев. угрожали издающемуся за границей русскому органу Интернационала; в этой статье, как увидим, они обрушиваются на Чернышевского, человека, который больше всего сделал в России для вовлечения в социалистическое движение той учащейся молодежи, за представителей которой они себя выдают.

«Конечно, мужики никогда не занимались измышлением форм будущего общественного порядка, но тем не менее они по устранении всего мешающего им (то есть после всеразрушительной революции, первого дела, а потому для нас самого главного) сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринерами-социалистами, навязывающимися народу в учителя, а главное в распорядители. Для неиспорченного очками цивилизации народного глаза слишком ясны стремления этих непрошенных учителей оставить себе и подобным *теплое местечко* под кровом науки, искусства и т; п. Для народа не легче, если даже эти стремления являются искренними, наивными, как неотъемлемая принадлежность человека, пропитанного современной цивилизацией. В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Стеньки Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых» (!) «социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского».

Далее следует целая страница ругани по адресу последнего и его товарищей.

Теплое местечко, которое готовил себе Чернышевский, было предоставлено ему русским правительством в сибирской тюрьме, тогда как Бакунин, избавленный в качестве работника европейской революции от такой опасности, ограничивался своими

проявлениями *из-за рубежа.* И как раз в тот момент, когда правительство строго запрещало даже упоминать имя Чернышевского в печати, гг. Бакунин и Нечаев напали на него. Наши «аморфные» революционеры продолжают:

«Мы беремся сломать гнилое общественное здание... Мы из народа, со шкурой, прохваченной зубами современного устройства, руководимые ненавистью ко всему ненародному, не имеющие понятийно нравственных обязанностях и чести по отношению к тому миру, который ненавидим и от которого ничего не ждем кроме зла. Мы имеем только один отрицательный неизменный план — беспощадного разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий как несовместной с нашей деятельностью; и потому считаем бесплодной всякую исключительно теоретическую работу ума... мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя».

Эти два любителя проявлений из-за рубежа намекают, что покушение на царя в 1866 г. относилось к «ряду всеразрушительных актов» их тайного общества:

«Начинание нашего святого дела было положено 4 апреля 1866 г. Каракозовым. С этой поры начинается в молодежи сознание своих революционных сил... Пример, факт! По силе развивающегося значения с ним не может равняться никакая пропаганда».

Затем они составляют длинный список «тварей», которых комитет обрекает на немедленную смерть. У многих «будет вырван язык»... однако,

«мы не будем трогать царя... Мы оставим царя жить до наступления дней народного мужицкого суда; это право принадлежит всему народу... Пусть же живет наш палач до той поры, до той минуты, когда разразится гроза народная»...

Никто не посмеет высказать сомнение в том, что эти русские памфлеты, тайные статуты и все произведения, опубликованные Бакуниным с 1869 г. на французском языке, исходят из одного источника. Напротив, все эти три категории произведений взаимно дополняют друг друга. Они в некотором роде соответствуют трем степеням посвящения пресловутой всеразрушительной организации. Французские брошюры гражданина Б. написаны для рядовых членов Альянса, с предрассудками которых считаются. Им говорят только о чистой анархии, об антиавторитаризме, о свободной федерации автономных групп и о тому подобных безобидных вещах: все это просто галиматья. Тайные статуты предназначаются для интернациональных братьев Запада; анархия превращается здесь в «полное разнуздание народной жизни... дурных страстей», но внутри этой анархии существует тайный направляющий элемент — эти самые братья- им даются лишь кое-какие неопределенные намеки насчет

альянсистской морали, заимствованной у Лойолы; о необходимости не оставить камня на камне упоминается только вскользь, ибо это западные европейцы, воспитанные в филистерских предрассудках и требующие несколько более осторожного подхода. Им говорят, что истина, слишком ослепительная для глаз, еще не привыкших к подлинному анархизму, будет раскрыта во всей полноте в программе русской секции. Только с прирожденными анархистами, с избранным народом, со своей молодежью святой Руси пророк решается говорить откровенно. Здесь анархия превращается уже во всеобщее всеразрушение; революция — в ряд убийств, сначала индивидуальных, затем массовых; единственное правило поведения — возвеличенная иезуитская мораль; образец революционера — разбойник. Здесь мысль и наука решительно запрещаются молодежи как мирские занятия, способные внушить ей сомнение во всеразрушительной ортодоксии. Тем же, кто станет упорствовать в теоретической ереси или вздумает подвергнуть вульгарной критике догматы всеобщей аморфности, грозят святой инквизицией. Перед русской молодежью папе незачем стесняться ни по существу, ни по форме. Он дает волю своему языку. Полное отсутствие идей выражается в такой напыщенной галиматье, что нет возможности передать ее по-французски, не ослабляя ее комичности. Язык его даже не русский, а татарский, как заявил один россиянин. Эти безмозглые людишки, говоря страшные фразы, пыжатся, чтобы казаться в собственных глазах революционными гигантами. Это басня о лягушке и воле.

Какие страшные революционеры! Они хотят уничтожить и сделать аморфным все, «решительно все»; они составляют проскрипционные списки, пуская в ход против своих жертв свои кинжалы, свой яд, свои петли и пули своих револьверов; некоторым они собираются даже «вырвать язык», но они преклоняются перед величием царя. И действительно, царь, чиновники, дворянство, буржуазия могут спать спокойно. Альянс ведет войну не с существующими государствами, а с революционерами, которые не хотят унизиться до роли статистов разыгрываемой им трагикомедии. Мир дворцам, война хижинам? Чернышевского оклеветали; редакторов «Народного дела» предупредили, что их заставят замолчать «разными практическими способами, которые в наших руках»; Альянс грозит смертью всем революционерам, которые не с ним. Вот единственная часть всеразрушительной программы, которую начали выполнять. Мы расскажем теперь о первом их подвиге в этом роде.

С апреля 1869 г. Бакунин и Нечаев приступили к подготовке почвы для революции в России. Они рассылали из Женевы письма, воззвания и телеграммы в С.-Петербург, Киев и другие города. Между тем, им было известно, что нельзя посылать в Россию письма, воззвания, и в особенности телеграммы, без того, чтобы «III отделение» (тайная полиция) не ознакомилось с ними. Все это могло иметь только одну цель — скомпрометировать людей. Эти подлые приемы лиц, которые ничем не рисковали в своей богоспасаемой Женеве, привели к многочисленным арестам в России. А ведь их предупреждали, какую опасность они создают. У нас есть доказательства, что Бакунину было сообщено следующее место из одного письма, присланного из России.

«Ради бога, передайте Бакунину, чтобы он, если для него есть хоть что-либо святое в революции, перестал рассылать свои сумасбродные прокламации, которые приводят к обыскам во многих городах, к арестам и которые парализуют всякую серьезную работу».

Бакунин ответил, что все это выдумка и что Нечаев уехал в Америку. Но, как мы увидим дальше, тайный свод законов Бакунина предписывает «скомпрометировать донельзя... честолюбцев и либералов с разными оттенками... так, чтобы возврат был для них невозможен, и тогда использовать их» («Революционный катехизис», § 19).

Вот одно доказательство. 7 апреля 1869 г. Нечаев пишет г-же Томиловой, жене полковника, умершего впоследствии с горя из-за ареста жены, что «в Женеве дела по горло», и торопит ее прислать туда надежного человека для переговоров с ним. «Дело, о котором придется толковать, касается не одной *нашей торговли,* но и общеевропейской. Здесь дело кипит. Варится такой суп, что всей Европе не расхлебать. Торопитесь же». Следует женевский адрес. Письмо это не дошло по адресу; оно было перехвачено на почте тайной полицией и повлекло за собой арест г-жи Томиловой, которая ознакомилась с ним только во время следствия (отчет о нечаевском процессе, «С.-Петербургские ведомости» № 187, 1871[*]).

А вот еще факт, показывающий осмотрительность, проявленную Бакуниным при организации заговора. Студент Киевской академии Маврицкий получил прокламации, посланные на его имя из Женевы. Он немедленно передал их начальству, которое поспешило послать в Женеву доверенного человека, то есть шпиона. Бакунин и Нечаев сблизились с этим делегатом

[*] Все приводимые нами факты, относящиеся к заговору Нечаева, взяты из отчетов о процессе, публиковавшихся в «С.-Петербургских ведомостях». Мы будем указывать номера газет, откуда они взяты.

от юга России, снабдили его прокламациями, адресами лиц, с которыми Нечаев, по его словам, был знаком в России, и дали ему письмо, которое можно было понять только как доверительное и рекомендательное письмо («С.-Петербургские ведомости» № 187).

3 сентября (15 сентября по новому стилю) 1869 г. Нечаев явился в Москве к Успенскому, молодому человеку, с которым был знаком до своего отъезда за границу, в качестве эмиссара Всемирного революционного комитета в Женеве и предъявил ему мандат, о котором шла речь выше. Он сообщил ему, что в Москву прибудут эмиссары этого европейского комитета, снабженные подобными же мандатами, а что касается его, то ему лично поручено «организовать тайное общество среди учащейся молодежи... чтобы вызвать в России народное восстание». По рекомендации Успенского Нечаев в поисках надежного убежища направился в Сельскохозяйственную академию, расположенную довольно далеко от города, и связался там с Ивановым, одним из студентов, наиболее известных своей преданностью интересам молодежи и народа. С этого времени Сельскохозяйственная академия сделалась центром деятельности Нечаева. Сначала он представился под вымышленной фамилией и рассказал, что много путешествовал по России, что народ всюду готов восстать и давно бы уже восстал, если бы революционеры не советовали ему терпеть, пока не будет завершено создание их широкой и мощной организации, которая свяжет воедино все революционные силы России. Нечаев торопил Иванова и других студентов вступить в это тайное общество, возглавляемое всемогущим комитетом, от имени которого псе делается, но состав и местопребывание которого должны были оставаться неизвестными членам общества. Этот комитет и эта организация являлись *русским отделением Всемирного союза, революционного Альянса, Международного Товарищества Рабочих!*[*]

Нечаев начал с распространения среди студентов упомянутых выше «Слов» с целью показать им, что Бакунин, знаменитый революционер 1848 года, бежавший из Сибири, играет в Европе крупную роль, что он является главным полномочным предста-

[*] Надо заметить, что на русском языке слова: association, union, alliance (obchtchestvo, soiouz, tovarichtchestvo) являются в большей или меньшей степени синонимами и часто употребляются без различия. Равным образом слово «международный» в большинстве случаев переводится словом «всемирный» («vsemirnyi»), Поэтому в русской печати слова «Международное Товарищество» часто переводятся словами, которые по-французски могли бы обратно быть переведены словами «Всемирный альянс». Пользуясь этой терминологической путаницей, Бакунину и Нечаеву удалось использовать название нашего Товарищества и погубить около сотни молодых людей.

вителем рабочих, что он подписывает мандаты генерального комитета Всемирного Товарищества и что этот герой советует им бросить учение и т. п. Чтобы дать им яркий пример преданности до гроба, он читал стихотворение Огарева, приятеля Бакунина и сотрудника герценовского «Колокола», озаглавленное *«Студент»* и посвященное «молодому другу Нечаеву»[362]. Нечаев изображен в этих стихах идеальным студентом, «неутомимым борцом с детских лет». В своих стихах Огарев воспевал муки, которые вынес Нечаев с юных лет ради живого труда науки; как росла его преданность народу; как гонимыйместью царской и боязнью боярской, он обрек себя на кочевую жизнь (skitanie, скитанье); как он отправился странствовать, чтобы кликнуть клич по всем крестьянам от востока до заката; собирайтесь, поднимайтесь смело и т. д. и т. п.; как он кончил жизнь на каторге в снегах Сибири; но весь век нелицемерен, он борьбе остался верен, и как до последнего дыханья он повторял: Отстоять всему народу свою землю и свободу! — Это альянсистское стихотворение было напечатано весной 1869 г. в то время, когда Нечаев развлекался в Женеве. Оно пачками отправлялось в Россию вместе с другими воззваниями. Простая переписка этого стихотворения обладала, очевидно, свойством внушать новообращенным чувство самопожертвования, так как Нечаев по приказу комитета заставлял каждого вновь принимаемого члена общества переписывать его и распространять (показания нескольких подсудимых).

Одна только музыка была, по-видимому, призвана избежать аморфности, на которую повсеместное всеразрушение обрекало все искусства и науки. Нечаев от имени комитета предписывал поддерживать пропаганду посредством *революционной музыки* и всячески пытался подобрать мелодию к этому поэтическому шедевру, чтобы молодежь могла распевать его («С.-Петербургские ведомости» № 190).

Мистическая легенда о его смерти не мешала ему намекать на то, что Нечаев, возможно, еще жив, и даже рассказывать по секрету, что Нечаев находится на Урале в качестве рабочего и организовал там рабочие общества («С.-Петербургские ведомости» № 202). Эту тайну он открывал, главным образом, тем, которые «никогда не сделают ничего путного», то есть тем, кто мечтал о создании рабочих товариществ; он хотел вызвать у них восхищение этим легендарным героем. Когда же легенды о его мнимом побеге из Петропавловской крепости и о его поэтической смерти в Сибири достаточно подготовили умы и когда, по его расчетам, катехизис был вдолблен в головы посвященных вполне достаточно, он осуществил, наконец, свое евангельское

воскрешение и заявил, что Нечаев это и есть «Он» собственной персоной! Однако теперь это был уже не прежний Нечаев, осмеянный и презираемый, по словам свидетелей и подсудимых, петербургскими студентами. Теперь это был полномочный представитель Всемирного революционного комитета. Чудо его преображения было совершено Бакуниным. Нечаев отвечал всем требованиям статутов той организации, которую он пропагандировал; он «отличился делами, которые были известны и оценены комитетом»; в Брюсселе он организовал крупную стачку членов Интернационала и руководил ею; бельгийский комитет направил его в качестве делегата к женевской организации Интернационала, где он встретил Бакунина, а так как, по его словам, «он не любил почивать на лаврах», то вернулся в Россию, чтобы начать «революционное действие». Он утверждал также, что вместе с ним в Россию прибыл целый штаб, состоявший из шестнадцати русских эмигрантов*.

Успенский, Иванов и еще четыре или шесть юношей были, по-видимому, единственными людьми в Москве, которые дали себя одурачить всеми этими фокусами. Четверо из этих посвященных получили приказ вербовать новых сторонников и образовать кружки или небольшие секции. План организации имеется среди документов процесса; он почти целиком совпадает с планом тайного Альянса. «Общие правила организации» были оглашены на заседании суда, и ни один из главных посвященных не отрицал их подлинности; к тому же в № 2 «Народной расправы», редактируемой Бакуниным и Нечаевым, была признана подлинность следующих параграфов:

«Организация основывается на *доверии* к личности. — Ни один член не знает/к какой степени он принадлежит, то есть насколько он далек или близок от центра. — *Беспрекословное повиновение распоряжениям комитета.* — Отрешение от собственности, которая передается в ведение комитета. — Член, приобревший известное количество прозелитов дела, заявивший фактами о своих силах и способностях, знакомится с этими предписаниями, а потом более или менее и с уставом общества. Мера же сил и способностей определяется комитетом».

Чтобы обмануть московских членов, Нечаев говорил им, что в С.-Петербурге уже существует обширная организация, тогда как в действительности там не было ни одного кружка, ни одной секции. Однажды, забывшись, он воскликнул в присутствии одного из посвященных: «В Петербурге они изменяли мне, как женщины, и предали меня, как рабы». В Петербурге, наоборот, он говорил, что организация поразительно быстро растет в Москве.

* Никто из русских эмигрантов не возвращался в Россию, да во всей Европе и не наберется шестнадцати русских политических эмигрантов.

Так как в этом городе высказали желание видеть кого-нибудь из членов комитета, то он пригласил одного молодого петербургского офицера, интересовавшегося студенческим движением, поехать с ним в Москву, чтобы посмотреть эти кружки. Молодой человек согласился, и по дороге Нечаев посвятил его в сан *«чрезвычайного уполномоченного комитета Международного товарищества в Женеве».*

«Вы не сможете», — сказал он ему, — «попасть на наши собрания, не будучи членом, но вот Вам мандат, удостоверяющий, что Вы член Международного товарищества; в качестве такового Вас пропустят».

Мандат был на французском бланке и гласил: «Предъявитель сего есть доверенное лицо Международного товарищества». По утверждению других подсудимых, Нечаев заверял их, что этот незнакомец «действительно доверенное лицо революционного комитета в Женеве» («С.-Петербургские ведомости» №№ 225 и 226).

Долгов, друг Иванова, показывает, что, «говоря о тайном обществе, преследующем ту цель, чтобы в случае, если явится протест со стороны народа, то поддержать его и направить так, чтобы оказались хорошие результаты, Нечаев упоминал о Международном товариществе и говорил, что связью с ним служит Бакунин» («№ 198). — Рипман подтверждает, что Нечаев, «чтобы отвратить его от мысли об артелях, говорил ему, что за границей существует Международное Товарищество Рабочих; чтобы достигнуть цели, которую оно преследует, достаточно вступить в это общество, отделение которого имеется в Москве» (№ 198). Из дальнейших показаний видно, что Нечаев выдавал Интернационал за тайное общество, а свое собственное общество за секцию Интернационала. Так, он заверял посвященных в том, что их московская секция подобно Интернационалу будет в широких масштабах прибегать к стачкам и созданию ассоциаций. Когда подсудимый Рипман попросил у него программу общества, Нечаев прочитал ему несколько отрывков из какого-то французского листка, где говорилось о цели общества; подсудимый понял так, что этот листок представляет собой программу Интернационала; он прибавил: «Так как об этом обществе много писалось в печати, то я ничего особенно преступного в предложении Нечаева не видел». Один из главных обвиняемых, Кузнецов, заявил, что Нечаев читал им программу Международного товарищества (№ 181); его брат показал, что «он видел, как у его брата переводили какой-то листок с французского; он принял этот листок за программу или устав какого-то общества» (№ 202). — Подсудимый Климин заявил,

что ему была прочитана «программа Международного товарищества с припиской Бакунина, программа, насколько помню, составленная в очень общих выражениях, так что о средствах к достижению цели не говорилось, говорилось о всеобщем равенстве» (№ 199). Подсудимый Гавришев объяснил, что «французская прокламация заключала в себе, насколько можно было понять, изложение мнений представителей социализма, имевших конгресс в Женеве». Наконец, показания подсудимого Святского окончательно разъясняют нам, что представлял собой этот таинственный французский листок: во время обыска у него нашли написанную по-французски листовку под заглавием: «Программа Международного альянса социалистической демократии». «В газетах говорилось о *Международном обществе»,* — заявил Святский, — «и я интересовался знать *его* программу, исключительно с теоретической целью» («С.-Петербургские ведомости» № 230). Эти показания доказывают, что тайная программа Альянса раздавалась в рукописи в качестве программы Интернационала. Показания главного обвиняемого Успенского доказывают, что Всемирный революционный комитет, эмиссаром которого называл себя Нечаев, и центральное бюро Альянса (гражданин Б.) — одно и то же. Успенский заявил, что он собирал все протоколы заседаний кружка, «чтобы послать отчет о них Бакунину в Женеву». Прыжов, один из главных обвиняемых, заявил, что Нечаев велел ему съездить в Женеву и свезти Бакунину отчетный доклад.

За недостатком места мы не упоминаем здесь о всех обманах, глупостях, мошенничествах и насилиях бакунинского агента, разоблаченных во время процесса. Отмечаем только наиболее характерные факты,

Все было тайной в этой организации. Долгов рассказывает, «что прежде чем поступить в общество, он желал знать устройство и средства этого общества; Нечаев сказал, что это тайна, но что впоследствии она ему откроется» («С.-Петербургские ведомости» № 198). — Когда члены общества позволяли себе задавать вопросы, Нечаев зажимал им рот, заявляя, что, согласно уставу, никто не вправе ничего знать, пока он не отличится на каком-нибудь деле (№ 199). — «Вскоре после того, как мы дали согласие вступить в члены общества», — говорит один из подсудимых, — «Нечаев начал запугивать нас властью и силой комитета, который, по его словам, существует и руководит нами; он говорил, что у комитета есть своя полиция. что если кто-нибудь изменит своему слову и будет поступать вопреки распоряжениям тех, кто *стоит выше* нашего кружка, то комитет будет мстить за это». Обвиняемый признался, «что,

заметив плутни Нечаева, он сообщил ему о своем намерении совершенно отстраниться от этого дела и поехать на Кавказ для поправления своего здоровья. Нечаев заявил ему, что этого быть не может и что комитет может наказать его смертью, если он посмеет оставить общество; вместе с тем он приказал ему отправиться на собрание, говорить там о тайном обществе, чтобы завербовать новых приверженцев, и прочесть стихи на смерть Нечаева. Когда подсудимый отказался подчиниться, Нечаев стал угрожать ему, говоря: рассуждать не ваше дело — вы должны беспрекословно исполнять приказания комитета» (№ 198). — Если бы это был только отдельный случай, то в нем можно было бы усомниться, но ряд подсудимых, которые никак не могли сговориться между собой, показывает совершенно то же самое. — Другой обвиняемый заявил, что члены кружка, заметив, что их обманывают, хотели выйти из общества, но не решались этого сделать, опасаясь мести комитета (№ 198).

Один свидетель, говоря об одном из подсудимых, своем друге, сказал: подсудимый Флоринский уже не знал, как ему избавиться от Нечаева, который не давал работать; свидетель посоветовал ему покинуть Москву и уехать в Петербург, но Флоринский ответил, что Нечаев разыщет его в Петербурге так же, как разыскал в Москве; Нечаев насиловал убеждения многих молодых людей, запугивая их, и Флоринский, по-видимому, боялся доноса со стороны Нечаева. «Говорили, я это сам слышал», — показывает Лихутин, — «что Нечаев присылает из-за границы своим знакомым разные письма резкого содержания, желая тем скомпрометировать этих лиц, чтобы они были арестованы. Это составляло одну из черт его характера» (.№ 186). Енишерлов заявил даже, что он начал смотреть на Нечаева, как на правительственного агента.

На заседании небольшого кружка один из его членов, Климин, отвечая неизвестному, который присутствовал тут же в качестве эмиссара комитета и выразил недовольство действиями кружка, сказал, «что они тоже недовольны; вначале завербованным в общество говорили, что каждая секция может действовать более или менее самостоятельно, без того, чтобы от ее членов требовали пассивного подчинения; но затем стали держать себя совершенно иначе, и комитет свел их на положение рабов» (199). — Нечаев отдавал свои распоряжения на бумажках с печатью: «Русское отделение Всемирного революционного альянса. Бланка для публики», и формулировал их следующим образом: «Комитет приказывает вам сделать...», выполнить то-то, отправиться туда-то и т. д.

Разочаровавшись, один молодой офицер решил выйти из общества. Нечаев как будто соглашается на это, но требует выкупа. Необходимо раздобыть для него вексель на 6000 рублей (около 20 тысяч франков) за подписью Колачевского. Колачевский в 1866 г. после покушения Каракозова отбыл вместе с двумя своими сестрами длительное тюремное заключение. В тот момент, к которому относится наш рассказ, одна из сестер вторично сидела в тюрьме по политическому делу. Вся семья находилась под строжайшим надзором полиции, и Колачевский во всякую минуту мог ждать ареста. Этим-то и воспользовался Нечаев; по его приказанию вышеупомянутый молодой офицер пригласил Колачевского под вымышленным предлогом к себе, завязал с ним беседу и передал ему прокламации, которые тот взял из любопытства. Не успел Колачевский выйти на улицу, как к нему подходит какой-то офицер и приказывает следовать за ним, говоря, что он чиновник III отделения (тайная полиция) и что ему известно, что Колачевский имеет при себе крамольные прокламации. Надо заметить, что одного хранения этих прокламаций более чем достаточно для того, чтобы человек подвергся многолетнему предварительному заключению и был сослан на каторжные работы, если он уже имел несчастье быть замешанным в каком-нибудь политическом деле. Мнимый агент III отделения сажает Колачевского на извозчика и тут же предлагает ему откупиться, подписав немедленно вексель на 6000 рублей. Поставленный перед выбором принять это предложение или отправиться в Сибирь, Колачевский подписал вексель. На следующий день другой молодой человек, Негрескул, узнав об этой истории, заподозрил, что к ней причастен Нечаев, немедленно отправился к мнимому агенту III отделения и потребовал у него объяснений по поводу этого мошенничества. Последний отрицал все; вексель был спрятан и обнаружился только впоследствии во время обысков. Раскрытие заговора и бегство Нечаева помешали ему получить деньги. Негрескул давно уже знал Нечаева. В Женеве он стал жертвой одной из его мошеннических проделок; потом Бакунин пытался завербовать его. Позже у него выманили 100 рублей (№ 230). В конце концов, он все же был скомпрометирован Нечаевым, хотя терпеть его не мог и считал способным на всякую подлость. Он был арестован и умер в тюрьме.

Мы видели, что Иванов был завербован Нечаевым одним из первых. Это был один из самых любимых и самых влиятельных студентов Московской сельскохозяйственной академии. Он посвятил себя заботам об улучшении положения своих товарищей и занимался устройством касс взаимопомощи и столовых, в ко-

торых нуждающимся студентам выдавались бесплатно обеды и которые служили удобным местом для собраний, где обсуждались социальные вопросы. Весь свой досуг он посвящал обучению крестьянских детей, живших в окрестностях Академии. Его товарищи подтверждают, что он был страстно предан своему делу, отдавал свои последние гроши и часто оставался без горячей пищи.

Иванов был поражен нелепостью террористических прокламаций Нечаева и Бакунина. Он не мог понять, почему комитет приказывает ему распространять «Слова», «Песнь о смерти» Огарева, «Народную расправу» и, наконец, чисто аристократическую прокламацию Бакунина: «Воззвание к российскому дворянству»*. Он начинал терять терпение и стал допытываться, где находится комитет, что он делает, что это за комитет, который во всем соглашается с Нечаевым и осуждает других членов. Он выразил желание повидать кого-нибудь из членов комитета; он имел на то право, так как сам Нечаев возвел его в степень, соответствующую степени члена национального комитета тайного Альянса. Тогда-то Нечаев и выпутался из затруднения, разыграв описанную выше комедию с эмиссаром Интернационала из Женевы.

Однажды Нечаев приказал передать комитету деньги, предназначенные для студенческой кассы взаимопомощи. Иванов запротестовал, и между ними произошла ссора. Другие товарищи уговаривали Иванова подчиниться решению комитета, раз уж они признали устав, обязывавший их повиноваться. Иванов уступил их настояниям и нехотя подчинился. С этого момента Нечаев начал обдумывать план, как отделаться от этого человека, которого он, повидимому, считал революционером-доктринером, заслуживающим смерти. Он стал вести

---

* Вот выдержки из печатной прокламации Бакунина «Воззвание к российскому дворянству»: «Какие привилегии мы получили за то, что в продолжение половины XIX столетия мы были опорою столько раз шатавшегося в самом основании престола; за то, что в 1848 г., во время бурных ураганов народного безумства в Европе, мы своими доблестными подвигами спасли Российское государство от наплыва социальных утопий?... Чем пожалованы мы за то, что спасли государство от раздробления и потушили в Польше пламя пожара, которое грозило охватить и всю Россию; за то, что, не щадя ваших сил, с неподражаемой неустрашимостью еще до сей поры работаем над искоренением в России революционных элементов? — Разве не из нашей среды вышел сиявший доблестями Михаил Муравьев, которого даже сам Александр II, несмотря на свое слабоумие, называл спасителем отечества? — Что же получили мы за все это? За все эти неоценимые заслуги мы лишены всего, что у нас было... Наш открытый теперешний зов есть заявление от *огромного большинства настоящего российского дворянства,* уже давно *готового и организовавшегося...* Мы чувствуем силу в нашем праве и смело бросаем нашу перчатку в лицо деспота, немецкого князька Александра II Салтыкова-Романова и вызываем его на благородный рыцарский бой, который *завяжется в* 1870 г. между потомками Рюрика и партией Российского независимого дворянства».

«Сиявший доблестями Муравьев» — не кто иной, как палач Польши.

с Успенским теоретические разговоры на тему о наказании и об истреблении неверных членов, которые своим неподчинением могут скомпрометировать и погубить всю огромную тайную организацию.

Нечаев так вел дела своего тайного общества, что естественно возникало сомнение в серьезности всей организации. Секции обязаны были регулярно собираться, чтобы рассматривать академические списки всех студентов и отмечать тех из них, которых следовало привлечь, а также для того, чтобы изыскать способы, как раздобыть денег. Одним из таких способов были подписные листы в пользу «пострадавших студентов», то есть административно высланных; собранные таким образом деньги шли прямо в карман комитета — Нечаева. От секций потребовали, чтобы они доставили различного рода одежду, которая хранилась в надежном месте и послужила для переодевания Нечаева во время его побега. Но главное занятие состояло в переписывании «Песни о смерти» и цитированных выше прокламаций. Участники заговора должны были как можно точнее записывать все, что говорилось на их собраниях, и Нечаев угрожал им комитетом, повсюду имевшим своих шпионов, чтобы они не смели что-нибудь скрыть. Каждый должен был приносить в кружок письменные отчеты обо всем, что он делал в промежутке между собраниями. Из этих отчетов должен был составляться отчетный доклад, предназначенный для посылки Бакунину.

Все эти ребяческие и инквизиторские приемы возбудили у Иванова сомнение в самом существовании комитета и в столь прославленном могуществе этой организации. Он начал догадываться, что все сводится к нелепой эксплуатации людей и является грандиозным обманом; он признавался своим близким друзьям, что если дело не сдвинется и все ограничится этими нелепостями, то он порвет с Нечаевым и сам создаст серьезную организацию.

Тогда-то Нечаев и прибегнул к решительной мере. Он велел расклеить свои прокламации в студенческих столовых. Иванов понимал, что расклеивание прокламаций приведет к закрытию столовых, к запрещению собраний и к разгону лучших студентов. Поэтому он воспротивился этому (на деле так и случилось: студенческая столовая была закрыта, а все уполномоченные, ведавшие ею, были высланы). По этому поводу завязался спор, причем Нечаев повторял свою стереотипную фразу: «таков приказ комитета!».

Иванов был в полном отчаянии. 20 ноября 1869 г. он является к одному из членов секции, Прыжову, и заявляет ему,

что выходит из общества. Прыжов передает об этом Успенскому, а тот, в свою очередь, спешит сообщить об этом Нечаеву, и через несколько часов все трое собираются у Кузнецова, где жил также и Николаев. Там Нечаев заявляет, что следует наказать Иванова, восстающего против распоряжений комитета, и что нужно избавиться от него, чтобы лишить его возможности дальше вредить. Так как Кузнецов, близкий друг Иванова, по-видимому, не понял, к чему клонит Нечаев, то последний заявил, что Иванова необходимо убить. Прыжов, обращаясь к Кузнецову, воскликнул: Нечаев с ума сошел, он хочет убить Иванова, нужно помешать этому. Нечаев положил конец их колебаниям своей обычной фразой: «Вы тоже хотите восстать против приказов комитета? Если его нельзя убить иначе, то мы с Николаевым пойдем сегодня ночью к нему в комнату и там его задушим». Затем он предложил заманить Иванова ночью в грот, находящийся в парке Академии, якобы для того, чтобы отрыть давно спрятанную там типографию, и умертвить его.

Таким образом, даже в этот решительный момент Нечаев сам отдавал должное преданности Иванова. Он был уверен. что, несмотря на свой выход из общества, Иванов придет помочь вырыть типографию и что он не способен его выдать, ибо если бы он хотел это сделать, то сделал бы до выхода из общества или сразу после этого. Если Иванов хотел выдать Нечаева полиции, то ему представлялся теперь случай захватить его на месте преступления. Но как раз наоборот: Иванов был счастлив получить, наконец, положительное доказательство существования этой организации, ощутимый признак того, что она располагает какими-то реальными средствами, будь то хотя бы типографский шрифт. Позабыв обо всех угрозах Нечаева по адресу отступников, он поспешил оставить друга, с которым пил чай и к которому Николаев пришел за ним по приказу Нечаева, и отправился на его зов.

В ночной темноте Иванов, ничего не подозревая, приближается к гроту. Вдруг раздается крик; кто-то набрасывается на него сзади. Завязывается страшная борьба; слышны только рычание Нечаева и стоны его жертвы, которую он душит своими руками; затем раздается выстрел, и Иванов падает мертвым. Пуля из револьвера Нечаева пробила ему голову. «Скорей веревок, камней», — кричит Нечаев, обыскивая карманы трупа, чтобы забрать его бумаги и деньги. Затем его бросают в пруд.

Вернувшись к Кузнецову, убийцы приняли меры, чтобы скрыть следы своего преступления. Они сожгли окровавленную

рубашку Нечаева. Соучастники преступления были мрачны и подавлены. Вдруг раздается второй выстрел, и пуля пролетает около самого уха Прыжова. Нечаев извинился, говоря, что «он хотел объяснить Николаеву устройство револьвера». Свидетели единогласно заявляют, что это было новое покушение. Нечаев хотел убить Прыжова за то, что тот утром посмел возражать против убийства Иванова.

Немедленно вслед за этим Нечаев спешит покинуть Москву и выезжает вместе с Кузнецовым в Петербург, предоставив Успенскому действовать в Москве. В Петербурге он делает вид, что продолжает заниматься своей организацией, но Кузнецов, к своему величайшему изумлению, замечает, что о существовании организации здесь может идти речь еще меньше, чем в Москве. Тогда он осмеливается задать Нечаеву вопрос: «Где же комитет? Ты, что ли, комитет?» — Нечаев все еще отрицает это и уверяет Кузнецова, что комитет существует. Он возвращается в Москву и признается Николаеву, что поскольку арестован Успенский, то все остальные будут также арестованы и потому он «не знает, что ему делать». Тогда Николаев, самый преданный его сторонник, решается спросить его, действительно ли существует пресловутый комитет или он состоит из одного Нечаева. — «Не отвечая утвердительно на мой вопрос, он сказал мне, что все средства позволительны для того, чтобы завлечь людей в такое дело, что правило это существует и за границей, что *следует ему Бакунин,* а равно и другие, и что если такие люди подчиняются этому правилу, то понятно, что и он, Нечаев, может поступать таким образом» (№ 181). Затем он приказывает Николаеву ехать с Прыжовым в Тулу, чтобы раздобыть обманным путем паспорт у одного рабочего, старого приятеля Николаева. Позже он сам отправляется в Тулу и просит там г-жу Александровскую сопровождать его в Женеву; это ему абсолютно необходимо.

Г-жа Александровская была сильно скомпрометирована во время волнений 1861—1862 годов; она даже сидела в тюрьме, где ее поведение оставляло желать многого. В припадке откровенности она написала исповедь своим судьям, и эта исповедь скомпрометировала многих людей. После всех этих дел она была водворена на жительство в один из провинциальных городов, где и жила под надзором полиции. Так как она опасалась, что ей не выдадут паспорта, то Нечаев каким-то путем раздобыл его для нее. Спрашивается, зачем Нечаеву понадобилась спутница, одного присутствия которой было достаточно, чтобы вызвать его арест на границе? Тем не менее, Нечаев в сопровождении г-жи Александровской благополучно прибыл в Же-

неву, и, в то время как несчастные, одураченные им люди были брошены в тюрьму, он вместе с Бакуниным принялся за изготовление № 2 «Народной расправы». Бакунин, невероятно гордившийся тем, что «Journal de Genève»[363] пишет о нечаевском заговоре и приписывает ему руководящую роль в нем. забыл, что его «Народная расправа» печатается якобы в Москве, и вставил в нее целую страницу из статьи в «Journal de Genève», написанную по-французски. Как только журнал был готов, г-же Александровской было поручено отвезти его вместе с другими прокламациями в Россию. На границе поджидавший г-жу Александровскую агент III отделения отобрал у нее пакет. После своего ареста она передала агенту список имен, которые могли быть известны одному Бакунину. Один из подсудимых по делу Нечаева и один из самых близких к нему людей признался на суде, что «он считал раньше Бакунина честным человеком и не понимает, как мог он вместе с остальными так подло подвергнуть эту женщину опасности ареста».

Если Бакунин и избавлял себя от обязанности ехать в Россию, чтобы лично руководить великой революцией, неминуемый взрыв которой он предсказывал, то в Европе он орудовал так, будто бы в нем «сидел черт». Локльский «Progrès», швейцарский орган Альянса, помещал длинные выдержки из «Народной расправы». Гильом восхвалял в нем изумительные успехи великих русских социалистов и заявлял, что его абстенционистская программа тождественна с их программой*.

На съезде в Шо-де-фоне Утин пытался было разоблачить подлые проделки Нечаева, но Гильом прервал его, заявив, что говорить об этих людях — значит заниматься шпионством. Что касается Бакунина, то в «Marseillaise» он изображал дело так, будто только что вернулся «из длительной поездки в отдаленные страны, куда не доходит свободная пресса»[365]; он хотел этим создать впечатление, будто дела в России принимают такой революционный оборот, что он счел свое присутствие там необходимым.

Теперь мы подходим к развязке трагикомедии русского Альянса. В 1859 г. Герцен получил по завещанию от одного молодого русского 25000 франков на революционную пропаганду в России[366]. Герцен, постоянно отказывавшийся отдать кому бы то ни было эти деньги, однако дал себя обмануть Бакунину,

* В 1868 г., меньше чем за два года до съезда в Шо-де-Фоне, где альянсисты добились признания их доктрины о воздержании от политики, Бакунин, оплакивая в органе Шассена «Démocratie»[364] воздержание от политики французских рабочих, писал: «Воздержание от политики — это глупость, придуманная мошенниками, чтобы одурачивать идиотов».

который сумел получить их от него, уверив его, что Нечаев является представителем обширной и сильной тайной организации. Нечаев поэтому счел себя вправе потребовать свою долю. И эти два интернациональных брата, которых не могло разъединить убийство Иванова, затеяли ссору из-за денег. Бакунин отказался их отдать. Нечаев покинул Женеву и весной 1870 г. выпустил в Лондоне русскую газету «Commune» («Obchtchina»)[367], в которой открыто потребовал, чтобы Бакунин отдал ему остаток капитала, полученного от покойного Герцена. Вот подтверждение того, что интернациональные братья «никогда не нападают друг на друга и не сводят *своих счетов* публично».

Передовая статья № 2 «Народной расправы» содержит еще одну написанную поэтической прозой похоронную песнь о вечно мертвом и вечно живом герое — Нечаеве. На сей раз герой был задушен жандармами, которые везли его в Сибирь. Переодетый рабочим, он был арестован в Тамбове, в кабаке. Этот арест вызвал необычайное волнение в правительственных сферах. Только и слышались слова: «Нечаев, переодетый... доносы... тайные общества... бакунисты... революция». По случаю смерти Нечаева пермский губернатор послал в Петербург телеграмму; эта телеграмма приводится целиком. Другая телеграмма, которая также целиком приводится, была послана в III отделение, и «Народная расправа» знает, что, «получив таковую телеграмму, шеф жандармов привскочил со стула и целый вечер как-то скверно улыбался». Так Нечаев умер вторично.

В статье признается убийство Иванова. Оно характеризуется как

«месть общества своему сочлену за какое-либо отступление от обязанностей. Суровая логика истинных работников дела не должна останавливаться ни перед каким фактом, ведущим к успеху дела, а тем более перед фактами, могущими спасти дело и устранить его гибель».

Арест восьмидесяти юношей означает для Бакунина «успех дела».

Вторая статья озаглавлена «Кто не за нас, тот против нас» и представляет собой апологию политического убийства. Всем революционерам, не примыкающим к Альянсу, сулят участь Иванова, прямо не называя его:

«Горячее время настало... два враждебных лагеря уже начали военные действия... нельзя дольше оставаться нейтральным: в золотой середине оставаться теперь невозможно; это значит: во время перестрелки стоять среди двух враждебных сил, стреляющих друг в друга; это значит:

гибнуть даром, падать от картечи и тех и других, не имея возможности чем-либо противодействовать; это значит: выносить на своей шкуре и розги и пытки III отделения или пасть от пули наших револьверов».

Далее следует выражение благодарности, по-видимому, ироническое, русскому правительству за «его содействие в развитии и быстром ходе нашего дела, которое стремительно приближается к желанному концу». В тот час, когда оба героя благодарили правительство за ускорение «желанного конца», все члены этой так называемой тайной организации уже были арестованы. — Затем статья обращается с новым призывом. Они принимают в свои «отверстые объятия все честные, свежие силы», предупреждая их, что, раз попав в эти объятия, они должны подчиняться всем требованиям общества. «Всякое отречение от общества, всякое отступление, совершенное сознательно, вследствие неверия в истинность и справедливость известных начал, ведет к исключению из списка живых». А затем оба наши героя издеваются над арестованными: это, мол, только благодушные либералы, действительных членов организации охраняет тайное общество, которое не позволит их захватить.

Третья статья названа *«Главные основы будущего общественного строя».* Эта статья показывает, что если простых смертных карают, как за преступление, за одну мысль о будущей организации общества, так это потому, что главари все уже устроили заранее.

«Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только *путем сосредоточения всех средств для существования общественного в руках нашего комитета и объявлением обязательной для всех физической работы.*

Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает создавать рабочие общества» (artels) «и в то же время издает статистические сводки, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или другому разряду занятий.

В течение известного числа дней, назначенных для переворота, и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору... Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев или содержащие готовую продукцию и материалы, продовольствие и орудия, предназначаемые для всех членов установившегося рабочего общества; одним словом, тот, кто не примкнул без уважительных причин к артели, остается без средств к существованию. Для него закрыты будут все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду, или к смерти».

Каждая артель выбирает из своей среды оценщика («otzienchtchik»), который регулирует ход работы, ведет книги для записи производства и потребления, а также производительности каждого рабочего, и служит посредником с общей конторой данной местности. Контора, состоящая из избранных членов всех артелей данной местности, производит обмен между этими артелями, заведует всеми общественными учреждениями (спальнями, столовыми, школами, больницами) и руководит всеми общественными работами: «все общие работы находятся в ведении конторы, тогда как все индивидуальные, где необходимы особое искусство и навык, выполняются отдельно артелями». Дальше идет подробная регламентация воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от работы изобретателей и т. д.

«При полнейшей публичности, гласности и деятельности каждого пропадет бесследно, исчезнет всякое честолюбие, как его теперь понимают, и всякая ложь... тогда стремлением каждого будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей».

Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безыменный и никому неизвестный *«наш комитет»*. Несомненно, это чистейший антиавторитаризм.

Чтобы придать этому абсурдному плану практической организации видимость теоретической основы к самому заглавию этой статьи привязано маленькое примечание:

«Подробное теоретическое развитие основных *наших* положений желающие найдут в опубликованном *нами* произведении «Манифест Коммунистической партии»».

И действительно, в каждом номере «Колокола» за 1870 г.[368] рядом с объявлением о воззвании Бакунина «К офицерам русской армии» и о двух номерах «Народной расправы» можно встретить объявление о русском переводе Манифеста (немецкого) Коммунистической партии 1847 г., ценой в 1 франк. Используя этот Манифест для того, чтобы внушить доверие к своим татарским фантазиям в России, Бакунин в то же время устами Альянса стран Запада провозгласил этот Манифест архиеретическим произведением, проповедующим пагубное учение немецкого авторитарного коммунизма (см. резолюцию конференции в Римини, речь Гильома в Гааге, «Bulletin jurassien» «№ 10—11, барселонскую «Federacion» и т. д.).

Теперь, когда черни известно, к какой роли предназначен «наш комитет», легко понять эту ненависть конкурента к государству и ко всякой централизации сил рабочих. В самом деле, до тех пор, пока рабочий класс будет иметь свои представительные органы, гг. Бакунин и Нечаев, орудующие под маской «нашего комитета», не смогут стать владельцами общественного богатства и не смогут пожинать плоды того возвышенного честолюбивого стремления, которое они так жаждут внушить другим: много работать, с тем чтобы мало потреблять!

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАТЕХИЗИС

Нечаев тщательно хранил маленькую зашифрованную книжечку под названием «Революционный катехизис»[369]; он утверждал, что обладание этой книжечкой составляет особую привилегию всякого эмиссара или агента Международного товарищества. Все показания на суде и неоспоримые доказательства, представленные адвокатами, говорят о том, что этот катехизис был написан Бакуниным, который никогда и не осмеливался отрицать свое авторство. К тому же форма и содержание этого произведения ясно показывают, что оно происходит из того же источника, что и тайные статуты, «Слова», прокламации и «Народная расправа», о которых мы уже говорили. Оно лишь является их дополнением. Эти всеразрушительные анархисты, которые хотят все привести в состояние аморфности, чтобы установить анархию в области нравственности, доводят до крайности буржуазную безнравственность. Читатели уже могли по нескольким образчикам судить об альянсистской морали, догматы которой, чисто христианского происхождения, были со всей тщательностью разработаны первоначально эскобарами XVII века[370]. Альянс только до нелепости утрирует ее характер и на место святой католической, апостольской, римской церкви иезуитов ставит свое архианархическое и всеразрушительное «святое революционное дело». Революционный катехизис является официальным кодексом этой морали, изложенной на сей раз систематически и вполне откровенно. Мы приводим его in extenso* в том виде, как он был оглашен на заседании суда 8 июля 1871 года.

«Отношение революционера к самому себе

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

* — полностью. *Ред.*

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него враг беспощадный, и если бы он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказывается от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку — науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает денно и нощно живую науку — людей, характер, положения и все условия настоящего общественного строя во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого («poganyi») строя,

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему.

§ 5. Революционер — человек обреченный, беспощаден для Государства и вообще для всего сословно-образованного общества; он не должен ждать для себя никакой пощады. Между ним и обществом существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и **на** смерть. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение; она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционерная страсть, став и нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединяться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношения революционера к товарищам по революции

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношения к такому товарищу определяется единственно степенью его полезности и деле всеразрушительной («vserasrouchitelnoi») практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего: в ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении, таким образом, решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить

свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один без согласия всего товарищества вполне посвященных распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем, с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношения революционера к обществу

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный, так называемый образованный мир и живет в нем только с верою в его полнейшее скорейшее разрушение. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. *Он не должен останавливаться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру.* Все и все должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские и любовные отношения; *он не революционер, если они могут остановить его руку.*

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все высшие и средние классы, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в *III отделение»* (тайная полиция) «и даже в императорский дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий: первая категория неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных, по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении таких списков и для установления вышереченного порядка, должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерой пользы, которая должна произойти от смерти известного человека для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, а также внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять из таких людей, которым даруют только временно» (!) «жизнь для того, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов, или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием, силой. Надо их эксплуатировать возможными путями; опутать их, сбить с толку и, по возможности, *овладев их грязными тайнами,* сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатства и сила сделаются,

таким образом, неистощимой сокровищницей и сильной помощью для разных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем, прибирать их в руки, *овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя,* так чтобы возврат для них был невозможен, и их руками мутить Государство.

§ 20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы, революционеры, все праздноглаголющие в кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные, головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главные разряда: одни— пустые, бессмысленные, бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категориями мужчин; другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории; наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношения товарищества к народу

§ 22. У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда (tchernorabotchii lioud). Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всесокрушающей народной революции, *товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобщению тех бед и тех зол,* которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революцией народной товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу — движение, которое всегда, останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, выработается из народного движения и жизни. Но это — дело будущих поколений. Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания Московского государства не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с Государством; против дворянства, против чиновничества, против попов, против торгового* мира и против мелких торговцев, эксплуататоров народа**. Мы соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

* В русском тексте Бакунина: «гильдейского». *Ред.*
** В русском тексте: «кулака-мироеда». *Ред.*

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача».

Критиковать такой шедевр значило бы затушевывать его шутовской характер. Это значило бы также принять слишком всерьез этого аморфного всеразрушителя, ухитрившегося сочетать в одном лице Родольфа, Монте-Кристо, Карла Моора и Робера Макера. Мы ограничимся тем, что с помощью нескольких сопоставлений установим тождественность самого духа и даже выражений катехизиса, если не считать тяжеловесных преувеличений, с тайными статутами и остальными русскими произведениями Альянса.

Три степени посвящения тайных статутов Альянса воспроизведены в § 10 катехизиса, где говорится о «революционерах второго и третьего разряда ... не совсем посвященных». — Обязанности интернациональных братьев, которые установлены статьей 6 их устава, совпадают с обязанностями, налагаемыми §§ 1 и 13 катехизиса. — Условия, при которых братья могут занимать правительственные должности, указанные в статье 8 устава, «с еще большей полнотой изложены» в § 14 катехизиса, где им дают понять, что они могут поступать в полицию, если на то будет приказ. — Совет, даваемый братьям (устав, статья 9), чтобы они совещались между собой, повторяется в § 9 катехизиса. — В статьях 2, 3, 6 программы интернациональных братьев характер революции изображен совершенно так же, как в §§ 22 и 23 катехизиса. — Якобинцы, о которых говорится в статье 4 программы, превращаются в § 20 катехизиса в разновидность «людей пятой категории», которых оба документа обрекают на смерть. — Мысли, высказанные в статьях 5 и 8 программы о ходе истинно анархической революции, те же, что и в § 24 катехизиса.

Осуждение науки, которое содержится в § 3 катехизиса, повторяется во всех русских документах. Идеализация разбойника как образцового революционера, имеющаяся в «Словах» лишь в зародыше, открыто признается и проповедуется во всех остальных произведениях. «Пятая категория», о которой говорится в § 20 катехизиса, в «Постановке революционного вопроса» называется «кабинетными революционерами — сторонниками государства». Там, так же как и в §§ 25 и 26 катехизиса, утверждается, что первая обязанность революционера — стать разбойником. Только в «Началах революции» и в «Народной расправе» начинается проповедь всеразрушения, к которому обязывают §§ 6, 8 и 26 катехизиса, и проповедь систематических убийств, о которых говорится в §§ 13, 15, 16 и 17.

3. ВОЗЗВАНИЕ БАКУНИНА К ОФИЦЕРАМ РУССКОЙ АРМИИ

Бакунин, однако, считал нужным не оставлять никаких сомнений насчет своего соучастия в так называемом заговоре Нечаева. Он выпустил воззвание «К офицерам русской армии», помеченное «Женева, январь 1870» и подписанное «Михаил Бакунин». Об этом воззвании, «ценой в 1 франк», было объявлено как о произведении Бакунина во всех номерах «Колокола» за 1870 год. Приведем из него несколько выдержек.

Оно начинается с заявления, которое делал и Нечаев в России, что

«наступает час последней борьбы между романовско-гольштейнготорпским домом и русским народом, между татарско-немецким игом и широкой славянской волей. Весна у нас на носу, а в ранней весне бой начнется... революционная сила готова, и при существовании глубокого и повсеместного неудовольствия народа, такого, например, какое существует ныне в целой России, победа ее несомненна».

Имеется организация для руководства этой неминуемой революцией, ведь «тайная организация — это как бы штаб революционного войска, а войско — целый народ».

«В воззвании «К молодым братьям в России» я говорил о том, что Стенька Разин, который поведет народные массы в будущем, столь явно приближающемся разгроме Всероссийской империи, будет не богатырь одинокий, а Стенька Разин коллективный. Для всякого недурака должно было быть ясно, что я под этим разумел тайную, уже теперь существующую и действующую организацию, сильную своей дисциплиной, страстной преданностью и самоотвержением своих членов и безусловным подчинением каждого всем приказаниям и распоряжениям *единого комитета,* всезнающего и никому неизвестного.

Члены этого комитета вполне отреклись от себя; вот что дает им право требовать от всех сочленов организации самоотречения безусловного. Они до такой степени отказались для себя лично от всего, что составляет главный предмет искания всех тщеславно-самолюбивых, честолюбивых и властолюбивых людей, что, отказавшись раз навсегда от личной собственности, от официальной или публичной власти и силы и вообще от всякого значения в обществе, они обрекли себя на вечную неизвестность, предоставляя другим славу, внешний блеск и шум дел и оставляя для себя, опять-таки не лично, а коллективно, только сущность его.

Как иезуиты, только не с целью порабощения, а освобождения народного, каждый из них отказался даже от собственной воли. В комитете, равно как и во всей организации, мыслит, хочет, действует не лицо, а только коллективность. Такое отречение от собственной жизни, от собственной мысли и от собственной воли для многих покажется невозможным и даже возмутительным. Оно действительно трудно, но вместе с тем необходимо. Особенно трудно покажется оно начинающим и только что вступающим в организацию людям, еще не отвыкшим от пустословного, мишурного фанфаронства; людям, играющим в честь, в личное достоинство и право и вообще потешающим себя теми жалкими призраками вообразимой человечности, за которыми в нашем русском обществе проглядывает полнейшее

покорение всех и каждого условиям самой гнусной и самой подлой действительности. Оно покажется трудным для тех, кто в деле ищет потехи для своего самолюбия, предлога для фразы, любит в нем отражение своего собственного драматически рисующегося лица, а не самое дело».

«Всякий новый член вступает в нашу организацию свободно, зная, что, вступив в нее раз, он принадлежит уж ей, не себе. *Вступление в организацию свободно, но выход из нее невозможен,* потому что всякий член выходящий непременно подверг бы опасности самое существование организации, которая не должна зависеть от легкомыслия, капризов или большей или меньшей степени скромности, честности и силы одного или нескольких лиц... И потому, вступая в нее, каждый должен знать, что он отдает себя ей, со всем, что у него есть сил, средств, уменья и жизни, *безвозвратно...* Это ясно и определенно высказано в обнародованной ею программе, обязательной столько же для членов комитета, сколько и для всех остальных членов ее, находящихся вне комитета... Если эта страсть» (революционная) «в нем действительно существует, то все, что организация от него потребует, будет для него легко. Известно, что для страсти трудности не существует, она не признает невозможного, и чем непреодолимее кажутся препятствия, тем сильнее напрягается воля, умение и сила возбужденного ею человека. В ком эта страсть существует, в том не может быть места для личных страстишек; он даже не жертвует ими, потому что они в нем более не существуют. Серьезный член общества убил в себе самом всякое любопытство и преследует его беспощадно во всех других. Хотя он и сознает себя достойным всякого доверия и именно потому, что он его достоин, то есть потому, что он серьезный человек, он не ищет и не хочет знать ничего, кроме того, что ему необходимо для лучшего исполнения возложенного на него дела. Он говорит о деле только с тем и только то, что ему приказано говорить; и вообще он сообразуется безусловно и строго со всеми приказаниями и инструкциями, полученными им *свыше,* не спрашивая и не стараясь даже узнать, на какой степени организации он находится сам; желая только, естественным образом, чтоб ему было поручено как можно более дела, но ожидая вместе с тем терпеливо, чтоб оно было возложено на него.

Такая железная и безусловная дисциплина может удивить и даже оскорбить новичка; но она не удивит и не оскорбит, а, напротив, порадует и вместе успокоит всякого серьезного члена, всякого действительно умного и сильного человека, лишь бы только в нем действовала та всепоглощающая страсть народного торжества, о которой я говорил выше. Серьезный член поймет, что именно такая дисциплина есть необходимый залог относительной безличности для каждого члена, условие, sine qua non* общего торжества, и что только она одна может сплотить действительную организацию и создать коллективную революционную силу, которая, опираясь на стихийную мощь народную, будет в состоянии побороть и разрушить громадную силу государственной организации.

Иные спросят: как же нам довериться *диктаторскому* руководству неизвестного нам комитета? Но комитет вам известен: во-первых, по своей программе, столь определенной и ясной, обнародованной им и объясняемой еще подробнее каждому вновь вступающему в организацию. Он рекомендуется вам, во-вторых, тем безусловным доверием, которое имеют к нему известные вам и уважаемые вами лица, доверие, которое заставляет вас вступить именно в эту, а не в другую организацию. Действительным же членам организации он становится скоро еще более известным своей неутомимой, решительной и всюду проникающей деятельностью, всегда

* — необходимое условие. *Ред.*

сообразной с программой и с целью организации. И все покоряются его *авторитету* охотно, убеждаясь все более и более на самой практике, с одной стороны, в его истинно удивительной предусмотрительности, бдительности, разумной энергии и в целесообразности его распоряжений, а с другой стороны — в спасительности и необходимости такой дисциплины.

Меня могут спросить: если личный состав комитета остается для всех тайной непроницаемой, каким же образом могли вы собрать о нем все эти сведения и убедиться в его действительной состоятельности? — Отвечу на этот вопрос откровенно. Мне неизвестен ни один из членов комитета, ни число его членов, ни даже местопребывание) его. Знаю только, что он существует не за границей, а в России, как и быть должно, потому что заграничный революционный комитет для России — такая нелепость, которая может зародиться разве только в голове бестолково-честолюбивых и пустозвонных фразеров эмиграции, скрывающих свое тщеславно-суетливое и злостно интригующее безделье под громким именем «Народного дела»*.

После дворянского заговора декабристов» (1825) «первая попытка серьезной организации была сделана Ишутиным и его товарищами. Настоящая организация есть первая окончательно удавшаяся организация революционных сил в целой России. Она воспользовалась всеми приготовлениями, опытами. Ее никакая реакция не заставит распустить себя, она переживет все правительства. И не перестанет она действовать до тех пор, пока вся программа ее не станет русской обыденной жизнью, не станет жизнью всесветной.

Около года тому назад комитет, найдя полезным известить меня о своем существовании, прислал мне свою программу с изложением общего плана революционного действия в России. Согласный с тем и с другим и убедившись в серьезности дела, равно как и людей, предпринявших его, я сделал то, что, по моему убеждению, должен сделать всякий честный эмигрант за границей: подчинился безусловно власти комитета, как единственного представителя и руководителя революционного дела в России. Обращаясь к вам ныне, я лишь повинуюсь требованию самого комитета. Больше вам сказать ничего не могу. Прибавлю только одно слово о том же предмете. Я достаточно ознакомлен с планом целой организации для того, чтобы быть вполне убежденным, что никакая сила не может теперь разрушить ее. Если бы даже в предстоящей борьбе народная партия потерпела новое поражение, — чего, однако, никто из нас не боится, мы все верим в близкое торжество народного дела, — но если бы даже наши надежды не сбылись, то и тогда бы, посреди самого бедственного разгрома народного восстания и посреди самой дикой реакции, организация останется цела и невредима...

Основание программы самое широкое, самое человеческое: полнейшая свобода и полнейшее равенство всех людей, основанные на общественной собственности и на общем труде, равно для всех обязательном, исключая. разумеется, тех, которые предпочтут голодную смерть, не работая.

Такова ныне программа чернорабочего люда всех стран, и эта программа вполне соответствует вековым требованиям и инстинктам нашего народа... Предлагая эту программу народным низам**, члены нашей организации не могут надивиться, с какой быстротой и как широко они понимают и с какой горячностью принимают ее. Значит программа готова.

---

* Читатель припоминает, что так называлась русская газета Интернационала, издававшаяся в Женеве несколькими молодыми русскими, которые отлично знали истинную цену мнимому комитету и бакунинской организации.

** В русском тексте воззвания Бакунина: «чернорабочему люду». *Ред.*

Она неизменна. Кто за нее, тот пойдет с нами. Кто против нас, тот друг всех супостатов народных, царский жандарм, царский палач — наш враг...

Я вам сказал, что наша организация построена так крепко, а теперь прибавлю еще, она пустила уже такие глубокие корни в самый народ, что потерпи мы даже теперь неудачу, наша реакция не будет в силах разрушить ее...

Лакейские газеты и журналы, повинуясь внушениям III отделения, стараются уверить публику, что правительству удалось захватить заговор в самом корне. Оно ничего не схватило, комитет и организация остались и останутся целы, правительство скоро в том само убедится, потому что народный взрыв близок. Он так близок, что каждый должен решить теперь, хочет ли он быть нашим другом, другом народа, или нашим и народным врагом. Для всех друзей, к какому бы они сословию и положению ни принадлежали, наши ряды открыты. Но как отыскать вас? — спросите вы. Организация, *везде окружающая вас* и насчитывающая уже *много* членов между вашими товарищами, сама отыщет того, кто будет искать ее с правдивым желанием и твердой волей служить народному делу. Кто не за нас, тот против нас. Выбирайте».

В этой брошюре, подписанной его именем, Бакунин притворяется, будто не знает местопребывания и состава комитета, от имени которого он говорит и от имени которого Нечаев действовал в России. А между тем, единственный документ, дававший Нечаеву право выступать от имени комитета, был подписан Михаилом Бакуниным, и единственным человеком, получавшим отчеты о работе секций, был опять-таки Михаил Бакунин. Следовательно, когда Михаил Бакунин клянется беспрекословно подчиниться комитету, то он клянется повиноваться самому Михаилу Бакунину.

Мы считаем излишним приводить дальнейшие доказательства полного тождества не только направления, но и выражений этого подписанного Бакуниным произведения с другими рускими документами, появившимися анонимно. Мы хотим только показать, как Бакунин применяет здесь мораль катехизиса. Он начинает с того, что проповедует эту мораль русским офицерам. Он заявляет им, что, выступив в качестве иезуитов революции, он и другие посвященные выполнили свой долг и, вместе с тем, заполнили существовавший пробел; он говорит, что в отношении комитета они отреклись от собственной воли, что у них ее не больше, чем у знаменитого «трупа» общества иезуитов. А чтобы офицеров не отпугнуло убийство Иванова, он пытается убедить их в необходимости убивать всякого, кто пожелал бы выйти из тайного общества. Затем он применяет эту же мораль в отношении своих читателей, обманывая их самым бессовестным образом. Бакунину было известно, что правительство арестовало не только всех посвященных в России, но и в десять раз большее число людей, скомпрометированных Нечаевым, ввиду их принадлежности к пресловутой

«пятой категории» катехизиса, что в России уже не осталось и тени организации, что никакого комитета там нет и никогда не было, если не считать Нечаева, находившегося в тот момент вместе с ним в Женеве; кроме того он знал, что эта брошюра не завербует ни одного сторонника в России, что она может только послужить правительству предлогом для новых преследований; и все же он заявляет, что правительство вовсе никого не схватило, что комитет продолжает существовать в России и развивать там неутомимую, решительную, всюду проникающую деятельность, поистине удивительную предусмотрительность, бдительность, разумную энергию и поразительную ловкость (доказательством тому служат показания на процессе), что его тайная организация, единственная серьезная организация, существовавшая в России после 1825 г., невредима, что она пустила корни в народных низах, которые горячо принимают ее программу, что она окружает офицеров, что революция неминуема и что она вспыхнет через несколько месяцев, весной 1870 года. Только для того, чтобы доставить себе удовольствие полюбоваться в зеркале и перед своими интернациональными лжебратьями «своим собственным драматически рисующимся лицом», Михаил Бакунин, заявляющий, что он «отрекся от собственной жизни, от собственной мысли и от собственной воли», что он стоит выше «пустословного, мишурного фанфаронства людей, играющих в честь, в личное достоинство и право», обращается к русским с этими выдумками, выступает с этим фанфаронством.

Тот самый человек, который в 1870 г. проповедует русским слепое, беспрекословное повиновение приказаниям, идущим свыше от анонимного и неведомого комитета, который заявляет, что иезуитская дисциплина есть условие sine qua поп победы, что только одна она может одержать верх над чудовищной централизацией — не русского государства, а государства вообще, который провозглашает более авторитарный коммунизм, чем самый примитивный коммунизм, — этот самый человек в 1871 г. затевает внутри Интернационала раскольническое и дезорганизаторское движение под предлогом борьбы против авторитарности и централизма немецких коммунистов, под предлогом создания автономных секций и свободной федерации автономных групп и превращения Интернационала в то, чем он якобы должен быть: в прообраз будущего общества. Если бы будущее общество было создано по образцу русской секции Альянса, то оно далеко превзошло бы Парагвай преподобных отцов иезуитов[371], столь дорогих сердцу Бакунина.

IX
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предоставляя полную свободу движению и стремлениям рабочего класса в различных странах, Интернационал, вместе с тем, сумел сплотить рабочий класс в единое целое и впервые дать почувствовать правящим классам и их правительствам международную мощь пролетариата. Правящие классы и их правительства признали этот факт, сосредоточив все свои нападки на исполнительном органе всего нашего Товарищества — на Генеральном Совете. Со времени падения Коммуны эти нападки все более и более усиливались. Именно этот момент и выбрали альянсисты для того, чтобы со своей стороны объявить Генеральному Совету открытую войну! Они утверждали, что влияние Совета, это мощное оружие в руках Интернационала, являлось не чем иным, как оружием, направленным против самого Интернационала. Это влияние, мол, было завоевано не в борьбе с врагами пролетариата, а в борьбе с самим Интернационалом. По их словам, властолюбивые стремления Генерального Совета одержали верх над автономией секций и национальных федераций. Чтобы спасти автономию, не оставалось ничего другого, как обезглавить Интернационал.

И действительно, деятели Альянса знали, что если они не используют этот решающий момент, то сотне интернациональных братьев Бакунина придется навсегда распроститься с мечтой о тайном руководстве пролетарским движением. Их грубые нападки нашли одобрительный отклик в полицейской прессе всех стран.

Громкие фразы об автономии и свободной федерации, одним словом, их призыв к войне против Генерального Совета был только маневром, маскирующим их истинную цель: дезорганизовать Интернационал и тем самым подчинить его

тайному иерархическому и самодержавному правлению Альянса.

Автономия секций, свободная федерация автономных групп, антиавторитаризм, анархия — вот фразы, которые очень к лицу обществу «деклассированных», «без перспектив на карьеру, не видящих выхода», конспирирующих внутри Интернационала с целью подчинить его тайной диктатуре и навязать ему программу г-на Бакунина!

Лишенная мелодраматических лохмотьев, эта программа сводится к следующему:

1. Все мерзости, которыми неизбежно сопровождается жизнь деклассированных выходцев из верхних общественных слоев, провозглашаются ультрареволюционными добродетелями.

2. Возводится в принцип необходимость развратить незначительное, тщательно подобранное меньшинство рабочих, к которым подыгрываются, отрывая их от масс путем таинственного посвящения, заставляя их участвовать в интригах и мошеннических проделках тайного руководства и внушая им, что дать волю своим «дурным страстям» — это значит потрясти до основания старое общество.

3. Главные способы пропаганды заключаются в том, чтобы привлекать молодежь фантастическими выдумками — измышлениями о размерах и могуществе тайного общества, пророчествами о неизбежности подготовленной им революции и пр. — и компрометировать в глазах правительств наиболее передовых людей из среды обеспеченных классов, чтобы затем эксплуатировать их в денежном отношении.

4. Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение заменяется *всеразрушительными* актами героев уголовного мира — этого последнего воплощения революции. Одним словом, предлагают выпустить босяка, которого сами рабочие устраняли во время «революций по западному классическому образцу», и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-провокаторов.

Трудно сказать, что преобладает в теоретической эквилибристике и в практических затеях Альянса — шутовство или подлость. И все же Альянсу удалось вызвать внутри Интернационала глухую борьбу, которая в течение двух лет затрудняла действия нашего Товарищества и завершилась отколом некоторой части секций и федераций. Поэтому решения, принятые Гаагским конгрессом против Альянса, были лишь выполнением его долга. Конгресс не мог допустить, чтобы Интернационал, это великое творение пролетариата, попал

в сети, расставленные ему отбросами эксплуататорских классов Что же касается тех, кто хочет лишить Генеральный Совет тех функций, без которых Интернационал превратился бы в бесформенную, рассеянную и, выражаясь языком Альянса, «аморфную» массу, то мы не можем смотреть на них иначе, как на предателей или глупцов.

Лондон, 21 июля 1873 г.

Комиссия:

Э. Дюпон, Ф. Энгельс, Лео Франкель,

А. Ле Муссю, Карл Маркс, Ог. Серрайе

X
ДОПОЛНЕНИЕ

1. ХИДЖРА БАКУНИНА

В 1857 г. Бакунин был отправлен в Сибирь, но не на каторжные работы, как это можно было полагать, судя по его рассказам, а просто в ссылку. Губернатором Сибири был в то время граф Муравьев-Амурский, родственник Муравьева, палача Польши, и родственник Бакунина. Благодаря этому родству и услугам, которые он оказал правительству, Бакунин был там на особом положении и пользовался особыми милостями.

В то время в Сибири находился Петрашевский, глава и организатор заговора 1849 года[372]. Бакунин отнесся к нему явно враждебно и всячески пытался повредить ему; как родственнику генерал-губернатора ему это было нетрудно. Этим преследованием Петрашевского Бакунин приобрел новые основания для расположения начальства. Одно темное дело, наделавшее много шума в Сибири и в России, положило конец этой борьбе между двумя ссыльными. Критика поведения одного из высших чиновников, игравшего в либерализм, вызвала в окружении генерал-губернатора бурю, которая закончилась дуэлью и смертью. Все это дело было настолько связано с личными интригами и мошенническими махинациями, что взволновало все население, обвинившее высших чиновников в заведомом убийстве жертвы дуэли — молодого друга Петрашевского. Возбуждение было настолько велико, что правительство опасалось народного бунта. Бакунин решительно стал на сторону высших чиновников, в том числе и Муравьева. Он использовал свое влияние для того, чтобы добиться высылки Петрашевского в еще более отдаленные места, и выступил в защиту его преследователей в длинном письме, написанном им в качестве очевидца и посланном Герцену. Напечатав его в «Колоколе», Герцен выбросил все содержавшиеся в нем

нападки на Петрашевского, но рукописная копия этого письма, сделанная при пересылке его в Санкт-Петербурге, ознакомила тамошнюю публику с первоначальным текстом.

Сибирские купцы, в общем более либеральные, чем их собратья в России, хотели основать в Сибири университет, чтобы освободиться от необходимости посылать своих сыновей в далекие учебные заведения России и создать культурный центр у себя в крае. Для этого требовалось разрешение императора. Муравьев под влиянием и по совету Бакунина высказался против этого проекта. Ненависть Бакунина к науке давнего происхождения. Факт этот широко известен в Сибири. Бакунин, которого русские много раз запрашивали по этому поводу, не мог отрицать этот факт и объяснял свое поведение тем, что, *подготовляя свой побег,* он стремился заслужить расположение своего родственника — губернатора.

Бакунин не только сам пользовался и злоупотреблял милостями начальства, но за небольшую мзду добивался этих милостей для капиталистов, подрядчиков и откупщиков. Захваченные у жертв Нечаева и опубликованные правительством в 1869—1870 гг. бакунинские прокламации содержали проскрипционные списки; в числе лиц, попавших в эти списки, находился и пресловутый Катков, главный редактор «Московских ведомостей»[373]. В отместку Катков опубликовал в своей газете следующее разоблачение: у него-де есть письма Бакунина, посланные им из Лондона по приезде из Сибири, в которых Бакунин просит Каткова на правах старого друга дать ему взаймы несколько тысяч рублей. Бакунин признается, что во время своего пребывания в Сибири он получал ежегодно известную сумму от одного водочного откупщика, который платил ему, чтобы обеспечить себе при его содействии благоволение губернатора. Этот нечестный заработок (который он перестал получать после побега) тяготит его совесть, и он хотел вернуть откупщику полученные от него деньги; чтобы выполнить это доброе дело, он и просил субсидии у своего друга Каткова. Катков отказал.

Когда Бакунин обратился к своему старому другу Каткову с этой просьбой, последний уже давно заслужил себе шпоры на службе III отделения, посвятив свою газету доносам на русских революционеров, в особенности на Чернышевского, а также на польскую революцию. Таким образом, в 1862 г. Бакунин просил денег у человека, которого он знал как доносчика и литературного бандита, состоящего на содержании у русского правительства. Бакунин ни разу не осмелился опровергнуть это тяжкое обвинение.

Располагая деньгами, полученными вышеуказанным способом, и пользуясь высоким покровительством губернатора, Бакунину было очень легко совершить побег. Он не только получил паспорт на свое имя, чтобы разъезжать по Сибири, но получил также и официальное поручение проинспектировать край до его восточных границ. Прибыв в порт Николаевск, он без затруднений перебрался в Японию, откуда смог спокойно сесть на судно, отправлявшееся в Америку, и прибыть в Лондон в конце 1861 года. Так свершилась чудесная хиджра этого нового Магомета.

2. ПАНСЛАВИСТСКИЙ МАНИФЕСТ БАКУНИНА

3 марта 1861 г. Александр II при громких рукоплесканиях всей либеральной Европы провозгласил отмену крепостного права. Усилия Чернышевского и революционной партии добиться сохранения общинного владения землей хотя и привели к результату, но в такой неудовлетворительной форме, что еще до опубликования манифеста об отмене крепостного права Чернышевский с печалью признавался:

«Если бы я знал», — говорил он, —«что поднятый мной вопрос получит такое разрешение, я предпочел бы потерпеть поражение, чем одержать подобную победу. Я предпочел бы, чтобы они поступили, как намеревались, совершенно не считаясь с нашими требованиями».

И действительно, акт об отмене был не чем иным, как жульнической проделкой. Значительная часть земли была отнята у ее действительных владельцев, и была провозглашена система выкупа земли крестьянами. Этот акт царского вероломства послужил для Чернышевского и его партии новым и неопровержимым аргументом против императорских реформ. Либералы же, став под знамя Герцена, кричали во все горло: «Ты победил, галилеянин!». Слово галилеянин в их устах обозначало Александр II. — С этого момента либеральная партия, главным органом которой был «Колокол» Герцена, не переставала восхвалять царя-освободителя, и, чтобы отвлечь общественное внимание от жалоб и протестов, которые вызывал этот антинародный акт, она призывала царя продолжить свое освободительное дело и начать крестовый поход для освобождения угнетенных славянских народов, для осуществления идей панславизма.

Летом 1861 г. Чернышевский разоблачил в журнале «Современник» («Sovremennik»)[374] происки панславистов и рассказал славянским народам правду об истинном положении вещей в России и о корыстном мракобесии их лживых друзей-

панславистов. Вот тогда-то Бакунин, возвратившийся из Сибири, нашел, что пришло время выступить. Он написал первую часть длинного манифеста, напечатанного в виде приложения к «Колоколу» от 15 февраля 1862 г. под заглавием «Русским, польским и всем славянским друзьям». Вторая часть его так никогда и не появилась.

Манифест начинается следующей декларацией:

«Я сохранил отвагу всепобеждающей мысли и сердцем, волею, страстью остался верен друзьям, великому общему делу, себе... Теперь являюсь к вам, старые испытанные друзья, и вы, друзья молодые, живущие одной мыслью, одной волей с нами, и прошу вас: примите меня снова в вашу среду, и да будет мне позволено между вами и вместе с вами положить всю остальную жизнь мою на борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян».

Если Бакунин обращается с такой смиренной просьбой к своим старым и молодым друзьям, то это потому, что

«плохо быть деятелем на чужой стороне. Я это слишком хорошо испытал в революционных годах: ни во Франции, ни в Германии я не мог пустить корни. Итак, сохраняя всю горячую симпатию прежних лет к прогрессивному движению целого мира, — для того, чтобы не растратить по-пустому остаток моей жизни, я должен ограничить отныне свою прямую деятельность Россией, Польшей, славянами. Эти три отдельные мира в любви и в вере моей нераздельны».

В 1862 г., одиннадцать лет тому назад, в возрасте 51 года, великий анархист Бакунин исповедовал культ государства и панславистский патриотизм.

«Великорусский народ до сих пор жил, можно сказать, только внешней государственной жизнью. Как ни было тяжко его положение внутри, доведенный до крайнего разорения и рабства, он все-таки дорожил единством, силой, величием России и для них был готов на все жертвы. Таким способом образовался в великорусском народе государственный смысл и патриотизм без фраз, а на деле. Таким образом, он один уцелел между славянскими племенами, один удержался в Европе и дал себя почувствовать всем как сила... Не бойтесь, чтоб он потерял свое законное обаяние и ту политическую силу, которая выработалась в нем трехвековым подвигом мученического самоотречения в пользу своей государственной целости... Отошлем же татар своих в Азию, своих немцев в Германию, будем свободным, чисто русским народом...»

Чтобы придать больше веса этой панславистской пропаганде, заканчивающейся требованием крестового похода против татар и немцев, Бакунин отсылает читателя к императору Николаю:

«Говорят даже, что сам император Николай незадолго перед смертью, готовясь объявить войну Австрии, хотел позвать всех австрийских и турецких славян, мадьяр, итальянцев к общему восстанию. Он вызвал сам против себя восточную бурю и, чтобы защититься от нее, из императора-деспота хотел было превратиться в императора-революционера. Говорят, что

воззвания к славянам были им уже подписаны, и между ними — воззвание к Польше. Как ни ненавидел он Польшу, он понял, что без нее славянское восстание невозможно... он победил себя до такой степени, что готов был признать независимое существование Польши, но... только по ту сторону Вислы».

Тот самый человек, который с 1868 г. разыгрывает из себя интернационалиста, в 1862 г. проповедовал расовую войну в интересах русского правительства. Панславизм является изобретением санкт-петербургского кабинета и не имеет иной цели, как расширение европейских границ России на запад и на юг. Но так как славянам, живущим в Австрии, Пруссии и Турции, не решаются прямо объявить, что им предстоит раствориться в великой Российской империи, то им изображают Россию как державу, которая освободит их от чужеземного ига и объединит их в великую свободную федерацию. Таким образом панславизм может принимать различные оттенки, от панславизма Николая до панславизма Бакунина; но все они преследуют одну и ту же цель и все по существу прекрасно согласуются между собой, как это показывает только что приведенная нами выдержка. Манифест, к которому мы сейчас перейдем, не оставит ни малейшего сомнения на этот счет.

3. БАКУНИН И ЦАРЬ

Мы видели, что в связи с отменой крепостного права разгорелась война между либеральной и революционной партиями в России. Вокруг Чернышевского, главы революционной партии, сплотилась целая фаланга публицистов, многочисленная группа из офицеров и учащейся молодежи. Либеральная партия имела своими представителями Герцена, нескольких панславистов и значительное число мирных реформаторов и почитателей Александра II. Правительство оказало поддержку либеральной партии. В марте 1861 г. русская студенческая молодежь решительно высказалась за освобождение Польши; осенью 1861 г. она пыталась оказать сопротивление «государственному перевороту», в результате которого путем дисциплинарных и фискальных мер неимущие студенты (составлявшие свыше двух третей общего числа) лишались возможности получить высшее образование. Правительство объявило их протесты бунтом; в Петербурге, Москве и Казани сотни юношей были брошены в тюрьмы, изгнаны из университетов или исключены после трехмесячного заключения. Опасаясь, как бы эта молодежь не усилила недовольство крестьян, Государственный совет особым постановлением запретил бывшим студентам

занимать какие-либо общественные должности в деревне. Но преследования на этом не кончились. Высылают профессоров, как, например, Павлова; закрывают публичные курсы, организованные исключенными из университета студентами; предпринимают новые преследования под самыми пустыми предлогами; «касса взаимопомощи учащейся молодежи», только что разрешенная, внезапно закрывается; приостановлен выход газет. Все это довело до крайности негодование и возбуждение радикальной партии и заставило ее прибегнуть к подпольной печати. И тогда появился манифест этой партии, озаглавленный «Молодая Россия», с эпиграфом из Роберта Оуэна[375]. Этот манифест содержал ясное и точное описание внутреннего положения страны, состояния различных партий и условий печати и, провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции. Он призывал всех серьезных людей сплотиться вокруг радикального знамени.

Едва лишь появился этот подпольно печатавшийся манифест, как по роковому совпадению (если к этому не приложила рук полиция) в Петербурге начались многочисленные пожары. Правительство и реакционная печать с радостью воспользовались этим поводом, чтобы обвинить молодежь и всю радикальную партию в поджогах. Тюрьмы снова переполнились, и на дорогах, ведущих в ссылку, снова появились толпы мучеников. Чернышевский был арестован и брошен в санкт-петербургскую крепость, откуда после двух долгих лет мучений он был отправлен в Сибирь на каторжные работы.

Еще до этой катастрофы Герцен и Громека, который впоследствии содействовал усмирению Польши в качестве губернатора одной из польских губерний, яростно нападали, один в Лондоне, а другой в России, на радикальную партию и клеветали на Чернышевского, говоря, что он, пожалуй, кончит тем, что получит орден. — Чернышевский в очень сдержанной статье призывал Герцена подумать о последствиях той новой роли, которую собирался играть «Колокол», заняв открыто враждебную позицию по отношению к русской революционной партии[376]. Герцен торжественно заявил, что он готов произнести в присутствии тех, кого он называл международной демократией, то есть Мадзини, Виктора Гюго, Ледрю-Роллена, Луи Блана и т. д., пресловутый тост за здравие великого царя-освободителя; и что бы ни говорили, прибавлял он, петербургские революционные *Даниилы,* я знаю, что, вопреки им и их воплям, этот тост найдет благоприятный отклик в Зимнем дворце (резиденция царя). Революционными Даниилами были Чернышевский и его друзья.

Бакунин превзошел Герцена. Именно в тот момент, когда революционная партия была полностью разгромлена, когда Чернышевский сидел в тюрьме, Бакунин, достигший тогда 51 года, выпустил свою знаменитую брошюру к крестьянскому царю: «Романов, Пугачев или Пестель. Народное дело». Сочинение Михаила Бакунина, 1862.

«Многие еще гадают о том, будет ли в России революция или не будет. Она началась последовательно, она царит везде, во всем, во всех умах. Она действует руками правительства еще успешнее даже, чем усилиями своих приверженцев. Она не успокоится, не остановится до тех пор, пока не переродит русского мира, пока не воздвигнет и не создаст нового славянского мира.

Династия явно губит себя. Она ищет спасения в прекращении, а не в поощрении проснувшейся народной жизни. Эта жизнь, если б была понята, могла бы поднять царский дом на неведомую доселе высоту могущества и славы... А жаль! Редко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благодатная роль. Александр II мог бы так легко сделаться народным кумиром, первым русским крестьянским царем*, могучим не страхом, но любовью, свободой, благоденствием своего народа. Опираясь на этот народ, он мог бы стать спасителем и главою всего славянского мира...

Для этого нужно было только широкое, в благодушии и в правде, крепкое русское сердце. Вся русская, да вся славянская живая деятельность просилась ему в руки, готовая служить пьедесталом для его исторического величия».

Затем Бакунин требует уничтожения государства Петра Великого, *немецкого* государства, и создания «новой России». Выполнение этого дела возлагается на Александра II.

«Его начало было великолепно; он объявил свободу народу, свободу и новую жизнь после тысячелетнего рабства. Казалось, он хотел создать крестьянскую Россию» («zemskoujou Rossiou»), «потому что в государство петровском свободный народ немыслим. 19 февраля 1861 г., несмотря на все промахи, уродливые противоречия указа об освобождении крестьян, Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России». — Однако «свобода противна всем инстинктам Александра II», потому что он немец, а «немец никогда не поймет и не полюбит крестьянской России... он думал только о том, как бы укрепить здание петровского государства... задумав гибельное, невозможное, он губит себя и свой дом и готов ввергнуть Россию в кровавую революцию».

Все противоречия «указа об освобождении», все расстрелы крестьян, студенческие беспорядки, одним словом, весь террор, по мнению Бакунина,

«объясняются вполне отсутствием русского смысла и народолюбивого сердца в царе, безумным стремлением удержать во что бы то ни стало петровское государство... А он, и только он один, мог совершить в России

* Титул крестьянского царя (Zemsky Tzar), которым наделяется Александр II, является изобретением Бакунина и «Колокола».

величайшую и благодетельнейшую революцию, не пролив капли крови. Он может еще и теперь; если мы отчаиваемся в мирном исходе, так это не потому, чтоб было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконец, в способности Александра II понять единственный путь, на котором он может спасти себя и Россию. Остановить движение народа, пробудившегося после тысячелетнего сна, невозможно. Но если б царь стал твердо и смело во главе самого движения, тогда бы его могуществу на добро и на славу России не было бы меры».

Для этого ему нужно было бы только дать землю крестьянам, свободу и *self-government*[*].

«Не бойтесь также, что через областное *self-government* разорвется связь провинций между собою, разрушится единство русской земли; ведь автономия провинций будет только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И ни в одной стране, исключая, может быть, Францию, нет в народе такого смысла единства строя, государственной целости и величия народного, как в России».

В то время в России требовали созыва национального собрания[**]. Одни требовали его для разрешения финансовых затруднений, другие — чтобы покончить с монархией. Бакунин хотел его для демонстрации единства России и для упрочения власти и величия царя.

«Единство России, находившее доселе свое выражение только в лице царя, требует теперь еще другого представительства: национального собрания... Не в том вопрос, будет ли или не будет революция, а в том, будет ли исход ее мирный или кровавый? Он будет мирный и благодатный, если царь, став во главе движения народного, вместе с национальным собранием приступит широко и решительно к преобразованию России в духе свободы. Ну, а если царь задумает идти: вспять или остановится на полумерах, революция будет ужасной. Тогда революция примет характер беспощадной резни вследствие восстания всенародного... Александр II может спасти Россию от конечного разорения, от крови».

Итак, в 1862 г. революция для Бакунина означала конечное разорение России, и он умолял царя предохранить от нее страну. Для многих русских революционеров созыв национального собрания равносилен был низложению царской династии, но Бакунин кладет конец их чаяниям и объявляет им, что

«национальное собрание будет против них и за царя. Ну, а если национальное собрание будет враждебно царю? — Да возможно ли это? Ведь посылать на него своих выборных будет народ, до сих пор еще безгранично в царя верующий, всего от него ожидающий. Откуда же взяться вражде?.. Нет сомнения в том, что если бы царь созвал теперь» (в феврале 1862 г.) «национальное собрание, он впервые увидел бы себя окруженным людьми, действительно ему преданными. Продолжись анархия[***]

[*] — самоуправление. *Ред.*
[**] В русском тексте Бакунин здесь и дальше употребляет термин: «всенародный земским собор». *Ред.*
[***] у Бакунина—«безурядица». *Ред.*

еще несколько лет, расположение народа может перемениться. В наше время быстро живется. Но теперь народ за царя и против дворянства, и против чиновничества, и против всего, что носит немецкое» (то есть европейское) «платье. Для него все враги в этом лагере официальной России, *все — кроме царя.* Кто же станет говорить ему против царя? А если б кто и стал говорить, разве народ ему поверит? *Не царь ли освободил крестьян против воли дворян, против совокупного желания чиновничества?»*

«Русский народ через своих представителей в первый раз встретится лицом к лицу со *своим* царем. Минута решительная, минута в высшей степени критическая! Как понравятся они друг другу? От этой встречи будет зависеть вся будущность и царя и России. Доверию и преданности посланцев народных к царю не будет пределов. Опираясь на них, встретив их с равною верою и любовью, царь мог бы поставить свой трон так высоко и так крепко, как он еще никогда не стоял. Но что, если вместо царя-избавителя, царя народного*, народные посланцы встретят в нем петербургского императора в прусском мундире, тесносердечного немца? Что, если вместо ожидаемой свободы царь не даст ему ничего или почти ничего?.. Ну, тогда не сдобровать и царизму. Наступит конец по крайней мере императорству петербургскому, немецкому, гольштейн-готорпскому.

Если бы в этот роковой момент, когда для целой России будет решаться вопрос о жизни и смерти, о мире и крови, перед национальным собранием предстал царь народный, *царь добрый, царь правдивый,* любящий Россию, готовый устроить народ по воле его, чего бы не мог он сделать с таким народом! Кто смел бы восстать против него? И мир, и вера восстановились бы, как чудом, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всех безобидно, для всех привольно. *Руководимое таким царем* национальное собрание создало бы новую Россию. Никакой злой умысел и никакая враждебная сила не были в состоянии бороться против соединенного могущества царя и народа... Есть ли надежда, что такой союз состоится? Мы скажем прямо, что нет».

Что бы он там ни говорил, Бакунин все-таки не теряет надежды увлечь за собой своего царя и, чтобы воздействовать на него, он пугает его революционной молодежью, которая, если царь будет медлить, сумеет выполнить свое дело и пробьет себе дорогу к народу.

«И почему молодежь не за вас, а вся молодежь против вас? Ведь это для вас большое несчастье... ей прежде всего надо воли да правды. Но почему отстала она от царя, почему объявила себя против того, кто первый объявил свободу народу?.. Не увлекалась ли она *отвлеченными революционными идеалами и громким словом «республика»?* Отчасти, пожалуй, и так, но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи хорошо понимает, что *западные абстракции,* консервативные ли, либерально-буржуазные или даже демократические, *к русскому движению неприменимы...* Русский народ движется не по отвлеченным принципам... он чужд западным идеалам, и все попытки доктринаризма консервативного, либерального, даже революционного подчинить его своему направлению будут напрасны... у него свои собственные идеалы... он в историю внесет новые начала и создаст цивилизацию иную, *и новую веру,* и новое право, и новую жизнь.

Перед этим великим, серьезным и даже грозным лицом народа нельзя дурачиться. Молодежь оставит смешную и противную роль непрошенных

* У Бакунина — «земского». *Ред.*

школьных учителей... Чему мы станем учить? Ведь если оставим естественные и математические науки в стороне, последним словом всей нашей премудрости будет отрицание так называемых непреложных истин западного учения, полное отрицание Запада».

Затем Бакунин обрушивается на авторов «Молодой России», обвиняет их в доктринерстве, в желании выступить в качестве учителей народа, в компрометации дела; он называет их детьми, ничего не понимающими и почерпнувшими свои идеи из нескольких прочитанных ими западных книжек. — Правительство, которое в тот момент заточало этих юношей в тюрьмы как поджигателей, бросало им точно такие же упреки. И чтобы успокоить своего царя, Бакунин заявляет:

«Народ не стоит за эту революционную партию... огромное большинство нашей молодежи принадлежит к партии народной, к той партии, которая поставила себе единой целью торжество народного дела; эта партия не имеет предрассудков, ни за царя, ни против царя, и если бы сам царь, начавши великое дело, не изменил впоследствии народу, она бы никогда от царя не отстала; и теперь еще не поздно, та же самая молодежь радостно пошла бы за ним, лишь бы только он сам шел во главе народа. Не остановили бы ее *никакие западно-революционные предрассудки.* А немцам пора в Германию. Если бы царь понял, что он отныне должен быть не главою насильственной централизации, а главою *свободной федерации вольных народов,* то, опираясь на плотную возрожденную силу, в союзе с Польшей и Украиной, разорвав все ненавистные союзы немецкие, подняв смело всеславянское знамя, он стал бы *избавителем славянского мира!*

Да, в самом деле, идти войной на немцев хорошее, а главное, необходимое славянское дело, во всяком случае лучше, чем поляков душить немцам в угоду. Подняться на освобождение славян из-под ига турецкого и немецкого будет необходимостью и святою обязанностью освобожденного русского народа».

В той же брошюре он призывает революционную партию сплотиться под знаменем народного дела. Вот несколько пунктов программы этого народного дела по-царски:

«Статья 1. Мы» (Бакунин и К°) «хотим *self-government* народного — общинного, провинциального*, областного и, наконец, государственного, с царем или без царя, все равно и как захочет народ. — Статья 2. ... Мы готовы и обязаны помогать Польше, Литве, Украине против всякого насилия и против всех внешних врагов, особливо же против немцев. — Статья 4. Вместе с Польшей, с Литвой, с Украиной мы хотим подать руку помощи нашим братьям славянам, томящимся ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империй, обязываясь не вложить меча в ножны, пока хоть один славянин останется в немецком, в турецком или другом каком рабстве». —

Статья 6 предписывает союз с Италией, Венгрией, Румынией и Грецией; это — как раз те союзы, которых искало тогда русское правительство.

* У Бакунина — «волостного, уездного». *Ред.*

«Статья 7. Мы будем стремиться вместе со всеми племенами славянскими к осуществлению заветной славянской мечты: к созданию великой и вольной федерации всеславянской ... чтобы существовала единая и нераздельная общеславянская сила.

Вот широкая программа дела славянского, вот необходимое последнее слово народно-русского дела. Этому-то делу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь с кем, куда и за кем мы пойдем? Куда? — Мы сказали. С кем? Мы также сказали: разумеется, ни с кем другим, как с народом. Но за кем? За Романовым, за Пугачевым или, если новый Пестель найдется, за ним?*

Скажем правду: *мы охотнее всего пошли бы за Романовым,* если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя крестьянского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что народ русский еще его признает и что сила его создана, готова на дело и могла бы сделаться непобедимой силой, если б он дал ей только крещение народное. Мы еще потому пошли бы за ним, что *он один* мог совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но все-таки они — зло, великое зло и большое несчастье не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской.

Итак отношение наше к Романову ясно. *Мы — не ераги его,* но и не друзья. Мы — друзья народно-русского, славянского, дела. Если царь во главе его, мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами. Поэтому весь вопрос состоит в том: хочет ли он быть русским царем, крестьянским царем, Романовым или гольштейн-готорпским императором петербургским? Хочет ли он служить России, славянам или немцам? Вопрос этот скоро решится, и тогда мы будем знать, что нам делать».

К сожалению, царь не счел нужным созвать национальное собрание, куда Бакунин, как видно из этой брошюры, уже выставлял свою кандидатуру. Его избирательный манифест и коленопреклонение перед Романовым оказались напрасными. Его наивная доверчивость была недостойно обманута, и у него не оставалось другого выхода, как броситься очертя голову во всеразрушительную анархию.

После этих досужих вымыслов учителя, падающего ниц перед своим крестьянским царем, его ученики и друзья, Альбер Ришар и Гаспар Блан, имели полное право кричать во все горло: Да здравствует крестьянский император Наполеон III!

* Романов — фамилия царя; Пугачев был вождем великого казацкого восстания при Екатерине II; Пестель был главою заговора 1825 г. против Николая I, он был повешен.

XI
ДОКУМЕНТЫ

1. ТАЙНЫЕ СТАТУТЫ АЛЬЯНСА

Экземпляр этих статутов, находящийся в нашем распоряжении, частично написан рукой Бакунина. Он раздавал копии статутов не только посвященным, но также многим лицам, которых надеялся соблазнить откровением своей блестящей программы. Авторское тщеславие одерживало верх над угрюмой скрытностью мистификатора.

ОРГАНИЗАЦИЯ АЛЬЯНСА
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАТЬЕВ

ТРИ СТЕПЕНИ:

I. *Интернациональные братья.*

II. *Национальные братья.*

III. Полутайная, полуоткрытая организация *Международного альянса социалистической демократии.*

I. УСТАВ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАТЬЕВ

1. Интернациональные братья не имеют иного отечества, кроме всемирной революции, иной чужбины и иных врагов, кроме реакции.

2. Они отвергают всякую политику соглашательства и уступок и считают реакционным всякое политическое движение, которое не имеет непосредственной и прямой целью торжество их принципов.

3. Они суть братья, они никогда не выступают друг против друга, не разрешают своих споров ни публично, ни перед судом. Третейский суд, избранный из числа братьев обеими сторонами, — вот их единственное правосудие.

4. Каждый должен быть священным для всех остальных, более священным, чем брат по рождению. Каждый брат должен получать помощь и защиту от всех остальных братьев до пределов возможного.

5. Интернациональным братом может стать только тот, кто искренне примет всю программу, со всеми вытекающими из нее теоретическими и практическими последствиями, тот, в ком ум, энергия, честность и сдержанность соединяются с *революционной страстностью,* тот, в ком сам черт сидит. Мы не навязываем ни обязанностей, ни жертв. Но тот, кто обладает

этой страстностью, многое сделает, даже и не сознавая, что он приносит жертвы.

6. Для брата не должно быть более серьезных и более священных дел, интересов или обязанностей, чем служба революции и нашей тайной организации, призванной ей служить.

7. Брат всегда имеет право отказаться от выполнения поручения, возлагаемого на него центральным комитетом или его национальным комитетом, но большим числом последовательных отказов он выявит себя как человек недобросовестный или ленивый и может быть временно исключен своим национальным комитетом, а по представлению последнего временно выведен из числа членов центральным комитетом впредь до окончательного решения конституанты.

8. Ни один брат не может занять общественного поста без согласия комитета, к которому он принадлежит. — Ни один из них не может совершать публичных действий или выступлений, противоречащих или даже чуждых линии поведения, определенной его комитетом, и без консультации с этим последним. Каждый раз, когда двое или более братьев окажутся вместе, они должны консультироваться друг с другом по всем важным общественным делам.

9. Все интернациональные братья знают друг друга. *Между ними никогда не должно быть политических секретов.* Ни один из них не может участвовать в каком-либо тайном обществе без определенного согласия своего комитета, а, в случае надобности, когда последний этого потребует, без согласия центрального комитета. — И он сможет участвовать в таком тайном обществе лишь при условии, что он будет раскрывать перед ними все тайны, которые могут их прямо или косвенно интересовать.

10. Организация интернациональных братьев подразделяется следующим образом: А. *Генеральный комитет или конституанта.* В. *Центральный комитет.* С. *Национальные комитеты.*

А. Генеральный комитет

Это собрание всех или по крайней мере двух третей интернациональных братьев, регулярно созываемых либо в установленные сроки, либо большинством центрального комитета на чрезвычайное совещание. Он является высшей учредительной и исполнительной властью всей нашей организации и может изменять ее программу, уставы и органические статуты.

В. Центральный комитет

состоит из: *а) центрального бюро* и *b*) *центрального наблюдательного комитета.* Членами этого последнего являются все интернациональные братья, которые, не являясь членами бюро, окажутся на достаточно близком расстоянии, чтобы можно было созвать их в двухдневный срок, и, конечно, все братья, находящиеся в данном месте проездом. В остальном, во всех своих взаимоотношениях они руководствуются уставом Альянса социалистической демократии (см. статьи 2—4).

С. Национальные комитеты

Каждый национальный комитет составляется из всех интернациональных братьев (независимо от их национальности), которые оказываются налицо или поблизости от центра национальной организации. Каждый

национальный комитет также подразделяется на: *а) национальное исполнительное бюро* и Ь) *национальный наблюдательный комитет.* Последний должен включать всех интернациональных братьев, имеющихся налицо, не входящих в состав бюро. Взаимоотношения те же, что и в Альянсе социалистической демократии.

11. Для приема нового брата требуется *единогласное решение* всех наличных (не менее трех) членов национального комитета и *утверждение* большинством в две трети *центрального комитета. Центральный комитет* единогласным решением всех своих членов может сам принять нового брата.

12. Каждый национальный комитет должен собираться не реже одного раза в неделю, чтобы контролировать и активизировать организационную, пропагандистскую и административную работу своего бюро. — Он является естественным судьей поведения каждого из своих членов во всем, что касается либо их революционного достоинства, либо их взаимоотношений с обществом. Его решения должны представляться на утверждение центрального комитета. Он направляет деятельность и публичные выступления всех своих членов. Либо через посредство своего бюро, либо через посредство назначенного им брата он поддерживает регулярную переписку с *центральным бюро,* которому он обязан писать не реже одного раза в две недели.

13. *Национальный комитет* организует тайное *объединение* национальных братьев своей страны.

II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАТЬЯ

14. Национальные братья должны быть организованы в каждой стране таким образом, чтобы они никогда не могли уклониться от руководства со стороны общей организации интернациональных братьев, в частности от руководства *генерального комитета* и *центрального комитета.* Их программы и уставы могут окончательно вступить в силу лишь после получения санкции *центрального комитета.*

15. Каждый национальный комитет имеет право, если находит это целесообразным, установить две категории национальных братьев: *a*) категорию национальных братьев, которые знают друг друга по всей стране, и *b*) категорию братьев, которые знают друг друга лишь в пределах небольших групп. — Национальные братья ни в коем случае не должны даже подозревать о существовании международной организации.

16. *Провинциальные центры,* состоящие либо полностью, либо частично из интернациональных братьев или из национальных братьев первой категории, будут организованы во всех важных пунктах страны, имея своей задачей возможно глубже и возможно шире развивать тайную организацию и пропаганду ее принципов, — не ограничиваясь деятельностью в городах, а стараясь также распространять их в деревнях и среди крестьян.

17. Национальные комитеты должны изыскивать, возможно быстрее, финансовые средства, необходимые не только для успешной деятельности своей собственной организации, но также и для общих нужд всей ассоциации. Они будут поэтому посылать часть — половину? — центральному бюро.

18. Национальные бюро должны действовать очень активно, памятуя, что принципы, программы и уставы только тогда чего-нибудь стоят, когда в людях, которые должны претворять их в жизнь, сам черт сидит.

ТАЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

1. *Постоянный центральный комитет* Альянса состоит из всех членов *постоянных национальных комитетов* и из членов *центральной секции в Женеве.*

Собравшись в полном составе, все эти члены образуют *тайное общее собрание* Альянса, являющееся учредительной и верховной властью Альянса, созываемое не реже одного раза в год на рабочий конгресс в качестве делегатов различных национальных групп Альянса; общее собрание может быть также созвано в любое время как *центральным бюро,* так и *центральной секцией в Женеве.*

2. Центральная секция в Женеве является постоянной делегацией постоянного центрального комитета. Она состоит из всех. членов *центрального бюро* и из всех тех членов *наблюдательного комитета,* которые в обязательном порядке всегда должны являться и членами постоянного центрального комитета. — *Центральная секция* является: *верховным исполнительным советом* Альянса, в рамках конституции и линии поведения, которые могут устанавливаться и изменяться лишь *общим собранием.* Она решает все практические вопросы (но не конституционные и общеполитические) простым большинством голосов; принятые таким образом решения *обязательны* для *центрального бюро,* если только большинство членов бюро не пожелает апеллировать к *общему собранию,* которое оно обязано в таком случае созвать в трехнедельный срок. — Созванное таким образом *общее собрание* правомочно только в том случае, если оно состоит из двух третей всех своих членов.

3. *Центральное бюро* — орган исполнительной власти — насчитывает от 3 до 5 или даже 7 членов, которые должны обязательно быть одновременно *членами постоянного центрального комитета.* В качестве одной из двух частей, составляющих *тайную центральную секцию, центральное бюро* является тайной организацией. В качестве таковой оно получает указания от *центральной секции* и посылает свои сообщения, чтобы не сказать свои тайные приказы, всем *национальным комитетам,* от которых получает секретные отчеты не реже одного раза в месяц. В качестве *исполнительной власти* открытого Альянса, оно является открытой организацией. В качестве таковой, оно будет поддерживать более или менее тайные или открытые связи, в зависимости от страны и обстоятельств, со всеми *национальными бюро,* от которых оно также ежемесячно будет получать отчеты. Внешне его правление будет соответствовать президентству в федеративной республике. *Центральное бюро,* в качестве исполнительной власти Альянса, как тайной, так и открытой, активизирует тайную и открытую пропаганду общества и содействует его развитию во всех странах всеми возможными средствами. Оно ведает той частью финансовых средств, которая, согласно статье b) открытого устава, высылается ему из всех стран на общие нужды. Оно издает газету и брошюры и направляет своих разъездных агентов для создания групп Альянса в тех странах, где их еще нет. Во всех мероприятиях, которые ему предстоит проводить в интересах Альянса, оно должно подчиняться решениям большинства *тайной центральной секции,* в состав которой, впрочем, входят все его члены. В качестве организации одновременно и открытой и тайной, и поскольку оно состоит исключительно из членов *постоянного центрального комитета, центральное бюро* всегда будет являться прямым представительством этого *комитета. Временное центральное бюро* теперь будет представлено *женевской инициативной группе,* как временно избранное *всеми членами-основателями Альянса,* большинство которых, в прошлом участники Бернского конгресса, разъехались по своим странам,

передав свои полномочия гражданину *Б.*[*] — Это бюро будет функционировать до первого открытого общего собрания, которое, согласно статье 7 открытого устава, должно собраться в качестве ветви Международного Товарищества Рабочих на ближайшем рабочем конгрессе. Само собой разумеется, что члены *нового центрального бюро* будут назначены этим собранием. Но так как настоятельно необходимо, чтобы *центральное бюро* всегда состояло только из членов *постоянного центрального комитета,* то последний должен при посредстве своих национальных комитетов обеспечить такую организацию всех местных групп и такое руководство ими, чтобы они послали делегатами на это собрание только членов постоянного центрального комитета или, за неимением таковых — людей, абсолютно преданных руководству своих национальных комитетов, дабы постоянный центральный комитет всегда держал в руках всю организацию Альянса.

4. *Наблюдательный комитет* осуществляет контроль над всей деятельностью центрального бюро. — Он состоит из всех членов постоянного центрального комитета, проживающих в той местности, в которой находится местопребывание *центрального бюро* или поблизости, а также из всех членов, находящихся там или поблизости, временно или проездом, за исключением членов, образующих бюро. По требованию двух членов наблюдательного комитета, все его члены должны собраться в трехдневный срок, вместе с членами центрального бюро, чтобы образовать *собрание центральной секции верховного исполнительного совета,* права которого определены статьей 2.

5. *Национальные комитеты* образуются из всех членов постоянного центрального комитета, принадлежащих к одной нации. При наличии трех членов постоянного центрального комитета одной национальности, бюро или, в случае необходимости, центральная секция предложат им образовать национальный комитет своей страны. Каждый национальный комитет может назначить нового члена центрального комитета своей страны, но не иначе, как по единогласному решению всех своих членов. При назначении нового члена национальный комитет должен немедленно довести об этом до сведения центрального бюро, которое зарегистрирует этого нового члена и тем самым облечет его всеми правами члена постоянного центрального комитета. — *Центральная секция* в Женеве также правомочна назначать новых членов по единогласному решению всех своих членов.

Каждый *национальный комитет* имеет специальной задачей — основать и организовать национальную группу Альянса, как открытую, так и тайную, в своей стране. Он является высшим руководством и главой этой группы через посредство своего *национального бюро,* которое ему надлежит создать, образовав его исключительно из членов постоянного центрального комитета. *Национальные комитеты* по отношению к соответственным бюро будут иметь те же отношения, права и полномочия, что и *центральная секция* по отношению к *центральному бюро. — Национальные комитеты,* образуемые соединением соответствующих *бюро* и *наблюдательных комитетов,* не признают иного руководства, кроме *центрального бюро,* и будут служить единственными посредниками между этим последним и всеми *местными группами* своей страны, как в области пропаганды и администрации, так и в области взимания и уплаты взносов. *Национальные комитеты,,* при посредстве соответствующих бюро, должны обеспечить организацию Альянса в своих странах таким образом, чтобы члены постоянного центрального комитета всегда господствовали в нем и представляли его на конгрессах.

[*] — М. Бакунину. *Ред.*

По мере организации местных групп национальными бюро, последние должны представлять их устав и программу на утверждение центрального бюро, без чего местные группы не могут принадлежать к Международному альянсу социалистической демократии.

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА

1. Международный альянс основан для того, чтобы служить организации и ускорению всемирной революции на основе принципов, провозглашенных в нашей программе.

2. В соответствии с этими принципами, целью революции может быть только: *a*) Разрушение всякого господства и всех властей — религиозных, монархических, аристократических и буржуазных — в Европе. Следовательно, разрушение всех существующих ныне государств со всеми их политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми учреждениями. *b)* Воссоздание нового общества на единственной основе свободно ассоциированного труда, имеющего исходным пунктом коллективную собственность, равенство и справедливость.

3. Революция, как мы ее понимаем, или, вернее, какой она неизбежно выдвигается ныне силой вещей, носит по существу международный или всеобщий характер. Перед лицом угрожающей коалиции всех привилегированных интересов и всех реакционных сил Европы, располагающих всеми ужасающими средствами, которые дает им умелая организация, перед лицом глубокого раскола, повсюду царящего теперь между буржуазией и рабочими, — никакая национальная революция не сможет добиться успеха, если она тотчас же не распространится на все другие нации; но она никогда не сможет перешагнуть границы одной страны и принять характер всеобщности, если в себе самой она не будет содержать всех элементов этой всеобщности, то есть если она не будет революцией откровенно социалистической, разрушающей государство и создающей свободу путем равенства и справедливости; ибо отныне ничто не сможет объединить, наэлектризовать, поднять великую, единственно подлинную силу века — рабочих, кроме лозунга полного освобождения труда на развалинах всех учреждений, стоящих на стороне наследственного землевладения и капитала.

4. Так как предстоящая революция может быть только всеобщей, Альянс, или — скажем прямо — заговор, который должен ее подготовить, организовать и ускорить, также должен быть таковым.

5. Альянс преследует двоякую цель: *a)* Он стремится распространить в народных массах всех стран правильные взгляды на политику, социальную экономию и на все философские вопросы. Он будет вести активную пропаганду с помощью газет, брошюр и книг, а также путем создания открытых обществ; *b)* Он постарается привлечь к себе всех людей: умных, энергичных, выдержанных, людей доброй воли, искренне преданных нашим идеям, чтобы образовать по всей Европе и, по возможности, также и в Америке, невидимую сеть преданных революционеров, ставших более сильными именно благодаря этому союзу.

ПРОГРАММА И ЦЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАТЬЕВ

1. Принципы этой организации те же, что и принципы программы Международного альянса социалистической демократии. Они будут еще яснее изложены в части, касающейся женского вопроса, семьи с точки

зрения религии, права и государства, в программе *русской социалистической демократии.*

Центральное бюро оставляет за собой право представить в скором времени их более развернутое теоретическое и практическое изложение.

2. Объединение интернациональных братьев стремится к всеобщей революции, — одновременно социальной, философской, экономической и политической, — чтобы от современного порядка вещей, основанного на собственности, эксплуатации, подчинении и принципе авторитета, — религиозного, метафизического и буржуазно-доктринерского или даже якобинско-революционного, — не осталось камня на камне сначала во всей Европе, а затем и в остальном мире; бросая клич: мир трудящимся, свобода всем угнетенным, смерть угнетателям, эксплуататорам и всякого рода попечителям, мы стремимся разрушить все государства и все церкви, со всеми их учреждениями и законами, религиозными, политическими. юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и социальными, с тем чтобы миллионы несчастных человеческих существ, обманутых, порабощенных, измученных, эксплуатируемых, вздохнули, наконец, вполне свободно, освободившись от всех своих официальных и официозных, коллективных и индивидуальных наставников и благодетелей.

3. Убежденные в том, что индивидуальное и социальное зло коренится не столько в отдельных личностях, сколько в организации вещей и в общественных положениях, мы будем гуманны, как из чувства справедливости, так и по расчету, и мы безжалостно разрушим эти положения и сами вещи, чтобы, без всякого ущерба для революции, пощадить людей. Мы отрицаем за обществом *свободу воли* и мнимое право наказывать. Сама по себе справедливость, взятая в наиболее человечном, наиболее широком смысле слова, является только идеей, так сказать, негативной и переходной; она выдвигает социальные проблемы, но не обдумывает их, указывая только единственно возможный путь освобождения человека, а именно: гуманизация общества посредством свободы и равенства; положительное решении может быть дано лишь во все более и более рациональной организация общества. Это столь желанное решение, наш общий идеал... это свобода, нравственность, разум и благосостояние каждого посредством всеобщей солидарности — человеческое братство.

Каждый человеческий индивид является невольным продуктом естественной и социальной среды, в которой он родился, развивался и влиянию которой он продолжает подвергаться. Три важные причины всей людской безнравственности заключаются в неравенстве, как политическом, так экономическом и социальном; невежестве, являющемся его естественным результатом, и их необходимом следствии — *рабстве.*

Так как организация общества всегда и всюду является единственной причиной преступлений, совершаемых людьми, наказывать преступников является лицемерием или явным абсурдом со стороны общества, ибо всякое наказание предполагает виновность, а преступники никогда не бывают виноваты. Теория виновности и наказания — порождение богословия, то есть сочетания абсурда и религиозного лицемерия.

Единственное право, которое можно признать за обществом в его современном переходном состоянии, это естественное право *убивать* создаваемых им самим преступников в интересах самозащиты, а не право судить и осуждать их. Это право даже не является правом в точном смысле этого слова; это скорее естественный факт, прискорбный, но неизбежный, признак и результат бессилия и тупости современного общества; чем меньше общество будет прибегать к нему, тем оно будет ближе к своему подлинному освобождению. Все революционеры, все угнетенные, все страждущие —

жертвы современной организации общества, чьи сердца естественно преисполнены ненависти и мщения, должны помнить, что короли, угнетатели, эксплуататоры всякого рода так же виновны, как и преступники, вышедшие из народной массы. Они — злодеи, но не виновные, ибо и они, как и обычные преступники, являются невольным продуктом современной организации общества. Не будет ничего удивительного, если в первый момент восставший народ многих из них убьет; это будет несчастьем, быть может, неизбежным, но столь же незначительным, как разрушения, причиняемые бурей.

Но этот естественный факт не будет ни нравственным, ни даже полезным. В этом отношении история полна поучительных примеров: ужасная гильотина 1793 г., которую нельзя было обвинить ни в бездействии, ни в медлительности, не добилась уничтожения класса дворян во Франции. Аристократия, если и не была полностью уничтожена, во всяком случае была глубоко потрясена, не гильотиной, а конфискацией и распродажей дворянских земель. И вообще можно сказать, что политические избиения ни разу не наносили партии смертельного удара; они оказывались особенно бессильными против привилегированных классов, ибо сила коренится не столько в людях, сколько в том положении, в которое поставлены привилегированные люди порядком вещей, то есть *институтом государства* и его естественным следствием и в то же время основой — *частной собственностью.*

Чтобы совершить радикальную революцию, нужно, следовательно, обрушиться на положения и на вещи, разрушить собственность и государство; тогда не понадобится уничтожать, людей в обрекать себя на верную и неизбежную реакцию, которая всегда приводила и всегда будет приводить в каждом обществе только к истреблению людей.

Но чтобы иметь право быть гуманным к людям, без ущерба, для революции, нужно быть безжалостным с положениями и вещами; нужно разрушить все, а в особенности и прежде всего собственность и ее неизбежное следствие — *государство.* В этом весь секрет революции.

Не приходится удивляться тому, что якобинцы и бланкисты, которые стали социалистами скорее по необходимости, чем по убеждению, и для которых социализм является средством, а не целью Революции, ибо они хотят диктатуры, то есть централизации государства, а государство приведет их, в силу неизбежной и логической необходимости, к восстановлению собственности, — вполне естественно, говорим мы, что, не желая совершать радикальную революцию против вещей, они замышляют кровавую революцию против людей. Но эта кровавая революция, основанная на построении сильно централизованного революционного государства, неизбежно привела бы, как мы это докажем дальше более обстоятельно, к появлению военной диктатуры, к новому властителю. Следовательно, победа якобинцев или бланкистов означала бы смерть революции.

4. Мы являемся естественными врагами тех революционеров — будущих диктаторов, законодателей и опекунов революции, который даже еще до того, как современные монархические, аристократические и буржуазные государства разрушены, уже мечтают о создании новых революционных государств, столь же централизованных и еще более деспотичных, чем существующие ныне государства, которые настолько привыкли к порядку, созданному сверху каким-нибудь авторитетом, и так боятся того, что кажется им беспорядком, а на деле является лишь прямым и естественным проявлением народной жизни, что еще раньше, чем революция произведет такой славный и спасительный беспорядок, они мечтают уже о ее завершении и обуздании действиями какой-нибудь власти, у которой от революции

будет только название, но которая на деле окажется лишь новой реакцией, ибо снова обречет народные массы, управляемые декретами, к повиновению, застою, смерти, то есть к рабству и эксплуатации со стороны новой псевдореволюционной аристократии.

5. Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что ныне называют дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется «общественным порядком».

Мы не боимся анархии, а призываем ее, убежденные в том, что из этой анархии, то есть из полного проявления освобожденной народной жизни, должны родиться свобода, равенство, справедливость, новый порядок и сама сила революции против реакции. Эта новая жизнь — народная революция — несомненно не замедлит сорганизоваться, но она создаст свою революционную организацию снизу вверх и от периферии к центру — в соответствии с принципом свободы, а не сверху вниз, не от центра к периферии, по примеру всякого авторитета, — ибо для нас неважно, называется ли этот авторитет церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой. Мы их всех в равной мере ненавидим и отвергаем, как неизбежный источник эксплуатации и деспотизма.

6. Революция, как мы ее понимаем, должна будет с первого же дня радикально и до конца разрушить государство и все государственные учреждения. Естественным и необходимым следствием этого разрушения явятся: ***a)*** государственное банкротство; *b)* прекращение государственного вмешательства во взыскание частных долгов, путем предоставления каждому должнику права платить свои долги, если он этого пожелает; *c)* прекращение уплаты всяких налогов и взимания всяких податей, как прямых, так и косвенных; *d)* роспуск армии, судебного ведомства, чиновничества, полиции и духовенства; *e)* упразднение официальной юстиции, отмена всего того, что юридически именовалось правом, и осуществления этих прав. Следовательно, отмена и аутодафе всех документов на право собственности, вводов в наследство, купчих, дарственных, всех судебных дел, одним словом, всего юридического и гражданского бумажного хлама. Всюду и во всем революционное действие вместо созданного и гарантированного государством права; *f)* конфискация всех производственных капиталов и орудия труда в пользу рабочих товариществ, которые коллективно должны будут пустить их *в* ход; *g)* конфискация всех церковных и государственных имуществ, а также благородных металлов, принадлежащих отдельным лицам, в пользу федеративного альянса всех рабочих товариществ — альянса, который образует коммуну. Взамен конфискованных имуществ, коммуна снабдит лиц, лишенных таким образом собственности, самым необходимым, в дальнейшем они смогут своим собственным трудом зарабатывать больше, если они пожелают и сумеют. — *h)* Для организации коммуны — федерация перманентно действующих баррикад и учреждение совета революционной коммуны путем делегирования одного или двух депутатов от каждой баррикады, одного от каждой улицы или квартала — депутатов, снабженных императивными мандатами, во всех отношениях ответственных и в любое время сменяемых. Организованный таким путем совет коммуны сможет выбрать из своей среды исполнительные комитеты, особые для каждой отрасли революционного управления коммуны. *i)* Декларация восставшей столицы, организованной в коммуну, о том, что, уничтожив авторитарное и опекунское государство, на что она имела право, так как, подобно остальным местностям, была порабощена им, она отказывается от своего права, вернее, от всяких притязаний на управление и принуждение провинций. *k)* Призыв ко всем провинциям, коммунам и ассоциациям, бросив все, последовать примеру столицы

и сначала *реорганизоваться* по-революционному, а затем делегировать в условленный сборный пункт своих депутатов, также всех снабженных императивными мандатами, ответственных и сменяемых, для образования федерации ассоциаций, коммун и провинций, восставших во имя тех же принципов, и для организации революционной силы, способной восторжествовать над реакцией. Направление — не официальных революционных комиссаров с какими-то шарфами через плечо — а революционных пропагандистов во все провинции и коммуны, особенно к крестьянам, которых не смогут революционизировать ни принципы, ни декреты какой-либо диктатуры, а лишь непосредственное революционное действие, то есть те следствия, которые неизбежно вызовет во всех коммунах полное прекращение официальной юридической жизни государства. Отмена национального государства также и в том смысле, что любая чужая страна, провинция, коммуна, ассоциация, или даже отдельная личность, восставшая во имя тех же принципов, будет принята в революционную федерацию, невзирая на существующие границы государств и принадлежность к различным политическим или национальным системам; тогда как свои собственные провинции, коммуны, ассоциации и отдельные лица, которые станут на сторону реакции, не будут в нее допускаться. Следовательно, благодаря самому факту распространения и организации революции в целях взаимной защиты восставших стран, восторжествует всеобщность революции, основанная на отмене границ и на разрушении государств.

7. Отныне победоносная, политическая или национальная, революция невозможна, если только политическая революция не превращается в революцию социальную и если национальная революция, именно в силу своего радикально-социалистического характера и разрушения государства, не превратится во всеобщую революцию.

8. Поскольку революция должна повсюду совершаться народом, и высшее руководство ею должно постоянно принадлежать народу, организованному в свободную федерацию сельскохозяйственных и промышленных ассоциаций, — новое и революционное государство, организованное снизу вверх посредством революционных делегаций и охватывающее все страны, восставшие во имя одинаковых принципов, невзирая на старые границы и национальные различия, поставит себе целью управление общественными ведомствами, а не управление народами. Оно создает новое *отечество — Альянс всеобщей революции* против альянса всех реакционных сил.

9. Эта организация исключает всякую идею диктатуры и опекунской правящей власти. Но именно для создания этого революционного альянса и для торжества революции над реакцией необходимо, чтобы среди народной анархии, которая составит самую жизнь и всю энергию революции, *единство революционной мысли и действия нашло свое воплощение в некоем органе.* Этим органом должно быть *тайное и всемирное объединение интернациональных братьев.*

10. Это объединение исходит из убеждения, что революции никогда не совершаются ни личностями, ни тайными обществами. Они совершаются как бы сами собой, вызванные силой вещей, ходом событий и фактов. Они долгое время подготовляются в глубине инстинктивного сознания народных масс, а затем разражаются, внешне часто вызванные незначительными причинами. Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество, это, прежде всего, помочь рождению революции, распространяя в массах идеи, соответствующие инстинктам масс, и организовать — не армию революции — армией должен быть всегда народ, — но своего рода революционный главный штаб, состоящий из лиц преданных, энергичных, умных и, главное, искренних, — а не честолюбивых и тщеславных, — друзей

народа, способных служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами.

11. Число этих лиц не должно, следовательно, быть чрезмерно велико. Для международной организации во всей Европе достаточно сотни серьезно и крепко сплоченных революционеров. Двух-трех сотен революционеров будет достаточно для организации самой большой страны.

2. ПРОГРАММА И УСТАВ ОТКРЫТОГО АЛЬЯНСА

Социалистическое меньшинство Лиги мира и свободы, отделившись от этой Лиги в результате голосования большинства Бернского конгресса, официально высказавшегося против основного принципа всех рабочих ассоциаций, а именно *экономического и социального равенства классов и индивидов,* тем самым присоединилось к принципам, провозглашенным на *рабочих конгрессах,* состоявшихся в Женеве, Лозанне и Брюсселе. Несколько членов этого меньшинства, принадлежащие к различным национальностям, предложили нам организовать новый *Международный альянс социалистической демократии,* влитый в великое *Международное Товарищество Рабочих,* но имеющий своей *особой миссией* изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа всеобщего и действительного равенства всех людей на земле.

Убежденные, со своей стороны, в *полезности* подобного начинания, которое *даст* искренним социалистическим демократам Европы и Америки *средство взаимопонимания и утверждения своих идей,* вне какого-либо давления со стороны фальшивого социализма, который буржуазная демократия считает ныне нужным афишировать, мы сочли своим долгом взять на себя, совместно с этими друзьями, инициативу создания этой новой организации.

Исходя из этого, мы конституировались в центральную секцию *Международного альянса социалистической демократии* и публикуем в настоящее время ее *программу* и *устав.*

ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

1) *Альянс* объявляет себя атеистическим; он стремится к отмене культов, к замене веры наукой и божественной справедливости — справедливостью человеческой.

2) Он прежде всего добивается *политического, экономического и социального уравнения классов* и индивидов обоего пола, начиная с *отмены права наследования,* для того чтобы в будущем пользование благами соответствовало производительному труду каждого, и чтобы, в соответствии с решением, принятым последним рабочим конгрессом в Брюсселе, земля, орудия труда, как и вообще всякий капитал, становясь коллективной собственностью общества в целом, могли использоваться лишь тем, кто трудится, то есть сельскохозяйственными и промышленными ассоциациями.

3) Он добивается для всех детей обоего пола, начиная с их рождения, равных условий развития, то есть содержания, воспитания и обучений на всех ступенях науки, производства и искусств, исходя из убеждения,

что это равенство, вначале только экономическое и социальное, в дальнейшем все больше будет вести к всеобщему великому естественному равенству личностей и к исчезновению всех видов искусственного неравенства — исторического продукта общественной организации, столь же фальшивой, сколь и несправедливой.

4) Враг всякого деспотизма, *не признающий иных политических форм, кроме республиканских,* и абсолютно отвергающий всякий союз с реакцией, он отвергает также всякое политическое действие, не имеющее прямой и непосредственной целью торжество дела рабочих против капитала.

5) Он признает, что все существующие в настоящее время политические и авторитарные государства, *все более и более сводящие свои функции к простым административным функциям* общественных служб в своих странах, должны будут исчезнуть во всеобщем союзе свободных ассоциаций, как сельскохозяйственных, так и промышленных.

6) Поскольку социальный вопрос может найти свое окончательное и действительное разрешение лишь на основе международной или всеобщей солидарности рабочих всех стран, *Альянс* отвергает всякую политику, основанную на мнимом патриотизме и на соперничестве наций.

7) Он добивается всеобщей ассоциации всех местных ассоциаций на основе свободы.

УСТАВ

1) *Международный альянс социалистической демократии* конституируется в качестве секции *Международного Товарищества Рабочих* и принимает полностью его Общий Устав.

2) *Члены-учредители Альянса* временно организуют в Женеве *центральное бюро.*

3) Члены-учредители, принадлежащие к одной стране, образуют *национальное бюро* своей страны.

4) Национальные бюро имеют задачей учреждать во всех местностях *местные группы Альянса социалистической демократии,* которые через свои национальные бюро будут обращаться к центральному бюро *Альянса* с просьбой об их приеме в *Международное Товарищество Рабочих.*

5) Все местные группы образуют свои бюро, следуя практике, принятой местными секциями *Международного Товарищества Рабочих.*

6) Все члены *Альянса* обязуются уплачивать ежемесячный взнос в размере *десяти сантимов,* половина которого будет удерживаться национальными группами для собственных нужд, а другая половина — вноситься в кассу центрального бюро для его общих нужд.

В странах, где эта сумма будет признана слишком высокой, национальные бюро, по согласованию с центральным бюро, могут ее уменьшить.

7) Во время ежегодного конгресса рабочих *делегация Альянса социалистической демократии,* в качестве отделения *Международного Товарищества Рабочих,* будет проводить свои открытые заседания в отдельном помещении.

3. ПИСЬМО БАКУНИНА ФРАНСИСКО МОРА В МАДРИД

(написано по-французски)

5 апреля 1872 г., Локарно

Дорогой *член Альянса* и товарищ — наши барселонские друзья предложили мне написать вам, и я делаю это с тем большим удовольствием, что, как я узнал, я сам так же как и мои друзья, *товарищи по Альянсу* из Юрской федерации, стали объектом клеветы как в Испании, так и в других странах со стороны лондонского Генерального Совета. Поистине печально, что в эти времена ужасного кризиса, когда на многие десятилетия решается судьба пролетариата всей Европы и когда все друзья пролетариата, человечества и справедливости должны были бы братски объединиться в единый фронт против общего врага — мира привилегированных, организованного в государство, — очень печально, говорю я, что люди, оказавшие в прошлом большие услуги Интернационалу, а ныне движимые дурной страстью авторитарности, унижаются до лжи и сеют раскол, вместо того, чтобы повсюду создавать тот свободный союз, который один только может создать силу.

Чтобы дать вам правильное представление о наших стремлениях, мне достаточно сказать вам одно. Наша программа — это ваша программа, та самая, которую вы провозгласили на вашем прошлогоднем съезде, и если вы останетесь верны ей, значит вы с нами по той простой причине, что мы с вами. Нам ненавистен принцип диктатуры, гувернементализма и авторитарности, как ненавистен он и вам; мы убеждены, что всякая политическая власть является неизбежным источником развращенности для тех, кто управляет, и причиной порабощения для управляемых. — Государство означает господство, а человеческая натура так создана, что всякое господство выражается в эксплуатации. Будучи категорическими противниками государства всегда и везде, во всех его проявлениях, мы тем более не хотим мириться с ним внутри Интернационала. Мы рассматриваем Лондонскую конференцию и принятые ею резолюции как честолюбивую интригу и как государственный переворот и поэтому мы протестовали и будем протестовать до конца. Я не касаюсь личных вопросов, увы! они займут слишком большое место на ближайшем общем конгрессе, — если он состоится, в чем я сильно сомневаюсь, ибо, если дела дальше пойдут, как сейчас, то скоро на всем европейском континенте не останется ни одного пункта, где бы делегаты пролетариата могли собраться для свободного обсуждения. В настоящий момент все взоры обращены на Испанию, на исход вашего съезда. Что из него выйдет? Вы получите это письмо, если вы его получите, после съезда. Застанет ли оно вас в разгаре революции или в разгаре реакции? Все наши друзья в Италии, Франции и Швейцарии с большим беспокойством ждут вестей из вашей страны.

Вы, наверное, знаете, что в Италии в последнее время Интернационал и *наш дорогой Альянс* получили широкое распространение. Народ, как в деревнях, так и в городах, находится в совершенно революционном, то есть в экономически-отчаянном положении, и массы начинают организовываться самым серьезным образом, их интересы начинают превращаться в идеи. — До настоящего времени в Италии не хватало не инстинктов, а именно организации и идеи. То и другое формируется, так что Италия, после Испании и вместе с Испанией, быть может, является в настоящее время наиболее революционной страной, В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, *совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода,* молодежь, которая,

несмотря на свое буржуазное происхождение, в нравственном и умственном отношении не изношена до такой степени, как буржуазная молодежь остальных стран. Теперь она очертя голову бросается в революционный социализм, *принимая всю нашу программу, программу Альянса.* Мадзини, наш гениальный и могучий противник, умер, мадзинистская партия совершенно дезорганизована, а Гарибальди все более поддается влиянию той молодежи, которая носит его имя, но которая идет, или вернее, бежит, бесконечно дальше его. Я послал барселонским друзьям один итальянский адрес, скоро пошлю им другие. Хорошо, что испанские *члены Альянса* устанавливают непосредственный контакт с членами в Италии, это необходимо. Получаете ли вы итальянские социалистические газеты? Я особенно рекомендую вам «Eguaglianza», Джирдженти, Сицилия; неаполитанскую «Campana»; болонскую «Fascio Operaio»; миланские «Gazzettino Rosa», и особенно «Martello». К несчастью, последняя запрещена, и все ее редакторы посажены в тюрьму.

В Швейцарии я рекомендую вам двух *членов Альянса:* Джемса Гильома (Швейцария, Невшатель, 5, улица Пляс д'Арм) и Адемара Швицгебеля, гравера (члена и секретаря-корреспондента комитета Юрской федерации), Швейцария, Бернская Юра, Сонвилье, г-ну Адемару Швицгебелю, граверу. (Следует адрес Бакунина.)

Альянс и братство

М. Бакунин

Передайте, пожалуйста, мой привет *брату* Мораго и попросите его присылать мне свою газету.

Получаете ли вы бюллетень Юрской федерации?

Сожгите, пожалуйста, это письмо, так как в нем упоминаются фамилии.

Гаагский конгресс исключил Бакунина из Интернационала не только как основателя Альянса, но и за личный проступок[377]. Подлинный документ, подтверждающий этот проступок, находится еще в наших руках, но политические соображения заставляют нас воздержаться от его опубликования.

Конец

Ф. ЭНГЕЛЬС

В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

Газета «Volksstaat» уже давно ничего не печатала о положении дел в Международном Товариществе Рабочих, кроме официальных сообщений Генерального Совета в Нью-Йорке. Она поступала в этом отношении так же, как и все другие газеты Интернационала и как большинство его членов. В то время как печатные органы гаагского меньшинства под руководством бакунинского тайного Альянса из кожи лезли вон, чтобы изобразить себя представителями подлинного большинства Интернационала, силясь на все лады оклеветать и опорочить большинство конгресса, прежний Генеральный Совет и в особенности Маркса, и сплотить вокруг себя непризнанных гениев всех наций, — те, кто подвергался этим нападкам, сочли достаточным раз навсегда установить совокупность фактов, касающихся Гаагского конгресса, и отвечали лишь на самые вопиющие и гнусные инсинуации, опять-таки противопоставляя им факты. Вообще же они полагались на здравый смысл рабочих и на действия Генерального Совета, который показал себя вполне на уровне своих задач.

Приведенные ниже данные покажут, что этот образ действий, который проводили повсюду по собственному почину, без предварительной договоренности, принес свои плоды.

В *Англии* некоторые английские члены прежнего Генерального Совета, — которым Маркс в Гааге на основе документальных доказательств и собственного их признания бросил в лицо обвинение в продажности*, на что они не осмелились

* См. настоящий том, стр. 639. *Ред.*

возразить ни слова, — в декабре прошлого года вызвали раскол в Британском федеральном совете[*]. Они вышли из этого совета и созвали сепаратный съезд из целых *одиннадцати* человек, о которых никто не отважился бы даже сказать, являются ли они представителями секций и каких именно. Эти одиннадцать человек с негодованием высказались против гаагских решений и стали под знамя раскольников; во главе их стоят два иностранца — *Эккариус* и *Юнг. С* этого момента существовало два федеральных совета, но с тем различием, что один, принадлежавший к Интернационалу, имел за собой почти все секции, в то время как второй, раскольнический, не представлял никого кроме своих собственных членов. Второй совет разыгрывал эту комедию в течение нескольких месяцев, но в конце концов приказал долго жить. С английскими рабочими, прошедшими школу пятидесятилетнего движения, нелегко разыгрывать такие шутки. Между тем, 1 и 2 июня в Манчестере состоялся съезд британской организации Интернационала, который безусловно составит эпоху в английском рабочем движении. Присутствовало 26 делегатов, представлявших наряду с некоторыми небольшими городами главные центры английской промышленности. Отчет Федерального совета отличался от всех прежних документов такого рода тем, что он — в этой стране традиционной законности — признал за рабочим классом право отстаивать свои требования *путем насилия.*

Съезд одобрил этот отчет и постановил: красное знамя есть знамя британской организации Интернационала; рабочий класс требует возврата в руки трудящегося народа не только всей земельной собственности, но и всех средств труда вообще; в качестве предварительного мероприятия выдвинуто требование установленного законом восьмичасового рабочего дня; съезд поздравил испанских рабочих с учреждением республики и избранием десяти рабочих в кортесы; английскому правительству предъявлено требование немедленно освободить находящихся еще в тюрьме ирландских фениев. — Всякий, кто знаком с историей английского рабочего движения, согласится, что никогда еще ни один английский рабочий съезд не выставлял таких далеко идущих требований. Во всяком случае, в связи с этим съездом и жалким концом раскольнического, самозванного федерального совета, определилась позиция Интернационала в Англии.

В *Швейцарии* дела раскольников обстоят не лучше. Известно, что Юрская федерация издавна была душой всяческой

[*] См. настоящий том, стр. 192—202. *Ред.*

раскольнической деятельности в Интернационале. Уже на Гаагском конгрессе ее делегаты заявили, что они представляют истинное большинство в Интернационале и что на ближайшем конгрессе они это докажут. Но время учит уму-разуму, и это относится даже к самым хвастливым людям. 27 и 28 апреля в Невшателе состоялся съезд Юрской федерации. Из прений явствует, что федерация насчитывает *одиннадцать* швейцарских секций, из которых было представлено *девять*. Как обстоит дело в этих одиннадцати секциях, какова их численность и т. д., об этом в отчете комитета нет ни слова; зато отчет заявляет, что, видите ли, весь Интернационал примкнул к их сепаратной федерации. Что же, стало быть, это огромное большинство выступит на ближайшем общем конгрессе и опрокинет гаагские решения? Нет, ничуть не бывало. Наоборот, тот же комитет вносит следующее предложение, которое, конечно, тотчас же принимается этими «автономными» делегатами: для того, чтобы новый конгресс не вступил опять на пагубный и неверный путь Гаагского конгресса, раскольнические федерации должны созвать свой собственный конгресс в каком-нибудь швейцарском городе и не признавать конгресса, который может быть созван нью-йоркским Генеральным Советом.

Гаагский конгресс дал Генеральному Совету определенное поручение наметить тот швейцарский город, в котором состоится следующий конгресс*. Решение Юрской федерации означает, следовательно, не что иное, как новое отступление, прикрытое громкими фразами.

И в самом деле, этим господам пора было подумать о прикрытии своего тыла. 1 и 2 июня — роковые дни для раскольников — состоялся съезд швейцарских рабочих в Ольтене. Из восьмидесяти делегатов оказалось *целых пять* юрцев. Было предложено учредить централизованный Швейцарский рабочий союз.

В противовес этому пятеро юрцев предложили искусно обшитую всевозможными оговорками федеративную систему, которая лишила бы всю организацию способности действовать. Будучи в безнадежном меньшинстве, они занялись тем, что стали, как и в Гааге, отнимать время у других. Все воскресенье съезд потерял на прения по этому так называемому «принципиальному вопросу». Наконец, большинство оказалось вынужденным, точь-в-точь как в Гааге, заставить замолчать этих несносных говорунов, чтобы перейти наконец к деловой работе. В понедельник было попросту решено учредить централизованный

---

* См. настоящий том, стр. 151. *Ред.*

союз, в ответ на что пятеро проповедников, огласив ничего не говорящее заявление, покинули зал и отправились по домам. И эти-то люди, оказавшиеся полнейшими нулями в своей собственной стране, клянутся в течение ряда лет, что они призваны реорганизовать Интернационал!

Но беда никогда не приходит одна. В Италии, где анархисты из лагеря раскольников шумят сейчас во всю мочь, один из них, Крешио из Пьяченцы, послал свою новую газету «Avvenire Sociale» («Социальное будущее») Гарибальди, на которого эти господа все время рассчитывают как на одного из своих. Газета была полна гневных выкриков против того, что они называют «авторитарным принципом», который, на их взгляд, является корнем всех зол. Гарибальди ответил на это:

«Дорогой Крешио! Сердечное спасибо и т. д. Вы хотите в своей газете вести войну против лжи и рабства, это — прекрасная программа. Но я полагаю, что борьба с принципом авторитета является одной из тех ошибок Интернационала, которые мешают его успехам. *Парижская Коммуна пала потому, что в Париже не было никакой авторитетной власти, а лишь одна анархия»*.

Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине, тем более, что ему приходилось самому всегда дисциплинировать свои боевые силы, и притом не муштрой, не постоянной угрозой расстрела, как это делает официальная военщина, а прямо перед лицом врага.

Мы все еще, к сожалению, не исчерпали списка злоключений, которые постигли раскольников. Одного только им не хватало, но вот случилось с ними и это. Газета «Neuer Social-Demokrat», полицейский нюх которой давно уже почуял знакомый душок у этих исконных разрушителей Интернационала, теперь целиком встала на их сторону. В № 68 газета обнаруживает, что проект устава, выработанный бельгийцами, — фактически вышедшими из Интернационала, — вполне соответствует ее взглядам, и обещает присоединиться к раскольникам. Ничего лучшего мы не могли желать. Когда Гассельман и Газенклевер появятся на конгрессе раскольников, тогда раскольническая организация обретет свой истинный характер. Справа Бакунин, слева Газенклевер, а посередине злосчастные бельгийцы, которых водят за нос их же прудонистскими фразами!

Написано Ф. Энгельсом
19—20 июня 1873 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat»
№ 53, 2 июля 1873 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Erscheint wöchentlich 3 Mal in Leipzig. Bestellungen nehmen alle Postanstalten und Buchhandlungen des In- und Auslandes an. Filial-Expeditionen für die Vereinigten Staaten: F. A. Sorge, Box 101 Hoboken, N. J. [illegible], 96 S. Market str. corn. Madison str. Chicago, Ill.

Der Volksstaat

Abonnementspreis: Für Preußen incl. Stempelsteuer 21 Sgr., für die übrigen Deutschen Staaten 16 Sgr. pro Quartal. Monats-Abonnements werden bei allen Deutschen Postanstalten auf den 2. u. 3. Monat u. auf den 3. Monat besonders angenommen, im Kgr. Sachsen u. Herzgth. Sachs.-Altenburg auch auf den 1. Monat à 5½ Sgr. angenommen.

Organ der sozialdemokratischen Arbeiterpartei und der internationalen Gewerksgenossenschaften.

Nr. 105. Freitag, 31. Oktober. 1873.

Ф. ЭНГЕЛЬС

БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ

ЗАПИСКИ О ВОССТАНИИ В ИСПАНИИ ЛЕТОМ 1873 ГОДА [378]

I

Только что опубликованный доклад гаагской комиссии о тайном Альянсе Михаила Бакунина* (смотри статью «Калиостро Бакунин» в № 87 и следующих «Volksstaat»[379]) раскрыл перед рабочим миром тайные происки, мошеннические проделки и пустозвонство, посредством которых пытались поставить пролетарское движение на службу раздутому честолюбию и эгоистическим целям нескольких непризнанных гениев. Вместе с тем в Испании эти спесивые хвастуны дали нам возможность познакомиться также и с их практической революционной деятельностью.. Посмотрим же, как осуществляют они свои ультрареволюционные фразы об анархии и автономии, об уничтожении всякого авторитета, в особенности государственного, о немедленном и полном освобождении пролетариата. Теперь мы, наконец, можем это сделать, так как, помимо газетных сообщений о событиях в Испании, располагаем уже докладом Новой мадридской федерации Интернационала, представленным Женевскому конгрессу.

Как известно, в Испании к моменту раскола Интернационала имели перевес члены тайного Альянса; значительное большинство испанских рабочих пошло за ними. И вот, когда в феврале 1873 г. была провозглашена республика, испанские альянсисты оказались в очень затруднительном положении. Испания страна настолько отсталая в промышленном

* «L'Alliance de la Democratie Socialiste». London, 1873. Немецкое издание вышло под заглавием «Ein Komplott gegen die Internationale». (Издательство «Vorwarts».) *(Примечание Энгельса к изданию 1894 года.)*

отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия, — таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного *политического* вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не предоставляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов. Правительство назначило выборы в учредительные кортесы; какую позицию должен был занять Интернационал? Главари бакунистов были в величайшей растерянности. Дальнейшая политическая бездеятельность становилась со дня на день все более смешной и невозможной; рабочие хотели «видеть дело». С другой стороны, альянсисты много лет проповедовали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство, этот источник всякого зла, и что именно поэтому участие в каких-либо выборах является преступлением, заслуживающим смертной казни. Как вышли они из этого тупика, поясняет нам вышеупомянутый мадридский доклад:

«Те самые люди, которые отвергли гаагскую резолюцию о политическом действии рабочего класса и попрали Устав Интернационала, вызвав этим раскол, внутреннюю борьбу и дезорганизацию в рядах Интернационала в Испании, те самые люди, которые имели бесстыдство изображать нас в глазах рабочих честолюбивыми карьеристами, стремившимися под предлогом завоевания господства рабочим классом захватить власть в свои руки; эти самые люди, называющие себя автономистами, анархистами-революционерами и т. п., на этот раз с жаром бросились делать политику, по — самую худшую, буржуазную политику. Они прилагали усилия не к тому, чтобы доставить политическую власть рабочему классу, — напротив, к этой идее они питают отвращение, — а к тому, чтобы помочь прийти к власти одной из фракций буржуазии, состоящей из авантюристов, честолюбцев и карьеристов и называющей себя республиканцами — интрансижентами (непримиримыми).

Уже накануне общих выборов в учредительное собрание рабочие Барселоны, Алькоя и других мест потребовали разъяснения, какой политики следует держаться рабочим как в парламентской, так и во всякой другой борьбе. С этой целью было устроено два больших собрания: одно в Барселоне, другое в Алькое; в обоих случаях альянсисты всеми силами противились

тому, чтобы была твердо установлена политическая линия, которой должен был бы держаться Интернационал» (nota bene[*]: их Интернационал). «Итак, было решено, что *Интернационалу, как организации, совсем не следует заниматься политической деятельностью, но что члены Интернационала, каждый на свой страх и риск, могут действовать, как им угодно, и примыкать к любой партии, к какой им заблагорассудится,* — в силу их пресловутой автономии! Каков *we* был результат применения такой нелепой доктрины? — Основная масса членов Интернационала, включая анархистов, приняла участие в выборах без программы, без знамени, не имея собственных кандидатов, и, таким образом, способствовала тому, что избраны были почти исключительно буржуазные республиканцы. В палату вошли только два или три рабочих — люди, которые абсолютно никого не представляют, которые ни разу не возвысили голоса в защиту интересов нашего класса и которые преспокойно голосуют за все реакционные предложения, вносимые большинством палаты».

Вот к чему приводит бакунистское «воздержание от политики». В спокойные времена, когда пролетариат наперед знает, что в лучшем случае он проведет в парламент лишь нескольких представителей и что возможность достичь парламентского большинства совершенно исключена для него, — в такое время кое-где удается заставить рабочих поверить, что они совершают великое революционное дело, когда во время выборов отсиживаются дома и вообще нападают не на то государство, в котором они живут и которое их угнетает, а на государство как таковое, на государство вообще, которое нигде не существует и которое, стало быть, не может и защищаться. Это в самом деле великолепный способ разыгрывать из себя революционеров для тех людей, у которых душа легко уходит в пятки; а насколько вожаки испанских альянсистов принадлежат к людям такого сорта, подробно показывает вышеупомянутая брошюра об Альянсе.

Но как только сами события выдвигают пролетариат на первый план, воздержание становится явной нелепостью, а деятельное вмешательство рабочего класса — неотвратимой необходимостью. Именно так и было в Испании. Отречение Амадея оттеснило от власти радикалов-монархистов[380] и лишило их возможности снова прийти к власти в ближайшем будущем; еще менее приемлемыми были в тот момент альфонсисты[381]; карлисты же, как почти всегда, предпочитали избирательной борьбе гражданскую войну[382]. Все эти партии, по испанскому обычаю, воздержались от выборов; в выборах приняли участие только расколовшиеся на два крыла федералисты-республиканцы и рабочая масса. При огромном обаянии которым в то время еще пользовалось имя Интернационала среди испанских рабочих, при существовавшей еще в то время,

[*] — заметьте. *Ред.*

по крайней мере на практике, превосходной организации его секций в Испании, — было несомненно, что в фабричных районах Каталонии, в Валенсии, в городах Андалузии и пр. всякая выдвинутая и поддержанная Интернационалом кандидатура прошла бы блестяще и что в кортесах безусловно образовалось бы меньшинство, достаточно сильное для того, чтобы при каждом голосовании определять исход борьбы между тем и другим крылом республиканцев. Рабочие чувствовали это; они чувствовали, что теперь настало время пустить в ход свою тогда еще могущественную организацию. Но господа вожаки бакунистской школы так долго проповедовали евангелие безусловного воздержания, что не могли сразу переменить курс; и вот они придумали жалкий выход, чтобы Интернационал как организация воздерживался, а его члены, каждый в отдельности, голосовали *по своему усмотрению.* Следствием этого заявления о политическом банкротстве было то, что рабочие, как всегда в подобных случаях, голосовали за людей, выступавших наиболее радикально, — за интрансиужентов, — а тем самым в большей или меньшей степени брали на себя ответственность за дальнейшие шаги своих избранников и оказывались втянутыми в их действия.

II

Альянсистам никак нельзя было проявлять упорство в том смешном положении, в которое они сами себя поставили своей хитроумной избирательной политикой, — иначе наступил бы конец их прежнему господству над Интернационалом в Испании. Им приходилось действовать, хотя бы только для виду. Спасением для них должна была стать *всеобщая стачка.*

В бакунистской программе всеобщая стачка служит тем рычагом, при помощи которого совершается социальная революция. В одно прекрасное утро все рабочие всех отраслей промышленности какой-либо страны или даже всего мира прекращают работу и этим вынуждают имущие классы, самое большее через месяц, либо принести повинную, либо же напасть на рабочих, и тогда последние получат право защищаться и воспользуются случаем, чтобы опрокинуть все старое общество. Проект " этот отнюдь не новый; французские, а за ними бельгийские социалисты со времени 1848 г. вдоволь поездили на этом боевом коне, который, впрочем, по происхождению — английской породы. Во время быстрого и бурного развития чартизма, наступившего вслед за кризисом 1837 г., среди английских рабочих уже в 1839 г. проповедовался

«священный месяц», — прекращение работы в национальном масштабе (см. *Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии», стр. 279[383]), и это встретило такой отклик, что фабричные рабочие Северной Англии в июле 1842 г. попытались осуществить это на деле. — Большое значение придавалось всеобщей стачке и на женевском конгрессе альянсистов 1 сентября 1873 г.[384], но здесь всеми было признано, что для этого необходима организация всего рабочего класса и наполненная касса. А в этом-то и вся загвоздка! С одной стороны, правительства, в особенности когда их ободряют политическим воздержанием, никогда не допустят, чтобы организация и касса рабочих достигли такого уровня; с другой стороны, политические события и притеснения со стороны господствующих классов приведут к освобождению рабочих гораздо раньше, чем пролетариат успеет создать эту идеальную организацию и этот колоссальный резервный фонд. А если бы он обладал ими, ему незачем было бы идти окольным путем всеобщей стачки, чтобы достигнуть цели.

Для всякого, кто сколько-нибудь знаком с тайными пружинами Альянса, не подлежит сомнению, что предложение прибегнуть к этому испытанному средству исходило от швейцарского центра. Как бы то ни было, испанские вожаки нашли в этом выход, открывавший им возможность хоть что-нибудь делать, не ввязываясь прямо в «политику», и пошли на это с радостью. Повсюду стали проповедовать чудодейственные свойства всеобщей стачки; стали готовиться к тому, чтобы начать ее в Барселоне и в Алькое.

Между тем политическая обстановка все более и более приближалась к кризису. Старые краснобаи из федералистов-республиканцев, Кастелар и компания, испугались движения, которое переросло их; они вынуждены были уступить власть Пи-и-Маргалю, который попытался добиться соглашения с интрансижентами. Среди официальных республиканцев Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознававшим, что республике необходимо опираться на рабочих. Он тотчас же представил программу мероприятий социального характера, которые можно было немедленно осуществить и которые должны были не только принести непосредственную выгоду рабочим, но и побуждали бы своими последствиями к дальнейшим шагам и таким образом дали хотя бы первый толчок социальной революции. Но бакунисты — члены Интернационала, которые обязаны отвергать даже самые революционные мероприятия, раз они исходят от «государства», предпочли поддержать самых сумасбродных шарлатанов среди интрансижентов, но только не министра. Переговоры Пи

с интрансижентами затянулись; интрансиженты стали проявлять нетерпение, а самые горячие из них подняли в Андалузии кантональное восстание. Тут должны были выступить и вожаки Альянса, если не хотели тащиться на буксире у буржуа интрансижентов. Итак, было приказано начать всеобщую забастовку.

В Барселоне было расклеено, между прочим, такое объявление:

«Рабочие! Мы устраиваем всеобщую забастовку, чтобы выразить глубокое негодование, которое мы испытываем, видя, как правительство использует войска для усмирения наших трудящихся братьев, но пренебрегает войной против карлистов» и т, д.

Рабочих Барселоны, крупнейшего фабричного города Испании, история которого знает больше баррикадных боев, чем история какого бы то ни было другого города в мире, призывали, таким образом, выступить против вооруженной силы правительства не с оружием, находившимся у них в руках, а... со всеобщей стачкой, то есть с мероприятием, затрагивающим непосредственно лишь отдельных буржуа, но не их общего представителя — государственную власть! В периоды бездействия мирного времени барселонские рабочие могли еще выслушивать призывавшие к насилию фразы смирных людей вроде Алерини, Фарга Пелисера и Виньяса; но когда пришло время действовать, когда Алерини, Фарга Пелисер и Виньяс сначала обнародовали свою пресловутую избирательную программу, затем всячески проповедовали спокойствие и, наконец, вместо того, чтобы призвать к оружию, объявили всеобщую забастовку, — тогда рабочие стали прямо-таки презирать их. Самый слабенький интрансижент проявлял все же больше энергии, чем самый деятельный альянсист. Альянс и одураченные им секции Интернационала утратили всякое влияние, и когда эти господа провозгласили всеобщую стачку, якобы с целью парализовать таким путем правительство, рабочие попросту высмеяли их. Но деятельность лжеинтернационала привела все же к тому, что Барселона не приняла участия в кантональном восстании; а Барселона была единственным городом, присоединение которого к движению могло дать рабочему элементу, везде игравшему в нем видную роль, сильную поддержку, а вместе с тем и надежду овладеть в конце концов всем движением. Кроме того, с присоединением Барселоны победа была бы почти обеспечена. Но Барселона и пальцем не пошевелила; барселонские рабочие, раскусившие интрансижентов, обманутые альянсистами, остались в бездействии и обеспечили тем самым окончательную победу мадридского правительства. Все это не помешало, однако, альянсистам

Алерини и Бруссу (подробности о них — в докладе об Альянсе*) заявить в своей газете «Solidarite revolutionnaire»[385]:

«Революционное движение распространяется по всему полуострову с быстротой молнии... в Барселоне *еще ничего не произошло,* но *на площадях, в общественных местах — перманентная революция»*!

Но то была революция альянсистов, которая состоит в том, что непрерывно бьют в литавры, и которая именно поэтому «перманентно» стоит на «месте».

Одновременно всеобщая стачка была поставлена в порядок дня в Алькое. Алькой — молодой фабричный город, насчитывающий теперь около 30000 жителей, в котором Интернационал в бакунистской форме появился лишь год тому назад и очень быстро распространился. Рабочие этого города, до тех пор совершенно чуждые движению, охотно воспринимали социализм в любой форме, подобно тому, как это повторяется то здесь, то там в отсталых местечках Германии, где Всеобщий германский рабочий союз внезапно приобретает много свежеиспеченных приверженцев. Именно поэтому Алькой был избран местопребыванием бакунистской испанской федеральной комиссии. С деятельностью этой самой федеральной комиссии мы здесь и ознакомимся.

7 июля рабочее собрание постановляет объявить всеобщую стачку и на следующий день отправляет депутацию к алькальду (бургомистру) с предложением в 24 часа созвать фабрикантов и предъявить им требования рабочих. Алькальд Альборс, буржуазный республиканец, задерживает рабочих, вызывает войска из Аликанте, а фабрикантам советует не уступать, а забаррикадироваться в своих домах. Сам же он будет на своем посту. После совещания с фабрикантами, — мы следуем здесь официальному отчету федеральной комиссии альянсистов, датированному 14 июля 1873 г.[386], — он, обещавший вначале рабочим сохранять нейтралитет, выпускает прокламацию, в которой «оскорбляет рабочих и клевещет на них, становится на сторону фабрикантов и таким образом уничтожает право и свободу стачечников, провоцируя их на борьбу». Как могут благочестивые пожелания бургомистра уничтожать право и свободу стачечников, остается во всяком случае неясным. Как бы то ни было, но руководимые Альянсом рабочие объявляют через комиссию городскому совету, что если он не намерен сохранять обещанный нейтралитет по отношению к стачке, то, во избежание конфликта, ему было бы лучше сложить свои

* См. настоящий том, стр. 323—452. *Ред.*

полномочия. Комиссия не была принята, и, когда она покидала ратушу, полицейские открыли огонь по безоружной толпе, мирно стоявшей на площади. Так, согласно альянсистскому отчету, началась борьба. Народ вооружился, завязалось сражение, длившееся будто бы «двадцать часов». С одной стороны — рабочие, число которых «Solidarite revolutionnaire» определяет в 5000, с другой стороны — 32 жандарма в ратуше, да еще несколько вооруженных человек в четырех или пяти домах на рынке; дома эти — по прусскому образцу, — были сожжены народом. Наконец, у жандармов истощились боевые припасы, и они вынуждены были сдаться.

«Не пришлось бы оплакивать так много жертв», — повествует отчет альянсистской комиссии, — «если бы алькальд Альборс не обманул народ: он сделал вид, что сдается, а затем малодушно приказал убить тех, кто, полагаясь на его слово, вошел в ратушу; и сам алькальд не был бы убит населением, пришедшим в справедливое негодование, если бы он не выстрелил в упор из револьвера в людей, арестовывавших его».

Каковы же были жертвы этой борьбы?

«Хотя мы и не имеем возможности точно подсчитать число убитых и раненых» (со стороны народа), «мы все же можем сказать, что их *не менее десяти.* В рядах нападавших насчитывается не менее *пятнадцати* убитых и раненых».

Это было первое уличное сражение, выдержанное Альянсом. В течение двадцати часов 5000 человек сражались против 32 жандармов и нескольких вооруженных буржуа и, после того как те расстреляли все свои патроны, одолели их, потеряв всего-навсего *десять человек.* Видимо, Альянс вдолбил своим последователям изречение Фальстафа о том, что «осторожность — наилучшее проявление храбрости»*.

Разумеется, все сообщения буржуазных газет о всевозможных ужасах, о бесцельно сожженных фабриках, о массовых расстрелах жандармов, о людях, облитых керосином и подожженных, — чистейшие выдумки. Победившие рабочие, даже тогда, когда ими руководят альянсисты, девиз которых: «Бей, круши!», всегда обходятся даже чересчур великодушно со своими побежденными противниками, а последние поэтому приписывают им все те позорные деяния, которые *сами они* никогда не преминут учинить в случае победы.

Итак, победа была одержана.

«В Алькое», — ликует «Solidarite revolutionnaire», — «наши друзья, в числе 5000 человек, стали господами положения».

Как же воспользовались эти «господа» своим «положением»?

* Шекспир. «Король Генрих IV», часть 1, акт V, сцена четвертая. *Ред.*

Об этом не говорят нам ни слова ни отчет Альянса, ни альянсистская газета; мы вынуждены обратиться к обычным газетным сообщениям. Из них мы узнаем, что в Алькое был тотчас учрежден «комитет благосостояния», то есть революционное правительство. Правда, альянсисты на своем конгрессе в Сент-Имье, в Швейцарии, 15 сентября 1872 г. постановили, что «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства». Члены заседающей в Алькое испанской федеральной комиссии также употребили все усилия к тому, чтобы эта резолюция была принята и съездом Интернационала в Испании. И вот, несмотря на все это, мы обнаруживаем, что Северино Альбаррасин, член этой комиссии, а по некоторым сведениям и Франсиско Томас, ее секретарь, были членами этой временной и революционной правительственной власти — алькойского комитета благосостояния!

Что же делал этот комитет благосостояния? Какие принял он меры к тому, чтобы осуществить «немедленное полное освобождение рабочих»? Комитет запретил всем мужчинам выезжать из города, между тем как женщинам это было разрешено, если только они... имели *паспорта!* Противники всякой власти вводят снова паспорта! И в остальном — абсолютная беспомощность, растерянность и неэнергичность.

Между тем из Аликанте приближался с войсками генерал Веларде. У правительства было достаточно причин желать покончить с местными восстаниями в провинциях без всякого шума. А у «господ положения» в Алькое было достаточно причин желать выбраться из положения, в котором они не знали, что делать. Так что роль депутата Серверы, служившего посредником, была легкой. Комитет благосостояния сложил свои полномочия, войска 12 июля вступили в город без всякого сопротивления, и единственным обещанием, которое за это было дано комитету благосостояния, была ... всеобщая амнистия. Альянсистские «господа положения» еще раз благополучно вышли из тупика. Этим и кончилась алькойская авантюра.

В Санлукар-де-Баррамеда, близ Кадиса, сообщает нам отчет Альянса,

«алькальд закрывает помещение Интернационала и вызывает гнев рабочих своими угрозами и своими непрестанными посягательствами на личные права граждан. Избранная комиссия требует от министра, чтобы соблюдалась законность и было открыто произвольно закрытое помещение. Г-н Пи соглашается на это в принципе... но уклоняется от выполнения на деле; рабочим становится ясно, что правительство намерено систематически подвергать опале их Товарищество; они смещают всех представителей

местной власти и назначают на их место новых, которые вновь открывают помещение Товарищества».

«В Санлукаре... народ является господином положения!» — торжествует «Solidarite revolutionnaire». Альянсисты, которым и здесь тоже пришлось вопреки их анархическим принципам образовать революционное правительство, не знали, что делать со своей властью. Они тратили время на пустые споры и бумажные резолюции; а когда генерал Павиа, взяв Севилью и Кадис, послал 5 августа в Санлукар несколько рот из бригады Сориа, — то он... не встретил никакого сопротивления.

Таковы геройские подвиги, совершенные Альянсом там, где у него не было никаких соперников.

III

Сразу вслед за уличной борьбой в Алькое в Андалузии поднялись интрансиженты. Пи-и-Маргаль был еще у власти и вел все время переговоры с вождями этой партии, желая образовать из них министерство; зачем же было начинать восстание, когда переговоры еще продолжались? Причина этой поспешности до сих пор не совсем ясна; но одно несомненно: господа интрансиженты стремились прежде всего как можно скорее осуществить на деле федеративную республику, чтобы захватить в свои руки власть и те многочисленные правительственные посты, которые должны были быть заново учреждены в отдельных кантонах. Кортесы в Мадриде слишком долго тянули с раздроблением Испании; стало быть, надо было взяться самим за дело и повсюду провозгласить суверенные кантоны. Прежнее поведение Интернационала (бакунистского), сильно замешанного со времени выборов в делах интрансижентов, позволяло рассчитывать на его содействие: разве он только что не овладел насильно Алькоем и не вступил, следовательно, в открытую борьбу с правительством? К тому же бакунисты в течение многих лет проповедовали, что всякое революционное действие сверху вниз вредно; все должно быть организовано и проведено снизу вверх. И вот теперь представлялся случай осуществить снизу вверх знаменитый принцип автономии, по крайней мере для отдельных городов! Иначе и быть не могло: бакунистские рабочие попались на удочку и стали таскать каштаны из огня для интрансижентов, чтобы потом, как всегда, получить в награду от своих союзников пинки сапогом и ружейные пули,

Какова же была позиция членов бакунистского «Интернационала» во всем этом движении? Они помогли придать ему характер

федералистской раздробленности, они осуществили, насколько это было возможно, свой идеал анархии. Те самые бакунисты, которые в Кордове, за несколько месяцев до того, объявили учреждение революционных правительств изменой и надувательством рабочих, заседали теперь во всех городских революционных правительствах Андалузии, но везде в меньшинстве, так что интрансиженты могли делать то, что им было угодно. В то время как интрансиженты держали в своих руках политическое и военное руководство, от рабочих отделывались пышными фразами и бумажными проектами якобы социальных реформ самого нелепого и бессмысленного рода. Когда же бакунистские главари требовали действительных уступок, они встречали бесцеремонный отказ. А на вопросы корреспондентов английских газет интрансиженты, стоявшие во главе движения, в первую очередь заявили, что не имеют ничего общего с этими так называемыми «членами Интернационала», не несут за них никакой ответственности и держат под строжайшим полицейским надзором как их главарей, так и всех эмигрантов Парижской Коммуны. Наконец, как мы увидим дальше, в Севилье во время сражения с правительственными войсками интрансиженты стреляли также и в своих бакунистских союзников[*].

Вышло так, что за несколько дней вся Андалузия оказалась в руках вооруженных интрансижентов. Севилья, Малага, Гранада, Кадис и т. д. перешли в их руки почти без сопротивления. Каждый город объявил себя суверенным кантоном и учредил революционный правительственный комитет (хунту). За ними последовали Мурсиа, Картахена, Валенсия. В Саламанке была произведена подобная же попытка, но более мирного характера. Таким образом, большинство крупных городов Испании было в руках повстанцев, за исключением столицы Мадрида, города роскоши, почти никогда не выступавшего решительно, а также Барселоны. Если бы поднялась Барселона, то окончательный успех был бы почти обеспечен, а вместе с тем была бы обеспечена мощная поддержка рабочим элементам движения. Но, как мы видели, интрансиженты были в Барселоне в значительной мере бессильны, а члены бакунистского «Интернационала», пользовавшиеся там в то время еще очень большим влиянием, воспользовались всеобщей стачкой как предлогом для того, чтобы *уклониться* от восстания. Таким образом, на этот раз Барселона не оказалась на своем посту.

---

[*] Следующие три абзаца в «Volksstaat» (№ 106 от 2 ноября 1873 г.) были ошибочно вверстаны в конец третьей главы. Они переставлены Энгельсом при перепечатке статьи в 1894 г. в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat». *Ред.*

Несмотря на то, что восстание было начато бессмысленно, оно имело все же большие шансы на успех, если бы оно было направляемо хоть с капелькой смысла, хотя бы даже по образцу испанских военных бунтов. При таких бунтах поднимается гарнизон одного города, двигается в соседний город, увлекает за собой его гарнизон, распропагандированный уже ранее, и таким образом повстанцы, возрастая в числе подобно лавине, идут на столицу, пока счастливое сражение или переход посланных против них войск на их сторону не решит победы. Этот способ был в особенности удобоприменим в данном случае. Инсургенты были давно уже организованы повсюду в добровольческие батальоны; правда, дисциплина в них была жалкая, но во всяком случае не хуже, чем в остатках старой, большей частью распущенной, испанской армии. Единственными надежными войсками у правительства были жандармы (guardias civiles), но они были рассеяны по всей стране. Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы помешать этим жандармам стянуться вместе, а это было возможно лишь посредством наступательного образа действий и при смелом выступлении на бой в открытом поле. Большой опасности такой образ действий не представлял, потому что правительство могло выставить против добровольцев лишь столь же недисциплинированные войска, как и сами эти добровольцы. И кто хотел победить, у того не было иных путей к победе.

Так нет же. Федерализм интрансижентов и их бакунистского охвостья в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления. То, что было неизбежным злом в эпоху немецкой Крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 г., именно раздробленность и обособленность революционных сил, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим[387], — то было здесь провозглашено принципом наивысшей революционной мудрости. Бакунин мог быть удовлетворен. Уже в сентябре 1870 г. («Письма к французу»[388]) он заявил, что единственное средство изгнать путем революционной войны пруссаков из Франции заключается в том, чтобы уничтожить всякое централизованное руководство и предоставить каждому городу, каждой деревне, каждой общине вести войну на собственный риск. Стоит только противопоставить прусскому войску, подчиненному единому руководству, освобожденные от оков революционные страсти, — и победа обеспечена. Перед лицом

предоставленного, наконец, снова самому себе всеобщего разума французского народа индивидуальному разуму одного Мольтке пришлось бы, конечно, стушеваться. Французы не хотели тогда понять этого; но в Испании Бакунин достиг блестящих успехов, как мы уже видели и еще увидим в дальнейшем.

Между тем это скоропалительное, без всякого повода начатое восстание лишило Пи-и-Маргаля возможности продолжать дальше переговоры с интрансижентами. Он вынужден был уйти; взамен него пришли к власти чистые республиканцы кастеларовского пошиба, буржуа без всякой маски; первой целью их было — доконать рабочее движение, которое они раньше использовали, но которое теперь стало им только помехой. Сколотили одну дивизию, под командой генерала Павиа, против Андалузии и другую, под командой Кампоса, — против Валенсии и Картахены. Ядро их составляли собранные со всей Испании жандармы, сплошь старые солдаты, дисциплина среди которых еще не была поколеблена. Как при атаках версальских войск на Париж, жандармы должны были и здесь придать устойчивость деморализованным линейным войскам и идти везде во главе атакующих колонн; и ту и другую задачу они выполнили в меру своих сил. Кроме жандармов, в эти дивизии было включено еще несколько сборных линейных полков, так что каждая из них насчитывала приблизительно по 3000 человек. Это было все, что правительство могло выставить против инсургентов.

Генерал Павиа выступил в поход около 20 июля. 24-го отряд жандармов и линейных войск, под командой Риполя, занял Кордову. 29-го Павиа атаковал забаррикадированную Севилью, которая была взята им 30 или 31 июля (по телеграммам это число трудно установить). Он оставил здесь летучий отряд для усмирения окрестностей и двинулся на Кадис, защитники которого отстаивали, да и то весьма слабо, лишь подступы к городу, а затем, 4 августа, без всякого сопротивления позволили себя обезоружить. В последующие дни Павиа обезоружил, тоже без всякого сопротивления, Санлукар-де-Баррамеду, Сан-Роке, Тарифу, Альхесирас и множество других мелких городов, объявивших себя ранее суверенными кантонами. Одновременно он послал отряды против Малаги и Гранады, которые сдались без сопротивления, первая 3, а вторая 8 августа, так что к 10 августа, менее чем через две недели и почти без борьбы, была покорена вся Андалузия.

26 июля Мартинес Кампос начал наступление против Валенсии. Здесь восстание было поднято рабочими. При расколе испанских организаций Интернационала перевес в Валенсии

оказался на стороне членов настоящего Интернационала, и новый Испанский федеральный совет был перенесен в этот город. Вскоре после провозглашения республики, когда впереди предстояли революционные бои, бакунистские рабочие Валенсии, не доверяя прикрытому ультрареволюционными фразами отлыниванию барселонских вожаков, предложили членам настоящего Интернационала свое содействие во всех местных движениях. Когда вспыхнуло кантональное движение, те и другие, использовав интрансижентов, немедленно подняли восстание и прогнали правительственные войска. Каков был состав валенсийской хунты, — осталось неизвестным; но из сообщений корреспондентов английских газет видно, что в ней, как и в рядах валенсийских добровольцев, определенно преобладали рабочие. Эти корреспонденты отзывались о валенсийских повстанцах с уважением, какого они отнюдь не выказывали по отношению к другим восставшим, среди которых преобладали интрансиженты; они восхваляли мужественную дисциплину валенсийцев, царящий в городе порядок и предсказывали продолжительное сопротивление и упорную борьбу. Они не ошиблись. Валенсия, открытый город, выдерживала атаки дивизии Кампоса с 26 июля до 8 августа, то есть дольше, чем вся Андалузия, вместе взятая.

В провинции Мурсиа главный город того же наименования был занят без сопротивления; после падения Валенсии Кампос двинулся на Картахену, одну из сильнейших крепостей Испании, защищенную со стороны суши сплошным валом и выдвинутыми вперед фортами на господствующих над городом высотах. 3000 человек правительственных войск, без всякой осадной артиллерии, были, конечно, со своими легкими полевыми орудиями бессильны против тяжелой артиллерии фортов и должны были ограничиться осадой города с суши; но такая осада имела мало значения, пока картахенцы господствовали на море благодаря военному флоту, захваченному ими в гавани. Повстанцы, занятые только собой, в то время, когда в Валенсии и Андалузии шла борьба, стали подумывать о внешнем мире лишь после подавления остальных восстаний, когда у них самих оказались на исходе деньги и съестные припасы. Только тогда была сделана попытка двинуться против Мадрида, лежащего на расстоянии не менее 60 немецких миль, то есть более чем вдвое дальше, нежели, например, Валенсия и Гранада! Недалеко от Картахены экспедицию постиг печальный конец. Осада отрезала всякую возможность повторять дальнейшие сухопутные вылазки; поэтому ухватились за вылазки при помощи флота. Но что это были за вылазки! О том, чтобы снова

поднять с помощью картахенских военных судов восстание в только что покоренных приморских городах, не могло быть и речи. Поэтому флот суверенного кантона Картахены ограничился тем, что стал угрожать бомбардировкой другим, — по картахенской теории тоже суверенным, — приморским городам, от Валенсии до Малаги, а при случае и в самом деле бомбардировал их, если они не доставляли на борт требуемых съестных припасов и военной контрибуции звонкой монетой. Пока эти города, в качестве суверенных кантонов, воевали против правительства, в Картахене придерживались принципа: «каждый за себя». Когда же они потерпели поражение, был провозглашен принцип: «Все за Картахену!». Так понимали картахенские интрансиженты и их бакунистские сообщники федерализм суверенных кантонов.

Чтобы усилить ряды борцов за свободу, правительство Картахены выпустило на волю около 1800 каторжников, заключенных в городской каторжной тюрьме, — самых отъявленных разбойников и убийц Испании. Что такое революционное мероприятие было ему подсказано бакунистами, — не подлежит уже ни малейшему сомнению после разоблачений, приведенных в докладе об Альянсе. Там показано, как Бакунин мечтает о «разнуздании всех дурных страстей» и выставляет русского разбойника в качестве образца для всех истинных революционеров. Но что русскому здорово, то испанцу смерть. Когда картахенское правительство разнуздало «дурные страсти» 1800 бандитов, сидевших под замком, и тем самым довело до крайней степени деморализацию в рядах своих войск, — оно действовало, стало быть, вполне в духе Бакунина. А когда испанское правительство вместо того, чтобы разрушить до основания свои собственные крепостные сооружения, ожидало падения Картахены от внутренней дезорганизации среди ее защитников, — оно придерживалось вполне правильной политики.

IV

Послушаем теперь, что говорит обо всем этом движении доклад Новой мадридской федерации.

«Во второе воскресенье августа месяца в Валенсии должен был состояться съезд, которому предстояло, между прочим, определить позицию Испанской федерации Интернационала в связи с важными политическими событиями, происшедшими в Испании, начиная с 11 февраля, когда была провозглашена республика. Но бестолковое» (descabellada — буквально: растрепанное) «кантональное восстание, которое потерпело столь плачевное поражение и в котором члены Интернационала почти во всех восставших провинциях принимали самое горячее участие, не только парализовало деятельность Федерального совета, рассеяв большинство его членов, но

почти совершенно дезорганизовало и местные федерации и, что хуже всего, навлекло на членов этих федераций всю ту ненависть и те преследования, которые бывают следствием всякого позорно начатого и потерпевшего поражение народного восстания...

Когда вспыхнуло кантональное восстание, когда организовались хунты, то есть правительства отдельных кантонов, тогда эти люди» (бакунисты), «так яростно выступавшие против политической власти и обвинявшие нас в авторитарности, поспешили вступить в кантональные правительства. В важнейших городах, как Севилья, Кадис, Санлукар-де-Баррамеда, Гранада и Валенсия, в кантональных хунтах заседали многие из членов Интернационала, называвшие себя антиавторитаристами, заседали, не имея никакой другой программы, кроме автономии провинции или кантона. Это официально подтверждается опубликованными этими хунтами прокламациями и другими документами, под которыми красуются имена известных членов этого «Интернационала».

Такое вопиющее противоречие между теорией и практикой, между пропагандой и делом, не имело бы большого значения, если бы в результате получилась хоть какая-нибудь польза для нашего Товарищества, хоть какой-нибудь прогресс в организации наших сил, хоть некоторое приближение к достижению нашей главной цели — освобождения рабочего класса. Но произошло как раз обратное, да иначе и быть не могло. Недоставало главного условия — действенного сотрудничества испанского пролетариата, сотрудничества, которого так легко было добиться, действуя от имени Интернационала. Недоставало единодушия среди местных федераций; движение было предоставлено индивидуальной или местной инициативе, без всякого руководства (кроме разве того, *которое мог навязать ему таинственный Альянс, а этот Альянс, к стыду нашему, все еще господствует над испанской организацией Интернационала),* без всякой программы, кроме программы наших естественных врагов, буржуазных республиканцев. И вот кантональное движение было подавлено самым позорным образом, почти без сопротивления, но, погибая, оно увлекло с собой престиж и организацию Интернационала в Испании. Какое бы ни произошло бесчинство, преступление, насилие — республиканцы сваливают его теперь на членов Интернационала; мы имеем даже достоверные сведения о том, что в Севилье, во время сражения, интрансигенты стреляли в своих союзников, членов» (бакунистского) «Интернационала. Реакция, ловко используя наши глупости, натравила на нас республиканцев и клевещет на нас перед широкими массами, настроенными индифферентно; то, чего ей не удалось достичь во времена Сагасты, ей удастся, по-видимому, сделать теперь: опорочить имя Интернационала в широких массах испанских рабочих.

В Барселоне множество рабочих секций отделилось от Интернационала, решительно протестуя против господ из газеты «Federacion»» (главный орган бакунистов) «и их необъяснимого поведения. В Хересе, Пуэрто-де-Санта-Мариа и в других местах федерации приняли решение о самороспуске. В Лохе (провинция Гранада) население изгнало нескольких живших там членов Интернационала. В Мадриде, где пользуются еще наибольшей свободой, старая» (бакунистская) «федерация не подает ни малейших признаков жизни, а наша вынуждена бездействовать и молчать, чтобы не расплачиваться за чужие грехи. В городах севера мы лишены всякой возможности действовать из-за карлистской войны, принимающей с каждым днем все более ожесточенный характер. Наконец, в Валенсии, где правительство после пятнадцатидневной борьбы осталось победителем, члены Интернационала, не успевшие бежать, вынуждены были скрыться, а Федеральный совет совершенно распался».

Вот что сообщает мадридский доклад. Легко убедиться, что он ни в чем не расходится с вышеприведенным историческим очерком.

Каков же результат всего нашего исследования?

1. Бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали своей доктриной об обязательном воздержании от политической деятельности и, в особенности, воздержании от участия в выборах. Затем подверглась той же участи анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они пытались, напротив, создать множество новых, мелких государств. Затем они выбросили за борт тот принцип, что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо чисто буржуазном. Наконец, они попирали только что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу, — они попирали его, преспокойно заседая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими.

2. Это отречение от проповедовавшихся до тех пор принципов выразилось, однако, в самой трусливой, самой лживой форме и под давлением нечистой совести, так что ни сами бакунисты, ни руководимые ими массы, вступая в движение, не имели никакой программы или вообще не знали, чего они хотят. Каков же был естественный результат этого? — Тот, что бакунисты либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишенные плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Санлукар-де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки буржуа-интрансижентов, как это было в большинстве восстаний. Таким образом, как только дошло до дела, ультрареволюционные выкрики бакунистов превратились или в отлынивание, или в заведомо безнадежные восстания, или же в присоединение к буржуазной партии, которая постыднейшим образом политически эксплуатировала рабочих и вдобавок награждала их пинками.

3. От так называемых* принципов анархии, свободной федерации независимых групп и т. п. не остается ничего, кроме

* В газете «Volksstaat» вместо слов «так называемых» напечатано: «широковещательных». *Ред.*

безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горстки солдат покорить почти без сопротивления один город за другим.

4. Все это привело не только к тому, что хорошо организованные и сильные своей численностью испанские секции Интернационала, — как мнимого, так и настоящего, — полетели в пропасть вслед за интрансижентами и ныне фактически не существуют, но вдобавок еще к тому, что им приписывается множество вымышленных бесчинств, без которых филистеры всех стран не могут себе даже и представить рабочего восстания. А вследствие этого может быть на целые годы стала невозможной новая организация Интернационала среди испанского пролетариата.

5. Одним словом, бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию.

Написано Ф. Энгельсом в сентябре — октябре 1873 г.

Напечатано в газете «Лег Volksstaat» №№ 105, 106 и 107, 31 октября, 2 и 6 ноября 1873 г. Издано отдельной брошюрой в Лейпциге в 1874 г. Перепечатано в книге: F. Engels. «Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875)». Berlin, 1894

Печатается по тексту издания 1894 г., сверенному с текстом газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ

Лондон, 22 февраля 1874 г.

Выборы в английский парламент уже закончены. Гениальный Гладстон, который не мог управлять с большинством в 66 голосов, внезапно распустил парламент, произвел выборы в течение 8—14 дней, и в результате оказалось... большинство в 50 с лишним голосов *против* него. Этот парламент, второй после проведения избирательной реформы 1867 г. и первый, избранный тайным голосованием, дал *прочное консервативное большинство*[389]. К тому же консерваторов послали в парламент именно крупные промышленные города и фабричные районы, где большинство безусловно имеют рабочие. Как это произошло?

Прежде всего этот результат объясняется попыткой Глад-стона произвести посредством выборов государственный переворот. Выборы последовали через такой короткий срок после роспуска парламента, что иным городам было дано на размышление каких-нибудь пять дней, большинству — не полных восемь, а ирландским, шотландским и сельским избирательным округам самое большее четырнадцать дней. Гладстон хотел околпачить избирателей, но в Англии государственные перевороты как-то не удаются, а попытки околпачить других оборачиваются против тех, кто их затевает. В результате — вся огромная масса индифферентных и колеблющихся голосовала против Гладстона.

Помимо этого методы управления Гладстона грубо нарушали исконные привычки Джона Буля. А Джон Буль так ограничен, что видит в своем правительстве не господина и повелителя, а слугу, и притом единственного слугу, которого он может

уволить в любую минуту, без всякого предупреждения. Если та или иная находящаяся у власти партия иной раз и разрешает своему министерству, да и то из сугубо практических соображений, эффектно проявить неожиданную умеренность в области налоговых и иных финансовых мероприятий, то в области серьезных законодательных мер она допускает что-либо подобное только в виде исключения. А между тем Гладстон возвел эти законодательные театральные эффекты в правило. Большинство его крупных мероприятий оказывалось для его собственной партии такой же неожиданностью, как и для ее противников; либералам эти мероприятия форменным образом навязывались сверху, так как если бы они не стали голосовать за них, они тотчас привели бы к власти соперничающую партию. И если содержание многих из этих мероприятий, например, ирландского церковного билля и ирландского земельного билля[390], при всем своем убожестве, приводило в ужас многих старых умеренно-консервативных вигов, то всю партию в целом отталкивал тот способ, каким они ей навязывались. Но Глад-стон не ограничился этим. Отмену продажи должностей в армии он провел, обратившись без всякой необходимости не к парламенту, а к королевской власти[391], и этим оскорбил свою собственную партию. К тому же он связался с рядом назойливых посредственностей, единственный талант которых заключался в умении без надобности вызывать к себе ненависть. Таковы в особенности Брус, министр внутренних дел, и Айртон, непосредственный глава лондонского городского управления. Первый отличался грубостью и высокомерным обращением с рабочими депутациями; второй управлял Лондоном совершенно по-прусски, — как, например, при попытке запретить народные собрания в парках, — а так как здесь подобные вещи не удаются (действительно, ирландцы, вопреки запрещению, тотчас же устроили под носом у г-на Айртона большой массовый митинг в Гайд-парке[*]), то это повлекло за собой ряд мелких поражений правительства и его растущую непопулярность.

Наконец, тайное голосование дало возможность множеству рабочих, прежде политически индифферентных, безнаказанно голосовать против своих эксплуататоров и против партии, в которой они справедливо видят партию промышленных магнатов, — против либеральной партии. Это верно даже и там, где большинство крупных промышленных магнатов, следуя моде, перешло в лагерь консерваторов. Если либеральная партия не представляет крупной промышленности в противовес

[*] См. настоящий том, стр. 183—185. *Ред.*

крупному землевладению и высшим финансовым кругам, то она в Англии вообще ничего не представляет.

Уже прошлый парламент по своему общему интеллектуальному уровню был более чем посредственным. Он состоял главным образом из провинциальных дворян и сыновей крупных землевладельцев, с одной стороны, из банкиров, директоров железнодорожных компаний, пивоваров, фабрикантов и прочих разбогатевших выскочек — с другой; среди них было и несколько политических деятелей, юристов, профессоров. Значительная часть этих «представителей интеллекта» на сей раз провалилась, так что новый парламент еще в большей степени, чем предыдущий, является исключительно представительством крупного землевладения и денежного мешка. Зато он отличается от предыдущего двумя новыми элементами: в нем оказались два рабочих* и около пятидесяти ирландских гомрулеров.

Что касается рабочих, то нужно прежде всего констатировать, что со времени крушения в пятидесятых годах партии чартистов в Англии больше не существует особой политической рабочей партии. Да это и понятно в такой стране, где рабочий класс больше, чем где бы то ни было, получал свою долю выгоды от огромного роста крупной промышленности, а при господстве Англии на мировом рынке иначе и не могло быть; к тому же в такой стране, где господствующие классы взяли на себя задачу наряду с другими уступками выполнять пункт за пунктом все требования программы чартистов, Народной хартии. Из шести пунктов хартии два уже стали законом: тайная подача голосов и отмена имущественного ценза для кандидатов; третий пункт — всеобщее избирательное право — введен по крайней мере приблизительно; совершенно не выполнены три последних пункта: ежегодные выборы, вознаграждение депутатов и самый важный пункт — равные по численности населения избирательные округа.

Рабочие, поскольку они участвовали в общей политике через особые организации, выступали в последнее время почти исключительно как крайнее левое крыло «великой либеральной партии», а при такой их роли великая либеральная партия, вполне естественно, надувала их на каждых выборах. Но вот принят билль об избирательной реформе[392], и политическое положение рабочих сразу изменилось. Во всех крупных городах они составляют теперь большинство избирателей, а в Англии как правительство, так и кандидаты в парламент привыкли ухаживать за избирателями. С этого времени председатели

* — Л. Макдональд и Т. Берт. *Ред.*

и секретари тред-юнионов и политических рабочих союзов, так же как и другие известные рабочие ораторы, которым приписывали влияние на рабочий класс, сразу стали важными людьми; члены парламента, лорды и прочий знатный сброд стали наносить им визиты, проявлять неожиданное внимание к желаниям и потребностям рабочего класса, обсуждать с этими «рабочими лидерами» вопросы, над которыми до сих пор высокомерно насмехались и самая постановка которых уже считалась зазорной: они даже начали вносить пожертвования и устраивать денежные сборы на нужды рабочих. Вполне естественно, что «рабочим лидерам» пришла в голову мысль пройти самим в парламент; их знатные друзья отнеслись к этому в общем сочувственно, но, разумеется, лишь для того, чтобы в каждом отдельном случае по возможности помешать избранию рабочего. И дело, таким образом, дальше не двинулось.

Конечно, никто не станет упрекать «рабочих лидеров» за то, что они охотно вошли бы в парламент. Кратчайшим путем к этому было бы сейчас же приступить к организации новой, сильной рабочей партии с ясно выраженной программой. Народная хартия была бы для них лучшей политической программой, какую они только могли пожелать. Но само название «чартисты» — именно потому, что они были явно пролетарской партией, — было у буржуазии на дурном счету, и вместо того, чтобы примкнуть к славной традиции чартистов, «рабочие лидеры» предпочли вступить в переговоры со своими знатными друзьями и выступить «респектабельно», что означает в Англии — *по-буржуазному.* Если старое избирательное право до известной степени вынуждало рабочих выступать в хвосте радикальной буржуазии, то непростительно было заставлять их играть эту роль и после того, как билль о реформе открыл двери парламента по меньшей мере для шестидесяти рабочих кандидатов.

Это было поворотным пунктом. Чтобы пройти в парламент, «рабочие лидеры» прибегли в первую очередь к голосам и деньгам буржуазии и лишь во вторую очередь — к голосам самих рабочих. Но тем самым они перестали быть рабочими кандидатами и превратились в буржуазных кандидатов. Они обратились не к той рабочей партии, которую надо было заново создавать, а к буржуазной «великой либеральной партии». Они образовали между собой общество взаимного страхования при выборах, Лигу рабочего представительства[393], которая черпала свои очень скудные денежные средства главным образом из буржуазных источников. Но мало того. Радикальные буржуа достаточно сообразительны, чтобы понять, что избрание рабочих

в парламент становится все более неизбежным; поэтому в их интересах удерживать под своим руководством предполагаемых рабочих кандидатов и тем самым как можно дальше отодвинуть момент их действительного избрания. Для этого они и располагают неким г-ном *Самюэлом Морли,* лондонским миллионером, которому не жаль потратить несколько тысяч фунтов ради того. чтобы, с одной стороны, разыгрывать роль главнокомандующего в этом псевдорабочем генеральном штабе, а с другой стороны — прослыть с его помощью в массах другом рабочих в благодарность за то, что он этих рабочих надувает. Когда же около года тому назад роспуск парламента становился все более вероятным, Морли собрал вокруг себя в Лондонской таверне своих верных слуг. Они явились все: Поттеры, Хауэллы, Оджеры, Хейлзы, Моттерсхеды, Кримеры, Эккариусы и прочие; компания людей, каждый из которых в предшествующих парламентских выборах состоял на жалованье у буржуазии в качестве агитатора «великой либеральной партии» или, по крайней мере, предлагал свои услуги для этого. Компания эта под председательством Морли составила «рабочую программу», под которой мог бы подписаться любой буржуа и которая, будучи положена в основу мощного движения, должна была еще теснее приковать рабочих к политике буржуазии и — о чем мечтали эти господа — провести в парламент самих «учредителей». В алчном воображении этих учредителей мелькали к тому же и многочисленные пятифунтовые банкноты Морли, которые непременно попали бы в их карман в ходе агитации. Но все это движение провалилось, не успев еще как следует начаться. Морли запер свой несгораемый шкаф, а учредители снова сошли со сцены.

Четыре недели тому назад Гладстон внезапно распускает парламент. Непременные «рабочие лидеры» облегченно вздохнули: либо они будут избраны, либо станут снова хорошо оплачиваемыми странствующими проповедниками «великой либеральной партии». Но нет: срок выборов был так близок, что они оказались обманутыми и в том и в другом отношении. Правда, некоторые из них выступили в качестве кандидатов; но так как в Англии каждый кандидат, чтобы иметь право баллотироваться, должен внести двести фунтов (1240 талеров) в качестве взноса на покрытие издержек по выборам, а рабочие почти нигде не были организованы для этой цели, то выставить всерьез свою кандидатуру могли лишь те из них, которые эту сумму получили от буржуазии и, стало быть, выступали с *высшего начальственного соизволения буржуазии.* А буржуазия этим и исчерпывала свои обязательства, предоставив им всем самим блестяще провалиться на выборах.

Только лишь два рабочих прошли в парламент, оба — шахтеры угольных копей. Эта отрасль промышленности очень хорошо организована в трех тред-юнионах, которые располагают значительными средствами, могут рассчитывать в некоторых округах на бесспорное большинство избирателей и со времени избирательной реформы планомерно добивались прямого представительства в парламенте. Кандидатами были выставлены секретари этих трех тред-юнионов; один из них, Халлидей, не имел в Уэльсе никакого успеха; двое других — *Макдональд* в *Стаффорде* и *Берт* в *Морпете* — оказались избранными. Берт мало известен за пределами своего округа; Макдональд же, будучи представителем углекопов при обсуждении последнего горнопромышленного закона[394], предал своих доверителей, одобрив один дополнительный параграф, который столь явно был в интересах капиталистов, что даже правительство не решилось ввести его в свой проект.

Но как бы то ни было, лед сломан, и в самом фешенебельном дискуссионном клубе Европы, среди людей, называющих себя первыми джентльменами Европы, заседают двое рабочих.

Рядом с ними заседают по меньшей мере пятьдесят ирландских гомрулеров. После того как фенианское восстание 1867 г. потерпело поражение и военные руководители фениев (ирландских республиканцев) один за другим либо попали в тюрьму, либо бежали в Америку, уцелевшие участники заговора фениев вскоре потеряли всякое значение. Возможность насильственного восстания была исключена на долгие годы — по крайней мере до того момента, пока Англия не столкнулась бы снова с серьезными внешнеполитическими осложнениями. Оставался, таким образом, только путь легального движения, которое и началось под знаменем гомруля, «господства в собственном доме». Основное требование заключалось в том, чтобы королевский парламент в Лондоне передал законодательство по всем чисто ирландским вопросам особому ирландскому парламенту в Дублине; что именно следует понимать под чисто ирландскими вопросами, об этом до поры до времени благоразумно умалчивалось. Это движение, вначале поднятое на смех английской прессой, приобрело такую силу, что к нему вынуждены были присоединиться ирландские депутаты самой различной партийной окраски: консерваторы и либералы, протестанты и католики — вождь движения, Батт, сам протестант, — и даже один коренной англичанин, который является представителем Голуэя. Со времен О'Коннела, движение которого за отмену унии с Англией[395] прекратилось почти одновременно с чартистским движением под ударами всеобщей реакции после событий

1848 г. — сам О'Коннел умер еще в 1847 г. — впервые снова появляется в парламенте сплоченная ирландская партия, появляется при таких обстоятельствах, которые вряд ли позволят ей повторять беспрестанные компромиссы О'Коннела с либералами и вошедший после него в моду обычай отдельных членов продавать себя в розницу либеральному правительству.

Итак, в парламент вступили теперь обе движущие силы политического развития Англии: с одной стороны, рабочие, а с другой — ирландцы в виде сплоченной национальной партии. И хотя и те и другие едва ли будут играть большую роль в данном парламенте — рабочие наверняка не будут, — все же выборы 1874 г. бесспорно открыли собой новую фазу в политическом развитии Англии.

Написано Ф. Энгельсом
22 февраля 1874 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat»
№ 26, 4 марта 1874 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИМПЕРСКИЙ ВОЕННЫЙ ЗАКОН [396]

I

Поистине забавно видеть, как национал-либералы и прогрессисты[397] в рейхстаге ведут себя по отношению к § I военного закона:

«Численность наличного состава унтер-офицеров и рядовых сухопутных войск для мирного времени *впредь до издания другого законоположения* определяется в 401659 человек».

Этот параграф, кричат они, неприемлем, он уничтожает бюджетное право рейхстага, он превращает утверждение военного бюджета в простой фарс!

Совершенно правильно, господа! И именно *потому,* что это так, *потому,* что эта статья неприемлема, вы ее и примете в основном. Зачем же столько церемоний, когда от вас снова требуют преклонить колени, что вы уже так часто делали с такой грацией?

Источником всех злоключений является реорганизация прусской армии. Эта реорганизация вызвала знаменитый конфликт[398]. На протяжении всего конфликта либеральная оппозиция осуществляла принцип Мантёйфеля: «Сильный отступает мужественно»[399]. После Датской войны мужество в отступлении значительно усилилось. Когда же в 1866 г. Бисмарк вернулся с победой из Садовы и за произведенные до этого времени противозаконные денежные расходы потребовал еще вознаграждения, то отступление не знало больше никаких границ. Военный бюджет был немедленно утвержден, а то, что в Пруссии однажды утверждено, то утверждено навсегда, ибо по прусской конституции «существующие» (однажды утвержденные) «налоги взимаются и впредь!»[400].

Затем собрался Северогерманский рейхстаг, который обсуждал союзную конституцию[401]. Много говорили о бюджетном праве, представленный правительством проект объявили неприемлемым по причине недостаточного финансового контроля, метались туда-сюда и, наконец, проглотили горькую пилюлю и перенесли положения прусской конституции о военном бюджете во всех существенных пунктах на Северогерманский союз. Это уже увеличило наличный состав войск для мирного времени с 200000 до 300000 человек.

И вот пришла прославленная война 1870 г. и с ее помощью «Германская империя». Снова учредительный (!) рейхстаг и новая имперская конституция[402]. Снова высокопарные речи, бесчисленные оговорки по поводу бюджетного права. И что же постановили эти господа?

Статья 60 имперской конституции гласит:

«Численность наличного состава германской армии мирного времени впредь до 31 декабря 1871 г. определяется в один процент населения на 1867 г., и будет распределяться между отдельными союзными государствами pro rata* населению. *В дальнейшем численность наличного состава армии мирного времени устанавливается в порядке имперского законодательствам.*

Один процент населения 1867 г. дает 401000 человек. Это постановление было позднее продлено решением рейхстага до 31 декабря 1874 года.

Статья 62. «Для покрытия расходов на всю германскую армию и относящиеся к ней учреждения императору должно предоставляться до 31 декабря 1871 г. по 225 талеров на каждого солдата, в соответствии с численностью армии мирного времени, согласно статье 60. *После 31 декабря 1871 г. эти взносы должны уплачиваться отдельными союзными государствами в имперскую кассу. Для вычисления взносов временно установленный статьей 60 наличный состав войск для мирного времени остается в силе, впредь до изменения его особым имперским законом».*

Это было третьим коленопреклонением наших национал-либералов перед неприкосновенностью военного бюджета. И если теперь Бисмарк выходит и требует превращения удобного временного положения в еще более удобное постоянное положение, то господа поднимают крик о трехкратном — раз за разом нарушении того бюджетного права, которое ими уже было принесено в жертву.

Господа национал-либералы! Занимайтесь «практической политикой»! «Действуйте с учетом обстоятельств времени»! Выбросьте за борт «недостижимые идеалы» и продолжайте смело вести дела на «почве имеющихся фактов». Вы не только сказали А, вы уже сказали В и С. Не страшитесь же сказать D!

---

* — пропорционально. *Ред.*

Здесь не поможет ни метание из стороны в сторону, ни топанье ногами, здесь вы снова должны пойти на пресловутый «компромисс», при котором правительство полностью осуществит то, чего оно хочет, а вы можете радоваться, если дело обойдется без пинков. Предоставьте бюджетное право погрязшим в материализме англичанам, опустившимся французам, отсталым австрийцам и итальянцам, не придерживайтесь «иностранных образцов», делайте «истинно немецкое дело»! *Если* же вы непременно хотите иметь бюджетное право, то для этого существует только одно средство: выбирайте в следующий раз только социал-демократов!

II

Что национал-либералы глупы — несмотря на всю смышленность крошки Ласкера — это мы знаем давно, и это знают они сами. Но что они так глупы, как их считает Мольтке, этого мы все же не думали. Великий молчальник говорил в рейхстаге целый час и все же остался великим молчальником: ведь он скрыл от своих слушателей почти все то, что сам думает. Только по двум пунктам он откровенно высказал свое мнение: во-первых, что роковой § I совершенно необходим, и во-вторых, в знаменитой фразе:

«То, что мы оружием завоевали за полгода, то мы должны защищать с оружием в руках в течение полувека, чтобы у нас этого снова не отняли. Со времени наших удачных войн мы повсюду приобрели уважение, любви же не приобрели нигде»[403].

Habemus confitentem reum*. Вот мы и привели виновника к признанию. Когда Пруссия после Седана[404] выступила со своими аннексионистскими требованиями, то говорили: новая граница обусловлена исключительно стратегической необходимостью; мы берем лишь то, что нам абсолютно необходимо для пашей защиты; внутри этой новой границы и после окончания строительства наших укреплений мы сможем противостоять любому нападению, И так оно и есть, если говорить о чисто стратегической стороне дела.

Укрепленная линия Рейна с ее тремя большими главными крепостями Кёльном, Кобленцем и Майнцем имела только два недостатка: во-первых, ее можно было обойти через Страсбург, и во-вторых, ей недоставало выдвинутой линии укрепленных пунктов, которые придавали бы глубину всему плацдарму. Аннексия Эльзас-Лотарингии помогла устранить оба эти недостатка. Страсбург и Мец образуют сейчас первую линию,

* — Перед нами сознавшийся виновный (Цицерон. Речь о Лигарии). *Ред.*

Кёльн, Кобленц, Майнц — вторую. Все это — крепости первого разряда с далеко выдвинутыми фортами и способные противостоять современной нарезной артиллерии. К тому же эти крепости отделены одна от другой расстоянием, наиболее благоприятным для свободного передвижения современных колоссальных армий, и расположены в чрезвычайно удобной для обороны местности. Пока не будет нарушен нейтралитет Бельгии, французское нападение может легко быть приостановлено на узкой полосе земли между Мецем и Вогезами; при желании можно с самого начала отойти за Рейн и заставить французов еще до первого генерального сражения ослабить свои силы путем переброски войск на Мец, Страсбург, Кобленц и Майнц. Это такая позиция, с которой не сравнится по силе никакая другая во всей Европе; венецианский четырехугольник крепостей[405] был детской игрушкой по сравнению с этой почти неприступной позицией.

И как раз овладение этой почти неприступной позицией вынуждает Германию, по словам Мольтке, в течение целого полувека защищать завоеванное с оружием в руках! Самая сильная позиция не защищает себя сама, она требует, чтобы ее защищали. Для защиты нужны солдаты: значит, чем сильнее позиция, тем больше требуется солдат, и так далее, в виде вечного порочного круга. Следует еще добавить, что вновь возвращенные в родное лоно «оторгнутые братья-соплеменники» в Эльзас-Лотарингии, как оказывается, вовсе ничего не хотят знать о матери-Германии, и французам при всех обстоятельствах придется при первом же удачном случае попытаться освободить эльзасцев и лотарингцев из германских объятий. Таким образом, сильная позиция уравновешивается тем, что Германия заставляет французов встать на сторону всякого, кто захочет напасть на Германию. Другими словами, сильная позиция *содержит в себе зародыш европейской коалиции против Германской империи.* А при наличии этого факта никакие встречи трех или двух императоров и никакие тосты не могут абсолютно ничего изменить, и никто не знает этого лучше, чем Мольтке и Бисмарк. Мольтке осторожно дает понять это при помощи меланхолической фразы:

«Со времени наших удачных войн мы повсюду приобрели уважение, любви же не приобрели нигде!»

Такова *правда* в словах Мольтке. Перейдем теперь к его *вымыслу*[*].

[*] В оригинале «Dichtung» — «поэзия», «вымысел»; намек на заглавие автобиографического произведения Гёте «Из моей жизни. Поэзия и правда». *Ред.*

Мы не собираемся останавливаться на сентиментальных вздохах, которыми великий стратег выражает свою скорбь по поводу того, что армия, к сожалению, должна в интересах народа поглощать такие огромные суммы, и в которых он до некоторой степени выставляет себя прусским Цинциннатом, ничего так страстно не желающим, как из генерал-фельдмаршала превратиться в огородника. Еще менее собираемся мы останавливаться на уже не новой теории, будто вследствие плохого воспитания нации школьным учителем каждый немец должен быть послан на три года в высшую школу, где профессором является унтер-офицер. Здесь мы обращаемся не к национал-либералам, как это пришлось делать бедному Мольтке. Мы сразу же перейдем к тем чудовищным небылицам военного характера, которые он плел своим удивленным слушателям, вызвав всеобщее оживление Генерального штаба.

Речь снова идет о том, чтобы оправдать огромные вооружения Германии якобы еще большими вооружениями французов. И вот Мольтке сообщает рейхстагу, что французское правительство уже сейчас имеет право призвать к оружию в кадровую армию 1200000, а в территориальную — свыше 1000000 человек. Чтобы иметь возможность мобилизовать это количество людей, «хотя бы частично», французы якобы увеличили численность своих военных кадров. Они якобы имеют сейчас 152 пехотных полка (вместо 116 до войны), 9 новых егерских батальонов, 14 новых кавалерийских полков, 323 батареи, вместо прежних 164. И «это увеличение еще не закончено». Численность наличного состава войск для мирного времени установлена в 471170 человек, на 48000 больше, чем в 1871 году. Вместо восьми армейских корпусов, с которыми французы выступили против нас в начале войны, Франция выставит в будущем 18 корпусов и еще девятнадцатый для Алжира. Национальное собрание прямо-таки навязывает правительству деньги на вооружение, муниципалитеты преподносят в дар учебные плацы и офицерские клубы, строят на собственные средства казармы, проявляют почти необузданный патриотизм, о котором в Германии можно было бы только мечтать, короче — делается все для подготовки большой войны во имя реванша.

Если бы французское правительство сделало все то, что Мольтке ему приписывает, оно лишь выполнило бы свой долг. После таких поражений, как в 1870 г., правительство прежде всего обязано настолько развить обороноспособность нации, чтобы исключить возможность повторения такого рода несчастий. В 1806 г. с пруссаками произошло то же самое: весь состав их старомодной армии был бесплатно отправлен во Францию

в качестве военнопленных. После войны прусское правительство приложило все усилия к тому, чтобы вооружить весь народ. Люди обучались только шесть месяцев, и, несмотря на отвращение Мольтке к ополчениям, имеется свидетельство Блюхера о том, что эти, как он выражался, «паттельоны ландвера» после первых боев не уступали линейным батальонам. Если бы французское правительство действовало таким же образом, если бы оно направило силы на то, чтобы в течение пяти-шести лет добиться вооружения всего народа, — оно только выполнило бы свой долг. Но дело обстоит наоборот. За исключением вновь сформированных батальонов, эскадронов и батарей, которые к настоящему времени достигают лишь уровня немецкой *линейной* организации, все остальное *существует только на бумаге,* и Франция в военном отношении слабее, чем когда-либо.

«Во Франции», — говорит Мольтке, — «точно скопировали вес наше военное устройство... прежде всего ввели всеобщую воинскую повинность, и при этом положили в основу двадцатилетний срок военной обязанности, в то время как у нас только двенадцатилетний».

Если действительно дело обстоит так, то к чему сводится разница между 20 и 12 годами? Где тот немец, который после двенадцати лет пребывания в ландвере[406] действительно был бы освобожден от военной обязанности? Разве не говорят повсюду: двенадцатилетний срок вступит в силу только тогда, когда у нас будет достаточно людей, а пока вы должны оставаться в ландвере четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет. И для чего же мы снова откопали преданный забвению ландштурм[407], как не для того, чтобы каждого немца, который когда-либо носил военную форму, держать на положении военнообязанного до самой его смерти?

Но со всеобщей воинской повинностью во Франции дело обстоит совсем особым образом. Во Франции нет прусских полуфеодальных восточных провинций, составляющих подлинную основу прусского государства и новой Германской империи, — провинций, поставляющих рекрутов, которые отличаются безусловным повиновением и позднее в качестве ополченцев не становятся намного умнее. Распространение всеобщей воинской повинности на западные провинции уже показало в 1849 г., что не все одинаково годится для всех[408]. Последовавшее теперь распространение воинской повинности на всю Германию не позднее, чем через облюбованные Мольтке двенадцать лет, — если вообще эта лавочка продержится так долго, — создаст людей, умеющих обращаться с оружием, которые оставят всех Мольтке и Бисмарков без работы.

Итак, во Франции не существует даже основы, на которой всеобщая воинская повинность могла бы создать для реакции послушных солдат. Во Франции прусский унтер-офицер уже перед великой революцией был пройденным этапом. Военный министр Сен-Жермен ввел в 1776 г. прусские палочные удары; солдаты, которых избили, застрелились, и в том же году палочные удары пришлось отменить. Если бы во Франции была действительно введена всеобщая воинская повинность, если бы массу населения обучили обращению с оружием, что стало бы с Тьером и Мак-Магоном? Но Тьер и Мак-Магон — хотя они вовсе не гении — все же и не такие школьники, какими изображает их Мольтке. Правда, на бумаге они восстановили всеобщую воинскую повинность, но в действительности они с величайшим упорством отстояли *пятилетний* срок военной службы[409]. Но всякий знает, что всеобщая воинская повинность совершенно несовместима даже с прусским трехгодичным сроком службы: либо при этом в Германии численность армии для мирного времени достигнет по меньшей мере 600000 человек, либо нужно предоставить людям возможность освобождаться от воинской повинности, как это и происходит. Какую же численность армии для мирного времени дал бы во Франции пятилетний срок службы при всеобщей воинской повинности? Почти миллион; но даже самому Мольтке не удастся приписать французам хотя бы и половину этого количества.

В тот самый день, когда Мольтке так удивил своих слушателей, «Kolnische Zeitung»[410] напечатала «военное сообщение» о французской армии. Эти военные сообщения поступают в «Kolnische Zeitung» из очень солидного официозного источника, и надо думать, что соответственный военный «стрелочник» получит по заслугам за столь несвоевременно совершенный промах. Дело в том, что человек этот действительно говорит правду. По его словам, новейшие официальные французские цифровые данные показывают,

«что Франция вряд ли будет в состоянии, даже при крайнем напряжении сил, выполнить поставленную себе в новом законе о вооружении военную задачу».

Он считает, что «состав армии этого года определяется в 442014 человек». Отсюда следует прежде всего вычесть жандармскую республиканскую гвардию, насчитывающую 27500 человек; «фактически действительная численность войска, согласно цифрам бюджета для отдельных родов оружия, составляет только 389965 человек». Отсюда нужно вычесть

«*вербуемые войска* (иностранный легион, туземные алжирские войска), административные войска и кадры унтер-офицеров и сверхсрочных,

общее число которых, по прежним достоверным французским данным, определялось в 120000 человек. Даже если предположить, что действительный фактический состав этих кадров равен всего лишь 80000 человек, то остается еще набрать только 309000 человек фактического состава армии, который *слагается из пяти возрастных контингентное первой очереди и одного возрастного контингента второй очереди* (резерва). Один контингент этой второй очереди составляет 30000 человек и соответственно этому *призывной контингент первой очереди и ежегодный набор для него исчисляются в 55800 человек.* К этому присоединяются 30000 человек второй очереди, так что *максимальная цифра ежегодного набора французской армии исчислялась бы только в 99714 человек».*

Итак, французы ежегодно призывают около 60000 человек на пятилетний срок службы. За двадцать лет это составит 1200000 человек, а если мы примем в расчет убыль в размере, фактически наблюдаемом в прусском ландвере, то самое большее — 800000 человек. Далее, 30000 человек, призванных на один год службы — и представляющих, по мнению Мольтке, негодное ополчение, — составят за двадцать лет 600000 человек, а за вычетом убыли самое большее 400000 человек. Следовательно, если французы будут без помехи проявлять в течение двадцати лет столь прославляемый Мольтке патриотизм, то тогда они в конечном счете противопоставят немцам вместо мольтковских 2200000 человек самое большее 800000 обученных солдат и 400000 ополченцев, в то время как Мольтке уже сейчас может свободно мобилизовать полтора миллиона полностью обученных немецких солдат. Вот почему удивившая рейхстаг речь Мольтке вызвала такое оживление в Генеральном штабе.

Надо отдать должное Мольтке: пока он имел дело с глуповатыми противниками, вроде Бенедека и Луи-Наполеона, до тех пор он старался вести войну совершенно *честно.* Он точно, педантично и добросовестно соблюдал введенные Наполеоном I стратегические правила. Ни один противник не мог упрекнуть его в том, чтобы он когда-либо воспользовался внезапностью нападения, засадой или какой-либо другой вульгарной военной хитростью. Поэтому можно было усомниться в том, действительно ли Мольтке — гений. Это сомнение исчезло с тех пор как Мольтке вынужден бороться с равноценными противниками — гениями в рейхстаге. По отношению к ним он доказал, что он может также и перехитрить своих противников, если это понадобится. Сомнений больше нет: Мольтке — гений!

Что же действительно может думать Мольтке о французских вооружениях? И на этот счет у нас тоже есть некоторые указания. — Для Мольтке и Бисмарка не было тайной, что подобно тому как победы 1866 г. неизбежно вызвали во французском официальном мире призыв к реваншу за Садову, так

и успехи 1870 г. с той же неизбежностью побудят официальную Россию взять «реванш за Седан». Пруссия, остававшаяся до сих пор послушным холопом России, вдруг оказалась первой военной державой Европы. Столь резкий и неблагоприятный для России сдвиг в положении дел Европы был равносилен поражению русской политики. Призыв к реваншу прозвучал в России достаточно громко. В Берлине нашли, что при таких обстоятельствах лучше всего будет как можно скорее порешить дело, не оставив русским времени для военных приготовлений. О том, что было тогда сделано с прусской стороны для подготовки войны против России, об этом, пожалуй, в другой раз. Достаточно сказать, что летом 1872 г. все было почти готово, в частности план кампании, который на этот раз не предусматривал никакого «удара в сердце». Тогда с визитом к кайзеру в Берлин приехал без приглашения русский император Александр и представил в «авторитетном месте» некие документы, которые уничтожили этот милый план. Вновь возобновленный священный союз, направленный прежде всего против Турции, отодвинул на время все же неизбежную в конце концов войну с Россией.

Этот небольшой план предусматривал, конечно, и такой случай, что Франция вступит в союз с Россией против Пруссии. В этом случае против Франции хотели ограничиться обороной. И какое же количество человек считали тогда достаточным, чтобы отразить нападение Франции?

Армию в двести пятьдесят тысяч человек!

Написано Ф. Энгельсом в конце февраля — начале марта 1874 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» №№ 28 и 29, 8 и 11 марта 1874 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ ШТАБНОЙ КРИКУН МОЛЬТКЕ И ЕГО НЕДАВНИЙ ЛЕЙПЦИГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ [411]

Лондон, 13 марта

Ура-патриотизм какого-то откормленного лейпцигского бюргера был, по-видимому, неприятно задет тем фактом, что французы, как они утверждают, до Меца[412] не несли никаких потерь в орудиях, а немцы, напротив, такие потери понесли. Охваченный пушечной лихорадкой, он просит разъяснений у знаменитого полубога Мольтке, который в ответ помещает в «Leipziger Tageblatt»[413] одно из своих забавных оракульских изречений; смысл последнего состоит в том, что хотя некоторые французские генералы во время процесса Базена[414] и сообщили неточные данные о захвате пушек той и другой стороной, но все же следует признать, что в то время как немцам удалось 16 августа взять у французов всего одну пушку, последние захватили 18-го два немецких орудия. Этим было сказано достаточно. Но неразговорчивый Мольтке должен еще прочесть лекцию, без этого никак не обойтись. Итак, он рассказывает благоговеющим олухам, что, согласно «современной тактике», артиллерия должна сражаться в самых первых рядах; *потому-то* немцы и потеряли две пушки. Из его слов следует, что если бы французы воздали должное этой его «современной тактике», то, по всей вероятности, они потеряли бы гораздо больше пушек и тем заслужили бы его похвалу; ведь, по его словам, австрийцы, у которых артиллерия поддерживала пехоту на самой передовой линии боя, «самым почетным образом» лишились 160 пушек. Австрийская артиллерия, как сам он изрекает, маневрировала так потому, что австрийская пехота по своему вооружению уступала прусской. Ну, а так как французские шаспо превосходили прусские игольчатые ружья, то это и послужило

основанием для *немецкой* артиллерии делать из нужды добродетель так же, как делала это австрийская артиллерия при Кёниггреце[415]. Но у *французской* артиллерии не было необходимости *бесцельно* позволять себя расстреливать артиллерии противника, превосходящей ее своей нарезной конструкцией и подвижностью. Для Мольтке, конечно, должно быть очень неудобно, что за три дня, 14, 16 и 18 августа 1870 г., было убито и ранено 40000 немцев, несмотря на то, что метод управления французской артиллерией на его взгляд настолько неразумен, что он и теперь еще заявляет:

«Является ли при этих условиях факт отсутствия потерь или потеря одного лишь орудия особым доказательством искусности французской артиллерии или ее стойкости в бою, — вопрос этот можно оставить открытым».

Но не подумайте, хотя вас и могло бы побудить к этому несловоохотливое письмо Мольтке, что французская артиллерия действовала в те дни не вполне надлежащим образом, хотя бы даже по сравнению с немецкой артиллерией. Смелое утверждение Мольтке, будто французская артиллерия «была большей частью легко устранимым противником», является «не вполне соответствующим действительности», скажем мы, употребляя изысканное выражение самого Мольтке. Кто захочет узнать об этом более подробно, пусть прочитает книгу капитана и командира батареи 1-го восточнопрусского артиллерийского полка, преподавателя объединенной артиллерийской и инженерной школы Хофбауэра «Немецкая артиллерия в боях при Меце», Берлин, 1872, Митлер и сын[416]. Книга, стало быть, официозная! Мольтке знает, что задающие такие глупые вопросы, как наш лейпцигский бюргер, не читают подобных книг или же их не понимают, и рассчитывает, что читающие их с пониманием дела будут «держать язык за зубами».

Разглагольствования Мольтке о «новом» способе применения артиллерии не стоят и бумаги, на которой они написаны. При таком применении не только потери артиллеристами и лошадьми, но и расходы боевых припасов так огромны, что не могут быть возмещены в короткий срок. Вдобавок, в результате «новой тактики» Мольтке немецкая артиллерия во славу пауки расстреливает гораздо чаще, чем это желательно, своих собственных соотечественников. Так случилось 14, 16 и 18 августа 1870 года. «Новая тактика» привела к такой научно-запутанной артиллерийской пальбе, что пришлось посылать контрприказы и просьбы прекратить это предательское безумие — огонь по немецким войскам (см. у Хофбауэра).

Впрочем, действия немецкой артиллерии в те дни носили, как говорит сам капитан Хофбауэр, кавалер ордена железного креста *первой* степени и безусловный поклонник своего начальства, «импровизированный характер». Мольтке спешит назвать это выполнением «требований современной тактики», которая «предписывает, чтобы артиллерия не смела бояться» (это стиль Мольтке) «включаться в самые передовые линии сражающихся войск или же, при защите от атаки врага, держаться до последнего момента и защищать другие роды оружия». Но такие требования предъявлялись к артиллерии уже задолго до Мольтке. О «современной тактике» артиллерии ничего нельзя установить точно. До 1815 г. об этом не было написано ничего заслуживающего внимания, а с 1815 г. прусская артиллерия разлагалась от бездействия, а ее офицеры только тем и занимались, что грызлись друг с другом. С 1866 г. пруссаки *уверовали в то,* что они овладели пушечной премудростью, потому что случайно оказались обладателями лучшей пушки, чем некоторые их соседи. Во время французской войны они стали лишь нащупывать для своей артиллерии тактику, которая, как это ясно самым недалеким людям, должна изменяться вместе с каждым значительным усовершенствованием орудий.

Простая гуманность побуждает заняться осмеянием и посрамлением столь же наивных, сколь старчески-претенциозных оракульских, изречений Мольтке и его приспешников, изречении, с которыми они дерзают выступать в книгах, газетах, речах и письмах.

Написано Ф. Энгельсом 13 марта 1874 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 35, 25 марта 1874 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОБАВЛЕНИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ 1870 г. К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ» [417]

Предшествующие строки были написаны более четырех лет назад. Они и теперь сохраняют свое значение. То, что было верно после Садовы и разделения Германии, подтверждается и после Седана и основания священной германской империи прусской нации[418]. Так мало изменений могут внести в направление исторического движения «потрясающие мир» лицедейства так называемой большой политики.

Зато в их власти ускорить ход этого движения. В этом отношении виновники указанных «потрясающих мир событий» невольно достигли таких успехов, которые для них самих наверное крайне нежелательны, но с которыми волей-неволей им приходится считаться.

Уже война 1866 г. потрясла старую Пруссию до самых ее основ. После 1848 г. стоило уже немало труда вновь подчинить старой дисциплине мятежный промышленный — как буржуазный, так и пролетарский — элемент западных провинций; все же это удалось, и интересы юнкеров из восточных провинций наряду с интересами армии снова стали господствующими в государстве. В 1866 г. почти вся Северо-Западная Германия стала прусской. Не говоря уже о непоправимом моральном ущербе, который потерпела прусская божьей милостью корона, проглотив три других божьей милостью короны[419], — теперь центр тяжести монархии значительно переместился на запад. Пятимиллионное население Рейнской области и Вестфалии было подкреплено сначала 4 миллионами немцев, присоединенных путем прямой аннексии, а затем 6 миллионами немцев, присоединенных путем косвенной аннексии, через

Северогерманский союз[420]. А в 1870 г. к этому прибавилось еще 8 миллионов юго-западных немцев[421], так что в «новой империи» 14,5 миллионам старых пруссаков (из шести ост-эльбских провинций, где, кроме того, было еще 2 миллиона поляков) противостояло около 25 миллионов, давно уже переросших старопрусский юнкерский феодализм. Таким образом, именно победы прусской армии произвели решительный сдвиг во всей основе прусского государственного здания; господство юнкерства становилось все более и более невыносимым даже для правительства. Но в то же время стремительно быстрое промышленное развитие оттеснило борьбу между юнкерами и буржуазией на задний план, выдвинув вперед борьбу между буржуазией и рабочими, так что и изнутри в общественных основах старого государства произошел полный переворот. Основной предпосылкой монархии, медленно разлагавшейся с 1840 г., была борьба между дворянством и буржуазией, борьба, в которой монархия поддерживала равновесие. Но с того момента, когда речь пошла уже не о защите дворянства от натиска буржуазии, а об охране всех имущих классов от натиска рабочего класса, старая абсолютная монархия должна была полностью превратиться в специально для этой цели выработанную государственную форму: *в бонапартистскую монархию.* Этот переход Пруссии к бонапартизму я рассмотрел уже в другом месте («К жилищному вопросу», второй выпуск, стр. 26 и сл.*). Но там не было необходимости подчеркивать один факт, который здесь имеет весьма существенное значение, а именно, что этот переход был *самым большим шагом вперед,* сделанным Пруссией после 1848 г., — настолько отстала Пруссия от современного развития. Она все еще оставалась полуфеодальным государством, а бонапартизм — уж во всяком случае современная государственная форма, которая предполагает устранение феодализма. Итак, Пруссия должна решиться на то, чтобы покончить с имеющимися у нее многочисленными остатками феодализма и пожертвовать юнкерством как таковым. Все это, конечно, совершается в самой мягкой форме и под звуки любимого напева: «Всегда вперед, не спеша». Так, например, обстоит дело с пресловутым положением об округах. Оно отменяет феодальные привилегии отдельного юнкера на территории его имения, но лишь для того, чтобы восстановить их в виде привилегий всей совокупности крупных землевладельцев на территории всего округа. Сущность дела остается той же, только переводится с феодального на буржуазный диалект. Старопрусского юнкера

* См. настоящий том, стр. 254—253. *Ред.*

принудительно превращают в некое подобие английского сквайра, но ему вовсе незачем было особенно противиться этому, так как и тот и другой одинаково тупы.

Таким образом, Пруссии выпала своеобразная судьба — завершить в конце этого столетия в приятной форме бонапартизма свою буржуазную революцию, начавшуюся в 1808—1813 гг. и сделавшую шаг вперед в 1848 году. И если все будет идти гладко и мир будет спокойно ждать, а мы сами достаточно долго жить, то, может быть, к 1900 г. мы доживем до того, что прусское правительство действительно уничтожит все феодальные учреждения и Пруссия, наконец, достигнет того положения, в котором Франция находилась в 1792 году.

Уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя. По мере того как отпадают привилегии дворянства, законодательство обуржуазивается. И здесь мы подходим к основному моменту в отношении немецкой буржуазии к правительству. Мы видели, что правительство *вынуждено* вводить эти медлительные и мелочные реформы. Но перед буржуазией каждую из этих маленьких уступок оно изображает как принесенную ей *жертву,* как вырванную у короны с большим трудом поблажку, за которую они, буржуа, должны, со своей стороны, также кое в чем уступить правительству. И буржуа, хотя суть дела для них довольно ясна, идут на этот обман. Отсюда и вытекает то молчаливое соглашение, которое в Берлине негласно лежит в основе всех дебатов в рейхстаге и в прусской палате: с одной стороны, правительство черепашьим шагом реформирует законы в интересах буржуазии, устраняет феодальные и созданные раздробленностью на мелкие государства препятствия развитию промышленности, устанавливает единство монеты, мер и весов, вводит свободу промыслов и т. д., устанавливает свободу передвижения, предоставляя этим в неограниченное распоряжение капитала рабочую силу Германии, покровительствует торговле и спекуляции; с другой стороны, буржуазия предоставляет правительству всю действительную политическую власть, вотирует налоги, займы и солдатские наборы и помогает формулировать все новые законы о реформах так, чтобы старая полицейская власть над неугодными лицами оставалась в полной силе. Буржуазия покупает свое постепенное общественное освобождение ценой немедленного отказа от собственной политической власти. Разумеется, главным побудительным мотивом, делающим для буржуазии приемлемым такое соглашение, является не страх перед правительством, а страх перед пролетариатом.

Как ни жалки выступления нашей буржуазии в области политики, нельзя, однако, отрицать, что в отношении промышленности и торговли она, наконец, стала выполнять свои обязанности. Подъем промышленности и торговли, отмеченный мной в предисловии ко второму изданию[422], продолжался с тех пор с еще большей энергией. То, что происходило в этом отношении в Рейнско-Вестфальском промышленном районе с 1869 г., прямо-таки неслыханно для Германии и напоминает расцвет английских фабричных округов в начале этого столетия. То же самое произойдет в Саксонии и Верхней Силезии, в Берлине, Ганновере и приморских городах. Мы обрели, наконец, мировую торговлю, настоящую крупную промышленность, настоящую современную буржуазию; но зато у нас имел место и настоящий кризис, а также сложился настоящий, мощный пролетариат.

Для будущего историка грохот пушек в боях под Шпихерном, Марс-ла-Туром и Седаном[423] и все с этим связанное будет иметь в истории Германии 1869—1874 гг. гораздо меньше значения, чем непритязательное, спокойное, но непрерывно прогрессирующее развитие немецкого пролетариата. Уже в 1870 г. немецким рабочим пришлось выдержать серьезную проверку: бонапартистскую провокацию войны и ее естественный результат — всеобщий национальный энтузиазм в Германии. Немецкие социалистические рабочие ни на минуту не дали ввести себя в заблуждение. Они не были захвачены волной шовинистического национализма. Среди самого неистового опьянения победой они сохраняли хладнокровие и требовали: «справедливого мира с Французской республикой и никаких аннексий», и даже осадное положение не могло заставить их замолчать. У них не нашли отклика ни увлечение военной славой, ни болтовня о «величии Германской империи»; единственной их целью осталось освобождение всего европейского пролетариата. С полным правом можно сказать: до сих пор еще ни в одной стране рабочие не выдержали с таким блеском столь трудного экзамена.

За осадным положением военного времени последовали процессы о государственной измене, об оскорблении величества и должностных лиц, все возраставшие полицейские придирки мирного времени. Как правило, не менее трех-четырех членов редакции «Volksstaat» находилось одновременно в тюрьме; в таком же положении были и другие газеты. Всякий сколько-нибудь известный партийный оратор должен был хоть раз в год предстать перед судом, где ему почти всегда выносили обвинительный приговор. Градом сыпались высылки, конфискации, роспуски собраний. Но все — напрасно. Каждого

арестованного или высланного тотчас заменял другой; вместо каждого распущенного собрания созывались два новых; выдержкой и точным соблюдением законов то в одном, то в другом месте изматывали силы полицейского лроизвола. Все преследования приводили к противоположным результатам: они не только не могли сломить или хотя бы согнуть рабочую партию, но лишь привлекали к ней новых приверженцев и укрепляли ее организацию. В своей борьбе как с властями, так и с отдельными буржуа рабочие везде проявляли свое умственное и моральное превосходство, доказав, особенно в своих столкновениях с так называемыми «работодателями», что теперь они, рабочие, являются просвещенными людьми, а капиталисты — неучами. При этом борьбу они большей частью ведут с юмором, который является лучшим доказательством их веры в свое дело и сознания собственного превосходства. Борьба, которую ведут таким образом на подготовленной историей почве, должна дать большие результаты. Успех январских выборов представляет собой исключительное явление в истории современного рабочего движения[424], и вполне понятно было то изумление, которое было ими вызвано во всей Европе.

Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесел, — а с другой стороны, это показывают та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей,

которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат- к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов. Хотя голоса, собранные социалистами в январе, и представляют собой уже довольно значительную армию, но они все же далеко еще не составляют большинства немецкого рабочего класса; и, как ни много бодрости придают успехи пропаганды среди

сельского населения, все же именно здесь остается еще сделать бесконечно много. Поэтому нельзя уставать в борьбе, а необходимо отвоевывать у врага город за городом, один избирательный округ за другим. Но прежде всего необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключающий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил. Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии.

Фридрих Энгельс

Лондон, 1 июля 1874 г.

Напечатано в книге: Friedrich Engels. «Der Deutsche Bauernkrieg». Leipzig, 1875

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА[425]

*Написано Ф. Энгельсом в мае 1874 —
апреле 1875 г.*

*Напечатано в газете «Der Volksstaat»
№№ 69, 73, 117 и 118; 17 и 26 июня,
6 и 8 октября 1874 года; №№ 36, 37, 43, 44 и
46; 28 марта, 2, 16, 18 и 21 апреля 1875 года.
Часть V вышла в виде отдельной брошюры:
F. Engels. «Soziales aus Rusland». Leipzig, 1875.
I, II и V части напечатаны в книге:
F. Engels. «Internationales aus dem «Volksstaat»
(1871—1875)». Berlin, 1894*

Подпись: Ф. Энгельс

*Печатается по тексту газеты,
сверенному (для I, II и V части) с текстом
издания 1894 г.*

Перевод с немецкого

I

ПОЛЬСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ [426]

Когда русский император прибыл в Лондон, там уже была поставлена на ноги вся полиция. Говорили, что поляки хотят его застрелить, что уже нашелся новый Березовский, вооруженный на этот раз лучше, чем тогда в Париже. Дома известных поляков были оцеплены переодетыми в штатское полицейскими, и был даже вызван из Парижа полицейский комиссар, который во времена империи специально следил там за поляками. Полицейские меры предосторожности на пути следования царя от его квартиры до Сити были разработаны по всем правилам стратегии, — и все эти труды пропали даром! Никакого Березовского не обнаружили, никакого пистолетного выстрела не раздалось, и царь, дрожавший не меньше своей дочери, отделался испугом. Впрочем, совсем даром труды эти все же не пропали, потому что император велел дать на чай каждому из потрудившихся для него полицейских надзирателей по пяти фунтов стерлингов и каждому инспектору — по два (по 100 и 40 марок).

Поляки, между тем, думали о совсем других вещах, чем убийство благородного Александра. Общество Люд польски выпустило «Обращение польских эмигрантов к английскому народу», подписанное: генерал В. Врублевский, председатель; Я. Крынский, секретарь[427]. Это обращение широко распространялось в Лондоне во время пребывания царя. За исключением «Reynolds's Newspaper»[428], вся лондонская пресса единодушно отказалась его печатать: не следует, мол, обижать «гостя Англии»!

Обращение начинается с указания англичанам на то, что царь не оказывает им чести, а наносит оскорбление, посещая

их в тот самый момент, когда в Центральной Азии им делаются все приготовления для свержения господства англичан в Индии; если бы Англия, вместо того, чтобы внимать обольщающим речам царя, этого мнимого отца угнетаемых им народов, стала менее равнодушна к стремлениям поляков к независимости, то и Англия, и остальная Западная Европа могли бы спокойно прекратить свои колоссальные вооружения. И это совершенно верно. На заднем плане всего европейского милитаризма стоит русский милитаризм. Находясь во время войны 1859 г. в резерве на стороне Франции, а в 1866 и 1870 гг. — на стороне Пруссии, русская армия давала каждый раз возможность более сильной военной державе разбить своего противника в одиночку. Пруссия как первая военная держава Европы является непосредственным созданием России, хотя впоследствии пренеприятно переросла свою покровительницу. Далее в обращении говорится:

«В силу своего географического положения и своей готовности в любой момент встать на защиту интересов человечества Польша всегда была и будет первой поборницей права, цивилизации и общественного прогресса во всей Северо-Восточной Европе. Польша неопровержимо доказала это своим вековым сопротивлением напору восточных варваров, с одной стороны, и угнетавшей тогда почти весь Запад инквизиции — с другой. Благодаря чему могли народы Западной Европы в решающую эпоху нового времени беспрепятственно отдаться развитию своих социальных жизненных сил? Только благодаря тому, что на восточных рубежах Европы стоял на посту польский солдат, всегда бдительный, всегда готовый к бою, никогда не колеблющийся поставить на карту свое здоровье, свое достояние, свою жизнь. Защите польского оружия обязана Европа тем, что ее вновь пробудившаяся в XVI веке жизнь могла развернуться в искусстве и в науке, что торговля, промышленность и богатство могли достичь своей нынешней изумительной высоты. Что сталось бы, например, с наследием цивилизации, приобретенной на Западе двухсотлетним трудом, если бы Польша, несмотря на то, что ей самой угрожали с тыла монгольские орды, не оказала Центральной Европе помощи против турок и не сломила блестящей победой под стенами Вены могущества османов?»

В обращении указывается далее, что и сейчас еще главным образом сопротивление Польши мешает России направить свои силы против Запада, что благодаря именно этому сопротивлению обезоружены опаснейшие союзники России, ее панславистские агенты. Весьма известный русский историк Погодин в одном сочинении, напечатанном по приказу и на деньги русского правительства, пишет, что Польша, бывшая до сих пор червем, точащим Россию изнутри, должна стать ее правой рукой, для чего ее необходимо восстановить в виде небольшого, слабого королевства под властью какого-нибудь русского князя — так легче всего привлечь на свою сторону славян, живущих в Турции и Австрии.

«Мы провозгласим это особым манифестом; Англия и Франция прикусят язык, а для Австрии это смертельный удар... Все поляки, даже самые непримиримые, бросятся в наши объятия; австрийские и прусские поляки воссоединятся со своими братьями. Все славянские племена, угнетенные сейчас Австрией, чехи, хорваты, венгры» (!) «и вплоть до турецких славян, будут страстно ждать той минуты, когда они смогут вздохнуть так же свободно, как вздохнут тогда поляки. Мы будем стомиллионным племенем под единым скипетром, и тогда приходите, народы Европы, и попытайте на нас свои силы!»[429]

К сожалению, в этом чудесном плане не хватало главного: согласия Польши. Между тем,

«на все эти приманки Польша, как известно всему миру, ответила: я хочу и должна жить, если вообще буду жить, не как орудие всемирно-завоевательных планов чужого царя, а как свободный народ среди свободных народов Европы».

В обращении излагается далее, как осуществляла Польша на деле это свое непоколебимое решение. В критический момент своего существования, когда разразилась французская революция, Польша была уже изуродована первым разделом и поделена между четырьмя государствами. И, тем не менее, она имела мужество конституцией 3 мая 1791 г. водрузить знамя французской революции на берегах Вислы — акт, которым она поставила себя гораздо выше всех своих соседей. Старый польский порядок был этим уничтожен; несколько десятилетий спокойного, не нарушаемого извне развития, — и Польша стала бы самой передовой и самой могущественной страной к востоку от Рейна. Однако державам, участвовавшим в разделе, не могло понравиться то обстоятельство, что Польша снова поднимается, а тем более то, что она поднимается в результате внедрения революции на северо-восток Европы. Ее судьба была решена: русские добились в Польше того, чего пруссаки, австрийцы и имперские войска тщетно добивались во Франции.

«Костюшко сражался одновременно и за независимость Польши, и за принцип равенства. И общеизвестно, что с момента утраты своей национальной независимости и несмотря на эту утрату Польша в силу своего патриотизма и в силу своей солидарности со всеми народами, борющимися за интересы человечества, всегда и везде была передовой поборницей нарушенного права, принимая участие во всех боях, направленных против тирании. Не сломленная своими собственными бедствиями, не поколебленная слепотою и злой волей европейских правительств, Польша ни на одно мгновение не нарушала обязанностей, возложенных на нее ею самой, историей и заботой о будущем».

Но одновременно она выработала и принципы, согласно которым должно быть организовано это будущее — новая польская республика; они изложены в манифестах от 1836, 1845 и 1863 годов[430].

«Первый из этих манифестов провозглашает, наряду с незыблемым национальным правом Польши, также и *равноправие крестьян.* Манифест 1845 г., возвещенный на польской территории, в тогда еще вольном городе Кракове, и подтвержденный депутатами от всех частей Польши, провозглашает не только это равноправие, но и то *положение, что крестьяне должны стать собственниками земли,* которую они веками обрабатывают. — В захваченной русскими части Польши помещики, опираясь на вышеупомянутые манифесты как на основы польского национального права, задолго до императорского так называемого освободительного манифеста решили уладить добровольно и по соглашению с крестьянами этот внутренний вопрос, тяготевший на их совести (1859—1863 гг.). Польский земельный вопрос был в принципе разрешен конституцией 3 мая 1791 года; если же польский крестьянин тем не менее оставался угнетенным, то виной этому были исключительно деспотизм и макиавеллизм царя, господство которого основывалось на вражде между помещиками и крестьянами. Решение это было принято задолго до императорского манифеста от 19 февраля 1861 г., а самый этот манифест, восторженно принятый всей Европой и якобы устанавливавший равноправие крестьян, был лишь прикрытием для одной из постоянно повторявшихся попыток царя присваивать себе чужое добро. Польские крестьяне угнетены по-прежнему, но... *царь стал собственником земли!* А в наказание за кровавое восстание, поднятое Польшей в 1863 г. против коварного варварства своих угнетателей, ей пришлось претерпеть ряд таких зверских расправ, перед которыми содрогнулась бы даже тирания прошлых веков.

И все же ни жестокое иго царя, тяготеющее над ней вот уж целое столетие, ни равнодушие Европы не были в состоянии умертвить Польшу. Мы жили и мы будем жить благодаря нашей собственной воле, нашей собственной силе и нашему собственному социальному и политическому развитию, которое высоко возносит нас над нашими угнетателями, ибо существование последних опирается от начала и до конца на грубое насилие, на тюрьму и виселицу, а основные рычаги их внешней политики — это тайные интриги, предательские нападения и, наконец, насильственное завоевание».

Оставим теперь это обращение, достаточно охарактеризованное приведенными выдержками, чтобы присоединить к нему несколько замечаний о важности польского вопроса для немецких рабочих.

Как ни развилась Россия со времени Петра Великого, как ни возросло ее влияние в Европе (чему не мало способствовал прусский король Фридрих II, отлично, впрочем, понимавший, что он делает), — все же она по существу оставалась такой же внеевропейской державой, как, например, Турция, вплоть до того момента, когда она овладела Польшей. В 1772 г. произошел первый раздел Польши; в 1779 г. Россия уже потребовала и получила[*] по Тешенскому мирному договору формальное право вмешательства в германские дела[431]. Это должно было бы послужить уроком для германских государей; но, несмотря на это, Фридрих-Вильгельм II, этот единственный Гогенцоллерн, оказывавший русской политике серьезное сопротивление,

[*] Слова «и получила» добавлены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

и Франц II дали свое согласие на полное уничтожение Польши. После наполеоновских войн Россия забрала к тому же львиную долю бывших прусско- и австро-польских провинций и теперь открыто выступала в качестве арбитра Европы; эту роль она непрерывно продолжала играть до 1853 года. Пруссия не мало гордилась своим пресмыкательством перед Россией; Австрия же шла за нею против воли, но в решительный момент всегда уступала из страха перед революцией, против которой царь всегда ведь оставался последней опорой. Так Россия стала оплотом европейской реакции, не отказывая себе при этом в удовольствии подготовлять посредством панславистских подстрекательств дальнейшие завоевания в Австрии и в Турции. В годы революции подавление Венгрии русскими войсками было таким же решающим событием для Восточной и Средней Европы, каким июньский бой в Париже был для Запада; и когда вслед за тем в Варшаве император Николай выступил в роли арбитра между королем прусским и императором австрийским, то в Европе вместе с господством России установилось и господство реакции. Крымская война избавила Запад и Австрию от заносчивости царя; Пруссия и мелкие германские государства тем усерднее пресмыкались перед ним; но уже в 1859 г. он покарал австрийцев за их непослушание, позаботившись о том, чтобы его германские вассалы не вступились за них, а в 1866 г. Пруссия довершила наказание Австрии. Выше мы уже видели, что русская армия служит предлогом и резервом всего европейского милитаризма. Только потому, что в 1853 г. Николай, полагаясь на свой миллион солдат, — существующий, правда, в большей части лишь на бумаге, — бросил вызов Западу, только поэтому Луи-Наполеон смог использовать Крымскую войну в качестве предлога для превращения порядком ослабленной тогда французской армии в сильнейшую армию Европы. Только потому, что в 1870 г. русская армия помешала Австрии выступить на стороне Франции, Пруссия смогла победить французов и завершить создание прусско-германской военной монархии. За кулисами всех этих важных государственных событий мы видим русскую армию. И хотя несомненно, — если только внутреннее развитие России не войдет скоро в революционное русло, — что победа Германии над Францией так же неизбежно вызовет войну между Россией и Германией, как победа Пруссии над Австрией при Садове повлекла за собой франко-прусскую войну* — все же русская армия всегда

* Это уже было сказано во втором воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне (от 9 сентября 1870 года)[432].

будет к услугам Пруссии против любого движения внутри страны. Официальная Россия и поныне остается оплотом и прикрытием всей европейской реакции, русская армия — резервом всех остальных армий, занятых подавлением рабочего класса в Европе.

Натиск этой огромной резервной армии угнетения прежде всего угрожает именно немецким рабочим, и притом и в так называемой Германской империи, и в Австрии. Показа буржуазией и правительствами Австрии и Германии стоит Россия, до тех пор у всего немецкого рабочего движения связаны руки. Стало быть, мы больше других заинтересованы в том, чтобы избавиться от русской реакции и русской армии.

И в этом деле у нас есть только один надежный, но зато надежный при всяких обстоятельствах, союзник: *польский народ.*

Польша еще в гораздо большей мере, чем Франция, всем своим историческим развитием и своим современным положением поставлена перед выбором — быть революционной или погибнуть. Тем самым отпадает всякая вздорная болтовня об аристократическом по преимуществу характере польского движения. В польской эмиграции найдется не мало людей с аристократическими замашками; но как только в движение вступает сама Польша, оно становится насквозь революционным, как мы видели в 1846 и 1863 годах. Эти движения были не только национальными, они были в то же время прямо направлены к освобождению крестьян и к передаче земли в их собственность. В 1871 г. многочисленная польская эмиграция во Франции предоставила себя в распоряжение Коммуны; разве это был поступок аристократов? Разве это не доказывало, что эти поляки стояли вполне на высоте современного движения? А с тех пор, как Бисмарк ввел культуркампф в Познани[*] и, якобы для того чтобы насолить этим папе, преследует польские учебники, искореняет польский язык[433] и напрягает все силы для того, чтобы толкнуть поляков в объятия России, — что же происходит? Польская аристократия все больше и больше сближается с Россией, чтобы хоть под ее владычеством воссоединить Польшу; революционные же массы отвечают тем, что предлагают союз германской рабочей партии и борются в рядах Интернационала.

Что Польшу нельзя умертвить, это она доказала в 1863 г. и доказывает это каждый день. Ее право на самостоятельное существование в семье европейских народов неоспоримо. А ее

[*] В издании 1894 г. вместо слова «Познани» напечатано: «Польше». *Ред.*

восстановление необходимо в особенности для двух народов: для немцев и для самих русских.

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого. Пока русские солдаты стоят в Польше, русский народ не может добиться ни политического, ни социального освобождения. Но при нынешнем уровне развития России не подлежит сомнению, что в тот день, когда Россия потеряет Польшу, в самой России движение окрепнет настолько, что опрокинет существующий порядок вещей. Независимость Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга. Но независимость Польши и революция в России, — а при беспредельной общественной, политической и финансовой разрухе и при разъедающей всю официальную Россию продажности эта революция гораздо ближе, чем кажется на первый взгляд, — означают для немецких рабочих, что буржуазия и правительства Германии, короче говоря, германская реакция, будут предоставлены своим собственным силам, с которыми мы уж со временем справимся сами.

II
ПРОГРАММА БЛАНКИСТСКИХ ЭМИГРАНТОВ КОММУНЫ [434]

После каждой потерпевшей крушение революции или контрреволюции среди бежавших за границу эмигрантов развивается лихорадочная деятельность. Создаются партийные группировки различных оттенков, каждая из которых упрекает остальных в том, что они завели коня в трясину, и обвиняет их в предательстве и во всевозможных прочих смертных грехах. При этом сохраняют тесную связь с родиной, организуют, ведут конспиративную работу, печатают листовки и газеты, клянутся, что через двадцать четыре часа опять «начнется», что победа обеспечена, а в предвидении этого уже заранее распределяют правительственные посты. Разумеется, разочарование следует за разочарованием, а так как это не ставят в связь с неизбежными историческими условиями, которых не желают понять, а приписывают случайным ошибкам отдельных лиц, — то нагромождаются взаимные обвинения, и дело кончается всеобщей склокой. Такова история всех эмиграций, начиная от роялистских эмигрантов 1792 г. и вплоть до нынешнего дня; а кто из эмигрантов сохраняет рассудок и благоразумие, тот старается отойти подальше от бесплодных дрязг, как только представляется возможность сделать это в тактичной форме, и принимается за что-нибудь более полезное.

Французская эмиграция после Коммуны тоже не миновала этой неизбежной участи.

Вследствие общеевропейской кампании клеветы, которая обрушилась на всех одинаково, и особенно в Лондоне — вследствие наличия в нем общего центра, который французская эмиграция нашла в лице Генерального Совета Интернационала, — она вынуждена была некоторое время сдерживать, хотя бы перед внешним миром, свои внутренние распри, но за последние два года оказалась уже не в состоянии сохранять в тайне все ускоряющийся процесс разложения в своей среде. Повсюду вспых-

нула открытая вражда. В Швейцарии часть эмигрантов, главным образом под влиянием *Малона,* который сам был одним из основателей тайного Альянса, примкнула к бакунистам. Затем в Лондоне так называемые бланкисты отделились от Интернационала и образовали самостоятельную группу под названием «Революционная коммуна». Затем возникло еще множество других групп, которые, однако, находились в состоянии беспрестанного преобразования и перестройки и не создали ничего путного даже в отношении манифестов; зато бланкисты в прокламации к «Communeux»* только что довели до сведения всего мира свою программу[435].

Бланкистами они называются отнюдь не потому, что представляют собой группу, основанную самим Бланки — из тридцати трех лиц, подписавших программу, разве лишь двое-трое имели когда-нибудь случай разговаривать с Бланки, — а потому, что они хотят действовать в его духе и по его традиции. Бланки преимущественно политический революционер; социалист он только по чувству, из участия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности он был по преимуществу «человеком дела», верившим, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может несколькими первыми успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию. При Луи-Филиппе такое ядро он мог организовать, разумеется, только в форме тайного общества, и тут произошло то, что обычно происходит при заговорах: люди, которым надоело вечное сдерживание да пустые обещания, что вот-де скоро начнется, потеряли, наконец, всякое терпение, взбунтовались и тогда пришлось выбирать одно из двух — либо дать заговору распасться, либо же без всякого внешнего повода начать восстание. Восстание было поднято (12 мая 1839 г.) и вмиг подавлено. Впрочем, этот заговор Бланки был единственным, которого полиция так и не сумела выследить; восстание было для нее ударом грома в ясный день. — Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как переворот, произведенный небольшим революционным меньшинством, само собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами,

* — «Коммунарам». *Ред.*

в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц.

Как видите, Бланки — революционер прошлого поколения.

Такие представления о ходе революционных событий, по крайней мере для немецкой рабочей партии, давно устарели, да и во Франции могут встретить сочувствие только у менее зрелых или у более нетерпеливых рабочих. Мы увидим также, что и в упомянутой программе эти представления подвергнуты известным ограничениям. Однако и у наших лондонских бланкистов в основе лежит тот же принцип, что революции вообще не делаются сами, а что их делают; что их осуществляет сравнительно незначительное меньшинство и по заранее выработанному плану; и, наконец, что в любой момент может «скоро начаться».

С такими принципами люди, естественно, оказываются безнадежной жертвой любого эмигрантского самообмана и мечутся от одной глупости к другой. Больше всего хочется им играть роль Бланки, «человека дела». Но доброго желания здесь мало; революционный инстинкт Бланки, его быстрая решительность не всякому даны, и сколько бы Гамлет ни твердил об энергии, он всегда останется Гамлетом. А когда нашим тридцати трем людям дела абсолютно нечего делать в той области, которую они называют делом, тогда наши тридцать три Б рута попадают скорее в комическое, чем в трагическое противоречие с самими собой, — в противоречие, которое отнюдь не становится трагичнее оттого, что они расхаживают с мрачным видом, словно каждый из них «Мёрос с кинжалом за пазухой», что, впрочем, им даже в голову не приходит. Что же они делают? Они подготовляют очередной «взрыв», составляя наперед проскрипционные списки, чтобы очистить (epurer) ряды людей, принимавших участие в Коммуне; поэтому другие эмигранты и называют их *чистыми* (les purs). Принимают ли сами они этот титул, мне неизвестно, да некоторым из них он бы очень мало и подошел. Заседания у них закрытые, а решения должны сохраняться в тайне, что, однако, отнюдь не мешает всему французскому кварталу судачить о них на следующее утро. И, как всегда случается с этакими серьезными людьми дела там, где нечего делать, они ввязались сначала в личный, а затем в литературный спор с некиим достойным противником, с одним из самых подозрительных людей малой парижской прессы, с небезызвестным Вермершем, который при Коммуне издавал газету «Pere Duchene», жалкую карикатуру на газету Эбера 1793 года[436]. В ответ на их добродетельное возмущение этот благородный витязь в одном из своих памфлетов обзывает их всех «жуликами

или сообщниками жуликов», осыпая их на редкость богатым набором похабных ругательств:

«Что ни слово, то ночной горшок, и отнюдь не пустой»*.

И с таким противником наши тридцать три Брута считают нужным возиться на глазах у публики!

В чем действительно нельзя сомневаться, это в том, что после изнурительной войны, после голода в Париже и особенно после страшного кровопускания в майские дни 1871 г. парижский пролетариат нуждается в продолжительном периоде покоя, чтобы вновь собраться с силами, и что всякая преждевременная попытка восстания может привести лишь к новому, может быть еще более страшному поражению. Наши бланкисты — иного мнения.

Распад монархистского большинства в Версале возвещает, на их взгляд:

«падение Версаля, реванш за Коммуну. Ибо мы приближаемся к одному из тех великих исторических моментов, к одному из тех великих кризисов, когда народ, казалось бы, погибающий в своих бедствиях и обреченный на смерть, вновь выступает с новыми силами в революционный поход»).

Итак, опять начинается, и притом немедленно. Эта надежда на немедленный «реванш за Коммуну» — не простая эмигрантская иллюзия; это необходимый символ веры у людей, вбивших себе в голову, что они должны быть «людьми дела» в такое время, когда делать-то в их смысле, в смысле революционного восстания, решительно нечего.

Старая песня. Так как уже начинается, то им кажется, что «наступил момент, когда все в эмиграции, кто сохранил еще жизнеспособность, должны определить свою позицию».

И при этом сами тридцать три заявляют нам, что они 1) атеисты, 2) коммунисты, 3) революционеры.

Наши бланкисты имеют ту общую с бакунистами черту, что они хотят быть представителями самого далеко идущего, самого крайнего направления. А потому, к слову сказать, при всей противоположности их целей, они все же часто сходятся с бакунистами в средствах. Итак, речь идет о том, чтобы быть радикальнее всех в отношении атеизма. В наши дни быть атеистом, к счастью, уже не мудрено. Атеизм является чем-то почти само собой разумеющимся в европейских рабочих партиях, хотя в некоторых странах он частенько носит такой же характер, как атеизм того испанского бакуниста, который

* Гейне. «Диспут». *Ред.*

заявил: верить в бога — это противоречит всякому социализму, но верить в деву Марию — это совсем другое дело, в нее, конечно, должен верить каждый порядочный социалист. О громадном большинстве* немецких социал-демократических рабочих можно даже сказать, что у них атеизм стал уже пройденным этапом; это чисто отрицательное обозначение к ним уже неприменимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически; они *попросту покончили с богом,* они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами. Примерно так же обстоит дело и во Франции. Если же нет, то что может быть проще, чем позаботиться о массовом распространении среди рабочих превосходной французской материалистической литературы прошлого века, той литературы, которая до сих пор как по форме, так и по содержанию является высшим достижением французского духа и которая, учитывая тогдашний уровень науки, по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, а по форме все еще остается недосягаемым образцом. Но нашим бланкистам это не по вкусу. Чтобы доказать, что они всех радикальнее, — бог, как в 1793 г., отменяется декретом:

«Пусть Коммуна навеки освободит человечество от этого призрака минувших бедствий» (от бога), «от этой причины» (несуществующий бог — причина!) «его нынешних бедствий. — В Коммуне нет места попам; всякая религиозная проповедь, всякая религиозная организация должна быть запрещена».

И это требование — превратить людей в атеистов par ordre du mufti** — подписано двумя членами Коммуны, которые наверняка имели возможность убедиться, во-первых, что можно писать сколько угодно приказов на бумаге, нисколько не обеспечивая этим их выполнения на деле, а во-вторых, что преследования — наилучшее средство укрепить нежелательные убеждения! Одно несомненно: единственная услуга, которую наше время можно еще оказать богу, — это провозгласить атеизм принудительным символом веры и перещеголять противоцерковные законы Бисмарка о культуркампфе — запрещением религии вообще.

Второй пункт программы — коммунизм.

Здесь мы уже находимся в гораздо более привычной области, ибо корабль, на котором происходит здесь плавание, имеет название «Манифест Коммунистической партии», опубликованный в феврале 1848 года. Уже осенью 1872 г. вышедшие из Интер-

* Слова «громадном большинстве» добавлены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

** — по велению муфтия, по приказу свыше. *Ред.*

национала пять бланкистов объявили себя сторонниками социалистической программы, совпадающей во всех существенных пунктах с программой нынешнего немецкого коммунизма, а свой выход мотивировали только тем, что Интернационал отказывался на манер этой пятерки играть в революцию[437]. Теперь и совет тридцати трех принимает эту программу вместе с ее материалистическим пониманием истории, хотя перевод ее на бланкистский французский язык и оставляет желать много лучшего, там где текст «Манифеста» не был воспроизведен почти буквально, как например, в следующем месте:

«С эксплуатации труда, как последнего выражения всех форм рабства, буржуазия сорвала мистические покровы, облекавшие ее прежде: правительства, религии, семья, законы, учреждения как прошлого, так и настоящего предстали, наконец, в этом обществе, сведенном к простой противоположности капиталистов и наемных рабочих, как орудия угнетения, с помощью которых буржуазия поддерживает свое господство и подавляет пролетариат».

Сравните с этим «Коммунистический манифест», отдел 1:

«Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой. Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников. Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям» и т. д.[438].

Но как только мы спускаемся с высот теории в область практики, — обнаруживается отличительная особенность тридцати трех:

«Мы — коммунисты потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые только отдаляют день победы и удлиняют период рабства».

Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют* конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет места частной собственности на землю и на все средства производства. Тридцать три бланкиста являются коммунистами потому, что они воображают, что раз *они* хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе,

* Слова «и постоянно преследуют» добавлены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

и что если, — в чем они твердо уверены, — на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно, если этого нельзя сделать сейчас же, то и они не коммунисты.

Что за детская наивность — выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!

Наконец, наши тридцать три являются «революционерами».

Что касается напыщенных слов, то в этой области бакунисты, как известно, достигли предела человеческих возможностей; тем не менее наши бланкисты считают своим долгом перещеголять и их. Но как? Известно, что весь социалистический пролетариат, от Лиссабона и Нью-Йорка до Будапешта и Белграда, немедленно же взял на себя en bloc* ответственность за действия Парижской Коммуны. Нашим бланкистам этого мало:

«Что касается нас, то мы требуем своей доли ответственности за те казни, которые» (при Коммуне) «постигли врагов народа» (следует подсчет расстрелянных), «мы требуем своей доли ответственности за те поджоги, которые были произведены для разрушения орудия монархистского или буржуазного гнета или для защиты сражавшихся».

Во всякой революции неизбежно делается множество глупостей так же, как и во всякое другое время; и когда, наконец, люди успокаиваются настолько, чтобы вновь стать способными к критике, они обязательно приходят к выводу: мы сделали много такого, чего лучше было бы не делать, и не сделали многого, что следовало бы сделать, поэтому дело и шло скверно.

Но какое отсутствие критики требуется для того, чтобы канонизировать Коммуну, объявить ее непогрешимой, утверждать, что с каждым сожженным домом, с каждым расстрелянным заложником поступили в точности, вплоть до точки над i, так, как следовало! Не значит ли это утверждать, что в майскую неделю народ расстрелял именно тех людей, и не больше, кого необходимо было расстрелять, сжег именно те строения, и не больше, какие следовало сжечь? Разве это не то же самое, как если бы стали утверждать, что во время первой французской революции каждый обезглавленный получил по заслугам — сначала те, кто был обезглавлен по приказу Робеспьера, а затем — сам Робеспьер? Вот до каких ребячеств доходит дело, когда в сущности совсем смирные люди дают волю стремлению казаться очень страшными.

Довольно. При всех эмигрантских благоглупостях и при всех прямо-таки комических попытках придать мальчику Карлу

* — целиком, полностью. *Ред.*

(или Эдуарду?)* страшный вид, нельзя не видеть в этой программе существенного шага вперед. Это первый манифест, в котором *французские рабочие присоединяются к современному немецкому коммунизму.* И к тому же — рабочие того направления, которое считает французов народом-избранником революции, а Париж — революционным Иерусалимом. То, что они пришли к этому, составляет бесспорную заслугу *Вайяна,* подпись которого, в числе прочих, стоит под манифестом и который, как известно, основательно знаком с немецким языком и немецкой социалистической литературой. Немецкие же социалистические рабочие, которые доказали в 1870 г., что они совершенно свободны от всякого национального шовинизма, могут считать добрым предзнаменованием то обстоятельство, что французские рабочие принимают правильные теоретические положения, хотя они и исходят из Германии.

* Слова «(или Эдуарду?)» — намек на Эдуара Вайяна — опущены Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

III

В Лондоне выходит на русском языке непериодическое обозрение под названием «Vpered» («Вперед»)[439]. Оно редактируется одним высокоуважаемым русским ученым, назвать которого запрещает нам господствующий в русской эмигрантской литературе строгий этикет. Даже те русские, которые выдают себя за форменных революционных людоедов, которые объявляют изменой революции уважение к чему бы то ни было, даже они в своей полемике почтительно соблюдают видимость анонимности, притом с щепетильностью, подобную которой можно встретить лишь в английской буржуазной прессе; они соблюдают эту видимость даже тогда, когда она, как в данном случае, становится комичной, поскольку вся русская эмиграция и русское правительство прекрасно знают имя этого человека. Нам, конечно, и в голову не приходит разбалтывать без всяких оснований столь строго соблюдаемую тайну; но так как у каждого ребенка должно быть имя, то редактор «Вперед», надеемся, простит нам, если мы в этой статье будем называть его, ради краткости, излюбленным русским именем *Петр.*

По своей философии друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее: испытайте все и сохраните наилучшее! Он знает, что во всем есть своя хорошая и своя дурная сторона и что хорошую сторону следует усвоить, а дурную отбросить. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет обе эти стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория в этом отношении примерно так же хороша и так же дурна, как и всякая другая, и, следовательно, было бы глупо с этой точки зрения горячиться, отстаивая или отрицая ту или иную. С этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собой должны казаться чистейшей нелепостью, которая может лишь порадо-

вать их врагов. И вполне понятно, что человек, который держится таких взглядов, пытается примирить всех этих взаимно борющихся людей и серьезно убеждает их не доставлять больше реакции этого скандального зрелища, а нападать исключительно на общего врага. Это тем более естественно, если человек только что прибыл из России, где рабочее движение, как известно, достигло такого гигантского развития.

Поэтому «Вперед» всячески увещевает всех социалистов хранить согласие или, по меньшей мере, избегать всяких *публичных* раздоров. Когда попытки бакунистов посредством фальшивых махинаций, обмана и лжи подчинить Интернационал своему господству вызвали пресловутый раскол в этом Товариществе, — «Вперед» и тогда взывал к единству. Этого единства, конечно, можно было достигнуть, лишь отдавшись сразу на волю бакунистов и предав Интернационал, связанный по рукам и ногам, их тайному заговору. Люди были достаточно честны, чтобы не поступить так; перчатка была поднята; Гаагский конгресс вынес свое решение, выбросил вон бакунистов и постановил опубликовать документы, оправдывающие это исключение.

Велики были сетования редакции «Вперед» по поводу того, что возлюбленному «единству» не было принесено в жертву все рабочее движение. Но еще больше был ужас, когда компрометирующие бакунистские документы действительно появились в отчете комиссии (см. «Заговор против Интернационала»*, немецкое издание, Брауншвейг, Бракке). Предоставим слово самому «Вперед».

«Это издание... носит на себе характер желчной полемики противу личностей, стоящих в первых рядах федералистов... содержание его оказалось полным частных фактов, которые не могли быть собраны иначе, как по слухам, и, следовательно, достоверность которых не могла быть неоспоримою для составителей»[440].

И чтобы доказать людям, выполнившим постановление Гаагского конгресса, какое огромное преступление они совершили, «Вперед» указывает на фельетон некоего Карла Талера в «Neue Freie Presse»[441], фельетон,

«вышедший из буржуазного лагеря и заслуживающий особенного внимания, потому что он яснее всего показывает, какое значение для общих врагов рабочего сословия, для буржуазии и государства могут иметь взаимно-обвинительные памфлеты борцов за власть в среде рабочих».

Заметим прежде всего, что бакунисты названы здесь просто *«федералистами»,* в противоположность мнимым *централистам,*

* См. настоящий том, стр. 323—452. *Ред.*

словно бы автор верил в эту несуществующую, изобретенную бакунистами противоположность. Ниже будет показано, что этого на самом деле нет. Заметим, во-вторых, что из фельетона, написанного по заказу такой продажной буржуазной газеты, как венская «Neue Freie Presse», автор выводит заключение, что *подлинным* революционерам не следовало разоблачать *показных* революционеров, потому что эти взаимные обвинения доставляют удовольствие буржуазии и правительствам. А по-моему, «Neue Freie Presse» и вся эта шайка газетчиков может написать хоть десять тысяч фельетонов, и это не окажет ни малейшего влияния на поведение немецкой рабочей партии. Всякая борьба заключает в себе такие моменты, когда нельзя не доставить врагу некоторого удовольствия, если не хочешь иначе причинить самому себе положительный вред. К счастью, мы так далеко продвинулись вперед, что можем доставить противнику такое частное удовольствие, если этой ценой добиваемся действительных успехов.

Но главное обвинение заключается в том, что отчет полон «частных фактов, достоверность которых не могла быть неоспоримой для составителей», ибо факты эти могли быть собраны только по слухам. Но откуда друг Петр знает, что такое общество, как Интернационал, имеющее свои регулярно работающие органы во всем цивилизованном мире, может собрать такого рода факты только по слухам, — этого он не объясняет. Его утверждение во всяком случае крайне легкомысленно. Факты, о которых идет речь, подтверждены подлинными документами, и затронутые ими лица не решились их оспаривать.

Но друг Петр держится того взгляда, что частные факты, как и частные письма, священны и не подлежат огласке в политических спорах. Если применять это правило так безусловно, то тем самым придется запретить вообще писать историю. Отношение Людовика XV к Дюбарри или к Помпадур было частным делом, но без него непонятна вся предыстория французской революции. Или же, обращаясь ближе к современности: если какую-нибудь невинную Изабеллу выдают замуж за человека, который, по свидетельству сведущих людей (например, асессора Ульриха), не терпит женщин и влюбляется поэтому исключительно в мужчин; если она, пренебрегаемая, берет мужчин где попало, — все это совершенно частное дело. Но если упомянутая невинная Изабелла — королева Испании, а один из молодых людей, которых она держит при себе, — молодой офицер по имени Серрано; если этот Серрано, в награду за свои подвиги, чинимые с глазу на глаз, возводится в фельдмаршалы и в премьер-министры, потом вытесняется и низвер-

гается другим фаворитом, а затем, с помощью других товарищей по судьбе, изгоняет из страны свою неверную подружку и, наконец, после всевозможных приключений, сам становится диктатором Испании и таким большим человеком, что Бисмарк прилагает все усилия к тому, чтобы его признали великие державы, — то в таком случае частная история Изабеллы и Серрано становится главой испанской истории, и если бы кто-нибудь вздумал писать историю современной Испании, сознательно умалчивая перед своими читателями об этом эпизоде, он фальсифицировал бы историю. А когда описывается история такой банды, как Альянс, в которой, наряду с обманутыми, встречается такое множество обманщиков, авантюристов, мошенников, полицейских шпионов, аферистов и трусов, то следует ли фальсифицировать эту историю, сознательно утаивая отдельные подлости этих господ как «частные факты»? Друг Петр может ужасаться сколько угодно, но он может быть уверен, что мы далеко еще не покончили с этими «частными фактами». Материала накапливается все больше и больше.

Если «Вперед» все же изображает отчет как стряпню, составленную главным образом из частных фактов, то он занимает позицию, которая с трудом поддается квалификации. Человек, который мог написать что-либо подобное, либо вовсе не читал данной брошюры, либо был слишком ограничен или слишком предубежден, чтобы понять ее, либо он сознательно написал неправду. Нельзя прочитать «Заговор против Интернационала», не убедившись в том, что приведенные в нем частные факты составляют там самое несущественное, — иллюстрации для лучшей характеристики упоминаемых в нем лиц, — и что все они могли бы быть вычеркнуты без ущерба для главной цели брошюры. Организация тайного общества с единственной целью подчинить европейское рабочее движение скрытой диктатуре нескольких авантюристов, подлости, совершенные с этой целью, особенно Нечаевым в России, — вот о чем идет речь в книге; и утверждать, что все ее содержание сводится к частным фактам, — мягко выражаясь, безответственно.

Конечно, для некоторых русских могло оказаться роковым, когда так внезапно была вскрыта без прикрас перед Западной Европой грязная — и без сомнения очень грязная — сторона русского движения. Но кто виноват в этом? Кто другой, как не те самые русские, которые представляют эту грязную сторону, которые, не довольствуясь обманом своих собственных соотечественников, осмелились сделать попытку подчинить своим личным целям все европейское рабочее движение? Если бы Бакунин и иже с ним ограничили свои подвиги пределами

России, вряд ли кто-нибудь в Западной Европе счел бы нужным специально брать их под обстрел. Об этом позаботились бы сами русские. Но коль скоро эти господа, ни аза не смыслящие в условиях и в ходе развития западноевропейского рабочего движения, вздумали разыгрывать у нас роль диктаторов, — тут уж не до шуток: им просто дают по рукам.

Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения. Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет из-за того, что однажды породила шарлатана вроде Бакунина и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжатся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и большой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им. Все это не мешает, однако, «Вперед» закончить свой обзор словами:

«Не знаем, как посмотрят на полученные результаты авторы брошюры. Большинство наших читателей, вероятно, разделит тяжелое чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти печальные явления на наши страницы».

На этом тяжелом чувстве друга Петра заканчивается первая часть нашего рассказа. Вторая начинается со следующего абзаца из того же тома «Вперед»:

«Обрадуем наших читателей и другой вестью того же рода. С нами, в наших рядах, находится и наш известный литератор Петр Никитич Ткачев; после четырех лет заключения, из места ссылки, где он был обречен на бездействие, ему удалось уйти и усилить собою наши ряды».

Кто такой известный литератор Ткачев, мы можем узнать из русской брошюры «Задачи революционной пропаганды в России», которую он сам выпустил в апреле 1874 г. и которая характеризует его как зеленого, на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлушу Мисника русской революционной молодежи[442]. Он рассказывает нам, как со всех сторон его просили принять участие в журнале «Вперед»; он знал, что редактор — реакционер; тем не менее он счел своим долгом взять

«Вперед» под свое покровительство, чего, кстати сказать, от него вовсе не требовалось. По приезде он обнаружил, к своему изумлению, что редактор, друг Петр, присвоил себе право окончательного решения о приеме или отклонении статей. *Такой* недемократический образ действий, разумеется, возмущает его; он сочиняет обстоятельное послание, в котором требует для себя и для всех других сотрудников (которые этого, кстати сказать, вовсе не требовали), «во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических... равенства прав и обязанностей» (с главным редактором) «во всем, что касается литературной и экономической стороны издания».

Здесь сразу обнаруживается та незрелость, которая, правда, не господствует в русском эмигрантском движении, но к которой там относятся более или менее терпимо. Русский ученый, пользующийся большой известностью в своей стране, эмигрирует и добывает себе средства, чтобы основать за границей политический журнал. Едва лишь это ему удалось, как без всякого приглашения является первый попавшийся более или менее экзальтированный юнец и предлагает свое сотрудничество, более чем ребячески выставляя условие, чтобы во всех литературных и денежных вопросах ему был предоставлен такой же решающий голос, как и основателю журнала. В Германии его бы просто высмеяли. Но русские не так грубы. Друг Петр прилагает все усилия, чтобы убедить его, тоже «во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических», в его неправоте — и, разумеется, тщетно. Разобиженный Ткачев, подобно Ахиллу, удаляется в свою палатку и выпаливает оттуда своей брошюрой против друга Петра, которого он называет «философом-филистером».

Докучливо нагромождая бесконечно повторяемые бакунистские фразы о сущности истинной революции, он обличает друга Петра в том преступлении, что последний желает *подготовить* народ к революции, привести его к «ясному пониманию и осознанию своих потребностей». Но кто желает этого, тот вовсе не революционер, а сторонник мирного прогресса, то есть реакционер, друг «бескровных революций в немецком вкусе». Истинный революционер «признает народ всегда готовым к революции»; кто в это не верит, тот-не верит в народ, а вера в народ «составляет нашу силу». Для тех, кто в этом не убежден, автор цитирует изречение Нечаева, этого «типического представителя нашей современной молодежи». Друг Петр говорит, что мы должны ждать, пока народ будет готов к революции, — «но мы не можем и не хотим ждать», истинный революционер тем и отличается от философа-филистера, что он «считает себя

вправе в любое время призвать народ к революции». И так далее.

У нас, на европейском Западе, всем этим ребячествам положили бы конец простым ответом: если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя вправе в любое время призвать его к революции и если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?

Но у наших русских так просто дело не делается. Друг Петр находит, что ребяческие, скучные, противоречивые, вращающиеся в порочном кругу рассуждения г-на Ткачева могут возыметь на русскую молодежь совращающую притягательную силу Венериной горы, и он, как верный Эккарт этой молодежи, выпускает против этих рассуждений послание, полное предостережений, на шестидесяти страницах убористой печати[443]. Он излагает там свои собственные взгляды на сущность революции, исследует со всей серьезностью, готов ли народ к революции или нет, имеют ли революционеры право, и при каких условиях, призывать его к революции и другие тому подобные мудрствования, которые в столь общей форме имеют приблизительно такую же ценность, как исследования схоластов о деве Марии. Сама «революция» становится при этом чем-то вроде девы Марии, теория — верой, участие в движении — культом, а все действие разворачивается не на нашей грешной земле, а в заоблачных высотах общих фраз.

Но при этом друг Петр впадает в трагическое противоречие с самим собой. Он, проповедник единства, противник всякой полемики, всяких «взаимно-обвинительных памфлетов» внутри революционной партии, не может, конечно, выполнить своих обязанностей Эккарта, не вступая также в полемику, не может ответить на обличения своего противника, не обличая также его. С каким «тяжелым чувством» совершается это «печальное явление», — друг Петр расскажет нам сам. Его брошюра начинается так:

«Из двух зол приходится выбирать меньшее.

Я очень хорошо знаю, что вся эта эмигрантская литература, состоящая из взаимно-обвинительных брошюр, полемики о том, кто настоящий и кто не настоящий друг народа, и кто искренен и кто неискренен, и кто именно действительный представитель русской молодежи, заправской революционной партии, — вся эта литература личного сора русской эмиграции и читателям надоела, и в деле революционной борьбы не имеет никакого значения, и может быть всего более приятна лишь нашим врагам... Знаю это и все-таки нахожу, что мне *надо* написать эти страницы, надо увеличить собственною рукою на одну единицу количество этой жалкой литературы, на скуку читателям, на радость врагам... Надо, потому что из двух зол приходится выбирать меньшее».

Превосходно. Но как же так случилось, что друг Петр, развивающий в журнале «Вперед» столько истинно христианской терпимости и требующий ее от нас по отношению к разоблаченным нами мошенникам, — мошенникам, которых, как мы увидим, он знает так же хорошо, как и мы, — как же случилось, что по отношению к авторам отчета у него не нашлось ни капли терпимости, чтобы спросить себя, не пришлось ли и им тоже... из двух зол выбирать меньшее?. Как это случилось, что ему понадобилось обжечься самому, прежде чем он понял, что может произойти и большее зло, чем немного острой полемики против людей, которые под прикрытием мнимо-революционной деятельности стремились сфальсифицировать и свести на нет все европейское рабочее движение?

Будем, однако, снисходительны к другу Петру, — судьба обошлась с ним довольно сурово. Не успел он, с полным сознанием вины, сделать то же самое, что он ставит в укор нам, как Немезида повела его дальше и принудила его доставить г-ну Карлу Талеру новый материал для очередного фельетона в «Neue Freie Presse».

«Или, может быть», — вопрошает он всегда готового к восстанию Ткачева, — «ваша агитация уже совершила свое дело? Может быть, ваша организация готова? Готова? Точно готова? И не есть ли это знаменитый таинственный комитет «типических» революционеров, комитет из двух человек, посылающий декреты? Нашей молодежи столько лгали, ее столько надували, ее доверием так злоупотребляли, что не сразу она поверит в готовность революционной организации».

Русский читатель не нуждается, конечно, в пояснении, что эти «два человека» — Бакунин и Нечаев. Далее:

«Но есть люди, которые заявляют, что они друзья народа, приверженцы социальной революции, и в то же время вносят в свою деятельность ту лживость и неискренность, которые я назвал выше «отрыжкой старого общества»... Эти люди пользовались раздражением приверженцев нового строя против несправедливости старого и выставили начало: все средства годны для борьбы. В эти *годные* средства они включили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили. Они готовы были лгать всем и каждому, лишь бы организовать довольно сильную партию, как будто сильная социально-революционная партия могла составиться вне искренней солидарности ее членов! Они готовы были разжигать в народе старые страсти хищничества и наслаждения без труда... Они готовы были эксплуатировать своих друзей и товарищей, лишь бы сделать их орудиями своих планов; они готовы были на словах защищать полнейшую независимость и автономию личностей и кружков, организуя в то же время самую решительную тайную диктатуру, приучая приверженцев к самому овечьему неосмысленному повиновению, как будто социальную революцию могла произвести комбинация эксплуататоров и эксплуатируемых, группа людей, отрицающих на каждом шагу на деле то, что они проповедуют на словах!»

Невероятно, но факт: эти строки, как две капли воды похожие на выдержку из «Заговора против Интернационала», написаны тем же человеком, который несколькими месяцами раньше осудил эту брошюру как преступление против общего дела за нападки, вполне совпадающие с вышеприведенными строками и направленные против тех же самых людей. Теперь мы можем быть удовлетворены.

Если же мы вернемся теперь к г-ну Ткачеву, с его великими притязаниями и абсолютно ничтожными достижениями, и к небольшой беде, постигшей в этом деле нашего друга Петра, то наступит наш черед сказать:

«Не знаем, как посмотрят авторы на полученные результаты. Большинство наших читателей, вероятно, разделит то «веселое» чувство, с которым мы читали ее и с которым, исполняя обязанность летописца, заносим эти «своеобразные» явления на наши страницы».

Однако шутки в сторону. Множество странных явлений, происходивших в русском движении, объясняется тем, что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгой за семью печатями и что поэтому Бакунину и иже с ним легко было скрыть от Запада свои проделки, давно уже известные среди русских. Они усердно распространяли мнение, будто даже грязные стороны русского движения следует — в интересах самого движения — утаивать от Запада; кто сообщает Европе о русских делах, — поскольку они неприятного свойства, — тот предатель. Теперь этому наступил конец. Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость, по крайней мере, среди немецких социал-демократов. Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы. Никому не пришлось так тяжко поплатиться за прежнюю замкнутость, как им самим. Если бы не эта замкнутость, их нельзя было бы годами так позорно дурачить, как делали это Бакунин и иже с ним. И больше всего пользы от критики со стороны Запада, от взаимного международного воздействия различных западноевропейских движений на русское и обратно, от осуществляющегося, наконец, слияния русского движения с общеевропейским извлекут сами русские.

IV [444]

Читателям «Volksstaat» не повезло. Некоторые из них, вероятно, еще помнят, что в своей последней статье об эмигрантской литературе (№№ 117 и 118) я рассматривал отдельные выдержки из русского журнала «Вперед», а также одну брошюру, написанную его редактором. При этом был совершенно мимоходом упомянут некий г-н Петр Ткачев, который выпустил против упомянутого редактора брошюрку и которым я занимался лишь постольку, поскольку этого нельзя было избежать. По форме и по содержанию его бессмертного творения я характеризовал автора как «зеленого, на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлушу. Мисника русской революционной молодежи», и выразил сожаление редактору «Вперед» по поводу того, что он считает нужным возиться с подобным противником. Но вскоре мне пришлось почувствовать, что мальчик Карл начинает угрожать и мне, что он и меня втягивает в полемику с собой. Он выпускает *«Открытое письмо Петра Ткачева г-ну Фридриху Энгельсу»*. Цюрих, типография «Tagwacht», 1874[445]. К тому, что в этом письме мне приписываются всевозможные вещицы, которых, как должно быть известно г-ну Ткачеву, я никогда не высказывал, — к этому я отнесся бы равнодушно; но то, что г-н Ткачев дает немецким рабочим совершенно превратное представление о положении дел в России, дабы оправдать таким образом деятельность бакунистов по отношению к России, — это заставляет выступить с возражениями.

Г-н Ткачев все время изображает себя в своем открытом письме представителем русской революционной молодежи. Он утверждает, будто я «давал советы... русским революционерам, уговаривая их заключить со мной (!) союз»; в то же время я будто бы изобразил «представителей русской революционной партии за границей», их стремления и их литературу «в самом

невыгодном свете перед немецкими рабочими». Он говорит: «Вы выражаете *нам, русским,* ваше глубочайшее презрение потому что *мы,* по-вашему, так «глупы» и «незрелы» и т. д., «зеленые гимназисты, как вы изволите *нас* называть», — а в заключение следует неизбежный козырь: «Высмеивая *нас,* вы сослужили хорошую службу нашему общему врагу, российскому государству». На него, на самого г-на Ткачева, я будто бы «обрушился со всевозможными ругательствами».

Петр Никитич Ткачев знает лучше, чем кто бы то ни было, что во всем этом нет ни слова правды. Во-первых, в указанной статье я не возлагал ответственности за изречения г-на Ткачева ни на кого, кроме самого г-на Ткачева. Мне никогда и в голову не приходило видеть в нем представителя русских революционеров. Если он сам себя так величает, а мои слова о зеленых гимназистах и прочие любезности сваливает с себя на них, то я должен решительно протестовать против этого. Среди русской революционной молодежи, естественно, встречаются, как и повсюду, люди самого различного нравственного и умственного калибра. Но в среднем, — если даже принять во внимание все различие эпох и существенную разницу в окружающей среде, — она все же стоит, несомненно, гораздо выше, чем стояла когда-либо наша немецкая учащаяся молодежь, даже в лучшую ее пору, в начале тридцатых годов. Никто, кроме его самого, не дал г-ну Ткачеву права говорить от имени всех этих молодых людей в целом. И, хотя он и показал себя на сей раз настоящим бакунистом, все же я пока еще сомневаюсь, имеет ли он право выступать даже как представитель тех нескольких русских бакунистов, о которых я писал, что это «несколько незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжатся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга». Но если бы он и представлял их, это все же было бы только новым изданием старой истории о трех портных с лондонской Тули-стрит, выпустивших прокламацию: «Мы, народ Англии, заявляем» и т. д.*. Итак, надо прежде всего констатировать, что «русские революционеры», как и прежде, тут ни при чем и что вместо ткачевского «мы» нам следует везде читать «я».

Оказывается, я ему «давал советы»! Мне об этом ровно ничего неизвестно. *Пинки,* Петр Никитич, я, может быть, попутно и давал, но *советы?*** Будьте любезны представить доказательства.

---

* Бьюсь об заклад, что г-н Ткачев скажет, что этим анекдотом я совершил измену пролетариату, «изображая в смешном виде» портных как таковых.

** Игра слов: «Schlage»—«удары», «пинки»; «Rathschlage»—«советы». *Ред.*

Оказывается, я уговаривал его или ему подобных заключить со мной союз и это — в конце моей последней статьи. Я дам г-ну Ткачеву десять марок бисмарковской имперской монетой, если он это докажет.

Оказывается, я утверждал, что он «глуп»—он ставит это слово в кавычки. Хотя я не хочу отрицать, что блеск его таланта, — поскольку вообще об этом может идти речь, — в обоих этих сочинениях лежит под спудом, все же каждый может убедиться, что в моей статье слово «глупый» *не встречается ни разу.* Но там, где нет другого выхода, господа бакунисты прибегают к фальшивым цитатам.

Далее оказывается, что я над ним «насмехался» и представил его «в смешном виде». Заставить меня принять его брошюру всерьез г-ну Ткачеву, конечно, никогда не удастся. Мы, немцы, имеем репутацию людей скучных и частенько вполне ее заслуживаем. Но ведь это не налагает на нас обязательства быть при всех обстоятельствах столь же скучными и торжественными, как бакунисты. Немецкое рабочее движение, благодаря партизанской войне с полицией, прокуратурой и тюремными сторожами, приобрело своеобразно-юмористический характер; зачем же мне изменять ему? Никто не возбраняет и г-ну Ткачеву по мере сил своих осмеять меня и выставить в смешном виде, не приписывая мне, однако, небылиц.

Затем следует бесподобное обвинение: представив г-на Ткачева в свете, вполне достойном его и его произведений, я тем самым «оказал хорошую услугу нашему общему врагу, российскому государству». В другом месте говорится в том же духе, что, изображая его так, как я его изобразил, я нарушаю «основные принципы программы Международного Товарищества Рабочих»! Здесь перед нами подлинный бакунист. Эти господа, как истые революционеры, позволяют себе по отношению к нам все, что угодно, в особенности когда это можно сделать исподтишка, но попробуйте говорить о *них* без высочайшей почтительности, попробуйте вывести на свет *их* проделки, критиковать *их* и их пустозвонство, — и вы служите русскому царю и нарушаете основные принципы Интернационала. Дело обстоит как раз наоборот. Услугу русскому правительству оказывает не кто иной, как сам г-н Ткачев. Будь у русской полиции побольше ума, она взялась бы за массовое распространение брошюры этого господина в России. С одной стороны, вряд. ли могла бы она найти лучшее средство дискредитировать русских революционеров, представителем которых выставляет себя автор, в глазах всех разумных людей. А с другой стороны, всегда возможно, что некоторые славные, но неопытные молодые люди

позволили бы г-ну Ткачеву увлечь их на путь опрометчивых действий и сами таким образом попались бы в сети.

Г-н Ткачев говорит, что я «обрушился на него со всевозможными ругательствами». Но известный вид ругани, так называемая инвектива, является одним из наиболее выразительных риторических приемов, который применяется в случае надобности всеми великими ораторами и которым сильнейший английский политический писатель, Уильям Коббет, владел с мастерством, вызывающим до сих пор восхищение и служащим недосягаемым образцом. И г-н Ткачев тоже «ругается» в своей брошюре довольно изрядно. Поэтому, *если бы* я и ругался, то это обстоятельство само по себе отнюдь нельзя было бы поставить мне в вину. Но поскольку я вовсе не впадал в риторику по отношению к г-ну Ткачеву, так как отнюдь не принимал его всерьез, то я никак *не мог* и ругать его. Посмотрим же, что я сказал о нем.

Я назвал его «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Незрелость может относиться к характеру, уму и знаниям. Что касается незрелости характера, то я пересказал следующим образом рассказ самого г-на Ткачева:

«Русский ученый, пользующийся большой известностью в своей стране, эмигрирует и добывает себе средства, чтобы основать за границей политический журнал. Едва лишь это ему удалось, как без всякого приглашения является первый попавшийся более или менее экзальтированный юнец и предлагает свое сотрудничество, более чем ребячески выставляя условие, чтобы во всех литературных и денежных вопросах ему был предоставлен такой же решающий голос, как и основателю журнала. В Германии его бы просто высмеяли».

Дальнейших доказательств незрелости характера мне после этого приводить незачем. Незрелость ума будет вполне доказана приведенными ниже цитатами из брошюры г-на Ткачева. Что же касается знаний, то спор между журналом «Вперед» и г-ном Ткачевым вращается большей частью вокруг следующего вопроса: редактор журнала «Вперед» требует, чтобы русская революционная молодежь чему-нибудь училась, обогащала себя серьезными и основательными знаниями, выработала способность критически мыслить правильными методами, работала в поте лица своего над саморазвитием и самообразованием. Г-н Ткачев с отвращением отвергает подобные советы:

«Я не могу удержаться, чтобы не выразить снова и снова того чувства глубокого негодования, которое они всегда возбуждали во мне... Учитесь! Приобретайте знания! О боже, неужели это говорит *живой* человек *живым* людям. Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать?»

(подразумевается, с революцией). «Имеем ли мы право тратить время на образование?» (стр. 14). «Знания — необходимое условие мирного прогресса, но они совсем не необходимы для революции» (стр. 17)[446].

Если г-н Ткачев уже при простом призыве к учебе проявляет глубокое негодование, если он объявляет всякие знания излишними для революционера, если к тому же во всем своем сочинении он не обнаруживает ни малейших следов каких-либо знаний, то этим он сам выдает себе свидетельство в незрелости, а я ведь только это и констатировал. Но тот, кто сам выдает себе такое свидетельство, может, по нашим понятиям, стоять *самое большее* на ступени развития гимназиста. Указав ему эту наивысшую из возможных ступеней, я, стало быть, отнюдь не обругал его, а оказал ему, может быть, даже слишком много чести.

Я сказал далее, что рассуждения г-на Ткачева являются ребяческими (доказательства этому — цитаты в настоящей статье), скучными (этого, вероятно, не будет отрицать сам автор), противоречивыми (как показал ему редактор журнала «Вперед») и вращающимися в порочном кругу (что тоже верно). Затем я говорю о его великих притязаниях (о которых я рассказал с его собственных слов) и абсолютно ничтожных достижениях (как это более чем достаточно показывает данная статья). Где же ругательства? Если я сравнил его с Карлушей Мисником, любимейшим гимназистом Германии и одним из популярнейших немецких писателей, то это ведь никак не ругательство. Впрочем, стоп! Не выразился ли я о нем, что он удалился, как Ахилл, в свою палатку и выпалил оттуда своей брошюрой против журнала «Вперед»? Вот где видимо зарыта собака. От человека, которого приводит в ярость одно уж слово учеба и который смело может избрать себе девизом стихи Гейне:

«И все свое невежество
Он сам приобретал»*, —

от такого человека вполне можно ожидать, что имя Ахилл встречается ему здесь впервые. А так как я упоминаю Ахилла в связи с «палаткой» и «выпаливанием», то г-н Ткачев мог вообразить, что этот Ахилл — русский унтер-офицер или турецкий башибузук и что я, следовательно, нарушаю правила приличия, обзывая его Ахиллом. Но я могу заверить г-на Ткачева, что тот Ахилл, о котором я говорю, был величайшим героем греческих сказаний и что его уход в свою палатку послужил сюжетом грандиознейшей героической поэмы всех времен, Илиады;

* Гейне. «Кобес I». *Ред.*

это подтвердит ему даже г-н Бакунин. Если это мое предположение окажется правильным, то я, разумеется, буду вынужден заявить, что г-н Ткачев *не является* гимназистом. Далее г-н Ткачев говорит:

«Несмотря на все это, я позволил себе, однако, высказать убеждение, что социальную революцию легко можно вызвать... Если так легко ее вызвать, замечаете вы, то почему же вы этого не делаете, а только болтаете об этом? — Вам это представляется смешным, ребяческим поведением... Я и мои единомышленники убеждены, что осуществление социальной революции в России не представляет никаких затруднений, что в любой момент можно поднять русский народ на всеобщий революционный протест» (!). «Это убеждение обязывает нас, правда, к определенной практической деятельности, но оно ни в малейшей степени не противоречит полезности и необходимости литературной пропаганды. Недостаточно того, что *мы* в этом убеждены; мы хотим, чтобы и другие разделяли с нами это убеждение. Чем больше у нас будет единомышленников, тем сильнее мы себя будем чувствовать, тем легче нам будет разрешить задачу практически»[447].

Да ведь это прямо великолепно! Это звучит так мило, так рассудительно, так благонравно, так убедительно. Это звучит совсем так, словно бы г-н Ткачев написал свою брошюру лишь для того, чтобы доказать полезность литературной пропаганды, а я, нетерпеливый желторотый птенец, ответил ему: к черту литературную пропаганду, пора уж поднимать восстание! — Ну, а как же обстоит дело в действительности?

Г-н Ткачев начинает свою брошюру прямо с того, что выносит журнальной пропаганде (а ведь это — наиболее действенный вид литературной пропаганды) вотум недоверия, заявляя, что на нее не следует «тратить слишком много революционных сил», ибо «при нецелесообразном употреблении она приносит несравненно больше вреда, чем та польза, которую она могла бы принести при употреблении целесообразном». Так высоко ценит наш г-н Ткачев литературную пропаганду вообще. Но в частности, когда хочешь заниматься такой пропагандой, когда хочешь вербовать себе единомышленников, — тогда одних декламации мало: приходится заняться обоснованием и, стало быть, подходить к вопросу теоретически, то есть в конечном счете научно. По этому поводу г-н Ткачев заявляет редактору журнала «Вперед»:

«Ваша философская война, та чисто теоретическая, научная пропаганда, которой предается ваш журнал... с точки зрения интересов революционной партии не только не полезна, но даже вредна»[448].

Как видите, чем глубже мы исследуем воззрения г-на Ткачева на литературную пропаганду, тем больше заходим в тупик, тем меньше понимаем, чего он хочет. В самом деле, чего он собственно хочет? Послушаем дальше.

«Неужели вы не понимаете, что революционер всегда считает и должен считать себя вправе призывать народ к восстанию; что тем-то он и отличается от философа-филистера, что, не ожидая, пока течение исторических событий само укажет минуту, он выбирает ее сам; что он признает народ всегда готовым к революции (стр. 10)... Кто не верит в возможность революции в настоящем, тот не верит в народ, не верит в его приготовленность к революции (стр. 11)... Вот почему мы не можем ждать, вот почему мы утверждаем, что революция в России настоятельно необходима и необходима именно в *настоящее время;* мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. Теперь или очень нескоро, быть может, *никогда* (стр. 16)... Всякий народ, задавленный произволом, измученный эксплуататорами... всякий такой народ (а в таком положении находятся *все* народы) в силу самих условий своей социальной среды — есть революционеру он всегда *может,* он всегда *хочет* сделать революцию; он всегда готов к ней (стр. 17)... Но мы не можем и не хотим ждать (стр. 34)... Теперь не до длинных сборов, не до вечных приготовлений, — пусть каждый наскоро соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь. Вопрос: что делать? нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию. — Как? Как кто может и умеет» (стр. 39).

Это показалось мне достаточно ясным. И поэтому я обратился к Карлуше Миснику: уж если иначе никак невозможно, если народ готов к революции и ты — тоже готов, если ты ни за что не хочешь и не можешь дольше ждать, да и не имеешь права ждать, если ты присваиваешь себе право выбрать момент для восстания и если, наконец, вопрос стоит так, что теперь или никогда! — что же, дражайший Карлуша, делай то, от чего ты не можешь отказаться, сделай революцию сегодня же и сокруши российское государство вдребезги, а то как бы ты не натворил, в конце концов, еще больших бед!

И что же делает Карлуша Мисник? Бросается ли он в бой? Уничтожает ли русское государство? Освобождает ли русский народ, «этот несчастный народ, истекающий кровью, с терновым венком, пригвожденный к кресту рабства», — народ, страдания которого не позволяют ему больше ждать?

Он и не думает об этом. Карлуша Мисник, со слезами оскорбленной невинности на лице, обращается к немецким рабочим, заявляя: смотрите, что наговаривает на меня негодяй Энгельс; он пишет, что я говорил о немедленном восстании; но ведь речь идет вовсе не об этом, а о том, чтобы вести *литературную пропаганду,* а этот Энгельс, который сам только то и делает, что занимается литературной пропагандой, бесстыдно притворяется, будто он не понимает «пользы литературной пропаганды».

Ждать! Заниматься литературной пропагандой! Да имеем ли мы право ждать, имеем ли мы право терять время на литературную пропаганду? Ведь каждый час, каждая минута, отдаляющая нас от революции, стоит народу тысячи жертв! (стр. 14).

Теперь не время для литературной пропаганды, теперь нужно делать революцию — теперь или, может быть, никогда... мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. И мы должны еще заниматься литературной пропагандой! О боже, неужели это говорит живой человек живым людям, и этот человек зовется Петром Ткачевым!

Разве я был неправ, когда назвал эти разглагольствования о немедленном восстании, от которых теперь так постыдно отрекаются, «ребяческими»? Они ребячливы до такой степени, что автор в этом отношении, надо полагать, достиг здесь пределов возможного. И все же он превзошел даже самого себя. Редактор журнала «Вперед» приводит одно место из составленной г-ном Ткачевым прокламации к русским крестьянам. Г-н Ткачев описывает в ней порядки после завершения социальной революции следующим образом:

«И зажил бы мужичок припеваючи, зажил бы жизнью развеселою... не медными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой да птицы домашней у него и счету не было бы. За столом у него мяса всякие, да пироги имянинные, да вина сладкие от зари до зари не снимались бы. И ел бы и пил бы он — сколько в брюхо влезет, а работал бы столько, сколько сам захочет. И никто бы и ни в чем неволить его не смел: хошь — ешь, хошь — на печи лежи...»[449]

И человек, который способен был сочинить подобную прокламацию, еще жалуется, когда я ограничиваюсь тем, что называю его зеленым, на редкость незрелым гимназистом!

Далее г-н Ткачев говорит:

«Почему же вы нам ставите в упрек нашу конспирацию? Отказавшись от конспиративной, тайной, подпольной деятельности, мы должны были бы отказаться тем самым от всякой революционной деятельности вообще. Но вы караете нас также за то, что мы и здесь, в Западной Европе... не хотим отказаться от наших конспиративных привычек и тем самым мешаем... великому международному рабочему движению»[450].

Во-первых, неверно, что у русских революционеров не остается другого средства, кроме одних заговоров. Ведь сам г-н Ткачев только что подчеркивал важность литературной пропаганды, проникающей с Запада в Россию! Да и внутри страны не может же быть совершенно отрезан путь для устной пропаганды среди народа, особенно в городах, что бы ни говорил об этом в своих интересах г-н Ткачев. Это лучше всего доказывается тем, что во время недавних массовых арестов в России большинство арестованных составляли не образованные люди или студенты, а рабочие.

Во-вторых, я берусь полететь на луну еще до того, как Ткачев освободит Россию, если только он мне докажет, что

я где-нибудь и когда-нибудь в моей политической деятельности утверждал, что заговоры недопустимы вообще и при любых условиях. Я берусь привезти ему с луны что-нибудь на память, если только он мне докажет, что в моей статье идет речь о других заговорах, кроме заговора против Интернационала, кроме Альянса. Да, если б только господа русские бакунисты действительно и серьезно конспирировали против русского правительства! Если бы вместо горе-заговоров, основанных на лжи и обмане своих же товарищей, вроде заговора Нечаева, этого, по Ткачеву, «типического представителя нашей современной молодежи», если бы вместо заговоров против европейского рабочего движения, подобно заговору благополучно разоблаченного и тем самым уничтоженного Альянса, они, эти «деятели» (dejateli), как они себя хвастливо называют, совершили бы, наконец, какое-нибудь настоящее дело, которое доказало бы, что у них действительно есть организация и что они занимаются еще чем-нибудь другим, кроме попытки образовать кружок в дюжину человек! Но вместо этого они только кричат на весь мир: мы конспирируем, мы конспирируем! — совсем как оперные заговорщики, которые ревут хором на разные голоса: тише, тише! не шумите! И все это очковтирательство о широко разветвленных заговорах служит только прикрытием, за которым не скрывается ровно ничего, кроме революционного бездействия по отношению к правительствам и тщеславных происков внутри революционной партии.

Этих господ приводит в такую ярость именно то, что в «Заговоре против Интернационала» мы беспощадно разоблачили все это мошенничество*. Это было, мол, «бестактно». Разоблачая г-на Бакунина, мы стремились, мол, «запятнать одного из величайших и самоотверженнейших представителей революционной эпохи, в которую мы живем», и притом запятнать... «грязью». Грязь, которая обнаружилась при этом, была до последнего золотника изделием самого г-на Бакунина, и далеко еще не худшим. В упомянутом сочинении он изображен еще слишком опрятным. Мы *только процитировали* § 18 Революционного катехизиса, параграф, предписывающий, как нужно вести себя по отношению к русской аристократии и буржуазии, как нужно «овладеть их грязными тайнами и таким способом превратить их в наших рабов, так, чтобы их богатства и. т. д. стали неистощимой сокровищницей и драгоценной поддержкой во всевозможных начинаниях». Мы до сих пор еще не рассказали, как претворялся этот параграф на практике. А об

* См. настоящий том, стр. 323—452. *Ред.*

этом есть много что порассказать, и в свое время мы это сделаем.

Таким образом, выясняется, что все упреки, сделанные мне г-ном Ткачевым с тем добродетельным видом оскорбленной невинности, который так к лицу всем бакунистам, — что все эти упреки основаны на утверждениях, относительно которых он не только знал, что они лживы, но которые являются его же собственным гнусным и наглым измышлением. На этом мы и простимся с личной частью его «открытого письма».

V

О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ [451]

Г-н Ткачев мимоходом сообщает немецким рабочим, что у меня относительно России нет ни «малейших сведений», что, наоборот, я проявляю одно лишь «невежество»; он чувствует себя поэтому вынужденным разъяснить им истинное положение дел, а в особенности — те причины, вследствие которых именно теперь социальная революция в России может быть осуществлена легко и шутя, гораздо легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с *политической властью: власть капитала* у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, небезызвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней»[452].

Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же

необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Итак, русским рабочим — а эти рабочие, как говорит сам г-н Ткачев, «земледельцы и в качестве таковых не пролетарии, а *собственники»,* — сделать это легче, потому что им предстоит бороться не с властью капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство

«только издали кажется силой... Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия... У вас государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в себе» (!) «определенные экономические интересы... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим социальным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться на путаном представлении, будто экономические интересы нуждаются для своего *воплощения* в государстве, которое именно они и создают, или на смелом утверждении, будто русская «общественная форма» (к которой принадлежит ведь и общинная собственность крестьян) «обязана своим существованием государству», а также на противоречивом утверждении, что это государство «не имеет ничего общего» с существующим социальным строем, который якобы является его созданием. Присмотримся лучше сразу к этому «висящему в воздухе государству», которое не представляет интересов какого-либо сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 3300 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиной страны! Далее. Крестьяне со своей половины платят в год 195 миллионов рублей земельного налога, дворяне — 13 миллионов! Дворянские земли в среднем вдвое плодороднее крестьянских, так как при разделе, последовавшем в связи с выкупом барщины, государство отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за свою худшую

землю платить дворянству по цене самой лучшей*. И русское дворянство совсем не заинтересовано в существовании русского государства!

Крестьяне — в массе своей — в результате выкупа оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли большую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянские наделы — по русским земледельческим условиям — оказались слишком малы, чтобы на них можно было прокормиться. С крестьян не только взяли за эту землю непомерно высокую цену, которую авансом за них выплатило государство и которую они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть земельного налога, в то время как дворянство от него почти вовсе освобождено; этот налог один поглощает и даже превосходит всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все остальные платежи, предстоящие крестьянину — о них мы скажем ниже, — составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет собой его заработную плату. Мало того. К земельному налогу, к выкупным платежам и процентам за аванс, выплаченный государством, прибавились еще после введения местного управления губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои доходы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти освобождены от налогов, а крестьянин платит почти все.

Такое положение будто нарочно создано для ростовщика, а в ростовщике там нигде нет недостатка при почти беспримерной способности русских к торговле в ее низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неразрывно связанному с этим надувательству: недаром ведь еще Петр I говорил, что один русский справится с тремя евреями. Как только приближается время взыскания податей, является ростовщик, кулак — часто богатый крестьянин той же общины — и предлагает свои наличные деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и он вынужден принимать условия ростовщика беспрекословно. Тем самым он лишь еще глубже попадает в тиски, нуждается в наличных деньгах все больше и больше.

* Исключением явилась только Польша, где правительство хотело разорить враждебное ему дворянство и привлечь на свою сторону крестьян. *(Примечание к тексту, опубликованному в газете «Volksstaat»;в изданиях 1875 и 1894 гг. отсутствует.)*

К моменту жатвы появляется хлеботорговец; нужда в деньгах заставляет крестьянина сбыть часть зерна, необходимого для пропитания собственной семьи. Торговец хлебом распространяет ложные слухи, снижающие цены, платит низкую цену, да и ту подчас уплачивает частично всяческими товарами по высокой расценке, ибо система оплаты товарами в России очень развита. Большой вывоз русского хлеба основан, таким образом, прямо на голодании крестьянского населения. — Другой способ эксплуатации крестьян заключается в том, что спекулянт арендует у правительства на продолжительный срок участок казенной земли, обрабатывает его сам, пока земля приносит хороший урожай без удобрения; затем он делит этот участок на мелкие клочки и сдает истощенную землю за высокую аренду соседним малоземельным крестьянам. Если выше мы видели английскую систему оплаты товарами, то здесь мы имеем точную копию ирландских middlemen*. Словом, нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса придавлена и опутана его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их ловкие и прибыльные делишки!

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, развившаяся с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог, и задетая последним кризисом самым живейшим образом, все эти экспортеры зерна, пеньки, льна и сала, все дела которых целиком строятся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря пожалованным ей государством покровительственным пошлинам, — разве все эти влиятельные и быстро растущие элементы населения не заинтересованы в существовании русского государства? Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие. И когда после этого г-н Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе.

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это

* — посредников. *Ред.*

удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г-н Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм, — и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются пока еще не повсеместно и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю!

Об артели г-н Ткачев упоминает лишь вскользь, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель — это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной ассоциации, подобно той, которая встречается у охотничьих племен во время охоты. И по названию и по существу она не славянского, а татарского происхождения. И то и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у саамов, ненцев и других финских народов — с другой[*]. Поэтому артель в России развивается первоначально не на юго-западе, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала возмещается по мере возможности этой формой кооперации. — Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на узах кровного родства, как взаимная порука у древних германцев, кровная месть и тому подобное. — Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям.[**]

В рабочих артелях всегда избирается староста (starosta, старшина), который выполняет обязанности казначея, счетовода

[*] Об артели см., между прочим, «Sbornik materialow ob Arteljach v Rossiji» («Сборник материалов об артелях в России», выпуск 1. С.-Петербург, 1873 г.).

[**] Далее следовала фраза: «Биржа — та же артель», опущенная Энгельсом в издании 1894 года. *Ред.*

и т. п., по мере надобности — управляющего и получает особое жалованье. Такого рода артели возникают:

1) для временных предприятий, по окончании которых они распадаются;

2) среди лиц, занимающихся каким-нибудь одним промыслом, например, среди носильщиков и т. п.;

3) для постоянных предприятий, промышленных в собственном смысле слова.

Они учреждаются на основе контракта, подписываемого всеми членами. Если же эти члены не могут сами собрать необходимый капитал, как это часто бывает, например в сыроварении и в рыболовстве (для покупки сетей, судов и пр.), то артель попадает в лапы ростовщика, который ссужает за высокие проценты недостающую сумму и с этого момента кладет себе в карман большую часть трудового дохода. Но еще более гнусно эксплуатируются те артели, которые целиком нанимаются к предпринимателю в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей собственной промышленной деятельностью и тем сберегают издержки надзора капиталисту. Последний сдает им лачуги для жилья и предоставляет в кредит пропитание, причем опять развивается самым гнусным образом система оплаты товарами. Так обстоит у лесорубов и смолокуров Архангельской губернии, во многих промыслах в Сибири и других (ср. Flerovsky. «Polozenie rabocago klassa v Rossiji». Флеровский. «Положение рабочего класса в России», С.-Петербург, 1869)[453]. Таким образом, артель является здесь средством, существенно *облегчающим* капиталисту эксплуатацию наемных рабочих. С другой стороны, однако, есть и такие артели, которые сами имеют наемных рабочих, *не* состоящих членами данного общества.

Итак, артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или даже славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть потребность: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в 40-х годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою стихийную форму,

в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных обществ. Но, если на сей раз поверить г-ну Ткачеву (что после всего предыдущего, правда, более чем рискованно), — до этого еще очень далеко. Напротив, с чрезвычайно характерным для его точки зрения высокомерием, он уверяет нас:

«Что касается кооперативных и кредитных обществ по немецкому» (!) «образцу, которые с недавних пор искусственно насаждаются в России, то они приняты большинством наших рабочих с полнейшим равнодушием и почти везде потерпели фиаско».

Современное кооперативное общество доказало, по крайней мере, свою способность самостоятельно вести с выгодой крупные промышленные предприятия (прядильные и ткацкие в Ланкашире). Артель же до сих пор не только неспособна к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не вступит на путь дальнейшего развития.

Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузеном, и он раструбил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника даже обязан был знать о них в точности[454]. Герцен, сам русский помещик, впервые от Гакстгаузена узнал, что его крестьяне владели землей сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г-ну Ткачеву. Послушаем же последнего.

«Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так крепко срослась со всем миросозерцанием русского народа» (мы дальше увидим, сколь обширен мир русского крестьянина), «что теперь, когда правительство начинает понимать, что идея эта несовместима с принципами «благоустроенного» общества и во имя этих принципов хочет ввести в народное сознание и народную жизнь идею частной собственности, то оно может достигнуть этого лишь при помощи штыков и кнута. Из этого ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его».

В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой

ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например на Яве. Еще в 1608 г. существование общепризнанной общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозяйной и как таковую конфисковать в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические переделы общинной земли и тому подобное. Более точные указания и подробности относительно древнегерманского общинного землевладения можно найти в ряде сочинений *Маурера,* которые по этому вопросу являются классическими[455]. В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великороссии (то есть собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир* означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». Ves' mir, весь мир означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г-н Ткачев говорит о *«миросозерцании»* русского крестьянина, то он явно неправильно перевел русское слово *мир.* Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для *восточного деспотизма;* от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г-на Ткачева, «не имеет ничего общего»! — Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого

вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с тем чтобы делить только продукты, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Никто не знает этого лучше г-на Ткачева. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре, на стр. 15:

«В среде крестьянства вырабатывается класс *ростовщиков* (kulakov), *покупщиков* и *съемщиков* крестьянских и помещичьих земель — мужицкая аристократия».

Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес опять-таки выкуп барщины. Помещик получил большую и лучшую часть земли; крестьянам осталось едва достаточно, а сплошь да рядом совсем недостаточно для того, чтобы прокормиться. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; не хватает обычно и земли, чтобы просуществовать с семьей от урожая до урожая. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в оковы. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или без семей, бросают свою землю и ищут источник существования в отхожих промыслах*.

Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую,

* О положении крестьян см., между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее — *Скалдин.* «W Zacholusti i w Stolice» («В захолустье и в столице». С.-Петербург, 1870 г.). Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора.

если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно*, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия. Таким образом, г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

Так же легко, как с экономической революцией, разделывается г-н Ткачев и с политической. Русский народ, рассказывает он, «неустанно протестует» против рабства в форме «религиозных сект... отказа от уплаты податей... разбойничьих шаек (немецкие рабочие могут себя поздравить с тем, что Ганс-живодер оказывается отцом германской социал-демократии) поджогов... бунтов... и поэтому русский народ можно назвать революционером по инстинкту». Все это убеждает г-на Ткачева, что «нужно только разбудить одновременно в нескольких местностях накопленное чувство озлобления и недовольства... всегда кипящее в груди нашего народа». Тогда «объединение революционных сил произойдет уже *само собой,* а борьба... должна будет окончиться благоприятно для дела народа. Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» создадут уже сами собой «тесную и неразрывную связь между протестующими общинами».

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать

* В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают **их** совместно и в *общую пользу.* А эти крестьяне уже венами не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белорусы.

восстание, а там «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот «революционер по инстинкту», устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда,* кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: Bog vysok, Car daljok, до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии. Что масса крестьянского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем, — это не подлежит никакому сомнению; но сказки о «революционере по инстинкту» пусть уж г-н Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, *если бы* даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; *если бы* даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар, — даже тогда позвольте спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверхребяческое представление о ходе революции, какое мы здесь видим? И подумать только, что это написано уже после блистательного провала в Испании в 1873 г. первой изготовленной по этому бакунистскому образцу революции. Там тоже восстание начали сразу в нескольких местах. Там тоже рассчитывали на то, что практическая необходимость, инстинкт самосохранения уж сами собой установят крепкую и неразрывную связь между протестующими общинами. И что же получилось? Каждая община, каждый город защищали только самих себя, о взаимной поддержке не было и речи, и Павиа, имея в своем распоряжении только 3000 солдат, в две недели покорил один город за другим и положил конец всему этому анархистскому величию (см. мою статью «Бакунисты за работой»*, где это описано подробно).

* См. настоящий том, стр. 457—474. *Ред.*

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговый пресс отказывается служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удается еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем своим жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 года; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обобраны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год сокращается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом посредством такого азиатского деспотизма, о произволе которого мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления, деспотизма, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам запутался, сегодня делая уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом среди концентрирующихся в столице более просвещенных слоев нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта несомненно приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: удачная война против Турции или Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо же... преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства.

К. МАРКС
ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗОБЛАЧЕНИЙ О КЁЛЬНСКОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИСТОВ» [456]

«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», которые «Volksstaat» счел своевременным переиздать, первоначально вышли в Бостоне-Массачусетсе и в Базеле. Большая часть последнего издания была конфискована на немецкой границе. Брошюра появилась через несколько недель после окончания процесса. Тогда важнее всего было не терять времени, и поэтому некоторые ошибки в отдельных деталях были неизбежны. Так, например, были неточности в именах кёльнских присяжных. Так, по-видимому, автором красного катехизиса является не М. Гесс, а некий Леви[457]. Так, В. Гирш утверждает в своей «Оправдательной записке»[458], что бегство Шерваля из парижской тюрьмы было результатом тайного соглашения между Грейфом, французской полицией и самим Шервалем, чтобы использовать последнего во время судебного процесса как шпиона в Лондоне. Это вполне вероятно, ибо произведенная в Пруссии подделка векселя и вытекающая отсюда опасность быть выданным прусским властям должны были усмирить этого Кремера* (такова действительная фамилия Шерваля). Мое изложение дела основано на «признаниях» самого Шерваля одному из моих друзей. Показание Гирша бросает еще более яркий свет на лжесвидетельство Штибера, на тайные интриги прусского посольства в Лондоне и в Париже, на бесстыдные посягательства Хинкельдея.

Когда «Volksstaat» начал на своих столбцах перепечатку этого памфлета, я на мгновение поколебался: не лучше ли

* Игра слов: «Kramer» означает также «торгаш». *Ред.*

опустить раздел VI (фракция Виллиха — Шаппера). Однако, при ближайшем рассмотрении, всякое искажение текста показалось мне фальсификацией исторического документа.

Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат; отсюда и промахи Шаппера и Виллиха. Виллих доказал в североамериканской гражданской войне, что он нечто большее, чем просто фантазер, а Шаппер, всю жизнь являвшийся передовым борцом рабочего движения, понял и признал вскоре после окончания кёльнского процесса свое минутное заблуждение. Спустя много лет, лежа на смертном одре, за день до смерти он говорил мне с едкой иронией об этом времени «эмигрантского сумасбродства». — С другой стороны, обстоятельства, при которых были написаны «Разоблачения», объясняют резкость нападок на невольных пособников общего врага. В моменты кризиса опрометчивость становится преступлением против партии, требующим публичного искупления.

«От исхода этого процесса зависит вся судьба политической полиции!» Этими словами, которые Хинкельдей во время кёльнского судебного процесса писал посольству в Лондоне (см. мою книгу «Господин Фогт», стр. 27[459]), он выдал тайну процесса коммунистов. «Вся судьба политической полиции» — это означает не только существование и деятельность того персонала, которому непосредственно доверено это занятие. Это означает подчинение этому учреждению всей правительственной машины, включая суд (см. прусский дисциплинарный закон для судебных чиновников от 7 мая 1851 г.) и прессу (см. рептильный фонд), подобно тому как в Венеции вся государственная организация была подчинена государственной инквизиции. Политическая полиция, парализованная во время революционной бури в Пруссии, нуждалась в преобразовании, образцом для которого была и остается Вторая империя во Франции.

После крушения революции 1848 г. немецкое рабочее движение продолжало существовать лишь в форме теоретической пропаганды, к тому же ограниченной очень небольшим кругом, относительно практической безвредности которой прусское правительство ни минуты не заблуждалось. Травля коммунистов имела для него значение только как пролог к реакцион-

ному крестовому походу против либеральной буржуазии, а буржуазия, осудив представителей рабочих и оправдав Хинкельдея — Штибера, сама отточила главное оружие этой реакции, политическую полицию. Так Штибер заслужил свои рыцарские шпоры перед кёльнским судом присяжных. Тогда Штибер — было имя мелкого полицейского чиновника, бешено гнавшегося за повышением оклада и чина; теперь Штибер означает неограниченное господство политической полиции в новой священной прусско-германской империи. Он превратился некоторым образом в морально-юридическую фигуру, морально-юридическую в том переносном смысле, в каком, например, рейхстаг является морально-юридической категорией. На этот раз политическая полиция бьет в рабочего не для того, чтобы попасть в буржуа. Наоборот, именно как диктатор немецко-либеральной буржуазии Бисмарк мнит себя достаточно сильным, чтобы сжить со свету* рабочую партию. Поэтому рост величия Штибера является для германского пролетариата мерилом успехов, достигнутых им в рабочем движении со времени кёльнского процесса коммунистов.

Непогрешимость папы — детская игрушка по сравнению с непогрешимостью политической полиции. После того как в Пруссии в течение целых десятилетий она заключала в темницы юные пылкие головы за мечты о германском единстве, германском государстве, германской империи, — ныне она бросает в тюрьмы даже старые плешивые головы, которые отказываются мечтать об этих божьих дарах. Ныне она так же тщетно старается искоренить *врагов империи,* как тогда *друзей империи.* Какое убедительное доказательство того, что она не призвана делать историю, хотя бы это была лишь история спора о бороде императора!

Кёльнский процесс коммунистов сам по себе изобличает бессилие государственной власти в ее борьбе против общественного развития. Королевский прусский государственный прокурор обосновывал виновность обвиняемых в конце концов тем, что они тайно распространяли опасные для государства принципы *«Коммунистического манифеста». А* разве, несмотря на это, те же принципы через двадцать лет не возвещаются в Германии открыто на улицах? Разве не раздаются они даже с трибуны рейхстага? Разве не обошли они весь свет в виде *программы Международного Товарищества Рабочих,* наперекор всем правительственным запретам? Общество никак не сможет

* Игра слов; Stieber — фамилия, stiebern — выслеживать, разгонять, выживать, сживать со свету. *Ред.*

прийти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда.

В «Разоблачениях» говорится в заключение: «Йена... вот последнее слово для правительства, которое нуждается в таких средствах для существования, и для общества, которое нуждается в таком правительстве для защиты. Таково последнее слово процесса коммунистов — *Йена!»*[460]

Вот так удачное предсказание, хихикнет какой-нибудь Трейчке, гордо указав на недавние успехи прусского оружия и на маузеровское ружье. Достаточно будет напомнить, что бывает не только *внутренний Дюппель*[461]*,* но и *внутренняя Йена.*

Карл Маркс

Лондон, 8 января 1875 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat»
№ 10, 27 января 1875 г., а такжв и книге:
Karl Marx, «Enthullungen uber den
Kommunistenprozess zu Koln».
Leipzig, 1875

Печатается по тексту газеты,
сверенному со вторым изданием книги

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗА ПОЛЬШУ[462]

В Лондоне и в этом году торжественно отмечалась годовщина польского восстания 22 января 1863 года. В собрании приняли участие многие наши немецкие партийные товарищи; некоторые из них выступали с речами, в том числе Энгельс и Маркс.

«Здесь уже говорили, — сказал Энгельс, — о тех причинах, которые побуждают революционеров всех стран симпатизировать делу Польши и выступать в его защиту. Лишь об одном забыли упомянуть, а именно о том, что политическое положение, в которое поставлена Польша, насквозь революционно, что оно не оставляет Польше иного выбора, как быть революционной или погибнуть. Это обнаружилось уже после первого раздела, вызванного стремлением польского дворянства сохранить такую конституцию и такие привилегии, которые уже утратили право на существование и которые приносили стране вред, нарушая общий порядок, вместо того, чтобы сохранять спокойствие и обеспечивать прогрессивное развитие. Уже после первого раздела часть дворянства признала эту ошибку и пришла к убеждению, что Польша может быть восстановлена лишь путем революции; и 10 лет спустя мы смогли увидеть, как поляки боролись за свободу в Америке. Французская революция 1789 г. тотчас же нашла свой отклик в Польше. Конституция 1791 г., провозгласившая права человека и гражданина, стала знаменем революции на берегах Вислы, сделав Польшу авангардом революционной Франции, и как раз в тот момент, когда три державы, однажды уже ограбившие Польшу, объединились, чтобы пойти на Париж и задушить революцию. Разве могли они допустить, чтобы в центре коалиции прочно свила себе гнездо

революция? — Ни в коем случае. Снова бросились они на Польшу, на этот раз с намерением окончательно лишить ее национального существования. То обстоятельство, что Польша развернула революционное знамя, явилось одной из главных причин ее порабощения. Страна, которую искромсали на куски и вычеркнули из списка народов за то, что она была революционной, не может уже нигде искать спасения, кроме как в революции. И поэтому во всех революционных боях мы встречаем поляков. Польша поняла это в 1863 г. и провозгласила во время того восстания, годовщину которого мы сегодня чествуем, самую радикальную из всех революционных программ, когда-либо выдвигавшихся на востоке Европы. Было бы смешно, основываясь на существовании польской аристократической партии, считать польских революционеров аристократами, желающими восстановить аристократическую Польшу 1772 года. Польша 1772 г. погибла навеки. Никакая сила не в состоянии поднять ее из гроба. Новая Польша, которую поставит на ноги революция, в общественном и политическом отношении будет столь же коренным образом отличаться от Польши 1772 г., как новое общество, навстречу которому мы стремимся, от современного общества.

Еще несколько слов. Никто не может безнаказанно порабощать какой-либо народ. Три державы, уничтожившие Польшу, тяжело наказаны. Взгляните на мое собственное отечество, на Пруссию-Германию. Под фирмой национального объединения мы присоединили к себе поляков, датчан и французов, — и теперь у нас три Венеции[463]; повсюду у нас враги, мы отягощаем себя долгами, налогами, чтобы содержать бесчисленное количество солдат, которые должны вместе с тем служить и для подавления немецких рабочих. Австрия, даже официальная, прекрасно знает, чего ей стоит ее кусочек Польши. Во время Крымской войны Австрия готова была выступить против России при условии, что будет занята и освобождена русская Польша. Но это не входило в планы Луи-Наполеона, а еще менее — в планы Пальмерстона. Что же касается России, то мы видим: в 1861 г. там вспыхнуло первое серьезное движение среди студентов, тем более опасное, что народ повсюду был в сильном возбуждении вследствие освобождения крепостных крестьян. Что же сделало русское правительство, которое отлично видело опасность? — *Оно вызвало в Польше восстание 1863 года;* ибо доказано, что это восстание — дело его рук. Движение среди студентов, глубокое брожение в народе тотчас исчезли и уступили место русскому шовинизму, который захлестнул Польшу, когда дело пошло о сохранении в Польше

русского господства. Так погибло первое значительное движение в России вследствие пагубной борьбы с Польшей. Восстановление Польши поистине в интересах революционной России, и я с радостью услышал сегодня вечером, что это мнение совпадает с убеждениями русских революционеров» (которые высказались в этом смысле на собрании[464]).

Маркс сказал приблизительно следующее. Рабочая партия Европы решительнейшим образом заинтересована в освобождении Польши, и первая программа Международного Товарищества Рабочих говорит о восстановлении Польши, как об одной из целей рабочей политики[465]. Каковы причины этого особого сочувствия рабочей партии к судьбам Польши?

Прежде всего, разумеется, симпатии к порабощенному народу, который непрерывной героической борьбой против своих поработителей доказал свое историческое право на национальную независимость и самоопределение. Нет решительно никакого противоречия в том, что *интернациональная* рабочая партия добивается восстановления польской нации. Наоборот: лишь после того, как Польша вновь завоюет свою независимость, лишь тогда, когда она будет снова распоряжаться своей судьбой как самостоятельная нация, — лишь тогда для нее снова начнется процесс внутреннего развития и она сможет содействовать социальному преобразованию Европы как самостоятельная сила. Пока жизнеспособный народ скован чужеземным захватчиком, он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; и пока его внутренняя жизнь остается таким образом парализованной, он не в состоянии бороться за социальное освобождение. Ирландия, Россия под монгольским игом и т. д. дают этому положению яркие доказательства.

Другой причиной симпатии рабочей партии к возрождению Польши является особенность ее географического, военно-стратегического и исторического положения. Раздел Польши — вот та цепь, которая сковывает между собой три большие военные деспотии: Россию, Пруссию и Австрию. Лишь восстановление Польши может разорвать эту связь и тем самым смести величайшее препятствие, стоящее на пути к социальному освобождению европейских народов.

Но главная причина симпатии рабочей партии к Польше состоит в следующем: Польша — не только единственный славянский народ, но и единственный европейский народ, который сражался и сражается как всемирный солдат революции. Польша проливала свою кровь в американской войне за независимость; се легионы сражались под знаменем первой

французской республики; в 1830 г. она своей революцией предотвратила нашествие на Францию, которое решили тогда предпринять участники раздела Польши; в 1846 г., в Кракове, Польша первой в Европе водрузила знамя социальной революции; в 1848 г. ее сыны принимают выдающееся участие в революционных боях в Венгрии, Германии и Италии; наконец, в 1871 г. она дает Парижской Коммуне лучших генералов и самых героических солдат.

В те короткие мгновения, когда народные массы Европы могли дышать свободно, они вспоминали о том, чем они обязаны Польше. После победоносной мартовской революции в Берлине в 1848 г. первым действием народа было освободить польских заключенных — Мерославского и его товарищей по страданиям — и провозгласить восстановление Польши; в Париже, в мае 1848 г., Бланки возглавил рабочих, выступивших против реакционного Национального собрания, чтобы принудить его к вооруженному вмешательству в защиту Польши; наконец, в 1871 г., когда парижские рабочие конституировались как правительство, они почтили Польшу тем, что доверили ее сынам военное командование своими боевыми силами.

И в настоящий момент германская рабочая партия отнюдь не даст ввести себя в заблуждение реакционными выступлениями польских депутатов в германском рейхстаге; она знает,что эти господа действуют не в интересах Польши, а в своих частных интересах; она знает, что польский крестьянин, рабочий, одним словом, каждый не ослепленный сословными интересами поляк, должен понять: *Польша имеет и может иметь в Европе лишь одного союзника — рабочую партию*[466]. — *Да здравствует Польша!*

Составлено Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 34, 24 марта 1875 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОФИЦИОЗНЫЙ ВОЙ О ВОЙНЕ [467]

Рептильная пресса Германской империи вновь получила приказ трубить в военные трубы. Безбожная, вырождающаяся Франция ни за что не желает оставить в покое богобоязненную Германию, так пышно расцветающую под эгидой биржевой спекуляции, грюндерства и краха. Франция вооружается в огромнейших размерах, и та крайняя поспешность, с какой производятся эти вооружения, является лучшим доказательством того, что она намерена по возможности уже в будущем году напасть на невинную миролюбивую империю Бисмарка, которая, как известно, никогда и водички не замутит, которая непрерывно разоружается и о которой лишь враждебная империи пресса распространяет клевету, будто она законом о ландштурме только что превратила два миллиона обывателей в солдат запаса[468].

Рептильная пресса находится в тяжелом положении. В то время как по указке министерства иностранных дел она должна изображать империю ягненком неслыханной кротости, — военное министерство считает нужным в своих интересах дать понять немецкому буржуа, что с него не зря взимаются тяжелые налоги, что намеченные вооружения в самом деле осуществляются, что крепости строятся, что готовятся кадры и разрабатываются планы мобилизации массы «отпускников», что боевая готовность армии повышается с каждым днем. А так как сообщения на этот счет являются достоверными и к тому же исходят от компетентных людей, то у нас есть полная возможность составить суждение о воинственном вое газетных жаб.

Предлогом для всей этой шумихи является новый французский закон о кадрах[469]. Сравним же организацию, созданную

этим законом во Франции пока еще только на бумаге, с организацией, действительно существующей в Германии, причем ради краткости ограничимся, главным образом, решающим родом оружия — пехотой.

В целом бросается в глаза, что новый французский закон представляет собой значительно ухудшенное издание прусского.

Французская линейная пехота должна состоять из 144 линейных полков, 4 полков зуавов и 3 четырехбатальонных полков тюркосов, 30 батальонов егерей, 4 иностранных и 5 дисциплинарных батальонов, итого — из 643 батальонов, тогда как в немецких линейных войсках значится всего лишь 468 батальонов. Но это превосходство французских линейных войск — одна лишь видимость.

Во-первых, хотя французский батальон, как и прусский, и состоит из четырех рот, но в каждой роте — вместо пяти офицеров насчитывается лишь четыре, да и из этих четырех один — офицер запаса, категория, которая во Франции пока *еще вообще не существует.* Во Франции до сих пор на 35—40 солдат приходился один офицер, и при устаревшем и громоздком французском строевом уставе это действительно необходимо, тогда как в Пруссии совершенно достаточно одного офицера на 50 человек. Но уж это соотношение является максимальным, так что комиссия Национального собрания, обсуждавшая этот закон, единогласно пришла к заключению, что численность роты можно установить *самое большее* в 200 человек. Французская рота, таким образом, численно на 25% слабее прусской, а так как офицера запаса в ней в действительности нет и еще много лет вообще не будет, то и в организационном отношении она значительно уступает прусской. Но так как теперь благодаря ружью, заряжающемуся с казенной части, рота превратилась в тактическую единицу боя, а бой ротными колоннами и стрелковый бой, опорной единицей в котором является рота, требуют *численно сильных* рот, то Национальное собрание причинило здесь французской армии наибольший ущерб, какой только могло причинить.

Во французском строю насчитывается, таким образом, в боевой готовности

606 линейных батальонов по 800 человек	484 800	человек
Зуавов, тюркосов, солдат иностранного легиона, дисциплинарных батальонов	46 000	»
Итого	530 800	человек

Однако из этого числа следует вычесть для Алжира не менее 40000 человек, которые могут быть использованы лишь после того, как появятся новые формирования для их замены. Таким образом, к открытию военных действий остается 490800 пехотинцев. 468 батальонов немецкой пехоты насчитывают каждый по 1050 человек состава военного времени, что составляет в итоге по официальным данным 490480 человек, почти ровно столько же, сколько и во французском строю.

Итак, мы видим, пока что, численное равенство при лучшей и более сильной организации на стороне Германии. Теперь мы подходим к различию.

Со стороны Франции вышеупомянутые 643 слабых батальона образуют вообще всю пехоту, которая может быть использована в военное время. Конечно, 318 рот линейного запаса и егерей в общем составляют еще добавочно 249480 солдат резерва (включая сюда также по 50 или 40 офицеров и унтер-офицеров на роту), но тут до сих пор имеются лишь рядовые, да и то большей частью совершенно необученные, а из обученных — прошедшие в большинстве случаев лишь шестимесячную службу. Из состава офицеров и унтер-офицеров имеется налицо самое большее — *одна четверть*. Пока эти 318 рот запаса превратятся в 318 годных к действию батальонов, — весь исход кампании может оказаться уже решенным, а те из них, которые пойдут на линию огня, качественно не будут превосходить мобильную гвардию 1870 года. Остается еще территориальная армия, которая включает в себя людей от 30 до 40 лет и которую еще предстоит организовать в 144 полка трехбатальонного состава, стало быть, в 432 батальона. Все это существует лишь на бумаге. Чтобы действительно создать такую организацию, необходимо иметь 10000 офицеров и 20000 унтер-офицеров, из которых нет пока почти буквально ни одного человека. И откуда взяться этим офицерам? В Пруссии понадобилось чуть ли не два поколения, пока из одногодичных вольноопределяющихся вышли пригодные офицеры запаса и ландвера; еще в сороковых годах почти во всех полках их рассматривали как зло и соответствующим образом обращались с ними. А во Франции, где подобный институт противоречит всем традициям революционного равенства, где офицеры презирают одногодичников, а солдаты ненавидят их, от них действительно толку мало. Но другого источника для подготовки офицеров запаса не существует.

Что касается унтер-офицеров и рядовых, то победители при Садове 1866 г. хвастались, как известно, тем, что давнишнее существование в Пруссии системы ландвера дает им преимущество

в двадцать лет по сравнению со всякой другой страной, которая введет у себя такую же систему; сравняться с Пруссией удастся ей только тогда, когда самые старые призывные возрасты будут состоять из людей, бывших под ружьем. Теперь об этом, по-видимому, забыли так же, как и о том, что во Франции действительно отбывает службу лишь половина ежегодного контингента, другая же половина увольняется после шестимесячной службы (при современном педантичном уставе срок совершенно недостаточный), так что запас и ополчение во Франции, в отличие от Пруссии, состоят по большей части из новобранцев. И после этого делают вид, будто боятся нынешней французской территориальной армии, которая представляет собой такое же необученное пушечное мясо, как та армия, которая в 1870 и 1871 гг. на Луаре и под Ле Маном не могла удержаться против вдвое уступавших ей численностью, но дисциплинированных немецких частей![470]

Но это еще не все. В Пруссии после горького опыта научились, наконец, производить мобилизацию. Через одиннадцать дней вся армия готова к бою, а пехота еще раньше. Но для этого необходимо, чтобы все было организовано простейшим образом и, в частности, чтобы каждый отпускник был уже заранее приписан к той части, в которую он должен вступить. Основой такой системы является то, что каждый полк имеет для набора свой постоянный округ, в пределах которого и комплектуется в первую очередь соответствующий полк ландвера. Новый французский закон, наоборот, приписывает рекрутов и запасных к тому полку, который в момент мобилизации окажется в данном округе. Это является данью традиции, укоренившейся с наполеоновских времен, согласно которой отдельные полки, сменяя друг друга, стоят в качестве гарнизона по всем частям Франции и должны по возможности рекрутироваться по всей Франции. Если от последнего пришлось отказаться, то тем решительнее настаивали на первом, сделав тем самым невозможной ту постоянную органическую связь между командованием полками и окружным командованием ландвера, которая обеспечивает в Пруссии быстроту мобилизации. Если это бессмысленное изменение, создающее специальным родам оружия еще большие затруднения, чем пехоте, затянет мобилизацию последней хотя бы *только* на три дня, то перед лицом активного противника эти три дня окажутся самыми важными днями всей кампании.

Итак, что же означают все эти огромные французские вооружения? — Численно равную немецкой, но хуже организованную линейную пехоту, которая, кроме того, должна, чтобы

прийти в состояние боевой готовности, поглотить известное число рядовых, прошедших лишь шестимесячный срок службы; запас первой очереди, в котором преобладают рядовые, прослужившие лишь шесть месяцев, и для которого имеется налицо в лучшем случае четверть необходимого числа офицеров и унтер-офицеров; запас второй очереди из людей, большей частью вовсе не служивших, и без всякого офицерского состава; и для обеих категорий запаса, само собой разумеется, полное отсутствие твердых кадров. К тому же — определенные виды на то, что недостаток офицеров при существующей организации *никогда* не сможет быть восполнен, вследствие чего обе категории запаса в случае войны окажутся не более боеспособными, чем батальоны, наспех сформированные осенью и зимой 1870 года.

А теперь взглянем на кроткую, как ягненок, Германскую империю, которая якобы совсем не имеет зубов и уж во всяком случае не оскаливает их. На 468 батальонов линейной пехоты, насчитывающих в военное время 490480 человек, мы уже указали. Но к этому присоединяются еще следующие новые формирования.

С начала 1872 г. для каждого батальона установлено дополнительно 36 рекрутов, что дает круглым числом 17000 человек в год. Далее, по истечении двухлетнего срока службы стали увольнять в отпуск добрую четверть рядового состава, а взамен их устанавливать соответственный новый набор, что дает круглым числом 28000 человек. Таким образом, всего ежегодно набирается и обучается на 45000 человек больше, чем прежде; это составит до конца 1875 г., за три года, 135000 человек, к которым следует прибавить еще 12000 одногодичных вольноопределяющихся (по 4000 в год); итого 147000 человек, то есть как раз достаточно, чтобы образовать четвертый батальон для каждого из 148 полков. Для этой цели с того же времени при всех линейных полках уже «организационно подготовлены» сверхкомплектные запасные роты, то есть уже определены строевые и запасные офицеры и унтер-офицеры, которые должны войти в эти батальоны. Эти четвертые батальоны могут, таким образом, выступить в поход самое позднее через 2—3 дня после первых трех, усилив армию на 148 батальонов по 1050 человек = 155400 человек. Но эти цифры далеко еще не выражают того прироста в мощности, который получает тем самым действующая армия. Кто видел в 1866 г. прусские четвертые батальоны, тот знает, что они состояли преимущественно из сильных, отлично сложенных людей 24—27-летнего возраста и образовали ядро армии.

Наряду с формированием четвертых батальонов, не говоря уже о егерских запасных ротах, идет своим чередом организация резервных батальонов числом 148. Они формируются из сверхкомплектных отставных резервистов и из не проходивших службы рядовых из эрзац-резерва[471]. Численность их по официальным данным равнялась в 1871 г. 188690 человек. Это надо, однако, понимать таким образом, что установленные уже в мирное время кадры офицеров и унтер-офицеров в состоянии обучить это количество рядовых, ибо один лишь эрзац-резерв, в первую очередь которого теперь ежегодно зачисляется около 45000 человек, дает для семи призывных возрастов гораздо больше указанного количества людей. Резервные батальоны являются именно тем резервуаром, из которого батальоны, участвующие в военных действиях и ослабленные боями, а еще больше — тяготами войны, получают необходимые более или менее обученные подкрепления, которые в свою очередь пополняются затем из эрзац-резерва.

Одновременно со строевыми и запасными войсками производится мобилизация ландвера. Кадры ополченцев, также установленные уже в мирное время, охватывают 287 батальонов (число которых должно быть доведено до 301). В обеих последних войнах численность батальонов ландвера была доведена лишь до 800 человек; если мы примем за основу даже эту низкую общую численность, то и тогда Германская империя выставит пехоту ландвера в 229600 человек организованных войск, причем остается еще для дальнейшего использования ежегодно увеличивающееся число сверхкомплектных.

Но это не все; вновь вызван к жизни еще и ландштурм. По официальным данным, уже в конце 1874 г. военная сила немецкой пехоты была увеличена на 234 батальона ландштурма (по 800 человек = 187200 человек), не считая егерских рот; а это может лишь означать, что кадры для этих батальонов, по крайней мере необходимый их минимум, установлены. Но численность ландштурма этим далеко еще не исчерпывается, так как, согласно торжественному заявлению Фойгтс-Реца в рейхстаге, он охватывает «пять процентов населения, два миллиона человек»[472].

Как же обстоит дело с соотношением сил?

Франция располагает линейной пехотой, включая и войска, отбывающие службу в Алжире, в количестве 530800 человек, и это — вся ее организованная пехота. Если мы причислим сюда еще и весь запас первой очереди, поскольку он обладает хоть *какой-нибудь* видимостью организации — 254600 человек (288 запасных рот по 800 человек, 30 запасных егерских рот

по 540 человек и 8000 сверхкомплектных солдат дисциплинарных частей), — то в итоге у нас получается всего 785400 человек в строю.

Германская империя выступает через одиннадцать дней после приказа о мобилизации с линейной пехотой в	490 480	человек
Спустя два-три дня выступают последующие 148 батальонов	155400	»
Спустя еще четырнадцать дней выступают 287 батальонов ландвера по 800 человек каждый	229 600	»
И спустя еще четырнадцать дней выступают 234 батальона ландштурма по 800 человек каждый	187200	»
Итого одной пехоты	1 062 680	человек,

которые уже в мирное время получили вполне законченную организацию, которые заранее обеспечены всем необходимым и имеют за собой в тылу 148 резервных батальонов численностью (см. выше) в 188690 человек для пополнения понесенного в бою урона. В целом — организованная масса пехоты в 1251370 человек.

Могут подумать, что мы преувеличиваем. Ни в коем случае. Мы все еще не даем истинной картины, пренебрегая различными мелкими факторами, которые, однако, в совокупности дают весьма солидную сумму. Доказательство налицо.

«Kolnische Zeitung» от 27 декабря 1874 г. содержит исходящее от военного министерства «Военное сообщение», из которого мы узнаем следующее. В конце 1873 г. германская армия состава военного времени насчитывала 1361400 человек, из которых

пехота составляла	994 900	человек,
В 1874 г. к этому прибавились четвертые батальоны	155400	»
и 234 батальона ландштурма	187200	»
Вся пехота	1 337500	человек,

стало быть, почти на 100000 человек больше, чем в нашем расчете. Та же статья определяет общую численность войск всех родов оружия в 1723148 человек, в том числе 39948 офицеров; а французы в противовес располагают в лучшем случае

950000 человек заранее организованных войск, в том числе 785000 пехоты!

Что касается качества этих войск, то, — допуская у обеих наций в среднем одинаковые военные способности, — качество французской армии наверное не повысилось со времени последней войны. Правительство сделало все, чтобы деморализовать войска, особенно тем, что разместило их в лагерных бараках, где зимой солдат не мог ни обучаться, ни заниматься чем-либо другим и был, так сказать, исключительно предоставлен распиванию абсента. Не хватает унтер-офицеров, численность рот недостаточна, кавалерийские полки давно не располагают достаточным количеством лошадей. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» еще 14 января подчеркивала это; тогда она еще проповедовала мир!

Но новое военное законодательство предоставляет в распоряжение французского военного министра: 704714 человек в строю, 510294 человека в резерве, 582523 человека территориальной армии и 625633 человека в ее резерве, итого 2423164 человека, которые в случае необходимости могут быть доведены до 2600000 человек! Правда, генерал Леваль, тщательно изучив относящиеся к этому документы, заявляет, что должен снизить эту цифру до 2377000 человек. Но и этого количества вполне достаточно, чтобы лишить рассудка даже наилучшего военного министра. Что ему делать, скажите на милость, с этой массой людей, почти на две трети не обученных? Откуда взять офицеров и унтер-офицеров, без которых он не может обучить этих людей, не говоря уж о том, чтобы их организовать?

В Германии дело обстоит совершенно иначе. Численность армии военного времени уже в обоснованиях имперского военного закона принимается равной 1500000 человек. Сюда добавляются, однако, в результате самого этого закона, пять призывных возрастов эрзац-резерва, для которого срок военной повинности продлен от 27 лет до полных 31 года, — 45000 человек ежегодно, — итого, стало быть, около 200000 человек. По меньшей мере 200000 человек сверхкомплектных, помимо включенных в состав военного времени, были уже заранее занесены в списки. И сюда прибавляется еще ландштурм численностью в добрых два миллиона человек, так что германский военный министр имеет в своем распоряжении 3900000, если не *четыре миллиона человек,* причем армия, как утверждает упомянутый официоз,

«даже при призыве 1800000 человек *и сверх того,* будет, не считая включенных в резервную армию рекрутов, состоять сплошь из уже служивших и в военном отношении вполне подготовленных солдат, что во

Франции, включая и резервы территориальной армии, могло бы быть достигнуто *лишь через двадцать лет»*.

Мы видим, что истинной представительницей милитаризма является не Франция, а германская империя прусской нации. Четыре миллиона солдат, десять процентов населения! Одно только замечание: нам может пойти на пользу, если вся эта система будет доведена до крайних своих пределов. И не извне, не какой-нибудь другой победоносной военной державой, а только изнутри, в результате своих собственных неизбежных последствий может быть окончательно сломлена эта система. И чем больше ее будут раздувать сверх всякой меры, тем скорее должна она рухнуть. Четыре миллиона солдат! Социал-демократия будет тоже благодарна Бисмарку, если он увеличит это число до пяти или шести миллионов, а затем при первой возможности начнет призывать и девиц.

Написано Ф. Энгельсом в апреле 1875 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 46, 23 апреля 1875 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ «О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ»*

Нижеследующие строки были написаны в связи с полемикой, в которую мне пришлось вступить с некиим г-ном Петром Никитичем Ткачевым. В одной статье, посвященной выходящему в Лондоне русскому журналу «Вперед» («Volksstaat» №№ 117 и 118, 1874), мне случилось упомянуть мимоходом имя этого господина, но упомянуть так, что это навлекло на меня его достойный гнев. Г-н Ткачев немедленно опубликовал «Открытое письмо г-ну Фридриху Энгельсу» Цюрих, 1874, в котором он наговорил обо мне множество всяких удивительных вещей, а затем в противовес моему вопиющему невежеству преподнес свое собственное мнение о положении вещей и о перспективах социальной революции в России. Как форма, так и содержание этой мазни носили обычный бакунистский отпечаток. Так как письмо появилось на немецком языке, я счел нужным ответить на него в «Volksstaat» (см. «Эмигрантская литература», гл. IV и V, «Volksstaat» № 36 и следующие, 1875). Первая часть моего ответа содержала главным образом разбор бакунистского метода литературной борьбы, состоящего попросту в том, что противнику приписывают с три короба прямого вранья. В статье, помещенной в «Volksstaat», было отведено достаточно места этой преимущественно личной части. Поэтому здесь я ее опускаю и для выходящего по желанию издательства отдельного оттиска оставляю только вторую часть, которая посвящена главным образом общественным условиям России, как они сложились с 1861 г., со времени так называемого освобождения крестьян.

---

* См. настоящий том, стр. 537—548. *Ред.*

Развитие событий в России имеет величайшее значение для немецкого рабочего класса. Существующая ныне Российская империя образует последний сильный оплот всей западноевропейской реакции. В 1848 и 1849 гг. это обнаружилось с полной ясностью. Вследствие того, что Германия уклонилась от поддержки восстания в Польше и не пошла войной на царя (как того требовала с самого начала «Neue Rheinische Zeitung»), этот царь смог в 1849 г. раздавить венгерскую революцию, которая дошла до самых ворот Вены, а в 1850 г. — учинить в Варшаве суд над Австрией, Пруссией и мелкими немецкими государствами и восстановить старый Союзный сейм. И еще совсем недавно, в начале мая 1875 г., русский царь так же, как и 25 лет тому назад, принимал от своих вассалов в Берлине присягу на верность и доказал, что он и сегодня продолжает быть арбитром Европы. Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное российское государство. Германия же — ближайший его сосед, на Германию, стало быть, обрушится первый натиск армий русской реакции. Падение русского царизма, уничтожение Российской империи является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата.

Но этого падения никоим образом нельзя вызвать извне, хотя внешняя война могла бы его очень ускорить. Внутри самой царской империи имеются элементы, которые мощно работают над ее разрушением.

Первый из них — это *поляки.* В результате столетнего угнетения они очутились в таком положении, что должны либо быть революционными, поддерживать всякое действительно революционное восстание на Западе как первый шаг к освобождению Польши, либо же погибнуть. И как раз теперь они в таком положении, что западноевропейских союзников они могут искать себе только в лагере пролетариата. В течение вот уже ста лет все буржуазные партии Запада то и дело предают их. В Германии буржуазия вообще ведет счет только с 1848 г., а с тех пор она все время была враждебна полякам. Во Франции Наполеон предал поляков в 1812 г. и вследствие этой измены проиграл кампанию, потерял корону и империю; его примеру следовали в 1830 и в 1846 гг. — буржуазное королевство, в 1848 г. — буржуазная республика, в Крымскую кампанию и в 1863 г. — Вторая империя. Каждый из них так же подло изменял полякам, как и другие. И теперь еще буржуазные радикалы, республиканцы Франции пресмыкаются перед царем для того, чтобы в награду за новое предательство интересов Польши выторговать себе союз для реванша против Пруссии, точно так же,

как немецкие имперские буржуа боготворят того же царя как покровителя европейского мира, то есть прочности немецко-прусских аннексий. Нигде не находят поляки открытой и искренней поддержки, кроме как у революционных рабочих, потому, что и те и другие одинаково заинтересованы в падении общего врага, и потому, что освобождение Польши равнозначно этому падению.

Но деятельность поляков территориально ограничена. Она ограничивается Польшей, Литвой и Украиной. Подлинное ядро Российской империи — Великороссия — остается почти совершенно исключенной из области этой деятельности. Сорок миллионов великороссов образуют слишком большой народ, и у них было слишком своеобразное развитие, чтобы им можно было навязать извне какое-либо движение. Да этого вовсе и не требуется. Правда, масса русского народа, крестьяне, столетиями, из поколения в поколение, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания, и единственной сменой, прерывавшей однообразие этого унылого состояния, были отдельные бесплодные восстания и новый гнет со стороны дворянства и правительства. Этому внеисторическому существованию само русское правительство положило конец (1861 г.) отменой крепостного права, с которой нельзя было больше медлить, и выкупом барщины — мерой, которую провели таким хитроумным способом, что она ведет большинство как крестьян, так и дворян к верному разорению. Таким образом, самые условия, в которых очутился теперь русский крестьянин, толкают его к участию в движении, которое, правда, в настоящее время лишь только возникает, но которое в силу ухудшающегося с каждым днем положения крестьянской массы неудержимо будет идти все дальше и дальше. Грозное недовольство крестьян уже теперь такой факт, с которым приходится считаться как правительству, так и всем недовольным и оппозиционным партиям.

Отсюда следует, что когда в дальнейшем речь идет о России, то под ней надо понимать не всю Российскую империю, а исключительно Великороссию, то есть область, у которой на крайнем западе находятся губернии Псковская и Смоленская, а на крайнем юге — Курская и Воронежская.

Написано Ф. Энгельсом в мае 1875 г.

Напечатано в брошюре: F. Engels. «Soziales aus Rusland». Leipzig, 1875 и в книге: F. Engels. «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—1875)». Berlin, 1894

Печатается по тексту брошюры, сверенному с изданием 1894 г.

Перевод с немецкого

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА

и

Ф. ЭНГЕЛЬСА

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕТКИ О ГЕРМАНИИ [473]

1. ВВЕДЕНИЕ. 1500—1789

1. К концу XV века Германия становится все более раздробленной, центр ее — все более слабым, в то время как Франция и Англия уже более или менее централизованы и нации складываются. В Германии это невозможно, потому что: 1) феодализм развился здесь позднее, чем в странах, переживших завоевание; 2) Германия имела в своем составе французские и славянские области и рассматривала Италию как свое достояние, а Рим как свой центр, — следовательно, не являлась комплексом *национальным;* 3) потому что, — и в этом главное, — отдельные провинции и группы провинций были еще совершенно изолированы друг от друга: никаких сношений между ними и т. д. (ср. Крестьянскую войну). Ганза, Рейнский союз городов и Швабский союз городов были представителями естественно сложившихся, но разобщенных групп.

К пункту I. Испания, Франция, Англия в конце XV века сплачиваются в национально оформленные государства. Эта консолидация имела для XV века всемирно-историческое значение. (Испания — объединение каталонской и кастильской национальностей, Португалия — иберийская Голландия — завоевала себе право на самостоятельное существование благодаря мореплаванию, Франция — благодаря династической власти королевского дома, которая постепенно втягивала нацию в свою орбиту. Англия консолидировалась в результате войны Роз, истребившей высшую знать; Англия достигла этого лишь после того, как вынуждена была отказаться от донкихотских завоевательных планов во Франции, подобных римским походам немцев, которые бы ее совершенно обескровили, как обескровили Германию

ее римские походы.) Германия, несмотря на отсутствие экономических связей, была бы все же централизована, и даже еще раньше (например, при Оттонах), если бы, во-первых, не римский императорский титул и связанные с ним притязания на мировое господство, которые сделали невозможным конституирование национального государства и привели к растрате сил в итальянских завоевательных походах (последствия сказывались в Австрии вплоть до 1866 г.!), — при этом германские интересы все время предательски нарушались; если бы, во-вторых, не выборность императора, которая никак не допускала, чтобы династическая императорская власть сделалась воплощением нации, и, напротив, постоянно приводила — особенно в решающем XV веке — к смене династии, как только власть императорского дома начинала казаться князьям чрезмерно великой. — Во Франции и Испании тоже существовала экономическая раздробленность, но там она была преодолена с помощью насилия.

«Культуркампф» императора против папы в средние века привел к раздроблению и Германии и Италии (там папская власть была препятствием национальному единству и в то же время часто выступала как бы в роли его представителя, но таким образом, что Данте, например, все же видел спасителя Италии в чужеземце-императоре); уже с 1500 г. папа в качестве князя средней руки перерезал своими владениями Италию и сделал ее объединение практически неосуществимым.

2. И все-таки — в результате естественного развития торговли, германизации славян, а также утраты французских областей и Италии — Германия могла бы срастись воедино, так как пути мировой торговли проходили через нее, если бы к этому времени не произошло двух решающих событий:

1) Немецкое бюргерство совершило свою революцию, которая, сообразно духу времени, проявилась в религиозной форме — в виде Реформации. Но как паршиво! Без имперского рыцарства и крестьянства ее невозможно было осуществить. Но препятствуют противоречивые интересы всех трех сословий: рыцари — часто грабители городов (см. Мангольд фон Эберштейн) и угнетатели крестьян; города также драли с крестьян шкуру (Ульмский городской совет и крестьяне!). Первыми восстают имперские рыцари, но, покинутые бюргерами, терпят полное поражение. За ними поднимаются крестьяне, но бюргеры *прямо выступают против них.* В то же время религиозная революция бюргеров в такой мере кастрирована, что она приходится по нраву *князьям,* к которым и переходит руководящая роль. — Специфический богословско-теоретический характер немецкой рево-

люции XVI века. Преимущественный интерес к тем вещам, которые не от мира сего. Отвлечение от убогой действительности — основа позднейшего превосходства немцев в теории, от Лейбница до Гегеля.

2) Пути мировой торговли отодвигаются от Германии, и она оказывается оттесненной в какое-то захолустье; вследствие этого подорвана сила бюргеров, dito* и Реформации.

3) В результате — cuius regio, eius religio** и фактический распад Германии на преимущественно протестантский Север, на католический по преимуществу, однако, весьма смешанный Юго-Запад и на сплошь католический Юго-Восток. В этом уже истоки порочного развития 1740—1870 гг. (Пруссия, раскол между Севером и Югом, наконец, Малая Германия и Австрия). Противоположный процесс во Франции. Подавление гугенотов (см. «Заметки», стр. 2)***.

3. Германия, оказавшись обреченной на пассивность и регресс, в промышленном отношении неизбежно подвергалась влиянию меняющихся политических обстоятельств в гораздо большей степени, чем активные и передовые в промышленном отношении страны. (Это положение следует развить в общем виде.) Раскол на два лагеря поставил междоусобную войну в порядок дня. Перечень войн до 1648 г. — сплошная междоусобная война. Французы используют обстановку, вовлекают в союзы и *оплачивают протестантских князей* и немецкие наемные войска. Кульминационный пункт — Тридцатилетняя война. Во время Тридцатилетней войны ирландцы в Германии, немцы в Ирландии — в 1693 и 1806 годах. Характеристика опустошения. Экономические, социальные, политические результаты: уступки в пользу Франции; водворение Швеции и Дании в Германии; право на вмешательство держав-гарантов; полный упадок центральной власти; право на мятеж против императора, междоусобную войну и измену отечеству, *гарантированное Европой* немецким князьям.

4. 1648—1789 годы.

а. Политическое положение Германии. Немецкие князья наживаются на Вестфальском мире, наперебой продавая себя загранице. А заграница — Франция, а также князья, — пользуется слабостью Германии, постепенно прибирает к рукам все французские владения Германии и округляет границы Эльзаса. Историческое право Франции и вой, поднятый тевтонами по поводу «разбоя». Языковая граница остается неизменной,

* — также. *Ред.*
** — чья страна, того и вера. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 577—578. *Ред.*

приблизительно с 1000 года, за исключением левовогезских районов (см. Менке). Это как общее. В частности же возвышение на севере государства, конкурирующего с Австрией и империей, — Пруссии. Начинает сказываться разделение на Север и Юг. Критика прусской истории. Фридрих II. — Возвышение России и зависимость Фридриха II от русской политики. Междоусобные войны — это теперь войны между соперниками: Австрией и Пруссией.

b. *Экономическое положение.* При всем том — *медленное избавление от последствий Тридцатилетней войны* и попытки бюргерства снова вскарабкаться наверх. В тех условиях нового подъема можно достигнуть лишь обладая *постыдными* добродетелями. Экономический прогресс возможен теперь только в результате политического вмешательства, в результате позорного поведения князей и денежных подачек, получаемых ими из-за границы. Все это показывает, какой глубокий упадок переживала Германия в экономическом отношении. Данный период — источник патриархального режима. После 1648 г. государство действительно призвано к выполнению социальных функций и принуждено к этому финансовыми затруднениями. Там, где этого не делалось, — застой (вестфальские епископства). Какая степень унижения! И как ничтожна эта государственная помощь! Отношение к мировому рынку чисто пассивное. Только в качестве *нейтральной стороны* можно было чем-либо поживиться в больших мировых войнах (американская и революционные войны до 1801 г.) — зато полное бессилие перед лицом разбойничьих государств (благодаря французской революции с этим постыдным положением Германии в Европе покончено).

c. Литература и язык в полном упадке; окостенелая догматика теологии; в области других наук Германия переживала полнейшую деградацию, однако есть и проблески света; Якоб Бёме (новый предвестник грядущих философов), Кеплер, Лейбниц. Снова абстрагирование от существующего, действительного. *Бах.*

d. Положение Германии в 1789 году. a) Сельское хозяйство — положение крестьян. Крепостная зависимость, телесные наказания, оброк. b) Промышленность — прямо в нищенском состоянии, преобладает ручной труд, а в Англии — уже начало крупной промышленности, и немецкая промышленность, не успев как следует развиться, уже обречена на гибель. c) В торговле — пассивный баланс, d) Социальное положение бюргера по отношению к дворянству и правительству. e) Политические препятствия развитию — раздробленность; описание по

Менке. Торговые пошлины, преграды для речного судоходства. Free trade* в рамках внутренних границ, навязанная раздробленностью. Пошлины — это главным образом городские налоги на предметы потребления.

Немецкие князья не способны на что-либо хорошее, даже когда они просвещены, как, например, покровители Шубарта и Карл-Август, с гораздо большей охотой готовы присоединиться к Рейнскому союзу, чем отважиться на войну. Доказательством служит вторжение 1806 г., когда нож был приставлен им к горлу. И притом каждый из этих 1000 князей — абсолютный монарх; это — грубые, невежественные негодяи, от которых нечего ждать совместных действий, зато прихотей — сколько угодно (Шлёцер). Торговля рекрутами во время американской войны. — Но наиболее позорное их преступление — *самый факт их существования.* А рядом с ними, у восточной границы — Пруссия на севере, Австрия на юге, жадно протягивающие руки к новым территориям. Это — единственные государства, которые могли бы еще спасти положение, если бы из них обоих существовало только одно. Но неизбежная конкуренция между ними исключала всякий выход. Настоящий тупик: помощь могла прийти только извне — ее принесла французская революция. Признаки жизни только в двух областях: в военном искусстве и, с другой стороны, — в литературе, философии и добросовестном, объективном научном исследовании. В то время как во Франции уже в XVIII веке преобладают политические писатели и притом политические писатели первого ранга, — в Германии все сводится к бегству из действительности в идеальные сферы. Идея *«Человека»* и развитие языка; в 1700 г. — еще варварство, 1750 г. — Лессинг и Кант, а вскоре затем — Гёте, Шиллер, Виланд, Гердер; Глюк, Гендель, Моцарт.

1789—1815

1. Немецкие enclaves** на территории Эльзас-Лотарингии и т. д., уже наполовину подпавшие под владычество Франции, присоединяются к французской революции — отсюда предлог к войне. Пруссия и Австрия *оказываются вдруг единодушными.* Вальми. Крах линейной тактики, обусловленный массовым применением артиллерии. Флёрюс и Жемапп. Крах австрийской тактики кордонов? Завоевание левого берега Рейна. Ликование крестьян и свободолюбивых городов; омрачить его

* — Свобода торговли. *Ред.*
** — владения, вкрапленные в чужую территорию. *Ред.*

не могли даже отдельные случаи вымогательства и наполеоновский налог кровью. — Амьенский мир и имперская депутация. Главные результаты: упразднение Германской империи; Рейнский союз. Наполеон выметает прочь мелкие германские государства, но чистка эта, к сожалению, далеко не достаточная. Он всегда играл революционную роль по отношению к князьям и пошел бы еще дальше, если бы мелкие князья так низко перед ним не пресмыкались. 1806 г. — ошибка Наполеона в том, что он не уничтожил Пруссию до конца. Экономическое положение Германии во время континентальной блокады. — Эта полоса наиболее унизительной внешней зависимости совпадает с блестящим периодом в области литературы и философии и с наивысшим расцветом музыки в лице Бетховена.

ИЗ ВТОРОЙ РУКОПИСИ «ЗАМЕТОК О ГЕРМАНИИ»

Во время *гугенотских войн* уважение к королевской власти как представителю нации уже настолько велико, что *лишь* заключенные королем союзы с иностранными государствами и договоры о военной помощи считаются законными и признаются общественным мнением. Все прочие лица в глазах последнего — неизменно мятежники и предатели. Всего яснее это обнаруживается после смерти Генриха III, когда Генриху IV удалось одержать окончательную победу только благодаря влиянию королевского титула.

Окончательное подавление протестантизма во Франции не было для нее бедой — teste* Бейль, Вольтер и Дидро. И в то же время его подавление в Германии было бы несчастьем не только для немцев, но также *и для всего мира.* Германии была бы навязана католическая *форма* развития романских стран; поскольку же английская форма носила также полукатолический и средневековый характер (университеты и т. п. колледжи, средние школы — все это по существу протестантские монастыри), то отпали бы все виды немецкого протестантского образования (домашнее воспитание, частные пансионы, проживающие вне университетских стен студенты, которые сами выбирают себе курс), и духовное развитие Европы сделалось бы бесконечно единообразным: Франция и Англия разрушили предрассудки *по существу,* Германия отделалась от их *формы,* от *шаблона,* и это обстоятельство является отчасти причиной бесформенности всего немецкого, что вплоть до настоящего времени сопряжено еще с большими минусами, вроде деления на мелкие государства, но в отношении способности нации к развитию представляет огромное преимущество; только в будущем это даст свои зрелые плоды, когда будет преодолена и эта, сама по себе односторонняя стадия.

* — свидетели тому. *Ред.*

К тому же *немецкий протестантизм — единственная современная форма христианства, которая достойна критики.* Католицизм уже в XVIII веке стоял *ниже всякой критики* и был просто предметом *полемики* (что за ослы все-таки эти старокатолики!); английскому протестантизму, распавшемуся на бесконечное множество сект, не было свойственно развитие теологии, разве только такое ее развитие, каждый этап которого фиксировался в виде основания новой секты. Только немец обладает теологией и в силу этого имеет объект для критики — исторической, филологической и философской. *Эта критика является продуктом Германии,* она была бы невозможна без немецкого протестантизма, и тем не менее она абсолютно необходима. С такой религией как христианство нельзя покончить *только* с помощью насмешек и нападок. Она должна быть также *преодолена научно,* то есть *объяснена исторически,* а с этой задачей не в состоянии справиться даже естествознание.

Написано Ф. Энгельсом в конце 1873 — начале 1874 г.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», т, X, 1948

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

КОНСПЕКТ КНИГИ БАКУНИНА «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ» [474]

Написано К. Марксом в 1874 —
начале 1875 г.

Впервые опубликовано в журнале
«Летописи марксизма» № II, 1926 г.

Печатается по тексту рукописи

Перевод с немецкого

БАКУНИН. «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ».

«ВВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ 1. 1873»*

(Вслед за этим на стр. 1: *«Борьба»* (Streit) в Интернациональном обществе рабочих).

«ПРЕДИСЛОВИЕ»

«В Италии, как в России, нашлось довольно значительное количество таких молодых людей, несравненно более, чем в какой-либо другой стране» (стр. 7).

«Да, может быть нигде так не близка социальная революция, как в Италии» (стр. 8).

«В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому, что в нем*, и только в нем,* отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, *заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции»* (стр. 8).

Зато у немцев наоборот: там правительство,

с одной стороны, опирается на хорошее и пр. войско, а с другой — «на *верноподданнический патриотизм,* на национальное безграничное честолюбие и на то древнее историческое, столь же безграничное послушание и богопочитание власти, которыми отличаются поныне немецкое дворянство, немецкое мещанство» (bourgeoisie), «немецкая *бюрократия,* немецкая церковь, весь цех *немецких* ученых и под их соединенным влиянием нередко, увы! *и сам немецкий народ»* (стр. 11).

«Оказывается, что Пруссия съела Германию. Значит, доколе Германия останется государством», несмотря ни на какие мнимолиберальные, конституционные, демократические «*и даже социально-демократические формы, она будет по необходимости первостепенной и главной представительницей и постоянным источником всех возможных деспотизмов в Европе»* (стр. 11).

* В данной работе все места из книги Бакунина, цитируемые Марксом по-русски, заключены в обычные кавычки (« »); там, где Маркс цитирует Бакунина в переводе на немецкий, даются другого рода кавычки („ ”). *Ред.*

С середины *XVI века — до 1815 г.* главный источник всех реакционных движений — Австрия (id est* как представительница Германии); с 1815 по 1848 г. — разделилась между Австрией и Пруссией с преобладанием первой из них (Меттерних) (стр. 12); «с *1815 года приступил к этому святому союзу чисто германской реакции, гораздо более в виде охотника, чем дельца, наш татаро-немецкий, всероссийско-императорский кнут»* (стр. 13).

Чтобы снять с себя ответственность, немцы стараются уверить себя и других, что главным зачинщиком Священного союза была Россия. „В противность немецким социальным демократам, программа которых ставит первою целью основание пангерманского государства, русские социальные революционеры стремятся прежде всего к совершенному разрушению нашего” (русского) „государства” и т. д. (стр. 13).

Ради истины, *те из желания защищать политику петербургского кабинета»* (стр. 13), Бакунин дает немцам следующий ответ. Великий человек не упоминает даже о союзе при Екатерине и о русском влиянии на Францию со времени революции до Луи-Филиппа *включительно,* не говоря уж о создании Пруссии при помощи русских со времени Петра I. Не упоминает и об ее происках совместно с Англией с начала XVIII века для порабощения Европы. Он начинает с Александра I и Николая и изображает их деятельность следующим образом:

«Александр рыскал с конца в конец и много хлопотал и шумел; Николай хмурился и грозил. Но тем все и кончилось. Они ничего не сделали... потому, что не могли, оттого, что им не позволили их же друзья, австрийские и прусские немцы; им предоставлена была лишь почетная роль пугал» (bange machen), «действовали же только Австрия, Пруссия и,» „наконец, — под руководством и с позволения той и другой — французские Бурбоны против Испании” (стр. 13, 14).

Россия только один раз выступила из своих границ — в 1849 г. для спасения Австрии от венгерской революции. Кроме того, в нынешнем веке она два раза душила польскую революцию с помощью Пруссии, столько же заинтересованной в этом, как и она сама. Разумеется, «Россия народная немыслима без польской независимости и свободы» (стр. 14).

Россия ни по уму, ни по могуществу или богатству не занимает такое преобладающее положение в Европе, чтобы голос ее был в состоянии «решать вопросы» (стр. 14).

Россия может что-нибудь сделать лишь будучи вызвана к тому какой-либо из западных держав. (Так, Фридрих II вызвал Екатерину на раздел Польши и чуть ли не Швеции.)

В отношении к революционному движению в Европе Россия, в руках прусских государственных людей, играла роль пугала, а нередко и ширм, за которыми они очень искусно скрывали свои собственные завоевательные и реакционные предприятия. После недавних побед они в этом более не нуждаются и больше этого не делают (стр. 16).

Берлин с Бисмарком — теперь видимая глава и столица реакции в Европе (стр. 16). Реакция (римско-католическая) в Риме, Версале, отчасти в Вене и Брюсселе; кнуто-реакция — в России; но живая, «умная»,

* — то есть. *Ред.*

действительно «сильная» сосредоточена в Берлине и распространяется на все страны Европы из новой германской империи и т. д. (стр. 16).

«Федеральная организация снизу вверх рабочих ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов, это единственное условие настоящей, а не фиктивной свободы, столь же противна их* существу, как не совместима с ними никакая экономическая автономия» (стр. 17).

Зато *представительная демократия (die Reprasentativ Demokratie)* соединяет два условия их успеха: «государственную централизацию и действительное подчинение государя-народа интеллектуальному управляющему им, будто бы представляющему его и непременно эксплуатирующему его меньшинству» (стр. 17).

«Суть *нашей татаро-немецкой империи»* (стр. 14).

Новая германская империя воинственна: должна завоевывать или быть завоеванной (стр. 17—18):

она «носит в себе неотвратимое стремление стать государством всемирным» (стр. 18). Гегемония — только скромное обнаружение этого стремления; условия его — бессилие и подчинение по крайней мере всех окружающих государств. Эту роль играла бывшая французская империя, теперь — немецкая, и *«германское государство, по нашему убеждению, единственное настоящее государство в Европе»* (стр. 19).

Государство (Empire, Royaume**); *государь* (souverain, monarque, empereur, roi***); государствовать (regner, dominer****); государь (souverain, empereur, monarque, roi). (По-немецки, наоборот, *Reich* первоначально не что иное, как заключенный в определенные границы участок земли (крупный или мелкий), носящий название в соответствии с народностью, населением, которому он принадлежит. Так, например, местность у Регена в Верхнем Пфальце до Фихтаха — *Фихтрайх;* Аахнеррайх; Франкрийк (в Нидерландах); Райх-фон-Нимвеген; Райх-фон-Меген; округ Трарбух на Мозеле до сих пор еще Грёверрайх, другая местность на Мозеле — Вестрих.)

«Государственная карьера» Франции покончена; кто сколько-нибудь знает характер французов, знает так же, как и мы (Бакунин), что если Франция долго могла быть *«первенствующей державою»,* то второстепенное положение, даже равносильное с другими, для нее невозможно. Она будет готовиться к новой войне, к мести, к восстановлению утраченного «первенства» (ersten Rangs) (стр. 19). Но сможет ли она достигнуть его? Решительно нет. Последние события доказали, что *патриотизм,* эта *«высшая государственная добродетель»* (diese hochste Reichstugend) более не существует во Франции (стр. 19). Патриотизм высших классов***** — только лишь тщеславие, которым, однако, как то показала последняя война, они жертвуют ради своих реальных интересов. Столь же мало патриотизма высказало и сельское население Франции. Крестьянин, с тех пор как

* — современного капиталистического производства и банковской спекуляции. *Ред.*
** — империя, королевство. *Ред.*
*** — суверен, монарх, император, король. *Ред.*
**** — царствовать, господствовать. *Ред.*
***** у Бакунина: «высших сословий». *Ред.*

стал собственником, перестал быть патриотом. Только в Эльзасе и Лотарингии, как бы на смех немцам, проявился французский патриотизм. Патриотизм сохранился только *в городском пролетариате.* За это именно на него обрушилась ненависть имущих классов. Но это не патриоты в собственном смысле слова, ибо относятся по-социалистически (по-братски к рабочим всех других стран) и стали вооружаться не против народа германского, а против германского военного деспотизма (стр. 20—22). Война началась только четыре года спустя после первого конгресса в Женеве, и интернациональная пропаганда пробудила *«особливо»* среди рабочих *«латинского племени»* новое антипатриотическое миросозерцание (стр. 22). Оно высказалось также в *1868 г.* на митинге в *Вене* в ответ на целый ряд политических и патриотических «предложений», „сделанных южногерманскими буржуазными демократами. Рабочие ответили им, что те их эксплуатируют, вечно обманывают и угнетают и что все рабочие всех стран — их братья. Интернациональный лагерь рабочих — единственное их отечество; интернациональный мир эксплуататоров — единственные их враги" (стр. 22, 23). В доказательство послали телеграмму к парижским братьям, как пионерам «всемирно-рабочего освобождения» (стр. 23). Ответ этот наделал много шуму в Германии; перепугал всех бюргеров-демократов, в том числе и Иоганна Якоби, и „оскорбил не только их патриотические чувства, но и «государственную веру» (den staatsreichlichen Glauben) школы Лассаля и Маркса. Вероятно по совету последнего г-н Либкнехт, в настоящее время один из глав социальных демократов Германии, но тогда еще член бюргерско-демократической партии (покойной Народной партии), тотчас отправился из Лейпцига в Вену для «переговоров» (zur Verhandlung) с венскими работниками о *политической бестактности,* которая дала повод к такому скандалу. Должно отдать ему справедливость, он действовал так успешно, что несколько месяцев спустя, а именно в августе 1868 г., на Нюрнбергском съезде германских работников все представители австрийского пролетариата без всякого протеста подписали узкую патриотическую программу социал-демократической партии" (стр. 23, 24). Это обнаружило „глубокое различие, существующее между политическим направлением предводителей, более или менее ученых и буржуазных, этой партии и собственным революционным инстинктом *германского или, по крайней мере, австрийского пролетариата".* Правда, в Германии и в Австрии этот инстинкт мало развился с 1868 г., зато великолепно развился в Бельгии, Италии, Испании и особенно во Франции (стр. 24). Французские рабочие сознают, что они в качестве социалистов и революционеров работают для целого мира (стр. 25), „и больше для мира, чем для себя" (стр. 25). «Эта мечта» (dieser Traum) „стала природой французского пролетариата и выгнала из его воображения и сердца последние остатки государственного патриотизма" (стр. 26). Французский пролетариат, призывая к оружию, был убежден, что он борется столько же за свободу и права немецкого пролетария, сколько и за свои собственные (стр. 26). „Они боролись не за величие и за почести, а за победу над ненавистной «военной силой», служившей в руках буржуазии орудием их порабощения. Они ненавидели немецкие войска не потому, что они немецкие, а потому, что они войска" (стр. 26). Восстание Парижской Коммуны против версальского Национального собрания и *против спасителя отечества — Тьера...* обнаруживает вполне ту единственную страсть, которая ныне двигает французский пролетариат, для которого и т. д. существует еще лишь война социально-революционная (стр. 27). Обуреваемые социально-революционной страстью, „они *провозгласили окончательное разрушение французского государства, расторжение государственного единства Франции, несовместимого с автономией французских коммун* (общин). Немцы только уменьшили границы и «силу» (die

Macht) их политического отечества, а они захотели совсем его «убить» (umbringen, erschlagen) и как бы для обнаружения этой изменнической цели свалили в прах Вандомскую колонну, этот величественный памятник французской славы” (стр. 27).

«Итак, государство с одной стороны, социальная революция — с другой» (стр. 29). Борьба эта решительнее всего во Франции; уже я среди крестьян, по крайней мере в Южной Франции (стр. 30). „И вот это враждебное противоположение двух отныне непримиримых миров составляет *вторую* причину, по которой для Франции невозможно сделаться вновь первостепенным, преобладающим” «государством» (стр. 30). Версальская биржа, буржуазия и пр. потеряли голову, когда Тьер объявил об эвакуации прусских войск (стр. 31). «Значит, странный патриотизм французской буржуазии ищет своего спасения в позорном покорении отечества» (стр. 31).

„Симпатии, высказываемые ныне так ясно французскими работниками к испанской революции, *особенно в Южной Франции,* где обнаруживается явное стремление пролетариата к братскому соединению с испанским пролетариатом и *даже к образованию с ним «народной» федерации,* основанной на освобожденном труде и коллективной собственности”.

Народ — Volk, Nation *(natio,* nasci[*]), нечто прирожденное, рождение.

— „наперекор всем национальным различиям и государственным границам, эти симпатии и стремления, говорю я, доказывают, что собственно для французского пролетариата так же, как и для привилегированных классов, время государственного патриотизма прошло” (стр. 32).

«Где же такому старому, неизлечимо больному государству» (как Франция) «бороться с юным и до сих пор еще здоровым государством германским» (стр. 33). Ни одна форма государства, будь то даже социально-демократическая республика, не в силах дать народу того, что ему надо, „то есть свободной («вольной» — frei[**], но также и необузданной) организации своих собственных интересов «снизу вверх» (von unten nach oben) без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое такое «государство» (Reichsherrschaft[***]), даже самое республиканское и самое демократическое, даже «мнимо-народное государство» (der sogenannte Volksstaat), «задуманное г-ном Марксом, в сущности своей» не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ” (стр. 34, 35).

Итак, поскольку имущие классы не в силах дать удовлетворения народным страстям и народным требованиям, им только остается одно средство «государственное насилие» (Reichs-Gewalttatigkeit), одним словом, *«государство»,* потому что *«государство»* именно и значит *«насилие»* (violence, vehemence, force[****]), *«господство посредством насилия,* замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного» и т. д. (стр. 35).

[*] — род, рождаться. *Ред.*
[**] — свободной. *Ред.*
[***] — государственность. *Ред.*
[****] — насилие, неистовство, сила. *Ред.*

Тут Гамбетта не поможет; отчаянная борьба между буржуазией и пролетариатом (во Франции) „потребует употребления всех государственных (правительственных) средств и сил, так что для удержания за собой внешнего преобладания между европейскими государствами у французского государства не останется ни средств, ни сил". «Куда же ему тягаться с империей Бисмарка!» (стр. 37). Франция должна будет подчиниться верховному руководству, дружески-попечительному влиянию Германской империи точно так, как итальянское государство подчинялось политике французского (стр. 37, 38).

Англия: влияние весьма уменьшившееся. Характерна следующая фраза:

«Еще тридцать лет тому назад оно не перенесло бы так спокойно *ни завоевания рейнских провинций немцами,* ни восстановления русского преобладания на Черном море, ни похода русских в Хиву» (стр. 39). Причина этой уступчивости и т. д. — борьба рабочего мира с миром эксплуатирующей, политически господствующей буржуазии (стр. 39). Там социальная революция близится и т. д. (там же).

Испания и Италия, и говорить нечего, никогда не сделаются грозными и сильными государствами — не потому, чтобы у них не было материальных средств, а потому, что «народный дух» влечет их к совершенно иным целям (стр. 39).

Кстати: Испания вновь пробудилась во время народной войны против Наполеона, которая сама была делом невежественных масс. Ничего подобного не было в Германии в 1812 и в 1813 годах: восстают только после неудачи Наполеона в России. Исключение — только Тироль (стр. 40, 41).

Между прочим:

«Мы видели, что обладания собственностью было достаточно, чтобы развратить французское крестьянство и убить в нем последнюю искру патриотизма» (стр. 42). В Германии (1812—1813) юные граждане, или, точнее, «верноподданные» (treuuntertan), возбужденные философами и поэтами, вооружились для защиты и восстановления германского государства, потому что именно в это время и пробудилась в Германии идея о государстве пангерманском. Между тем испанский народ встал «поголовно» (individuell), чтобы вновь «отстоять» (verteidigen) против жестокого и могучего поработителя свободу «родины» и самостоятельность «народной жизни» (стр. 43). С тех пор в Испании напрасно перепробованы все формы правительства — деспотического, конституционного, консервативно-республиканского и пр.; даже форма мелкобуржуазной федеральной республики вроде Швейцарской (стр. 43).

„Испанией овладел не на шутку черт революционного социализма. Андалузские и эстремадурские крестьяне, не спрашиваясь никого и не ожидая ничьих указаний, захватили земли прежних землевладельцев. Каталония, и в особенности Барселона, громко заявляют свою независимость, свою автономию. Мадридский народ провозглашает федеральную республику и не соглашается подчинить революцию будущим указам учредительного собрания. Даже на севере, находящемся в руках карлистов, совершается явно социальная революция: провозглашаются «фуэросы» (fueros), независимость областей и общин, сжигаются все судебные и гражданские акты; войско во всей Испании братается с народом и гонит своих офицеров. Началось всеобщее, публичное и частное банкротство —

первое условие социально-экономической революции" (стр. 44). „Нет более ни финансов, ни войска, ни суда, ни полиции; нет государственной силы, нет *«государства»,* остается могучий, «свежий» (frische) народ, одержимый ныне единою социально-революционною страстью. Под коллективным руководством Интернационала и Альянса социальных революционеров он сплачивает и организует свою силу и т. д." (стр. 44).

В итальянском народе сохранилась только одна живая традиция абсолютной автономии не только «областей» (Provinz, Kreis, District), но и «общин» (der Gemeinden). К этому «единственному политическому понятию», существующему собственно в «народе», присоединяется историко-этнографическая «разнородность областей», говорящих на диалектах столь различных, что люди одной «области» (тоже означает en passant* — власть, сила) с трудом понимают, а иногда и вовсе не понимают людей других «областей»; однако Италия «общественно» не разъединена. Напротив, есть «общий итальянский характер и тип», по которым итальянцев можно отличить от людей всякого другого племени, даже южного (стр. 45). Разрушение новейшего итальянского «государства» будет иметь непременно результатом «вольно-общественное соединение» (стр. 46). Все это относится только к «народным массам».

Наоборот,

в «высших слоях» итальянской буржуазии, так же, как и в других странах, «с единством государственным создалось и теперь развивается все более и более *социальное единство класса* привилегированных эксплуататоров народного труда. Этот класс обозначается теперь в Италии общим именем консортерий... — весь» официальный мир, бюрократический и военный, полицейский и судебный; крупные землевладельцы, промышленники, купцы и банкиры; вся официальная и официозная адвокатура и литература, весь парламент (стр. 46).

Однако даже *нищета* (нужда) самая ужасная, даже когда она поражает «многомиллионный» пролетариат, не есть еще достаточный «залог» (Pfand) для революции... Когда человек (толпа) доведен до *отчаяния,* возмущение его становится уже более возможным... В отчаянии даже немец перестает быть резонером, но для того, чтобы довести его до отчаяния, требуется чрезвычайно много... И «нищета», и «отчаяние» способны лишь произвести личные, много — местные *«бунты»,* но недостаточны, чтобы охватить «целые народные массы». Для этого требуется *«общенародный идеал»,* вырабатывающийся «всегда» исторически из «глубины народного инстинкта». Да еще «вера» (Glauben) в свое право, «можно сказать, религиозная вера в это право».

Последнее, вместе с бедностью и отчаянием, составляет верный рецепт социальной революции (стр. 47, 48).

„Именно в таком положении находится итальянский народ" (стр. 48).

Именно Интернационал (сиречь Альянс!), особенно в течение последних двух лет (1872 и 1873), весьма успешно действовал в Италии в качестве повивальной бабки этого идеала.

---

* — кстати сказать. *Ред.*

«Она* указала ему цель, которую он должен осуществить, и вместе с тем открыла ему пути и средства для организации народной силы» (стр. 48).

„Замечательно, что в Италии, равно как и в Испании, решительно не посчастливилось (не повезло) «государственно-коммунистической программе Маркса», а напротив, там приняли широко и страстно *программу «пресловутого»* (Weltberuhmten) Альянса или *«Союза социальных революционеров»,* объявившую беспощадную войну всякому” «господству, правительственной опеке, начальству и авторитету» (стр. 49).

„При этих условиях народ может освободиться, построить свою собственную жизнь на «самой широкой воле» всех и каждого, но отнюдь не грозить свободе других народов” (стр. 49).

Итак, поскольку Италия и Испания признают программу Альянса, то они-де близки к социальной революции и с их стороны не приходится опасаться *завоевательной политики* (стр. 49).

«Маленькие государства — Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция”, «именно по тем же причинам» (стало быть, именно потому, что они приняли программу Альянса!),

„но главным образом”, никому не грозя, вследствие своей „политической незначительности” (стр. 49), а, напротив, имеют много причин „опасаться завоеваний со стороны новой германской империи” (стр. 50).

Австрия — неизлечимый больной. Разделена на два государства: *мадьяро-славянское* и *германо-славянское (стр.* 50). В последнем хотят владычествовать немцы.

„Немцы, «государственники» и бюрократы, можно сказать, от природы, опирают свои претензии на своем историческом праве, то есть на праве завоевания и «давности», с одной стороны, а с другой — на мнимом превосходстве своей культуры” (стр. 52). В последние годы немцы принуждены признать за мадьярами право на самостоятельное «существование». «Из всех племен», населяющих австрийскую империю, мадьяры после немцев «самый государственный народ» (стр. 52); они заявляют свое историческое право на господство над всеми остальными племенами, населяющими вместе с ними венгерское королевство, несмотря на то, что сами составляют немного более третьей части населения (а именно 5500000 мадьяр, 5000000 славян, 2700000 румын, 1800000 евреев и немцев, около 500000 других «племен», всего 15500000) (там же). Таким образом, Австро-Венгерская империя делится на две части: цислейтанскую славяно-немецкую с населением в 20500000 (7200000 немцев и евреев, 11500000 славян, около 1800000 итальянцев и других «племен») и мадьяро-славяно-румыно-немецкую (стр. 53).

В Венгрии

„большинство населения, подчиненное мадьярам, не любит их, против воли несет их иго, отсюда беспрерывная борьба” (стр. 53). Мадьяры боятся восстания румын и славян. Отсюда тайный союз с *Бисмарком,* который, „предвидя неизбежную войну против Австрийской империи, обреченной на гибель, «заигрывает» с мадьярами” (стр. 54).

В *цислейтанской* империи дело обстоит не лучше.

* — пропаганда Интернационала. *Ред.*

Там немцы хотят управлять над славянским большинством. „Немцы ненавидят славян, как господа ненавидят обыкновенно своих рабов” (стр. 54), боятся их освобождения и т. д. „Как все завоеватели чужой земли и покорители чужого народа, немцы в одно и то же время совершенно «несправедливо» и ненавидят и презирают славян” (там же). Прусские немцы упрекают австрийское правительство главным образом в том, что оно неспособно онемечить славян. „Это, по их убеждению, да и в самом деле, составляет величайшее преступление против общенемецких патриотических интересов, против *пангерманизма”* (стр. 55) (подчеркнуто у Бакунина). В противовес этому пангерманизму австрийские славяне, за исключением поляков, выставили *панславизм,* такую же „отвратительнейшую нелепость”, „свободопротивный и народоубийственный идеал” (стр. 55).

К этому месту дано примечание, в котором г-н Бакунин грозится рассмотреть этот вопрос подробнее; здесь же он лишь призывает русскую революционную молодежь противодействовать этому: он признает, что русские агенты действуют в этом направлении среди австрийских славян, уверяя их, что царь *намерен освободить их страну от германского ига,* и „это в то самое время, когда петербургский кабинет «явным образом» продает и предает Бисмарку всю Богемию с Моравией в вознаграждение за обещанную помощь на Востоке”.

Каким же образом случилось, что в австрийско-славянских землях имеется целый класс образованных и т. д. людей, которые ждут со стороны русских либо освобождения, либо даже *„создания великого царства славянского под державой русского царя?”* (стр. 57).

Это только показывает, „до какой степени эта проклятая немецкая цивилизация, по существу своему *«буржуазная»* и потому *«государственная»,* успела проникнуть в души даже патриотов славянских... они остаются вполне немцами, хотя цель, к которой они стремятся, антинемецкая; немецкими путями и средствами они хотят, думают освободить славян из-под немецкого ига. По своему немецкому воспитанию они не понимают другого способа освобождения, как посредством образования славянских государств или единого могущественного славянского государства. Они ставят себе, таким образом, и цель совершенно немецкую, потому что «новейшее государство», централистическое, бюрократическое, полицейско-солдатское, вроде, например, новой германской или «всероссийской» империи, есть «создание» чисто немецкое; в России оно было прежде с примесью татарского элемента, «но за татарскою любезностью, право, и в Германии теперь дело не станет»” (стр. 57).

„По всей своей природе, по всему существу своему славяне решительно племя не политическое, то есть не «государственное». Напрасно чехи «поминают» (erwahnen) свое великое царство Моравское, а сербы — царство Душана. Все это — эфемерные явления или древние басни. Верно то, что ни одно славянское племя само собой не создало «государства»” (стр. 57).

Польская монархия-республика:

основана под двойным влиянием германизма и латинизма, после того как славянский народ *(«холоп»* — Leibeigener, Knecht[*]) был совершенно

[*] — крепостной, слуга. *Ред.*

порабощен шляхтой, которая, по мнению многих польских историков, например *«Мицкевича»,* не была славянского происхождения (стр. 58).

Богемское государство (чешское):

склеено по образу и подобию немецкого, под открытым влиянием немцев, и поэтому так рано стало органической частью германской империи.

Русская империя:

татарский кнут, византийское «благословение» (Segen) и немецкое чиновно-военное и полицейское просвещение (стр. 58).

„Итак, несомненно, что славяне никогда своею собственной инициативой «государства» не слагали... потому что никогда не были завоевательным племенем. Только народы завоевательные создают «государство», и создают его непременно себе на пользу, в ущерб покоренным народам". Славяне были совсем мирными земледельческими племенами, жили отдельно и независимо в своих общинах, управляемых («управлять» означает также regieren*) по патриархальному обычаю «стариками» на основании «выборного начала», общинной собственности на землю, без дворянства, без особой касты жрецов, были все равны между собою, „осуществляя в патриархальном и, следовательно, в несовершенном виде идею человеческого братства". Никакой политической связи между общинами, только связь для защиты от иноземных нашествий; никакого славянского «государства», зато связь общественная, братская между всеми славянскими племенами, в высшей степени гостеприимными (стр. 58, 59). „При такой организации они были беззащитными против нападений и захватов воинственных племен, особенно германцев, стремившихся распространить повсюду свое господство" (стр. 59). „Славяне отчасти истреблены, большею же частью покорены турками, татарами, мадьярами, а главным образом немцами" (стр. 59). „Со второй половины X века начинается мученическая, но также и героическая история их рабства" (стр. 59).

„К *несчастью для Польши,* ее *«руководящие партии»* (seine leitenden Parteien), до сих пор еще преимущественно шляхетские, не отказались еще от своей «государственной» программы, и вместо того, чтобы искать освобождения и «обновления» своей «родины» в социальной революции, повинуясь древним предрассудкам, ищут их то в покровительстве какого-нибудь Наполеона, то в союзе с иезуитами и австрийскими феодалами" (стр. 61).

В нашем веке пробудились также и западные, и южные славяне; средоточием первых является Богемия, а вторых — Сербия (стр. 61, 62).

Последнее выражение «государства» — *пангерманская империя:* „его дни сочтены, и от падения его все народы ждут своего окончательного избавления... Неужели славянам стало завидно, что немцы заслужили ненависть всех остальных народов Европы!" (стр. 63).

Англия для этого человека, политикана из кафе, не существует, — Англия, эта истинная вершина буржуазного общества в Европе.

Либо никакого славянского «государства», либо же одно громадное, всепоглощающее панславистское, «кнутовое, С.-Петербургское» (стр. 64, 65).

Пангерманской централизации невозможно также противопоставить *панславянскую федерацию* вроде Соединенных Штатов (стр. 66). Федерация

* — править. *Ред.*

в Северной Америке возможна только потому, что на американском континенте в соседстве с великой республикой нет ни одного могучего «государства» вроде России, Германии или Франции. Итак, чтобы противодействовать на «государственном» или политическом поприще торжествующему пангерманизму, остается одно только средство — создать *панславянское «государство».*

Общее славянское рабство под «всероссийским кнутом» (стр. 67). Но и это невозможно. В Европе количественно почти на одну треть больше славян, чем немцев. Несмотря на это никогда панславянское государство не сравняется могуществом и настоящею «государственно-военной» силой с империей пангерманской. Почему? „Потому что в немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть «государственного» порядка и «государственной» дисциплины"; у славян же наоборот: „поэтому, чтобы дисциплинировать их, надо держать их под палкой, в то время как всякий немец с «убеждением» (auf Uberredung) свободно съел бы палку. Его свобода состоит именно в том, что он «вымуштрован» и «охотно преклоняется» перед всяким начальством. Притом немцы — народ серьезный и работящий; они учены, бережливы, «нарядливы, отчетливы и расчетливы», что не мешает им, когда надо, а именно, когда того хочет начальство, отлично драться. Они доказали это в последних войнах. К тому же их военная и административная организация доведена до наивозможнейшей степени совершенства, степени, которой никакой другой народ никогда не достигнет. Так вообразимо ли состязаться с ними на поле «государственности»?" (стр. 68, 69).

„Немцы ищут жизни и свободы своей в «государстве»: для славян же «государство» — гроб. Они ищут своего освобождения вне «государства», не только в борьбе против немецкого «государства», но во «всенародном бунте» против всякого «государства», в социальной революции" (стр. 69). „Но «государства» сами не валятся; их может только повалить всенародная и всеплеменная, интернациональная социальная революция" (стр. 69).

Противогосударственная природа, составлявшая до сих пор их* слабость, теперь, наоборот, для нынешнего народного движения составляет их силу (стр. 69).

Приближается время полного освобождения «чернорабочих масс» и „их вольной общественной организации «снизу вверх» без всякого «правительственного» (dirigierende, regierungsmassige) вмешательства, при помощи *вольных экономических,* «народных» (dem Volk gehorig, offentlich) «союзов» (Verbindung, Allianz, Koalition, Bundnis), «помимо» всех старых государственных границ и всех национальных различий, на одном основании производительного труда, общечеловеческого и вполне солидарного при всем своем разнообразии" (стр. 70).

„Национальность не есть общечеловеческое начало, а есть исторический, местный факт, имеющий несомненное право, как все «действительные» и безвредные факты, на общее «признание». Всякий народ или даже «народец» имеет свой особый характер, свою манеру, составляющие «именно» (grade) суть национальности, суть результата всей исторической жизни и всех условий жизни национальности. Всякий народ точно так же, как и всякое лицо, есть «поневоле» то, что он есть, и имеет несомненное право быть самим собой". Отсюда вытекает все так называемое «национальное право» (стр. 70).

* — славян. *Ред.*

Но из этого не следует, чтобы один выставлял свою национальность. другой свою индивидуальность, как «особые» начала. „Чем меньше они думают о себе и чем более «проникаются» общечеловеческим «содержанием», тем более оживотворяется и получает смысл национальность одного и индивидуальность другого” (стр. 71). Так и славяне только тогда завоюют «свое законное место» в истории и в свободном братстве народов, когда они проникнутся вместе с другими мировыми интересами (стр. 71).

„В Германии реформация очень скоро утратила характер «бунта», несвойственного немецкому темпераменту, и приняла вид «мирной государственной» реформы, послужившей немедленно основанием для «самого правильного», систематического, ученого государственного деспотизма. Во Франции после долгой и кровавой борьбы, послужившей не мало к развитию свободной мысли в этой стране, они (стремления к реформе) были раздавлены торжествующим католицизмом. В Голландии, в Англии, а вслед за тем и в Соединенных Штатах Америки они создали новую цивилизацию, по *сущности своей «антигосударственную»,* но «буржуазно-экономическую» и либеральную” (стр. 72).

Это место очень характерно для Бакунина; подлинно капиталистическое государство для пего антиправительственно; во-вторых, различие в развитии Германии, с одной стороны, Голландии и Англии — с другой, он выводит не из изменившихся условий мировой торговли, а и т. д.

Религиозная Реформация породила в цивилизованном человечестве два главных направления:

— недурно тоже, что Возрождение он рассматривает только sub specie* религии —

экономическое и *либерально-«буржуазное»* — особенно Англия, а затем и Америка, — „и деспотически-«*государственное*», по сущности своей также «буржуазное»

— слово burgerlich служит ему как для капитализма, так и для средневекового мещанства в Германии —

и *протестантское,* хотя и смешанное с дворянским католическим элементом, впрочем, вполне подчинившимся «государству». Главными представителями этого направления были Франция и Германия —- сначала австрийская, потом прусская” (стр. 73). Французская революция основала новый общечеловеческий интерес, идеал полнейшей человеческой свободы, но только *исключительно на политическом поприще;* противоречие, неосуществимость политической свободы; свобода в «государстве» — ложь. Породила два главных направления. Систематическая эксплуатация пролетариата и обогащение меньшинства. На этой эксплуатации народа одна партия хочет основать демократическую республику, другая, более последовательная, — монархический, то есть откровенный «государственный» деспотизм (стр. 73).

Против всех этих стремлений — новое направление, „прямо ведущее” ... к Бакунину (стр. 74).

* — под углом зрения. *Ред.*

Итак, славянский пролетариат должен войти целой массой в Международное Товарищество Рабочих (стр. 75). „Мы уже имели случай упомянуть о великолепном заявлении интернационального братства венскими работниками в 1868 г.” (стр. 75) против пангерманской программы. Но австрийские рабочие не сделали необходимых дальнейших шагов, „потому что были остановлены (удержаны) на первом шагу германо-патриотической пропагандой г-на Либкнехта и других социальных демократов, приехавших вместе с ним в Вену, кажется, в июле 1868 г., именно с целью отвлечь (совратить) верный социальный инстинкт австрийских работников с пути интернациональной революции и направить его к политической агитации в пользу основания «государства», называемого ими *«народным» (Volksstaat),* разумеется, пангерманского, — одним словом, для осуществления патриотического идеала князя Бисмарка, только на социально-демократической почве и посредством так называемой легальной «народной агитации»” (стр. 76).

„Для славян это значило бы подчиниться добровольно немецкому игу, а это «противно» всякому славянскому сердцу (стр. 77). Вследствие того мы не только не станем уговаривать братьев славян вступить в ряды социал-демократической партии немецких рабочих, руководимых диктаторской властью гг. Маркса и Энгельса, а за ними — гг. Бебеля, Либкнехта и нескольких литераторствующих евреев; мы, напротив, должны употребить все усилия, чтобы отвратить славянский пролетариат от самоубийственного «вступления» в «союз» с этой партией, отнюдь не «народной», но по своему направлению, по целям и средствам чисто *«буржуазной»* и к тому же исключительно немецкой, то есть «славяно-убийственной»” (стр. 77).

Славянский пролетариат не только не должен вступать в союз с этой партией, но должен держаться от нее подальше, зато тем теснее примкнуть к Международному Товариществу Рабочих. Отнюдь не должно смешивать немецкую партию социал-демократов с Интернационалом (стр. 77). Политически-патриотическая программа первой не имеет почти ничего общего с программой последнего, наоборот, совершенно противоположна ей. На Гаагском конгрессе марксисты пробовали навязать ее всему Интернационалу. Но эта попытка вызвала всеобщий громкий протест со стороны Италии, Испании, части Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии, Англии, даже отчасти Соединенных Штатов Америки, так что всему свету стало ясно, что немецкой программы, кроме немцев, не хочет никто (стр. 78).

Славянский пролетариат должен войти массами в Интернационал, образовать секции, а если окажется нужным, то и «общеславянскую федерацию» (стр. 78).

Сербия, «Сербское княжество»: после освобождения от турок сербы основали «государство», иго которого тяжелее турецкого (стр. 79). Отдано жертвой бюрократическому «грабежу» и деспотизму (там же). В турецкой Сербии нет ни дворянства, ни очень больших земельных собственников, ни промышленников, ни чрезвычайно богатых купцов; образовалась новая бюрократическая аристократия, большей частью воспитанная на казенный счет в Одессе, Москве, Петербурге, Вене, в Германии, Швейцарии, в Париже (стр. 79).

Болгары знать ничего не хотят о сербском «душановском царстве»; точно так же «хорваты» и «черногорцы» и боснийские сербы. Для всех этих стран есть лишь один путь к спасению и объединению — социальная революция, но «никак не государственная *война»,* которая может привести только к их покорению Россией или Австрией или обеими вместе (стр. 86).

В чешской Богемии, к счастью, царство и венец Венцеслава еще не восстановлены; венское начальство обращается с ней как с простой провинцией, не пользующейся даже привилегиями какой-нибудь Галиции, а между тем в Богемии столько же политических партий, сколько их в любезном* славянском «государстве». „Да, этот проклятый немецкий дух политиканства и «государственности» так проник в образование чешского юношества, что оно подвергается серьезной опасности «утратить» вконец возможность «понимать свой народ»” (стр. 86). „Во всех австрийских городах, где славянское население смешано с немецким, славянские работники принимают самое энергическое участие во всех общих заявлениях пролетариата. Но в этих городах не существует почти других рабочих ассоциаций, кроме тех, которые признали программу социал-демократии Германии, так что на деле славянские работники, увлеченные своим социально-революционным инстинктом, вербуются в партию, прямая и громко признанная цель которой — создание пангерманского «государства», то есть огромной немецкой” «тюрьмы» (стр. 88).

Им надлежит признать программу руководимого Бакуниным Интернационала (стр. 89) (в качестве специального вербовочного бюро рекомендуется (стр. 89, примечание) *славянская секция* в Цюрихе, принадлежащая к Юрской федерации).

Австрия (заключение).

Империя существует еще только благодаря расчетливому долготерпению Пруссии и России, не желающих пока приступить к ее разделу, потому что каждая из них надеется при удобном случае захватить кусок побольше.

Россия:

„Полезная конституция для народа может быть только одна — разрушение (русской) империи” (стр. 96).

Обладает ли она военной силой, чтобы состязаться с новой германской империей? Только в этом в настоящее время политический вопрос в России (там же). „Вопрос этот... поставлен с неотвратимой необходимостью новым положением Германии, которая «за одну ночь (uber Nacht) выросла в огромное и всесильное государство». Но вся история свидетельствует, и рациональная логика подтверждает, что два равносильных государства не могут одновременно существовать рядом. Одно из них должно покорить себе другое” (стр. 97). Это необходимо для Германии. „После долгого, долгого политического унижения она вдруг стала могущественнейшей державою на континенте Европы. Может ли она терпеть, чтобы рядом, так сказать, у самого ее носа, стояла держава, вполне от нее независимая, ею еще не побежденная и смеющая равняться с нею; к тому же еще держава русская, «самая ненавистная»!” (стр. 97).

„Мы думаем, что мало русских, которые не знали бы, до какой степени немцы, все немцы, а главным образом немецкие буржуа, и под их влиянием, увы! и сам немецкий народ, ненавидят Россию” (стр. 97). Эта ненависть — одна из сильнейших национальных немецких страстей (стр. 98).

* У Бакунина: «в любом». *Ред.*

Вначале — почтенная ненависть немецкой цивилизации к татарскому варварству (стр. 98). В 20-х годах протест политического либерализма против политического деспотизма (там же). Они возложили всю ответственность за Священный союз на Россию (там же). В начале 30-х годов симпатии к полякам, ненависть к русским, как усмирителям польского восстания (там же). Опять позабыли, что Пруссия помогала при усмирении Польши; Пруссия помогала, потому что с победой поляков вся прусская Польша восстала бы, что „убило бы в корне «возникавшее могущество» прусской монархии" (там же).

Во второй половине 30-х годов — новая причина для ненависти против России, придавшая этой ненависти политически-национальный характер, — поднялся славянский вопрос: образование в Австрии и в Турции славянской партии, надеявшейся и ожидавшей помощи из России. Панславянская республиканская федерация — к ней стремились декабристы (Пестель, Муравьев-Апостол и пр.). Николай перенял эту мысль, но в виде панславистского, единого и самодержавного «государства» под его железным скипетром. В начале 30-х и 40-х годов стали отправляться из Петербурга и Москвы русские агенты в славянские земли, одни официально, другие добровольно и бесплатно; последние принадлежали к московскому обществу славянофилов. Среди южных и западных славян распространялась панславистская пропаганда. Много брошюр, отчасти написанных по-немецки, отчасти переводных. Испуг пангерманской публики. *Богемия — русская!* Это лишило их аппетита и сна (стр. 99). С тех пор — величайшая ненависть к России; русские, со своей стороны, не любят немцев. Возможно ли при этих условиях соседство двух государств, «всероссийской» и пангерманской империй? (стр. 100). Однако причины для соблюдения мира были, да и теперь еще существуют для обеих. *Во-первых: Польша* (там же). Австрия — не за раздел и т. д. Для нее Польша — защита от России и Пруссии. *Во-вторых: Австрия,* которую они желают поделить. Раздел Австрии разъединит их, но ничто до этого раздела (стр. 100—102). *В-третьих: новая германская империя,* ненавидимая всеми, не имеет никаких союзников, кроме России, разве что *Соединенные Штаты.* Остается еще много сделать для реализации идеи пангерманского государства: отнять у французов всю Лотарингию, проглотить Бельгию, Голландию, Швейцарию, Данию, Скандинавский полуостров, русские прибалтийские провинции, чтобы одной владычествовать над Балтийским морем. Она оставляет Венгрию мадьярам, Галицию с австрийской Буковиной русским, захватывая для себя всю Австрию до Триеста (включительно) и Богемию, которую русский кабинет и не думает оспаривать... „Мы" (Бакунин) *„положительно знаем, что насчет более или менее отдаленного деления австрийской империи уже давно ведутся тайные переговоры, между дворами петербургским и германским",* причем они, разумеется, стараются взаимно надуть друг друга. Прусско-германская империя одна не способна осуществить эти широкие планы: *„поэтому союз с Россией составляет и будет еще долго составлять «насущную необходимость»".* То же и для *России. „Завоевания во все стороны и во что бы то ни стало — нормальное условие жизни Российской империи".* Но в какую же сторону? На запад или на восток? Западный путь — *панславистский* и *союз с Францией* против *соединенных военных сил Пруссии и Австрии,* при вероятном нейтралитете *Англии* и *Соединенных Штатов.* Другой (восточный) путь ведет в *Индию, Персию, Константинополь.* На нем враги — Австрия, Англия, вероятно, с ними и Франция; союзники — *Германия* и *Соединенные Штаты* (стр. 102—104).

Первый путь (панславистский, против Германской империи). Помощь Франции ничего не стоит; ее единство навсегда разрушено и т. д.;

путь этот революционный, ведет к возмущению народов, в частности славянских, против их законных «государей», австрийского и прусско-германского. Николай откинул этот путь по инстинкту, из принципа и т. д. (!)

К тому же «нельзя не признать, что для всероссийской государственности освобождение Польши решительно невозможно». Целые века длилась борьба между двумя формами «государства»: «воля шляхетская» или „царский кнут". Поляки часто казались близки к победе. Но лишь только народ восстал в Москве в 1612 г., а затем последовало восстание малороссийского и литовского «хлопства» под предводительством Богдана «Хмельницкого», — как всему конец. „Русский кнут победил благодаря народу".

Это признание сделано на стр. 110.

На развалинах шляхетско-польского «государства» основалась «всероссийская» империя кнута. *„Лишите ее этой основы,* отберите области, входившие до 1772 г. *в состав* польского «государства», и всероссийская империя исчезнет" (стр. 110). Это — самые богатые, плодородные и населенные провинции; в случае их отпадения богатство и могущество Российской империи уменьшится наполовину. За этой потерей последует и потеря «Прибалтийского края», и если действительно польское государство возродится к новой жизни, оно вырвет у России всю Малороссию, которая сделается или польской областью, или независимым «государством». Таким образом утрачена будет и черноморская граница, так что Россия будет отрезана со всех сторон от Европы и загнана в Азию.

Иные полагают, что русская империя может отдать Польше по крайней мере Литву. «Нет». Соседство «Москвы» и Польши по необходимости поведет польский патриотизм к завоеванию прибалтийских провинций и Украины. Довольно освободить только нынешнее Царство Польское, и Варшава тотчас соединится с Вильно, Гродно, «Минском», Киевом, не говоря уже о Подолии и Волыни. Поляки такой беспокойный народ, что им нельзя оставить ни одного местечка свободным; оно сейчас же станет центром постоянной конспирации. В 1841 г. оставался один вольный город Краков, и Краков сделался центром общереволюционного сопротивления. Российская империя может продолжать свое существование только *при условии «душить» Польшу по муравьевской системе...* Народ русский не имеет ничего общего с русской империей, интересы их противоположны.

По этому поводу Бакунин выдвигает следующее положение, бессмысленное с точки зрения его собственной системы: „Как скоро империя русская рушится, и народы великорусский, малорусский, белорусский и другие восстановят свою свободу, для них не «страшны» будут честолюбивые замыслы польских «государственных» патриотов" (comment donc![*]); „они могут быть убийственны только для империи" (стр. 111). Поэтому царь добровольно никогда не согласится отпустить на волю ни малейшей части Польши. „А не освободив поляков, может ли он призвать к бунту славян?" (стр. 104—111).

[*] — еще бы! *Ред.*

А во времена Николая путь панславизма еще обещал больше выгод, чем в настоящее время. Тогда можно было еще рассчитывать на восстание мадьяр и итальянцев против Австрии. Теперь же Италия осталась бы, вероятно, нейтральней, так как Австрия теперь (в таком случае) добровольно отдала бы ей немногие итальянские земли, которыми она еще владеет. Мадьяры, с учетом их собственных «государственных»* отношений к славянам, со всей страстью приняли бы сторону немцев против России. Русский император мог бы только рассчитывать на содействие более или менее деятельное со стороны *австрийских* славян; если бы он хотел поднять и *турецких,* то новый враг — *Англия.* Но в Австрийской империи только 17 миллионов славян; за вычетом 5 миллионов на Галицию, где поляки парализовали бы русин, остается *12 миллионов,* за исключением еще тех, которые завербованы в австрийское войско и по обычаю всякого войска стали бы драться, против кого начальство прикажет.

Эти 12 миллионов *у Бакунина все — исключительно мужчины и притом взрослые.*

Они не сосредоточены в одном или нескольких пунктах, а разбросаны по всему пространству Австрийской империи, говорят на весьма различных диалектах**, перемешаны с немцами, мадьярами, итальянцами, румынами. „Этого очень много, чтобы держать в постоянной тревоге австрийское правительство и вообще немцев, но слишком мало, чтобы доставить русским войскам серьезную опору против соединенных сил прусской Германии и Австрии". Русское правительство это знает и не думает вести панславистскую войну против Австрии, которая необходимо превратилась бы в войну против целой Германии. Однако посредством своих агентом оно ведет настоящую панславистскую пропаганду в австрийских владениях. Для него полезно иметь таких слепых и т. д. приверженцев во всех австрийских областях. „Это *парализует, связывает, беспокоит австрийское правительство и усиливает влияние России не только на Австрию, но на целую Германию.* Императорская Россия возбуждает австрийских славян против мадьяр и немцев, очень хорошо зная, что в конце концов предаст их в руки немцев и мадьяр" (стр. 112—113).

На западном панславистском пути России придется воевать со всеми немцами, прусскими и австрийскими, с мадьярами и с поляками. Способна ли Россия *в войне наступательной,* какую ей пришлось бы вести ввиду мнимого освобождения славян, справиться хотя с одной только *прусской Германией?* Русский народ нисколько не будет заинтересован в войне, подобно тому, как народы вообще не интересуются чисто политическими правительственными войнами; исключением в новейшей истории был только Наполеон I, который, однако, считался продолжателем революции; а по существу — единственным исключением была *последняя прусская война против Второй империи.* Пангерманский интерес перевешивал тогда всякий другой интерес в умах и сердцах всех немцев без различия, и это составляет в настоящее время специальную силу Германии...

Русские не выказали интереса к своему правительству даже *во время Крымской войны,* „не *завоевательной, а оборонительной".*

---

* У Бакунина: «господствующих». *Ред.*

** У Бакунина: «наречиях». *Ред.*

Это на стр. 117; а война против Наполеона III, очевидно, была, наоборот, чисто *наступательной?*

Русский крестьянин не знает даже, что он славянин... Для славянских народов война против всех «государств» сначала в союзе с латинскими народами, которым, так же как и славянам, угрожает завоевательная политика немцев... С немцами лишь тогда, когда они тоже станут анти-«государственниками»... Но до тех пор союз славян с латинскими народами против немецкой завоевательной политики остается необходимостью... „Странное назначение немецкого племени! Возбуждая (пробуждая) против себя общие опасения и общую ненависть, они соединяют народы”... „В этом смысле и русский народ — вполне славянский народ”. Однако враждебность эта не простирается так далеко, чтобы он по собственному почину стал воевать против них; она скажется лишь, когда немцы сами придут в Россию и вздумают хозяйничать в ней — но никакого участия в наступательной войне против немцев... Но достаточно ли средств правительственных, финансовых и военных против Германии?.. В рассматриваемом случае (наступление русских) немцам пришлось бы сражаться у себя дома, и «на этот раз» произошло бы действительно «поголовное» восстание всех классов и всего населения Германии (стр. 114—120).

Русский офицер — лучший человек, нежели немецкий... цивилизованный дикий зверь... Немцы, в особенности офицеры и чиновники, соединяют образование с варварством, ученость с лакейством... Но для *регулярной армии* нет ничего совершеннее немецкого офицера; вся его жизнь: повиноваться и командовать... Немецкий солдат ditto* образцовый солдат для регулярного войска как по природе, так и по дрессировке... Укрощают сначала тело, а тем самым и дух солдата... Дисциплина и т. д... Немецкое офицерство имеет перед офицерством других народов преимущество знания, теоретического и практического знакомства с военным делом, горячей и совершенно педантической преданности военному ремеслу, точности, аккуратности, «выдержки», «терпения» (hartnackige Ausdauer) и к тому же относительной «честности» (Ehrenhaftigkeit). Организация и вооружение немецкой армии существуют в действительности, а не только на бумаге, как у Наполеона III, как будет у нас. К тому же административный, гражданский и в особенности военный контроль, так что продолжительный обман невозможен.

„У нас же, напротив, *снизу доверху и сверху донизу* рука руку моет, вследствие чего дознание истины становится почти невозможным” (стр. 121—128).

Последняя фраза — стр. 128.

Если Россия сможет выставить даже миллион солдат, половину надо будет оставить внутри страны для наблюдения за возлюбленным пародом. Сколько понадобится уже для одной Украины, Литвы, Польши! (стр. 128).

У Германии будет действительно «миллионная» армия, по организации, «вымуштровке», духу, науке, вооружению — первая в мире. А за нею весь вооруженный народ, „который, вероятно, не встал бы против французов, если бы в последней войне победил не Фриц прусский, а Наполеон III, но который против русского «вторжения» встанет поголовно”... А где будет русский миллион? На бумаге... Где офицеры и вооружение?.. Нет денег...

---

* — тоже. *Ред.*

Из пяти миллиардов, полученных немцами от французов, по крайней мере два — на вооружение. „Да, вся Германия обратилась теперь в грозный, во все стороны щетинящийся арсенал". При первом вашем шаге в Германию вы будете разбиты наголову, и ваша наступательная война тотчас же превратится в оборонительную; немецкие войска вступят в пределы всероссийской империи. Тогда — всеобщее восстание русского народа? *„Да, если немцы вступят в русские «области», пойдут, например, прямо на Москву;* но если они этой глупости не сделают, а пойдут севером на Петербург, через балтийские провинции, в которых найдут — не только между мещанством, протестантскими пасторами и жидами, недовольными баронами и их детьми, студентами, но также и среди наших бесчисленных остзейских генералов, офицеров, высших и низших чиновников, наполняющих Петербург и разбросанных по всей России, — много приятелей, — мало того, они подымут против русской империи Польшу и Малороссию" (стр. 128—131).

У поляков нет более опасного и злого врага, нежели Бисмарк. „Кажется, что он поставил задачей своей жизни «стереть» (abzuwischen) их с лица земли. И все это не помешает ему призвать поляков к бунту против России, когда того потребуют интересы Германии. И несмотря на то, что поляки ненавидят его и Пруссию, чтобы не сказать *всю Германию, в чем поляки «не хотели бы сознаться, хотя в глубине их души не менее, чем у всех других славянских народов, живет та же самая историческая ненависть против немцев»...* — поляки несомненно подымутся на зов Бисмарка" (стр. 133).

„В Германии и самой Пруссии уже очень давно существует многочисленная и серьезная политическая партия, даже три партии: либерально-прогрессивная, чисто демократическая и социал-демократическая, вместе составляющие несомненное большинство в парламентах германском и прусском и еще более решительное в самом обществе; партии, которые, предвидя и отчасти желая и как бы вызывая войну Германии против России, поняли, что восстание и восстановление Польши «в *известных пределах»*[*] будет необходимым условием этой войны" (стр. 133). Ни Бисмарки ни одна из этих партий не намерены возвратить Польше все отторгнутые у нее Пруссией части: ни Кёнигсберга, ни Данцига, ни даже малейшего клочка Западной Пруссии; и из Познанского герцогства — очень немного. Зато они отдадут им всю Галицию со «Львовом» и Краковом, так как все это теперь *австрийское,* и столько из русской части, сколько сами поляки в силах будут взять. Кроме того, деньги, оружие и военную помощь, само собой разумеется, в виде польского займа с немецкой гарантией. Поляки с радостью за это ухватятся... За немногими исключениями поляки нисколько не занимаются *славянским* вопросом; им «гораздо понятнее и ближе мадьяры»... У поляков многочисленные партии, но в основе — всегда восстановление польского «государства» в границах 1772 года. Различие между партиями лишь в том, что одни считают единственно правильным для этой цели такой путь, а другие — другой... Бисмарк потребует от них формального отречения от большей части старых польских земель, ставших теперь прусскими... Правда, etrange Pologne[**], восстановленная под покровительством графа Бисмарка. Но лучше «странная» Польша, чем никакой; кроме того, подумают поляки, потом можно будет и освободиться от покровительства Бисмарка... Польша встанет, Литва ditto, затем небольшая буря, и встанет Малороссия... Польские патриоты —

[*] Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*
[**] — странная Польша. *Ред.*

горе-социалисты, и у себя дома они не станут заниматься социально-революционной пропагандой; а если бы и захотели, Бисмарк не позволил бы — «слишком близко к Германии»; но в России и против России это можно. Для немцев и поляков полезен крестьянский «бунт» в России, и это им не трудно; сколько поляков и немцев рассеяно по России, все они союзники Бисмарка и Польши: „вообразите себе наше положение: войска наши, разбитые наголову, бегут; за ними вслед к Петербургу идут немцы, а на юге и западе, на «Смоленск» и на Малороссию идут поляки, — и в то же самое время, возбужденный внешней и внутренней пропагандою, в России и в Малороссии всеобщий крестьянский, торжествующий бунт” *(на стр. 138 эта фраза)...* Немецкое «государство» таким образом совершенно отрезало бы русское от Европы.

„Мы говорим, разумеется, об империи” (русской), „а *не о русском народе,* который, когда *ему будет нужно,* найдет или *«пробьет себе» (пробиться* — sich brechen, durchschlagen, percer, se faire jour) *«всюду»* (uberall, allenthalben) *«дорогу»* (einen Weg)” (этот абзац на стр. 138—139).

Итак, в то время как русский народ *действует как целое* и *пробивает себе* дорогу, чтобы не быть отрезанным от Европы, эти анархисты ведут *войну политическую.* Чего же хочет Бакунин? Немцы и поляки разрушают *Российскую империю,* но вызывают в то же время *всеобщее победоносное восстание крестьян* в России. Бисмарк и поляки никоим образом не будут препятствовать этим крестьянам проявить себя «анархистски». Наоборот: они ведут среди них пропаганду более действенную, нежели «всемирно-известный» Альянс; и лишь после того, как это анархистское состояние возрастет в достаточно широких размерах, — огонь перекинется на латинских и славянских братьев. Будет ли это следствием войны России против Германии или vice versa* — по существу ничего не изменится. К слову сказать, так как в *Сербии,* по Бакунину, кроме народа существует только *„класс чиновников”,* то в чем же будет состоять сербская социальная революция, как не в устранении чиновничьего класса, который один составляет там «государство»? (стр. 138—139).

Итак, для всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт; от се ворот ключи хранит граф Бисмарк, который ни за что в мире не вручит их князю Горчакову. Но если закрыт путь *северо-западный,* то остается *южный* и *юго-восточный, Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия,* наконец, *Константинополь.* Уже давно русские политики обсуждают вопрос, не перенести ли столицу и центр тяжести империи из Петербурга в Константинополь. Правда, эти ненасытные патриоты желают и того и другого — и Балтийское море, и Константинополь. Но начинают отказываться: особенно открыли им глаза события последних лет, а именно „присоединение *Шлезвиг-Гольштейна* и *Ганновера к прусскому королев-*

* — наоборот. *Ред.*

ству, обратившемуся непосредственно через это в северную морскую державу” (стр. 139).

„Аксиома, всем известная, что не может ни одно «государство» стать в числе первенствующих держав, не имея обширных морских границ, обеспечивающих непосредственное сообщение его с целым светом и позволяющих ему принять участие прямое в мировом движении, как материальном, так и общественном, *«политически-нравственном»”* (politisch-sittlichen) ... без этого вскоре застой... Китай... *Есть много равных условий для того, чтобы народ,* «замкнутый» (konsolidiert) в «государство», мог принять участие в мировом движении; сюда «принадлежит» (gehort) «природный ум и прирожденная энергия», образованность, способность к производительному труду «и *самая обширная внутренняя свобода, столь невозможная, впрочем, для масс в государстве».* „Но к этим условиям также принадлежит непременно морское плавание, морская торговля, потому что морские сообщения, по своей относительной дешевизне, скорости, а также и свободе, в том смысле, что море никем не присвоено, превосходят все другие... включая и железные дороги. Может быть, *воздухоплавание* окажется еще более удобным во всех отношениях и будет особенно важно, так как окончательно «уравняет» (nivelliert) *условия развития и жизни для всех стран”.*

Это для Бакунина главное — *«нивелировка»,* например, всей Европы до уровня словака — продавца мышеловок... „Но пока что мореплавание остается *главным средством* для” «преуспеяния народов» (Wohlfart, grosse Fortschritt der Volker). Вот единственное место, где г-н Бакунин говорит об *экономических* условиях и усматривает, что они создают условия и различия между народами, независимые от «государства».

Когда не будет более «государств» (Staaten) и на развалинах всех государств возвысится „совершенно свободно и организуясь снизу вверх вольный братский союз вольных производительных ассоциаций, общин и «областных» федераций, обнимающих безразлично, потому что свободно, людей всех языков и народностей, тогда путь к морю будет равно открыт для всех: для береговых жителей непосредственно, а для живущих в отдалении от моря — посредством железных дорог, освобожденных вполне от всяких «государственных попечений» (Sorge, Fursorge, Pflege), «взиманий» (l'action de prendre), пошлин, ограничений, придирок, запрещений, позволений и вмешательств. *Но даже и тогда морские береговые жители будут иметь множество естественных преимуществ, не только материальных, но и умственно-нравственных.* Непосредственное прикосновение к мировому рынку и вообще к мировому движению жизни развивает чрезвычайно и без того не нивелированные отношения; при всем том внутренние жители, лишенные этих преимуществ, будут *жить и развиваться ленивее и медленнее прибрежных. Вот почему так важно будет воздухоплавание...* Но до тех пор... *прибрежные жители останутся во всех отношениях передовыми и будут составлять род аристократии в человечестве”.*

Например, Бретань!

А разница между равниной и горной местностью, бассейны рек, климат, почва, уголь, железо, *приобретенные производительные силы,* материальные и духовные, язык, литература,

технические способности и пр. и пр.? Фурье тут более героически справляется с нивелировкой (стр. 139—142).

Бакунин попутно делает открытие, что Германия (как страна не приморская) в *торговом отношении стоит ниже Голландии,* а в *промышленном — ниже Бельгии* (стр. 143).

Пруссия, нынешнее олицетворение, голова и руки Германии, крепко основалась на *Балтийском и Северном морях* (стр. 145). Гамбург, Бремен, Любек, Мекленбург, Ольденбург, Шлезвиг-Гольштейн — вся Пруссия строит на французские деньги два больших флота: один на Балтийском, другой на Северном море, и благодаря судоходному каналу, который ныне копают для соединения двух морей, эти два флота скоро составят один. Он скоро будет гораздо сильнее русского балтийского флота. Тогда к черту Рига, Ревель, Финляндия, Петербург, Кронштадт! К черту всякое значение Петербурга!

Это должен был себе сказать *Горчаков* в тот день, когда союзная Пруссия безнаказанно и как бы с нашего согласия ограбила нашего союзника — Данию.

Польское восстание, «господин» Бакунин!

„Он должен был понять, что с того дня, как Пруссия, опирающаяся теперь на всю Германию и составляющая в неразрывном единстве с последней сильнейшую континентальную державу; с тех пор, одним словом, как новая Германская империя, под скипетром прусским, заняла на Балтийском море свое настоящее и для всех других прибалтийских держав столь грозное положение, — преобладанию петербургской России на этом море был положен конец, уничтожено великое политическое творение Петра, а с ним вместе уничтожено и могущество «всероссийского государства», если”

„в вознаграждение утраты на севере вольного морского пути” (но до каких пределов вольного, s'il vous plait*? Для англичан — он „вольный” до самых стен Кронштадта) *„не откроется для него новый путь на юге”* (стр. 145—147).

Подступы еще в руках Дании, но она сначала будет добровольно федерирована, а затем будет полностью поглощена пангерманской империей. Таким образом Балтийское море скоро станет исключительно немецким морем, а отсюда — утрата Петербургом политического значения. Горчаков должен был знать это, когда соглашался на раздробление Дании и на присоединение Шлезвиг-Гольштейна к Пруссии. Он или изменил России, или получил формальное обязательство Бисмарка содействовать России в завоевании нового могущества на юго-востоке.

Для Бакунина несомненно, что *между Пруссией и Россией заключен был наступательный и оборонительный союз после Парижского мира или, по крайней мере, во время польского восстания 1863 года.*

* — скажите, пожалуйста. *Ред.*

Отсюда беспечность, с которой Бисмарк начал войну против Австрии и против большей части Германии, рискуя французским вмешательством, и еще более решительную войну с Францией. Малейшая демонстрация России на границе в это время, и в особенности во время последней войны, остановила бы дальнейшее победоносное шествие прусской армии. Вся Германия, в особенности северная часть Германии, во время последней войны была совершенно очищена от войск; Австрия сидела смирно только под угрозой России; Италия и Англия только потому не вмешались, что этого не хотела Россия. Не заяви она себя таким решительным союзником Пруссии, немцы никогда бы не взяли Парижа. Но Бисмарк, видимо, был уверен, что Россия не изменит ему. На чем же была основана такая уверенность? Бисмарк знает, что русские и прусские интересы совершенно противоположны, за исключением польского вопроса. Война между обеими странами неизбежна. Но могут быть основания для отсрочки, причем каждый надеется до момента кризиса использовать невольный союз как можно лучше. Германская империя далеко еще не укрепилась ни внутри, ни снаружи. Внутри еще множество мелких княжеств, снаружи — Австрия и Франция. Повинуясь внутренней необходимости, она задумывает новые предприятия, новые войны. Восстановление средневековой империи в первоначальных границах, опираясь на патриотический пангерманизм, обуявший все немецкое общество; объединение всей Австрии, без Венгрии, но с Триестом и с Богемией, всей немецкой Швейцарии, части Бельгии, всей Голландии и Дании, необходимых для основания ее морского могущества, — планы, возбуждающие против нее значительную часть Западной и Южной Европы, вследствие чего осуществление их без согласия России невозможно. Значит, для новогерманской империи еще необходим русский союз (стр. 148—151).

Всероссийская империя, со своей стороны, не может обойтись без прусско-германского союза. Она должна идти на юго-восток, вместо Балтийского моря — Черное; иначе — отрезана от Европы, а для этого необходим *Константинополь;* иначе ей всегда можно отрезать выход в Средиземное море, как это и случилось во время Крымской войны. Итак, конечная цель — Константинополь. Это вопреки интересам всей Южной Европы, включая и Францию, вопреки английским интересам и даже германским, так как безграничное владычество России на Черном море поставит все дунайское «прибрежье» в прямую зависимость от России. Тем не менее, Пруссия формально обязалась помогать России в ее юго-восточной политике; так же верно и то, что она воспользуется первой возможностью для того, чтобы изменить обещанию. Но такого нарушения договора нельзя ожидать теперь, в самом начале исполнения его. Пруссия помогла России при уничтожении условий Парижского мира; будет ее поддерживать и по отношению к Хиве. К тому же для немцев выгодно, чтобы Россия удалилась как можно дальше на восток. Какова цель русских войн против Хивы?.. Индия? Об этом не думают, с *Китаем,* дело было бы много легче; русское правительство и затевает нечто в этом роде. „Оно силится явным образом отделить от него Монголию и Маньчжурию"; „в один прекрасный день мы услышим, что русские войска совершили вторжение на *западной границе* (!) Китая... Китайцам тесно жить внутри своей перенаселенной страны; поэтому — переселение в Австралию, в Калифорнию; другие массы могут двинуться на север и на северо-запад. И тогда в одно мгновение ока Сибирь, весь край, простирающийся от Татарского пролива до Уральских гор и до Каспийского моря, перестанет быть русским. На этом огромнейшем пространстве в 12200000 кв. километров, больше чем в двадцать раз превосходящем размерами Францию (528600 кв.

километров), теперь только 6000000 жителей, из которых только около 2600000 русских, все же остальные — местные уроженцы татарского или финского происхождения, а численность войска самая ничтожная... Китайцы перевалят и через Урал, дойдут до самой Волги; умножение народонаселения делает почти невозможным для китайцев дальнейшее существование в границах Китая. Внутри Китая энергичные, воинственные люди, выросшие в обстановке нескончаемой междоусобной войны, в которой разом гибнут десятки и сотни тысяч людей... За последнее время ознакомились с европейским оружием и европейской дисциплиной, короче говоря, с «государственной» цивилизацией Европы. При этом глубокое варварство; никаких свободолюбивых или человеческих инстинктов. Уже теперь они соединяются в банды под влиянием множества военных авантюристов, американских и европейских, которые со времени последнего франко-английского похода (1860 г.) нашли дорогу в Китай; такова большая опасность со стороны востока... С этой опасностью играет наше русское правительство, простодушное, как дитя... Хочет расширять границы, а Россия до настоящего времени не в состоянии — и никогда не будет в состоянии — населить новоприобретенный Амурский край, где на 2100000 кв. километров — почти вчетверо больше, чем Франция, — приходится вместе с войском и флотом всего 65000 жителей, притом нищета русского народа, толкающая его к всеобщему «бунту»... Русское правительство надеется водворить свое могущество на всем азиатском Востоке. Оно должно было бы окончательно повернуться спиной к Европе, — чего Бисмарк и желает, — двинуть всю армию в Сибирь и Центральную Азию и, подобно Тамерлану, завоевывать Восток; но за Тамерланом народ его шел, а за русским правительством — нет"... Что касается Индии, то русские не могут овладеть ею при сопротивлении англичан... „Но если мы не можем завоевать Индию, то мы можем разрушить ее или, по крайней мере, сильно поколебать там владычество Англии, возбуждая туземные «бунты» против нее, помогая им, поддерживая их даже, когда это станет нужно, военным вмешательством". „Это нам будет стоить страшно много денег и людей... К чему?.. Чтобы беспокоить англичан без всякой пользы? «Нет», потому, что англичане нам мешают. Где же они нам мешают? — *В Константинополе**; покуда англичане сохранят свою силу, они никогда и ни за что в мире не согласятся, чтобы Константинополь в наших руках стал снова столицей не только всероссийской, но также Славянской и Восточной империи". Вот почему русское правительство и ведет войну в Хиве, чтобы затем, согласно давнему его стремлению, приблизиться к Индии. „Оно ищет пункта, где бы можно нанести вред Англии, и, не находя другого, грозит ей в Индии. Таким образом оно надеется помирить Англию с мыслью, что Константинополь должен сделаться русским городом" ... Преобладание на море Балтийском утрачено безвозвратно... Российская империя, основанная на штыке и кнуте, ненавистная для всех народных масс, включая сюда и славянские, начиная с великорусского народа, — деморализованная, дезорганизованная и пр. ... не в силах бороться против вновь возникшей Германской империи. Итак, „надо отказаться от Балтийского моря и ожидать того момента, когда вся прибалтийская «область» сделается немецкой провинцией. *Помешать этому может только «народная революция».* Но такая революция для «государства» — смерть, и не в ней будет наше правительство искать для себя спасения".

* Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

Последняя фраза на стр. 160.

Для него не остается иного спасения, как только в союзе с Германией. Принужденное отказаться от Балтийского моря, оно должно искать возмещения на Черном море, хотя бы для самого своего политического существования, и может сделать это только с помощью немцев. „Немцы обещали эту помощь. Мы уверены, — между Бисмарком и Горчаковым заключен формальный договор”. Разумеется, немцы и не думают о его выполнении. ни не могут отдать на произвол России устье Дуная и свою дунайскую торговлю; воздвигнуть на юге Европы великую панславянскую империю было бы самоубийством со стороны пангерманской империи. Но „направить и толкнуть русские войска в Центральную Азию, в Хиву, под предлогом, что это самый прямой путь в Константинополь, — это другое дело”. Бисмарк надул Горчакова и Александра II, как в свое время Наполеона III. Но дело сделано, его переменить невозможно. И не русским «дряблым силам» (schwachen Kraften) опрокинуть новую Германскую империю; это может сделать только революция, а до тех пор, пока она не восторжествовала в России или в Европе, будет побеждать и всем повелевать «государственная» Германия, а русское правительство так же, как и все континентальные правительства Европы, будет существовать отныне только с ее позволения и «милости»... „Немцы, более чем когда-нибудь, стали нашими господами, и недаром все немцы в России так горячо и шумно праздновали победы германских войск во Франции; недаром так торжественно принимали нового пангерманского императора все петербургские немцы”. „В настоящее время на целом континенте Европы осталось только одно истинно самостоятельное «государство» — это Германия... *Главная причина — «инстинкт общественности»,* составляющий характерную черту немецкого народа. Инстинкт, с одной стороны, слепого повиновения сильным, беспощадного притеснения более слабых” (стр. 151—163).

Следует обзор истории Германии за новейшее время (в особенности с 1815 г.) для доказательства ее *рабского сознания* и стремления к притеснению...

От последнего приходилось страдать особенно славянам, ибо „*историческим назначением”* (немцев), по крайней мере на севере и на востоке, являлось, по их собственным понятиям, истребление, порабощение и „насильственное германизирование” славянских племен. „Эта длинная и «печальная» история, память о которой глубоко хранится во всех славянских сердцах, без сомнения, отзовется в последней неизбежной борьбе славян против немцев, если социальная революция не помирит их прежде” (стр. 164).

Следует затем история немецкого патриотизма, начиная с 1815 года. *(Материал* заимствован из книги *проф. Мюллера по истории 1816—1865 годов.)*

„Политическое существование прусского королевства (1807) пощажено только благодаря просьбам Александра I” (стр. 168, 169).

Речи Фихте к немецкой нации. «Но современные немцы, сохранив всю громадность претензий своего философа-патриота, от гуманности его

отказались... Для них доступнее патриотизм князя Бисмарка или г-на Маркса» (стр. 171).

После бегства Наполеона из России, по словам Бакунина, „Фридрих-Вильгельм III со слезами «умиления и благодарности» обнял в Берлине своего избавителя, императора всероссийского" (там же).

„Оставалось поэтому Австрии только одно — не душить Германию" своим вступлением со всеми своими владениями в Германский союз, как она первоначально предполагала, „но вместе с тем и не позволять Пруссии стать во главе Германского союза. Следуя такой политике, она могла рассчитывать на деятельную помощь Франции и России. *Политика России до самого последнего времени,* то есть до Крымской войны, состояла именно в систематическом поддержании взаимного соперничества между Австрией и Пруссией, так, чтобы ни одна из них не могла одержать верх над другой, и в то же самое время в возбуждении недоверия и страха в маленьких и средних княжествах Германии и в покровительстве им против Австрии и Пруссии" (стр. 183). Влияние Пруссии преимущественно нравственное, от нее многого ожидали (после 1815 г.). Поэтому для Меттерниха важно было, чтобы она не давала никакой конституции (обещанной), а чтобы стала с Австрией во главе реакции. „В этих стремлениях он нашел самую горячую «поддержку» во Франции, управляемой Бурбонами, и в императоре Александре, управляемом «Аракчеевым»" (стр. 184).

„Немцы не нуждались в свободе. Жизнь для них просто немыслима без правительства, то есть без верховной воли, верховной мысли и железной руки, «ими помыкающей». Чем сильнее эта рука, тем более гордятся они и тем самая жизнь становится для них веселее" (стр. 192).

1830—1840. Слепое подражание французам. „Немцы перестают пожирать галлов, но зато обращают всю свою ненависть на Россию" (стр. 196). „Все зависело от исхода польской революции. Если бы она восторжествовала, прусская монархия, оторванная от своей северо-восточной опоры и принужденная" отказаться, если не от всех, то от значительной части своих польских владений, „принуждена была бы искать новой точки опоры в самой Германии, и так как она тогда еще не могла... путем завоеваний... то — путем либеральных реформ" (стр. 199). После поражения поляков Фридрих-Вильгельм III, оказавший столь значительные услуги своему зятю, императору Николаю, „сбросил маску и пуще прежнего поднял гонение на пангерманских патриотов" (стр. 200).

„В убеждении, что народные массы носят в своих более или менее развитых историей *инстинктах,* в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, сознательных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала" (общественной организации) в самом народе; а так как всякая «государственная» власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению поставленное вне народа, над ним, непременным образом должно стремиться к подчинению его порядкам и целям, ему чуждым, то мы объявляем себя врагами всякой правительственной, «государственной» власти, врагами «государственного» устройства вообще и думаем, что народ может быть только тогда счастлив, свободен, когда, организуясь «снизу вверх» путем самостоятельных и совершенно свободных «соединений» (Vereinigungen) и «помимо» всякой официальной опеки, «но не помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий, он сам создаст свою жизнь» (стр. 213).

Таковы „убеждения социальных революционеров, и за это нас называют анархистами” (стр. 213). „Идеалисты всякого рода, метафизики, позитивисты, поборники преобладания науки над жизнью, доктринерные революционеры, все вместе, с одинаковым «жаром» (Eifer), хотя разными аргументами, «отстаивают» (schutzen) идею «государства» и «государственной» власти, видя в них *совершенно логично** по-своему единое спасение общества. *Совершенно логично**, потому что, приняв раз за основание «положение», что *мысль предшествует жизни, отвлеченная теория — общественной практике* и что поэтому *социологическая наука должна быть исходной точкой для общественных переворотов и перестроек,* они необходимым образом приходят к заключению, что так как мысль, теория, наука, по крайней мере в настоящее время, составляют достояние весьма немногих, то эти немногие должны быть руководителями общественной жизни, не только возбудителями, но и управителями всех народных движений, и что на другой день революции новая общественная организация должна быть создана не свободным соединением народных организаций, общин, «волостей, областей снизу вверх», сообразно народным потребностям и инстинктам, а единственно диктаторской властью этого ученого меньшинства, хотя бы и избранного «общенародной волей»” (стр. 214).

Поэтому „доктринерные революционеры” никогда не бывают врагами «государства», а лишь врагами существующих правительств, чье место они желают занять в качестве диктаторов (стр. 215).

„И это так справедливо, что в настоящее время, когда в целой Европе торжествует реакция, когда все правительства и пр. готовятся под предводительством князя Бисмарка к отчаянной борьбе против социальной революции; теперь, когда, казалось бы, все искренние революционеры должны соединиться, чтобы дать отпор отчаянному нападению интернациональной реакции, — мы видим, напротив, что доктринерные революционеры под предводительством г-на *Маркса* везде держат сторону «государственности» и «государственников» против *«народной революции»* (стр. 216). Во Франции они стояли на стороне «государственного» республиканца-реакционера Гамбетты, против революционной Ligue du Midi**, которая только одна могла спасти Францию и от немецкого порабощения, и от еще более опасной и ныне торжествующей коалиции клерикалов, легитимистов, бонапартистов, орлеанистов; *в Испании они открыто приняли сторону Кастелара, Пи-и-Маргаля и мадридской конституанты;* наконец, в Германии и вокруг *Германии,* в *Австрии, Швейцарии, Голландии, Дании* они служат службу князю Бисмарку, на которого, *по собственному признанию, смотрят как на весьма полезного революционного* «деятеля», помогая ему в деле пангерманизирования всех этих стран” (стр. 216, 217).

(Фейербах был еще метафизиком: „должен был уступить место своим «законным» преемникам, представителям школы материалистов или реалистов, большая часть которых, впрочем, как, например, гг. *Бюхнер, Маркс* и другие”, еще не освободились „от преобладания метафизической абстрактной мысли” (стр. 207).)

„Но главным пропагандистом социализма в Германии, сначала тайно, а вскоре потом публично, был *Карл Маркс.* Г-н Маркс играл и играет слишком важную роль в социалистическом движении немецкого пролетариата, чтобы можно было обойти эту замечательную личность, не постаравшись изобразить ее в нескольких верных чертах. По происхождению

* Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*
** — Южной лиги. *Ред.*

г-н Маркс — еврей. Он соединяет в себе, можно сказать, все качества и все недостатки этой способной породы. «Нервный» (Nervos), как говорят иные, до трусости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютен, как Иегова, господь бог его предков, и, как он, мстителен до безумия. Нет такой лжи, клеветы, которой бы он не был способен выдумать против всякого, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть. И он не останавливается перед самой «гнусной» интригой, если только, по его мнению, — впрочем, большей частью ошибочному, — эта интрига может служить к усилению его положения, его влияния или к распространению его силы. В этом отношении он совершенно политический «человек». Таковы его отрицательные качества. Но и положительных в нем очень много. Он очень «умен» и чрезвычайно многосторонне «учен». Доктор философии, он еще в Кёльне, около 1840 г., был, можно сказать, душой и центром весьма значительного кружка передовых гегельянцев, с которыми начал издавать оппозиционный журнал, вскоре закрытый по министерскому приказанию. К этому кружку принадлежали братья Бруно Бауэр и Эдгар Бауэр, Маркс, Штирнер и потом в Берлине — первый кружок немецких нигилистов, которые цинической последовательностью своей далеко превзошли самых ярых нигилистов России. В 1843 или 1844 г. г-н Маркс переселился в Париж. Тут он *впервые столкнулся* с обществом французских и немецких коммунистов и с соотечественником своим, немецким евреем г-ном Морисом Гессом, который прежде его был ученым экономистом и социалистом и имел в это время значительное влияние на научное развитие г-на Маркса. Редко можно найти человека, который бы так много «знал» и читал, и читал *«так умно»,* как г-н Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в это время наука экономическая. С особенным тщанием изучал он английских экономистов, превосходящих всех других положительностью «познаний» и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгой критикой и добросовестной смелостью выводов. Но ко всему этому г-н Маркс прибавил еще два новых элемента: диалектику самую отвлеченную, «самую причудливо-тонкую», которую он приобрел в школе Гегеля и которую нередко «доводит до шалости, до разврата», и точку зрения коммунистического направления. Г-н Маркс перечитал, разумеется, всех французских социалистов от Сен-Симона до Прудона включительно, и последнего, как известно, он ненавидит, и нет сомнения, что в беспощадной критике, направленной им против Прудона, много правды: Прудон, несмотря на все старания стать на почву реальную, остается идеалистом и метафизиком. Его точка отправления — абстрактная идея права; от права он идет к экономическому факту, а г-н Маркс, в противоположность ему, высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всюду предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву. В «изложении» и в доказательство этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г-на Маркса. Но что замечательнее всего и в чем Маркс никогда не признавался, — это то, что в отношении политическом г-н Маркс прямой ученик г-на Луи Блана. Г-н Маркс несравненно «умнее» и несравненно ученее этого «маленького неудавшегося» революционера и государственного человека; но, как немец, несмотря на «свой почтенный рост», он попал в учение к крошечному французу. Впрочем, эта странность объясняется просто: риторик француз, как буржуазный политик и как отъявленный поклонник Робеспьера, и ученый немец, в своем тройном качестве гегельянца, еврея и немца, оба — отчаянные «государственники» и оба проповедуют «государственный» коммунизм с той только

разницей, что один вместо аргументов довольствуется риторической декламацией, а другой, как приличествует ученому и тяжеловесному немцу, обставляет этот, равно ему любезный, принцип всеми ухищрениями гегелевской диалектики и всем богатством своих многосторонних познаний. Около 1845 г. г-н Маркс стал во главе немецких коммунистов, и вслед за тем, вместе с г-ном *Энгельсом,* своим неизменным (unverandlicher) другом, столь же «умным», хотя менее ученым, но зато много более практическим и не менее способным к политической клевете, лжи и интриге, основал тайное общество германских коммунистов или «государственных» социалистов. Центральный комитет их, которого он, вместе с г-ном Энгельсом, был, разумеется, главой, по изгнании их обоих из Парижа в 1846 г. был перенесен в Брюссель, где оставался до 1848 года. Впрочем, до самого этого года пропаганда их, хотя и распространялась немало во всей Германии, но оставалась тайной и «потому не выходила наружу»” (стр. 221—225).

К тому времени (революция 1848 г.) городской пролетариат Германии, по крайней мере его огромное большинство, находился еще вне влияния пропаганды Маркса и вне организации его коммунистической партии. Распространена она была главным образом в промышленных городах прирейнской Пруссии, особенно в Кёльне; ветви ее — в Берлине, в Бреславле и «под конец» в Вене, но весьма слабые. Разумеется, в германском пролетариате — инстинктивные социалистические стремления, но никак не сознательные требования социального переворота в 1848—1849 гг., хотя Коммунистический манифест вышел уже в марте 1848 года. Он пронесся над немецким народом почти без следа. Городской революционный пролетариат — еще под прямым влиянием партии политических радикалов или в крайнем случае — демократии (стр. 230). Тогда в Германии был еще элемент, которого ныне там уже нет, — крестьянство революционное или, по крайней мере, способное сделаться революционным... оно тогда было готово на все, даже на «поголовный бунт». „В 1848, как и в 1830 г., немецкие либералы и радикалы ничего так не боялись, как подобного «бунта»; не любят его также и социалисты школы Маркса. Всем известно, что Фердинанд Лассаль, который, по собственному сознанию, был прямым учеником этого верховного предводителя коммунистической партии в Германии, — что не помешало, однако, учителю, по смерти Лассаля, высказать ревнивое и «завистливое» (neidische, missgunstige) неудовольствие против блестящего ученика, оставившего далеко за собой в практическом отношении учителя, —всем известно... что Лассаль несколько раз высказывал мысль, что поражение крестьянского восстания в XVI веке и последовавшее за ним усиление и процветание бюрократического «государства» в Германии были истинным торжеством для революции. Для коммунистов или социальных демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство, есть реакция, а «государство», всякое «государство», даже бисмарковское, — революция. Пусть не подумают, что мы клевещем на них. В доказательство того, что они действительно так думают, указываем на их речи, брошюры, журнальные статьи и, *наконец, на их письма* — все это в свое время будет «представлено» (zugestellt) русской публике. Впрочем, марксисты и думать иначе не могут; «государственники» во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцию, особенно же крестьянскую, по природе крестьянскую* и идущую прямо к уничтожению «государства». Как всепоглощающие пангерманисты, они должны отвергать крестьянскую революцию уже по тому одному, что эта революция специально славянская” (стр. 230—232).

* У Бакунина: «анархическую». *Ред.*

„Не только в 1848 г., но и в настоящее время немецкие работники слепо повинуются своим предводителям, тогда как предводители, организаторы *социал-демократической** *немецкой* партии ведут их не к свободе и не к интернациональному братству, а прямо под ярмо пангерманского «государства»” (стр. 254).

Бакунин рассказывает, как *Фридрих-Вильгельм IV* боялся Николая (ответ польской депутации в марте 1848 г. и *Ольмюц,* ноябрь 1850 г.) (стр. 254—257).

В 1849—1858 гг. Германский союз даже „не принимался в соображение другими державами”. „*Пруссия, более чем когда-нибудь, стала рабой России...* Преданность интересам петербургского двора простиралась до того, что прусский военный министр и прусский посланник при английском дворе, друг короля, были сменены оба за выражение симпатии к западным державам”. Николай взбешен был неблагодарностью Шварценберга и Австрии. „Австрия, по своим интересам на Востоке — естественный враг России, открыто приняла сторону Англии и Франции против нее. Пруссия, к великому негодованию целой Германии, оставалась «верна до конца»” (стр. 259). „Мантёйфель стал первым министром в ноябре 1850 г. для того, чтобы подписать все условия Ольмюцской конференции, крайне унизительные для Пруссии, и окончательно подчинить ее и всю Германию австрийской гегемонии. Такова была воля Николая... Таковы также и стремления большей части прусского юнкерства или дворянства, не хотевшего и слышать о слиянии Пруссии с Германией и преданного австрийскому” (?) „и всероссийскому императорам даже больше, чем собственному королю” (стр. 261).

„В это время (около 1866 г.) образовалась *так называемая Народная партия.* Центр — в Штутгарте. Группа, желавшая союза с республиканской Швейцарией, была главной основательницей *Ligue de la Paix et de la Liberté*** ” (стр. 271).

Лассаль „образовал преимущественно политическую партию немецких рабочих, организовал ее иерархически, подчинил строгой дисциплине и своей диктатуре, словом — сделал то, что г-н Маркс в последующие три года хотел сделать в Интернационале. Попытка Маркса вышла неудачно, а попытка Лассаля имела полный успех” (стр. 275).

„*Первым делом народного* «государства» будет” (по Лассалю) „открытие безграничного кредита производительным и потребительным рабочим ассоциациям, которые только тогда будут в состоянии бороться с буржуазным капиталом и в непродолжительное время победят и поглотят его. Когда процесс поглощения совершится, тогда настанет период радикального преобразования общества. Такова программа Лассаля, такова же и программа социал-демократической партии. Собственно, она принадлежит не Лассалю, а Марксу, который ее вполне «высказал» в известном *Манифесте Коммунистической партии,* обнародованном им и Энгельсом в 1848 году. Ясный намек находится на нее также в первом *Манифесте Международного Товарищества,* написанном Марксом в 1864 г., в словах: первый долг рабочего класса и т. д., или, как говорится в *Коммунистическом манифесте:* первый шаг к революции и т. д., и кончая концентрацией всех средств производства в руках «государства», то есть пролетариата, «возведенного на степень *господствующего сословия»* (стр. 275—

* Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*
** — Лиги мира и свободы. *Ред.*

276). Но не «ясно» ли, что программа Лассаля ничем не отличается от программы Маркса, которого он признавал за своего учителя. В брошюре против Шульце-Делича Лассаль... изложив свои основные понятия о социально-политическом развитии новейшего общества, говорит прямо, что эти идеи и даже терминология принадлежат не ему, а г-ну Марксу... Тем «страннее» кажется протест г-на Маркса, напечатанный *после смерти*[*] *Лассаля* во введении к сочинению о капитале. Маркс горько жалуется, что его обокрал Лассаль, присвоив его идеи. Протест чрезвычайно «странный» со стороны коммуниста, проповедующего коллективную собственность и не понимающего, что идея, раз высказанная, перестает быть собственностью лица. Другое дело, если бы Лассаль переписал" «одну или несколько страниц...» (стр. 276). „В противоположность своему учителю, Марксу, который силен в теории, в закулисной или подземной интриге и, напротив, теряет всякое значение и силу на поприще публичном, Лассаль был самой природой создан для открытой борьбы на практическом поле" (стр. 277). „Вся либеральная и демократическая буржуазия глубоко его возненавидела; «товарищи-единомышленники», социалисты, марксисты и сам Маркс сосредоточили против него всю силу недоброжелательной «зависти» (Neids). Да, они ненавидели его так же глубоко, как и буржуазия; пока он был жив, они не смели высказать своей ненависти, потому что он был для них слишком силен" (стр. 277, 278).

„Мы уже высказывали наше глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам, если не как последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель, — *основание «народного государства»,* которое, по их объяснению, будет не что иное, как пролетариат, *«возведенный на степень господствующего сословия».* Спрашивается, если пролетариат будет господствующим, то над кем он будет господствовать? «Значит» (das bedeutet, das meint), останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому" «государству» (Staat).

Это значит, покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия,* стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен.

„Например, «крестьянская чернь» (das gemeine Bauernvolk, der Bauernpobel), как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом".

Значит там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех

[*] Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

странах западноевропейского континента, там, где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии, — там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он думает, что не принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем; но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина, и настоящий земледелец стал таким же пролетарием, наемным рабочим, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет с ним одни и те же интересы *непосредственно,* а не косвенно; тем более нельзя укреплять парцелльную собственность, увеличивая парцеллы путем простой передачи больших имений крестьянам, как в бакунинском революционном походе.

„Или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии” (стр. 278).

Ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой. Она, следовательно, возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе. И для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы на победу, он должен быть в состоянии mutatis mutandis* сделать для крестьян непосредственно по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина. Хороша идея, что господство рабочих включает в себя порабощение сельскохозяйственного труда! Но тут-то и проявляется затаеннейшая

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

Часть страницы конспекта К. Маркса книги Бакунина «Государственность и анархия»

мысль г-на Бакунина. Он абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют. Так как все существовавшие до сих пор экономические формы, развитые или неразвитые, включали порабощение работника (будь то в форме наемного рабочего, крестьянина и т. д.), то он полагает, что при всех этих формах одинаково возможна *радикальная революция.* Более того! Он хочет, чтобы европейская социальная революция, основывающаяся на экономическом базисе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских земледельческих и пастушеских народов и чтобы она не переступала этого уровня; хотя он и видит, что *мореплавание* создает различие между братьями, но только *мореплавание,* ибо это — различие, известное всем политикам! *Воля,* а не экономические условия, является основой его социальной революции.

„Если есть «государство» (Staat), то непременно есть «господство» (Herrschaft), следовательно, и «рабство»; господство без рабства, открытого или замаскированного, немыслимо, вот почему мы враги" «государства» (стр. 278).

„Что значит — пролетариат, «возведенный в господствующее сословие»"?

Это значит, что пролетариат, вместо того чтобы в каждом отдельном случае бороться против экономически привилегированных классов, достиг достаточной мощи и организованности, чтобы в борьбе против них применять общие средства принуждения; однако он может применять лишь такие экономические средства, которые упраздняют его собственный характер как наемного рабочего, следовательно как класса; поэтому с полной его победой кончается и его господство, ибо кончается его классовый характер.

„Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?"

Неужели, например, в профессиональном союзе весь союз образует свой исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении «снизу вверх» разве все будут «вверху»? Тогда ведь не будет никакого «внизу». Неужели все члены общины будут в равной мере ведать общими интересами «области»? Тогда не будет никакого различия между общиной и «областью».

„Немцов считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства?"

Certainly*, ибо дело начинается с общинного самоуправления.

„Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет".

Когда человек сам управляет собой, то — по этому принципу — он не управляет собой; ведь он — только он сам и никто другой.

„Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут управляемые и рабы" (стр. 279).

Это только значит: когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова...

„Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они" (то есть Бакунин) „разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом".

Asine!** Это — демократический вздор, политическое пустословие! Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской общине и артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических основ, от экономических связей избирателей между собой, и с того момента, как функции эти перестали быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций; 2) распределение общих функций приобретает деловой характер и не влечет за собой никакого господства; 3) выборы совершенно утратят свой нынешний политический характер.

„Всеобщее право избрания народных представителей и «правителей государства» целым народом, —

такая вещь, как целый народ в нынешнем смысле слова — фантазия,

— вот последнее слово марксистов, так же, как и демократической школы, — ложь, за которой кроется деспотизм *управляющего меньшинства,* тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли".

При коллективной собственности исчезает так называемая народная воля, чтобы уступить место действительной воле кооператива.

Итак, в результате: „управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство будет состоять из работников, говорят марксисты".

* — Разумеется. *Ред.*
** — Осел! *Ред.*

Где говорят?

„Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только они сделаются представителями или правителями народа, *перестанут быть работниками*".

Не больше, чем теперь фабрикант, который не перестает быть капиталистом потому, что стал членом муниципального совета.

„и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты «государственной»: они будут представлять уже не народ, а себя и свои «притязания» на управление народом. Тот, кто усомнится в этом, совеем не знаком с природой человека" (стр. 279).

Если бы г-н Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочей кооперативной фабрикой, то все его бредни о господстве полетели бы к черту. Ему пришлось бы себя спросить: какую форму смогут принять функции управления на основе такого рабочего государства, если ему угодно его так называть.

(стр. 279). „Но эти избранники будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты".

„Беспрестанно употребляемые в сочинениях и речах лассальянцев и марксистов слова" —

слова *„ученый социализм"*, не употреблявшиеся никогда, и *„научный социализм",* употребляемые только в противовес социализму утопическому, стремящемуся навязать народу новые бредни и иллюзии, вместо того, чтобы ограничить область своего познания изучением социального движения самого народа; смотри мою книгу против Прудона—

„сами собой доказывают", что так называемое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение! (стр. 279—280).

„Марксисты чувствуют это" (!) „противоречие и, сознавая, что управление ученых" (quelle reverie![*]) „самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, фактической диктатурой, — утешаются мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая".

Non, mon cher![**] *Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться

[*] — какой бред! *Ред.*
[**] — Нет, дорогой мой! *Ред.*

до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов.

„Они говорят, что единственной заботой и целью их будет образовать и поднять народ” (политикан из кафе!) „как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным, и государство, утратив весь политический, то есть «господствующий», характер, обратится само собой в свободную организацию экономических интересов и общин. Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?” (стр. 280).

Оставляя в стороне попытку поездить на либкнехтовском *народном государстве,* которое вообще вздор, обращенный против Коммунистического манифеста и т. д., это только значит: ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому придает еще своему движению политические формы, более или менее соответствующие ему, — в этот период борьбы он не достиг еще своей окончательной организации и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут; отсюда г-н Бакунин умозаключает, что пролетариату лучше ничего не предпринимать, а выжидать... *дня всеобщей ликвидации* — страшного суда. *„Своей полемикой* против них” (которая, разумеется, появилась еще до моей книги против Прудона и до Коммунистического манифеста, даже еще до Сен-Симона: хорошее υστερον προτερον[*]!) „*мы* довели их до *сознания,* что свобода, или анархия” (г-н Бакунин всего-навсего перевел прудоновскую и штирнеровскую анархию на дикое татарское наречие), то есть „свободная организация рабочих масс снизу вверх” (вздор!),

„есть окончательная цель общественного развития и что всякое «государство», не исключая и их народного, есть ярмо, порождающее, с одной стороны, деспотизм, а с другой — рабство” (стр. 280).

„Они говорят, что такое государственное ярмо, диктатура, есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия или свобода — цель, государство или диктатура — средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить. На этом противоречии и основывается наша полемика. Они утверждают, что только диктатура, конечно их собственная, может создать народную волю; мы отвечаем: никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме «увековечения себя», и что она «способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может

[*] Ошибка, состоящая в принятии последующего и позднейшего (hysteron) за первичное и предшествующее (proteron); извращение действительной последовательности. *Ред.*

быть создана только свободой» (перманентного citoyen* Бакунина), то есть «всенародным бунтом» и вольной организацией масс снизу вверх” (стр. 281).

„В то время как политико-социальная теория противогосударственных социалистов, или анархистов, ведет их «неуклонно» и прямо к полнейшему разрыву со всеми правительствами, со всеми видами буржуазной политики, не оставляя другого исхода, кроме социальной революции”

и не оставляя от социальной революции ничего, кроме фразы, —

„противоположная теория, теория государственных коммунистов и научного авторитета, так же «неуклонно» втягивает и запутывает своих приверженцев, под предлогом политической тактики, в беспрестанные «сделки» с правительствами и различными буржуазными политическими партиями, то есть толкает их прямо в реакцию” (стр. 281). „Лучшее доказательство — *Лассаль.* Кому не известны его сношения и переговоры с Бисмарком? Либералы и демократы... воспользовались этим, чтобы обвинить его в продажности. То же самое, хотя и не так явно, «шептали» между собой различные** приверженцы г-на Маркса в Германии” (стр. 282).

Лассаль относился к массе простых рабочих более как медик к больному, чем как брат к брату. „Ни за что в мире не изменил бы он делу народа” (там же). Лассаль был в открытой войне с либералами, демократами, он их ненавидел, презирал их. Бисмарк занял по отношению к ним такую же позицию. „Это и было первым поводом сближения между обоими”. „Главное же основание этого «сближения» заключалось в политико-социальной программе Лассаля, в коммунистической теории, созданной г-ном Марксом” (стр. 283).

„Основной пункт этой программы: освобождение (мнимое) пролетариата посредством «только одного государства»... Два средства... пролетариат должен совершить революцию для овладения государством — средство героическое... по теории г-на Маркса”... народ должен передать всю власть ему и его друзьям... „Они создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашескую под непосредственной командой государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословие” (стр. 283—284).

Но сделать революцию — сами немцы не верят в это: „нужно, чтобы другой народ ее начал или какая-нибудь внешняя «сила» увлекла или «толкнула» их”. Следовательно, надо искать другое средство, чтобы овладеть государством. Надо овладеть симпатией людей, стоящих или могущих стоять во главе государства. Во времена Лассаля точно так же, как и теперь, во главе государства стоял Бисмарк... Лассаль главным образом был одарен практическим инстинктом и «смыслом», которых нет ни у г-на Маркса, ни у его последователей. Как все теоретики, Маркс в практике неизменный и «неисправимый» мечтатель. Он доказал это своей несчастной кампанией в Интернациональном обществе, имевшем целью установление его диктатуры в Интернационале, а посредством Интернационала —

* — гражданина. *Ред.*
** У Бакунина: «личные». *Ред.*

над всем революционным движением пролетариата Европы и Америки. Надо быть или сумасшедшим, или весьма отвлеченным ученым, чтобы задаться такою целью. Г-н Маркс в этом году потерпел полнейшее и заслуженное поражение, но вряд ли оно „«избавит» (befreit) его от его честолюбивой мечтательности” (стр. 284—285). „Благодаря той же мечтательности, а также и желанию приобрести почитателей и приверженцев среди буржуазии, Маркс постоянно толкал и толкает пролетариат на сделки с буржуазными радикалами. Гамбетта и Кастелар — вот его «настоящие» идеалы” (стр. 284, 285). „В этом стремлении к «сделкам» (Mogeleien) с радикальной буржуазией, которое сильнее обнаружилось в последние годы в Марксе, заключается двойная мечта: во-первых, радикальная буржуазия, если ей удастся овладеть властью, будет иметь возможность «захотеть» употребить ее в пользу пролетариата, а, во-вторых, она будет в состоянии устоять против реакции, корень которой скрывается в ней самой” (стр. 285).

„Лассаль, как практический человек, понимал это” (что радикальная буржуазия и не хочет, и не может освободить народ, что она хочет его только эксплуатировать); к тому же он ненавидел немецкую буржуазию; „Лассаль слишком хорошо знал своих соотечественников, чтобы ждать от них революционной инициативы”. Ему оставался лишь Бисмарк. „Пункт соединения давался ему самой теорией Маркса: единое, насильственно-централизованное государство. Лассаль его хотел, а Бисмарк уже делал. Как же им было не соединиться?” „Бисмарк — враг” (!) „буржуазии. Его нынешняя деятельность показывает, что он не фанатик и не раб дворянско-феодальной партии”... „Главная цель его так же, как Лассаля и Маркса, — государство. И поэтому Лассаль оказался несравненно логичнее и практичнее Маркса, признающего Бисмарка революционером, «конечно, посвоему», и мечтающего о свержении его, вероятно, сотому, что он занимает в государстве первое место, которое, по мнению г-на Маркса, должно принадлежать ему”. „Лассаль не имел такого высокого самолюбия и потому не гнушался вступить в союз с Бисмарком”. „Совершенно сообразно с политической программой, изложенной гг. Марксом и Энгельсом в Коммунистическом манифесте, Лассаль требовал от Бисмарка только одного: открытия государственного кредита рабочим производительным товариществам. Но вместе с тем... сообразно программе, он поднял между рабочими мирно-законную агитацию в пользу введения избирательного права” (стр. 288, 289).

После смерти Лассаля, наряду с *рабочими просветительными союзами* и лассальянским *Всеобщим германским рабочим союзом,* образовалась „под прямым влиянием друзей и последователей г-на Маркса третья партия — Социал-демократическая партия немецких работников. Во главе ее стали Бебель, «полуработник» (halber Arbeiter), и Либкнехт, весьма ученый* и агент г-на Маркса” (стр. 289).

Мы говорили уже о деятельности Либкнехта в Вене в 1868 году. Результатом ее был *Нюрнбергский съезд*** (август 1868 г.), на котором окончательно была организована социал-демократическая партия. „По решению (намерению) ее основателей, *действовавших под прямым руководством Маркса,* она должна была сделаться пангерманским отделом Интернационального общества рабочих”. Но немецкие и особенно прусские законы противны такому соединению. Поэтому вопрос затрагивался лишь косвенно: „Социал-демократическая партия немецких рабочих становится в связь с Международным Товариществом Рабочих, насколько это допус-

---

* У Бакунина: «прямой ученик». *Ред.*

** Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

кается немецкими законами". „*Несомненно, что эта новая партия была основана в Германии с тайной надеждой и с задней мыслью* посредством нее ввести в Интернационал всю программу Маркса, устраненную первым Женевским конгрессом (1866 г.)". „Программа Маркса сделалась программой социал-демократической партии". «Завоевание» „политической власти" в качестве „ближайшей и непосредственной цели", с прибавлением следующей знаменательной фразы: „завоевание политической власти* (всеобщее избирательное право, свобода печати, свобода ассоциаций и публичных собраний и т. д.) как необходимое «предварительное» (vorbereitende) условие экономического освобождения рабочих". „Эта фраза имеет вот какое значение: прежде чем приступить к социальной революции, рабочие должны совершить политическую революцию, или, что более сообразно с природой немцев, завоевать, или, еще проще, приобрести политическое право посредством мирной агитации. А так как *всякое* политическое движение *прежде* или, что *совершенно* одно и то же, *вне*** *социального движения* не может быть ничем другим, как движением буржуазным, то и выходит, что эта программа рекомендует немецким работникам *усвоить прежде всего буржуазные интересы и цели и совершить политическое движение в пользу радикальной буржуазии,* которая потом в благодарность не освободит народ, а подчинит его новой власти, новой эксплуатации" (стр. 289—291).

„На основании этой программы совершилось трогательное примирение немецких и австрийских работников с буржуазными радикалами Народной партии". На основании „Нюрнбергского съезда делегаты, назначенные съездом с этой целью, отправились в *Штутгарт,* где и был заключен между представителями обманутых работников и коноводами буржуазно-радикальной партии формальный оборонительный и наступательный союз. Вследствие такого союза как те, так и другие явились *вместе* на второй конгресс *Лиги мира и свободы, открывшийся в сентябре в Берне.* Однако — весьма знаменательный факт. Там произошел раскол между буржуазными социалистами и радикалами — и социальными революционерами, принадлежавшими к партии *Альянса"* (стр. 291, 292). „В этом отношении (то есть в том, чтобы называть себя социалистом и другом народа и быть противником народного социализма) школа Маркса дала нам много примеров, и немецкий диктатор так гостеприимен, под непременным условием, чтобы ему кланялись, что он в настоящее время прикрывает своим знаменем огромное количество с ног до головы буржуазных социалистов и демократов, и Лига мира и свободы могла бы приютиться под ним, если бы только согласилась признать его за первого «человека» (Mann). Если бы буржуазный конгресс поступил таким образом, то положение альянсистов стало бы несравненно труднее; между Лигой и ими произошла бы та же самая борьба, которая ныне ведется между ими и Марксом. Но Лига оказалась глупее и вместе с тем честнее марксистов; она отвергла равенство" (вздор!) „в области экономической. Оторвалась от пролетариата; умерла; оставила только две блуждающие и горько жалующиеся тени — Аманда Гёгга и сен-симониста миллионера Лемонье... Другой факт этого конгресса: *делегаты, приехавшие из Нюрнберга и Штутгарта, то есть работники, отряженные Нюрнбергским съездом новой социал-демократической партии немецких рабочих* и буржуазно-швабской *Народной партии, вместе с большинством Лиги вотировали единодушно против равенства...* Замечателен еще другой факт. *Брюссельский конгресс Интернационала,* закрывшийся за несколько дней перед Бернским, отверг

* У Бакунина: «политических прав». *Ред.*

** Подчеркнуто и у Бакунина. *Ред.*

всякую солидарность с последним, и все марксисты, участвовавшие в Брюссельском конгрессе, говорили и вотировали в этом смысле. Каким же образом *другие марксисты,* действовавшие, как и первые, *под прямым влиянием Маркса,* могли прийти к такому трогательному единодушию с большинством Бернского конгресса? Все это осталось загадкой, до сих пор не разгаданной. То же противоречие проявлялось в течение целого 1868 г. и даже еще в 1869 г. в «Volksstaat»... Иногда печатались в нем довольно сильные статьи против буржуазной Лиги; но за ними следовали несомненные «заявления» нежности, иногда дружеские упреки. Орган этот как бы умолял Лигу «укротить» свои слишком ярые заявления буржуазных инстинктов, компрометировавшие защитников Лиги перед работниками. Такие колебания в партии г-на Маркса продолжались до сентября 1869 г., то есть до Базельского конгресса. Этот конгресс составляет эпоху в развитии Интернационала” (стр. 293—296).

Немцы впервые появились на международном конгрессе, притом в виде партии, организованной скорее по буржуазно-политической, нежели по народно-национальной* программе. Вотировали как один человек, под надзором Либкнехта. Первым его делом, разумеется, исходя из его программы, было поставить вопрос политический во главе всех других. Немцы потерпели решительное поражение. Базельский конгресс сохранил чистоту интернациональной программы, не позволил немцам ее исказить внесением их буржуазной политики; таким образом начался раскол в Интернационале, причиной коего были немцы. Интернациональному по преимуществу обществу они хотели насильно навязать свою программу узкобуржуазную и национально-политическую, исключительно немецкую, пангерманскую. „Они были наголову разбиты, и такому поражению не мало способствовал Союз социальных революционеров, альянсисты. Отсюда жестокая ненависть немцев против Альянса. Конец 1869 и первая половина 1870 г. были исполнены злостной бранью и еще более злостными и нередко подлыми кознями марксистов против людей Альянса” (стр. 296).

Победа Наполеона III не имела бы столько длительно-вредных последствий, как победа немцев (стр. 297).

Все немцы *без исключения* торжествовали по поводу победы, хотя они знали, что она знаменует собой засилье милитаристского элемента; „ни один или почти ни один немец не испугался, все соединились в единодушном восторге”. Их страсть — господство и рабство (стр. 298). „*А немецкие работники? Ну, немецкие работники не сделали ничего, ни одного энергического заявления симпатии, сочувствия к работникам Франции.* Несколько митингов, где было сказано несколько фраз, в которых торжествовавшая национальная гордость как бы умолкала перед заявлением интернациональной солидарности. Но далее фраз ни один не пошел, а в Германии, вполне очищенной от войск, можно было бы тогда кое-что начать и сделать. Правда, что большинство рабочих было завербовано в армию, где они отлично исполняли обязанности солдата, всех убивали и пр. по приказу начальства, и даже грабили. Некоторые из них, исподняя таким образом свои воинские обязанности, писали в то же самое время жалостные письма в *«Volksstaat»* и живыми красками описывали варварские преступления, совершенные немецкими войсками во Франции” (стр. 298, 299). Было, однако, несколько примеров более смелой оппозиции: протесты Якоби, Либкнехта и Бебеля; но это единичные и к тому же весьма редкие примеры.

* У Бакунина: «народно-социальной». *Ред.*

„Мы не можем позабыть статьи, появившейся в *сентябре 1870 г.* в *«Volksstaat»,* в которой явно обнаруживалось пангерманское торжество. Она начиналась следующими словами: „Благодаря победам, одержанным немецкими войсками, историческая инициатива окончательно перешла от Франции к Германии; мы, немцы, и т. д.”” (стр. 299).

„Словом, можно сказать без всякого исключения, что у немцев преобладало и преобладает поныне восторженное чувство военного и политического национального торжества. Вот на чем опирается главным образом могущество пангерманской империи и ее великого канцлера, князя Бисмарка” (стр. 299).

„И знаете ли, какое стремление преобладает ныне в сознании или инстинкте каждого немца? Стремление «распространить» (verbreiten) «широко», «далеко» Германскую империю” (стр. 303). Страсть эта „заправляет ныне и всеми действиями социал-демократической партии. И не думайте. чтобы Бисмарк был таким ярым врагом этой партии, каким он «прикидывается» (verstellt). Он слишком «умен», чтобы не видеть, что она служит ему, как пионер, распространяя германскую государственную идею в Австрии, Швеции, Дании, Бельгии, Голландии и Швейцарии. В распространении этой германской идеи состоит ныне главное стремление г-на Маркса, который, как мы уже заметили, попытался «возобновить» (erneuern) в свою пользу в Интернационале подвиги и победы князя Бисмарка. Бисмарк держит в своих руках все партии и вряд ли отдаст их в руки г-на Маркса” (стр. 304).

„Эта империя” (пангерманская) „устами своего великого канцлера объявила войну на жизнь или на смерть социальной революции. Князь Бисмарк произнес этот смертный приговор от имени 40 миллионов немцев, стоящих за ним и служащих ему опорою. Маркс же, соперник и завистник его, а за ним и все коноводы социал-демократической партии Германии со своей стороны объявили такую же отчаянную войну социальной революции. Все это мы подробно изложим в следующей части” (стр. 307, 308). „Покамест она” (социальная революция) „сосредоточила свои силы только на юге Европы: в Италии, Испании, Франции; но вскоре, надеемся, под ее знамя встанут и северо-западные народы: Бельгия, Голландия и, главным образом, Англия, а там, наконец, и все славянские племена” (стр. 308).

ПРИБАВЛЕНИЕ

„Главные черты идеала” русского народа: 1) „всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом; 2) что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой «общине», «миру», разделяющему ее «временно» между лицами; 3) квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение «общины» к государству” (стр. 10).

„Три теневые стороны таковы: 1) патриархальность; 2) поглощение лица «миром»; 3) вера в царя. Можно было бы прибавить к этому 4) христианскую веру, как официально-православную, так и сектаторскую (10), но это в России не представляет такой важности, как в Западной Европе” (там же).

Пункты 2 и 3 — „естественные результаты” пункта 1), «патриархальность» — отец, «мир», царь (стр. 15). „Его мир — «община». Она — не что иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней преобладает то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и та же общая приниженность, а потому и та же «коренная» (ursprunglich, zur

Wurzel gehorige) несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, как и в самой семье. Решения «мира», каковы бы они ни были, — закон. «Кто смеет идти против мира?» — восклицает с «удивлением» русский мужик... В «мире» имеют право голоса только «старики», главы семейств... Но над «общиной», над всеми общинами стоит царь, «всеобщий» патриарх и родоначальник, отец всей России. Поэтому власть его безгранична” (стр. 15). „Каждая община составляет в себе «замкнутое целое», вследствие чего ни одна община не имеет, да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же они между собою только посредством «царя-батюшки», только в его верховной, отеческой власти” (стр. 15, 16).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ТЕРРОР В ИРЛАНДИИ

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [475]

Национальный антагонизм между английскими и ирландскими рабочими был до сих пор в Англии одним из главных препятствий на пути любого движения, стремящегося к освобождению рабочего класса, а следовательно, являлся одной из главных опор классового господства как в Англии, так и в Ирландии. Рост Интернационала в Ирландии и создание ирландских секций в самой Англии грозят покончить с таким положением вещей. Поэтому вполне естественно, что британское правительство пытается задушить в зародыше Интернационал в Ирландии, пуская в ход все те методы полицейских преследований, которые исключительные законы и фактически непрекращающееся в стране осадное положение предоставляют в его распоряжение. Как под сенью так называемой свободной британской конституции Ирландия управляется на чисто прусский манер, можно видеть из следующих фактов:

В Дублине одетые в полную форму сержант и рядовой полиции стояли у входа в помещение, где происходило собрание секции. На вопрос владельца помещения, действительно ли они посланы властями, сержант ответил утвердительно, объяснив это тем, что имя Интернационала внушает страх.

То же самое проделывается и в Корке. Против входной двери дома секретаря местной секции стоят в дневное время два полицейских из «королевской ирландской полиции», а с наступлением темноты — четыре, и записывают имя каждого, кто заходит к нему. Недавно помощник инспектора посетил нескольких лиц, у которых работают члены секции Корка, и потребовал их адреса. Многие были предупреждены полицией:

если будет замечено, что они ведут разговоры с секретарем, имена их будут сообщены в «Замок» — место, которое внушает ужас ирландскому рабочему классу[476]. В этом же городе, как сообщается в полученном письме,

«местные власти устроили несколько специальных заседаний, были вызваны усиленные наряды полиции, а в первый день пасхи все полицейские были на ногах и вооружены боевыми патронами, по десять штук каждый. Они ожидали, что мы устроим митинг в парке; местные власти пытаются сделать все возможное, чтобы спровоцировать беспорядки».

Если британское правительство и впредь будет действовать в том же духе, то оно может быть уверено, что с него будут сорваны последние клочки либеральной маски. Газеты Интернационала во всем мире изо дня в день будут ставить имя г-на Гладстона в один ряд с именами Сагасты, Ланцы, Бисмарка и Тьера.

По поручению

Генерального Совета:

Р. Аплгарт, М. Барри, М. Т. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Э. Делаэ, Эжен Дюпон, У. Хейлз, Д. Харрис, Хурлиман, Жюль Жоаннар, Ч. Кин, Харриет Ло, Ф. Лесснер, Лохнер, Ш. Лонге, К. Мартен, Зеви Морис, Г. Мейо, Д. Милнер, Ч. Марри, Пфендер, Дж. Роч, Рюлъ, Садлер, Кауэлл Степни, А. Тейлор, У. Таунсенд, Э. Вайян, Дж. Уэстон, Ярроу.

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; ***А. Эрман*** — для Бельгии; ***Т. Моттерсхед*** — для Дании; ***О. Серрайе*** — для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и России; ***Ш. Роша*** — для Голландии; ***Дж. П. Мак-Доннел*** — для Ирландии; ***Ф. Энгельс*** — для Италии и Испании; ***Валерий Врублевский*** — для Польши; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***И. Г. Эккариус*** — для Соединенных Штатов; ***Ле Муссю*** — для французских секций Соединенных Штатов;

Дж. Хейлз— генеральный секретарь.

Составлено в начале апреля 1872 г.

Напечатано в виде листовки в Лондоне в апреле 1872 г. и в газете «La Emancipacion» № 49, 18 мая 1872 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О ПОЛОЖЕНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ИТАЛИИ И ИСПАНИИ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 12 МАРТА 1872 ГОДА

Гражданин Энгельс заявляет, что опубликованный отчет о заседании на прошлой неделе совершенно неправильно передает то, что он говорил относительно Италии[477]. Внося исправление в этот отчет, он пользуется случаем, чтобы одновременно дополнить сказанное им о положении Интернационала в Италии. До сих пор все сообщения, получаемые из этой страны, как в письмах Совету, так и в газетах итальянских секций Интернационала, представляли дело так, будто последние единодушно придерживаются доктрины о полном воздержании от политической деятельности и отвергают резолюцию конференции по этому вопросу. Но не следует забывать, что и переписка с Генеральным Советом и газеты до сих пор находились не в руках самих рабочих, а в руках выходцев из буржуазии: адвокатов, врачей, журналистов и т. д. Действительно, главная трудность для Совета заключалась в том, чтобы вступить в непосредственное общение с самими итальянскими рабочими. Это сделано в двух-трех местах, и сейчас выяснилось, что эти рабочие отнюдь не являются восторженными сторонниками воздержания от политики, а, наоборот, были очень рады узнать, что Генеральный Совет, возглавляющий основную массу членов Интернационала, вовсе не придерживается этой доктрины. Итак, можно надеяться, что и по этому вопросу итальянские рабочие придут к согласию с рабочими остальной Европы и Соединенных Штатов Америки. В Испании Интернационал все в том же положении. Правительство отказывает

его членам в праве созывать открытые собрания, но в других отношениях не вмешивается в их деятельность. С другой стороны, буржуазные республиканцы настоятельно предлагают им присоединиться к восстанию против правительства и новой династии; но члены Интернационала твердо намерены сражаться за свою собственную программу, если только вообще это им предстоит.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 181, 17 марта 1872 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета, сверенному с текстом газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О ПОЛОЖЕНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ИСПАНИИ [478]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 26 МАРТА 1872 ГОДА

Гражданин Энгельс сообщает, что Испанский федеральный совет накануне истечения срока своих полномочий прислал Генеральному Совету полный отчет о развитии и нынешнем положении Интернационала в Испании. Товарищество, учрежденное в Испании в 1869 г., организовалось в июле 1870 г. на съезде в Барселоне. Оно тогда еще было слабым, но революция Парижской Коммуны и начавшиеся правительственные преследования быстро увеличили его силы; на конференции в Валенсии в сентябре 1871 г. было уже представлено тринадцать местных федераций, а теперь, накануне съезда Интернационала в Испании, который откроется 7 апреля в Сарагосе, Товарищество насчитывает свыше семидесяти организованных местных федераций; при этом в более чем ста пунктах имеется по одной или по несколько местных секций, которые сейчас завершают свое организационное оформление. В восьми отраслях промышленности имеются профессиональные союзы, которые распространены по всей Испании и входят в Интернационал. В настоящее время идут переговоры о вступлении в наше Товарищество большого союза фабричных рабочих, насчитывающего от 40000 до 50000 членов. Ведется очень деятельная пропаганда, и обращения Федерального совета читаются по всей стране. Со времени дебатов в испанском парламенте по поводу Интернационала буржуазная пресса перепечатывает каждый документ, издаваемый Товариществом, и это оказывает большую помощь семи или восьми испанским газетам, которые принадлежат к Интернационалу и защищают его принципы. Вот чего добилось испанское правительство теми

преследованиями, которым подвергало членов нашего Товарищества. Теперь же, когда преследования и всякого рода ограничения стали общим правилом, испанские члены Интернационала, вопреки правительству, собираются устроить в Сарагосе свой второй открытый съезд.

Они сами не знают, сколько может потребоваться марок, так как членские взносы уплачиваются ежемесячно. Они опасаются, что марки трудно будет использовать; для них было бы удобнее, если бы выпускались месячные марки.

Федеральный совет приложил также обращение к различным федеральным советам и высказал пожелание, чтобы эти советы, а также и Генеральный Совет, прислали бы им телеграммы к открытию съезда в знак солидарности, проповедуемой Товариществом.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 183, 31 марта 1872 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета, сверенному с текстом газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О САРАГОССКОМ СЪЕЗДЕ [479]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 7 МАЯ 1872 ГОДА

Съезд испанской организации Интернационала состоялся в Сарагосе в начале апреля, но протоколы его публикуются только теперь; он закончился полным поражением той небольшой, но весьма активной фракции, которая под руководством Бакунина за последние четыре года ни на минуту не прекращала попыток вызвать раздоры в рядах нашего Товарищества. Эта фракция, объединенная в международное общество, называющее себя Альянсом социалистической демократии, торжественно обязалась, когда была допущена в Международное Товарищество Рабочих, распустить свою особую организацию и целиком раствориться в Интернационале. Но, несмотря на это торжественное обязательство, Альянс продолжал существовать как *тайное* общество внутри Интернационала — первый пример тайного общества, направленного не против правящих классов и их правительств, а против той самой пролетарской организации, в которой он обещал раствориться. В Испании этому тайному обществу удавалось в течение некоторого времени управлять Интернационалом, но незадолго до конференции в Валенсии (сентябрь 1871 г.) в его рядах возникли разногласия. Те из его членов, которым интересы Интернационала действительно были дороже интересов ничтожной сектантской клики, подверглись нападкам со стороны фанатиков и интриганов из этой секты, и съезд в Сарагосе должен был, в конце концов, разрешить этот конфликт. Здесь правоверные сторонники Альянса выступили с проектом пересмотра устава, в котором они предлагали по отношению к Испанскому федеральному совету то же самое, что их приятели

сектанты в Швейцарской Юре предлагали в своем циркуляре по отношению к Генеральному Совету. Оба совета, да и все советы вообще, должны быть лишены всякой власти и низведены до положения простых корреспондентских и статистических бюро; секциям и местным федерациям должно быть предоставлено право принимать какие им угодно местные уставы без всякого контроля со стороны федерального совета; они должны только представлять их на утверждение очередного съезда. Должна быть утверждена полная автономия всех секций, их право делать все, что им заблагорассудится, и не считаться ни с какими уставами; фактически Товарищество в целом должно быть распущено, его организация, как политической партии, совершенно уничтожена, деятельность его парализована; и это в тот момент, когда правительство старалось задушить Интернационал в Испании, когда собрания его были запрещены, когда открытые заседания этого самого съезда разгонялись силой, а карлистские агитаторы, с оружием и руках, только ожидали повода, чтобы, воспользовавшись Интернационалом, поднять в Сарагосе восстание, которое в конечном счете должно было служить их целям! Более того, эти предложения делались в то время, когда действительно прекрасные организационные мероприятия, которые конференция в Валенсии провела в жизнь, принесли совершенно неожиданные плоды; когда число местных организационно оформленных федераций с пятнадцати возросло до пятидесяти пяти, не считая девятнадцати федераций, организационное оформление которых завершается, и девяноста четырех местностей, где существуют секции, но еще нет вполне организованных местных федераций. При таких результатах, которые свидетельствовали в пользу устава, принятого в Валенсии, и в пользу Федерального совета, проведшего его в жизнь, каковы же были шансы поборников системы, которая, восстановив состояние полного хаоса, погубила бы все, что было сделано, и открыла бы двери Товарищества любому правительственному или полицейскому агенту и любому числу буржуазных предателей? Съезд единодушно, только при двух или трех воздержавшихся, заявил, что устав, принятый в Валенсии, должен оставаться в полной силе, и, таким образом, попытка уничтожить Интернационал в Испании под предлогом более совершенной организации его явно провалилась. Этот результат имеет большое значение для всего нашего Товарищества. Он еще раз доказывает, что в Испании, как и в любой другой стране, достаточно обратиться к неизменному здравому смыслу рабочего класса, чтобы положить конец

обманам и сектантским ухищрениям мнимых реорганизаторов и лжепророков. Бакунин и его последователи смотрели на Испанию, как на свой оплот, потому что в течение нескольких лет они держали в своих руках всю пропаганду в этой стране. Но как только пролетарское движение охватило всю Испанию. испанские рабочие не позволили больше сковывать себя узкими сектантскими догмами; они отказались жертвовать ими самими созданной и усовершенствованной организацией ради личных целей небольшой кучки интриганов, которые, потерпев поражение в неоднократно повторявшихся попытках превратить Интернационал в свое орудие, теперь делают все возможное, чтобы фактически развалить его. Хорошо известно, что федерация Швейцарской Юры, насчитывающая всего-навсего девять секций, большей частью совершенно разваливающихся, предложила в декабре прошлого года немедленно созвать чрезвычайный общий конгресс с целью полной реорганизации Интернационала на тех самых принципах, которые теперь были предложены Сарагосскому съезду с таким эффективным результатом. Из всех местных федераций Испании только одна, федерация города Пальмы на Майорке, высказалась за созыв этого чрезвычайного конгресса. А теперь, в Сарагосе, делегат этой самой местной федерации Пальмы заявляет, что избравшие его дали ему официальную инструкцию голосовать против всей этой мнимой реорганизации и за простое сохранение существующего устава! Следовательно, голосование Сарагосского съезда, подтверждая полномочия, данные Испанскому федеральному совету, косвенно подтверждает аналогичные полномочия, предоставленные Базельским конгрессом Генеральному Совету Товарищества, полномочия, на которые юрский циркуляр недавно нападал, как на деспотические и диктаторские.

В Италии все с той же наглостью продолжаются попытки аристократии и буржуазии выставить себя истинными представителями рабочего класса. В последних числах апреля в Риме, в одном из лучших театров города, состоялся так называемый рабочий съезд[480]. Председательствовал князь Теано. Делегатами были князья, герцоги, маркизы, графы и тому подобные «благороднейшие» особы, банкиры, фабриканты, члены парламента и несколько лавочников. Настоящих рабочих там было ровно восемь человек. Это не помешало «съезду», находившемуся под руководством и особым покровительством правительства, разглагольствовать от имени итальянских рабочих и провести кучу резолюций, заявляющих, что рабочие чрезвычайно довольны и благодарны «высоким господам» за то,

что те милостиво соблаговолили сделать для них; и если бы они получили только побольше кредита и кооперативных обществ, тогда бы их сокровенные желания были бы более чем удовлетворены. К их разочарованию, подлинные рабочие Рима решили сами собраться и обсудить право этого съезда представлять итальянский рабочий класс. Несмотря на то, что правительство отказало в разрешении расклеить на стенах объявления о созыве этого собрания, пришло большое количество рабочих, которые протестовали против резолюций этого мошеннического съезда и заявили, что только сами итальянские рабочие, в союзе с рабочими всего мира, могут решать все касающиеся их социальные вопросы.

Энгельс также сообщил, что он только что получил письмо из Милана, где более полно излагается событие, о котором сообщалось на прошлой неделе; в письме говорится о том, что секция была вынуждена приостановить выход своей газеты, так как некоторые члены секции были арестованы. Энгельс, изучив устав Феррарского общества и рассмотрев заявление о его безоговорочном присоединении, присланное вместе с уставом, предлагает утвердить его, так как это ясный и практически осуществимый устав.

Напечатано в газете «The Eastern Post»
№ 189, 12 мая 1872 г.

Печатается по тексту протокольной книги
Генерального Совета и тексту газеты

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О СОЗЫВЕ КОНГРЕССА И О ПОЛНОМОЧИЯХ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 11 ИЮНЯ 1872 ГОДА

Гражданин Маркс говорит, что организационный вопрос несомненно будет главным предметом обсуждения на конгрессе. Развернувшаяся борьба достаточно ясно это показала. Желательно рассматривать вопрос о Генеральном Совете отдельно от вопроса о федеральных советах. Предложение Бакунина просто-напросто превратило бы Генеральный Совет в статистическое бюро, ради этого не стоит иметь Совет. Газеты могут помещать всю информацию, которую удастся собрать, но следует помнить, что до сих пор не удавалось еще собрать никаких статистических данных, хотя Генеральный Совет неоднократно напоминал секциям о необходимости сделать что-либо в этом отношении.

Предложение Бельгийского федерального совета логично, ибо он высказывается за упразднение Генерального Совета, как уже не нужного, полагая, что все необходимое может делать федеральный совет, что коль скоро федеральные советы ужи учреждены или сейчас учреждаются во всех странах, они могли бы взять руководство в собственные руки. Испанская газета «Emancipacion», критикуя это предложение, заявила, что оно означало бы смерть Товарищества и что в нем даже нет последовательности, так как, логически рассуждая, надо было бы одновременно упразднить и федеральные советы. Тем не менее, оратор не будет возражать против этого предложения как известной альтернативы, как эксперимента, хотя он убежден,

что это только доказало бы абсолютную необходимость восстановления Генерального Совета. Он готов согласиться на это предложение, если политика усиления полномочий Генерального Совета будет отвергнута, но ни при каких обстоятельствах он не согласится с предложением Бакунина сохранить Генеральный Совет и в то же время свести его значение к нулю.

Публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ К. МАРКСА О МАНДАТЕ БАРРИ [481]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГААГСКОГО КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 3 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА

Маркс говорит, что, кого выбирает та или иная секция, до этого никому нет дела. Впрочем, если Барри не принадлежит к числу так называемых лидеров английских рабочих, это только делает ему честь: ведь эти люди все более или менее подкуплены буржуазией и правительством. Барри подвергается нападкам только потому, что не хочет служить орудием Хейлза.

Впервые опубликовано в книге: «Minutes of the Hague Congress of 1872», Madison, 1958

Печатается по копии протокольной записи, сделанной Куно

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ К. МАРКСА О МАНДАТЕ ЖУКОВСКОГО[482]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГААГСКОГО КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 3 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА

Маркс говорит, что Альянс был принят потому, что сначала не знали о его тайном характере. Генеральный Совет отлично знал, что Альянс все еще продолжал существовать вопреки своему официальному заявлению о роспуске 6 августа 1871 года; но Лондонская конференция ничего не могла сделать иного кроме как принять известные решения. Он возражает не против тайных обществ, как таковых, — ведь он сам принадлежал к такому обществу, — а против тайных обществ, которые враждебны Международному Товариществу Рабочих и приносят ему вред. Романский федеральный совет горячо протестовал против принятия секции, о которой идет речь, и вследствие этого Генеральный Совет отклонил ее в соответствии -с Уставом. В Брюсселе дело обстоит иначе. Тамошняя французская секция написала Генеральному Совету, что, по мнению Бельгийского федерального совета, ее вступление в бельгийскую организацию выдаст последнюю полиции. Поэтому Генеральный Совет не мог не признать эту секцию независимой, и подобным же образом он поступил со второй французской секцией, тоже существующей в Брюсселе.

Впервые опубликовано в книге:«Minutes of the Hague Congress of 1872», Madison, 1958

Печатается по копии протокольной записи, сделанной Куно

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ К. МАРКСА О МАНДАТЕ УЭСТА [483]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГААГСКОГО КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 4 СЕНТЯБРЯ 1872 г.

Маркс от имени комиссии вносит предложение аннулировать мандат Уэста, так как он: 1) является членом временно исключенной секции № 12, 2) был участником съезда в Филадельфии и 3) был членом совета на Принс-стрит. Кроме того, мандат Уэста подписан Викторией Вудхалл, которая уже в течение ряда лет ведет интриги, чтобы стать президентом Соединенных Штатов, является председательницей спиритов, проповедует свободную любовь, владеет банковским предприятием и т. д. Основанная В. Вудхалл секция № 12 первоначально состояла почти сплошь из одних буржуа, вела агитацию главным образом за предоставление женщинам избирательного права, она выпустила пресловутое воззвание к гражданам Соединенных Штатов, говорящим по-английски, в котором Международному Товариществу Рабочих приписывалась всякая чепуха и на основании которого в стране образовался ряд подобных ей секций. В числе прочего в воззвании говорилось о личной свободе, социальной свободе (свободной любви), регламентации одежды, избирательном праве для женщин, универсальном языке и т. д. 28 октября они объявили, что «освобождение рабочего класса самим рабочим классом» означает лишь, что освобождение рабочего класса не должно проводиться против воли самих рабочих. Женский вопрос они ставят впереди рабочего вопроса и не желают признать, что Международное Товарищество Рабочих является рабочей организацией. Секция № 1 протестовала против такого поведения секции № 12 и потребовала, чтобы каждая секция состояла, по крайней мере, на $^2/_3$ из наемных рабочих, так как в Америке до сих пор

всякое рабочее движение использовалось буржуазией. Секция № 12 возразила против требования о $^{2}/_{3}$ наемных рабочих и издевательски спрашивала: разве преступление быть не наемным рабом, а свободным человеком? Обе стороны обратились тогда в Генеральный Совет, который 5 и 12 марта принял решение временно исключить секцию № 12.

Вследствие всего этого Уэст не может быть допущен. Однако секция № 12 не признала постановление Генерального Совета*. Уэст был также участником съезда в Филадельфии и совета на Принс-стрит, которые отказались признать Генеральный Совет и поддерживали связь с Юрской федерацией, причем последняя, согласно сообщению газет, призывала их не платить взносов Генеральному Совету и таким образом посадить его на мель.

Впервые опубликовано в книге:«Minutes of the Hague Congress of 1872», Madison, 1958

Печатается по копии протокольной записи, сделанной Куно

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* В копии протокольной записи, хранящейся в библиотеке Висконсина (США) и опубликованной в книге «Minutes of the Hague Congress of 1872 with related documents», эта фраза записана следующим образом: «Несмотря на то, что они сами обратились за решением к Генеральному Совету, секция № 12 и ее приверженцы не признали это решение». *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПОЛНОМОЧИЯХ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГААГСКОГО КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 6 СЕНТЯБРЯ 1872 г.

Эти полномочия мы требуем не для себя, а для будущего Генерального Совета. Мы скорее согласились бы упразднить Генеральный Совет, чем превратить его, как предлагает Брисме, в какой-то почтовый ящик. В подобном случае руководство Товариществом попало бы в руки журналистов, то есть *не рабочих.*

Оратор недоумевает, как могли Юрская федерация и прочие абстенционисты поддерживать секцию № 12; ведь именно эта секция хотела использовать Международное Товарищество Рабочих в качестве орудия для проведения буржуазной политики.

Пусть те, кто недоверчиво усмехнулся при упоминании созданных полицией секций, знают, что такие секции были созданы во Франции, Австрии и других странах. Из Австрии в Генеральный Совет поступила просьба не признавать секций, которые основаны не делегатами Генерального Совета или местными организациями.

Везинье и К°, которых французские эмигранты недавно изгнали из своей среды, естественно, стоят за Юрскую федерацию. На Бельгийский федеральный совет в Генеральный Совет поступали прямые обвинения в произволе, злоупотреблении властью, кумовстве и т. д., как ни на один федеральный совет, — причем обвинения исходили от бельгийских рабочих, о чем свидетельствуют письма. Такие субъекты, как Везинье, Ландек и др., по моим наблюдениям, сначала организуют федеральный совет, а затем уже — федерацию и секции; агенты Бисмарка могут сделать то же самое. Вот почему Генеральный

Совет должен обладать правом распустить и временно исключить федеральный совет или федерацию, после чего должно иметь место обращение к секциям, которое иногда может оказаться весьма уместным, чтобы решить голосом народа, является ли еще данный федеральный совет выразителем народной воли. В Австрии крикуны, ультрамонтаны, радикалы и провокаторы создают секции, чтобы скомпрометировать Международное Товарищество Рабочих; во Франции одна секция была создана полицейским комиссаром; несмотря на это, организация является наилучшей там, где Интернационал запрещен, потому что преследования всегда приводят к такому результату.

Генеральный Совет и сейчас имеет возможность временно исключить целую федерацию путем временного исключения одной секции за другой. В случае временного исключения федерального совета или федерации Генеральный Совет сразу же рискует получить выговор или порицание и потому будет использовать это право временного исключения лишь в исключительных случаях. Но даже если бы мы признали за Генеральным Советом права негритянского князька или русского царя, то эта власть все равно окажется иллюзорной, как только Генеральный Совет перестанет быть выразителем большинства Международного Товарищества Рабочих; у Генерального Совета нет армии, нет бюджета, он является только моральной силой и всегда будет бессилен, если не будет пользоваться одобрением всего Товарищества.

Впервые опубликовано в книге:«Minutes of the Hague Congress of 1872», Madison, 1958

Печатается по копии протокольной записи, сделанной Куно

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О МЕСТОПРЕБЫВАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГААГСКОГО КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 6 СЕНТЯБРЯ 1872 г.

Энгельс берет слово для обоснования своего предложения о переносе местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. Генеральный Совет до сих пор все время оставался в Лондоне, потому что только там он мог быть интернациональным, а его документы, равно как и члены Совета — находиться в безопасности. В Нью-Йорке наши документы будут в такой же безопасности, как и в Лондоне, тогда как нигде на континенте они не находятся в безопасности — даже в Брюсселе и Женеве, как можно было убедиться по имевшим там место полицейским историям. Однако партийные разногласия в Лондоне приобрели такую остроту, что становится *необходимым* переменить местопребывание Совета.

Кроме того, обвинения против Генерального Совета стали настолько резкими и непрерывными, что большинству прежних его членов это наскучило, и они решили больше не входить в его состав. Он может с полной определенностью заявить об этом от имени Маркса и своего собственного имени. К тому же, в прежнем Генеральном Совете далеко не всегда царило единодушие, что могут засвидетельствовать все его члены. Генеральный Совет 8 лет оставался в одном месте, и нужна, наконец, перемена, во избежание нежелательного закостенения. На этом же основании Маркс еще в 1870 г. предложил перевести Генеральный Совет в Брюссель, но в то время все федерации высказались за оставление его в Лондоне. Куда же следует теперь перевести Генеральный Совет? В Брюссель? Сами бельгийцы заявляют, что это не годится, потому что ничто не гарантирует безопасность лиц и документов. В Женеву? Женевцы

решительно высказываются против, отчасти по тем же самым мотивам, что и бельгийцы, и ссылаются на конфискацию документов Утина.

Итак, не остается другого места, кроме Нью-Йорка. Там наши документы будут в безопасности, там мы имеем сильную, новую организацию, там как нигде больше наша партия носит подлинно интернациональный характер. Стоит только взглянуть на нью-йоркский федеральный совет, который состоит из ирландцев, французов, итальянцев, шведов, немцев, а скоро будет состоять также из американцев. Возражение, что Нью-Йорк находится слишком далеко, не выдерживает критики, так как это будет представлять известное преимущество для тех европейских федераций, которые ревниво оберегают свои внутренние дела от вмешательства Генерального Совета; ведь именно дальность расстояния затрудняет подобное вмешательство и будет препятствовать тому, чтобы отдельные федерации приобретали слишком большое влияние в Генеральном Совете. Впрочем, Генеральный Совет уже обладает правом и даже обязан в определенных случаях и для определенных стран назначать уполномоченных в Европе, как он это всегда и делал до сих пор.

Впервые опубликовано в книге:«Minutes of the Hague Congress of 1872», Madison, 1958

Печатается по копии протокольной записи, сделанной Куно

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ К. МАРКСУ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ В НЬЮ-ЙОРКЕ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Карл Маркс, проживающий в доме № 1 по Мейтленд-парк-род, Лондон, Англия, уполномочивается и получает задание собрать *все виды имущества* прежнего Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих и хранить его впредь до распоряжения Совета.

Всем бывшим членам и должностным лицам прежнего Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих в Лондоне или где-либо в другом месте предписывается и предлагается принять во внимание это распоряжение и передать упомянутому Карлу Марксу все книги, документы и т. п., короче — все имущество, принадлежащее в настоящее время или принадлежавшее ранее Генеральному Совету в бытность его в Лондоне.

По распоряжению и от имени Генерального Совета

Генеральный секретарь

Ф. А. Зорге

Нью-Йорк, 30 декабря 1872 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

МАНДАТ, ВЫДАННЫЙ Ф. ЭНГЕЛЬСУ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ В НЬЮ-ЙОРКЕ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

МАНДАТ

Фридрих Энгельс, проживающий в доме № 122 по Риджентс-парк-род, в Лондоне, назначается временным представителем Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих для Италии. Ему предоставляются полномочия и поручается действовать от имени Генерального Совета в соответствии с инструкциями, которые он будет получать от времени до времени.

По распоряжению и от имени Генерального Совета

Генеральный секретарь

Ф. А. Зорге

Нью-Йорк, 5 января 1873 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

ИНСТРУКЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ДЛЯ ИТАЛИИ, ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ, В ЛОНДОНЕ

1. Представитель Генерального Совета для Италии всеми силами будет содействовать организации Интернационала в Италии в соответствии с Общим Уставом, Регламентом и инструкциями Генерального Совета.

2. Он должен следить за рабочим характером движения в Италии.

3. В срочных случаях он будет выносить временное решение по спорным вопросам, относящимся к организации и руководству нашим Товариществом в Италии, с правом апелляции заинтересованных сторон к Генеральному Совету, который он должен немедленно надлежащим образом информировать.

4. Он также имеет право временно исключить отдельного члена или целую организацию в Италии до получения решения Генерального Совета, которому он должен немедленно сообщить о принятых мерах, представив оправдательные документы; но он *не* имеет права исключить никого из представителей, назначенных непосредственно Генеральным Советом, не запросив и не получив по этому поводу от Генерального Совета специальных инструкций.

5. Он имеет право выдавать временные мандаты на определенный срок лицам в Италии, причем полномочия этих лиц ни в коем случае не должны превышать полномочий представителей, назначенных непосредственно Генеральным Советом; само собой разумеется, что все мандаты и полномочия должны быть утверждены решением Генерального Совета и могут быть аннулированы и отменены в любой момент.

6. Он должен следить за регулярным сбором взносов и передачей их Генеральному Совету.

7. Он должен держать Генеральный Совет в курсе событий посредством регулярных сообщений и направлять ему ежемесячно подробный отчет.

По распоряжению и от имени Генерального Совета

Генеральный секретарь

Ф. А. Зорге

Нью-Йорк, 5 января 1873 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с французского

ВСЕМ ЧЛЕНАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
ОТ 26 ЯНВАРЯ 1873 ГОДА[484]

Принимая во внимание, что согласно статье 3 Устава:

«Общий конгресс призван провозглашать общие стремления рабочего класса, принимать меры, необходимые для успешной деятельности Международного Товарищества, и назначать Генеральный Совет Товарищества»;

что согласно статье 2, раздела II Организационного регламента: «Генеральный Совет обязан приводить в исполнение резолюции конгрессов и следить в каждой стране за строгим соблюдением принципов Общего Устава и Регламента Интернационала»*;

что согласно статье 1, раздела V Организационного регламента местные уставы обществ, принадлежащих к Международному Товариществу Рабочих, «не должны содержать ничего противоречащего Общему Уставу и Регламенту»;

принимая во внимание, что никакое общество или лицо не может состоять в организации, законы которой оно отвергает, то есть не может в одно и то же время пребывать в организации и вне ее;

что любое общество или отдельное лицо, принадлежащее к Международному Товариществу Рабочих, в случае причиненной несправедливости или предполагаемого ущерба имеет право заявить протест на очередном общем конгрессе;

принимая во внимание далее, что согласно Общему Уставу Международного Товарищества Рабочих «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», каждое общество или лицо,

---

* См. настоящий том, стр. 144. *Ред.*

имеющее право принимать решения, обязано также выполнять принятые решения —

Генеральный Совет, исходя из этого, заявляет:

Общества и лица, отказывающиеся признать решения конгресса или сознательно уклоняющиеся от выполнения налагаемых на них Уставом и Организационным регламентом обязанностей, *ставят себя тем самым вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами.*

Генеральный Совет:

Ф. И. Бертран, Фр. Больте, К. Карл, С. Дерёр, Форначчиери, С. Каванах, С. Ф. Лорель, Э. Левьель, Ф. А. Зорге, К. Шпейер, Э. П. Сен-Клер

Генеральный секретарь

Ф. А. Зорге

Нью-Йорк, 26 января 1873 г.

Напечатано в газетах «Arbeiter-Zeitung» № 6, 15 марта 1873 г., «La Emancipacion» ,№ 90, 22 марта 1873 г., «Der Volksstaat» № 26, 29 марта 1873 г., «The International Herald» № 52, 29 марта 1873 г.

Печатается по тексту газеты «Arbeiter-Zeitung»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВСЕМ ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОТ 30 МАЯ 1873 ГОДА

Принимая во внимание, что съезд Бельгийской федерации, состоявшийся 25 и 26 декабря 1872 г. в Брюсселе, постановил признать недействительными* решения пятого общего конгресса;

принимая во внимание, что съезд части Испанской федерации, состоявшийся в Кордове с 25 декабря 1872 г. по 2 января 1873 г., постановил не признавать решения пятого общего конгресса в Гааге и присоединился к резолюциям собрания, враждебного Интернационалу**;

принимая во внимание, что состоявшееся в Лондоне собрание 26 января 1873 г. постановило отвергнуть решения пятого общего конгресса в Гааге —

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих во исполнение Устава и Организационного регламента, и в соответствии со своей резолюцией от 26 января 1873 г. объявляет:

Все национальные или местные федерации, секции и отдельные лица, принявшие участие в упомянутых выше съездах и собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне или признавшие их решения, *сами поставили себя вне рядов Международного Товарищества Рабочих и не являются больше его членами.*

Генеральный Совет:

Ф. И. Бертран, Ф. Больте, К. Карл, С. Кованах, С. Дерёр, С. Ф. Лорель, Ф. А. Зорге, К. Шпейер

Генеральный секретарь

Ф. А. Зорге

Нью-Йорк, 30 мая 1873 г.

Напечатано в газетах «Arbeiter-Zeitung» № 18, 7 июня 1873 г. и «Der Volksstaat» № 51, 25 июня 1873 г.

Печатается по тексту газеты «Arbeiter-Zeitung»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* В газете «Volksstaat» вместо слов «признать недействительными» напечатано: «отвергнуть». *Ред.*

** Речь идет о решениях анархистского конгресса в Сент-Имье. *Ред.*

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТНОСИТЕЛЬНО ИТАЛЬЯНСКИХ СЕКЦИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих ставит в известность, что *не существует* никакой национальной итальянской федерации Интернационала, поскольку ни одна из организаций, претендующих на это звание, никогда не выполняла ни одного из тех условий, которые согласно Уставу и Регламенту должны предшествовать принятию и признанию секций.

Вместе с тем в различных частях Италии существуют секции Международного Товарищества Рабочих, регулярно оформленные и связанные с Генеральным Советом.

От имени и по поручению Генерального Совета

Генеральный секретарь

Ф. А. Зорге

Нью-Йорк, 30 мая 1873 г.

Напечатано в газетах «Arbeiter-Zeitung» № 18, 7 июня 1873 г. и «Der Volksstaat» № 51, 25 июня 1873 г.

Печатается по тексту газеты «Arbeiter-Zeiiung»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГРАЖДАНАМ ДЕЛЕГАТАМ VI КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [485]

Лондон, 3 сентября 1873 г.

Граждане,

Стремясь обеспечить конгрессу полную свободу при обсуждении деятельности Генерального Совета за 1872—73 гг., Генеральный Совет в Нью-Йорке принял в свое время решение не посылать делегатов из числа своих членов, а выбрать уполномоченного в Европе и поручить ему передать на рассмотрение конгресса предусмотренные Уставом официальный и закрытый отчеты и внести резолюции по вопросам, стоящим в повестке дня. Ознакомившись с документами, которые были мне пересланы Генеральным Советом, я тем охотнее согласился принять его мандат, что полностью одобряю его организационную деятельность и официальные решения. Однако, в связи с полученными в последний момент сообщениями **из** различных стран, я считаю своим долгом отказаться от участия в работах конгресса. Затруднительное положение наших членов в этих странах лишает меня возможности высказаться более обстоятельно по этому поводу. Достаточно сказать, что положение во Франции — мандаты оттуда присланы на мое имя — не позволяет надеяться на прямое представительство, что отъезд наших испанских членов из страны в момент переживаемого ею кризиса был бы расценен трудящимися массами как малодушие, что в результате испанских событий финансовые обязательства наших друзей в Португалии настолько возросли. что не оставляют им иного выбора, кроме косвенного представительства; наконец, что полицейские преследования членов Интернационала в Италии, новые и новые аресты в Германии, насильственный роспуск центральной секции в Копенгагене

и все возрастающие репрессии, которые обрушиваются на всякое рабочее движение в Австро-Венгрии, делают неосуществимым подлинно интернациональное представительство рабочих. Конгресс, созванный в этих условиях, гораздо более тяжелых для Товарищества, чем даже те, которые создались сразу же после поражения Парижской Коммуны, будет носить уже в силу своего состава более или менее локальный характер.

С другой стороны, Британский федеральный совет, который в политическом отношении поставлен в гораздо более благоприятные условия в смысле представительства на Женевском конгрессе, уже назначил было своих делегатов — Альфреда Дейса, Ф. Лесснера, О. Серрайе; но ознакомившись с документами, присланными его секретарю Федеральным советом Романской Швейцарии, он отменил свое постановление и решил отказаться от участия в конгрессе, изложив свои доводы публично.

Даже если бы вышеизложенные общие соображения не обязывали меня воздержаться от участия в работах Женевского конгресса, то фактов, обусловивших решение Британского федерального совета, уже было бы достаточно, чтобы помешать мне участвовать в конгрессе, несмотря на мандаты, полученные мной из Франции, Америки, Португалии и т. д.

Посылаю вам при этом документы, полученные мной от Генерального Совета[486].

С братским приветом

О. Серрайе

Написано Ф. Энгельсом 3 сентября 1873 г.

Публикуется впервые

Печатается по тексту рукописи Энгельса

Перевод с французского

ПРИМЕЧАНИЯ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Мнимые расколы в Интернационале»* — закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине января — начале марта 1872 года. 5 марта Маркс изложил основные положения циркуляра на заседании Генерального Совета и отметил значение этого документа, дающего «картину исторического развития принципов и политики Товарищества, которые прослеживаются совершенно отчетливо». Циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале», в котором была предана полной гласности подрывная деятельность внутри Интернационала возглавляемого Бакуниным Альянса социалистической демократии, завершает определенный этап борьбы Маркса и Энгельса против анархизма. Враждебная деятельность бакунистов особенно усилилась после Лондонской конференции (сентябрь 1871). Своими решениями о необходимости создания самостоятельной политической партии пролетариата и борьбы с сектантством конференция нанесла анархизму тяжелый удар. Анархисты развернули бешеную кампанию против Интернационала, прежде всего против Генерального Совета и Маркса. На съезде анархистов в Сонвилье, в ноябре 1871 г., был принят циркуляр (см. статью Энгельса «Съезд в Сонвилье и Интернационал», настоящее издание, т. 17, стр. 480—486), который явился сигналом для выступления против Генерального Совета различных враждебных марксизму элементов, как внутри Интернационала, так и вне его. Открытая и особенно тайная деятельность анархистов поставила под угрозу величайшее завоевание международного пролетариата — Интернационал. Маркс и Энгельс в «Мнимых расколах в Интернационале» разоблачили перед пролетариатом всех стран подлинные цели анархистов, их связь с чуждыми рабочему классу элементами и деятельность руководимого Бакуниным Альянса как враждебной рабочему движению секты.

Циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале» был напечатан впервые отдельной брошюрой на французском языке в конце мая 1872 г. за подписью всех членов Генерального Совета и разослан всем федерациям Товарищества. На русском языке «Мнимые расколы в Интернационале» впервые были опубликованы в 1928 г. в книге В. Полонского «Материалы для биографии М. Бакунина», т. 3, стр. 466—490,

но со значительными пропусками. Полностью первый перевод на русский язык был опубликован Институтом марксизма-ленинизма в 1938 г. в журнале «Пролетарская революция» № 9. — *1.*

[2] К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 317—370). — 5.

[3] В ответ на клевету, которую буржуазная пресса обрушила на Интернационал в связи с выходом воззвания «Гражданская война во Франции», Маркс и Энгельс от имени Генерального Совета направили в различные английские газеты: «The Times» («Времена»), «The Standard» («Знамя»), «The Daily News» («Ежедневные новости») и другие, письма, в которых защищали Парижскую Коммуну и разъясняли позицию Интернационала (см. настоящее издание, т. 17, стр. 374—383, 385), — *6.*

[4] С июня 1871 г. Генеральный Совет в связи с прибытием в Лондон коммунаров, бежавших в Англию от преследований версальского правительства, занимался сбором и распределением материальной помощи, а также трудоустройством эмигрантов Коммуны. Организатором всей этой деятельности Генерального Совета был Маркс. В июле Генеральный Совет образовал специальный Комитет помощи эмигрантам Коммуны, в который входили Маркс, Энгельс, Юнг и другие члены Совета; 5 сентября 1871 г. в связи с напряженной деятельностью по подготовке Лондонской конференции 1871 г. Маркс и Энгельс вышли из Комитета и были заменены другими членами Генерального Совета. Несмотря на существование специального Комитета, Генеральный Совет в 1871— 1872 гг. продолжал уделять огромное внимание организации помощи коммунарам. — *6.*

[5] С конца 50-х годов одним из основных требований английских рабочих являлось требование установления девятичасового рабочего дня. В мае 1871 г. началась крупная стачка строительных и машиностроительных рабочих Ньюкасла, которой руководила Лига борьбы за девятичасовой рабочий день. Борьба в Ньюкасле приобрела особенно острый характер, так как Лига впервые привлекла и не входивших в тред-юнионы рабочих. Председатель Лиги Барнетт обратился к Генеральному Совету Интернационала с просьбой помешать начавшемуся ввозу в Англию штрейкбрехеров. В связи с этим Генеральный Совет направил на континент членов Совета Эккариуса и Кона для разъяснения рабочим значения происходившей в Ньюкасле борьбы. Ввоз штрейкбрехеров был сорван благодаря энергичной поддержке Генерального Совета Интернационала. В октябре 1871 г. стачка в Ньюкасле закончилась победой рабочих; для них была установлена 54-часовая рабочая неделя. — *6.*

[6] 25 июля 1871 г. Генеральный Совет принял предложение Энгельса о созыве в Лондоне, в сентябре 1871 г., закрытой конференции Интернационала. С этого времени Маркс и Энгельс вели огромную работу по организационной и теоретической подготовке конференции: ими были составлены программа работы и проекты резолюций, которые обсуждались на заседаниях Генерального Совета и были затем предложены Лондонской конференции. Лондонская конференция Интернационала, ознаменовавшая собой важный этап борьбы Маркса

и Энгельса за создание пролетарской партии, состоялась 17—23 сентября 1871 года (см. настоящее издание, т. 17). — *6.*

[7] Решение Генерального Совета Интернационала о созыве конгресса вместо Парижа в Майнце было принято 17 мая 1870 года. 12 июля 1870 г. по предложению Маркса был принят проект повестки дня конгресса в Майнце (см. настоящее издание, т. 16, стр. 456). — *7.*

[8] На заседании Генерального Совета 28 июня 1870 г. Маркс внес предложение обсудить в секциях вопрос об изменении местонахождения Генерального Совета, мотивируя это необходимостью не создавать привилегированных условий для рабочих той или иной страны; после обсуждения на ряде заседаний Совета это предложение было принято, и Маркс 14 июля 1870 г. написал «Конфиденциальное извещение всем секциям» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 455). Секции высказались против изменения местопребывания Генерального Совета, считая Лондон наиболее подходящим местом для деятельности руководящего органа Международного Товарищества Рабочих. — *7.*

[9] 25—29 сентября 1865 г. вместо предполагавшегося конгресса Международного Товарищества Рабочих в Брюсселе состоялась предварительная конференция в Лондоне; решение об отсрочке конгресса и созыве конференции было принято Генеральным Советом по настоянию Маркса, который считал, что местные организации Интернационала еще недостаточно окрепли в идейном и организационном отношении. — *7.*

[10] В циркулярной депеше Ж. Фавра, министра иностранных дел Франции, от 26 мая 1871 г. дипломатическим представителям Франции за границей предлагалось добиваться от европейских правительств ареста и выдачи эмигрантов Коммуны как простых уголовных преступников.

Дюфором был предложен законопроект, разработанный специальной комиссией французского Национального собрания, по которому принадлежность к Интернационалу каралась тюремным заключением. Законопроект был принят 14 марта 1872 года. — *7.*

[11] Летом 1871 г. Бисмарком и канцлером Австро-Венгрии Бёйстом были предприняты шаги для совместной борьбы с рабочим движением. 7 июня 1871 г. Бисмарк направил германскому послу в Вене Швейницу депешу, в которой рекомендовал договориться с австрийским правительством о совместных действиях против рабочих организаций; 17 июня 1871 г. Бисмарк послал Бёйсту памятную записку, где сообщал о мерах, принятых в Германии и во Франции против деятельности Интернационала. В августе 1871 г. на свидании германского и австрийского императоров в Гаштейне и в сентябре 1871 г. в Зальцбурге был вынесен для специального обсуждения вопрос о мерах совместной борьбы с Интернационалом.

Итальянское правительство включилось в общий поход против Интернационала, что проявилось в разгроме неаполитанской секции в августе 1871 г. и в преследовании членов Товарищества, в частности Т. Куно (см. настоящий том, стр. 72—-73).

Весной и летом 1871 г. испанское правительство применило против рабочих организаций и секций Интернационала репрессивные меры; в связи с этим члены Испанского федерального совета Мора, Мораго и Лоренцо были вынуждены эмигрировать в Лиссабон. — *7.*

[12] В Австро-Венгрии были арестованы и осуждены судом в июле 1870 г. по обвинению в государственной измене деятели австрийской социал-демократии Обервиндер, А. Шей, Мост и Папст; преследованиям подверглись также некоторые рабочие общества.

В Германии 9 сентября 1870 г. за выпуск обращения ко всем немецким рабочим от 5 сентября 1870 г., направленного против милитаристских планов прусского правительства, были арестованы и преданы суду члены Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии Бракке, Борнхорст, Шпир и др. 17 декабря 1870 г. за выступления против захватнической войны были арестованы Либкнехт и Бебель, обвинявшиеся в «подготовительных действиях к государственной измене»; в марте 1872 г. они были приговорены к 2-летнему заключению в крепости. — *8.*

[13] Центральный комитет Североамериканской федерации Международного Товарищества Рабочих решил 12 августа 1871 г. не посылать делегатов на Лондонскую конференцию, а имеющиеся средства употребить для помощи эмигрантам Коммуны. Специальной комиссии было поручено составить для Лондонской конференции доклад; 20 августа меморандум Центрального комитета был единогласно одобрен его членами и отослан затем Генеральному Совету. В меморандуме дается анализ экономического и политического положения рабочего класса США и тех трудностей, с которыми встречается в своей работе Центральный комитет. Этот документ был вкратце изложен Марксом на заседании конференции 22 сентября 1871 года. — *8.*

[14] Лондонская конференция по предложению Маркса поручила Генеральному Совету образовать федеральный совет для Англии. С основания Интернационала и до осени 1871 г. функции такого совета выполнял сам Генеральный Совет. В октябре 1871 г. из представителей английских секций и примыкавших к Интернационалу тред-юнионов был образован Британский федеральный совет. С самого начала в его руководстве оказалась группа реформистов, возглавляемая секретарем Генерального Совета Хейлзом, которая повела борьбу против Генерального Совета, стремясь противопоставить ему в Англии Британский совет, выступая также против политики пролетарского интернационализма, проводимой им в ирландском вопросе (см. примечание 93). В своей борьбе Хейлз и др. блокировались с анархистами в Швейцарии, буржуазно-реформистскими элементами в США и т. д. После Гаагского конгресса реформистская часть Британского федерального совета, отказавшись признать решения конгресса, вместе с бакунистами предприняла клеветническую кампанию против Генерального Совета и Маркса. Против них выступила другая часть Британского совета (Викери, Райли, Милнер, Лесснер и др.), которая активно поддерживала Маркса и Энгельса. В начале декабря 1872 г. в Британском федеральном совете произошел раскол; часть совета, оставшаяся верной решениям Гаагского конгресса, конституировалась как Британский федеральный совет и установила непосредственный контакт с Генеральным Советом, местопребывание которого было перенесено в Нью-Йорк. Активную помощь в организации работы Британского совета оказали Маркс и Энгельс. Попытки реформистов повести за собой Британскую федерацию Интернационала кончились крахом.

Британский федеральный совет фактически просуществовал до конца 1874 года. Прекращение его деятельности было связано с прекра-

щением деятельности Интернационала в целом, а также с временной победой оппортунизма в английском рабочем движении. — *8.*

[15] Речь идет о резолюции IX Лондонской конференции 1871 г. «О политическом действии рабочего класса», в которой было сформулировано положение о необходимости организации политической партии рабочего класса как непременном условии для обеспечения победы социалистической революции и достижения ее конечной цели — построения бесклассового общества (см. настоящее издание, т. 17, стр. 426— 427). — *8.*

[16] Имеется в виду резолюция II Лондонской конференции 1871 г. «О наименованиях национальных советов и т. д.», которая преграждала доступ в Интернационал различным сектантским группам (см. настоящее издание, т. 17, стр. 423—424). — *8.*

[17] Речь идет о прокламации Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», опубликованной в приложении к «Колоколу» № 122— 123, 15 февраля 1862 года.

«Колокол» — русская революционно-демократическая газета, издавалась в 1857—1867 гг. А. И. Герценом и Н. П. Огаревым на русском языке и в 1868—1869 гг. на французском языке с русскими приложениями; выходила до 1865 г. в Лондоне, затем в Женеве. — *9.*

[18] *Лига мира и свободы* — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии рядом мелкобуржуазных и буржуазных республиканцев и либералов. — *9.*

[19] Речь идет о резолюции, предложенной М. Бакуниным 23 сентября 1868 г. на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне в связи с обсуждением проекта программы Лиги. В защиту своего предложения Бакунин выступил с двумя речами, опубликованными в «Колоколе» №14—15, 1 декабря 1868 года. — *9.*

[20] Приведенное ниже циркулярное письмо Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих Альянсу социалистической демократии было написано Марксом 22 декабря 1868 г. в связи с обсуждением на заседании Генерального Совета вопроса о приеме Альянса в Интернационал.

29 ноября 1868 г. И. Ф. Беккер, входивший в состав временного комитета Альянса, послал Генеральному Совету текст программы и устава этого общества. Эти документы были оглашены на заседании Совета 15 декабря 1868 года. В тот же день Маркс переслал их Энгельсу с просьбой дать свои критические замечания. Энгельс выполнил эту просьбу 18 декабря; 22 декабря составленный Марксом с учетом замечаний Энгельса проект ответа Альянсу в виде циркулярного письма был оглашен Г. Юнгом на заседании Генерального Совета и принят с небольшими изменениями. Циркуляр, рассылавшийся в виде конфиденциального сообщения (см. настоящее издание, т. 16, стр. 353— 355), впервые был опубликован Марксом и Энгельсом в «Мнимых расколах в Интернационале». — *9.*

[21] Приведенное ниже циркулярное письмо Генерального Совета было составлено Марксом в ответ на вторичное обращение центрального бюро Альянса от 27 февраля 1869 г. к Генеральному Совету с заявлением

о своей готовности распустить международный Альянс, если Генеральный Совет одобрит, его программу и примет в Интернационал отдельные местные секции Альянса. Маркс согласовал текст своего письма с Энгельсом; письмо было единогласно принято на заседании Совета 9 марта 1869 г. (см. настоящее издание, т. 16, стр. 363—364). Впервые документ был опубликован Марксом и Энгельсом в работе «Мнимые расколы в Интернационале». — *11.*

[22] *Нечаевский процесс* — процесс учащейся молодежи, обвинявшейся в тайной революционной деятельности, слушался в Петербурге в июле-августе 1871 года (подробно об этом процессе см. настоящий том, стр. 388—415). Материалы процесса публиковались в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Лондонская конференция поручила Утину составить краткий отчет о нечаевском процессе, который до опубликования должен был быть представлен Генеральному Совету. Вместо отчета Утин прислал Марксу в конце августа 1872 г. для Гаагского конгресса Интернационала обширный конфиденциальный доклад о враждебной Товариществу деятельности Бакунина и Нечаева. — *13.*

[23] *«Le Progrès»* («Прогресс») — бакунистская газета, открыто выступавшая против Генерального Совета; издавалась на французском языке в Локле под редакцией Гильома с декабря 1868 по апрель 1870 года. — *13.*

[24] *«L'Égalité»* («Равенство») — еженедельная швейцарская газета, орган Романской федерации Интернационала; выходила в Женеве на французском языке с декабря 1868 по декабрь 1872 года. В ноябре 1869 — январе 1870 гг. входившие в редакцию газеты Бакунин, Перрон, Робен и др. пытались использовать ее для нападок на Генеральный Совет Интернационала. Однако в январе 1870 г. Романский федеральный совет добился изменения состава редакции и вывода из нее бакунистов, после чего газета стала поддерживать линию Генерального Совета. — *13.*

[25] Имеется в виду написанное Марксом циркулярное письмо «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии», утвержденное на заседании Генерального Совета 1 января 1870 года (см. настоящее издание, т. 16, стр. 402—409). — *14.*

[26] *«Le Travail»* («Труд») — французская еженедельная газета, орган парижских секций Интернационала, издавалась с 3 октября по 12 декабря 1869 г. в Париже; одним из главных сотрудников газеты был видный деятель французского рабочего движения, переплетчик Э. Варлен. — *14.*

[27] *Лига общественного блага* — союз феодальной знати, возникший в конце 1464 г. во Франции и направленный против политики объединения Франции в единое централизованное государство, проводившейся королем Людовиком XI. Участники Лиги выступали под флагом борцов за «общее благо» Франции. — *14,*

[28] *«La Solidarité»* («Солидарность») — еженедельная бакунистская газета, выходила на французском языке с апреля по сентябрь 1870 г. в Невшателе и с марта по май 1871 г. в Женеве. — *15.*

[29] *«Фабрикой»* («La Fabrique») — в тот период называли производство часов и ювелирных изделий в Женеве и ее окрестностях, которое велось в крупных и мелких мастерских мануфактурного типа, а также рабочими-надомниками. — *15.*

[30] Резолюцию о Федеральном комитете Романской Швейцарии, принятую Генеральным Советом по предложению Маркса, см. настоящее издание, т. 16, стр. 451. — *16.*

[31] Имеется в виду второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне, написанное Марксом и принятое Генеральным Советом Интернационала 9 сентября 1870 г. (см. настоящее издание, т. 17, стр. 274—282). — *16.*

[32] Речь идет о датированном 5 сентября 1870 г. воззвании «К секциям Интернационала», составленном бакунистами Дж. Гильомом и Г. Бланом и опубликованном в Невшателе в качестве приложения к газете «Solidarite» № 22. — *16.*

[33] *Восстание в Лионе* началось 4 сентября 1870 г. в связи с известием о поражении при Седане. Прибывший в Лион 15 сентября Бакунин пытался взять в свои руки руководство движением и осуществить свою анархистскую программу. 28 сентября анархисты сделали попытку совершить переворот. Эта попытка, при отсутствии связи Бакунина и прочих анархистов с рабочими, при отсутствии определенного плана действий кончилась провалом. — *16.*

[34] В письме от 10 августа 1871 г. на имя секретаря-корреспондента для Швейцарии Юнга Н. Жуковский, секретарь бакунистской секции в Женеве, носившей название «Альянс социалистической демократии. Центральная секция», прислал резолюцию о самороспуске секции, принятую 6 августа 1871 года. — *17.*

[35] См. «Compte rendu du IVe Congres International, tenu a Bale, en septembre 1869». Bruxelles, 1869, p. 172. Русский перевод резолюции см. Базельский конгресс Первого Интернационала, 6—11 сентября 1869. М., 1934, стр. 87. — *17.*

[36] Бакунист Робен обратился в апреле 1870 г. к Парижскому федеральному совету с предложением признать образованный анархистами на съезде в Шо-де-Фоне федеральный комитет в качестве Романского федерального комитета и объявить в газете «La Marseillaise» («Марсельеза»), что только его сторонники являются действительными членами Интернационала. После того как Генеральный Совет разъяснил членам Парижского федерального совета смысл раскола, происшедшего в Швейцарии, Федеральный совет решил, что он не имеет права вмешиваться в это дело, которое подлежит рассмотрению в Генеральном Совете. — *17.*

[37] Речь идет о резолюции XVII Лондонской конференции 1871 г. «О расколе в Романской Швейцарии».

В отдельном издании резолюций конференции опубликован сокращенный текст этой резолюции, В полном виде резолюция была напечатана в «Egalite» № 20, 21 октября 1871 г. (см. настоящее издание т. 17, стр. 432—435). — *17.*

[38] B. Malon. «La troisieme defaite du proletariat francais». Neuchatel, 1871 (Б. Малон. «Третье поражение французского пролетариата». Невшатель, 1871). — *18.*

[39] *Секция пропаганды и революционного социалистического действия* возникла 6 сентября 1871 г. взамен распущенной в августе женевской секции «Альянс социалистической демократии». В ее организации помимо бывших членов этой секции Жуковского, Перрона и др. приняли участие некоторые французские эмигранты, в частности Ж. Гед и Б. Малон. — *18.*

[40] *«La Revolution Sociale»* («Социальная революция») — еженедельная газета, издавалась в Женеве на французском языке с октября 1871 по январь 1872 г., с ноября 1871 г. — официальный орган анархистской Юрской федерации. — *18.*

[41] A. Leo. «La guerre sociale. Discours prononce au Congres de la paix a Lausanne 1871». Neuchatel, 1871, p. 7 (А. Лео. «Социальная война. Речь, произнесенная на конгрессе в Лозанне, 1871». Невшатель, 1871, стр. 7). — *19.*

[42] *«Le Figaro»* («Фигаро») — французская реакционная газета, выходила в Париже с 1826 года; была связана с правительством Второй империи.

«Le Gaulois» («Галл») — ежедневная газета консервативно-монархического направления, орган крупной буржуазии и аристократии, выходила в Париже с 1867 по 1929 год.

«Paris-Journal» («Парижская газета») — ежедневная реакционная газета, связанная с полицией; издавалась Анри де Пеном в Париже с 1868 по 1874 год. Выступала в поддержку политики Второй империи, а после ее падения поддерживала правительство национальной обороны и правительство Тьера; распространяла грязную клевету об Интернационале и Парижской Коммуне. — *19.*

[43] Имеется в виду резолюция, принятая Генеральным Советом по предложению Маркса 7 июля 1868 года (см. настоящее издание, т. 16, стр. 324). Необходимость этой резолюции была вызвана выступлением Ф. Пиа на митинге 29 июня 1868 г. в связи с годовщиной июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г. с речью, в которой он прямо призывал к террористическим актам против Наполеона III. В брюссельской газете «La Cigale» («Сверчок») в отчете о собрании Ф. Пиа был представлен как один из руководителей Интернационала. Утверждение это было повторено и другими газетами.

После появления резолюции в печати во Французской секции в Лондоне, членом которой являлся Ф. Пиа, произошел раскол. Представители пролетарских элементов (Э. Дюпон, Г. Юнг, П. Лафарг и др.) покинули ее ряды, выразив неодобрение авантюристской и провокационной тактике Пиа. Группа Пиа, утратив связь с Интернационалом, продолжала именовать себя «Французской секцией в Лондоне» и выпускать документы от имени Международного Товарищества Рабочих, а также неоднократно оказывала поддержку антипролетарским группировкам, боровшимся против линии Маркса в Генеральном Совете. — *20.*

[44] В течение 1869 г. в Генеральном Совете неоднократно поднимался вопрос об официальном отмежевании от группы французских мелко-

буржуазных эмигрантов в Лондоне, сторонников Ф. Пиа (см. предыдущее примечание). Весной 1870 г. такое отмежевание стало особенно необходимым, так как в это время во Франции готовился третий процесс против членов Интернационала, обвинявшихся в заговоре с целью убийства Наполеона III; в качестве обвинительных материалов фигурировали документы так называемой Французской секции в Лондоне, в частности обращение, принятое на собрании 20 октября 1869 г., в котором Интернационал отождествлялся с тайным республиканским обществом Революционная коммуна, руководимым Ф. Пиа. В связи с этим Маркс составил резолюцию, принятую Генеральным Советом 10 мая 1870 г., в которой указывалось, что Интернационал не имеет ничего общего с этой группой (см. настоящее издание, т. 16, стр. 447). Истинным поводом для ареста членов Интернационала во Франции явился выпуск Парижским федеральным советом манифеста 24 апреля 1870 г., в котором разоблачался смысл готовившегося плебисцита (см. примечания 159 и 160).

«La Marseillaise» («Марсельеза») — французская ежедневная газета, орган левых республиканцев, издавалась в Париже с декабря 1869 по сентябрь 1870 года. Газета помещала материалы о деятельности Интернационала и о рабочем движении.

«Le Reveil» («Пробуждение») — французская еженедельная, а с мая 1869 г. ежедневная газета, орган левых республиканцев, издавалась под редакцией Ш. Делеклюза в Париже с июля 1868 по январь 1871 года. Газета публиковала документы Интернационала и материалы о рабочем движении. — *20.*

45 Вопрос о шпионской деятельности Дюрана, состоявшего на службе у французской полиции и проникшего в Интернационал в качестве одного из руководителей французской секции 1871 года, рассматривался 7 октября 1871 г. на чрезвычайном заседании Генерального Совета, которому была представлена переписка Дюрана с чиновниками полиции. Согласно полицейским инструкциям, Дюран должен был проникнуть со шпионскими целями на Лондонскую конференцию, а также войти в состав Генерального Совета. Резолюция об исключении Дюрана была составлена и внесена на заседании Генерального Совета Энгельсом (см. настоящее издание, т. 17, стр. 439). — *21.*

46 Резолюция от 17 октября 1871 г. об уставе Французской секции 1871 года была написана Марксом и единогласно утверждена Генеральным Советом, Совет указывал, что противоречие устава секции Общему Уставу препятствует ее приему в Интернационал. Текст резолюции сохранился в виде рукописи секретаря-корреспондента для Франции О. Серрайе (см. настоящее издание, т. 17, стр. 441— 444). — *21.*

47 7 ноября 1871 г. Генеральный Совет обсуждал ответ Французской секции 1871 года, которая в письме от 31 октября заявила о своем несогласии с резолюцией Совета от 17 октября 1871 г. (см. предыдущее примечание) и выступила с нападками на Генеральный Совет. Сообщение по этому вопросу сделал О. Серрайе; он внес написанную Марксом резолюцию, которая была единогласно одобрена Советом (см. настоящее издание, т. 17, стр. 466—470). Данная резолюция впервые была опубликована (неполностью) в работе «Мнимые расколы в Интернационале». — *22.*

[48] «Declaration de la Section francaise federaliste de 1871, siegeant a Londres». Londres, 1871 («Декларация Французской федералистской секции 1871 г., находящейся в Лондоне». Лондон, 1871). Перед заглавием брошюры секция, хотя Генеральный Совет отказал ей в приеме, поставила слова: «Международное Товарищество Рабочих». — *24.*

[49] Имеется в виду резолюция 2 раздела «Особые резолюции конференции», отмечавшая, что германские рабочие выполнили свой интернациональный долг; в основу ее легли выводы, содержавшиеся в речи Маркса о положении Интернационала в Германии и Англии (см. настоящее издание, т. 17, стр. 428). — *24.*

[50] Речь идет о письме секретаря-корреспондента для Франции О. Серрайе редактору газеты «Qui Vive!» Вермершу от 11 ноября 1871 г., опубликованном в этой газете 16 ноября 1871 г., а также в ряде других газет.

«Qui Vive!» («Кто идет!») — ежедневная газета, выходила в 1871 г. в Лондоне на французском языке; орган Французской секции 1871 года. — *24.*

[51] Речь идет об официальном издании Общего Устава и Организационного регламента Интернационала, подготовленном Генеральным Советом по поручению Лондонскюй конференции 1871 года. Английское и французское издания вышли в свет в Лондоне, первое — в первой половине ноября, а второе — в декабре 1871 года: «General Rules and Administrative Regulations of the International Working Men's Association. Official edition revised by the General Council» и «Statuts Generaux et Regleinents Administratifs de l'Association Internationale des Travailleurs. Edition officielle, revisee par le Conseil General». Официальный текст на немецком языке был напечатан в газете «Volksstaat» № 12, 10 февраля 1872 г. и одновременно выпущен отдельной брошюрой под заглавием: «Allgemeine Statuten und Verwaltungs-Verordnung der Internationalen Arbeiter-Association. Amtliche deutsche Ausgabe, revidiert durch den Generalrath». Leipzig, Verlag der Expedition des «Volksstaat». 1872. Русский перевод Общего Устава и Организационного регламента см. настоящее издание, т. 17, стр. 445—460. — *24.*

[52] «Congres ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs tenu a Geneve du 3 au 8 Septembre 1866». Geneve, 1866, p. 27, note. — *25.*

[53] «Troisieme proces de l'Association Internationale des Travailleurs a Paris». Paris, 1870, p. 4. — *25.*

[54] Речь идет о резолюции XVII Лондонской конференции «О расколе в Романской Швейцарии», в которой анархистским секциям, отколовшимся от Романской федерации, предлагалось принять название «Юрской федерации» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 430). —*26.*

[55] Речь идет о предложенной Малоном, Лефрансе и Остином на собрании женевских секций 2 декабря 1871 г. резолюции, направленной против Генерального Совета Интернационала и решений Лондонской конференции и основанной на фальсификации документов Интернационала. Собрание федерации отвергло анархистский проект и приняло резолюцию, одобрявшую постановления Лондонской конференции и выражавшую полную солидарность с деятельностью Генерального

Совета. Проект анархистской резолюции Малона был опубликован газетой «Revolution Sociale» № 7, 7 декабря 1871 года. — *27.*

[56] См. настоящее издание, т. 17, стр. 430. — *28.*

[57] Имеется в виду циркуляр министра иностранных дел к дипломатическим представителям Франции от 6 июня 1871 г., в котором Жюль Фавр призывал все правительства к совместной борьбе с Интернационалом. Написанное Марксом и Энгельсом заявление Генерального Совета по поводу циркуляра Ж. Фавра см. настоящее издание, т. 17, стр. 372—373. Также имеется в виду доклад, сделанный Саказом 5 февраля 1872 г. от имени комиссии, рассматривавшей законопроект Дюфора (см. примечание 10). — *31.*

[58] Здесь и ниже Маркс цитирует Устав Интернационала, принятый Женевским конгрессом и изданный в Лондоне на английском языке («Rules of the International Working Men's Association» 1867). — *33.*

[59] Здесь описка. Статья 6 Общего Устава была принята на Женевском конгрессе Интернационала 1866 года. См. «Congres ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs tenu a Geneve du 3 au 8 septembre 1866». Geneve, 1866, pp. 13—14 («Рабочий конгресс. Международного Товарищества Рабочих, состоявшийся в Женеве 3—8 сентября 1866». Женева, 1866, стр. 13—14). — *35.*

[60] *Рабочая федерация* была создана в Турине осенью 1871 г. и находилась под влиянием мадзинистов. В январе 1872 г. из федерации вышли пролетарские элементы, которые образовали общество *Освобождение пролетария,* принятое затем в качестве секции в Интернационал. Во главе общества вплоть до февраля 1872 г. стоял тайный полицейский агент Терцаги.

«Il Proletario» («Пролетарий») — итальянская газета, издавалась в Турине с 1872 по 1874 г., выступала в защиту бакунистов против Генерального Совета и решений Лондонской конференции. — *35.*

[61] «Troisieme Congres de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel». Bruxelles, septembre 1868. Supplement au journal «Le Peuple Belge», p. 50 («Третий конгресс Международного Товарищества Рабочих. Официальный отчет». Брюссель, сентябрь 1868. Приложение к газете «Бельгийский народ», стр. 50). — *36.*

[62] Имеется в виду составленная М. Бакуниным программа Международного альянса социалистической демократии, изданная отдельной листовкой в Женеве в 1868 г. на французском и немецком языках. Текст программы полностью приведен в работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». — *38.*

[63] Речь идет о статье М. Бакунина «Организация Интернационала», опубликованной в анархистском ежегоднике «Almanach du Peuple pour 1872» («Народный альманах на 1872 год»). — *39.*

[64] В ноябре 1871 г. буржуазный демократ Стефанони выдвинул проект создания «Универсального общества рационалистов», программа которого представляла смесь буржуазно-демократических взглядов с идеями

мелкобуржуазного утопического социализма (устройство земледельческих колоний для решения социального вопроса и т. д.). Целью общества, по признанию самого Стефанони, являлось отвлечь внимание рабочих от Интернационала и помешать распространению его влияния в Италии, но в то же время Стефанони заявлял о своей солидарности с Альянсом социалистической демократии. В начавшейся после опубликования проекта программы общества полемике Стефанони выступил с клеветническими статьями, направленными против Генерального Совета, Маркса и Энгельса; материал для этих статей он черпал из лассальянских газет, у Фогта и т. п. Выступления Маркса и Энгельса (письмо Энгельса в редакцию «Gazzettino Rosa» см. настоящее издание, т. 17, стр. 490—492, статью Маркса «Еще раз г-н Стефанони и Интернационал» см. настоящий том, стр. 80—82) с разоблачением подлинных целей Стефанони и прямых связей анархистов с буржуазными демократами, а также ряда деятелей итальянского рабочего движения против проекта Стефанони привели к провалу попыток Стефанони подчинить рабочее движение Италии буржуазному влиянию.

«Gazzettino Rosa» — ежедневная итальянская газета, выходила в Милане с 1867 по 1873 год; в 1871—1872 гг. выступала в защиту Парижской Коммуны, публиковала документы Международного Товарищества Рабочих; с 1872 г. газета находилась под влиянием бакунистов. — *42.*

65 *«Neuer Social-Demokrat»* («Новый Социал-демократ») — немецкая газета, выходила в Берлине с 1871 по 1876 г. три раза в неделю; орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; направление газеты полностью отражало проводимую лассальянцами политику приспособления к бисмарковскому режиму и заигрывания с господствующими классами Германии, оппортунизм и национализм лассальянских лидеров. Выступая с сектантских позиций, газета вела систематическую борьбу против марксистского руководства Интернационала и немецкой Социал-демократической рабочей партии; поддерживала враждебную Генеральному Совету деятельность бакунистов и представителей других антипролетарских течений. — *42.*

66 *«Белорубашечниками»* или *«белыми блузами»* назывались банды, организованные префектурой полиции Второй империи. Эти банды, состоявшие из деклассированных элементов, выдавая себя за рабочих, устраивали провокационные демонстрации и выступления, создавая повод для преследования подлинно рабочих организаций. — *43.*

67 Съезд Бельгийской федерации Международного Товарищества Рабочих, заседавший 24—25 декабря 1871 г., при обсуждении сонвильерского циркуляра не поддержал требование швейцарских анархистов о немедленном созыве общего конгресса Интернационала, но в то же время принял решение, поручавшее Бельгийскому федеральному совету выработать новый устав Товарищества. Разработанный с анархистских позиций проект устава, обсуждавшийся на съезде Бельгийской федерации в июле 1872 г., упразднял Генеральный Совет. — *43.*

68 A. Richard et G. Blanc. «L'Empire et la France nouvelle. Appel du peuple et de la jeunesse a la conscience francaise». Bruxelles, 1872. — *43.*

[69] Данные резолюции о расколе в федерации Интернационала в США были написаны Марксом и приняты по его предложению на заседаниях Генерального Совета 5 и 12 марта 1872 года.

В декабре 1870 г. в Нью-Йорке из представителей нескольких секций был образован Центральный комитет в качестве руководящего органа Интернационала в США. Присоединившиеся к этим секциям в июле 1871 г. секции № 9 и № 12 во главе с буржуазными феминистками В. Вудхалл и Т. Клафлин развернули от имени Интернационала агитацию за буржуазные реформы. Противопоставляя себя «иностранным секциям» (немецким, французским, ирландским), особенно руководимой Ф. А. Зорге немецкой секции № 1 в Нью-Йорке, сторонники Вудхалл и Клафлин пытались использовать организации Интернационала в своих целях. 27 сентября 1871 г. втайне от нью-йоркского Центрального комитета секция № 12 обратилась в Генеральный Совет с требованием признать ее руководящей секцией Интернационала в Америке; одновременно секция вела в печати кампанию против тех секций Товарищества, которые отстаивали пролетарский характер организации. Генеральный Совет своей резолюцией от 5 ноября 1871 г. (см. настоящее издание, т. 17, стр. 664) отверг притязания секции № 12 и подтвердил полномочия нью-йоркского Центрального комитета. Однако и после этого секция № 12 продолжала свою деятельность, что привело к усилению мелкобуржуазных элементов в некоторых организациях Интернационала в США и вызвало в декабре 1871 г. раскол между пролетарскими и мелкобуржуазными секциями. В Нью-Йорке были образованы Временный федеральный совет, в который входили Зорге, Больте и др., и второй комитет во главе с Вудхалл и другими буржуазными реформаторами из секции № 12. Генеральный Совет решительно поддержал пролетарское крыло Североамериканской федерации; секция № 12 была исключена из Интернационала до очередного конгресса. 28 мая 1872 г. Генеральный Совет признал единственным руководящим органом Интернационала Временный федеральный совет. На съезде Североамериканской федерации в июле 1872 г. был избран постоянный Федеральный совет, в состав которого вошли почти все члены Временного совета. Подробно причины раскола в федерации США изложены в статье Ф. Энгельса «Интернационал в Америке» (см. настоящий том, стр. 91—97).

Резолюции Генерального Совета были опубликованы в органах Интернационала различных стран, в частности в газете «Volksstaat».

«Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии, издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. (два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза). Газета выражала взгляды революционного течения в рабочем движении Германии. За свой смелый, революционный тон газета подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете сыграл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat».

Маркс и Энгельс поддерживали тесный контакт с редакцией газеты, на ее страницах систематически печатались их статьи. Придавая большое значение деятельности «Volksstaat», Маркс и Энгельс внимательно следили за ее работой, критиковали ее отдельные промахи и ошибки, выправляли линию газеты, которая благодаря этому была одной из лучших рабочих газет 70-х годов XIX века. — *47.*

[70] Имеется в виду резолюция VI Базельского конгресса по организационным вопросам «О порядке исключения секций из Товарищества», предоставлявшая Генеральному Совету право временно, до очередного конгресса, исключать отдельные секции из Интернационала. — *48.*

[71] Речь, видимо, идет о небольшой группе сербских и болгарских студентов в Цюрихе, организовавшихся под непосредственным влиянием анархистов в группу Альянса под названием Славенский завес. После первых попыток конституироваться весной 1872 г. в качестве секции Интернационала и отказа Генерального Совета признать их, группа в июне—июле 1872 г. вошла в Юрскую федерацию (программа ее была написана Бакуниным); летом 1873 г. группа распалась. — *49.*

[72] *«La Liberte»* («Свобода») — бельгийская демократическая газета, выходившая в Брюсселе с 1865 по 1873 год; в 1872—1873 гг. еженедельно; с 1867 г. — один из органов Международного Товарищества в Бельгии. — *50.*

[73] G. Lefrancais. «Etude sur le mouvement communaliste a Paris, en 1871». Neuchatel, 1871, p. 92. — *50.*

[74] Выступления Маркса с разоблачением газеты «Paris-Journal», опубликовавшей фальшивое письмо, см. настоящее издание, т. 17, стр. 298, 301—304.

По предложению Маркса с разоблачением выступил также и секретарь-корреспондент Генерального Совета для Франции О. Серраяе, направивший 16 марта 1871 г. письмо в ряд газет.

«Le Courrier de l'Europe» («Европейский курьер») — орлеанистская газета, выходила в Лондоне на французском языке в 1840—1889 годах.

«Die Zukunft» («Будущее») — немецкая буржуазно-демократическая газета, орган Народной партии, издавалась в 1867 г. в Кенигсберге, а с 1868 г. в Берлине. Письмо Маркса, разоблачающее фальшивку «Paris-Journal», было опубликовано в № 73, 26 марта 1871 года. — *50.*

[75] На заседании Генерального Совета 20 февраля 1872 г. было принято предложение Юнга отметить массовым митингом в Лондоне 18 марта первую годовщину Парижской Коммуны. Для подготовки была избрана специальная комиссия, в которую вошли Юнг, Мак-Доннел, Милнер и др. Маркс был утвержден на заседании Совета 12 марта одним из ораторов. Вслед за этим Юнг обратился к Энгельсу с просьбой подготовить проект резолюций. Но публичный митинг был сорван, так как владелец помещения в последнюю минуту отказался предоставить зал. Тем не менее члены Интернационала и бывшие коммунары, собравшись в тесном помещении общества коммунаров, отметили 18 марта торжественным собранием годовщину первой пролетарской революции. Начатом собрании по предложению деятелей Коммуны Тейса и Камелина и члена Генерального Совета Милнера были приняты три краткие резолюции, текст которых дословно совпадает с сохранившейся на французском языке рукописью, переписанной дочерью Маркса Женни, с правкой Карла Маркса. Текст резолюции без указания автора был опубликован в отчете о митинге газетами «Eastern Post» 23 марта, «International Herald» 30 марта и «Liberte» 24 марта 1872 года.

«The International Herald» («Международный вестник») — английская еженедельная газета, издавалась в Лондоне с марта 1872 по октябрь 1873 г., с мая 1872 по май 1873 г. фактически являлась официальным органом Британского федерального совета Интернационала; газета публиковала отчеты о заседаниях Генерального Совета и Британского совета, документы Международного Товарищества Рабочих, статьи Маркса и Энгельса. В конце 1872 и в начале 1873 г. газета сыграла большую роль в борьбе против реформистов, отколовшихся от Британского федерального совета. С июня 1873 г. в связи с отходом издателя и редактора газеты У. Райли от рабочего движения прекратилось сотрудничество Маркса и Энгельса и публикация материалов Британской федерации Интернационала в газете. — *51.*

[76] *Секция Ферре* (принявшая свое название в память о видном деятеле Парижской Коммуны Теофиле Ферре) — одна из первых французских секций Интернационала, возникших в Париже после разгрома Коммуны. Секция окончательно оформилась в апреле 1872 года; она служила опорным пунктом для связи Генерального Совета с восстанавливающимися рабочими организациями во Франции. Секция была принята в Интернационал по предложению Маркса в июле 1872 г., после того как ее устав был рассмотрен специальной комиссией по уставам Генерального Совета. — *52.*

[77] Рукопись Маркса *«Национализация земли»* была написана в марте — апреле 1872 г. в связи с проходившим в манчестерской секции Интернационала обсуждением вопроса о национализации земли. Дюпон, в письме к Энгельсу 3 марта, сообщил о путанице во взглядах членов секции по аграрному вопросу и, изложив 5 пунктов своего будущего выступления, просил Маркса и Энгельса дать свои замечания с тем, чтобы он мог их учесть до собрания секции. Маркс дал развернутое обоснование своих взглядов по вопросу о национализации земли. 8 мая 1872 г. Дюпон прочел на заседании секции доклад (полностью совпадающий с сохранившейся рукописью Маркса); этот доклад был опубликован 15 июня 1872 г. в газете «International Herald» под заглавием: «Национализация земли. Доклад, прочитанный в манчестерской секции Международного Товарищества Рабочих»; ни автор, ни докладчик не были названы. — *54.*

[78] Цитируется доклад Сезара Де Папа о земельной собственности на заседании Брюссельского конгресса Международного Товарищества Рабочих 11 сентября 1868 года. — *56.*

[79] Данное письмо было написано Энгельсом по поручению Генерального Совета в связи с просьбой Испанского федерального совета направить приветствия очередному съезду Испанской федерации. Письмо было зачитано на съезде 7 апреля 1872 г. и опубликовано газетой «Emancipacion». .

Съезд испанской федерации Интернационала состоялся в Сарагосе 4—11 апреля 1872 года; на съезде присутствовало 45 делегатов, представлявших 31 местную федерацию. По указанию правительства полиция сорвала публичные заседания съезда.

«La Emancipacion» («Освобождение») — еженедельная газета, орган мадридских секций Интернационала, выходила в Мадриде с 1871 по 1873 год; в сентябре 1871 — апреле 1872 г. орган Испанского федерального совета; вела борьбу с анархистским влиянием в Испании. В 1872 —

1873 гг. в газете был опубликован «Манифест Коммунистической партии», отдельные разделы из «Нищеты философии» и I тома «Капитала», ряд статей Энгельса, часть которых была написана специально для газеты. — *58.*

[80] Данное заявление, написанное Марксом в связи с клеветническим выступлением в палате общин члена парламента А. Б. Кокрена, было прочитано им 16 апреля на заседании Генерального Совета. По постановлению Совета заявление было напечатано отдельной листовкой, а также в газете «Eastern Post». — *61.*

[81] Маркс имеет здесь в виду вводную часть к «Временному Уставу Международного Товарищества Рабочих», в которой им были сформулированы в 1864 г. при основании Интернационала исходные программные положения первой международной массовой организации пролетариата. Эта вводная часть вошла без изменений в Общий Устав, утвержденный Женевским конгрессом в 1866 году. Задачи политической борьбы пролетариата были изложены в третьем абзаце этого документа, гласившем, «что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» (см. настоящее издание, т, 16, стр. 12). В составленном им одновременно с «Временным Уставом» «Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих» Маркс обосновал положение, что «завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса», и призывал пролетариат «овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 10 и 11). — *62.*

[82] Речь идет о брошюре Бакунина «Risposta d'un Internazionale a Giuseppe Mazzini». Milano, 1871 («Ответ члена Интернационала, адресованный Джузеппе Мадзини». Милан, 1871); брошюра была опубликована в качестве приложения к № 227 от 16 августа 1871 г. «Gazzettino Rosa». — *62.*

[83] *«Die Volksstimme»* («Голос народа») — австрийская рабочая газета, орган социал-демократов, поддерживала Генеральный Совет Интернационала; выходила в Вене два раза в месяц с апреля по декабрь 1869 года. — *63.*

[84] *«Le Pere Duchene»* («Папаша Дюшен») — французская ежедневная газета, издавалась Вермершем в Париже с 6 марта по 21 мая 1871 г.; по своему направлению была близка к бланкистской прессе. — *64.*

[85] Маркс цитирует здесь и ниже выступление Фосетта в палате общин 12 апреля 1872 г., опубликованное в газете «Times» 13 апреля 1872 года. — *64.*

[86] Законопроект об учреждении федерального отдела статистики труда был принят палатой представителей конгресса США, но затем отвергнут сенатом. — *66.*

[87] Письмо Феррарскому обществу рабочих было написано Энгельсом в ответ на сообщение об образовании общества и его намерении стать

секцией Интернационала. Письмо Энгельса, а также присланные им программные документы Товарищества помогли членам общества преодолеть анархистское влияние. 7 мая Генеральный Совет, по предложению Энгельса, утвердил Феррарское общество в качестве секции Интернационала. — *67.*

[88] Данной статьей начинается регулярное сотрудничество Энгельса в итальянской газете «Plebe», продолжавшееся до конца 1872 года. До этого, в 1871 г., в газете публиковались выдержки из писем Энгельса и некоторые посланные им в Италию документы Генерального Совета Интернационала. По просьбе редактора газеты Э. Биньями Энгельс написал для газеты ряд статей, которые публиковались, как правило, под заголовком «Письма из Лондона»; к первой статье было сделано следующее примечание: «Под этим заголовком мы будем впредь помещать письма, которые один уважаемый гражданин взял на себя труд писать нам из Лондона». Сотрудничество Энгельса в «Plebe» прервалось с начала 1873 г. в связи с правительственными преследованиями, сделавшими невозможным регулярное издание газеты, а также в связи с общим спадом рабочего движения и возобновилось в 1877 году. Статьи Энгельса из «Plebe» были перепечатаны Дж. Бозио в сборнике: «Karl Marx. Friedrich Engels. Scritti italiani». Milano— Roma, 1955 («Карл Маркс. Фридрих Энгельс. Итальянские произведения». Милан — Рим, 1955). Подзаголовок данной статьи, как и большинства других статей Энгельса из «Plebe» в настоящем томе, соответствуют заголовкам, данным в указанном сборнике Бозио.

«La Plebe» («Народ») — итальянская газета, выходила под редакцией Э. Биньями в Лоди с 1868 по 1875 г. и в Милане с 1875 по 1883 год; до начала 70-х годов — буржуазно-демократического направления, затем социалистическая газета, в 1872—1873 гг. орган секций Интернационала, поддерживала Генеральный Совет в борьбе с анархистами, публиковала документы Интернационала и статьи Энгельса. — *69.*

[89] В 1830—1831 гг. в Южной и Восточной Англии происходили стихийные восстания сельскохозяйственных рабочих, вызванные крайне тяжелым положением этой категории населения. Введение сельскохозяйственных машин привело к массовой безработице среди батраков, которые в знак протеста поджигали скирды и ломали машины. Войска, направленные в районы, охваченные восстанием, жестоко расправились с восставшими. — *69.*

[90] В конце марта 1872 г. в графстве Уорикшир был создан Союз сельскохозяйственных рабочих, возглавивший забастовку, вскоре распространившуюся на соседние графства Центральной и Восточной Англии. Забастовку поддержали тред-юнионы городских рабочих. Их денежная помощь, а также повышенный спрос в городах на рабочие руки в связи с промышленным подъемом, способствовал успешной борьбе сельскохозяйственных рабочих. В мае 1872 г. под председательством рабочего Джозефа Арча был создан Национальный союз сельскохозяйственных рабочих, объединивший к концу 1873 г. около 100 тысяч человек. Борьба за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы продолжалась вплоть до 1874 г. и закончилась в ряде графств победой бастующих. — *70.*

[91] Энгельс имеет в виду ответ министра внутренних дел Бруса на заседании палаты лордов 12 апреля 1872 г., в связи с выступлением А. Б. Кокрена против Международного Товарищества Рабочих. — *71.*

[92] Сообщение о полицейских преследованиях немецкого социалиста Т. Куно, являвшегося одним из руководителей миланской секции Интернационала, было сделано Энгельсом на заседании Генерального Совета 23 апреля 1872 года. Сведения об этих преследованиях Энгельс почерпнул как из итальянских газет, так и из полученного им 22 апреля письма Куно. Видя в преследовании Куно конкретное проявление сговора реакционных правительств Европы против Интернационала, Энгельс придавал большое значение разоблачению данного факта. Написанное Энгельсом сообщение было опубликовано в отчете о заседании Генерального Совета в газете «Eastern Post» 27 апреля 1872 г. и в «Gazzettino Rosa» 7 мая 1872 года. — *72.*

[93] 14 мая на заседании Генерального Совета обсуждался вопрос о взаимоотношениях между возникавшими в Англии и в Ирландии ирландскими секциями и Британским федеральным советом (см. примечание 14). Энгельс в своей речи разоблачил шовинистические взгляды Хейлза и некоторых английских членов Генерального Совета и Британского совета, выступавших против создания в Интернационале самостоятельной ирландской организации и ее борьбы за независимость Ирландии. В развернувшейся на заседании дискуссии большинство членов Совета поддержало Энгельса.

Текст речи Энгельса сохранился в виде записи, сделанной им самим для публикации в газете, а также (не полностью) в протокольной книге Генерального Совета. Речь не была опубликована, так как уже на следующем заседании Генерального Совета было решено не включать обсуждение ирландского вопроса в отчет, предназначавшийся для газеты. Это мотивировалось тем, что публикация некоторых выступлений, в частности Хейлза, может принести Интернационалу вред. — *74.*

[94] Речь идет о столкновении между чартистами и ирландцами в Манчестере 8 марта 1842 г., спровоцированном буржуазными националистами — руководителями ирландской Национальной ассоциации рипилеров (сторонников отмены унии 1801 года), враждебно относившихся к рабочему движению в Англии, в частности к чартизму. О'Коннор и группа чартистов были изгнаны рипилерами из Холл оф Сайенс (зала науки), в котором О'Коннор должен был читать лекцию. — *75.*

[95] Данное заявление, составленное Марксом, было прочитано им на заседании Генерального Совета 21 мая 1872 г. в связи с появившейся в апреле 1872 г. брошюрой: «Conseil fédéraliste universel de l'Association Internationale des Travailleurs et des sociétés républicaines socialistes adhérentes». London, 1872 (брошюра вышла на французском, английском и немецком языках). Всемирный федералистский совет был образован в начале 1872 г. из остатков Французской секции 1871 года (см. настоящий том, стр. 25), различных буржуазных и мелкобуржуазных организаций, некоторых лассальянцев, исключенных из лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, и других элементов, стремившихся пробраться к руководству Интернационала. Главным объектом их нападения являлись резолюции Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса и о борьбе с сектантством. Решение Гаагского конгресса о включении резолюции о политическом действии рабочего класса в Общий Устав, а также об исключении Бакунина нанесло сокрушающий удар по всем этим враждебным элементам. В конце сентября

1872 г. Всемирный федералистский совет созвал в Лондоне съезд, который он пытался выдать за конгресс Международного Товарищества Рабочих. Дальнейшая деятельность федералистского совета вылилась в борьбу различных клик, претендовавших на руководство «движением».

Данное заявление Генерального Совета было опубликовано почти во всей прессе Интернационала; в газете «Emancipacion» редакция дала к нему следующий заключительный абзац: «Этот важный документ, который раскрывает перед нами интриги буржуазных партий, обнаруживает их стремление внести раскол в недра Товарищества и парализовать его деятельность. Во всех странах, в Англии и Германии, в Бельгии и Швейцарии, в Америке и Италии, буржуазия пытается извратить принцип рабочей солидарности, чтобы внести в наше Товарищество разрушающую дезорганизацию. Пусть это послужит для нас уроком». — *77.*

[96] *Всеобщая республиканская лига* — мелкобуржуазная организация, созданная в 1871 г., в руководстве которой подвизались Оджер, Бредлоу, Везинье, Ле Любе и другие. Лига провозгласила своей целью достижение интеллектуального, морального и материального благоденствия человечества путем объединения республиканцев всех стран и распространения ими книг, брошюр, а также и всесторонней информации через лекции и выступления на митингах. Программа Лиги включала, наряду с требованием национализации земли и всеобщего избирательного права, также требования уничтожения титулов, духовных и аристократических привилегий, осуществление федеративного принципа в будущей, всемирной республике. Усилившееся в Англии, под влиянием провозглашения во Франции республики 4 сентября 1870 г., республиканское движение послужило базой для возникновения Лиги, к которой присоединился ряд республиканских клубов, создававшихся в различных английских городах и объединявших мелкобуржуазные, а частично и пролетарские элементы. — *77.*

[97] *Лига земли и труда* была основана в Лондоне при участии Генерального Совета в октябре 1869 года. В ее программу наряду с отдельными буржуазно-радикальными требованиями были включены требования национализации земли, сокращения рабочего дня и чартистские требования всеобщего избирательного права и создания сельскохозяйственных колоний (подробнее см. настоящее издание, т. 16, стр. 598— 603). Однако уже к осени 1870 г. в Лиге усилилось влияние буржуазных элементов, и к 1872 г. она потеряла всякую связь с Интернационалом. — *77.*

[98] Речь идет об исключенной в конце 1871 года из лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих (являвшегося секцией Интернационала) группе лассальянцев, выступавшей с клеветой на Генеральный Совет.

Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс и Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что большая часть его стала на сторону сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности

Общества. С основанием Интернационала Общество стало немецкой секцией Международного Товарищества в Лондоне, с конца 1871 г. оно входило как секция в Британскую федерацию. Лондонское Просветительное общество просуществовало вплоть до 1918 г., когда было закрыто английским правительством. — *77.*

[99] Брюссельский конгресс 1868 г., в связи с поступившими заявлениями о клевете Везинье на французских членов Интернационала, поручил брюссельской секции потребовать от Везинье доказательств выдвинутых им обвинений, а в случае, если они окажутся недостаточными, исключить его из Товарищества.

26 октября 1868 г. брюссельская секция приняла решение об исключении Везинье из Интернационала. — *78*.

[100] См. примечание 53. — *78.*

[101] Статья К. Маркса «Еще раз г-н Стефанони и Интернационал» была написана в связи с появлением в «Libero Pensiero» 18 апреля 1872 г. клеветнической статьи Стефанони «Маркс — Фогт — Герцен», направленной против Интернационала и лично Маркса. Еще раньше с разоблачением Стефанони выступил Энгельс (см. настоящее издание, т. 17, стр. 490—492). Продолжающиеся нападки Стефанони и его прямая связь с Альянсом и лассальянцами заставили выступить и Маркса. Разоблачения, сделанные Марксом, Энгельсом и итальянскими членами Интернационала, привели к провалу попыток Стефанони подчинить рабочее движение Италии буржуазному влиянию.

«Il Libero Pensiero» («Свободная мысль») — итальянский журнал, орган буржуазных республиканцев-рационалистов, издавался во Флоренции в 1866—1876 годах. — *80.*

[102] В связи с проектом создания «Универсального общества рационалистов» (см. примечание 64) Стефанони пытался получить поддержку ряда видных деятелей республиканского и рабочего движения. С этой целью он обратился к В. Либкнехту; 18 декабря 1871 г. Либкнехт, не разобравшись в предложении Стефанони и не зная о его связях с Альянсом и лассальянцами, направил ему приветственное письмо. Письмо было опубликовано 18 января 1872 года. Об этом Либкнехт сообщил Энгельсу. В ответном письме 15 февраля 1872 г. Энгельс ввел Либкнехта в курс дела, после чего Либкнехт написал 29 февраля 1872 г. на имя Стефанони на немецком языке резкое письмо, в котором отказывался от всякого сотрудничества с ним и заявлял от имени немецкой социал-демократии о полной солидарности с Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих, Это письмо было переведено Энгельсом на итальянский язык и через посредство Кафьеро опубликовано в «Gazzettino Rosa» 20 апреля 1872 года. — *80.*

[103] См. настоящее издание, т. 14, стр. 432—437. — *80.*

[104] *«National Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, под данным названием издавалась в Берлине в 1848—1915 годах. — *80.*

[105] Имеется в виду книга К. Фогта «Studien zur gegenwartigen Lage Europas». Genf und Bern, 1859 («Исследования о современном положении Европы». Женева и Берн, 1859). — *80.*

[106] См. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491. — *81.*

[107] В изданном после падения Второй империи официальном сборнике «Papiers et correspondance de la Famille imperiale». T. II, Paris, 1871, p. 161 («Документы и переписка императорской фамилии». Т. II, Париж, 1871, стр. 161), имеется запись о выдаче Фогту в 1859 г. 40000 франков. — *81.*

[108] Статьи Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung» см. настоящее издание, тт. 5 и 6. — *81.*

[109] См. настоящее издание, т. 9, стр. 530—531, т. 12, стр. 434—438 и др. — *81.*

[110] Статьи Маркса и Энгельса о войне Франция и Пьемонта против Австрии см. настоящее издание, т. 13. — *82.*

[111] *«Pensiero ed Azione»* («Мысль и действие») — орган итальянских буржуазных демократов, издававшийся под редакцией Мадзини; выходил два раза в месяц в 1858—1859 гг. в Лондоне и в 1860 г. в Лугано и Генуе.

Манифест Мадзини «Война», опубликованный в № 17 «Pensiero ed Azione» в мае 1859 г. был переведен Марксом и опубликован в «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 381— 386). — *82.*

[112] См. настоящее издание, т. 14, стр. 683—684. — *82.*

[113] Имеется в виду «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Женева, 1870. В этом сборнике были впервые опубликованы некоторые отрывки из «Былого и Дум», в частности глава «Немцы в эмиграции».— *82.*

[114] А. Серно-Соловьевич. «Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует» (III. Колокол № 233)». Vevey, 1867. — *82.*

[115] Письмо Маркса в редакцию газеты «Volksstaat» было вызвано появлением в журнале «Concordia» № 10, от 7 марта 1872 г., клеветнической статьи, написанной немецким буржуазным экономистом Л. Брентано. Брентано, выступавший анонимно, пытался дискредитировать Маркса как ученого, обвиняя его в научной недобросовестности и в фальсификации используемых материалов. После появления в «Volksstaat» 1 июня 1872 г. ответа Маркса в «Concordia» была напечатана вторая анонимная статья Брентано, на которую также последовал ответ Маркса, напечатанный в «Volksstaat» № 63, 7 августа 1872 года (см. настоящий том, стр. 102—109). После смерти Маркса клеветническую кампанию, поднятую Брентано, продолжил английский буржуазный экономист Тейлор, которого полностью разоблачил Энгельс в июне 1890 г. в предисловии к 4-му немецкому изданию «Капитала» и в 1891 г. в брошюре «Брентано contra Маркс» (см. настоящее издание, т. 22). В этой брошюре в разделе «Документы» Энгельс воспроизвел оба письма Маркса в редакцию «Volksstaat». На русском языке письма Маркса впервые были опубликованы в составе брошюры Энгельса в «Архиве Маркса и Энгельса», том II (VII).

«Concordia. Zeitschrift fur die Arbeiterfrage» («Согласие. Журнал по рабочему вопросу») — орган крупных немецких промышленников

и катедер-социалистов, основанный в 1871 г., выходил в Берлине до 1876 года. — *83.*

116 Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих см. настоящее издание, т. 16, стр. 3—11.

Приведенная Марксом фраза Гладстона была напечатана 17 апреля 1863 г. почти во всех отчетах лондонских газет об этом заседании парламента («Times», «Morning Star», «Daily Telegraph» и др.); в полуофициальном издании парламентских дебатов Хансарда, текст которого подвергался исправлению самими ораторами, фраза была опущена. — *83.*

117 Имеется в виду статья Э. С. Бизли «Международное Товарищество Рабочих», напечатанная в «Fortnightly Review» № 47, 1 ноября 1870 года.

«The Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение») — английский журнал по вопросам истории, философии, литературы, основан в 1865 г. группой буржуазных радикалов; впоследствии буржуазно-либерального направления; под данным названием выходил в Лондоне до 1934 года. — *84.*

118 «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844». London, 1864, T. Cautley Newby, 30, Welbeck street, книга вышла анонимно, ее автором был Генри Рой. — *84.*

119 См. настоящее издание, т. 23, стр. 666—667. — *84.*

120 «England and America. A Comparison of the social and political State of both Nations». Vol. I—II, London, 1833 («Англия и Америка. Сравнение национального и политического положения обеих наций». Тт. I—II, Лондон, 1833). Книга Уэйкфилда вышла без указания автора. — *85.*

121 Говоря об «изобретении крошки Ласкера», Маркс имеет в виду случай, происшедший на заседании рейхстага 8 ноября 1871 г. Буржуазный депутат национал-либерал Ласкер в полемике против Бебеля заявил, что если немецкие социал-демократические рабочие вздумают последовать примеру парижских коммунаров, то «добропорядочные и имеющие собственность граждане прикончат их дубинами». Однако публиковать это в такой формулировке оратор не решился, и уже в стенографическом отчете вместо слов «прикончат их дубинами» было сказано «удержат их в повиновении». Эту фальсификацию разоблачил Бебель. Ласкер стал предметом насмешек в рабочих кругах. За свой маленький рост он получил ироническое прозвище «крошка Ласкер». — *85.*

122 11 июня 1872 г. Генеральный Совет по предложению Маркса принял решение о созыве очередного конгресса в Гааге 2 сентября 1872 года; был определен и основной вопрос повестки дня. На следующем заседании Генерального Совета, 18 июня, была избрана специальная комиссия (Энгельс, Вайян, Мак-Доннел) для подготовки официального извещения о предстоящем конгрессе. Текст этого извещения, написанный Энгельсом, был направлен в газету «International Herald» и напечатан 29 июня 1872 года.

Сохранилась черновая рукопись Энгельса, написанная на английском и французском языках. — *87.*

[123] «Манифест Коммунистической партии», написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве программы Союза коммунистов (см. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459), был впервые опубликован в Лондоне в феврале 1848 г. отдельным изданием. В марте — июле 1848 г. «Манифест Коммунистической партии» печатался в демократическом органе немецких эмигрантов «Deutsche Londoner Zeitung» («Немецкая лондонская газета»). Немецкий текст в том же 1848 г. был перепечатан в Лондоне в виде отдельной брошюры, в которой были исправлены некоторые опечатки первого выпуска. Этот текст был в дальнейшем положен Марксом и Энгельсом в основу последующих авторизованных изданий. В 1848 г. были сделаны также переводы «Манифеста» на ряд европейских языков.

Немецкое издание «Манифеста» 1872 г. с предисловием Маркса и Энгельса и небольшими поправками в тексте было выпущено по инициативе редакции газеты «Volksstaat». Издание 1872 г., как и последующие немецкие издания 1883 и 1890 гг., вышло под заглавием «Коммунистический манифест». — *89.*

[124] *«The Red Republican»* («Красный республиканец») — чартистский еженедельник, издававшийся Д. Гарни в июне — ноябре 1850 года. В ноябре 1850 г. (№№ 21—24) в нем был напечатан первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии» под заглавием «Манифест германской Коммунистической партии». — *89.*

[125] *«Le Socialiste»* («Социалист») — еженедельная газета, издавалась с октября 1871 по май 1873 г. на французском языке в Нью-Йорке, являлась органом французских секций Интернационала; поддерживала буржуазные и мелкобуржуазные элементы в Североамериканской федерации Интернационала; после Гаагского конгресса порывает с Интернационалом.

В январе — феврале 1872 г. в газете был опубликован «Манифест Коммунистической партии». — *89.*

[126] Речь идет о первом русском издании «Манифеста Коммунистической партии», вышедшем в 1869 г. в Женеве в переводе Бакунина, который в ряде мест исказил содержание «Манифеста». Недостатки первого издания были устранены в издании, вышедшем в Женеве в 1882 г. в переводе Плеханова. — *89.*

[127] См. настоящее издание, т. 17, стр. 339. — *90.*

[128] Статья *«Интернационал в Америке»* была написана Энгельсом для газеты «Volksstaat». Энгельс использовал многочисленные выписки, сделанные Марксом в феврале — мае 1872 г. из газет и писем членов Интернационала, в связи с расколом в Североамериканской федерации; этот материал характеризовал внутреннюю борьбу в секциях Международного Товарищества Рабочих в США в период с октября 1871 по май 1872 года. Энгельс использовал также статью из мадридской газеты «Emancipacion» № 54, 22 июня 1872 года: «Буржуазия и Интернационал в Соединенных Штатах Америки». — *91.*

[129] *«Woodhull and Claflin's Weekly»* («Еженедельник Вудхалл и Клафлин») — американская газета, издавалась в 1870—1876 гг. в Нью-Йорке буржуазными феминистками В. Вудхалл и Т. Клафлин. — *92.*

[130] Манифест секции № 12 от 30 августа 1871 г. был опубликован в «Woodhull and Claflin's Weekly» № 71, 23 сентября 1871 года. — *92.*

[131] *Шейкеры* (трясуны) — название религиозной секты в США. — *93.*

[132] Циркуляр Временного федерального совета от 4 декабря 1871 г., был опубликован в газете «New-Yorker Demokrat» («Нью-йоркский демократ») 9 декабря 1871 года. В подготовительных материалах Маркса для доклада на Генеральном Совете о расколе Североамериканской федерации имеется выписка из циркуляра, сделанная по этой газете. — *94.*

[133] Резолюцию XVII Лондонской конференции 1871 г. «О расколе в Романской Швейцарии» см. настоящее издание, т. 17, стр. 430. — *95.*

[134] *«The New-York Herald»* («Нью-йоркский вестник») — американская ежедневная газета, орган республиканской партии; выходила в Нью-Йорке с 1835 по 1924 год. — *95.*

[135] Имеется в виду резолюция Генерального Совета от 28 мая 1872 года. Текст резолюции сохранился в выписках, сделанных Марксом по вопросу о расколе в Североамериканской федерации. — *97.*

[136] Письмо Энгельса сохранилось в виде черновика, написанного на полях письма пармского Комитета для освобождения рабочих классов; на документе имеется также пометка Энгельса: «получено 16 июля, отвечено 18 июля». — *98.*

[137] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *99.*

[138] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *101.*

[139] *«The Spectator»* («Зритель») — английский еженедельник либерального направления, выходил в Лондоне с 1828 года. — *101.*

[140] Это письмо Маркса было написано 28 июля 1872 г. в связи с появлением в журнале «Concordia» № 27, 4 июля, второй анонимной статьи Брентано. Гепнер, пересылая ее через Энгельса Марксу, просил ответить как можно скорее, подчеркивая важность в данный момент борьбы с катедер-социалистами. — *102.*

[141] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». V. III, Dublin, 1776, p. 136 (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Т. III, Дублин, 1776, стр. 136). — *103.*

[142] Здесь и дальше Маркс цитирует I том «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 666, 667). — *103.*

[143] «Fortnightly Review» № 47, 1 ноября 1870 г., стр. 529—530. — *104*.

[144] Имеется в виду статья «Г-н Бизли и Международное Товарищество», опубликованная без подписи в «Saturday Review» № 785, 12 ноября 1870 года.

«Saturday Review» — сокращенное название английского еженедельного консервативного журнала «The Saturday Review of Politics, Literature, Science, and Art» («Субботнее обозрение по вопросам политики, литературы, науки и искусства»), выходившего в Лондоне с 1855 по 1938 год. — *104.*

[145] «England and Amerika», London, 1833, v. I, p. 185. — *105.*

[146] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 uо 1869 год. — *108.*

[147] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 60-х годах XIX в. буржуазно-радикальный орган. — *108.*

[148] В связи с подготовкой к Гаагскому конгрессу решающее значение приобретало разоблачение подрывной деятельности тайного Альянса социалистической демократии. Летом 1872 г. в руках Маркса и Энгельса имелось большое количество документов, присланных Лафаргом, Меса, Утиным и др. уже после выхода в свет «Мнимых расколов в Интернационале» и подтверждавших существование внутри Интернационала, в первую очередь в Испании, тайного бакунистского общества. На заседании Исполнительного комитета (см. примечание 152) 5 июля 1872 г., где рассматривались документы о тайной деятельности Альянса, полученные из Испании, было решено просить Генеральный Совет предложить очередному конгрессу исключить **из** Интернационала Бакунина и членов Альянса. Марксу и Энгельсу было поручено отредактировать высказанные на заседании Комитета соображения и представить их Генеральному Совету. «Завтра вечером, — писал Энгельс И. Ф. Беккеру 5 августа 1872 г.,—мы бросим бомбу, которая вызовет среди бакунистов немалую панику... Мы получили, наконец, нужный материал и обличающие документы из Испании». Энгельс представил 6 августа на заседании Генерального Совета данный проект обращения ко всем членам Товарищества, написанный им от имени Исполнительного комитета. Проект вызвал оживленную дискуссию, в процессе которой ряд членов Генерального Совета выступил против опубликования обращения до расследования дела об Альянсе. Большинством голосов проект, предложенный Энгельсом, был принят к сведению.

Документ сохранился в виде рукописей Энгельса на французском и английском языках. — *110.*

[149] Имеется в виду циркулярное письмо Генерального Совета «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии». Ниже Энгельс излагает написанное К. Марксом 9 марта 1869 г. письмо «Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — центральному бюро Альянса социалистической демократии» (см. настоящий том, стр. 9—11 и 11—12). — *110.*

[150] *Новая мадридская федерация* была образована 8 июля 1872 г. членами редакции газеты «Emancipacion», исключенными анархистским большинством из Мадридской федерации в связи с разоблачением газетой

деятельности тайного Альянса в Испании. Активное участие в организации и деятельности Новой мадридской федерации принимал П. Лафарг. После отказа Испанского федерального совета принять ее Новая мадридская федерация обратилась к Генеральному Совету, который 15 августа 1872 г. признал ее в качестве федерации Интернационала (см. настоящий том, стр. 119). Новая мадридская федерация вела решительную борьбу с распространением анархистского влияния в Испании, пропагандировала идеи научного социализма, боролась за создание самостоятельной пролетарской партии в Испании. — *112.*

[151] Данный документ был принят на заседании Исполнительного комитета (см. следующее примечание) 8 августа 1872 года. Из сохранившейся рукописи видно, что первый абзац написан Марксом. — *116.*

[152] *Исполнительным комитетом* с июля 1872 г. стал называться Постоянный комитет (или Подкомитет) Генерального Совета, который возник из комиссии, образованной еще в начале деятельности Международного Товарищества Рабочих в 1864 г. для разработки программы и устава; в него входили секретари-корреспонденты для различных стран, генеральный секретарь Генерального Совета я казначей. Комитет, который не был предусмотрен Уставом Международного Товарищества Рабочих, играл роль рабочего исполнительного органа. Он осуществлял под руководством Маркса широкий круг обязанностей по повседневному руководству деятельностью Интернационала, подготовке документов, которые затем представлялись на рассмотрение Генерального Совета. 18 июня 1872 г., в связи с усиленной подготовкой к очередному конгрессу, Генеральный Совет принял решение передать все организационные дела Исполнительному комитету, который летом 1872 г. сыграл большую роль в разоблачении происков бакунистов и всех враждебных марксизму элементов, в сплочении вокруг Маркса и Энгельса подлинно пролетарских сил накануне Гаагского конгресса. — *116.*

[153] *«La Razon»* («Разум») — анархистская еженедельная газета, издавалась в Севилье в 1871—1872 годах. — *116.*

[154] Новая мадридская федерация опубликовала это письмо, написанное от имени Генерального Совета Энгельсом, в газете «Emancipacion» № 63, 24 августа 1872 г. в тексте заявления, в котором сообщалось о признании ее Генеральным Советом. — *119.*

[155] Это обращение было направлено Энгельсом итальянским секциям Милана, Турина, Феррары и Рима, официально признанным Генеральным Советом и находившимся в постоянных сношениях с ним.

Редакция официального органа туринской секции Интернационала, еженедельной газеты «Il Popolino» («Мелкий люд»), выходившей в апреле — октябре 1872 г., публикуя это обращение, предпослала ему следующее введение: «Помещая следующее письмо, сообщаем, что мы не могли сделать этого раньше, так как члены правления газеты «Emancipazione del proletario», которой оно было адресовано, были заключены в тюрьму в связи с забастовкой; прерванная с ними связь была восстановлена только в последние дни».

На сохранившемся черновике обращения, написанном Энгельсом по-итальянски, имеется надпись: «Рим, Феррара, Милан, Турин». — *120.*

156 Конференция итальянских анархистских групп происходила в Римини 4—6 августа 1872 года. Конференция, в подготовке которой непосредственно участвовал Бакунин, приняла решение об образовании общеитальянской анархистской организации, самочинно присвоившей название итальянской федерации Интернационала, и о разрыве всяких отношений с Генеральным Советом. — *120.*

157 Гаагский конгресс состоялся 2—7 сентября 1872 года. Перед конгрессом стояла неотложная задача закрепить своим решением резолюции, принятые Лондонской конференцией 1871 г., о политическом действии рабочего класса и против сектантских секций. Принятие резолюций Лондонской конференции знаменовало важнейшую победу марксизма в борьбе за создание пролетарской партии и наносило сокрушительный удар по всем враждебным рабочему классу элементам, прежде всего по бакунистам. В связи с этим с осени 1871 г. и особенно накануне конгресса, летом 1872 г., бакунисты и примыкавшие к ним другие мелкобуржуазные элементы выступили против этих решений и против Генерального Совета, добивавшегося их осуществления.

Маркс и Энгельс проделали огромную работу при подготовке Гаагского конгресса по сплочению пролетарских революционных сил. На заседаниях Генерального Совета при их активном участии были обсуждены и приняты предложения конгрессу об изменении Устава и Регламента Интернационала, в первую очередь предложение о включении в Устав резолюции о политическом действии рабочего класса и о расширении полномочий Генерального Совета.

Гаагский конгресс был самым представительным по своему составу по сравнению с предыдущими конгрессами. На нем присутствовали 65 делегатов от 15 национальных организаций. На конгрессе получила свое завершение многолетняя борьба Маркса и Энгельса и их соратников против всех видов мелкобуржуазного сектантства в рабочем движении. Лидеры анархистов были исключены из Интернационала. Решения Гаагского конгресса заложили фундамент для создания в будущем самостоятельных национальных политических партий рабочего класса. — *121.*

158 На заседании Исполнительного комитета 19 июля 1872 г, Марксу было поручено написать отчет Генерального Совета пятому конгрессу Международного Товарищества Рабочих и выступить на конгрессе в Гааге докладчиком. Текст отчета, представленного Марксом, был утвержден на заседании Генерального Совета в конце августа 1872 года. На открытом заседании Гаагского конгресса 5 сентября отчет был прочитан Марксом по-немецки; перед чтением Маркс предупредил присутствующих, что вынужден касаться работы Интернационала в самых общих чертах, поскольку отчет предназначен для публикации в печати. Затем отчет Генерального Совета был прочитан секретарями конгресса на французском, английском и голландском языках и принят всеми делегатами, кроме испанских делегатов — членов Альянса, воздержавшихся от голосования. Текст отчета был опубликован в английской, немецкой, бельгийской, испанской и швейцарской прессе Интернационала и в виде листовки на немецком языке. На русском языке отчет Генерального Совета впервые был опубликован в 1933 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» № 7—8. — *123.*

159 «Manifesto antiplebiscitaire des sections parisiennea federees de l'Internationale et de la chambre federale des societes ouvrieres». Paris, 1870

(«Манифест федерации парижских секций Интернационала и федеральной палаты рабочих обществ против плебисцита». Париж, 1870). — *123.*

[160] 23 апреля 1870 г. французское правительство издало декрет о проведении плебисцита, который должен был укрепить пошатнувшиеся позиции правительства Наполеона III. Вопросы были сформулированы таким образом, что нельзя было выразить неодобрение политике Второй империи, не высказавшись тем самым против всяких демократических реформ. Плебисцит состоялся 8 мая 1870 года. — *123.*

[161] Имеется в виду написанное Марксом 3 мая 1870 г. заявление Генерального Совета «О преследованиях членов французских секций» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 445—446). — *123.*

[162] Маркс имеет в виду опубликованные в Париже в конце 1870—1871 гг. в 2 томах «Papiers et correspondance de la Famille impеriale» («Документы и переписка императорской фамилии»), в первом томе которых были помещены депеши министра Оливье, предписывавшие арестовать членов Интернационала. — *124.*

[163] Речь идет о третьем процессе членов парижской организации Интернационала, происходившем 22 июня — 8 июля 1870 года. К суду было привлечено 38 человек, в том числе Варлен (ему удалось скрыться), Франкель, Жоаннар, Авриаль, Шален и другие видные деятели рабочего движения. Обвиняемые были приговорены к тюремному заключению от 1 года до 2 месяцев и к штрафу. — *124.*

[164] См. настоящее издание, т. 17, стр. 2. — *124.*

[165] Обращение было опубликовано во французской газете «Rеveil» № 409, 12 июля 1870 г. и подписано 150 членами Интернационала. Это обращение также было перепечатано рядом газет Интернационала. — *124.*

[166] Комитет немецкой Социал-демократической рабочей партии, местопребывание которого было в Брауншвейге, выпустил 5 сентября 1870 г. манифест «Ко всем немецким рабочим». Манифест был опубликован в газете «Volksstaat» № 73, 11 сентября 1870 года. По еще до его опубликования, 9 сентября, весь состав брауншвейгского комитета был арестован. — *125.*

[167] *Вильгельмсхёэ* (близ Касселя) — замок прусских королей, где с 5 сентября 1870 г. по 19 марта 1871 г. находился бывший император Наполеон III, взятый в плен пруссаками. — *126.*

[168] 26 ноября 1870 г., при обсуждении в германском рейхстаге вопроса о новых денежных кредитах на войну с Францией, Бебель и Либкнехт потребовали отказа от кредитов на ведение войны и быстрейшего заключения мира без аннексий с Французской республикой. 17 декабря 1870 г. Бебель, а несколько позднее и Либкнехт были арестованы.

Несмотря на это, во время всеобщих выборов в марте 1871 г. Бебель был снова избран депутатом рейхстага. — *126.*

[169] 6 июня 1871 г. Жюль Фавр направил циркуляр, в котором все правительства призывались к совместной борьбе с Интернационалом. Циркулярная депеша к дипломатическим представителям Франции за

границей, требовавшая выдачи эмигрантов Коммуны как уголовных преступников, была датирована 26 мая 1871 года. — *127.*

[170] *Всеобщий рабочий союз* — первая социалистическая организация в Венгрии; деятельность союза распространялась на столицу Венгрии — Пешт и наиболее крупные промышленные города Венгрии. Союз вел социалистическую пропаганду, руководил стачечной борьбой рабочих. Руководители Союза (Кароль Фаркаш, Антал Ирлингер, Виктор Кюльфёльди) входили в венгерскую секцию Международного Товарищества Рабочих, были связаны с австрийскими и германскими социал-демократами и непосредственно с Марксом. 11 июня 1871 г. Союз организовал демонстрацию солидарности с Парижской Коммуной. В связи с этим правительство распустило Союз, а его руководители вместе с приехавшими из Вены представителями австрийского рабочего движения были арестованы по обвинению в государственной измене. Однако за отсутствием каких-либо доказательств у обвинения и под давлением общественного мнения подсудимые были оправданы. — *127.*

[171] *Фении* — участники тайной организации. Ирландское революционное братство, возникшей с конца 50-х годов среди ирландских эмигрантов в Америке, а затем и в самой Ирландии. Фении вели борьбу за независимость Ирландии и создание Ирландской республики. Отражая объективно интересы ирландского крестьянства, фении по своему социальному составу принадлежали преимущественно к городской мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. После неудачной попытки фениев поднять в 1867 г. восстание английское правительство бросило в тюрьмы сотни ирландцев и подвергло арестованных самому жестокому обращению, применяя к ним пытки и обрекая их на голодную смерть. Маркс и Энгельс, неоднократно подчеркивавшие слабые стороны фенианского движения, критиковавшие фениев за их заговорщическую тактику, сектантские и буржуазно-националистические ошибки, тем но менее высоко ценили революционный характер этого движения и стремились направить его на путь массовых выступлений и совместных действий с английским рабочим движением. Генеральный Совет выступил в защиту арестованных, публично протестуя против зверского обращения с ними. Маркс и Энгельс в статьях и выступлениях систематически разоблачали колонизаторскую политику английского правительства (см. настоящее издание, т. 16, стр. 224—225, 604—608). — *128.*

[172] *«Norddeutsche Allgemeine Zeitung»* («Северогерманская всеобщая газета») — ежедневная консервативная газета; в 60—80-х годах официоз правительства Бисмарка; выходила в Берлине с 1861 по 1918 год. — *129.*

[173] Речь идет о циркуляре от 14 августа 1871 г. министра внутренних дел Италии Ланцы, предписывавшем роспуск секций Интернационала. На основании этого циркуляра 20 августа была разгромлена единственная крупная секция Интернационала в Италии — неаполитанская.

В январе 1872 г. министр внутренних дел Испании Сагаста также опубликовал циркуляр, предписывавший роспуск организаций Интернационала. Эти циркуляры Ланцы и Сагасты являлись как бы ответом итальянского и испанского правительств на призыв Ж. Фавра к совместной борьбе с Интернационалом. — *129.*

[174] Обыск на квартире у Утина и просмотр его личных бумаг и документов Интернационала был произведен 26—28 января 1872 года. С резким протестом против этого проявления сговора всех европейских правительств против Интернационала выступил кантональный совет женевских секций, принявший по этому поводу на своем собрании 6 февраля специальную резолюцию. Генеральный Совет Интернационала в свою очередь 20 февраля принял написанное Марксом и Энгельсом «Заявление Генерального Совета о полицейском произволе швейцарских властей» (см. настоящее издание, т. 17, стр. 493—494), опубликованное в печати Интернационала. — *130.*

[175] Имеется в виду встреча императоров Германии, Австро-Венгрии и России в Берлине в сентябре 1872 г., являвшаяся попыткой восстановить реакционный союз этих государств; в числе обсуждавшихся вопросов был также вопрос о совместной борьбе с революционным движением. — *131.*

[176] Доклад Энгельса об Альянсе социалистической демократии был представлен им 5 сентября 1872 г. специальной комиссии Гаагского конгресса, расследовавшей тайную деятельность Альянса. Упоминаемые в тексте доклада документы были также представлены Энгельсом комиссии. Сохранилась черновая рукопись доклада и опись приложенных документов; порядковая нумерация документов в описи, составленной Энгельсом, и нумерация документов в докладе совпадают. — *132.*

[177] Речь идет о написанном В. Пахесом от имени Новой мадридской федерации циркуляре членам федераций Интернационала в Испании. Циркуляр был опубликован в газете «Emancipacion» № 61, 10 августа 1872 года. — *133.*

[178] Циркуляр 2 июня 1872 г. был составлен членами редакции «Emancipacion», являвшимися и членами Альянса: Меса, Пахесом, Ф. Мора, Иглесиасом и другими. В этом циркуляре, направленном ко всем членам Альянса в Испании, заявлялось о роспуске мадридской группы Альянса и предлагалось всем группам Альянса в Испании последовать их примеру. Циркуляр был опубликован в газете «Emancipacion» № 59, 27 июля 1872 года. — *134.*

[179] Конференция Испанской федерации в Валенсии происходила нелегально 9—17 сентября 1871 года. Конференция окончательно оформила и приняла устав Испанской федерации, примерный устав местных федераций и отдельных секций, в основном разработанные съездом в Барселоне (1870 г.), определив тем самым структуру организации Интернационала в Испании.

По принятому конференцией уставу все рабочие одной профессии в данной местности объединялись в секцию; секции создавали местную федерацию, избиравшую на своем съезде местный федеральный совет. Все местные федерации составляли национальную федерацию, избиравшую на своем съезде национальный Федеральный совет. Конференция в Валенсии увеличила состав Федерального совета, введя должности секретарей-корреспондентов для пяти районов, приняла решение, что отдельные лица могут вступать в федерацию непосредственно. —*139.*

[180] Речь идет об исключении в марте 1872 г. из местной Мадридской федерации ее анархистским большинством членов редакции «Emancipa-

cion» Ф. Мора, Меса, Иглесиаса, Пахеса, Кальеха, Паули, бывших в то же время членами Испанского федерального совета, избранного конференцией в Валенсии. Поводом для этого исключения послужило открытое письмо редакционного совета газеты от 25 февраля 1872 г. «Представителям республиканско-федералистской партии, собравшимся в Мадриде». — *139.*

[181] О *Сарагосском съезде* см. примечание 79. — *139.*

[182] *Съезд в Барселоне* — первый национальный съезд испанских секций Интернационала, состоялся в июне 1870 года; на съезде присутствовало 90 делегатов, представлявших 150 рабочих обществ. Съезд оформил Испанскую федерацию Международного Товарищества Рабочих и избрал Федеральный совет. Было принято обращение к Генеральному Совету, в котором съезд заявил о признании федерацией Общего Устава Интернационала; в основных чертах был разработан устав Испанской федерации, местных федераций и секций (окончательно устав был разработан на конференции в Валенсии в 1871 г.). В то же время под влиянием анархистов, членов тайной организации Альянса в Испании, съезд принял резолюцию, направленную против участия в политической борьбе. — *139.*

[183] «Estracto de las actas del segundo congreso obrero de la Federacion regional Espanola, celebrado en Zaragoza en los dias 4 al 11 de Abril de 1872, segun las actas y las notes tomadas por la comision nombrada al efecto en el mismo», p. 109—110 («Выдержки из документов второго рабочего съезда Испанской федерации, состоявшегося в Сарагосе 4—11 апреля 1872, составленные в соответствии с документами и замечаниями, полученными комиссией, избранной на самом же съезде», стр. 109—110).

Сохранился экземпляр брошюры, представленной Энгельсом комиссии Гаагского конгресса, с его пометками. — *140.*

[184] Речь идет о попытках анархистов путем посылки делегатов от мелких, а часто и не существующих секций создать фиктивное большинство и захватить руководство Интернационалом (на Базельском конгрессе 1869 г.) и Романской федерацией (на съезде федерации в Шо-де-Фоне 4—6 апреля 1870 года) (см. настоящий том, стр. 13, 15). — *141.*

[185] Официальный текст резолюций, принятых Гаагским конгрессом, был составлен и отредактирован Марксом и Энгельсом, входившими в состав комиссии по подготовке резолюций к печати. В основу большей части резолюций легли предложения Маркса и Энгельса, принятые Генеральным Советом во время предварительного обсуждения повестки дня конгресса летом 1872 года. К ним относятся: статья 7а, резолюции об Уставе, резолюция о Регламенте, резолюция об исключении американской секции № 12 и другие. Резолюция о местопребывании Генерального Совета была внесена на конгрессе Марксом и Энгельсом и обоснована в речи Энгельса (см. настоящий том, стр. 645—646). Резолюция о международных связях между обществами сопротивления была принята по предложению Лафарга. Сохранилась рукопись Энгельса на французском языке с полным текстом резолюций, подготовленных к печати. — *143.*

[186] По приглашению Голландского федерального совета большинство делегатов Гаагского конгресса выехало после окончания работы конгресса в Амстердам на встречу с амстердамской секцией Интернационала. 8 сентября на митинге в Амстердаме выступили Маркс, Зорге, Лафарг и другие делегаты. Маркс произнес свою речь на немецком и французском языках. Эта речь была напечатана в голландской, бельгийской, французской и немецкой прессе. Наиболее полно речь была опубликована бельгийской и французской газетами, тексты которых совпадают полностью. Газета «Volksstaat» опубликовала данную речь Маркса по газете «Liberte», но с некоторыми изменениями. Гепнер писал Марксу 26 сентября 1872 г., что они не могут опубликовать его речь дословно, так как в немецких условиях упоминание о необходимости насильственного переворота немедленно создаст повод для процесса против газеты. В голландской газете «Algemeen Handelsblad» («Всеобщая торговая газета») речь была опубликована в очень краткой записи. Корреспондент писал: «Гражданин Маркс переходит к рассмотрению результатов закончившего свою работу конгресса. Он называет их важными. Сильная централизация власти в руках Генерального Совета является настоятельной необходимостью перед лицом конференции в Берлине, которая, по мнению оратора, предвещает всеобщее наступление на пролетариат, преследования и подавление рабочего класса. До тех пор, пока Интернационал не будет выступать как прочно спаянная организация, до тех пор он не сможет превратить движение в общее, так чтобы оно повсюду возникало одновременно, и его усилия не дадут значительных результатов. Оратор приводит пример Парижской Коммуны. Почему она потерпела неудачу? Потому что она осталась изолированной. Если бы одновременно с восстанием в Париже вспыхнули бы революции в Берлине, Вене и других столицах, то было бы больше шансов на успех». — *153.*

[187] *«Le Corsaire»* («Корсар») — французская ежедневная буржуазно-республиканская газета, выходила с 1871 г. в Париже. — *156.*

[188] *«Le Soir»* («Вечер») — французская ежедневная буржуазная газета республиканского направления, издавалась в Париже с 1867 года. — *156.*

[189] После Гаагского конгресса Маркс и Энгельс, являвшиеся членами комиссии по редактированию протоколов и резолюций конгресса, работали над подготовкой этих документов к публикации. В конце октября 1872 г. вышло официальное издание резолюций конгресса в виде отдельной брошюры на французском языке; 14 декабря было опубликовано официальное издание резолюций на английском языке в газете «International Herald». Работа над подготовкой к публикации протоколов конгресса осталась незавершенной. — *158.*

[190] Эти данные о составе конгресса несколько расходятся с данными протокольной записи Зорге, который приводит следующие цифры: на конгрессе в Гааге присутствовало 65 делегатов, из них 18 французов, 15 немцев, 7 бельгийцев, 5 англичан, 5 испанцев, 4 голландца, 4 швейцарца, 2 австрийца, 1 датчанин, 1 венгр, 1 австралиец, 1 ирландец и 1 поляк. — *159.*

[191] *«La Favilla»* («Искра») — итальянская газета, выходила в Мантуе и 1866—1894 годах; в 1871—1872 гг. — ежедневно; сначала буржуазно-

демократического направления, в первой половине 70-х годов находилась под влиянием анархистов.

Энгельс цитирует появившуюся в № 184 газеты от 3 сентября 1872 г. статью «Корреспонденция из Турина». — *164.*

192 При публикации статьи Энгельса «Императивные мандаты» редакция газеты «Emancipacion» стремилась придать ей вид статьи, написанной в Испании; в связи с этим статья была помещена без подписи. — *165.*

193 *«Bulletin de la Federation jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs»* («Бюллетень Юрской федерации Международного Товарищества Рабочих») — орган швейцарских анархистов; выходил под редакцией Дж. Гильома в 1872—1878 гг. на французском языке, сначала два раза в месяц, а с июля 1873 г. еженедельно.

Энгельс цитирует «Bulletin de la Federation jurassienne» № 17— 18, 15 сентября — 1 октября 1872. — *166.*

194 Мандат делегатов Юрской федерации на Гаагский конгресс был опубликован в «Bulletin de la Federation jurassienne» № 15—16 от 15 августа — 1 сентября 1872 года. — *167.*

195 *«La Federacion»* («Федерация») — испанская еженедельная рабочая газета, орган Барселонской федерации Интернационала, выходила в Барселоне с 1869 по 1873 г., находилась под влиянием бакунистов. — *169.*

196 «Liste nominale des delegues composant le 5-me Congres universel, tenu a la Haye (Hollande), du 2 au 7 Septembre 1872» Amsterdam, 1872 («Список делегатов 5-го общего конгресса, состоявшегося в Гааге (Голландия) со 2 по 7 сентября 1872». Амстердам, 1872. — *171.*

197 Лиссабонский федеральный совет направил через Энгельса письмо Британскому федеральному совету с просьбой принять немедленные меры по предотвращению ввоза в Португалию штрейкбрехеров из Англии. Эта угроза возникла в связи с забастовкой рабочих-литейщиков, начавшейся 19 сентября 1872 г, на всех литейных предприятиях Лиссабона. Бастующие, к которым присоединились и рабочие других профессий, требовали сокращения рабочего дня. Стачка литейщиков в Лиссабоне была поддержана Португальской федерацией Интернационала. Письмо было прочитано 26 сентября на заседании Британского федерального совета и опубликовано в «International Herald» № 27, 5 октября 1872 года. — *173.*

198 Публикуя письмо Маркса, редакция «Volksstaat» к этому месту дала под строкой следующее примечание: «Здесь, к сожалению, по ошибке пропущено слово «Альянс». Из-за этой опечатки действительно можно подумать, что Маркс внес предложение об исключении Швицгебеля, чего в действительности не было». — *174.*

199 Из письма Энгельса к секретарю Генерального Совета в Нью-Йорке Зорге 5 октября 1872 г. видно, что Энгельс первоначально намеревался послать отчет о положении Интернационала в Испании, Португалии и Италии. Но уже 2 ноября 1872 г. он пишет, что посылает только отчет об Испании, предполагая послать отчеты об Италии и Португалии позднее. Данных, подтверждающих, что эти отчеты были посланы, нет. — *176.*

[200] О циркуляре 2 июня 1872 г. см. примечание 178. — *179.*

[201] *«Общество рабочих и земледельцев Нижней Ломбардии»* (секция Интернационала в Лоди) образовалось в октябре 1872 г. под непосредственным влиянием Биньями, который сообщил об этом Энгельсу 28 октября 1872 года. Об образовании секции в Лоди, принявшей устав, соответствующий Уставу Интернационала, Энгельс сообщил секретарю Генерального Совета Зорге в письме 25 ноября 1872 года. Полицейские преследования привели в начале 1873 г. к прекращению деятельности этой секции. — *182.*

[202] Имеется в виду брошюра Гладстона «Two Letters to the Earl of Aberdeen on the State Persecutions of the Napolitan Government». London, 1851 («Два письма графу Абердину по поводу преследований государственных преступников неаполитанским правительством». Лондон, 1851). — *183.*

[203] Речь идет о правилах поведения в лондонских парках, которые вводились в жизнь королевским указом с 27 июня 1872 года. — *184.*

[204] Энгельс имеет в виду состоявшийся 24 ноября 1872 г. в Амстердаме съезд представителей ряда голландских секций Интернационала, созванный Голландским федеральным советом в связи с выступлениями анархистов против решений Гаагского конгресса. Съезд принял решение о поддержке Генерального Совета. — *187.*

[205] *Съезд в Кордове,* на котором были представлены только анархисты, состоялся 25—30 декабря 1872 года. Съезд заявил о полном разрыве отношений с Генеральным Советом и Международным Товариществом Рабочих в целом. — *187.*

[206] В Сент-Имье 15—16 сентября 1872 г. состоялся конгресс представителей тайных организаций Альянса разных стран. Решения, принятые конгрессом — не признавать резолюции Гаагского конгресса и порвать с Генеральным Советом, — означали фактический раскол Интернационала (см. Маркс и Энгельс. «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», настоящий том, стр. 381—382). — *187.*

[207] Обращение «Новая мадридская федерация всем федерациям, секциям и членам Международного Товарищества в Испании» от 1 ноября 1872 г., подписанное В. Пахесом, было опубликовано в газете «Emancipacion» № 73, 9 ноября 1872 года. В обращении разоблачались действия Испанского федерального совета, ведущие к дезорганизации и расколу Интернационала. В связи с тем, что Федеральный совет, нарушая устав Испанской федерации и постановление Сарагосского съезда, объявил о созыве, раньше намеченного срока, съезда в Кордове, а также произвольно изменил повестку дня, поставив вопрос о выборе между решениями Гаагского конгресса и анархистского конгресса в Сент-Имье, Новая мадридская федерация предлагала избрать новый федеральный совет, который действовал бы в соответствии с Уставом Интернационала и решениями его общих конгрессов. — *187.*

[208] Собрание федерации Грасии происходило 4—6 ноября 1872 года; заслушав отчет о поездке на конгресс в Гаагу одного из руководителей

Альянса Алерини, собрание осудило поведение испанских делегатов на Гаагском конгрессе, отвергло предложение анархистов поддержать решения конгресса в Сент-Имье и большинством голосов одобрило решения Гаагского конгресса.

Собрание федерации Валенсии происходило 9 ноября 1872 года. На этом собрании было отвергнуто предложение альянсистов включить в императивный мандат делегата Кордовского съезда требование одобрить решения конгресса в Сент-Имье. — *188.*

[209] В «Bulletin de la Federation jurassienne» № 20—21, 10 ноября 1872 г. было опубликовано письмо Жюля Монтеля, протестующего против исключения Буске из Интернационала. — *188.*

[210] Реформистское крыло Британского федерального совета (см. примечание 14) блокировалось с различного рода антимарксистскими элементами, в частности с членами Альянса в Швейцарии. Английские реформисты и швейцарские анархисты яростно нападали на все решения Гаагского конгресса и в частности на резолюции о политическом действии рабочего класса и расширении полномочий Генерального Совета. После появления в «Bulletin de la Federation jurassienne» № 23, 1 декабря письма Дж. Хейлза от 6 ноября и ответа на него, подписанного членом Альянса Швицгебелем, Маркс и Энгельс решили дать публичную отповедь Хейлзу. Маркс писал Зорге 21 декабря 1872 года: «Я посылаю тебе сегодня один номер [газеты], в котором Энгельс и я открываем полемику с Хейлзом и компанией». Письмо Маркса и Энгельса было опубликовано в «International Herald» № 38, 21 декабря и в испанской газете «Emancipacion» № 80, 28 декабря 1872 года. Редакция последней дала следующий вступительный абзац: «Ниже мы публикуем письмо, которое наши товарищи и друзья Маркс и Энгельс направили в издающуюся в Лондоне газету «International Herald» в знак протеста против лживых утверждений г-на Джона Хейлза; эти утверждения воспроизводятся у нас с огромным удовольствием альянсистской печатью, всегда готовой поддержать ложь».—*189.*

[211] Вопрос о превышении своих полномочий секретарем Генерального Совета Хейлзом неоднократно поднимался на заседаниях Генерального Совета. Уже с весны 1872 г. Хейлз стал противопоставлять себя большинству Генерального Совета, поддерживавшему Маркса. На съезде Британской федерации Товарищества в Ноттингеме 21—22 июля 1872 г. Хейлз пытался протащить решение об «автономии» Британского федерального совета. В связи с этим, а также в связи с поддержкой им реформаторских элементов, исключенных из Интернационала в США, Генеральный Совет 23 июля 1872 г. единогласно принял предложение о временной, до окончания расследования, отставке Хейлза. Временно функции секретаря были поручены Дж. Милнеру. — *190.*

[212] *Манчестерская иностранная секция* Международного Товарищества Рабочих образовалась в августе 1872 г. в основном из рабочих-эмигрантов, проживавших в Манчестере и, как правило, уже являвшихся членами Интернационала. Манчестерская иностранная секция вела активную борьбу против реформистской части Британского федерального совета, отвергавшей решения Гаагского конгресса, Секция поддерживала борьбу Маркса и Энгельса за укрепление Британской федерации и очищение ее от дезорганизаторских элементов. Публикуемое обращение было написано Энгельсом по просьбе манчестерской

секции и после утверждения секцией издано в виде листовки и разослано всем членам Интернационала в Англии. — *192.*

[213] Речь идет о циркуляре отколовшейся части Британского федерального совета «Ко всем британским секциям Международного Товарищества Рабочих» от 10 декабря 1872 г., в котором раскольники призывали не признавать решений Гаагского конгресса и созвать экстренный съезд федерации в январе 1873 г. в Лондоне. — *192.*

[214] Речь идет о заседании Британского федерального совета 5 декабря 1872 г., на котором должен был решаться вопрос об упразднении должности генерального секретаря совета, занимаемой Хейлзом, и назначении секретаря-корреспондента, секретаря, ответственного за протоколы, казначея и других официальных лиц совета. Это намерение марксистского ядра совета отстранить от руководства Британским федеральным советом реформистских лидеров и послужило непосредственным поводом для произошедшего вслед за этим раскола в совете. — *192.*

[215] См. настоящее издание, т. 17, стр. 446. — *193.*

[216] Резолюцию IX Лондонской конференции 1871 г. см. настоящее издание, т. 17, стр. 426—427. — *194.*

[217] О съезде Голландской федерации см. примечание 204. — *196.*

[218] Данное обращение Британского федерального совета, составленное Марксом, наряду с написанным Энгельсом обращением Манчестерской иностранной секции, явилось ответом на раскольнические действия реформистов в Британской федерации. Обращение, прочитанное на заседании Британского федерального совета 23 декабря членом совета Митчелом, было единогласно утверждено советом и разослано секциям. — *197.*

[219] В связи с подготовкой к Гаагскому конгрессу Генеральный Совет принял решение предварительно обсудить статьи Общего Устава и Организационного регламента. В ходе этого обсуждения Вайян внес 23 июля 1872 г. предложение включить в Устав резолюцию Лондонской конференции 1871 г. о политическом действии рабочего класса. Это предложение, поддержанное Марксом и Энгельсом, было принято единогласно. — *199.*

[220] Имеется в виду резолюция «О политическом действии», единогласно принятая первым съездом британских секций Международного Товарищества Рабочих, состоявшимся 21—22 июля 1872 г. в Ноттингеме. Резолюция признавала необходимость ведения рабочим классом политической борьбы в целях его социального освобождения и в связи с этим необходимость создания самостоятельной рабочей партии. — *199.*

[221] Текст этой резолюции был предложен Энгельсом и принят на заседании Генерального Совета 25 июня 1872 года. — *200.*

[222] Имеются в виду статьи 6 и 7 раздела II («Генеральный Совет») Организационного регламента (см. настоящее издание, т. 17, стр. 450—

451); эти статьи были сформулированы на основании постановлений Базельского конгресса 1869 года: «О порядке исключения секций из Товарищества» и «О порядке разрешения конфликтов между секциями Товарищества». — *200.*

[223] Работа Ф. Энгельса *«К жилищному вопросу»* состоит из трех разделов, каждый из которых возник в ходе острой полемики Энгельса против буржуазных и мелкобуржуазных проектов решения жилищного вопроса.

Первый раздел явился непосредственным ответом на появившиеся в газете «Volksstaat» (№№ 10, 11, 12, 13, 15 и 19; 3, 7, 10, 14, 21 февраля и 6 марта 1872 г.) анонимные статьи под названием «Жилищный вопрос», перепечатанные из австрийской рабочей газеты «Volkswille» («Воля народа»). Позднее стало известно, что автором статей был доктор медицины, прудонист, А. Мюльбергер. 7 мая 1872 г. Энгельс писал Либкнехту: «Как только позволит время, я напишу тебе статью о жилищной нужде против абсурдных прудонистских измышлений, излагаемых по этому поводу в ряде статей в «Volksstaat»». К 22 мая 1872 г, первый раздел работы под названием «Как Прудон разрешает жилищный вопрос» был написан и опубликован в «Volksstaat» №№ 51, 52 и 53; 26, 29 июня и 3 июля 1872 года.

В течение октября 1872 г. Энгельс написал второй раздел своей работы, озаглавленный «Как буржуазия разрешает жилищный вопрос», в котором подверг критике буржуазно-филантропические методы решения жилищного вопроса, наиболее полно изложенные в книжке Э. Закса «Жилищные условия трудящихся классов и их реформа». Этот раздел был напечатан в «Volksstaat» №№ 103 и 104; 25 и 28 декабря 1872 г. и №№ 2 и 3; 4 и 8 января 1873 года.

Третий раздел работы Энгельса возник как новый ответ Мюльбергеру, которому редакция «Volksstaat» предоставила возможность выступить с возражениями Энгельсу на страницах газеты. Над этой частью Энгельс работал в январе 1873 г., она была опубликована под заглавием «Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе» в «Volksstaat» №№ 12, 13, 15 и 16; 8, 12, 19 и 22 февраля 1873 года.

Вслед за публикацией в «Volksstaat» все три раздела работы Энгельса были изданы в Лейпциге в издательстве «Volksstaat» отдельными оттисками, два из которых — «Zur Wohnungsfrage» («К жилищному вопросу») и «Zur Wohnungsfrage. Zweites Heft: Wie die Bourgeoisie die Wohnungsfrage lost» («К жилищному вопросу. Второй выпуск: Как буржуазия разрешает жилищный вопрос») — вышли в 1872 году и последний — «Zur Wohnungsfrage, Drittes Heft: Nachtrag uber Proudhon und die Wohnungsfrage» («К жилищному вопросу. Третий выпуск: Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе») — в 1873 году. Второй раздел работы Энгельса был также воспроизведен в газете «Volkswille», в январских номерах (№№ 3—9) за 1873 год.

В 1887 г. работа Энгельса была переиздана под заглавием: «Zur Wohnungsfrage». Zweite, durchgesehene Auflage. Hottingen-Zurich, 1887 («К жилищному вопросу». Второе, просмотренное издание, Хоттинген-Цюрих, 1887). При переиздании работы Энгельс внес некоторые изменения и дополнения и написал к ней предисловие.

Полный перевод работы Энгельса «К жилищному вопросу» появился на русском языке в 1907 г. в издательстве «Знание», — *203.*

[224] См. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185. — *207.*

[225] К. Маркс. «Капитал», т. I (настоящее издание, т. 23). — *208.*

[226] См. настоящее издание, т. 23, стр. 94—95. — *212.*

[227] См. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517. — *214.*

[228] Энгельс иронически приводит здесь библейское выражение об «египетских котлах с мясом». Согласно библейской легенде, во время бегства евреев из египетского плена малодушные среди них под влиянием трудностей пути и голода стали сожалеть о днях, проведенных в неволе, когда они были, по крайней мере, сыты. — *214.*

[229] *Labour Exchange Bazaar* или *Equitable Labour Exchange Bazaars or Offices* (Базары для справедливого обмена продуктов труда) были основаны кооперативными обществами рабочих в различных городах Англии; первый такой базар был основан Робертом Оуэном в Лондоне в сентябре 1832 г. и просуществовал до середины 1834 года. На этих базарах продукты труда обменивались при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени. Эти предприятия, представлявшие собой утопическую попытку организовать безденежный обмен в условиях товарно-капиталистического хозяйства, вскоре обанкротились. — *219.*

[230] См. настоящее издание, т. 23, стр. 176—206. — *224.*

[231] В газете «Volksstaat» № 53, 3 июля 1872 г. последние два абзаца сформулированы следующим образом:

«Мы видели выше, что цена за наем, vulgo, называемая наемной платой, составляется:

1) частью из земельной ренты, 2) частью совсем не из процента, **а из** прибыли на строительный капитал, 3) частью из издержек на ремонт, содержание и страхование. Часть процента на капитал лишь тогда содержится в наемной плате, когда дом обременен ипотечной задолженностью.

Теперь уже даже слепому должно быть ясно, что «сам владелец первый постарается продать свой дом, так как иначе он остался бы незанятым, а вложенный в него капитал стал бы просто бесполезным». Разумеется. Если отменить процент на ссудный капитал, то ни один домовладелец не сможет больше получить ни одного пфеннига наемной платы за свой дом просто потому, что плату за наем помещения можно назвать также наемной платой. Доктор есть доктор».

В отдельном издании первого раздела работы Энгельса «К жилищному вопросу», выпущенном издательством «Volksstaat» в 1872 г., к фразе: «Часть процента на капитал лишь тогда содержится в наемной плате, когда дом обременен ипотечной задолженностью» дано следующее примечание:

«Для капиталиста, который покупает готовый дом, часть цены за наем, состоящая не из земельной ренты и издержек, может выступить в виде процента на капитал. От этого однако само положение дел нисколько не изменится и для него совершенно безразлично, сам ли владелец дома сдаст свой дом внаем или же он продаст его для тех же целей другому капиталисту».

При подготовке в 1887 г. второго издания своей работы Энгельс заново отредактировал оба эти абзаца и внес в них ряд уточнений

(см. Ф. Энгельс. Предисловие к «К жилищному вопросу», настоящее издание, т. 21).

В настоящем томе тексты этих двух абзацев приведены в соответствие с изданием 1887 года. — *225.*

232 Имеется в виду книга Прудона «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I—II, Paris, 1846 («Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). — *227.*

233 E. Sax. «Die Wohnungszustande der arbeitenden Klassen und ihre Reform». Wien, 1869. — *229.*

234 *«Illustrated London News»* («Иллюстрированные лондонские новости») — английский еженедельный иллюстрированный журнал, выходит с 1842 года.

«Ueber Land und Meer» («По суше и по морю») — немецкий еженедельный иллюстрированный журнал, выходил в Штутгарте с 1858 но 1923 год.

«Gartenlaube» — сокращенное название немецкого еженедельного литературного журнала мелкобуржуазного направления «Die Gartenlaube. Illustriertes Familienblatt» («Беседка. Иллюстрированный журнал для семьи»), выходил в 1853—1903 гг. в Лейпциге и в 1903— 1943 гг. в Берлине.

«Kladderadatsch» («Кладдерадач») — иллюстрированный сатирический еженедельный журнал, издавался в Берлине с 1848 года.

Стрелок Август Кучке — псевдоним немецкого поэта Готгельфа Хофмана, автора националистической солдатской песни времен франко-прусской войны 1870—1871 годов. — *229.*

235 См. настоящее издание, т. 4, стр. 453, 454. — *230.*

236 Из речи Ганземана на заседания первого Соединенного ландтага 8 июня 1847 года. «Preusens Erster Reichstag». Th. 7, Berlin, 1847, S. 55 («Первый прусский рейхстаг». Ч. 7, Берлин, 1847, стр. 55). — *232.*

237 *«Le Socialiste»* («Социалист») — французская еженедельная газета, основана Ж. Гедом в Париже в 1885 г., до 1902 г. орган Рабочей партии, с 1902 до 1905 г. орган Социалистической партии Франции, с 1905 г. орган Французской социалистической партии; в 80—90-х годах в газете сотрудничали Ф. Энгельс, П. Лафарг и Г. В. Плеханов.

Статьи о колонии в Гизе напечатаны в газете «Le Socialiste» в №№ 45 и 48, 3 и 24 июля 1886 года. — *239.*

238 *«Harmony Hall»* («Хармони-холл») — название коммунистической колонии, основанной английскими социалистами-утопистами во главе с Робертом Оуэном в конце 1839 г. в графстве Гэмпшир, Англия. Колония просуществовала до 1845 года. — *239.*

239 См. V. A. Huber. «Sociale Fragen. IV. Die Latente Association». Nordhausen, 1866 (В. А. Хубер. «Социальные вопросы. IV. Латентная ассоциация». Нордхаузен, 1866). — *240.*

240 См. настоящее издание, т. 2, стр. 409—410 и 413. — *240.*

[241] См. настоящее издание, т. 2, стр. 413. — *243.*

[242] Речь идет об уплате Францией Германии контрибуции в размере 5 миллиардов франков согласно 7 статье Франкфуртского мирного договора от 10 мая 1871 года. — *256.*

[243] Энгельс имеет в виду заявления немецкого буржуазного экономиста Адольфа Вагнера в ряде его книг и выступлений о том, что оживление конъюнктуры в Германии после франко-прусской войны и особенно в результате 5-миллиардной контрибуции принесет значительное улучшение положения трудящихся масс. — *256.*

[244] Имеются в виду переговоры германского и австрийского императоров и их канцлеров в августе 1871 г. в Гаштейне и сентябре 1871 г. в Зальцбурге, в ходе которых обсуждались также вопросы борьбы с Интернационалом. Энгельс называет эти конференции штиберовскими по имени начальника прусской политической полиции Штибера, тем самым подчеркивая их полицейско-реакционный характер. — *256.*

[245] См. настоящее издание, т. 2, стр. 296—297 и следующие. — *257.*

[246] «Internationale et revolution. A propos du congres de la Haye par des refugies de la Commune, ex-membres du Conseil General de l'Internationale». Londres, 1872 («Интернационал и революция. Написана по поводу Гаагского конгресса эмигрантами Коммуны, бывшими членами Генерального Совета Интернационала». Лондон, 1872). — *262.*

[247] См. G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik». Th. I, Abt. 2; Werke, Bd. IV, Berlin, 1834, S. 15, 75, 145 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики». Ч. 1, отд. 2; Сочинения, т. IV, Берлин, 1834, стр. 15, 75, 145). — *262.*

[248] Статьи Мюльбергера, напечатанные в феврале и начале марта 1872 г. в «Volksstaat», были позднее опубликованы отдельным изданием: A. Mulberger. «Die Wohnungsfrage. Eine sociale Skizze». Separat-Abdruck aus dem «Volksstaat». Leipzig, 1872, S. 25 (А. Мюльбергер. «Жилищный вопрос. Социальный очерк». Отдельный оттиск из «Volksstaat». Лейпциг, 1872, стр. 25). — *264.*

[249] См. настоящее издание, том 4, стр. 434 и 450. — *265.*

[250] P.-J. Proudhon. «Idee generale de la Revolution au XIX siecle». Paris, 1868. — *269.*

[251] См. примечание 232. — *270.*

[252] P.-J. Proudhon. «De la justice dans la revolution et dans l'eglise». T. 1—3, Paris, 1858. — *270.*

[253] P.-J. Proudhon. «La guerre et la paix». T. 1—2, Paris, 1869. — *271.*

[254] F. Lassalle. «Das System der erworbenen Rechte. Eine Versohnung des positiven Rechts und der Rechtsphilosophie». Th. I, Leipzig, 1861 (Ф. Лассаль. «Система приобретенных прав. Примирение позитивного права и философии права». Ч. 1, Лейпциг, 1861). — *272.*

[255] Энгельс перефразирует здесь слова Мефистофеля из трагедии Гёте «Фауст», часть 1, сцена шестая («Кухня ведьмы»). — *278.*

[256] Из переписки с датским социалистом Луи Пио Энгельсу, выполнявшему обязанности секретаря-корреспондента для Дании, было известно о больших успехах датских социалистов в пропаганде решений Интернационала по аграрному вопросу. В письме Луи Пио в конце апреля 1872 г. Энгельс дает высокую оценку статье о путях социалистического преобразования сельского хозяйства посредством кооперации, появившейся в копенгагенской газете «Socialisten» и обошедшей почти всю прессу Интернационала. Энгельс подчеркивает, что в «чрезвычайно важном вопросе о привлечении мелкого крестьянства и безземельных крестьян в пролетарское движение датчане, благодаря своим местным условиям и своим большим политическим способностям, стоят теперь впереди всех наций». — *281.*

[257] См. настоящее издание, т. 2, стр. 238—240. — *281.*

[258] Имеется в виду «Обращение Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих ко всем федерациям, секциям, комитетам и членам Международного Товарищества Рабочих в Германии» от 1 декабря 1872 г., опубликованное в «Volksstaat» № 103, 25 декабря 1872 года. — *285.*

[259] Речь идет об административной реформе, проведенной в Пруссии в соответствии с «Положением об округах для провинций Пруссия, Бранденбург, Померания, Познань, Силезия и Саксония», принятым прусским правительством 13 декабря 1872 года. — *287.*

[260] Энгельс имеет в виду прусский королевский указ от 24 октября 1808 г. об отмене цеховых ограничений и монополий и предписание от 26 декабря 1808 г., в котором в декларативной форме заявлялось о свободе промышленности и торговли.

9 февраля 1849 г. прусским правительством были изданы два указа об изменениях в старом промысловом уставе — о введении институтов промысловых советов (Gewerberate) и промысловых судов (Gewerbegerichte), восстанавливавшие полусредневековое промысловое законодательство. — *288.*

[261] Речь идет о директоре прусского департамента полиции Хинкельдее, убитом в 1856 г. на дуэли одним из видных представителей реакционной партии Шталя — Герлаха (см. примечание 268) бароном Роховым в связи с закрытием полицией игорного дома, в делах которого эта клика была заинтересована. — *288.*

[262] Речь идет о «либеральном» курсе, провозглашенном прусским принцем Вильгельмом (с 1861 г. король Пруссии) при его вступлении в регентство в октябре 1858 года. В 1858 г. принц-регент дал отставку министерству Мантёйфеля и призвал к власти умеренных либералов, в том числе представителей близкой к буржуазии либеральной аристократии, государственных деятелей периода революции 1848—1849 гг.— Ауэрсвальда, Патова и Шверина. В буржуазной печати этот курс получил громкое название «новой эры». На деле политика Вильгельма была направлена исключительно на укрепление позиции прусской монархии и юнкерства; обманутые в своих надеждах буржуа отказались

утвердить представленный правительством проект военной реформы. Возникший в связи с этим в 1862 г. конституционный конфликт и приход к власти Бисмарка в сентябре 1862 г. положил конец «новой эре». — *288.*

[263] Имеется в виду война между Францией и Сардинским королевством (Пьемонтом), с одной стороны, и Австрией, с другой, длившаяся с 29 апреля по 8 июля 1859 года. — *289.*

[264] *Датская война* — война Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г., явившаяся важным этапом в объединении Германии под гегемонией Пруссии. Юнкерское правительство Бисмарка стремилось присоединить к Пруссии герцогства Шлезвиг и Гольштейн, подвластные Дании, но населенные в основном немцами, усилить влияние Пруссии в Германии, подавить оппозицию либеральной буржуазии. В этой войне приняла участие Австрия, стремившаяся так же, как и Пруссия, к захвату Шлезвига и Гольштейна. Война закончилась поражением Дании. Шлезвиг и Гольштейн были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. были присоединены к Пруссии. — *289.*

[265] *Битва при Садове* произошла 3 июля 1866 г. в Чехии между австрийскими и саксонскими, с одной стороны, и прусскими войсками — с другой, и явилась решающим сражением в австро-прусской войне 1866 г., которая закончилась победой Пруссии над Австрией. В истории это сражение известно также как сражение при Кёниггреце (Градец-Кралов). — *289.*

[266] Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 гг., явившаяся завершающим этапом объединения Германии «сверху», путем династических войн и политики «железа и крови». — *289.*

[267] В результате победы Пруссии в австро-прусской войне 1866 г. Пруссия аннексировала королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассель, великое герцогство Нассау, вольный город Франкфурт, герцогства Гольштейн и Шлезвиг, а также некоторые части территории Баварии и Гессен-Дармштадта.

Одновременно с прямой аннексией Пруссия, принудив Австрию к согласию на ликвидацию Германского союза и созданию новой формы объединения германских государств к северу от Майна и без участия Австрии, добилась подписания союзных соглашений с 17 северогерманскими мелкими государствами, которые вели войну на стороне Пруссии и к которым несколько позднее присоединились Саксония и некоторые другие германские государства. Эта форма объединения подготовила создание Северогерманского союза. — *290.*

[268] *Партия Шталя — Герлаха,* или партия «Крестовой газеты», — как называлась «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»), — образовалась в период революции 1848—1849 гг. как группировка контрреволюционной придворной камарильи и феодального юнкерства; отстаивала незыблемость привилегий аристократии и восстановление сословно-абсолютистского строя Пруссии. Как крайне правая юнкерская партия, она сопротивлялась проводимой Бисмарком с 1866 г. политике, видя в ней угрозу своим феодальным привилегиям. — *290.*

[269] *Северогерманский союз* — союзное германское государство, образованное в 1867 г. под главенством Пруссии после ее победы в австро-прусской войне вместо распавшегося Германского союза. В Северогерманский союз вошло 19 германских государств и 3 вольных города, которые формально были признаны автономными. Конституция Северогерманского союза обеспечивала господствующее положение в нем Пруссии — прусский король был объявлен президентом Союза и главнокомандующим союзными вооруженными силами, ему передавалось руководство внешней политикой. В 1870 г. к Союзу были присоединены остававшиеся ранее вне его Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт. Создание Северогерманского союза являлось шагом вперед по пути к национальному единству Германии; в январе 1871 г. Союз прекратил свое существование в связи с образованием Германской империи. — *290.*

[270] В 1845—1846 гг. возросли политические притязания прусской буржуазии в связи с провалом ее надежд на эру либеральных реформ после воцарения Фридриха-Вильгельма IV в 1840 году. В 1845 г. все ландтаги, кроме двух, потребовали введения конституции. Наиболее полно требования прусской буржуазии отразил Ганземан — представитель крупной буржуазии рейнской области — в докладной записке 1846 г., в которой требовал создания сословного представительства, укрепления и расширения Таможенного союза, уничтожения вотчинной юстиции помещиков и ряда других привилегий дворянства, свободы печати, гласного судопроизводства, несменяемости судей, суда присяжных и т. д. — *292.*

[271] Ответ на второй циркуляр мнимого большинства Британского федерального совета, выпущенный в начале января 1873 г., был написан Марксом и опубликован вместе с официальным сообщением Британского совета в газете «International Herald» № 43, 25 января 1873 года. В сообщении Британского совета говорилось: «В циркуляре за подписью прежнего секретаря-корреспондента Британского федерального совета и других объявлено о созыве на 26 текущего месяца самозванного съезда; мы заявляем, что и время созыва, и цели упомянутого предполагаемого съезда являются незаконными, и поэтому члены Товарищества, которые примут участие в этом съезде, так же как и секции, уполномочившие своих членов принять участие в нем, поставят себя в положение, при котором они тем самым окажутся вне рядов нашего Товарищества». — *293.*

[272] Речь идет о публикации резолюций Гаагского конгресса в газете «International Herald» № 37, 14 декабря 1872 года. — *293.*

[273] «*Volkswille»* («Воля народа») — австрийская рабочая газета, выходила в Вене с января 1870 по июнь 1874 года. — *295.*

[274] «*O Pensamento Social»* («Социальная мысль») — еженедельная португальская социалистическая газета, выходила и Лиссабоне с февраля 1872 по апрель 1873 г., орган секций Интернационала. Газета публиковала документы Интернационала и отдельные статьи Маркса и Энгельса, в том числе в феврале—апреле 1873 г. была опубликована часть «Манифеста Коммунистической партии».

«Socialisten» («Социалист») — датская рабочая газета, выходила в Копенгагене с июля 1871 по май 1874 г., с апреля 1872 г. — ежедневно.

«De Werkman» («Рабочий») — еженедельная голландская рабочая газета, выходила в Амстердаме в 1868—1874 годах; с 1869 г. орган амстердамской секции Интернационала.

«Die Tagwacht» («Часовой») — швейцарская социал-демократическая газета, выходила в Цюрихе на немецком языке с 1869 по 1880 г., в 1869—1873 гг. являлась органом немецких секций Интернационала в Швейцарии, затем была органом Швейцарского рабочего союза и Социал-демократической партии Швейцарии. — *295.*

[275] Данная работа была написана Марксом для сборника «Almanacco Repubblicano» в конце декабря 1872 — начале января 1873 г. в связи с просьбой редактора газеты «Plebe» Э. Биньями.

Маркс и в особенности Энгельс в течение 1872 г. вели борьбу с анархистским влиянием на рабочий класс Италии; в ряде статей, написанных для газеты «Plebe», Энгельс выступил с критикой анархизма. Статья Маркса, как и написанная для того же сборника статья Энгельса «Об авторитете», послужила теоретической базой для борьбы группы социалистов, консолидировавшейся вокруг газеты «Plebe», с анархизмом. Работа Маркса была опубликована в декабре 1873 года. — *296.*

[276] J. F. Bray. «Labour's Wrongs and Labour's Remedy». Leeds, 1839. — *298.*

[277] См. настоящее издание, т. 4, стр. 178—185. — *299.*

[278] P.-J. Proudhon. «De la capacité politique des classes ouvrières». Paris, 1868. — *299.*

[279] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1817 (Д. Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения». Лондон, 1817). — *300.*

[280] Эта статья Энгельса была написана в связи с неоднократными просьбами Э. Биньями прислать ему статью для сборника «Almanacco Repubblicano». Впервые с такой просьбой Биньями обратился к Энгельсу в июле 1872 года; 3 ноября 1872 г. Биньями сообщил, что он получил статью Энгельса, однако в связи с арестом Биньями статья была затеряна. В марте 1873 г. Энгельс послал Биньями статью «Об авторитете», опубликованную последним в декабре 1873 года. — *302.*

[281] Энгельс перефразирует надпись над воротами ада из поэмы Данте «Божественная комедия. Ад», песнь III, строфа 3. — *303.*

[282] Сообщения о деятельности Интернационала на континенте печатались вместе с отчетами о заседаниях Британского федерального совета в газете «International Herald». — *306.*

[283] Имеется в виду обращение Генерального Совета Интернационала ко всем федерациям, присоединившимся обществам, секциям и членам Товарищества от 20 октября 1872 г., опубликованное в газете «International Herald» № 34, 23 ноября 1872 года. В этом обращении говорилось о необходимости единства действий рабочих в борьбе против буржуазного строя, и выдвигалась задача, в соответствии с решениями Гаагского конгресса, организационного укрепления Международного Товарищества Рабочих. — *306.*

[284] См. примечание 205. — *306.*

[285] Речь идет об обращении Новой мадридской федерации ко всем федерациям, секциям и членам Интернационала в Испании 1 ноября 1872 г., опубликованном в газете «Emancipacion» № 73, 9 ноября 1872 года. В следующих номерах газета сообщала о поступающих от местных федераций и секций заявлениях о поддержке этого обращения.—*306.*

[286] О собрании местной федерации Грасии см. примечание 208.

Делегат от местной федерации Гранады на съезд в Кордове, Мариано Родригес, имел императивный мандат, требовавший полного одобрения решений Гаагского конгресса. Сведения об этом Энгельс получил из письма X. Меса от 29 декабря 1872 года. — *307.*

[287] Речь идет о редакционной статье «Конгресс Интернационала в Гааге», опубликованной в газете «Pensamento Social» №2 25, 6 октября 1872 года. — *307.*

[288] Энгельс, очевидно, имеет в виду участие членов федераций Грасии и Кадиса в вооруженном выступлении республиканцев-федералистов в Андалузии в ноябре 1872 г. и участие членов Новой мадридской федерации в вооруженном выступлении в Мадриде в конце ноября — начале декабря 1872 года. — *307.*

[289] Имеется в виду письмо X. Меса Энгельсу от 18 января 1873 г., в котором Меса просил Энгельса оповестить через органы Интернационала рабочих Англии и Бельгии о стачке в Испании, чтобы помешать ввозу в Испанию штрейкбрехеров. — *307.*

[290] *«Заметки для Генерального Совета в Нью-Йорке»* сохранились в виде рукописи Энгельса на немецком языке, датированной 8 февраля 1873 года. Текст этой рукописи не вполне совпадает с текстом «Заметок», опубликованным в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906. — *310.*

[291] 15—17 марта 1873 г. в Болонье состоялся второй съезд итальянских анархистов, создавших свою федерацию на конференции в Римини (см. примечание 156). — *310.*

[292] Имеется в виду решение Генерального Совета Интернационала от 5 января 1873 г. о временном, вплоть до очередного конгресса, исключении Юрской федерации из рядов Товарищества. — *311.*

[293] После Гаагского конгресса Куно эмигрировал в Америку; участвуя в борьбе против анархизма, он подписал вымышленной фамилией Капестро обращение секции № 29 Международного Товарищества Рабочих к Новой мадридской федерации от 10 января 1873 года. В брюссельской газете «Internationale» № 212, 2 февраля 1873 г. сообщалось об этом факте и указывалось, что Капестро и Куно — это одно и то же лицо,

«L'Internationale» («Интернационал») — еженедельная бельгийская газета, орган бельгийских секций Интернационала; издавалась в Брюсселе при ближайшем участии Де Папа с 1869 по 1873 год. В 1873 г. стояла на анархистских позициях. — *312.*

[294] Речь идет о членских марках, которые были выпущены по решению Лондонской конференции 1871 г. и наклеивались в членскую книжку в знак уплаты ежегодного взноса. — *312.*

[295] *«Arbeiter-Zeitung»* («Рабочая газета») — еженедельная рабочая газета, орган американской секции Интернационала № 1, издавалась в Нью-Йорке на немецком языке, выходила с февраля 1873 по март 1875 года. В газете публиковались отчеты о заседаниях Генерального Совета и документы Интернационала, а также некоторые важнейшие работы Маркса и Энгельса данного периода. До осени 1874 г. известное влияние на направление газеты оказывал Ф. А. Зорге. — *313.*

[296] См. примечание 51. — *313.*

[297] Имеется в виду редакционная статья, опубликованная в газете «Pensamento Social» № 54, 5 апреля 1873 г. в ответ на обращение к редакции Испанской федеральной комиссии, возглавлявшей в это время анархистские секции в Испании. — *314.*

[298] Речь идет о назначенном на 1 и 2 июня 1873 г. втором съезде Британской федерации Интернационала (см. примечание 352). — *314.*

[299] Настоящая заметка представляет собой часть письма, написанного Энгельсом редактору газеты «Volksstaat» Гепнеру в конце апреля 1873 г, в связи с появившейся в «Neuer Social-Demokrat» № 49, 27 апреля 1873 г. клеветнической статьей о Международном Товариществе Рабочих. Письмо не предназначалось для печати, но редакция газеты опубликовала часть его без указания автора в «Volksstaat» № 37, 7 мая 1873 года. 2 мая Энгельс написал специально предназначенную для «Volksstaat» статью «Интернационал и «Neuer»», которая появилась в № 38 газеты 10 мая 1873 г. (см. настоящий том, стр. 318— 321). — *315.*

[300] См. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491. — *316.*

[301] Имеется в виду заметка, помещенная под рубрикой «Международное Товарищество Рабочих» в газете «Neuer Social-Demokrat» № 45, 18 апреля 1873 года. — *316.*

[302] *Фондом рептильной прессы* называли специальные денежные средства, находившиеся в распоряжении Бисмарка для подкупа прессы. Это название фонд получил после выступления Бисмарка в январе 1869 г. в прусском ландтаге, где Бисмарк употребил выражение «рептилии» применительно к продажным агентам. Левая печать после этого стала называть рептильной прессой официозную, подкупленную правительством прессу. — *318.*

[303] Имеются в виду статьи о тулузском процессе французских членов Интернационала в марте 1873 г. в брюссельских газетах «Internationale» №223, 21 апреля 1873 г. и «Liberte» № 15, 13 апреля 1873 года. Далее упоминается корреспонденция Геда в «Liberte» № 42, 20 октября 1872 года. — *318.*

[304] Речь идет о парижском процессе членов французских секций Интернационала, происходившем в марте 1873 года.—*320.*

[305] Упомянутые Энгельсом письма были получены им от Зорге. — *322.*

[306] Имеется в виду решение Генерального Совета от 26 января 1873 г. (см. настоящий том, стр. 651). Решение было опубликовано в «Plebe» № 14, 1 июня 1873 года.

Обращение Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих к испанским рабочим было опубликовано в «Plebe» № 13, 26 мая 1873 года. — *322.*

[307] Работа *«Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих»* была написана К. Марксом и Ф. Энгельсом при участии П. Лафарга в апреле — июле 1873 года.

В «Альянсе социалистической демократии» был нанесен окончательный удар по всем притязаниям бакунистов на господство в европейском рабочем движении. На огромном фактическом материале (который не полностью смог быть рассмотрен на Гаагском конгрессе) авторы раскрыли тайные происки и различного рода мошеннические проделки, посредством которых бакунисты стремились подчинить себе весь Интернационал, использовать в своих целях его влияние и организацию. Этой работой подводился итог теоретической и организационной борьбе против бакунистов в Интернационале.

Данная работа была написана на основании большого количества документов, представленных комиссии Гаагского конгресса по расследованию деятельности тайного Альянса. В числе их находились материалы, присланные Лафаргом, Меса и другими из Испании, И. Ф. Беккером из Швейцарии, Даниельсоном и Любавиным из России, а также написанный Утиным по поручению Лондонской конференции 1871 г. обширный доклад (см. примечание 22), использованный Марксом и Энгельсом для главы VIII «Альянс в России». Часть документов была передана Марксу и Энгельсу уже после Гаагского конгресса; некоторые документы Альянса, характеризующие его цели и задачи, были включены Марксом и Энгельсом в главу XI.

Сохранились составленные Марксом и Энгельсом списки документов, использованных ими в ходе работы. Из этих списков видно, что в распоряжении Маркса и Энгельса находились присланные Утиным французские переводы ряда русских изданий; в связи с этим многие цитаты из документов Бакунина даны в соответствии с французским переводом.

«Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» был опубликован в виде брошюры на французском языке в августе 1873 года; в 1874 г. он вышел в Брауншвейге на немецком языке под названием: «Ein Complot gegen die Internationale Arbeiter-Association» («Заговор против Международного Товарищества Рабочих»). В редактировании немецкого перевода непосредственное участие принимал Энгельс. «Альянс социалистической демократии» печатался в нью-йоркской «Arbeiter-Zeitung». На русском языке «Альянс социалистической демократии» впервые был напечатан в 1928 г. в сокращенном виде в книге В. Полонского «Материалы для биографии М. Бакунина», т. 3. — *323.*

[308] Имеется в виду комиссия по подготовке к печати протоколов и резолюций Гаагского конгресса, избранная на заседании конгресса 7 сентября 1872 г. в составе К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюпона, Л. Франкеля и О. Серране. Позднее в состав комиссии был введен Ле Муссю, секретарь Гаагского конгресса для французского языка. Фактически всю

работу по подготовке к изданию документов Гаагского конгресса выполнили Маркс и Энгельс. — *328.*

309 Цитируется анонимная статья «Еще кое-что о Бакунине», появившаяся в газете «Tagwacht» № 40, 5 октября 1872 года. Продолжение статьи печаталось в №№ 41, 42 и 43 от 12, 19 и 26 октября. — *330.*

310 M. Bakounine. «Federalisme, Socialisme et Antitheologisme. Proposition motivee au Comite Central de la Ligue de la Paix et de la Liberte» (М. Бакунин. «Федерализм, социализм и антитеологизм. Мотивированное предложение центральному комитету Лиги мира и свободы»), незаконченная работа Бакунина, печаталась в виде отдельных оттисков в 1867— 1868 гг. в Берне. — *331.*

311 Имеется в виду конфиденциальное обращение бюро постоянного центрального комитета Лиги мира и свободы от 22 сентября 1868 г., подписанное президентом бюро Г. Фогтом. Маркс и Энгельс имели в своем распоряжении экземпляр обращения, посланный Элпидину. — *332.*

312 На Базельском конгрессе по вопросу об отмене права наследования произошло первое открытое столкновение между сторонниками научного социализма Маркса и последователями бакунистского анархизма. Вопрос был включен в повестку дня конгресса по настоянию секции, основанной М. Бакуниным в Женеве в июне 1869 г. под названием «Альянс социалистической демократии. Центральная секция», фактически являвшейся руководящим органом тайного Альянса. Навязывая конгрессу Интернационала дискуссию о праве наследования, Бакунин дезорганизаторски отвлекал его от решения насущных вопросов программы и тактики, стоявших перед европейским рабочим движением. Маркс составил доклад, в котором излагались взгляды Генерального Совета на право наследования (см. настоящее издание, том 16, стр. 383—385). При обсуждении этого вопроса конгресс не принял никакого решения, так как ни одно предложение не собрало необходимого абсолютного большинства голосов. Но эта заранее подготовленная попытка Бакунина навязать Интернационалу свои идеи потерпела крах. — *345.*

313 Имеется в виду написанный К. Марксом и утвержденный на заседании Генерального Совета 1 января 1870 г. циркуляр Федеральному совету Романской Швейцарии (см. настоящее издание, том 16, стр. 402— 403). — *345.*

314 *«Social-Democrat»* («Социал-демократ») — орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Под данным названием газета издавалась в Берлине с 15 декабря 1864 по 1871 год. С 1871 по 1876 г. выходила под названием «Neuer Social-Demokrat» (см. примечание 65). — *346.*

315 См. примечание 29. — *347.*

316 «Statuts pour la Federation des sections romandes adoptes par le congres Romand, tenu a Geneve au Cercle international des Quatre-Saisons, les 2, 3 et 4 janvier 1869», p. 15—16 («Устав Федерации романских секций, принятый романским съездом, состоявшимся в Женеве в помещении Интернационального кружка Четырех времен года 2, 3 и 4 января 1869 года», стр. 15—16).

Проект устава был составлен при участии Бакунина. — *247.*

[317] Имеется в виду написанная Марксом 29 июня 1870 г. резолюция Генерального Совета о Федеральном комитете Романской Швейцарии (см. настоящее издание, т. 16, стр. 451). — *348.*

[318] Имеется в виду резолюция Базельского конгресса 1869 г. «О порядке приема новых секций в Международное Товарищество Рабочих»; резолюция предоставляла Генеральному Совету право принимать или отказывать в приеме новым секциям. Там, где существовали федеральные советы, вопрос о приеме или отказе в приеме должен был решаться с учетом мнения федерального совета. — *349.*

[319] Речь идет о резолюциях Лондонской конференции: «О расколе в Романской Швейцарии» и «О политическом действии рабочего класса», а также о написанной К. Марксом по поручению Генерального Совета резолюции по поводу злоупотребления Нечаевым именем Интернационала (см. настоящее издание, т. 17, стр. 430, 426—427, 440). — *350.*

[320] Цитируется написанное Энгельсом 6 декабря 1871 г. «Заявление Генерального Совета в редакцию итальянских газет по поводу статей Мадзини об Интернационале» и опубликованное в ряде газет (см. настоящее издание, т. 17, стр. 477—478). — *352.*

[321] Циркуляр Ж. Фавра и доклад Саказа см. примечание 57.

В октябре 1871 г. в палате депутатов испанских кортесов происходили дебаты, вызванные намерением консервативно-буржуазного правительства провести в законодательном порядке роспуск испанских организаций Интернационала. Выступавшие в ходе прений представители реакции использовали для клеветы на Интернационал документы Альянса и полицейские фальшивки. Несмотря на сопротивление левого крыла республиканцев Кастеляра, Гарридо, Сорилья и др., разоблачавших клевету на Интернационал и указывавших на противоречие предлагаемых мер конституции, правительство получило поддержку. В январе 1872 г. министр внутренних дел Сагаста опубликовал циркуляр, предписывавший роспуск Интернационала в Испании.—*352.*

[322] *«La République francaise»* («Французская республика») — французская буржуазно-радикальная ежедневная газета, основанная Л. Гамбетта; выходила в Париже с 1871 года.

11 марта в этой газете была напечатана анонимная статья об Интернационале, которая была воспроизведена в «Bulletin do la Fédération jurassienne» № 3, 15 марта 1872 года. — *354.*

[323] *Тулузский процесс* членов секций Интернационала на юге Франции происходил 10—26 марта 1873 года. Арестованные на основании закона Дюфора (см. примечание 10) были приговорены к разным срокам тюремного заключения и денежному штрафу. Об арестах, предшествовавших Тулузскому процессу, см. статью Энгельса «Интернационал и «Neuer»» (настоящий том, стр. 318—321). — *355.*

[324] Имеется в виду письмо члена Альянса Алерини к Бастелике от 14 ноября 1871 г., разосланное барселонской секцией для ознакомления всем секциям Интернационала в Испании. Копия письма была представлена Энгельсом Гаагскому конгрессу в числе документов по делу Альянса. — *355.*

[325] 2 декабря 1871 г. в Женеве состоялось собрание секций Интернационала, на котором была принята резолюция против решений анархистского съезда в Сонвилье; 20 декабря 1871 г. Федеральный комитет Романской Швейцарии принял по этому поводу специальное обращение: «Ответ Романского федерального комитета на циркуляр 16 участников съезда в Сонвилье», опубликованное в «Egalite» № 24, 24 декабря 1871 года; с протестом также выступила и сама газета «Egalite». — *355.*

[326] См. примечания 65 и 66. — *356.*

[327] Цитируется письмо Токажевича Врублевскому от 2 августа 1872 г., которое Врублевский предоставил в распоряжение Энгельса. «Программа социалистическо-революционного польского общества в Цюрихе», о которой идет речь, была написана Бакуниным и опубликована 27 июля 1872 г. в приложении к № 13 «Bulletin de la Federation jurassienne». Польское социально-демократическое товарищество, возникшее под влиянием анархистов, приняв вначале эту программу Бакунина, вскоре под воздействием польского социалиста Токажевича, отвергло ее.

Издание газеты «Wolnosc» («Вольность») не было осуществлено. — *356.*

[328] *«El Combate»* («Борьба») — испанская буржуазно-республиканская ежедневная газета, орган федералистов, издавалась в Мадриде. — *358.*

[329] Это заявление Меса делегатам международного конгресса в Гааге, в котором содержались факты, разоблачающие существование в Испании тайного Альянса, было послано им Энгельсу, который передал его в комиссию по расследованию деятельности Альянса. — *360.*

[330] Речь идет о написанном от руки конфиденциальном циркуляре валенсийской секции Интернационала к секциям Интернационала в Испании; в нем предлагалось в случае революции бороться за полную децентрализацию и образование «анархистской коммуны». — *360.*

[331] Циркуляр севильской секции Альянса социалистической демократии, написанный Марселау, был направлен мадридской секции Интернационала 25 октября 1871 года; в циркуляре излагались решения, принятые секцией в связи с правительственными репрессиями. — *361.*

[332] Имеется в виду открытое письмо редакторского совета газеты «Emancipacion» от 25 февраля 1872 г. «Представителям республиканско-федералистской партии, собравшимся в Мадриде», опубликованное в газете «Emancipacion» № 38, 3 марта 1872 года. Анархистские члены Мадридского совета Интернационала потребовали, чтобы редакция взяла это письмо обратно; однако Меса, являвшийся редактором «Emancipacion» и исполнявший в то же время обязанности секретаря Испанского федерального совета, категорически отказался выполнить это требование. 9 марта 1872 г. он, по согласованию с другими членами совета, направил аналогичное письмо, но уже от имени Федерального совета. — *362.*

[333] 7 марта 1872 г. анархистский Мадридский совет направил собранию представителей республиканско-федералистской партии письмо, в котором, отказываясь от всякой солидарности с письмом редакции «Eman-

cipacion» (см. предыдущее примечание), заявил, что оно «противоречит принципам Интернационала». — *362.*

[334] *«El Condenado»* («Отверженный») — испанская анархистская еженедельная газета, издавалась Т. Мораго в Мадриде в 1872—1874 годах. — *362.*

[335] *«La Igualdad»* («Равенство») — испанская буржуазно-демократическая ежедневная газета, выходила в Мадриде в 1868—1870 годах; одна из наиболее радикальных буржуазных газет, в которой сотрудничал ряд социалистов-утопистов и республиканцев; вокруг газеты в 1868— 1869 гг. группировалась часть мадридских рабочих. — *362.*

[336] Маркс и Энгельс цитируют редакционную статью «Революционная информация», опубликованную в газете «Emancipacion» № 51, 1 июня 1872 года. — *364.*

[337] Имеются в виду статья 7 раздела II Организационного регламента, согласно которой Генеральному Совету предоставлялось право разрешать разногласия, которые могут возникнуть между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами; а также статья 4 раздела IV, согласно которой каждая федерация имела право отказывать в приеме или исключать из своей среды отдельные общества или секции, но в то же время не располагала правом лишать их звания организаций Интернационала (см. настоящее издание, т. 17, стр. 450—451, 452). — *364.*

[338] Имеется в виду плебисцит, проведенный во Франции 8 мая 1870 года. — *367.*

[339] *Union de las tres clases de vapor* (Союз трех категорий фабричных рабочих) — один из первых профессиональных союзов в Каталонии, объединявший ткачей, прядильщиков и поденщиков текстильных фабрик. Союз являлся коллективным членом Интернационала. — *368.*

[340] Цитируется письмо Кафьеро, написанное им Энгельсу 12—16 июля 1871 года, в котором шла речь о положении неаполитанской секции Интернационала. — *369.*

[341] Цитируется письмо Капоруссо Оджеру от 21 января 1872 года. — *370.*

[342] Миланская секция Интернационала была образована Т. Куно под непосредственным влиянием Энгельса. В декабре 1872 г. под воздействием Куно из мадзинистского Общества моральной и взаимной помощи и просвещения рабочих вышла часть его членов, которая образовала Рабочий кружок освобождения пролетария, объявивший себя 7 января 1872 г. секцией Интернационала. Общество приняло устав, соответствующий Общему Уставу Интернационала. 30 января 1872 г. Энгельс доложил Генеральному Совету об образовании секции и заявил, что устав ее соответствует принципам Интернационала; секция была принята в Товарищество. Под руководством Энгельса Куно вел внутри секции борьбу против входивших в нее анархистов и добился того, что секция не поддержала анархистов в их борьбе против Генерального Совета. — *370.*

[343] См. примечание 60. — *371.*

[344] Отчет Реджиса о поездке по поручению Генерального Совета в Италию был написан в форме письма Энгельсу. Во второй половине февраля 1872 г. Реджис в течение десяти дней находился в Милане и Турине, где ознакомился с положением в секциях и пропагандировал решения Международного Товарищества Рабочих. Основываясь на инструкциях, полученных от Энгельса, Реджис разъяснял членам секций коренную противоположность анархистских взглядов принципам и задачам Интернационала. — *372.*

[345] A. Richard et G. Blanc. «L'Empire et la France nouvelle. Appel du peuple et de la jeunesse a la conscience francaise». Bruxelles, 1872. —*377.*

[346] Цитируется письмо Ж. Геда членам секций Интернационала в Монпелье, написанное 22 сентября 1872 г. на имя одного из руководителей секции Жерони. 20 ноября 1872 г. Жерони переслал это письмо Геда Генеральному Совету. — *378.*

[347] *«Les Droits de l'Homme»* («Права человека») — французская ежедневная газета, левореспубликанского направления, издававшаяся Ж. Гедом в 1870—1871 гг. в Монпелье. — *379.*

[348] Эта корреспонденция была опубликована в газете «Liberte» № 42 20 октября 1872 года. — *379.*

[349] См. примечание 209. — *380.*

[350] «Pacte d'amitie de solidarite et de defense mutuelle» был принят на анархистском конгрессе в Сент-Имье 15 сентября 1872 года. — *382.*

[351] Циркуляр Испанского федерального совета от 2 февраля 1873 г. был опубликован в газете «Emancipacion» № 85, 8 февраля 1873 года — *384.*

[352] 1—2 июня 1873 г. в Манчестере состоялся второй съезд Британской федерации Интернационала. Съезд выслушал отчет Британского федерального совета и принял резолюции о регламенте Британской федерации, о пропаганде, о необходимости создания международного профессионального объединения, о провозглашении красного знамени знаменем Британской федерации и другие. Особое значение имела резолюция «О политическом действии», в которой съезд призывал британских членов Интернационала к созданию в Англии самостоятельной рабочей политической партии, противостоящей всем существующим партиям. — *386.*

[353] Съезд швейцарских рабочих, профессиональных, кооперативных и других организаций в Ольтене 1—3 июня 1873 г. был созван по инициативе секций Интернационала. На съезде был основан Швейцарский рабочий союз, просуществовавший до 1880 г. и объединивший на основе принципов Интернационала разные рабочие организации. Съезд подготовил почву для создания Социал-демократической партии Швейцарии. — *386.*

[354] *«Санкт-Петербургские ведомости»* — русская ежедневная газета, официальный правительственный орган; под данным названием выходила в 1728—1914 годах; в 1914—1917 гг. выходила под названием «Петроградские ведомости». — *389.*

[355] Чернышевский был арестован в июле 1862 года. До 1864 г. он находился в Петропавловской крепости, затем был приговорен к семи годам каторжных работ в Сибири и вечному поселению там. — *389.*

[356] Имеются в виду листовки Бакунина «Несколько слов к молодым братьям в России», Женева, май 1869 и Нечаева «Студентам Университета, Академии и Технологического института в Петербурге», Женева, 1869. — *390.*

[357] *«Невежествующие братья»* — прозвище религиозного ордена, возникшего в Реймсе в 1680 г., члены которого обязывались посвятить себя обучению детей бедняков; в школах ордена учащиеся получали главным образом религиозное воспитание, приобретая весьма скудные знания в других областях. — *392.*

[358] Листовки: «Постановка революционного вопроса», май 1869 г., и «Начала революции», лето 1869 г., были написаны Бакуниным. — *392.*

[359] Н. Флеровский. «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования». С.-Петербург, 1869. — *393.*

[360] «Издания общества «Народной расправы»» № 2, С.-Петербург, зима 1870, стр. 9. Издание № 2, как и № 1, было осуществлено в Женеве. — *395.*

[361] *«Народное дело»* — журнал (с апреля 1870 г. — газета), издававшийся в 1868—1870 гг. в Женеве группой русских революционеров-эмигрантов; первый номер был подготовлен Бакуниным, затем, с октября 1868 г., редакция, в которую входил Утин и др., порвала с Бакуниным и выступила против его взглядов; с апреля 1870 г. — орган Русской секции Международного Товарищества Рабочих, проводивший линию Маркса и Генерального Совета; публиковал документы Интернационала. — *395.*

[362] Первоначально стихотворение Н. Огарева «Студент» было посвящено другу Огарева и Герцена С. И. Астракову, умершему в 1866 году. Получив от Огарева рукопись стихотворения, Бакунин написал ему, что было бы «полезнее для дела», если бы стихотворение было посвящено Нечаеву, С этим посвящением стихотворение было отпечатано отдельными листками в 1869 г. в Женеве и использовалось Нечаевым, как своего рода знак полномочий от Огарева. — *401.*

[363] *«Journal de Geneve national, politique et litteraire»* («Женевская национальная, политическая и литературная газета») — консервативная газета, издается с 1826 года. — *411.*

[364] *«La Democratie»* («Демократия») — французская буржуазно-демократическая еженедельная газета, выходила в Париже с ноября 1868 по 1870 год.

Письмо Бакунина редактору газеты Шассену было написано в апреле 1868 г. для издававшихся им с марта 1868 г. отдельных оттисков, в которых предполагавшиеся сотрудники газеты излагали свои взгляды. Письмо Бакунина было опубликовано в конце апреля 1868 г. в 6 оттиске. — *411.*

365 Цитируется статья Бакунина «Герцен», опубликованная в газете «Marseillaise» № 72, 2 марта 1870 года. — *411.*

366 Имеются в виду деньги, переданные Герцену в 1858 г. русским помещиком П. А. Бахметьевым для пропаганды (так называемый бахметьевский фонд). В 1869 г., под давлением Бакунина и Огарева, Герцен согласился разделить фонд на две части, одна из которых была передана Огаревым Нечаеву. В 1870 г., после смерти Герцена, Нечаев получил от Огарева и вторую половину фонда. — *411.*

367 *«Община»* — под этим названием в сентябре 1870 г. в Лондоне вышел первый номер газеты, редакторами которого были С. Нечаев и В. Серебренников; второй номер, вышедший в 1871 г., был уничтожен самими издателями. — *412.*

368 *«Колокол. Орган русского освобождения, основанный А. И. Герценом»* — под таким названием Нечаев и Серебренников издали в Женеве несколько номеров газеты весной 1870 года. — *414.*

369 Имеется в виду *«Катехизис революционера»,* который был написан Бакуниным летом 1869 г., зашифрован и отпечатан в нескольких экземплярах. Во время обыска в 1869 г. у П. Г. Успенского был найден экземпляр катехизиса, текст которого был воспроизведен в отчетах о нечаевском процессе в «Правительственном вестнике» № 162 1871 года; этот текст и был использован Марксом и Энгельсом — *415.*

370 *Эскобары* — последователи испанского иезуита Эскобара-и-Мендоса (1589—1669), открыто проповедовавшего, что благие намерения оправдывают действия, порицаемые моралью и законами (цель оправдывает средства). — *415.*

371 Имеется в виду теократическое государство иезуитов, существовавшее в начале XVI — середине XVII в., в Южной Америке, в основном на территории современного Парагвая. — *424.*

372 Речь идет о кружке молодежи, сложившемся в 1845 г. вокруг М. В. Петрашевского и состоявшем из мелких дворян, а также разночинцев; члены кружка разделяли буржуазно-демократические взгляды; многие из них пропагандировали идеи утопического социализма. На собраниях кружка обсуждались социальные и политические вопросы, а также и планы создания активной революционной организации. Однако оформить эти планы и создать действительно широкую революционную организацию петрашевцы не успели; в апреле 1849 г. участники кружка были арестованы и сосланы. — *428.*

373 *«Московские ведомости»* — старейшая русская газета, выходила с 1756 по 1917 г., с 1859 г. — ежедневно; с 50-х годов XIX в. приобрела реакционный характер. — *429.*

[374] *«Современник»* — русский литературный и общественно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1836—1866 гг. (с 1843 г. — ежемесячно); основан А. С. Пушкиным, с 1847 г. его редакторами стали Некрасов и Панаев, в журнале сотрудничали Белинский, Добролюбов и Чернышевский; в 60-ые годы журнал фактически являлся органом русской революционной демократии. — *430.*

[375] Революционная прокламация *«Молодая Россия»* была написана русским революционером П. Г. Заичневским и отпечатана в середине мая 1862 года; прокламация отражала наиболее левые, революционные взгляды русских революционеров-демократов.

Эпиграф к прокламации был взят из статьи Герцена «Роберт Оуэн». — *433.*

[376] Речь идет о конфликте, возникшем между Герценом, с одной стороны, Чернышевским и Добролюбовым, с другой, в связи с колебаниями Герцена в сторону либерализма при оценке подготовлявшейся царским правительством отмены крепостного права. Представители революционных демократов на страницах «Современника», а также в письмах в «Колокол» выступали с резкой критикой этих колебаний Герцена. В 60-х годах Герцен, порвав с либерализмом, полностью стал на сторону революционной демократии. — *433.*

[377] В числе документов, переданных Марксом и Энгельсом комиссии Гаагского конгресса по расследованию деятельности тайного Альянса, было письмо, написанное Нечаевым в феврале 1870 г. по поручению Бакунина от имени несуществующей русской революционной организации Любавину, занимавшемуся подготовкой издания I тома «Капитала» в России. В этом письме Любавину угрожали расправой, если он не освободит Бакунина от взятых на себя обязательств по переводу на русский язык I тома «Капитала». Письмо было переслано Марксу Любавиным через Даниельсона в августе 1872 года. — *452.*

[378] Статья «Бакунисты за работой», появившаяся в газете «Volksstaat» №№ 105, 106 и 107, 31 октября, 2 и 5 ноября 1873 г., была написана Энгельсом по непосредственным следам событий, развернувшихся в Испании летом 1873 г. и явившихся кульминационным моментом испанской буржуазной революции 1868—1874 годов. Фактические данные заимствованы Энгельсом из текущей печати, а также из различных документов испанских секций Интернационала, в первую очередь из доклада, представленного Новой мадридской федерацией очередному конгрессу Интернационала в Женеве, 8—13 сентября 1873 года.

Вслед за опубликованием в газете работа Энгельса вышла отдельным изданием: «Die Bakunisten an der Arbeit Denkschrift uber den letzten Aufstand in Spanien». Leipzig. В 1894 г. «Бакунисты за работой» вошли в сборник статей Энгельса «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)», выпущенный издательством «Vorwarts» в Берлине. При этом Энгельс снабдил работу небольшим «Предварительным замечанием» и внес в текст отдельные редакционные исправления.

На русском языке статья «Бакунисты за работой» была впервые переведена под редакцией В. И. Ленина и издана отдельной брошюрой ЦК РСДРП в Женеве в 1905 г. и в Петербурге в 1906 году. — *457.*

[379] Под заглавием «Калиостро Бакунин» в №№ 87, 88, 89 и 90 газеты «Volksstaat» 19, 21, 24 и 26 сентября 1873 г. была напечатана серия статей, написанных Энгельсом и представлявших собой краткое изложение на немецком языке работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». В издании 1894 г. Энгельс заменил эту ссылку ссылкой на полный немецкий перевод этой работы, вышедший в свет в 1874 году. — *457.*

[380] Имеются в виду конституционные монархисты, поддерживавшие ставленника европейских держав на испанском престоле короля Амадея. — *459.*

[381] *Альфонсисты* — группировка, связанная с реакционными кругами испанского крупного землевладения, духовенства и верхушки буржуазии, поддерживала претендента на испанский престол из династии Бурбонов, провозглашенного в 1874 г, королем под именем Альфонса XII. — *459.*

[382] *Карлисты* — реакционная, клерикально-абсолютистская группировка, поддерживавшая в первой половине XIX века претендента на испанский престол дон Карлоса, брата короля Фердинанда VII. Опираясь на военщину и католическое духовенство, а также используя поддержку отсталого крестьянства некоторых районов Испании, карлисты развязали в 1833—1840 гг. гражданскую войну, которая фактически превратилась в борьбу между феодально-католическими и буржуазно-либеральными элементами. После смерти дон Карлоса в 1855 г. карлисты поддерживали кандидатуру его внука, дон Карлоса младшего. В 1872 г., в обстановке политического кризиса и обострения классовой борьбы, деятельность карлистов активизировалась и вылилась в новую гражданскую войну, закончившуюся лишь к 1876 году. — *459.*

[383] См. настоящее издание, т. 2, стр. 455.

При подготовке к печати данной работы в 1894 г. Энгельс в этом месте заменил ссылку на первое издание своей книги «Положение рабочего класса в Англии» ссылкой на второе, немецкое издание, вышедшее в 1892 году. — *461.*

[384] Имеется в виду состоявшийся в Женеве 1—6 сентября 1873 г. конгресс анархистов. — *461.*

[385] *«Solidarite revolutionnaire»* («Революционная солидарность») — анархистская еженедельная газета, издавалась в Барселоне в июне— сентябре 1873 г. на французском языке; газета являлась органом Комитета революционно-социалистической пропаганды для южной Франции, созданного Алерини и Бруссом для пропаганды анархистских идей во Франции и среди эмигрантов Коммуны. — *462.*

[386] Отчет федеральной комиссии, возглавлявшей после съезда в Кордове анархистские организации в Испании, был опубликован в газете «Internationale», 24 августа 1873 года. — *463.*

[387] См. работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» и «Германская кампания за имперскую конституцию» (настоящее издание, т. 7, стр. 343—437 и 111—207). — *468.*

[388] Энгельс имеет в виду изданную анонимно в Невшателе в 1870 г. брошюру Бакунина под названием «Lettres a un francais sur la crise actuelle». — *468.*

[389] Гладстон, рассчитывая создать в палате общин прочное либеральное большинство, заявил 17 февраля 1874 г. об отставке своего министерства и распустил палату. В результате новых выборов в палате общин оказалось 350 консерваторов, 244 либерала и 58 ирландских депутатов. 21 февраля было образовано консервативное правительство во главе с Дизраэли.

Закон о введении тайного голосования (Ballot Act) был принят парламентом 18 июля 1872 года. — *475.*

[390] *Ирландский земельный билль* (Land Bill) был внесен Гладстоном от имени английского правительства под предлогом помощи ирландским арендаторам и принят в августе 1870 года. Снабженный различного рода оговорками и ограничениями, Земельный акт по существу оставлял незыблемыми основы крупного землевладения английских лендлордов в Ирландии; он сохранял для них возможность повышения ренты и сгона арендаторов с земли, обусловливая его лишь уплатой известной компенсации последним за мелиоративные работы и устанавливая для этого определенную судебную процедуру. Лендлорды всячески саботировали осуществление акта и под различными предлогами нарушали его. Акт в значительной степени способствовал концентрации крупного фермерского хозяйства в Ирландии и разорению мелких ирландских арендаторов.

Ирландский церковный билль (Irish Church Bill) был также внесен Гладстоном и принят в июле 1869 года. По этому закону англиканская церковь отделялась в Ирландии от государства и уравнивалась в правах с католической и пресвитерианской; однако она продолжала оставаться крупнейшим земельным собственником, эксплуатирующим ирландских крестьян. — *476.*

[391] Имеется в виду закон о реорганизации армии, принятый в 1871 г., одним из пунктов которого было запрещение продажи офицерских патентов. Этот пункт вызвал обструкцию в парламенте, после чего Гладстон добился отмены продажи офицерских патентов королевским указом. — *476.*

[392] Речь идет о второй избирательной реформе, проведенной в Англии в 1867 г., предоставившей избирательные права некоторой части рабочего класса. — *477.*

[393] *Лига рабочего представительства* (Labour Representation League) была основана в 1869 году. В нее входили лидеры тред-юнионов, которые стремились обеспечить избрание «рабочих» в палату общин, не гнушаясь сделками с либеральной партией. Деятельность Лиги прекратилась после 1880 года. — *478.*

[394] Имеется в виду «The Mines Regulation Act» 1872 года. — *480.*

[395] С 20-х годов XIX века в Ирландии широкое распространение получило движение рипилеров, выступавшее под лозунгом отмены англо-ирландской унии. Уния, уничтожившая последние следы автономии Ирландии и способствовавшая укреплению колониального

господства Англии, была навязана Ирландии английским правительством после подавления ирландского национально-освободительного восстания 1798 года. В начале 40-х годов была создана Ассоциация рипилеров; возглавлявшие ее буржуазные либералы (О'Коннел и другие) рассматривали, однако, агитацию за отмену унии лишь как средство для того, чтобы добиться от английского правительства уступок ирландской буржуазии. В конце 40-х годов, в связи с неудачей ирландского революционного восстания в 1848 г. и наступлением реакции в Англии и Ирландии, Ассоциация рипилеров распалась. — *480.*

[396] Статья *«Имперский военный* закон» была написана Энгельсом специально для газеты «Volksstaat» в связи с обсуждением в рейхстаге закона об увеличении численности армии мирного времени. Этот закон, получивший после утверждения название закона о септеннате и распространивший на всю Германию прусскую военную систему, отражал рост германского милитаризма и агрессивные настроения немецких правящих кругов.

Статья, напечатанная в газете «Volksstaat» №№ 28 и 29, 8 и 11 марта 1874 г., на русском языке публикуется впервые. — *482.*

[397] *Национал-либералы* — партия немецкой, в первую очередь прусской, буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 г. в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы отказались от притязаний буржуазии на политическое господство ради удовлетворения материальных интересов этого класса и ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. После объединения Германии национал-либеральная партия окончательно сложилась как партия крупной буржуазии и промышленных магнатов. Внутренняя политика национал-либералов приобретала все более верноподданнический характер, и при этом национал-либералы фактически отказались от выдвинутых ими ранее либеральных требований, в том числе требования программы 1866 г. о необходимости «прежде всего отстаивать бюджетное право».

Прогрессисты — представители прусской буржуазной партии прогрессистов, возникшей в июне 1861 года. Прогрессистская партия требовала объединения Германии под главенством Пруссии, созыва общегерманского парламента, создания сильного либерального министерства, ответственного перед палатой депутатов. В отличие от национал-либералов, после объединения Германии в 1871 г. Прогрессистская партия провозгласила себя партией оппозиции, однако, эта оппозиционность оставалась чисто декларативной. Из страха перед рабочим классом и из ненависти к социалистическому движению Прогрессистская партия мирилась с господством прусского юнкерства в условиях полуабсолютистской Германии. Колебания в политике прогрессистской партии отражали неустойчивость торговой буржуазии, мелких промышленников, отчасти ремесленников, на которых она опиралась. — *482.*

[398] Речь идет о конституционном конфликте в Пруссии в 1862—1866 гг., возникшем в связи с отказом либерального большинства прусского ландтага утвердить ассигнования на реорганизацию армии и ее дальнейшее вооружение. Невзирая на этот отказ, правительство Бисмарка и течение ряда лет производило военные расходы без санкции ландтага. Конституционный конфликт, являвшийся одним из проявлений рево-

люционной ситуации в Германии 60-х годов, разрешился лишь в 1866 г., после победы Пруссии над Австрией при Садове, когда немецкая либеральная буржуазия капитулировала перед Бисмарком. — *482.*

[399] Из выступления Мантёйфеля во второй палате прусского ландтага 3 декабря 1850 г. по поводу Ольмюцкого соглашения с Австрией, по которому Пруссия вынуждена была временно отказаться от своих притязаний на главенствующую роль в Германии. — *482.*

[400] Энгельс цитирует статью 109 конституции Пруссии 1850 года. — *482.*

[401] Северогерманский рейхстаг, заседавший с 24 февраля по 17 апреля 1867 г., одобрил создание Северогерманского союза и принял его конституцию. — *483.*

[402] Имеется в виду имперский рейхстаг, открывшийся 21 марта 1871 г. и утвердивший 16 апреля 1871 г. конституцию Германской империи. — *483.*

[403] Здесь и ниже приводятся выдержки из речи Мольтке в рейхстаге 16 февраля 1874 года. — *484.*

[404] В битве при Седане 2 сентября 1870 г., одном из решающих сражений франко-прусской войны 1870—1871 гг., французская армия под командованием Мак-Магона была разгромлена пруссаками и Наполеон III взят в плен. Седанская катастрофа ускорила крах Второй империи и привела к провозглашению во Франции республики. С этого момента война, носившая ранее оборонительный характер для Германии, полностью утратила его, и со всей очевидностью проявились завоевательные тенденции прусской военщины, юнкерства и буржуазии. — *484.*

[405] Венецианский, или итальянский, четырехугольник крепостей — сильнейшая укрепленная позиция, образованная крепостями Северной Италии — Вероной, Леньяго, Мантуей и Пескьерой. Четырехугольник крепостей играл большую роль в войнах XIX в. в качестве опорного района для действий войск. — *485.*

[406] *Ландвер* — составная часть прусских военно-сухопутных сил. Прусские военно-сухопутные силы, созданные на основе законодательства 1814—1815 гг., состояли из постоянной армии (линейные полки), ее резерва, служившего для пополнения рядов армии при мобилизации во время войны, и из ландвера первого и второго призыва. Ландвер, возникший в Пруссии в 1813 г. как народное ополчение в борьбе против наполеоновских войск, охватывал военнообязанных старших возрастов, отбывших свой срок в постоянной армии и ее резерве. В мирное время проводились только отдельные учебные сборы частей ландвера. Во время войны ландвер первого призыва (военнообязанные в возрасте от 26 до 32 лет) использовался для пополнения действующей армии; ландвер второго призыва (военнообязанные в возрасте от 32 до 39 лет) — для несения гарнизонной службы. По закону Северогерманского союза о всеобщей воинской повинности от 9 ноября 1867 г. ландвер второго призыва упразднялся и состав ландвера в целом ограничивался контингентом военнообязанных в возрасте от 27 до 32 лет. — *487.*

[407] *Ландштурм* — военное ополчение, возникшее в Пруссии в 1813— 1814 годах. По закону от 1867 г. ландштурм должен был формироваться из военнообязанных в возрасте от 17 до 42 лет, не находящихся на службе ни в армии, ни во флоте, и призывался лишь в случае угрозы вражеского вторжения. — *487.*

[408] Имеется в виду провал попытки прусского правительства мобилизовать запасных ландвера в западных прусских провинциях для подавления вспыхнувшего в мае 1849 г. в Западной и Южной Германии восстания под лозунгом защиты имперской конституции. Ссылаясь на то, что по закону от 3 сентября 1814 г. и 21 ноября 1815 г. ландвер может быть призван к оружию лишь в случае внешнего нападения, запасные ландвера Рейнской Пруссии и Вестфалии не только отказались повиноваться приказу, но в ряде случаев организованно и с оружием в руках перешли на сторону восставшего народа. — *487.*

[409] Речь идет о законе о комплектовании армии от 27 июля 1872 г., провозглашавшем во Франции всеобщую воинскую повинность при пятилетнем сроке службы в армии; однако применение этого закона допускало большое число исключений для подлежащих призыву. — *488.*

[410] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 г.; орган крупной рейнской буржуазии и национал-либеральной партии; в 70-х годах считалась рупором Бисмарка. — *488.*

[411] Данная статья напечатана без подписи в газете «Volksstaat» № 35, 25 марта 1874 г. в разделе «Политическое обозрение». — *491.*

[412] С начала франко-прусской войны 1870—1871 гг. во французской крепости Мец была блокирована армия маршала Базена; 27 октября 1870 г. крепость капитулировала. — *491.*

[413] *«Leipziger Tageblatt»* — сокращенное название немецкой ежедневной газеты «Leipziger Tageblatt und Anzeiger» («Лейпцигский ежедневный листок и вестник»), выходившей с 1807 года; в 70—80-х годах XIX века — орган крупной буржуазии. — *491.*

[414] Французский маршал Базен, сдавший крепость Мец, был отдан под суд по обвинению в государственной измене. Процесс происходил в Париже с 6 октября по 10 декабря 1873 года. — *491.*

[415] Имеется в виду битва при Садове. См. примечание 265. — *492.*

[416] Hoffbauer. «Die deutsche Artillerie in den Schlachten bei Metz». Berlin, 1872. — *492.*

[417] При подготовке к печати третьего издания своей, написанной в 1850 г. работы «Крестьянская война в Германии» Энгельс дополнил составленное им в феврале 1870 г. предисловие ко второму изданию книги. Предисловие в дополненном виде было напечатано в третьем издании «Крестьянской войны в Германии», вышедшем в Лейпциге в 1875 году (F. Engels, «Der deutschen Bauernkrieg». Leipzig, 1875). В настоящем томе публикуется вторая часть предисловия, датированного Энгельсом 1 июля 1874 года. Первую часть предисловия, в соответствии с

датой ее написания, см. настоящее издание, т. 16, стр. 412— 420. — *494.*

[418] Говоря о священной германской империи прусской нации, Энгельс перефразирует название средневековой Священной римской империи германской нации, подчеркивая, что объединение Германии произошло под главенством Пруссии и сопровождалось опруссачиванием германских земель. — *494.*

[419] Речь идет о королевстве Ганновер, курфюршестве Гессен-Кассель и целиком герцогстве Нассау, присоединенных Пруссией к своей территории в результате австро-прусской войны 1866 года. — *494.*

[420] См. примечания 267 и 269. — *495.*

[421] В связи с победами Пруссии во франко-прусской войне четыре юго-западных немецких государства (Баден, Гессен, Бавария и Вюртемберг) присоединились к Северогерманскому союзу, что было оформлено официальными договорами в ноябре 1870 года. Начиная с 15 ноября 1870 г., по мере оформления договорами присоединения к Северогерманскому союзу государств Юго-Западной Германии, союз немецких государств стал именоваться в официальных документах Германский союз (Deutsches Bund). 9 декабря 1870 г. это название было заменено по решению рейхстага термином Германская империя (Deutsches Reich). Официальное провозглашение Германской империи последовало несколько позднее, 18 января 1871 года. — *496.*

[422] См. настоящее издание, том 16, стр. 415—416. — *497.*

[423] В сражении при *Шпихерне* (Лотарингия) — одном из первых крупных сражений франко-прусской войны 1870—1871 гг., 6 августа 1870 г. прусскими войсками было нанесено поражение французским частям. В исторической литературе сражение при Шпихерне называется также сражением при Форбахе.

Сражение при *Марс-ла-Туре* (называемое также сражением при Вьонвиле) произошло 16 августа 1870 года. В результате этого сражения немецким войскам удалось остановить начавшийся отход французской Рейнской армии от Меца и затем отрезать ей пути отступления.

О *Седане* см. примечание 404. — *497.*

[424] На выборах в рейхстаг 10 января 1874 г. немецкие социал-демократы добились избрания 9 депутатов, за которых было подано более 350000 или 6% всех голосов; в числе избранных были Бебель и Либкнехт, отбывавшие в это время тюремное заключение. — *498.*

[425] Над серией статей «Эмигрантская литература», посвященной анализу новых тенденций в европейском рабочем и демократическом движении, Энгельс работал с перерывами в течение 1874—1875 годов. Статьи печатались по мере написания в газете немецких социал-демократов «Volksstaat», для которой и были специально предназначены.

В 1894 г. первая, вторая и пятая статьи из серии «Эмигрантская литература» были включены Энгельсом в сборник его работ «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)» («Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—75)»).

Полностью на русском языке серия статей «Эмигрантская литература» была опубликована в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XV, 1933 г. — *501.*

[426] Первая статья из серии «Эмигрантская литература» была написана Энгельсом в мае — начале июня 1874 г. и напечатана в газете «Volksstaat» № 69, 17 июня 1874 года. Подзаголовок дан Энгельсом при переиздании этой статьи в 1894 г. в сборнике: F. Engels. «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)». На русском языке статья опубликована впервые в издании «Знание»: Ф. Энгельс. «Статьи 1871—75 гг.». Спб., 1906, стр. 34—41. — *503.*

[427] «Address of the Polish Refugees to the English People», London, May 3, 1874. Ниже цитируются стр. 2—5 этого документа. — *503.*

[428] *«Reynolds's Weekly Newspaper»* («Еженедельная газета Рейнольдса») — английская еженедельная рабочая газета, основанная близким к чартизму мелкобуржуазным демократом Рейнольдсом, выходит в Лондоне с 1850 года; в настоящее время орган кооперативного движения. — *503.*

[429] М. П. Погодин «Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831—1867». Москва, 1867, стр. 54—55. — *505.*

[430] Манифест, обнародованный 4 декабря 1836 г. Польским демократическим обществом, призывал к «народной революции», к борьбе за отмену феодальных повинностей и сословного неравенства и передачу крестьянам их земельных наделов в собственность.

Манифест, составленный в конце 1845 г. и обнародованный 22 февраля 1846 г. революционным правительством в Кракове, выдвигал требование отмены крепостного права и предоставление земли крестьянам.

Манифест, обнародованный 22 января 1863 г. Центральным национальным комитетом, призвал польский народ к оружию и явился программой польского восстания 1863—1864 года. — *505.*

[431] *Тешенский мирный договор* был заключен в 1779 г. по окончании войны между Пруссией и Австрией за баварское наследство. Россия, являвшаяся инициатором этого договора, выступила вначале в качестве посредника между воюющими сторонами, а по заключении договора была вместе с Францией объявлена державой-гарантом установленного договором порядка, получив фактически право вмешательства в дела германских государств. — *506.*

[432] «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» см. настоящее издание, т. 17, стр. 274—282. — *507.*

[433] Культуркампфом в Познани Энгельс иронически называет политику опруссачивания польского населения.

Культуркампф — название, данное буржуазными либералами системе мероприятий правительства Бисмарка в 70-х годах XIX в., проведенных под флагом борьбы за светскую культуру и направленных против католической церкви и партии центра, которые поддерживали сепаратистские тенденции помещиков и буржуазии мелких и средних

государств Юго-Западной Германии. Эта политика Бисмарка имела также целью путем разжигания религиозных страстей отвлечь часть рабочих от классовой борьбы. — *508.*

[434] Вторая статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература» была напечатана в газете «Volksstaat» №. 73, 26 июня 1874 года. Подзаголовок дан Энгельсом при переиздании этой статьи в 1894 г. в сборнике «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—75)». На русском языке опубликовано впервые в издании «Знание»: Ф. Энгельс. «Статьи 1871— 75 гг.». Спб., 1906, стр. 41—48. — *510.*

[435] Речь идет о брошюре, выпущенной в Лондоне в июне 1874 г. группой французских эмигрантов-бланкистов под заглавием «Aux Communeux» («Коммунарам»). — *511.*

[436] *«Le Pere Duchesne»* («Папаша Дюшен») — французская газета, издававшаяся в Париже в 1790—1794 гг. Ж. Эбером; выражала настроения городских полупролетарских масс в период французской буржуазной революции.

О газете Вермерша см. примечание 84. — *512.*

[437] Речь идет о группе бланкистов (Арну, Вайян, Курне и др.), вышедших из Интернационала после Гаагского конгресса 1872 г. и опубликовавших брошюру «Интернационал и революция» (см. примечание 246). — *515.*

[438] См. настоящее издание, т. 4, стр. 426—427. — *515.*

[439] Данная статья Энгельса, третья из серии «Эмигрантская литература», была написана в конце июля — сентябре 1874 г. в связи с появлением в журнале «Вперед!» статьи П. Лаврова, посвященной Интернационалу, и напечатана в «Volksstaat» №№ 117 и 118, 6 и 8 октября 1874 года.

«Вперед! Непериодическое обозрение» — русский журнал, издававшийся П. Л. Лавровым в Цюрихе и Лондоне в 1873—1877 гг. (всего вышло 5 томов), отражал взгляды правого крыла революционного народничества. Журнал уделял много внимания рабочему движению на Западе и деятельности Интернационала. Под тем же заглавием («Вперед!») в Лондоне в 1875—1876 гг. издавалась газета того же направления. — *518.*

[440] Цитируется статья Лаврова из журнала «Вперед!». Цюрих, 1874 г., том 2, год издания 2, отдел второй, ч. II, стр. 26. — *519.*

[441] *«Neue Freie Presse»* («Новая свободная пресса») — австрийская либеральная газета, выходила в Вене в 1864—1939 годах. Упоминаемый Энгельсом фельетон К. Талера был напечатан в «Neue Freie Presse» №№ 3284 и 3285, 14 и 15 октября 1873 года. — *519.*

[442] Брошюра П. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо редактору журнала «Вперед!»» была издана на русском языке в Лондоне в апреле 1874 года. — *522.*

[443] Речь идет о полемическом произведении П. Л. Лаврова, изданном без указания автора под заглавием «Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революционной пропаганды

в России». Лондон, 1874. Далее Энгельс цитирует стр. 3, 17 и 44—45 этого издания. — *524.*

[444] Четвертая статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература» была напечатана в «Volksstaat» №№ 36 и 37, 28 марта и 2 апреля 1875 года. Статья написана по совету Маркса, который, ознакомившись с брошюрой Ткачева (см. следующее примечание), передал ее Энгельсу, сделав на обложке следующую надпись: «Берись за дело, но в насмешливом тоне. Это так глупо, что и Бакунин мог приложить руку. Петр Ткачев прежде всего хочет показать читателю, что ты обходишься с ним как со своим противником, и поэтому измышляет всевозможные несуществующие спорные пункты». — *527.*

[445] P. Tkatschoff. «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels Verfasser der Artikel «Fluchtlings-Literatur» in Nr. 117 und 118 des «Volksstaat»». Jahrgang 1874. Zurich, Typographie der Tagwacht. 1874. Русский перевод этого письма помещен в книге: П. Ткачев. «Избранные сочинения на социально-экономические темы», том III, 1933, стр. 88—98. — *527.*

[446] Энгельс цитирует здесь брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России». — *531.*

[447] P. Tkatschoff. «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels». S. 9—10. — *522.*

[448] Здесь и дальше Энгельс цитирует брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России». — *532.*

[449] Цитируется по брошюре: П. Л. Лавров. «Русской социально-революционной молодежи». Лондон, 1874, стр. 47. — *534.*

[450] P. Tkatschoff. «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels». S. 7. — *534.*

[451] Пятая статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература», напечатанная в «Volksstaat» №№ 43, 44 и 45, 16, 18 и 21 апреля 1875 г., была выпущена отдельной брошюрой в Лейпциге в 1875 г. под заглавием «Soziales aus Rusland» («О социальном вопросе в России»), К этой брошюре Энгельс написал в мае 1875 г. небольшое введение (см. настоящий том, стр. 566—568).

Первый перевод брошюры Энгельса «Soziales aus Rusland» был сделан В. Засулич: «Фридрих Энгельс о России». Женева, 1894; после этого работа неоднократно переиздавалась в России под различными пазваниями. — *537.*

[452] Здесь и дальше Энгельс цитирует брошюру Ткачева «Offener Brief an Herrn Friedrich Engels». — *537.*

[453] Книга Флеровского вскоре после ее выхода в свет в 1869 г. была прочитана Марксом. В письме к членам комитета Русской секции Интернационала 24 марта 1870 г. Маркс дал ей высокую оценку (см. настоящее издание, т. 16, стр. 427—428). Несколько позже книга была прочитана Энгельсом. — *542.*

[454] Энгельс имеет в виду книгу Гакстгаузена «Studien uber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtugen Ruslands» («Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России»), вышедшую в 3 частях в 1847—1852 гг. в Ганновере и Берлине. — *543.*

[455] Имеются в виду следующие труды Маурера: «Geschichte der Markenverfassung in Deutschland». Eriangen, 1856 («История маркового устройства в Германии». Эрланген, 1856), «Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland». Bd. 1—4, Erlangen, 1862—1863 («История господских дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии». Тт. 1—4, Эрланген, 1862—1863), «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland». Bd. I—II, Erlangen, 1865—1866 («История сельского устройства в Германии». Тт. I—II, Эрланген, 1865—1866). — *544.*

[456] *«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»*— боевой памфлет, в котором К. Маркс заклеймил подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством в борьбе против коммунистического и рабочего движения, был написан в конце октября — начале ноября 1852 года (см. настоящее издание, т. 8, стр. 423—491). Первое издание вышло в свет в январе 1853 г. в Базеле (Швейцария), но почти весь тираж (2000 экземпляров) был конфискован полицией при попытке переправить его в Германию. В Америке работа первоначально печаталась по частям в демократической бостонской газете «Neue-England Zeitung» («Газета Новой Англии»), а в конце апреля 1853 г. вышла отдельной брошюрой в издательстве этой газеты. Это американское издание также не смогло получить распространения в Германии. В 1874 г. «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» были полностью перепечатаны в тринадцати номерах газеты «Volksstaat» с 28 октября по 18 декабря. В отличие от изданий 1853 г., вышедших анонимно, теперь было указано авторство Маркса. Подготавливая одновременно и отдельное издание, Либкнехт обратился к Марксу 29 октября 1874 г. с просьбой написать к нему предисловие. 8 января 1875 г. Маркс написал данное «Послесловие», которое было сначала опубликовано в «Volksstaat» № 10, 27 января 1875 г., а затем вошло во второе издание работы: K. Marx. «Enthullungen uber den Kommunisten-Prozess zu Koln». Leipzig, 1875. — *549.*

[457] Как выяснилось впоследствии, Маркс был в данном случае введен в заблуждение. Документы, не известные в свое время Марксу, в частности письмо самого Гесса И. Вейдемейеру от 21 июля 1850 г., подтверждают, что автором «Красного катехизиса» был М. Гесс. — *549.*

[458] О статье Гирша см. работы Маркса «Добровольные признания Гирша» и «Господин Фогт» (см. настоящее издание, т. 9, стр. 40—43 и т. 14, стр. 669 и др.). — *549.*

[459] См. настоящее издание, т. 14, стр. 439. — *550.*

[460] См. настоящее издание, т. 8, стр. 491. — *552.*

[461] *Дюппель* (датское название: Дюббёль) — датское укрепление в Шлезвиге, взятое штурмом 18 апреля 1864 г. прусскими войсками во время войны Пруссии и Австрии против Дании.

Выражение «внутренний Дюппель» («Duppel im Innern»), употребленное для обозначения «внутреннего врага» в политическом обзоре бисмарковского органа «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманской всеобщей газеты») от 30 сентября 1864 г., получило затем широкое распространение. — *552.*

462 Данная статья, воспроизводящая выступления Маркса и Энгельса на торжественном собрании 23 января 1875 г. в Лондоне, посвященном двенадцатой годовщине польского восстания 1863—1864 гг., была составлена Энгельсом для газеты «Volksstaat». Собрание происходило под председательством В. Врублевского, на нем присутствовали и выступали представители наиболее передовой части революционно-демократической эмиграции Польши, России, Германии, Франции и других стран. Среди них были участники Парижской Коммуны Л. Франкель, Лиссагаре и другие. Отчет о собрании был опубликован 30 января 1875 г. на страницах польского журнала «Wici» («Созыв ополчения»), выходившего в Цюрихе, а затем в либеральной польской газете «Dziennik Polski» («Польская газета»), выходившей во Львове. 15 февраля отчет был напечатан в русской газете «Вперед!». В отчете «Вперед!» сообщалось, что речь Энгельса, выступившего после Маркса, была произнесена на английском языке. — *553.*

463 Итальянская область Венеция, в 1799—1805 и с 1814 по 1866 гг. входившая в состав Австрийской империи, была постоянным очагом итальянского национально-освободительного движения против австрийского гнета. — *554.*

464 Как видно из отчета в газете «Вперед!», на собрании 23 января выступал секретарь редакции «Вперед!» В. Смирнов, который подчеркнул тождество интересов русского и польского рабочего класса и заявил от имени русских революционеров, что каждый из них готов, «когда пробьет час революции, пойти в рядах поляков добывать социальную свободу польскому народу». Выступил также русский эмигрант Соловьев с предостережением против возможной сделки между панской либеральной партией и царским правительством. — *555.*

465 См. настоящее издание, том 16, стр. 11. — *555.*

466 Сохранилось письмо В. Смирнова к Марксу в феврале 1875 г., в котором он сообщает, что готовит для газеты «Вперед!» отчет о польском собрании. Находясь в числе присутствовавших, Смирнов слышал, как Маркс произнес следующие слова: «Поэтому необходимо пропагандировать среди польского народа принципы Международного Товарищества Рабочих». Поскольку в отчетах в польской печати эти слова отсутствуют, Смирнов просит Маркса подтвердить, действительно ли он произнес их. Ответ Маркса до нас не дошел, но в отчете «Вперед!» эти слова воспроизведены. — *556.*

467 Данная статья была написана Энгельсом в разгар военной тревоги 1875 г., спровоцированной бисмарковскои Германией, готовившей новый разгром Франции. Как известно, решительное вмешательство русской дипломатии предотвратило в тот момент развязывание войны в Европе. Придавая большое значение статье Энгельса, в которой с позиций пролетарского интернационализма давалась критика германского милитаризма, редакция «Volksstaat» предполагала издать ее

отдельной брошюрой, однако это намерение осталось неосуществленным.

Статья была напечатана в газете «Volksstaat» № 46, 23 апреля 1875 года. — *557.*

[468] Энгельс здесь раскрывает существо закона о ландштурме от 12 февраля 1875 г., являвшегося дальнейшим развитием положений закона от 9 ноября 1867 г. (см. примечание 407) и предусматривавшего в случае необходимости пополнение ландвера запасными из числа призванных в ландштурм. — *557.*

[469] 12 марта 1875 г. французское Национальное собрание одобрило проект закона об организации кадров и наличном составе действующей армии и территориальной армии, по которому численность полка увеличивалась с 3 до 4 батальонов, а численность всей армии увеличивалась соответственно на 144 тысячи человек. — *557.*

[470] Речь идет о Луарской армии, созданной осенью 1870 г. французским правительством в основном из новобранцев. — *560.*

[471] *Эрзац-резервом* в прусской армии в соответствии с законом от 2 мая 1874 г. называлась часть резерва, составлявшаяся из лиц призывного возраста, которые в мирное время получили по той или иной причине отсрочку от действительной военной службы; эрзац-резерв, срок пребывания в котором был установлен в 12 лет, использовался для пополнения армии во время мобилизации. — *562.*

[472] Это заявление было сделано генерал-майором Фойгтс-Рецом в его речи в рейхстаге 11 января 1875 года. — *562.*

[473] Рукопись «Заметки о Германии» («Varia tiber Deutschland») отражает глубокое изучение Энгельсом исторического прошлого немецкого народа в связи с намерением написать работу по истории Германии. Неоднократно возвращаясь к проблемам немецкой истории, Энгельс усиленно занимался их разработкой в 1873—1874 годах. Об этих своих занятиях он писал В. Либкнехту 27 января 1874 г.: «Я хотел написать для «Volksstaat» кое-что о Германии, но по этому поводу погрузился в такие экономические и статистические исследования, что получится, пожалуй, книжонка, если не целая книга». Этот замысел остался неосуществленным; судя по предварительным материалам, Энгельс намеревался осветить ход немецкой истории до современных ему событий 1873 г., более подробно остановившись на истории Германии со времени французской революции. Период от конца средних веков до 1789 г. предполагалось осветить в обширном введении. Публикуемая в томе рукопись Энгельса представляет собой план этого введения и краткую разработку первого раздела, охватывающего период с 1789 по 1815 год.

В томе публикуется также примыкающий к плану введения по своему содержанию отрывок из второй рукописи «Заметок о Германии», состоящей из отдельных фрагментов.

В более полном виде «Заметки о Германии» опубликованы вместе с другими подготовительными работами Энгельса по истории Германии в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948. — *571.*

[474] Работа Маркса над конспектированием книги Бакунина «Государственность и анархия» была тесно связана с идейно-политической

борьбой сторонников Маркса и Энгельса против анархизма, борьбой, которая продолжалась и после идейного и организационного разгрома бакунистов на Гаагском конгрессе.

Составленный К. Марксом конспект представляет собой своеобразное критическое и полемическое произведение, в котором выявление точки зрения главного в то время противника марксизма, идеолога анархизма Бакунина, сочетается с глубокой критикой анархистских доктрин и развитием в противовес им важнейших положений научного коммунизма: о государстве, диктатуре пролетариата и союзе рабочего класса с крестьянством; эти положения сформулированы Марксом в ряде авторских вставок в рукописи конспекта. Маркс работал над этим конспектом вскоре после выхода в свет книги Бакунина, которая была издана в Женеве в 1873 г. и воспринята бакунистскимя кругами как программное произведение.

Конспект книги Бакунина входит в большую тетрадь рукописей Маркса, озаглавленную «Russica II, 1875», содержащую конспекты ряда работ русских авторов. Рукопись «Конспекта» насчитывает 24 страницы большого формата. Содержание книги Бакунина приводится Марксом частью в виде цитат на русском языке, частью в виде более сжатого изложения на немецком языке. Изложение текста книги Бакунина и цитирование отдельных мест перемежаются с краткими замечаниями Маркса и более обширными авторскими вставками.

В настоящем томе все места, буквально или приблизительно воспроизводящие текст книги Бакунина, даны петитом. Замечания самого Маркса печатаются корпусом. При обратном переводе цитат текст приведен в соответствие с книгой Бакунина, с сохранением тех изменений, которые были внесены Марксом при переводе на немецкий язык. Места, выписанные Марксом по-русски, даны в кавычках « ». Места, цитируемые Марксом в переводе на немецкий язык в кавычках „ ". — *579.*

[475] На заседании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих 2 апреля 1872 г. секретарь-корреспондент для Ирландии Мак-Доннел сообщил о преследовании полицией ирландских секций. По предложению Маркса была избрана комиссия в составе Маркса, Мак-Доннела и Милнера, которой было поручено составить по этому поводу специальное обращение. 9 апреля Мак-Доннел представил Генеральному Совету от имени комиссии заявление о полицейском терроре в Ирландии. После дискуссии о целесообразности публикации этого заявления текст его был одобрен и по предложению Энгельса было решено напечатать его в виде листовки, в 1000 экземплярах, для распространения в Ирландии.

Текст заявления был напечатан также в испанской газете «Emancipacion» с вступительной редакционной статьей, в которой было приведено сообщение Мак-Доннела 2 апреля 1872 года. — *627.*

[476] Имеется в виду Дублинский замок, сооруженный английскими завоевателями в XIII. веке, как опорный пункт борьбы с ирландским населением; замок, являвшийся резиденцией: английских властей в Ирландии, олицетворял гнет и насилие английского колониализма над ирландским народом. — *628.*

[477] На заседании Генерального Совета 12 марта 1872 г. Энгельс заявил протест против того, чтобы Хейлз, помещавший в газете «Eastern Post» за своей подписью в качестве секретаря отчеты о заседаниях Со-

вета, редактировал выступления членов Совета «в своем вкусе». В частности, речь шла о выступлении Энгельса 5 марта, опубликованном в «Eastern Post» 9 марта 1872 года.

Сообщение Энгельса о положении секций Интернационала в Италии было основано на фактах, изложенных в письме к нему В. Реджиса от 1 марта 1872 года. — *629.*

[478] В данном сообщении Генеральному Совету Энгельс ознакомил Совет с письмом Испанского федерального совета от 15 марта, написанным в связи с подготовкой очередного съезда федерации. Черновик ответа Энгельса от 27 марта, на это письмо, опубликован в настоящем томе, стр. 52—53. В связи с высказанной в письме просьбой прислать приветствия съезду, Энгельс написал приветствие от имени Генерального Совета и Британского федерального совета (см. настоящий том, стр. 58—60) и организовал посылку секцией имени Ферре приветственного письма от всех французских секций. — *631.*

[479] Данное сообщение Энгельса о положении испанских секций Интернационала к моменту созыва Сарагосского съезда (4—11 апреля 1872 г.) было основано на материалах, присланных ему Лафаргом, который в это время вел в Мадриде напряженную борьбу с анархистским влиянием в Испанской федерации. Однако в письме к Либкнехту 22 мая 1872 г. Энгельс указывал, что сведения, полученные им от Лафарга о победе над альянсистами в Испанской федерации, «были во всяком случае несколько преувеличены» и поэтому просил не публиковать данное сообщение. — *633.*

[480] Съезд рабочих обществ, в основном обществ взаимопомощи, находившихся под влиянием либерально-буржуазных кругов (так называемых «умеренных»), был созван в Риме 17 апреля 1872 года. Его организаторы — правительственные чиновники и либеральные политические деятели — пытались использовать съезд, чтобы упрочить свое влияние и воспрепятствовать распространению среди рабочих идей Интернационала. Претензия участников этого съезда представлять рабочих всей Италии вызвала отпор со стороны ряда рабочих организаций в Риме, которые попытались созвать свой, подлинно рабочий съезд. Но из-за полицейских преследований они смогли лишь организовать 21 апреля 1872 г. митинг протеста; на митинге по предложению члена Интернационала Лучиани была принята резолюция, категорически протестующая против попыток буржуазии выступить от имени рабочего класса. — *635.*

[481] Выступление Маркса на заседании Гаагского конгресса в защиту мандата члена Британской федерации Мальтмана Барри было вызвано тем, что некоторые английские делегаты, представлявшие реформистскую часть Британского федерального совета, оспаривали законность мандата на том основании, что Барри «не является признанным лидером рабочих». Борьба вокруг мандата Барри объективно отражала борьбу, происходившую в английском рабочем движении в целом между представителями либерального тред-юнионизма и теми представителями рабочего движения, которые добивались его независимости от влияния буржуазии. Выступление Маркса, получившее широкую известность, вызвало бешеные нападки со стороны всех реформистских элементов и тред-юнионистских лидеров.

Речи Маркса и Энгельса на Гаагском конгрессе Интернационала в 1872 г. сохранились в протоколах этого конгресса, записанных одним из его секретарей, Ф. А. Зорге, на немецком языке. Возвращаясь в Нью-Йорк по окончании конгресса, Зорге увез с собой оригинал протоколов; в начале октября 1872 г. он выслал Марксу и Энгельсу по их просьбе копию полного текста протоколов, сделанную Т. Куно и заверенную Куно и Зорге. Фото этой копии, хранившейся ранее в архиве германской социал-демократии, имеется в распоряжении Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1958 г. в издании Висконсинского университета (г. Мадисон, США) были опубликованы факсимиле и перевод на английский язык другой копии тех же протоколов, сделанной неизвестной рукой и не заверенной; эта вторая копия была обнаружена среди бумаг немецкого социал-демократа, эмигранта в США, Германа Шлютера. Местонахождение оригиналов протокола пока неизвестно.

Речи Маркса и Энгельса на Гаагском конгрессе, включенные в настоящий том, воспроизводятся по тексту заверенной копии протоколов, как более достоверной. — *639.*

[482] Данное выступление Маркса было связано с обсуждением правомочности мандата Н. Жуковского, делегированного на конгресс секцией пропаганды и революционного социалистического действия, которая не была принята Генеральным Советом в Интернационал (см. настоящий том, стр. 147—148).

Заключительная часть речи Маркса явилась ответом на выступление бельгийского делегата Брисме, возражавшего против образования французами-эмигрантами самостоятельных секций, в частности в Брюсселе, не входивших в местные федерации. — *640.*

[483] В своей речи относительно правомочности мандата Уэста от секции № 12 Маркс окончательно разоблачил попытки буржуазных и мелкобуржуазных реформаторов в США воспользоваться в своих целях именем и организацией Интернационала и захватить руководство рабочим движением (см. настоящий том, стр. 146—147). — *641.*

[484] Резолюция Генерального Совета от 26 января 1873 г., как и публикуемые ниже две резолюции от 30 мая 1873 г., были основаны на предложениях, содержащихся в письмах Маркса и Энгельса к членам Совета, а также в официальном письме Энгельса Генеральному Совету (см. настоящий том, стр. 310—312). Важнейшие положения резолюций дословно совпадают с выдвинутыми Марксом и Энгельсом предложениями. — *651.*

[485] Письмо гражданам делегатам Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих было написано Энгельсом, по согласованию с Марксом и Серрайе, 3 сентября 1873 года.

Уже к концу августа, на основании сообщений из местных федераций и секций Интернационала, Марксу и Энгельсу стало очевидно, что очередной конгресс Интернационала, который по решению Гаагского конгресса 1872 г. должен был состояться в Швейцарии, не будет носить международного характера. В связи с создавшейся обстановкой, Маркс и Энгельс пришли к единому мнению о нецелесообразности присутствия представителя Генерального Совета на предстоящем конгрессе и убедили Гепнера и Серрайе отказаться от поездки в Женеву.

Данное письмо сохранилось в виде рукописи, написанной рукой Энгельса. — *655*.

[486] Имеются в виду отчет Генерального Совета и другие материалы, предназначенные для конгресса. В повестку дня конгресса были включены вопросы: о пересмотре Устава, о международном объединении профессиональных союзов; о политической борьбе рабочего класса; о всеобщей рабочей статистике. Конгресс открылся в Женеве 8 сентября 1873 года. Около двух третей делегатов представляли швейцарские и главным образом женевские секции. На конгрессе, работа которого проходила под руководством И. Ф. Беккера, были заслушаны отчет Генерального Совета и доклады с мест. Женевский конгресс 1873 г. был последним конгрессом Международного Товарищества Рабочих. — *656*.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(март 1872—март 1875)

1872

Март — август

Маркс и Энгельс, отстаивая в борьбе с анархистами и прочими мелкобуржуазными элементами программные и организационные принципы Интернационала, ведут подготовку к очередному его конгрессу: переписываются с его секциями и отдельными деятелями рабочего движения. Особое внимание Энгельс уделяет Испании, являющейся основным плацдармом в борьбе с тайной организацией бакунистов — Альянсом социалистической демократии; регулярно переписывается с французским социалистом П. Лафаргом, находящимся в Мадриде, получает от него подробную информацию о деятельности испанских секций, руководит через него борьбой против бакунистов; систематически информирует Генеральный Совет о положении Интернационала в Испании.

Маркс напряженно работает над корректурой второго немецкого издания I тома «Капитала»; одновременно он ведет большую работу по подготовке французского издания I тома «Капитала». Во втором немецком издании Маркс существенно меняет структуру тома по сравнению с первым изданием, уточняет названия отдельных частей книги, проводит более обстоятельный и строгий научный анализ стоимости и форм стоимости, уточняет и развивает ряд положений в других главах.

Начало марта — начало мая

Маркс, в ответ на просьбу руководителя манчестерской секции Интернационала Э. Дюпона высказать соображения в связи с дискуссией о национализации земли, происходившей в секции, пишет развернутые замечания по этому вопросу. Присланная Марксом рукопись зачитывается Дюпоном на заседании секции 8 мая и публикуется без указания автора в органе Британской

федерации Интернационала, газете «The International Herald» («Международный вестник») 15 июня.

5 марта Маркс представляет Генеральному Совету написанный совместно с Энгельсом циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале», в котором разоблачается сущность бакунизма как мелкобуржуазного сектантства, несовместимого с рабочим движением; Совет единогласно принимает решение опубликовать циркуляр. Маркс докладывает о расколе в Североамериканской федерации, вызванном попыткой буржуазных элементов захватить в свои руки руководство Интернационалом в США; на этом же заседании принимается часть резолюций, написанных Марксом по этому вопросу.

7 марта Энгельс в письме к члену Датского федерального совета Л. Пио разъясняет значение происходящей в Интернационале борьбы с бакунистами; просит представить на одобрение Федеральному совету решения Лондонской конференции 1871 года.

10—19 марта Энгельс в качестве секретаря-корреспондента Генерального Совета устанавливает связь с Португальской федерацией Интернационала; в дальнейшем получает подробную информацию о деятельности португальских секций.

12 марта В связи с упоминанием в книге бывшего коммунара Г. Лефрансе «Очерки о коммуналистском движении в Париже в 1871 г.», полицейской фальшивки, направленной против Маркса и Генерального Совета, Маркс пишет открытое письмо в орган бельгийской секции — газету «La Liberte» («Свобода»). Письмо публикуется 17 марта.

По предложению Маркса на заседании Генерального Совета принимается вторая часть резолюций о расколе в Североамериканской федерации. Резолюции, указывающие на необходимость очищения рядов Интернационала от буржуазно-реформаторских элементов и исключающие в связи с этим нью-йоркскую секцию № 12, отсылаются Марксом в Нью-Йорк руководителю Временного федерального совета Ф. А. Зорге; резолюции публикуются в органе Испанского федерального совета Интернационала «La Emancipacion» («Освобождение») 6 апреля и в органе немецкой Социал-демократической рабочей партии «Der Volksstaat» («Народное государство») 8 мая. Маркс читает на этом заседании полученный из Новой Зеландии ответ на его письмо, в котором сообщается об организации секции в Кентербери. Маркс утверждается в числе ораторов для выступления на митинге, созываемом 18 марта в Лондоне в честь первой годовщины Парижской Коммуны. Энгельс делает сообщение о положении Интернационала в Испании и Италии, которое публикуется

в отчете о заседании Совета в рабочей газете «The Eastern Post» («Почта Ист-Энда») 17 марта.

Между 13 и 18 марта — Маркс пишет проект резолюций митинга, посвященного первой годовщине Парижской Коммуны, в которых характеризует Коммуну «как зарю великой социальной революции». Резолюции, принятые единогласно 18 марта на митинге лондонских членов Интернационала и коммунаров-эмигрантов, публикуются без указания автора в отчете о митинге в «Eastern Post» 23 марта и в «International Herald» 30 марта.

Вторая половина марта — начало мая — Энгельс получает информацию от секретаря-корреспондента для Ирландии Д. П. Мак-Доннела о создании ирландских секций в Дублине, Корке, Бредфорде и других городах и о забастовочном движении в Корке; часто встречается с Мак-Доннелом, обсуждает с ним вопросы, связанные с деятельностью ирландских секций.

Маркс отвечает отказом на неоднократные предложения редактора немецкого буржуазного журнала «Die Gegenwart» («Современность») П. Линдау о сотрудничестве в журнале.

17 марта — Энгельс в письме к Зорге просит выслать номера газет «Woodhull and Claflin's Weekly» («Еженедельник Вудхалл и Клафлин») и «Le Socialiste» («Социалист»), в которых опубликованы английский и французский переводы «Манифеста Коммунистической партии»; отмечая невысокое качество переводов, указывает, что ими все же приходится пользоваться для борьбы против бакунистской и прудонистской пропаганды.

18 марта — Маркс пишет письмо издателю французского перевода I тома «Капитала» М. Лашатру, в котором одобряет идею публикации французского перевода «Капитала» периодическими выпусками, поскольку в такой форме «Капитал» будет более доступен для рабочих.

19 марта — Маркс сообщает на заседании Генерального Совета о преследовании полицией членов Интернационала в Бреславле (Вроцлаве). Энгельс излагает содержание письма, полученного от лиссабонской секции, в котором сообщается о ее успехах и об издании в Лиссабоне газеты «El Pensamento Social» («Социалистическая мысль»), пропагандирующей принципы Интернационала.

26 марта — Энгельс председательствует на заседании Генерального Совета; сообщает содержание отчета Испанского федерального совета Генеральному Совету о деятельности Интернационала в Испании с 1870 года. В связи с открытием в апреле очередного съезда Испанской федерации Энгельсу поручается составить текст приветственной телеграммы. Телеграмма публикуется в «Emancipacion» 13 апреля.

27 марта

В России выходит в свет первое русское издание I тома «Капитала», являющееся первым переводом этого сочинения на иностранный язык; за полтора месяца, до 15 мая, из общего тиража в 3000 экземпляров было продано 900 экземпляров.

Энгельс пишет письмо Испанскому федеральному совету, в котором сообщает, что на предстоящий съезд Испанской федерации в Сарагосе будут присланы приветствия от Генерального и Британского федерального советов и французской секции имени погибшего коммунара Ферре. Энгельс предлагает представить **на** одобрение съезда резолюции Лондонской конференции 1871 года.

Апрель — май

В связи с обострившейся борьбой внутри Североамериканской федерации и угрозой захвата ее руководства буржуазными элементами, Маркс внимательно следит за положением секции Интернационала в США, руководит борьбой пролетарского крыла против буржуазных и мелкобуржуазных реформаторов, переписывается с Зорге, получая от него подробную информацию. Маркс выступает на заседаниях Генерального Совета, разъясняя сущность борьбы, происходящей и федерации, разоблачает двурушническую позицию секретаря-корреспондента для американских секций Г. Эккариуса, фактически поддерживающего нью-йоркскую секцию № 12, исключенную Советом из Интернационала.

Начало апреля

Маркс получает от переводчика I тома «Капитала» на русский язык Н. Ф. Даниельсона экземпляр русского издания «Капитала» и письмо, в котором содержатся сведения о Н. Г. Чернышевском и бывшем члене Генерального Совета Г. А. Лопатине, судьбой которых Маркс очень интересуется.

Маркс отсылает немецкому издателю О. Мейснеру 42 листа рукописи текста I тома «Капитала», подготовленного для второго немецкого издания.

Маркс инструктирует члена Интернационала Ш. Роша, переселяющегося в Бельгию, об организации работы в бельгийских секциях; в дальнейшем регулярно переписывается с ним, получает от него подробную информацию о деятельности Интернационала в Бельгии.

Энгельс переводит на итальянский язык написанное В. Либкнехтом по его указанию письмо против редактора итальянского журнала «И Libero Pensiero» («Свободная мысль») буржуазного демократа Л. Стефанони, выступавшего с клеветой на Генеральный Совет; письмо, посланное деятелю итальянского рабочего движения К. Кафьеро, публикуется в демократической «Gazzettino Rosa» 20 апреля.

2 апреля

Маркс, основываясь на письмах Либкнехта от 19, 28 и 30 марта, информирует Генеральный Совет о

результатах лейпцигского процесса В. Либкнехта, А. Бебеля и А. Гепнера, обвинявшихся в государственной измене; участвует в обсуждении сообщения Мак-Доннела о преследованиях секций Интернационала в Ирландии. Генеральный Совет избирает Маркса в комиссию для составления заявления по этому поводу.

3 апреля По поручению Генерального Совета Энгельс пишет приветственное письмо делегатам Сарагосского съезда в Испании. Письмо публикуется в «Emancipacion» 13 апреля и в «Volksstaat» 4 мая.

9 апреля В связи с болезнью Маркс не может присутствовать на заседании Генерального Совета. Мак-Доннел зачитывает написанное при участии Маркса заявление «Полицейский террор в Ирландии», которое принимается Советом и публикуется в виде отдельной листовки. Генеральный Совет единогласно принимает решение издать французский перевод «Гражданской войны во Франции».

По предложению Энгельса польский революционер Ю. Розвадовский утверждается членом Генерального Совета от Польской секции в Лондоне.

13 апреля Отрывок из работы Маркса «Нищета философии», озаглавленный «Теория классовой борьбы», публикуется в испанской газете «Emancipacion».

13—16 апреля Маркс от имени Генерального Совета пишет заявление в связи с клеветническими выступлениями в адрес Интернационала членов парламента Б. Кокрена и Г. Фосетта. Заявление единогласно принимается на заседании Генерального Совета 16 апреля и публикуется в виде листовки, а также в органах Интернационала в Англии, Испании и Португалии.

Середина апреля Маркс получает сведения о том, что во Франции и Англии его письма подвергаются перлюстрации.

Вторая половина апреля — май Маркс просматривает и исправляет французский перевод своей работы «Гражданская война во Франции» и ведет переписку с бельгийским членом Интернационала Э. Глазер-де-Вильброром об организации и ходе издания этой работы в Бельгии. «Гражданская война во Франции» выходит в свет в Брюсселе в июне в количестве 2000 экземпляров.

Вторая половина апреля — август Энгельс изучает материалы о деятельности тайного Альянса социалистической демократии в Испании, присылаемые ему Лафаргом и членом Испанского федерального совета Х. Меса.

16 апреля Энгельс в письме к Феррарскому обществу рабочих, присоединившемуся к Интернационалу, разъясняет

организационные принципы Международного Товарищества Рабочих.

20 апреля — Энгельс пишет для итальянской социалистической газеты «La Plebe» («Народ») статью о забастовке английских сельскохозяйственных рабочих, которой открывается его постоянное сотрудничество в этой газете. Статья публикуется 24 апреля под заголовком «Письма из Лондона».

23 апреля — Энгельс поздравляет Либкнехта и Бебеля с мужественным выступлением перед судом.

Энгельс сообщает Генеральному Совету о незаконном аресте итальянскими властями в Милане немецкого социалиста Т. Куно и о высылке его в Баварию; он рассматривает этот факт как проявление сговора реакционных правительств против Интернационала.

Конец апреля — Энгельс в письме к Пио подчеркивает большое значение вопроса о вовлечении мелкого крестьянства и безземельных крестьян в рабочее движение.

Конец апреля — май — Значительную часть своего времени Маркс уделяет переработке французского перевода I тома «Капитала», одновременно ведет корректуру второго немецкого издания.

Первая половина мая — В связи с намерением написать работу против попыток распространения прудонистских идей в немецком рабочем классе, Энгельс перечитывает книгу Прудона «Общая идея революции XIX века».

7 мая — Маркс из-за болезни не присутствует на заседании Генерального Совета. Энгельс делает сообщение об итогах Сарагосского съезда Испанской федерации, которое публикуется в «Eastern Post» 12 мая; сообщает также о признании Феррарским обществом в Италии Устава Интернационала; по его предложению это общество утверждается секцией Товарищества.

Энгельс посылает Либкнехту для публикации в «Volksstaat» статью Лафарга о тайных происках бакунистов в Испании, напечатанную в «Emancipacion», и рекомендует опубликовать корреспонденции Лафарга о Сарагосском съезде Испанской федерации, напечатанные в «Liberte».

7—8 мая — Энгельс в письме к Куно в Серен (Бельгия) сообщает об интригах бакунистов в Испании и Италии и рекомендует вести деятельную пропаганду против бакунизма; посылает ему адреса для связи с членами Интернационала и оказывает ему денежную помощь.

14 мая — Энгельс участвует на заседании Генерального Совета в обсуждении вопроса о взаимоотношениях ирландских секций в Англии и Британского федерального

совета; произносит речь, в которой отстаивает принципы пролетарского интернационализма и разоблачает шовинистические взгляды некоторых английских членов Совета.

Середина мая — В связи с появлением в органе немецких крупных промышленников «Concordia» («Согласие») анонимной статьи буржуазного экономиста Л. Брентано, обвинявшего Маркса в предумышленном искажении цитируемого материала, Маркс пишет в редакцию газеты «Volksstaat» письмо, в котором опровергает возводимую на него клевету. Письмо публикуется в газете 1 июня.

Вторая половина мая 1872— январь 1873 — Энгельс пишет серию статей «К жилищному вопросу», которые публикуются в «Volksstaat» с июня 1872 по февраль 1873 года, В этих статьях, направленных против мелкобуржуазного и буржуазного реформаторства, Энгельс подвергает сокрушительной критике капиталистическую систему в целом и показывает историческую закономерность диктатуры пролетариата, только в условиях которой возможно удовлетворение всех социально-экономических требований рабочего класса.

17, 20 мая — Маркс получает приглашение посетить заседания Кружка по изучению социальных наук, состоящего из коммунаров-эмигрантов, членом которого он является.

21 мая — Маркс читает на заседании Генерального Совета написанное им заявление, разоблачающее попытки узурпировать имя Генерального Совета со стороны ряда английских и эмигрантских мелкобуржуазных элементов в Лондоне, в том числе исключенных из Интернационала лиц, объединившихся в так называемый Всемирный федералистский совет. Заявление, принятое единогласно, публикуется от имени Генерального Совета в органах Интернационала в Англии, Германии, Бельгии, Испании, Португалии и Швейцарии.

Между 22 мая и 5 июня — В связи с подготовкой к очередному конгрессу Интернационала Энгельс в письмах к Либкнехту просит внести ясность в организационные отношения между немецкой Социал-демократической рабочей партией и Генеральным Советом и обеспечить ее представительство на конгрессе.

23 мая — Маркс пишет в редакцию «Gazzettino Rosa» письмо «Еще раз Стефанони и Интернационал», в котором опровергается клевета, распространяемая Стефанони на Генеральный Совет и его руководителей л журнале «Libero Pensiero». Письмо публикуется в газете 28 мая.

28 мая Маркс благодарит Даниельсона за присланный ему экземпляр русского перевода I тома «Капитала»; просит сообщить сведения о связях М. А. Бакунина с анархистом С. Г. Нечаевым; пишет о своем намерении отказаться от избрания в новый состав Генерального Совета в связи с необходимостью завершить работу над последующими томами «Капитала».

На заседании Генерального Совета Маркс предлагает посвятить следующее заседание исключительно вопросу о созыве очередного конгресса. По предложению Маркса, поддержанному Энгельсом, Генеральный Совет принимает решение о признании Временного федерального совета в Соединенных Штатах единственным руководящим органом Североамериканской федерации Интернационала.

Конец мая В Женеве выходит в свет написанный Марксом и Энгельсом закрытый циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале» и рассылается секциям и федерациям Товарищества.

Июнь — август Одновременно с большой работой по подготовке Гаагского конгресса, Маркс продолжает очень напряженно работать над французским изданием I тома «Капитала».

4 июня Маркс на заседании Генерального Совета критикует решение Бельгийского федерального совета, отвергающее резолюцию Лондонской конференции относительно политического действия рабочего класса.

11 июня По предложению Маркса Генеральный Совет принимает решение созвать очередной конгресс в Голландии. Маркс произносит на заседании Совета речь, в которой подчеркивает, что одним из главных вопросов на конгрессе будет организационный вопрос, в частности вопрос о полномочиях Генерального Совета.

18 июня В связи с предложением Маркса и Энгельса сосредоточить внимание Генерального Совета исключительно на общих вопросах подготовки конгресса, Совет единогласно принимает решение передать все текущие дела и организационную подготовку конгресса Постоянному комитету, который с этого времени принимает название Исполнительного комитета Генерального Совета. Энгельс избирается в комиссию для подготовки резолюции о месте созыва и порядке дня очередного конгресса. Написанная Энгельсом резолюция публикуется в «International Herald» 29 июня, а также в других органах Интернационала.

18 июня — 1 сентября Маркс и Энгельс руководят работой Исполнительного комитета по подготовке очередного конгресса; особое внимание уделяют разоблачению деятельности тайной

организации бакунистов в Испании, добиваются сплочения вокруг Комитета всех подлинно революционных сил.

21 июня Маркс в письме к Зорге сообщает о созыве 2 сентября очередного конгресса, подчеркивает его решающее значение для дальнейшей судьбы Интернационала и просит обеспечить представительство от Североамериканской федерации.

24 июня Маркс и Энгельс пишут предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии», которое выходит в свет в июле в Лейпциге. В предисловии Маркс и Энгельс подчеркивают значение опыта Парижской Коммуны, доказавшей необходимость слома рабочим классом старой государственной машины.

25 июня По предложению Энгельса Генеральный Совет в связи с подготовкой конгресса приступает к обсуждению предлагаемых изменений в Общем Уставе и Регламенте. Маркс, стремясь обеспечить чистоту рядов пролетарской организации, высказывается за предоставление Генеральному Совету права временного, до очередного конгресса, исключения секций из Интернационала.

Июль — август Маркс ведет переговоры с секретарем Португальского федерального совета Франса об издании I тома «Капитала» на португальском языке; посылает ему через Энгельса I том «Капитала» и просит собрать материалы о земельной собственности в Португалии.

2, 9 и 16 июля Маркс и Энгельс участвуют в обсуждении Генеральным Советом статей Устава и Регламента. Совет принимает предложенную Энгельсом статью Регламента о расширении полномочий Совета.

3 июля В газете «Volksstaat» публикуются за подписью Маркса, как секретаря-корреспондента для Германии, резолюция Генерального Совета о созыве в Голландии очередного конгресса и повестка дня.

5 июля На заседании Исполнительного комитета Энгельс передает обращение Португальского федерального совета, заявляющего о своей полной солидарности с Генеральным Советом. В связи с выявившимися данными о тайной деятельности Альянса в Испании Исполнительный комитет поручает Энгельсу запросить Испанский федеральный совет об его отношениях с Альянсом. Марксу и Энгельсу поручается составить и внести в Генеральный Совет предложение Исполнительного комитета об исключении очередным конгрессом Альянса социалистической демократии.

Энгельс получает письмо от туринской секции, в котором члены секции сообщают о своей полной солидарности с Генеральным Советом.

Около 9 июля	Энгельс пишет для «Volksstaat» статью «Интернационал в Америке», используя в ней многочисленные выписки, сделанные Марксом из американских газет и писем членов Североамериканской федерации Интернационала. Статья публикуется 17 июля.
Между 9 и 15 июля	Маркс и Энгельс отдыхают в Рамсгейте.
10 июля	Энгельс избирается делегатом лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих на Ноттингемский съезд Британской федерации.
Середина июля	Выходит в свет первый выпуск (5 печатных листов) второго немецкого издания I тома «Капитала».
18 июля	Энгельс в качестве секретаря-корреспондента для Италии посылает через редактора газеты «Plebe» Э. Биньями четырем участникам рабочего движения в городе Имоле удостоверения о приеме в Интернационал; сообщает обществу «Комитет для освобождения рабочих классов» в Парме и секции во Флоренции условия приема в Интернационал.
19 июля	Исполнительный комитет поручает Марксу подготовить отчет Генерального Совета Гаагскому конгрессу; Энгельсу поручается составить финансовый отчет.
21 июля	Маркс пишет обращение «К бастующим горнорабочим Рура», в котором сообщает рабочим о несостоятельности угрозы немецких горнопромышленников ввозить уголь из Англии в связи с затруднительным положением в английской угольной промышленности. Обращение публикуется в «Volksstaat» 27 июля.
21—22 июля	Энгельс получает от Дюпона, назначенного по его предложению представителем Генерального Совета на съезде Британской федерации в Ноттингеме, подробные сообщения о ходе работы съезда, поддержавшего Генеральный Совет в его борьбе против реформистов.
23 июля	Маркс и Энгельс на заседании Генерального Совета поддерживают предложение Вайяна о включении в текст Общего Устава резолюции Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса. Борясь против проникновения в Интернационал буржуазных элементов, Маркс предлагает дополнить статью 9 Устава пунктом о том, чтобы в составе каждой вновь принимаемой секции имелось не менее $^{2}/_{3}$ наемных рабочих; предложение принимается.
24 июля	Исполнительный комитет принимает написанный Энгельсом текст письма Испанскому федеральному совету в Валенсию с требованием сообщить данные о деятельности в Испании тайного бакунинского Альянса.

27 июля — Маркс и Энгельс на заседании Исполнительного комитета участвуют в обсуждении вопросов, связанных с созывом очередного конгресса. Маркс докладывает от имени комиссии по уставам об уставах французской секции имени Ферре и немецкой секции в Швейцарии.

28 июля — В связи с появлением новой анонимной статьи Брентано в журнале «Concordia» Маркс пишет второе письмо в «Volksstaat», которое публикуется в газете 7 августа.

29 июля — Маркс в письме к своему другу немецкому социалисту Л. Кугельману пишет об исключительном значении для судьбы Интернационала предстоящего конгресса в Гааге и важности, в связи с этим, участия делегации от немецкой Социал-демократической рабочей партии в работе конгресса.

Конец июля — первая половина августа — Маркс и Энгельс, поддерживая инициативу Дюпона, помогают ему в организации в Манчестере Иностранной секции Интернационала, объединяющей рабочих-эмигрантов.

4 августа — На заседании Исполнительного комитета Маркс сообщает о положении Интернационала в Голландии, Италии, Америке. Энгельс читает письма Куно, Меса и И. Ф. Беккера и Португальского федерального совета о борьбе с бакунистами в Бельгии, Испании, Швейцарии, Португалии. Комитет поручает Энгельсу перевести на французский, немецкий и английский языки обращение Новой мадридской федерации от 22 июля.

4—6 августа — Энгельс по поручению Исполнительного комитета пишет обращение ко всем членам Интернационала, в котором разоблачается деятельность тайной организации бакунистов. После оживленной дискуссии обращение принимается на заседании Генерального Совета 6 августа большинством в 4 голоса.

8 августа — На заседании Исполнительного комитета принимается текст написанного Марксом и Энгельсом письма к испанским секциям Интернационала о подрывной деятельности тайного Альянса социалистической демократии в Испании. Письмо публикуется в газете «Emancipacion» 17 августа.

Около 15 августа — Маркс получает от Даниельсона рукопись Чернышевского «Письма без адреса» и рецензии, появившиеся в русской печати на I том «Капитала»; посылает ему часть второго немецкого издания I тома «Капитала».

15 августа — Энгельс от имени Исполнительного комитета сообщает Новой мадридской федерации о признании ее федерацией Интернационала. Сообщение публикуется в «Emancipacion» 24 августа.

Между 15 августа и 12 декабря	Маркс читает рукопись Чернышевского «Письма без адреса»; переводит полностью на немецкий язык первое письмо, тщательно конспектирует остальные письма, выписывая из них обширные цитаты; предпринимает шаги для издания рукописи.
Вторая половина августа	Маркс и Энгельс избираются делегатами на Гаагский конгресс — Маркс от секции в Лейпциге, Энгельс от секции в Бреславле.
20 августа	Маркс и Энгельс вместе с другими членами Генерального Совета встречаются с приехавшим на конгресс Зорге, информируют его о положении в Генеральном Совете и в организациях Интернационала отдельных стран.
Около 22 августа	Энгельс получает от секретаря римской секции О. Ньокки-Виани информацию о состоянии рабочего движения в Риме и адреса для переписки с секцией.
23 августа	Энгельс пишет циркулярное письмо итальянским секциям, в котором разоблачает попытку итальянских анархистов узурпировать на своей конференции в Римини (4—6 августа) имя Интернационала; циркулярное письмо посылается секциям в Турив, Милан, Рим и Феррару.
24 августа	Энгельс отклоняет предложение Либкнехта о выставлении своей кандидатуры в рейхстаг; информирует его о подготовке бакунистов к Гаагскому конгрессу.
27 августа	Маркс на заседании Генерального Совета принимает участие в обсуждении вопроса о размере членских взносов; критикуя деятельность английских тред-юнионов, Маркс высказывает мысль, что задача профессиональных объединений заключается в том, чтобы служить организующим центром в борьбе между капиталом и трудом.
28 августа	Маркс председательствует на заседании Исполнительного комитета.
Конец августа	Маркс избирается делегатом от Генерального Совета на конгресс в Гаагу. Маркс пишет отчет Генерального Совета очередному конгрессу Интернационала; отчет единогласно утверждается на последнем заседании Генерального Совета. Энгельс по поручению Исполнительного комитета пишет для представления конгрессу доклад об Альянсе социалистической демократии; готовит финансовый отчет Генерального Совета.
Конец августа — начало сентября	Маркс получает от члена Русской секция Интернационала Н. Утина написанный им для конгресса в Гааге доклад о так называемом нечаевском процессе

и о деятельности Нечаева в России; передает эти материалы комиссии Гаагского конгресса по расследованию деятельности Альянса социалистической демократии.

Конец августа — начало октября

Маркс переписывается с итальянским социалистом Ла Сесилиа в связи с намерением последнего перевести I том «Капитала» на итальянский язык. Перевод не был осуществлен в связи с отказом издательства заключить договор.

1 сентября

Маркс и Энгельс (вместе с женой Маркса и его дочерью Элеонорой) приезжают в Гаагу для участия в пятом ежегодном конгрессе Интернационала. Маркс и Энгельс участвуют в предварительном совещании делегатов конгресса, на котором принимается предложение Маркса посвятить первое, закрытое заседание конгресса выборам комиссии для проверки полномочий делегатов.

2—7 сентября

Маркс и Энгельс руководят работой Гаагского конгресса, на котором, отстаивая принцип пролетарской партийности против мелкобуржуазного сектантства, добиваются включения в Устав Интернационала важнейшего решения Лондонской конференции 1871 г. о необходимости создания самостоятельных политических партий рабочего класса для завоевания диктатуры пролетариата, а также добиваются расширения полномочий Генерального Совета.

2 сентября

На дневном заседании Гаагского конгресса Маркс избирается членом комиссии для проверки полномочий делегатов и принимает участие в ее работе. На вечернем заседании Маркс выступает с речью о задачах комиссии.

3 сентября

На дневном заседании конгресса Маркс участвует в обсуждении полномочий американских делегатов. Маркс вносит предложение об исключении из Интернационала Альянса социалистической демократии и требует назначить комиссию для изучения соответствующих документов. Энгельс участвует в обсуждении вопроса о порядке ведения конгресса.

В связи с обсуждением мандатов английских делегатов Маркс, выступая на вечернем заседании в защиту мандата члена Генерального Совета М. Барри, открыто обвиняет лидеров английских тред-юнионов в том, что они подкуплены буржуазией. Маркс и Энгельс при обсуждении мандатов испанских делегатов, членов Альянса, разоблачают враждебную Интернационалу деятельность бакунистов. Маркс сообщает конгрессу о полученном приветственном письме секции из Порто-Маурицио (Лигурия), избравшей Маркса своим представителем на конгресс.

4 сентября На утреннем заседании конгресса Маркс от имени комиссии предлагает аннулировать мандат Уэста, выданный нью-йоркской секцией № 12 и разоблачает буржуазно-реформистский характер этой секции. На вечернем заседании Энгельс, в связи с обсуждением предложения альянсистских делегатов об изменении принципа голосования, решительно возражает против учета при голосовании численности организаций, пославших делегатов.

5 сентября Маркс на утреннем заседании конгресса участвует в обсуждении вопроса о создании комиссии по расследованию деятельности тайного Альянса социалистической демократии.

Маркс читает на немецком языке отчет Генерального Совета; отчет утверждается единогласно и публикуется в сентябре — октябре в органах Интернационала разных стран.

6 сентября Маркс и Энгельс на дневном заседании участвуют в обсуждении Общего Устава. Маркс выступает с речью о необходимости расширения полномочий Генерального Совета. Маркс и Энгельс голосуют за предложение о включении в Устав резолюции Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса. Энгельс выступает с речью, обосновывающей его и Маркса предложение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк; предложение принимается конгрессом. В своих выступлениях на заседании комиссии по расследованию деятельности Альянса социалистической демократии Маркс и Энгельс разоблачают происки бакунистов в Испании и других странах.

7 сентября Энгельс докладывает на вечернем заседании конгресса о состоянии финансовых дел Генерального Совета; отчет утверждается единогласно. Маркс и Энгельс избираются в комиссию для редактирования и публикации протоколов конгресса. На закрытом заседании конгресса Маркс и Энгельс участвуют в обсуждении доклада комиссии по расследованию деятельности Альянса и голосуют за исключение лидеров анархистов Бакунина и Дж. Гильома.

8 сентября Маркс и Энгельс вместе с большинством делегатов Гаагского конгресса принимают участие в митинге, созванном в Амстердаме местной секцией Интернационала. Маркс выступает с речью об итогах Гаагского конгресса, в которой раскрывает значение для рабочего движения резолюции о политическом действии рабочего класса, включенной конгрессом в Общий Устав Интернационала. Речь публикуется в «Liberté» 15 сентября и в «Volksstaat» 2 октября.

Около 10 сентября	Маркс встречается с Куно, уезжающим в Америку, и беседует с ним относительно организации секций Интернационала в Соединенных Штатах.
Около 12 сентября	Энгельс возвращается из Голландии в Лондон; встречается с Зорге перед отъездом его в Америку.
12 сентября	Маркс пишет открытое письмо редактору газеты «Le Corsaire» («Корсар»), опровергающее клеветнические измышления реакционной прессы об Интернационале. Письмо публикуется в «Corsaire» 15 сентября и в «Emancipacion» 21 сентября.
Приблизительно 17 сентября	Маркс возвращается из Голландии в Лондон.
17 сентября	Выходит в свет первая серия (5 выпусков) французского издания I тома «Капитала». В первый же день продано 234 экземпляра.
Вторая половина сентября — декабрь	Маркс и Энгельс в письмах к членам Интернационала различных стран разъясняют значение решений Гаагского конгресса, призывающих рабочий класс к образованию самостоятельных политических партий.
21 сентября	Энгельс посылает Зорге текст решений Гаагского конгресса, а также адреса для переписки с организациями Интернационала.
Конец сентября — середина октября	Маркс посылает членам Интернационала и своим корреспондентам вышедшие в свет выпуски I тома «Капитала» на французском языке. Маркс и Энгельс редактируют и готовят к печати резолюции Гаагского конгресса; резолюции публикуются отдельной брошюрой в конце октября и в «International Herald» 14 декабря. Энгельс, получив от Португальского федерального совета информацию о забастовках в Лиссабоне, обращается к Британскому федеральному совету и ряду английских тред-юнионов с предложением оказать немедленное противодействие ввозу в Лиссабон штрейкбрехеров из Англии.
Октябрь	Энгельс пишет статью «Об авторитете» и отсылает ее Биньями.
Октябрь—ноябрь	Энгельс руководит борьбой членов Британского федерального совета и членов манчестерских секций против реформистского руководства Британского совета, выступившего против решений Гаагского конгресса.

Октябрь 1872— август 1873	Маркс и Энгельс систематически переписываются с секретарем Генерального Совета в Нью-Йорке Зорге, информируют его о деятельности федераций и секций Интернационала в европейских странах, оказывают помощь в решении важнейших вопросов; продолжают вести переписку с деятелями Интернационала Испании, Италии, Германии и других стран, разъясняя решения Генерального Совета и Гаагского конгресса.
1 и 5 октября	Энгельс посылает Биньями статьи об итогах Гаагского конгресса. Статьи под заглавием «Конгресс в Гааге» и «Еще о Гаагском конгрессе» публикуются в «Plebe» 5 и 8 октября.
Начало октября	Энгельс пишет для газеты «Emancipacion» статью «Императивные мандаты на Гаагском конгрессе», разоблачающую дезорганизаторское поведение членов Альянса на конгрессе. Статья публикуется 13 октября.
5 октября	Энгельс встречается с ирландскими деятелями Интернационала Мак-Доннелом и Де Морганом, беседует по вопросам, связанным с положением ирландских секций; посылает отчет о Гаагском конгрессе делегировавшей его нью-йоркской секции № 6.
Вторая половина октября	Энгельс получает от Куно письмо и копию протокольной записи заседаний Гаагского конгресса.
26 октября	В испанской газете «Emancipacion» под общим названием ««Капитал» Маркса» публикуется предисловие Маркса к первому немецкому изданию I тома «Капитала» и его письмо к Лашатру от 18 марта. В этом же номере печатается извещение о поступлении в продажу очередных выпусков французского издания I тома «Капитала».
31 октября	Энгельс пишет отчет Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих о положении Интернационала в Испании и посылает его Зорге 2 ноября.
Ноябрь—декабрь	Маркс ведет корректуру французского перевода I тома «Капитала». По просьбе Биньями Маркс пишет статью «Политический индифферентизм», в которой, разоблачая перед итальянскими рабочими смысл анархистской доктрины воздержания от политической борьбы, обосновывает историческую закономерность установления диктатуры пролетариата. Статья публикуется в социалистическом журнале «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874» («Республиканский альманах на 1874 г.») в декабре 1873 года.
2 ноября	Энгельс сообщает Зорге об образовании новых итальянских секций Интернационала в Лоди и Аквиле и пересылает ему адреса для связи с Испанией, Италией и Португалией.

3 и 17 ноября	Энгельс получает предложение Манчестерской иностранной секции взять на себя ее представительство в Британском федеральном совете.
7—*13 ноября*	Энгельс пишет письма секциям Интернационала в Аквиле и Лоди. Письмо к секции в Лоди публикуется в «Plebe» 17 ноября.
14 ноября	Энгельс пишет для газеты «Plebe» статью о митинге ирландских членов Интернационала в Гайд-парке, созванном в связи с требованием освобождения заключенных фениев; Энгельс отмечает участие в митинге английских рабочих и расценивает его как результат борьбы Генерального Совета за утверждение принципов пролетарского интернационализма. Статья публикуется 17 ноября.
Около 15 ноября	Энгельс получает извещение от Биньями о том, что он включен в список авторов предполагаемого издания «Социалистической библиотеки». Замысел остался неосуществленным.
Между 15 и 18 ноября	Маркс гостит у Женни и Шарля Лонге в Оксфорде. где работает над корректурой французского перевода I тома «Капитала».
Около 16 ноября	Энгельс пересылает ряду федеральных советов и секций циркуляр Генерального Совета о том, что Генеральный Совет в Нью-Йорке приступил к своим обязанностям; редактирует английский вариант циркуляра и отсылает его для публикации в «International Herald».
16 ноября	Энгельс в письме к Зорге рекомендует Генеральному Совету принять решение о том, что Юрская федерация сама поставила себя вне Интернационала, отказавшись признать решения Гаагского конгресса, Устав и Регламент Интернационала. Это предложение Энгельса учитывается Генеральным Советом в резолюции от 26 января 1873 г., которая публикуется в прессе Интернационала.
25 ноября	Маркс просит Даниельсона прислать надежный адрес для дальнейшей переписки с ним.
Декабрь	Маркс и Энгельс получают от членов Британского федерального совета подробную информацию о расколе в Британском федеральном совете, осуществленном реформистами, отказавшимися признать решения Гаагского конгресса.
Около 5 декабря	Маркс получает от голландского социалиста Бруно Либерса подробную информацию о съезде Голландской федерации Интернационала, отказавшемся поддержать анархистов.

7 декабря Энгельс подробно информирует Зорге о положении Интернационала в Голландии, Испании, Франции и Англии.

11 декабря Энгельс пишет для «Plebe» статью о положении в отдельных федерациях Интернационала. Статья под заголовком «Письма из Лондона» публикуется в газете 14 декабря.

12 декабря Маркс, получив от Даниельсона сведения о неудачном побеге из ссылки Лопатина, сообщает о своем намерении помочь его освобождению; просит прислать рецензии на русское издание I тома «Капитала», а также сведения о жизни и деятельности Чернышевского в связи с намерением выступить о нем в печати. В этом же письме Маркс высказывает свое намерение специально заняться изучением русских материалов об аграрных отношениях в России для более полной разработки теории земельной ренты.

14 декабря Энгельс высылает Зорге номер газеты «International Herald» от 14 декабря с опубликованными в нем резолюциями Гаагского конгресса и сообщает об аресте Биньями и конфискации полицией номера «Plebe», в котором были помещены материалы Генерального Совета.

20 декабря Маркс встречается с членами Британского федерального совета и составляет по их просьбе текст обращения к секциям, отделениям, присоединившимся обществам и членам Британской федерации, в котором разоблачается фактический сговор реформистов, вышедших из Британского совета, с членами Альянса социалистической демократии. Обращение публикуется в виде листовки 31 декабря.

Энгельс по просьбе членов Манчестерской иностранной секции составляет текст ответа секции на циркуляр отколовшейся группы реформистов; в ответе подчеркивается, что, отказавшись подчиниться решениям Гаагского конгресса, раскольники поставили себя вне рядов Интернационала. Ответ публикуется в виде листовки 23 декабря.

21 декабря В газете «International Herald» публикуется письмо Маркса и Энгельса, разоблачающее клевету Хейлза на прежний Генеральный Совет и его руководителей.

30 декабря Генеральный Совет назначает Маркса хранителем архива прежнего Совета, в том числе и его протоколов.

1873

Январь — середина февраля Энгельс пишет сообщения о деятельности Интернационала на континенте, которые публикуются в отчетах о заседаниях Британского федерального совета в «International Herald» 11 января, 1, 8 и 15 февраля;

руководит сбором средств для семей арестованных в Лоди членов редакции газеты «Plebe», ведет по этому поводу переписку с организациями Интернационала в Испании и Австрии, с Комитетом немецкой Социал-демократической рабочей партии и Генеральным Советом, организует посылку денег из Англии.

Январь — май Энгельс руководит деятельностью членов Британского федерального совета, получает от них информацию о положении в английских секциях, помогает в составлении документов и корреспонденций в газеты, знакомит их с положением Интернационала в отдельных странах; продолжает переписываться с Меса, пересылает ему документы Генерального Совета, оказывает денежную помощь газете «Emancipacion».

Начало января Энгельс в связи с принятием закона о новой административной реформе в Пруссии пишет статью, в которой анализируется расстановка классовых сил в Германии. Статья под названием ««Кризис» в Пруссии» публикуется в «Volksstaat» 15 января.

2 января В связи с появлением в «Times» клеветнической заметки, Маркс пишет редактору газеты открытое письмо, которое публикуется 3 января.

4 января Энгельс в письме подробно информирует Зорге о расколе в Британском федеральном совете, посылает ему обращение совета ко всем членам Британской федерации, а также сообщает о положении Интернационала в Бельгии, Португалии, Дании, Франции и Италии.

5 января Генеральный Совет утверждает Энгельса своим уполномоченным для Италии, предоставляя ему право решать спорные вопросы и временно исключать из Интернационала до рассмотрения Советом отдельных членов и секций; соответствующий мандат и инструкция, полученные Энгельсом, публикуются 10 мая в «Plebe».

Около 22 января Энгельс получает из Германии информацию о победе на дополнительных выборах в рейхстаг Бебеля, находящегося в тюрьме, и об увеличении числа подписчиков на газету «Volksstaat».

Около 23 января Энгельс пишет Британскому федеральному совету письмо с просьбой организовать помощь бастующим женевским часовщикам; письмо зачитывается на заседании совета 23 января.

24 января Маркс пишет послесловие ко второму немецкому изданию I тома «Капитала».

Около 25 января Маркс пишет ответ на новый циркуляр отколовшихся от Британского федерального совета реформистов, в котором разоблачает их попытки исказить решения

Гаагского конгресса. Ответ публикуется в «International Herald» 25 января в разделе официальных извещений Британского совета.

Февраль Маркс читает полученные от Даниельсона сатиры Салтыкова-Щедрина: «Дневник провинциала в Петербурге» и «Господа ташкентцы».

Приблизительно февраль — март Маркс читает книгу А. А. Головачева «Десять лет реформ, 1861—1871» и приступает к изучению пятитомной работы А. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II».

Февраль — июнь В связи с активизацией лассальянских элементов в руководстве немецкой Социал-демократической рабочей партии и редакции «Volksstaat», Энгельс в письмах к Либкнехту и Гепнеру резко критикует примиренческую позицию некоторых членов редакции и самого Либкнехта по отношению к лассальянцам, а также к бакунистам; предупреждает, что продолжение такой политики приведет к разрыву его и Маркса с газетой.

Первая половина февраля Энгельс по просьбе Де Моргана переводит на английский язык письмо Дж. Гарибальди к Моргану о борьбе республиканцев против клерикализма и монархии. Письмо публикуется в «International Herald» 15 февраля.

12 февраля Маркс в письме к члену Генерального Совета Ф. Больте отмечает, что великий результат Гаагского конгресса заключался в очищении Интернационала от «гнилых элементов»; в этом письме Маркс обосновывает необходимость принять решение, констатирующее, что федерации и секции, отказавшиеся признать решения Гаагского конгресса тем самым нарушили Устав Интернационала и поставили себя вне его рядов.

23—25 февраля В письме к Меса Энгельс излагает свои взгляды на характер происходящей в Испании революции, определяет тактику в ней пролетариата и его конкретные требования; отмечает в качестве важнейшей задачи испанского рабочего класса создание самостоятельной политической партии.

Март Энгельс вторично посылает Биньями статью «Об авторитете», текст которой был утерян во время ареста последнего. Статья публикуется в «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874» в декабре 1873 года.

Март — апрель Маркс ведет письменные переговоры с Биньями о переводе I тома «Капитала» на итальянский язык и издании его в Италии; в связи с правительственными преследованиями замысел остается не осуществленным.

1 и 22 марта, 12 апреля	В испанской газете «Emancipacion» публикуется раздел из I тома «Капитала» Маркса о превращении денег в капитал.
11 марта	Энгельс в письме к жене Либкнехта справляется об условиях тюремного заключения Либкнехта и Бебеля и о возможности улучшения их положения.
Около 20 марта	Маркс вместе с дочерью Элеонорой несколько дней отдыхает в Брайтоне.
20 марта	Энгельс в письме к Зорге рекомендует применить резолюцию Генерального Совета от 26 января, констатирующую выход из Интернационала федераций, не признающих решений Гаагского конгресса, к соответствующим организациям Испании, Бельгии, Англии и Юрской федерации. Такое решение принимается Генеральным Советом 30 мая и публикуется в органах Интернационала.
22 марта	Маркс в письме к Даниельсону просит сообщить ему о взглядах историка русского права Б. Н. Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и ввести его в курс полемики по этому вопросу между Чичериным и историком-славянофилом И. Д. Беляевым.
24 марта	Маркс и Энгельс по приглашению Британского федерального совета присутствуют на собрании лондонских членов Интернационала и коммунаров-эмигрантов, посвященном второй годовщине Парижской Коммуны; собрание принимает декларацию, составленную из отдельных разделов работы Маркса «Гражданская война во Франции».
Конец марта	Маркс продолжает редактировать французский перевод I тома «Капитала», консультируется по отдельным вопросам перевода с Лафаргом.
Апрель	Маркс, изучая аграрные отношения в России, читает статьи, опубликованные по этому вопросу в журнале «Современник», в частности, статью Чернышевского «Труден ли выкуп земли?» и рецензию А. Северцева на работу Чичерина «Сельская община в России».
Апрель — июль	По поручению Гаагского конгресса Маркс и Энгельс работают над брошюрой о тайной деятельности бакунистов внутри Интернационала, в которой подводится итог пятилетней борьбы Генерального Совета против бакунинской организации — Альянса социалистической демократии. Брошюра под названием «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» выходит в свет на французском языке в конце августа и рассылается всем организациям и отдельным членам Интернационала.

Начало апреля	В ответ на свою просьбу, Маркс получает от Даниельсона краткие биографические сведения о Чернышевском.
5 апреля	Маркс отсылает Мейснеру последние листы корректуры второго немецкого издания I тома «Капитала».
Приблизительно 12 апреля — 24 мая	Энгельс по просьбе редакции «International Herald» посылает заметки о рабочем движении в различных странах, материал которых публикуется в газете в разделе «Новости профессионального движения» 12 и 26 апреля, 3 и 24 мая.
Вторая половина апреля — май	Энгельс оказывает постоянную помощь секретарю Британского федерального совета С. Викери и другим членам совета в связи с подготовкой ко второму съезду Британской федерации, созываемому в Манчестере; просматривает проекты резолюций, списки секций, посылающих делегатов, и другие документы. Энгельс работает над подготовкой к публикации на французском языке протоколов Гаагского конгресса. Работа остается незавершенной.
15 апреля	Энгельс сообщает Генеральному Совету о состоянии прессы Интернационала в Испании, Португалии и Англии.
Конец апреля	Энгельс пишет письмо Гепнеру, в котором разоблачает клеветнический характер статей об Интернационале, появившихся в лассальянской газете «Neuer Social-Demokrat» («Новый социал-демократ»). Основная часть письма публикуется в «Volksstaat» 7 мая.
Май — июнь	Несмотря на резкое ухудшение своего здоровья, Маркс продолжает готовить французское издание I тома «Капитала», фактически заново делает часть перевода.
Начало мая	Маркс обсуждает с членами Британского федерального совета Дюпоном и Серрайе повестку второго съезда Британской федерации.
2 мая	Энгельс пишет для «Volksstaat» статью «Интернационал и «Neuer»», в которой опровергает клеветнические обвинения, выдвигаемые «Neuer Social-Demokrat» против Генерального Совета. Статья публикуется в «Volksstaat» 10 мая.
22 мая — около 3 июня	Маркс находится в Манчестере для консультации с доктором Гумпертом; встречается со своими друзьями С. Муром и К. Шорлеммером, навещает в Саутпорте бывшего члена Союза коммунистов Э. Дронке.
Конец мая	Маркс и Энгельс в письмах друг к другу обсуждают вопрос об усилении реакции во Франции и активизации бонапартистских элементов.

Маркс в ответ на свою просьбу получает от Даниельсона обширную сводку материалов по вопросу о развитии общинного землевладения в России и библиографические сведения.

20 мая В письме к Марксу Энгельс излагает замысел своего произведения «Диалектика природы», в котором он намеревается дать диалектико-материалистическое обобщение достижений теоретического естествознания и подвергнуть критике метафизические и идеалистические взгляды в области естественных наук. Энгельс приступает к сбору материала и в течение года пишет ряд фрагментов будущего труда.

Начало июня Выходит в свет в Гамбурге второе немецкое издание I тома «Капитала».

Между 10 и 14 июня По поручению Генерального Совета Энгельс переводит на английский и французский языки и посылает федеральным советам Англии, Испании и Португалии и в Италию в «Plebe» заявление Совета от 23 мая, разоблачающее клевету анархистов на Интернационал.

19—20 июня Энгельс пишет для «Volksstaat» статью «В Интернационале», в которой характеризует положение дел в секциях Интернационала различных стран; статья публикуется 2 июля.

20 июня Энгельс в письме к Бебелю намечает основные направления тактики немецкой Социал-демократической рабочей партии в борьбе за широкие рабочие массы, критикует примиренческую позицию отдельных руководителей партии по отношению к лассальянцам и предостерегает от погони за немедленным успехом в вопросах объединения с Всеобщим германским рабочим союзом; отмечает значение Гаагского конгресса, очистившего Интернационал от анархистских сектантов.

Июль Маркс, несмотря на запрещение врачей, продолжает работать в читальном зале Британского музея.

Энгельс помогает французскому члену Интернационала Лароку, бежавшему от преследований во Франции в Испанию, установить связи с испанскими членами Интернационала; получает от него информацию о положении в Испании и о рабочем движении в Бордо.

Июль — октябрь Маркс изучает историю общинного землевладения в России, читает книги В. И. Сергеевича «Вече и князь», Ф. Скалдина «В захолустье и столице», К. А. Неволина «История российских гражданских законов», Н. Калачева «Артели в древней и нынешней России» и другие.

25—26 июля Энгельс в телеграмме и письме к Зорге выражает свое согласие с кандидатурой Серрайе в качестве представи-

теля Генерального Совета на очередной конгресс Интернационала в Женеве и просит выслать инструкции и материалы для предварительного ознакомления с ними.

Начало августа — начало сентября Энгельс лечится в Рамсгейте, на один день приезжает в Лондон для организации рассылки вышедшей в свет работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих».

12 августа Маркс посылает Даниельсону последний выпуск второго немецкого издания I тома «Капитала».

Конец августа Маркс получает от Даниельсона письмо, в котором выражается сожаление о том, что он не смог прислать исчерпывающих биографических сведений о Чернышевском; сообщается также мнение друзей последнего, считающих несвоевременным выступление Маркса о Чернышевском в печати.

Конец августа— начало сентября Маркс и Энгельс в письмах друг к другу обсуждают целесообразность участия в Женевском конгрессе; считая невозможным проведение в данных условиях полномочного конгресса Интернационала, они убеждают Серрайе и Гепнера отказаться от поездки в Женеву. Энгельс составляет текст письма Серрайе «Гражданам делегатам VI конгресса Международного Товарищества Рабочих», в котором объясняются причины его отказа от участия в конгрессе.

Сентябрь — октябрь Энгельс пишет статью «Бакунисты за работой», в которой, на примере деятельности бакунистов во время восстания в Испании летом 1873 г., вскрывает несостоятельность анархистских принципов и тактики. Статья публикуется в «Volksstaat» 31 октября, 2 и 5 ноября и в конце декабря 1873 г. выходит в свет отдельной брошюрой.

Первая половина сентября Энгельс составляет для «Volksstaat» краткое изложение на немецком языке работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», которое публикуется в газете под заглавием «Калиостро Бакунин» 19, 21, 24 и 26 сентября.

Между 25 и 30 сентября Маркс посылает Ч. Дарвину и Г. Спенсеру второе немецкое издание I тома «Капитала».

27 сентября Маркс в письме к Зорге анализирует сложившееся в Интернационале положение и высказывает убеждение, что Интернационал как организационная форма рабочего движения исторически себя изжил; просит прислать вырезки из американских газет об экономическом кризисе в США.

Приблизительно октябрь 1873 — февраль 1874	В связи с задуманной работой по истории Германии, Энгельс уделяет много времени изучению экономических и статистических материалов, читает книги по статистике сельского хозяйства, о торговле и административном устройстве Пруссии и Германии. Одновременно Энгельс составляет подробный конспект книги Г. Гюлиха «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия» и Х. Лангеталя «История сельского хозяйства в Германии». В это же время Энгельс пишет наброски к своей будущей работе, известные под названием «Заметки о Германии»; раскрывает в них причины экономической отсталости Германии и дает яркую характеристику господствующих в стране реакции, шовинизму и пруссачеству.
1 октября	Маркс получает письмо от Дарвина с выражением благодарности за присланный экземпляр I тома «Капитала».
Приблизительно 28 октября — 20 ноября	Энгельс в связи со смертью матери находится в Энгельскирхене (Германия).
Ноябрь	Маркс, а после своего возвращения из Германии и Энгельс встречаются с находящимся в Лондоне Утиным, который сообщает им новые факты о деятельности Бакунина.
Около 15 ноября	Маркс приносит в дар библиотеке Британского музея несколько очередных выпусков французского издания I тома «Капитала».
24 ноября — 15 декабря	Маркс вместе со своей дочерью Элеонорой находится для лечения в Харогейте; на один день едет в Манчестер для консультации с доктором Гумпертом, который запрещает ему временно вести всякую работу.
Между 25 и 28 ноября	Энгельс встречается с Лопатиным, прибывшим в Лондон из Парижа на несколько дней специально для встречи с Марксом.
Конец ноября	Энгельс работает над улучшением немецкого перевода работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», присланного ему издательством «Volksstaat»; немецкое издание под заглавием «Заговор против Интернационала» выходит в свет в Брауншвейге в 1874 году.
Конец ноября — начало декабря	Энгельс читает рукопись французского перевода I тома «Капитала» Маркса.
Начало декабря	Маркс читает работу бельгийского социалиста С. Де Папа «Размышления и исследования о социальной проблеме в XIX веке» и в письме к Энгельсу делает критические замечания по поводу этой работы.

В письмах друг к другу Маркс и Энгельс обмениваются мнениями по поводу книги Р. Бенедикса о Шекспире.

Около 24 декабря — Маркс сообщает Лашатру о своем намерении ускорить работу над французским переводом I тома «Капитала».

Около 28 декабря — Маркс в ответ на свой запрос получает через Кугельмана извещение о том, что его возвращение в Германию возможно только при условии отказа от революционной деятельности.

1874

1874 — начало 1875 — Энгельс продолжает работать над «Диалектикой природы». За это время он пишет более полусотни заметок и фрагментов.

Маркс читает и конспектирует книгу Бакунина «Государственность и анархия», делает ряд собственных замечаний, в которых обосновывает положения об исторической неизбежности диктатуры пролетариата и о союзе рабочего класса с крестьянством как необходимом условии победы социалистической революции.

Январь — апрель — Маркс подбирает и изучает материалы для завершения работы над последующими томами «Капитала»; исследует проблемы земельной собственности, сопоставляя данные античных авторов с новейшими исследованиями по этому вопросу.

27 января — Энгельс в письме к Либкнехту характеризует результаты выборов в рейхстаг в Германии 10 января 1874 года как большой успех германских рабочих, выступавших на выборах в качестве самостоятельной партии; информирует Либкнехта о своем намерении написать книгу по истории Германии. Это намерение остается неосуществленным.

Конец января — Энгельс вносит деньги в избирательный фонд немецкой Социал-демократической рабочей партии, организованный лондонским Коммунистическим просветительным обществом немецких рабочих.

Февраль — начало марта — В связи с изучением аграрного вопроса для дальнейшей работы над томами «Капитала» Маркс занимается физиологией растений и теорией искусственного удобрения почвы и читает книги И. Ау «Учение Либиха об истощении почвы и экономические теории народонаселения» и другие исследования по агрохимии.

Февраль — середина апреля — Здоровье Маркса вновь ухудшается.

21—22 февраля	Энгельс пишет статью «Английские выборы», в которой характеризует соотношение политических сил в Англии и вскрывает социальные корни оппортунизма в английском рабочем движении. Статья публикуется в качестве передовой 4 марта в газете «Volksstaat».
Конец февраля — начало марта	Энгельс пишет статью «Имперский военный закон», в которой разоблачает милитаризм правительства Бисмарка, ведущего подготовку превентивной войны против Франции. Статья, состоящая из двух разделов, публикуется в «Volksstaat» 8 и 11 марта.
Март	Маркса посещает русский народник П. Л. Лавров, редактор журнала «Вперед!», незадолго перед этим переехавший из Цюриха в Лондон для продолжения издания журнала.
Март — апрель	Маркс и Энгельс регулярно встречаются с Лопатиным; Маркс передает предназначенные ему письма Даниельсона и получает от него статью Н. Зибера «Экономическая теория Маркса», напечатанную в журнале «Знание» № 1 за 1874 год.
13 марта	Энгельс пишет статью «Неразговорчивый штабной крикун Мольтке и его недавний лейпцигский корреспондент», в которой продолжает критику немецкого милитаризма и его представителей; статья публикуется в «Volksstaat» 25 марта.
Середина апреля — 5 мая	Маркс лечится в Рамсгейте.
4—5 мая	Энгельс по просьбе В. Врублевского читает написанное им и польским революционером Я. Крынским «Обращение польских эмигрантов к английскому народу».
Между 5 и 12 мая	После перерыва, вызванного болезнью, Маркс возобновляет работу над французским переводом I тома «Капитала» и 12 мая отсылает готовую часть текста в Париж.
Приблизительно середина мая 1874 — середина апреля 1875	Энгельс работает над серией из пяти статей под названием «Эмигрантская литература», в которых рассматриваются новые тенденции в развитии европейского демократического и пролетарского движения. В первой статье «Польская прокламация» Энгельс показывает, что решение социального и национального вопроса для Польши возможно лить революционным путем, и еще раз подчеркивает значение принципов пролетарского интернационализма. Статья публикуется в «Volksstaat» 17 июня 1874 года.
Вторая половина мая — середина июля	Маркс работает над тремя последними выпусками французского издания I тома «Капитала».

Июнь Энгельс пишет вторую статью из серии «Эмигрантская литература» — «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны». Статья публикуется в «Volksstaat» 26 июня. Энгельс в письме к Бракке высказывает ряд замечаний о программе немецкой Социал-демократической рабочей партии в связи с работой комиссии, избранной на съезде в 1873 г. для пересмотра этой программы.

Июнь — июль Маркс и Энгельс в письмах к Либкнехту, В. Блосу и Гепнеру предостерегают их против угрозы влияния мелкобуржуазного публициста Е. Дюринга на германскую социал-демократию и высказывают резко отрицательное суждение о его книге «Критическая история политической экономии и социализма».

Около 15 июня Энгельс получает от Либкнехта информацию о преследовании германским правительством редакторов газеты «Volksstaat».

24 июня Энгельс, отвечая на письмо немецкого члена Интернационала А. Вегмана, эмигрировавшего в Рио-де-Жанейро, информирует его о положении дел в Товариществе.

1 июля В связи с подготовкой к печати третьего издания книги «Крестьянская война в Германии», Энгельс пишет добавление к предисловию, написанному им для второго издания этой работы в 1870 году; в этом добавлении, рассматривая авангардную роль рабочего класса Германии в международном рабочем движении, он указывает на необходимость сочетания трех форм классовой борьбы пролетариата: теоретической, политической и экономической и отмечает в качестве неотложной обязанности руководства Социал-демократической рабочей партии овладение революционной теорией и распространение ее в массах.

Вторая половина Маркс отдыхает в Райде. В письмах друг к другу *июля* Маркс и Энгельс обсуждают вопросы международного и внутриполитического положения в Германии, Англии, Франции и Италии.

Приблизительно конец июля — сентябрь Энгельс пишет третью статью из серии «Эмигрантская литература», в которой подвергает критике примиренческую позицию редактора журнала «Вперед!» Лаврова по отношению к бакунистам. Статья публикуется в «Volksstaat» 6 и 8 октября.

Около 28 июля Энгельс получает от Либкнехта информацию об успешной работе съезда немецкой Социал-демократической рабочей партии, происходившего 18—21 июля 1874 г. в Кобурге.

Начало августа Маркс предпринимает попытку принять английское подданство и обращается с соответствующим заявле-

	нием в министерство внутренних дел; ходатайство отклоняется под предлогом нелояльности Маркса к прусскому монарху.
4 августа	Маркс в письме к Зорге характеризует обстановку, в которой развивается рабочее движение различных стран Европы.
6—7 августа	Маркс в сопровождении своей дочери Женни навещает Энгельса в Истборне.
Середина августа	Энгельс получает от Зорге письмо с сообщением о его выходе из состава Генерального Совета.
15 августа	По предписанию врачей Маркс вместе со своей дочерью Элеонорой уезжает из Лондона в Карлсбад.
Приблизительно 15—20 августа	Энгельс одобряет предложение Блоса о целесообразности издания в Кёльне рабочей ежедневной газеты под названием «Neue Rheinische Zeitung»; замысел Блоса остался неосуществленным.
19 августа — 21 сентября	Маркс лечится в Карлсбаде; часто встречается с семьей Кугельмана.
5 сентября	Энгельс возвращается в Лондон после отдыха на острове Джерси.
12—17 сентября	Энгельс в письме к Зорге раскрывает историческое значение Первого Интернационала и высказывает уверенность в неизбежности возникновения в будущем коммунистической международной пролетарской организации, опирающейся на принципы марксизма.
Между 22 сентября — началом октября	На обратном пути из Карлсбада Маркс останавливается в Дрездене, Лейпциге, Берлине и Гамбурге; в Лейпциге встречается с Либкнехтом и только что вышедшим из тюрьмы Блосом, а также представителями лейпцигской партийной организации и беседует с ними о положении в партии и о необходимости борьбы с лассальянством.
Около 3 октября	Маркс возвращается в Лондон.
Около 20 октября	Энгельс, в ответ на просьбу Лопатина, находящегося в Париже, посылает ему третью статью из серии «Эмигрантская литература», которую Лопатин тотчас же переправляет товарищам по революционной борьбе в Петербург.
Между 20 и 30 октября	Маркс и Энгельс получают от Либкнехта и одного из руководителей редакции «Volksstaat» Г. Рамма сообщение о предложении Всеобщего германского рабочего союза об объединении с Социал-демократической рабочей партией; в письме к Марксу Либкнехт отмечает, что это предложение было встречено с большой настороженностью.

28 октября — Работа Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе *18 декабря* коммунистов» впервые публикуется в Германии с указанием автора в газете «Volksstaat».

Конец 1874 Маркс читает работу Чернышевского «Кавеньяк» и снова тщательно изучает «Письма без адреса», вышедшие в Цюрихе в 1874 году.

1875

8 января Маркс пишет послесловие ко второму изданию книги «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», которое публикуется в «Volksstaat» 27 января; книга выходит отдельным изданием в 1875 году.

23 января Маркс и Энгельс выступают на собрании, посвященном годовщине польского восстания 1863—1864 годов; их речи в записи Энгельса публикуются в виде статьи под названием «За Польшу» в «Volksstaat» 24 марта.

Конец января Маркс заканчивает работу над тремя последними выпусками французского перевода I тома «Капитала» и отправляет их в Париж.

Начало февраля Маркс читает полученные от Лаврова издания русской эмигрантской литературы и в письме к нему особо отмечает, как наиболее интересный материал, раздел журнала «Вперед!» — «Что делается на родине», и, в частности, заметку Лопатина «Из Иркутска» о религиозных сектах в России как одной из форм протеста народных масс против царского самодержавия.

Февраль — начало марта Маркс читает брошюру русского народника П. Ткачева «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» и посылает ее Энгельсу со своим отзывом, рекомендуя ответить. В качестве ответа Энгельс пишет четвертую и пятую статьи из серии «Эмигрантская литература», в которых рассматривает общественные отношения в России и развитие капитализма в пореформенный период и подвергает резкой критике взгляды народников по этим вопросам. Статьи публикуются в «Volksstaat» 28 марта, 2, 16, 18 и 21 апреля. Пятая статья с написанным специально к ней Энгельсом введением выходит в свет отдельным изданием под названием «О социальном вопросе в России» в Лейпциге в 1875 году.

Февраль — апрель Энгельс внимательно следит за обострением франко-германских отношений и пишет статью «Официозный вой о войне», в которой разоблачает агрессивный курс правительства Бисмарка во время военной тревоги 1875 года; статья публикуется в «Volksstaat» 23 апреля.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Е

Ж

З

И

К

Л

П

Р

С

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Антоний — христианский святой, согласно преданию, отшельник в Нубийской пустыне. — 365.

Ахат — герой «Энеиды» Вергилия, верный спутник Энея; его имя стало синонимом преданного друга. — 64, 349.

Ахилл или *Ахиллес* — в древнегреческой мифологии храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою; один из главных героев «Илиады» Гомера. — 523, 531.

Гамлет — главный герой одноименной трагедии Шекспира. — 512.

Гаргантюа — герой романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». — 365.

Даниил — библейский пророк. — 433.

Джон Буль (Джон Бык) — нарицательное имя для представителей английской буржуазии; получило широкое распространение со времени появления в 1712 г. политической сатиры писателя-просветителя Арбетнота «История Джона Буля». — 475.

Догбери (в русских переводах Клюква) — персонаж комедии Шекспира «Много шума из ничего», олицетворение чиновного чванства, невежества и глупости. — 64.

Дон-Кихот — главный герой одноименного романа Сервантеса. — 127, 571.

Дядюшка Бресиг — герой юмористических рассказов Рейтера. — 272.

Карл Моор — главное действующее лицо драмы Шиллера «Разбойники». — 395, 419.

Карлуша Мисник — образ недоучки и маменькиного сынка, созданный немецким юмористом Давидом Калишем. — 522, 527, 531, 533.

Левиафан — согласно библейскому преданию, огромное морское чудовище. — 28.

Магомет — полулегендарный основатель ислама. — 31, 430.

Мария Магдалина — согласно библейскому преданию, раскаявшаяся грешница. — 315.

Мёрос — персонаж из стихотворения Шиллера «Порука». — 512.

Монте-Кристо — главный герой одноименного романа А. Дюма.— 419.

Немезида — в древнегреческой мифологии богиня возмездия. — 525.

Петр — согласно библейскому преданию, один из христианских апостолов, трижды отрекшийся от своего учителя. — 368.

Робер Макер — тип ловкого дельца-пройдохи, созданный знаменитым французским актером Фредериком Леметром и увековеченный в карикатурах Оноре Домье. — 419.

Родольф — герой романа Э. Сю «Парижские тайны». — 419.

Фальстаф — персонаж ряда произведений Шекспира («Веселые виндзорские кумушки», «Король Генрих IV»), хвастливый трус, балагур и пьяница. — 343, 464.

Эккарт — герой немецких средневековых сказании, образ преданного человека, надежного стража. — 524.

Эмоновы сыновья — герои поэмы раннего средневековья «Четыре сына Эмона или Рено до Монтобан», четыре брата Аэлар, Ришар, Гишар и Рено. — 382.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
В. Э. Куниной (руководитель бригады),
Н. Ю. Колпинским, М. Л. Острецовой
Помощник подготовителей
В. С. Крюкова
В работе над текстом принимал
участие *Е. Н. Соколов*
В работе над справочным аппаратом
принимала участие *З. В. Зиновьева*
Редактор *И. А. Бах*

Технический редактор *Ц.. Л. Бейлина*
Корректоры *Г.* А. *Карликова*
и *Н. Д. Черединцева*
*

*Сдано в набор 20/VIII 1960 г. Подписано
к печати 13/II 1961 г. Формат 60X92* $^{1}/_{16}$.
*Физ. печ. л. 52,5. У словн. печ. л. 52,5.
Уч.-изд. л. 46,87. Тираж 130 тыс. экз.
Заказ № 1201. Цена 1 руб.*

*

*Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.*
*

*Ленинградский совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.*

*Типография № 1 «Печатный Двор» имени
А. М. Горького,
Ленинград, Гатчинская, 26.*